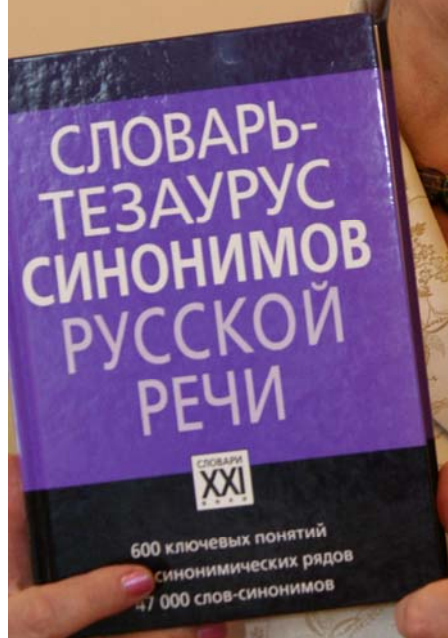

Р Н I
L O L
O G Y

Новая Россия:
традиции и инновации
в языке и науке о языке

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Институт гуманитарных наук и искусств

**Новая Россия:
традиции и инновации
в языке и науке о языке**

*Материалы докладов и сообщений
Международной научной конференции,
посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ,
доктора филологических наук, профессора
Л. Г. Бабенко*

*28–30 сентября 2016 г.
г. Екатеринбург, Россия*

Москва—Екатеринбург
Кабинетный ученый
2016

ББК Ш141.12е(2)ЛО
Н725

Редакционная коллегия:
канд. филол. наук, доц. *Т. М. Воронина*,
канд. филол. наук, доц. *М. В. Дудорова*,
д-р филол. наук, проф. *Б. Ю. Норман* (Беларусь),
д-р филол. наук, проф. *А. М. Плотникова*,
д-р филол. наук, проф. *Х. Томмола* (Финляндия)

Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке
Н725 **о языке** : материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф.,
посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук,
проф. Л. Г. Бабенко, 28—30 сент. 2016 г., Екатеринбург,
Россия. — Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый,
2016. — 680 с.

ISBN 978-5-7525-3118-7

В сборнике представлены статьи лингвистов разных научных школ, объединенных интересом к проблемам лексической, грамматической и текстовой семантики.

Для лингвистов, преподавателей современного русского языка и общего языкознания, а также для аспирантов и студентов-филологов.

ББК Ш141.12е(2)ЛО

ISBN 978-5-7525-3118-7

© Коллектив авторов, 2016

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

© Л. Г. Бабенко
УрФУ, г. Екатеринбург

Интерпретация лексико-семантических множеств в контексте Уральской идеографической лексикографии¹

В докладе на материале идеографических словарей русских глаголов, существительных и прилагательных, созданных учеными-лексикографами Уральской семантической школы, а также электронной базы данных Большого идеографического словаря-тезауруса русского языка, создаваемого в настоящее время, излагаются, во-первых, принципы интерпретации общей системы лексических множеств, рассматриваемых в их совокупности, во-вторых, принципы интерпретации различных по статусу и природе лексических множеств: от тематических и лексико-семантических групп — до межчастеречных денотативно-идеографических множеств разного ранга. Выявляются объективные и субъективные факторы их выделения, формирования, обуславливающие различия их описания в лексикографических параметрах, то, что типология выявленных лексических множеств и, соответственно, категоризация мира в различных идеографических словарях пересекается, но не совпадает полностью. В процессе работы над словарями были разработаны следующие основополагающие принципы идеографической интерпретации лексики: принцип системности, принцип иерархичности, принцип структурной упорядоченности, принцип дополнительности, принцип вариативности и принцип пересечаемости лексическо-семантических множеств разного ранга.

Ключевые слова: типы лексических множеств, принципы интерпретации, системность, иерархичность, структурная упорядоченность, дополнительность, вариативность, пересечаемость.

Плодотворные исследования системной организации лексики и структурной организации лексического значения слова, осуществленные в последней трети XX в. (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, В. В. Морковкин, М. В. Никитин, Н. И. Толстой, Д. Н. Шмелев и др.), послужили основанием репрезентации полученных результатов в лексикографии-

¹ Исследование выполнено при поддержке программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

ческих параметрах прежде всего в виде идеографических словарей разного типа, авторы которых осуществляли интерпретацию лексических множеств разного типа и ранга, структурно организованных на понятийной основе.

Материалом наблюдений в данном докладе являются некоторые идеографические словари, созданные коллективом Уральской семантической школы (далее — УСШ): Толковый словарь русских глаголов [1] и Большой толковый словарь русских глаголов [2], Большой толковый словарь русских существительных [3], Словарь-тезаурус русских прилагательных [4], а также электронная база данных Большого идеографического словаря-тезауруса, над созданием которого сейчас работает коллектив УСШ.

Как показал многолетний опыт идеографического описания русской лексики, интерпретация составляющих ее лексических множеств осуществляется в двух аспектах: во-первых, «панорамно», с внешней точки зрения, когда объектом интерпретации становится вся совокупность лексических множеств в их соотносительности и взаимосвязи; во-вторых, «крупным планом», когда объектом интерпретации являются лексические множества, взятые и рассматриваемые по отдельности, изнутри как особые типы группировок слов, обладающие свойственной им структурной и семантической организацией. Важными при этом являются вопросы, связанные с выделением лексических объединений разного типа, выявлением принципов их формирования и описания в лексикографических параметрах. При этом следует отметить, что и в первом, и во втором случае наряду с объективными факторами, объясняющими многоаспектную интерпретацию лексических множеств, действует и человеческий фактор, обуславливающий субъективность интерпретации их организации. Следствием этого является наличие различных подходов к представлению системной организации лексики в идеографических словарях, подготовленных разными авторами и авторскими коллективами, а также в словарях одного авторского коллектива, созданных в разное время с учетом эволюции теории и практики идеографической лексикографии.

Коллектив ученых-лексикографов УСШ в течение последних тридцати лет занимался и продолжает заниматься интерпретацией в лексикографических параметрах лексико-семантических множеств разного типа и объема: **суперпарадигм** — объемных

лексико-семантических множеств, представляющих собой совокупности лексико-семантических полей и классов слов одной категориально-грамматической природы: глаголов, существительных, прилагательных, — а в настоящее время — совокупности межчастеречных объемных лексико-семантических множеств, включающих в свой состав лексику разных частей речи; **макропарадигм** — лексико-семантических групп и **микропарадигм** — лексико-семантических подгрупп, являющихся компонентами макропарадигм; **парадигматических рядов** — синонимических и антонимических, исчислимых и ограниченных в количественном отношении, а также **лексических оппозиций разного рода**: привативных, эквиполентных и др. в составе различных лексических парадигм. В течение всего периода исследования системной организации русской лексики и ее лексико-графической интерпретации разрабатывались как общие принципы ее отображения в идеографических словарях, так и частные особенности ее репрезентации. Вследствие этого менялось представление о самих лексических множествах различной категориально-грамматической и семантической природы, в свою очередь повлекшее изменения их интерпретации в идеографических словарях.

Выбор критериев и принципов типологии идеографических множеств — тематических, структурно-семантических, денотативно-идеографических, использованных в разных идеографических словарях, явился основанием разграничения их различных типов: лексико-семантических полей, групп и подгрупп, с одной стороны, или денотативно-идеографических сфер, полей, групп и подгрупп, с другой стороны. Это было обусловлено, в первую очередь, самой частеречной природой различных категориально-грамматических классов слов (объективный фактор) и дополнено, во вторую очередь, субъективным фактором интерпретации материала, что привело к тому, что типология выявленных лексических множеств и, соответственно, категоризация мира в различных идеографических словарях пересекается, но не совпадает полностью.

В процессе работы над интерпретацией системной организации лексики в лексикографических параметрах были сформулированы основные принципы ее идеографического описания, которые постоянно уточнялись и дополнялись. Это следующие основопола-

гающие принципы: системность, иерархичность, структурная упорядоченность, дополнительность, вариативность и пересекаемость лексическо-семантических множеств разного ранга.

Принцип системности обуславливает содержательно упорядоченное расположение лексики в идеографическом словаре с учетом обозначаемых понятий. Это один из главных принципов, выполняющих структурообразующую функцию в словаре, в котором лексика группируется по смыслу в соответствии с выражаемыми понятиями на основе понятийной сетки, свойственной каждому отдельному идеографическому словарю. Подобное представление лексики, основанное на определенной понятийной структуре словаря, имеет прямое отношение к проблеме репрезентации и категоризации мира, а также его интерпретации. Она опирается прежде всего на лексическую категоризацию, играющую особую роль в системной категоризации мира (см. [5]), которая заключается в представлении лексики, распределяемой по лексическим множествам разного типа и ранга: сферам, полям, группам, подгруппам, что соответственно отображает иерархию естественных категорий разного уровня: базовых, субординатных, суперординатных, связанных с различиями в отображении мира действительности в аспекте обобщенности/конкретности.

Лексико-семантические множества разного объема и ранга являются основными структурными компонентами идеографического словаря и одновременно единицами его описания, поэтому разработка критериев и аспектов их описания и разграничения — это важнейшая проблема идеографической лексикографии. В связи с этим еще один важный принцип идеографического словаря — **принцип структурной упорядоченности** лексическо-семантических множеств разного ранга, который дополняется и взаимодействует с **принципом иерархичности**. Особую значимость иерархического строения понятийной структуры словаря отметил еще в 1990 г. Ю. Д. Апресян, который утверждал, что «типичный идеографический словарь представляет собой иерархическую понятийную классификацию лексики» [6].

В соответствии с вышеуказанными принципами различные лексические множества располагаются в структуре словаря не хаотично, а упорядоченно, занимая определенные позиции в иерархии всех выявленных словесных группировок. Это позволяет предпо-

ложить, что структура идеографических словарей должна быть однотипна, единообразна, так как принцип иерархичности, отображающий соотносительность различных лексических множеств в словаре, в его макроструктуре, в то же время репрезентирует иерархичность самих естественных категорий, т. е. мотивируется категоризацией мира. Но это не так, ибо макроструктура словаря обусловлена и человеческим фактором, авторской лексикографической концепцией, регламентирующей особенности субъективного «видения» взаиморасположения различных естественных категорий и, соответственно, лексических множеств словаря.

Несовпадения проявляются прежде всего в представлении системы идеографических множеств слов, в иерархии различных группировок, выявляемых на различных основаниях. Так, идеографическое описание русских глаголов, существительных и прилагательных, осуществленное силами ученых УСШ, обнаруживает определенную динамику изменений в выявлении и иерархическом представлении системы классов слов. Принцип иерархии по-разному реализуется в макроструктуре рассматриваемых словарей, обнаруживая различные направления соотносительности и зависимости лексико-семантических парадигм.

При категоризации глаголов по лексико-семантическим группам использовался структурно-семантический принцип, т. к. лексическая семантика глаголов четко иерархически структурирована: суперклассификаторы ('состояние', 'отношение', 'деятельность' и др.) уточняются категориально-лексическими семами ('говорение', 'мышление', 'движение' и др.), которые в свою очередь конкретизируются дифференциальными семами. Подобная структурированность семантики глаголов отражается и в иерархичности системной организации глаголов. Так, в словарях глаголов вершину иерархии составляют три лексико-семантических поля, выделенные на основе семантических суперклассификаторов: «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество», «Отношение». Внутри лексико-семантических полей с учетом категориально-лексической семантики выделяются подполя типа «Созидательная деятельность», «Качественное состояние», «Межличностные отношения» и т. п. Далее основанием выделения лексико-семантических групп (далее — ЛСГ) является одновременно категориально-лексическая сема и уточняющий ее существенный семантический признак. На-

пример, в подполе «Речевая деятельность» выделяются следующие ЛСГ: глаголы характеризованной речевой деятельности, глаголы речевого сообщения, глаголы речевого общения, глаголы обращения, глаголы речевого воздействия. Внутри ЛСГ могут быть подгруппы, выделяемые с учетом существенного дифференциального признака, конкретизирующего в определенном аспекте категориально-лексическую сему. Например, в группе 1.4.7. Повреждение объекта есть две подгруппы: 1.4.7.1. Глаголы повреждения неодушевленного объекта и 1.4.7.2. Глаголы повреждения тела живого существа. Таким образом, в указанных словарях наблюдается преимущественно четыре уровня иерархии лексических множеств разного ранга, иерархическая структура которых (лексико-семантические поля, подполя, ЛСГ и подгруппы) зеркально отображается в оглавлении словарей. Среди них именно ЛСГ имеют особую значимость в отображении естественных категорий как основные репрезентанты базовых категорий действительности. Не случайно поэтому их обозначение вынесено в качестве ключевого в название первого словаря-справочника русских глаголов «Лексико-семантические группы русских глаголов» [7], который был подготовлен под руководством Э. В. Кузнецовой и вышел из печати после ее ухода из жизни. В этом словаре-справочнике русские глаголы впервые были распределены по семантическим полям, группам и подгруппам и представлены в нем в виде списков слов. Всего было выделено 108 ЛСГ и подгрупп русских глаголов, охватывающих 2500 лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) глаголов, взятых в своих основных значениях.

По прошествии десяти лет учеными-лексикографами УСШ был подготовлен и опубликован идеографический Толковый словарь русских глаголов [8], а еще через восемь лет — Большой толковый словарь русских глаголов [9], в которых получила дальнейшее развитие концепция системного представления русской глагольной лексики. В названиях этих словарей не вынесен в качестве главного и единственного объект описания — ЛСГ глаголов, как это было сделано в первом словаре-справочнике, но зато в подзаголовке появилось указание на методологию осуществленного исследования и характер интерпретации лексики в словаре — «Идеографическое описание», которое в дальнейшем стало использоваться в подзаголовках названий большинства последующих идеографиче-

ских словарей, подготовленных учеными УСШ. Подобное смещение фокусировки внимания с одного типа лексического множества — ЛСГ слов — на методологию осуществленного исследования с целью поиска и описания различных смысловых групп слов, а не только ЛСГ, позволило выявленную в словаре совокупность лексических множеств разного статуса и ранга представить как систему равноценных по когнитивной значимости лексико-семантических парадигм.

Указанные словари принципиально отличаются от первого словаря-справочника глаголов как в количественном, так и в качественном отношении. Во-первых, в них значительно увеличился объем рассматриваемой глагольной лексики, так как объектом идеографического описания стала лексика не только в основных, но и неосновных значениях. Так, в Большом толковом словаре русских глаголов всего описано 25000 ЛСВ глаголов, что в десять раз превышает общий объем единиц описания в нем по сравнению с первым словарем-справочником. Увеличился также объем выделенных ЛСГ: если в словаре-справочнике было выявлено и описано 108 ЛСГ глаголов, то в Толковом словаре русских глаголов — 130 ЛСГ глаголов, а во втором расширенном и доработанном издании — Большом толковом словаре русских глаголов — 147 ЛСГ. Во-вторых, эти словари не являются словарями-тезаурусами списочного типа, это комплексные словари, совмещающие признаки идеографических, толковых и переводных словарей, в них глаголы имеют толкования, которые сопровождаются минимальной грамматической и стилистической информацией, словарные статьи содержат соотносительные с глаголами синонимы, антонимы (при их наличии), а также английские эквиваленты.

После глаголов в идеографическом аспекте были рассмотрены русские существительные и прилагательные, специфика лексической и грамматической семантики которых обусловила необходимость уточнения принципов выделения, формирования и интерпретации в их составе лексических множеств, что привело к модификации принципов построения общей классификационной схемы — внешней структуры (макроструктуры) данных словарей, обусловленной изменением методологии осуществленной лексической категоризации. Лексикографическая систематизация и параметризация существительных была осуществлена на денотативно-

идеографическом основании, что обусловлено самой категориальной природой существительных, которые в первую очередь ориентированы на отображение объектов действительности, на определенные предметные области бытия, вследствие чего семантико-идеографическая систематизация существительных в большей степени, чем других категориально-грамматических классов слов, денотативно обусловлена. Определенные семантические классы существительных отображают участников типовой денотативной ситуации, при этом их роль в формировании типовой ситуации не менее важна, чем роль глаголов-предикатов. Вследствие этого типовая денотативная ситуация, включая ее участников и сопутствующие обстоятельства, отображаемая субстантивной лексикой, стала основанием объединения имен существительных в различные семантические множества слов, которые обозначены нами как денотативно-идеографические. Эти множества с учетом их ранга, когнитивной значимости, а также степени обобщенности/конкретности понятий, формирующих их, дифференцируются на денотативно-идеографические сферы, классы, группы, подгруппы, организованные иерархически. Номинации этих множеств в толковом идеографическом словаре существительных являются основными рубриками, формирующими макроструктуру словаря. Верхний уровень иерархии в макроструктуре словаря составляют денотативные сферы, которые отображают основные фрагменты мира действительности. Денотативные сферы — это максимальные по объему классы слов, связанные с отображением базовых категорий бытия, целостных макрокомпонентов (фрагментов) реального мира.

Например, в словаре существительных в качестве денотативных сфер выделены следующие: «Живое существо», «Растения и грибы», «Неживая природа», «Родственные и семейные отношения», «Нации», «Интеллект», «Эмоции», «Быт», «Военная служба», «Одежда», «Наука», «Образование», «Населенный пункт», «Религия», «Питание» и др. Всего в словаре существительных представлена 41 сфера, включающая в свой состав более 400 денотативно-идеографических групп, содержащих описание 15000 ЛСВ существительных. Различные денотативные сферы структурно не совпадают, т. е. не совпадают по внутренней структуре, по количеству в их составе классов, групп и подгрупп. Есть денотативные сферы,

состоящие только из идеографических классов. Например, в сфере «Эмоции» (7) только два уровня иерархии, она включает в свой состав пять денотативно-идеографических классов слов: 7.1. Существительные, обозначающие эмоциональное состояние; 7.2. Существительные, обозначающие эмоциональное качество, свойство; 7.3. Существительные, обозначающие эмоциональное отношение к окружающему миру; 7.4. Существительные, обозначающие выражение эмоций; 7.5. Существительные, обозначающие человека как носителя эмоций. В то же время большинство денотативно-идеографических сфер имеет более сложную структуру, основанную на 4–5 уровнях иерархии. Например, в сфере «Растения и грибы» 5 уровней иерархии. Она включает пять денотативно-идеографических полей, три группы, шесть подгрупп и четыре подподгруппы.

Еще большую трудность в аспекте идеографической классификации представляют имена прилагательные, так как в силу богато развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленности их лексической семантики это самый сложный в парадигматическом отношении класс слов. Прилагательные, с одной стороны, семантически подобны глаголам, с другой стороны, обозначая свойства и признаки предметов в широком смысле, тесно связаны по семантике с существительными. Сходство с глаголами обнаруживается в иерархичности семной структуры прилагательных, вершину иерархии которых также занимают семантические суперклассификаторы, отображающие основные суперкатегории: бытийность, отношение, проявление, воздействие и пр. Сходство с именами существительными обнаруживается в референтной отнесенности и дискурсивной обусловленности семантики прилагательных.

Идеографическое описание прилагательных, осуществленное авторским коллективом, нашло отражение пока только в Словарях-тезаурусах прилагательных списочного типа [10], в которых они были также распределены по денотативно-идеографическим сферам, группам и подгруппам, хотя в названии первого издания этого словаря из коммерческих соображений эти группы были названы тематическими: «Словарь-тезаурус прилагательных, распределенных по тематическим группам». Всего описано более 23000 ЛСВ прилагательных, которые с учетом иерархии отображаемых понятий распределены по 15 денотативно-идеографическим сферам, 103

семантическим полям и 278 группам и 358 подгруппам слов. Как видим, в этом словаре произошло укрупнение сфер. Всего выделено 15 сфер, что почти в три раза меньше, чем в словаре существительных. Они отображают базовые категории, которые и формируют денотативные сферы словаря: неживая природа (1), вещества и материалы (2), живая природа (3), человек как живое существо (4), населенный пункт (5), нации (6), родственные и семейные отношения (7), человек и его внутренний мир (8), язык и речь (9), сверхъестественное (10), общественно-государственная сфера (11), конкретная физическая деятельность (12), социальная сфера жизни человека (13), восприятие окружающего мира (14), универсальные представления, смыслы и отношения (15). Так, например, в этом словаре эмотивная лексика рассматривается в денотативно-идеографической сфере «Человек и его внутренний мир» вместе с оценочной лексикой и лексикой, связанной с отображением интеллекта, которые представляют собой три денотативно-идеографических поля: 8.1. Эмоции; 8.2. Оценка; 8.3. Интеллект. В свою очередь в подполе «Эмоции» три денотативно-идеографических класса, 27 групп и около 100 подгрупп, сформированных по оппозитивному принципу типа «Счастье — Несчастье», «Радость — Грусть» и под. Как видим, в словаре-тезаурусе прилагательных интерпретация эмотивной лексики в идеографическом плане принципиально отличается от ее рассмотрения и классификации как в словаре глаголов, так и в словаре существительных. Что касается приведенной выше в качестве примера лексики, обозначающей растения и грибы, она также включена в более объемную денотативно-идеографическую сферу «Живое существо» (3), поле «Растительный мир» (3.1.), в котором представлены в полном объеме денотативно-идеографические группы и подгруппы, по составу совпадающие с теми, что были выделены в словаре существительных.

В настоящее время концепция денотативно-идеографических множеств получает дальнейшее развитие в создаваемом коллективом УСШ комплексном Большом идеографическом словаре-тезаурусе русского языка, над уточнением и коррекцией электронной базы которого в настоящее время работает коллектив УСШ. Этот словарь охватывает в совокупности лексику всех частей речи русского языка, которая рассматривается как особого рода межчас-

теречная лексическая система, состоящая из межчастеречных денотативно-идеографических сфер, полей, групп и подгрупп. Он опирается на результаты идеографического описания, осуществленного в словарях глаголов, существительных и прилагательных, в которых, как мы отмечали ранее, совокупность категорий разного ранга (суперкатегорий, базовых категорий, субкатегорий), формирующих макроструктуру словаря, хоть и не совпадает полностью, но пересекается. Только сейчас, создав серию идеографических словарей и завершая работу над Большим идеографическим словарем-тезаурусом русского языка, мы пришли к созданию общего Синописа, основанного на системе денотативно-идеографических множеств слов, включающих совокупность различных семантико-грамматических классов, на основе которого возможна интерпретация глобальной категоризации мира [11]. Можно предположить, что лишь Синопис — свод идеографических классификаций лексики разных частей речи, объединяющий их в единую понятийную структуру на основе общих принципов, может дать представление о глобальной категоризации мира.

Еще один важный принцип, который необходимо учитывать при интерпретации лексики в идеографическом словаре, — **принцип пересекаемости**, обусловленный наличием в лексической системе многозначных слов, а также отдельных семантически сложных лексических значений, не допускающих однозначной интерпретации в идеографическом аспекте. Подобные семантически сложные слова отличаются композиционностью лексической семантики. К ним относятся прежде всего глаголы сложной полипропозитивной семантики, которая создает определенные трудности для их непротиворечивой однозначной квалификации, допускает их отнесение одновременно к разным семантическим группировкам слов, что обуславливает соответственно их пересекаемость. При этом наблюдается совмещение в лексической семантике смыслов разного ранга. Во-первых, наблюдается совмещение концептов базового уровня, что приводит к пересекаемости самих категорий базового уровня. При этом следует отметить, что выявляются регулярные модели подобного совмещения: так, например, эмоции регулярно совмещаются с речевой деятельностью, поведением, жестами, мимикой и пр., что приводит к тому, что приходится слова с композиционной семантикой включать в разные семантиче-

ские поля. Например, слово *восприимчивый* с учетом многозначности входит в состав трех денотативно-идеографических групп: 8.1.1.1.3. Чувствительность (*восприимчивый к стихам юноша*); 8.3.3. Специфика познавательных процессов (*восприимчивый школьник*); 11.14.12.1. Болеющий человек (*восприимчивый к простудам ребенок*).

Во-вторых, есть множество слов, которые наряду с основной функцией номинации объектов реального мира выполняют оценочную, интерпретационную функцию, вследствие чего обнаруживается совмещение естественной категоризации мира с оценочной категоризацией, что также создает трудности создания непротиворечивой семантической классификации лексики. Так, в словаре прилагательных слово *слабый* включено в состав 21 денотативно-идеографических группы, четыре из которых выражают разные типы оценочных значений: 8.2.1. Общая оценка (*слабый роман*); 8.2.2.3. Интеллектуальная оценка (*слаб в физике*); 8.2.2.4. Прагматическая, утилитарная оценка (*слабый трос, слабые нитки*); 8.3.1. Человек, оцениваемый по умственным способностям (*слабый критик*).

Признавая за подобными словами возможность их включения в состав различных парадигматических группировок слов, мы отказываемся от их однозначной и жестко регламентированной классификации. При их парадигматическом описании в качестве классифицирующих могут избираться семы разного статуса, как категориальные, так и дифференциальные, а также коннотативные.

Следующий существенный принцип системной организации лексики, учитываемый при построении словаря, — **принцип вариативности**, который обнаруживается в характере представления лексики внутри одной группы: для каждой группы выделяются базовые идентификаторы, выражающие основную семантическую идею класса слов, и члены класса, более конкретные и содержательные по сравнению с ними и отличающиеся от последних набором дополнительных семантических признаков, варьирующих основную семантическую идею класса. С учетом этого принципа описание каждой отдельной лексической группировки слов начинается с выделения базовых идентификаторов и описания типовой семантики лексико-семантической группы слов («классовой семантики»).

Принцип дополнительности реализуется как во внешней макроструктуре словаря, так и в его внутренней микроструктуре — структуре словарной статьи. В первом случае он способствует полноте охвата денотативно-идеографических множеств, только в своей иерархически устроенной совокупности репрезентирующих картину мира действительности. Во втором случае он является основой многоаспектного представления отдельных фрагментов бытия благодаря семантическому комплексу денотативно-идеографических множеств, формируемому совокупностью категориальных и дифференциальных признаков лексических значений всех слов, входящих в одно множество.

Итак, идеографическая интерпретация русской лексики, осуществляемая учеными-лексикографами УСШ уже более 30 лет, за указанный период претерпела существенные изменения, обусловленные диалектикой и эволюцией научного знания в области семантики, теории и практики идеографической лексикографии. Это нашло отражение как в структурном представлении понятийной сетки идеографических словарей различных категориально-грамматических классов слов, их интерпретации и репрезентации, так и в терминологии, используемой при номинации разных по природе лексических множеств.

Примечания

1. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999.
2. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
3. Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005; 2008 (2-е изд.).
4. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2011; Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2012.
5. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов, 2014.
6. *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1995.
7. Лексико-семантические группы русских глаголов: словарь-справочник / науч. рук. Э. В. Кузнецова. Екатеринбург, 1988.
8. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

9. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

10. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2011; Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2012.

11. Бабенко Л. Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва–Екатеринбург, 2015. С. 22–43.

Interpretation of lexical-semantic sets in context of Ural ideographic lexicography

The article is based on the ideographic dictionaries of Russian verbs, nouns and adjectives made by the Ural semantic school and the e-database of The Big Thesaurus of the Russian language that is being composed so far. On the one hand, we report the principles of interpretation of the general system of lexical sets considered as a whole, and the principles of interpretation of lexical sets different in status and nature (from topic and lexical-semantic groups to inter-part-of-speech denotative-ideographic sets of different range) on the other hand. The report describes objective and subjective factors of separation and formation that stipulate differences in description within the lexicographic parameters, and also the fact that lexical sets typology and categorization of the world in different ideographic dictionaries overlap but do not match. Working on dictionary composition we developed the following guidelines of lexical ideographic interpretation: consistency, hierarchy, structural order, complementation, variation, overlapping of lexical-semantic sets of different range.

Keywords: types of lexical sets, principles of interpretation, consistency, hierarchy, structural order, complementation, variation, overlapping.

© Н. Н. Болдырев

ТГУ им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Типология концептов и языковая интерпретация¹

В статье ставится актуальная проблема изучения неоднородности концептуального содержания, которое во многом определяет многообразие его языковых репрезентаций. Данная проблема рассматривается в контексте реализации трех основных функций языка: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей. Устанавливается зависимость между способами концептуализации мира и его язы-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания» и в рамках выполнения базовой части госзадания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ № 2014/285 (проект № 2013).

ковой интерпретацией на системном и дискурсивном уровнях, между многообразием ментальных репрезентаций и практически неограниченной возможностью формирования и передачи новых смыслов. Анализируются существующие структурные и содержательные типологии концептов в современной лингвистике, подчеркивается их функциональная ограниченность, вызванная недифференцированным подходом к их целевому назначению и способам анализа, а также недостаточным учетом статического и динамического аспектов концептуальной системы. Предлагается новая системная типология концептов на основе выполняемой ими функции, которая включает три основных типа: репрезентирующие, семиотические и интерпретирующие концепты. Данная типология строится в соответствии с тремя главными функциями языка, тремя языковыми системами концептуализации и категоризации: лексической, грамматической и модусной, а также с учетом трех основных способов оперирования знанием о мире в языке: его репрезентацией, формированием новых смыслов и интерпретацией. Подчеркивается важность данной типологии для исследования взаимодействия когнитивных и языковых структур.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, типология, функции языка, языковая интерпретация, функциональная типология.

Данная статья — дань глубокого уважения и признания заслуг известного российского ученого доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Людмилы Григорьевны Бабенко, долгие годы возглавляющей и успешно развивающей традиции Уральской семантической школы. В фундаментальных работах профессора Л. Г. Бабенко и ее учеников, идеографических словарях разного типа успешно решаются многие проблемы описания языковой картины мира, различных способов концептуализации и категоризации его объектов и событий. Дальнейшее обсуждение этих проблем и является целью предлагаемой статьи.

Мир вокруг нас представляет собой совокупность индивидуальных объектов живой и неживой природы с их индивидуальными качествами и проявлениями, которые наше сознание типизирует в виде определенных ментальных репрезентаций: концептов и категорий. Уникальность человеческого языка заключается в том, что он, с одной стороны, участвует в этих общих процессах концептуализации и категоризации, снабжая конкретными именами концепты и категории объектов и явлений. С другой стороны, язык передает и само их многообразие и индивидуальность в виде обозначений различных конкретных характеристик типовых объектов и их вариантов (см.: [1; 2; 3; 4; 5; 6]). В этом заключается суть языковой интерпретации мира и знаний о мире, которая основана на принципе единства многообразия и обусловлена концептуальной неоднородностью передаваемого опыта взаимодействия с миром и самих знаний о выделяемых объектах, событиях, их свойствах и характеристиках.

Интерпретирующая функция языка как его третья главная функция (ее детальное обоснование дано нами в более ранних работах: [7; 8; 9]) обеспечивает возможность практически бесконечного порождения новых смыслов. Данная возможность во многом основана именно на многообразии концептуальных репрезентаций окружающего мира, передающих разные типы и виды знаний и, соответственно, обуславливающих множество способов их репрезентации в языке. С этой точки зрения по-прежнему актуальным является обсуждение проблем концептуализации мира и типологии знаний, точнее их единиц, которые и лежат в основе формирования языковых единиц и их смыслов. Актуальность этих проблем обусловлена также самой необходимостью исследования взаимодействия когнитивных и языковых структур в познавательных процессах и языковой деятельности, четкого осознания их специфики и разнообразия, которые, в свою очередь, требуют дифференцированного применения различных приемов и методов анализа, учитывающих специфику структуры и содержания изучаемых единиц знания и языковых объектов.

Напомним, что под **концептуализацией** мы понимаем познавательный процесс выделения и осмысления объектов, событий, их связей и характеристик и закрепления результатов познания в виде единиц знания — концептов. Соответственно **концепты** как результаты данного познавательного процесса — это единицы концептуального содержания, выделяемые человеком с целью последующей передачи их в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире.

Возвращаясь к вопросу о концептуальном разнообразии знаний, необходимо отметить, что для отражения данного разнообразия в современной лингвистике предлагаются разные типологии концептов, которые строятся на различных основаниях. Наибольшее распространение получили, если можно их так условно обозначить, структурная и содержательная типологии.

Структурная типология концептов обращает внимание на принципы их организации и структуру их внутреннего содержания. Условно все единицы знания в этом отношении можно поделить на **концептуально-простые и концептуально-сложные**. Структура и содержание первых может быть исчислена с помощью простого перечня элементарных (достаточно предсказуемых) характеристик. К

ним относятся: конкретно-чувственный образ, схема, представление, понятие, прототип и т. п. Единицы знания этого типа могут быть проанализированы с помощью традиционных методов концептуального (точнее, концептуально-дефиниционного) анализа, анализа прототипической семантики. Например, прототип птицы может быть описан через такие его основные характеристики, как: наличие двух крыльев, двух ног, клюва, оперения, откладывание яиц.

Вторые представляют собой структуры многокомпонентного, стереотипного знания (пропозиция, фрейм, сценарий), а также структуры категориального, интегрированного и многоаспектного знания (категория, когнитивная матрица и др.). Единицы обоих подтипов обычно называют концептуальными структурами. Структуры стереотипного знания включают обязательные и факультативные компоненты и их характеристики, которые выявляются с помощью структурно-концептуального анализа и анализа фреймовой семантики. Для изучения структур интегрированного и многоаспектного знания, которое не является стереотипным и потому не может быть сведено к простому перечню признаков, так как объединяет разноразличные компоненты и характеристики, требуются специальные методы анализа: концептуально-таксономический анализ или концептуально-таксономическое моделирование, когнитивно-матричный анализ или когнитивно-матричное моделирование (см. подробнее: [10]).

Содержательная типология концептов классифицирует единицы знания по тематическим областям (языковые, диалектные, правовые, экономические, медицинские, сельскохозяйственные, эмоциональные и др. концепты) и по области применения: научные, литературные, профессиональные, жаргонные, бытовые, индивидуально-авторские и др. Структурно данные концепты повторяют вышеперечисленные типы, и для их анализа привлекаются аналогичные методы.

Названные типологии, при всей их очевидности и простоте, обнаруживают, однако, определенную функциональную ограниченность, которая часто проявляется при их использовании в диссертационных исследованиях, посвященных способам репрезентации конкретных концептов в том или ином языке. Это отражается, в частности, в неразличении статического и динамического аспектов концептуальной системы как основы речемыслительной деятельно-

сти и смыслопорождения. Соответственно возникает необходимость вновь привлечь специальное внимание к данному вопросу и попытаться выявить все возможные, дополнительные основания для более системного представления общей типологии концептов и с целью более полного отражения концептуальной основы языка и его роли в познавательных процессах. Это особенно актуально в контексте дифференцированного подхода к процессам концептуализации, которые могут различаться по своей цели, объекту, а следовательно, результатам и методам анализа, а также с точки зрения исследования концептуального обеспечения всех трех главных языковых функций: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей.

Развивая эту мысль далее, можно говорить о двух основных целях концептуализации. Первая, «стратегическая» цель предполагает накопление знаний о мире, его объектах, событиях, свойствах, о самом человеке как субъекте и объекте познания за счет выявления новых концептуальных характеристик той или иной сущности в процессе всей жизнедеятельности человека. Объектом концептуализации в этом случае являются все предметы, события и их характеристики как общие знания о мире, а ее результатом — концепты как единицы коллективного знания. Объектом лингвистического анализа при таком взгляде на процесс концептуализации служат все языковые единицы, репрезентирующие данный концепт в системе языка и в дискурсе.

Вторая, «тактическая» цель предполагает выделение единиц знания с помощью языковых средств для их последующей передачи адресату в процессе вербальной коммуникации. Объектом концептуализации в этой ее трактовке служит конкретный предмет, живое существо, событие, их отдельная характеристика или отношение к ним говорящего. Результатом этого процесса является единица индивидуального знания (концепт-смысл). Объектом лингвистического анализа при данном подходе выступает определенная языковая единица в виде отдельного слова, словосочетания, простого или сложного предложения, целого текста или дискурса, передающего данный смысл.

В концептуальной системе человека эти разные результаты представлены соответственно как два разных типа знаний: **тематические и операционные концепты**, отражающие два ее главных

аспекта: статический и динамический. Первые представляют собой единицы знания как основные элементы концептуальной системы в ее статическом аспекте. Вторые — ментальные репрезентации объектов, событий и их конкретных характеристик как единицы знания (смыслы), которыми человек оперирует в процессе речевой деятельности с целью передачи знания или ориентации в мире.

Тематические концепты являются мыслительными конструктами, единицами теоретического знания, которые репрезентируют весь коллективный опыт познания мира. Именно такого типа концепты могут рассматриваться в качестве основы формирования категорий. Их изучение предполагает анализ соответствующей концептуально-тематической области, ее структуры и содержания, например: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ЖИВОТНОЕ, РАСТЕНИЕ, АРТЕФАКТ и т. д.

Операционные концепты представляют собой конкретные смыслы, которые формируются в процессе речемыслительной деятельности на основе тематических концептов с помощью определенных механизмов: когнитивных (профилирование, перспективизация, сравнение, импликация, инференция, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и т. д.) и языковых (номинация, словообразование, сочетаемость, фразеологизация, использование синтаксических структур, текстовых категорий и т. д.). Это единицы оперативного знания онтологии мира, которые отражают выбор, предпочтение в пользу данного концепта в концептуальной системе человека. Они передают разные способы и уровни схематизации накопленного опыта, конфигурирования знания и оперирования им в познавательно-языковой деятельности (см. также: [11; 12]).

Другими словами, тематические концепты являются гносеологическими конструктами, результатом осмысления знаний о мире, их накопления. Они всегда предполагают полную или частичную реконструкцию их содержания. Операционные концепты — онтологически ориентированные единицы обыденного сознания, контекстуально и ситуативно обусловленные конкретные смыслы. Данные различия обуславливают важность правильного понимания объекта и цели концептуального анализа, выбора и использования соответствующих методов и приемов.

Например, исследование тематического концепта ВРЕМЯ на материале русского языка (соответственно TIME — на материале

английского языка) предполагает изучение структуры и содержания данной категории и всей концептуально-тематической области: ее элементов, их характеристик и взаимосвязей, способов и уровней концептуализации и категоризации времени в научной и обывденной картинах мира, возможно, его философское, физическое и лингвистическое понимание, т. е. всех типов знания, накопленного человечеством о данном феномене. Анализ одноименного операционного концепта связан с изучением конкретных смыслов, когнитивных и языковых контекстов, когнитивных и языковых механизмов формирования этих смыслов в конкретных языковых структурах на основе тех или иных характеристик тематического концепта и с учетом конкретных условий коммуникации и характеристик ее участников (см. [13]). В каждом случае речь может идти о физическом (*который час*), биологическом (*годы летят*), социальном (*напряженное время*), функциональном (*срок хранения*) времени. Так, например, индивидуальный смысл (передача соответствующего операционного концепта собеседнику) языкового выражения *Катастрофически не хватает времени* зависит от конкретной личности автора высказывания, контекста знаний собеседников, используемых когнитивных механизмов, определенной ситуации (не хватает времени для чего), ср.: ‘много дел дома или на работе’, ‘загружен учебой или спортивными тренировками’, ‘много общественных поручений’, ‘постоянные разъезды и командировки’, ‘много заказов’ и т. д. (см. также: [14]).

В контексте сказанного выше наиболее системно значимой в лингвистическом отношении представляется разработка функциональной типологии концептов, которая соответствовала бы трем главным функциям языка и обеспечивала их реализацию: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей. Основываясь на представлении о том, что реализация названных функций связана с тремя видами оперирования знанием в языке: его репрезентацией, формированием смыслов и интерпретацией, что в свою очередь, обеспечивается тремя системами языковой концептуализации и категоризации: лексической, грамматической и модусной, или интерпретирующей (см. подробнее: [15]), логично предположить, что по выполняемой функции все единицы знания могут быть условно поделены на три типа: **репрезентирующие, семиотические и интерпретирующие концепты.**

Репрезентирующие концепты функционально связаны с презентацией мира и коллективных знаний о мире во всем многообразии его проявления. По уровням репрезентации можно УСЛОВНО выделить **базовые** (гештальты: ДОМ, СТОЛ, КНИГА, СОБАКА, КОШКА), **суперординатные** (абстрактные: АРТЕФАКТ, ЖИВОТНОЕ, РАСТЕНИЕ) и **субординатные** (конкретные: ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ, НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ, ФОКСТЕРЬЕР) концепты. Каждый из уровней может включать несколько подуровней в зависимости от степени обобщения или конкретизации, например, гештальтного знания об объекте в рамках базовых концептов: ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО — НАЗЕМНОЕ, ВОЗДУШНОЕ — АВТОМОБИЛЬ, САМОЛЕТ, ПАРОХОД; МЕБЕЛЬ — ОФИСНАЯ, МЯГКАЯ — СТОЛ, СТУЛ, КРЕСЛО, ДИВАН.

По средствам репрезентации в языке выделяют фонологические (фонема как смысловоразличительная единица языка), лексические (передаются одним словом: ЯБЛОКО, ГРУША), фразеологические (передаются фразеологизмом: МЕТР С КЕПКОЙ), ономастические (НАПОЛЕОН, ЦИЦЕРОН), словообразовательные (СТОЛИК, ГРУБОВАТЫЙ), морфологические (ВРЕМЯ, РОД, ЧИСЛО), синтаксические (ПОДЛЕЖАЩЕЕ, СКАЗУЕМОЕ, ДЕЙСТВИЕ, ПЕРЕХОДНОСТЬ), сверхфразовые (ДАННОЕ, НОВОЕ), текстовые (ИДЕЯ, СВЯЗАННОСТЬ), сверхтекстовые (ИДИОСТИЛЬ, АВТОРСКИЕ МЕТАФОРЫ), дискурсивные (СОГЛАСИЕ, ВОЗДЕЙСТВИЕ) и другие концепты.

К числу **семиотических** следует отнести индивидуальные концепты-смыслы, формируемые и передаваемые в процессах коммуникации. В целом, они могут иметь вербальный и невербальный характер. Вербальные (языковые), точнее вербализованные, концепты также могут быть репрезентированы фонетическими, лексическими, грамматическими (морфологическими и синтаксическими), текстовыми и дискурсивными средствами, иметь метафорический (*купаться в деньгах*) или метонимический характер (*петровские времена*).

Невербальные (невербализованные) концепты приобретают особую актуальность в современных исследованиях в связи с популярностью изучения полимодальных средств и полимодальности речи, текста и дискурса. Это различные мимические, жестовые,

графические, сценические, художественно-изобразительные, музыкальные и др. средства концептуализации, передачи или интерпретации знаний о мире.

Интерпретирующие концепты представляют собой единицы нового знания, формируемые на основе интерпретации коллективных знаний о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека. Среди них можно выделить **мета-описательные**, в том числе вербальные (лингвистические), метадискурсивные и невербальные, и **модусные**: селективные (фильтрующие: МОЕ — НЕ МОЕ), классификационные (ПРИРОДНОЕ — ИСКУССТВЕННОЕ), отрицательные (ОТСУТСТВИЕ, НЕООТВЕТСТВИЕ), эвиденциальные (отсылающие к другому источнику), аппроксиматоры (ПОЧТИ, ВРОДЕ, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО), супraseгментные (интонация, тональность), этические, эстетические, оценочные.

Взаимное пересечение характеристик разных типов и подтипов внутри предложенной системы типологизации концептов является естественным отражением многообразия связей между когнитивными и языковыми структурами. Оно показывает, что, как и в любой другой лингвистической классификации, между выделенными типами нет и не может быть жестких границ в силу того, что любая языковая единица получает двойное означивание в системе языка и в речи и поэтому полифункциональна, как полифункциональна и сама ее концептуальная основа.

В качестве вывода необходимо специально подчеркнуть, что разработка тех или иных типологий концептов в лингвистике не является самоцелью. Ее основной задачей является выявление различий в способах концептуализации мира в языке, неоднородности концептуального содержания, которое лежит в основе формирования множества смыслов, передаваемых языковыми формами, а также определяет использование различных методов и приемов их исследования.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Лексикографическая параметризация ментальной сущности концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 5–12.

2. *Бабенко Л. Г.* Когнитивные основания репрезентации универсальных смыслов и отношений в словарях-тезаурусах русского языка // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 683–685.

3. *Бабенко Л. Г.* Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 96–106.

4. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

5. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

6. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. 2-е изд. Екатеринбург, 2012.

7. Объем данной статьи не позволяет в должной степени раскрыть и подробно аргументировать те или иные суждения автора по затрагиваемым проблемам. Поэтому далее мы делаем отсылку к своим ранним работам, в которых данные проблемы рассматриваются более детально.

8. *Болдырев Н. Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. I. 2011. С. 9–16.

9. *Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А.* Когнитивная основа лексических категорий и их оценочный потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5–12.

10. *Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

11. *Болдырев Н. Н.* О метаязыке когнитивной лингвистики: *концепт как единица знания* // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 23–32.

12. *Болдырев Н. Н.* Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 33–39.

13. *Болдырев Н. Н.* Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов, 2008. С. 11–29.

14. *Evans V.* The Meaning of Time: Polysemy, the Lexicon and Conceptual Structure // J. Linguistics 41. Cambridge University Press, 2005. P. 33–75.

15. *Болдырев Н. Н.* К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 33–43.

The typology of concepts and linguistic interpretation

The article poses an up-to-date problem of correlation between the diversity of concepts and a variety of their linguistic representations. The author discusses this problem from the perspective of the three main functions of language: cognitive, communicative, and interpretative, and their correlation with mental representations of the outer world. This correlation is viewed as a cognitive-linguistic interface between world conceptualizations and linguistic interpretations of world knowledge, which results in the production of the unlimited number of new senses. By exploring the conceptual diversity, the author analyzes various approaches and classifications of concepts and argues the importance of a new typology built on the functional value of concepts which includes representative, semiotic and interpreting concepts. The innovative value of the functional typology of concepts, as the author sees it, lies in its covering both the static and dynamic aspects of human conceptual system, the three functions of language and the three systems of linguistic conceptualization and categorization: lexical, grammatical, and modus, as well as the three modes of knowledge use in language: representative, semiotic, and interpretative.

Keywords: conceptualization, concept, typology, language function, linguistic interpretation, functional typology.

Методические аспекты изучения эффективности текстовой деятельности языковой личности в медиасфере¹

Статья посвящена проблеме изучения эффективности текстовой деятельности в медиасфере с точки зрения воздействия медиатекстов на массового адресата. В качестве ключевых рассмотрены такие методы исследования, как опрос, анкетирование, эксперименты по модифицированной методике шкалирования Ч. Осгуда, основанные на показаниях языкового сознания информантов.

Под текстовой деятельностью в статье понимается система действий языковой личности на основе знаний, навыков и умений, позволяющих создавать тексты и воспринимать, интерпретировать их. Объектом внимания автора статьи является вторичная текстовая деятельность личности в медиасфере, связанная с восприятием, интерпретацией, пониманием медиатекстов. В качестве результата вторичной коммуникативной деятельности адресата рассмотрен параметр *коммуникативно-прагматический эффект текста*, который определяется как ответная реакция, приобщение адресата к новой информации и рождение эмоций, их динамика, стимулирующие к дальнейшим действиям. Медиасфера трактуется как коммуникативное пространство информационной сети, совокупность медиатекстов разных типов (газетных, радио- и телетекстов, сетевых и др.), авторами и адресатами которых являются различные языковые личности. На основе опроса информантов рассмотрены некоторые лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на эффективность текстовой деятельности в медиасфере. Выявлен ряд закономерностей, влияющих на характер восприятия медиатекстов (зависимость от возраста адресата, сферы медиакommunikации, канала связи).

Ключевые слова: метод, эффективность текстовой деятельности, вторичная текстовая деятельность, медиасфера, медиатекст.

Дискурс как ключевое понятие новой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания не исключает, а предполагает внимание к тексту как основному объекту филологических исследований. В связи с этим не потеряла своей актуальности общая и частная теория текста, разработанная в конце XX — начале XXI века учеными И. Р. Гальпериным, Л. Г. Бабенко, Н. С. Валгиной, Ю. В. Казариным, О. Л. Каменской, Н. А. Николиной, З. Я. Тураевой, Н. М. Шанским и др. [1–10]. Так, основы теории текста, принципы его анализа, методика исследова-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

ния, разработанные Л. Г. Бабенко [1], широко используются в научной и учебной деятельности.

В современном научном контексте в связи с дискурсивным анализом при рассмотрении текста речь идет о выходе за его рамки в контекст: культурный, социальный, исторический, об усилении внимания в целом к экстралингвистическим факторам общения (см. работы Т. ван Дейка, Н. Д. Арутюновой, Н. Ф. Алефиренко, В. И. Карасика, В. Е. Чернявской и др.).

Современный коммуникативно-деятельностный подход к тексту предполагает его трактовку как формы коммуникации автора и адресата, интерес к их диалогу на основе анализа первичной текстовой деятельности (текстообразования) и вторичной текстовой деятельности (восприятия, интерпретации, понимания). Поскольку любая деятельность имеет цель и ориентирована на достижение определенного эффекта, а текстовая деятельность не является исключением, проблема ее эффективности становится актуальной, особенно в медиасфере. В последние годы это обусловлено меняющейся социокультурной ситуацией в обществе, появлением новых медиа, внедрением новых информационных технологий и растущей ролью Интернета в жизни современного человека.

В теории речевого воздействия И. А. Стернина [11] эффективность коммуникации связана с предметными результатами (получением реальных овеществленных объектов), информационными (получением новой информации) и коммуникативными (установлением контактов). В коммуникативной стилистике коммуникативно-прагматический эффект текста рассматривается как приобщение адресата к новой информации, рождение эмоций, их динамика и т. д., стимулирующие адресата к дальнейшим действиям [12].

С этих позиций эффективность текстовой деятельности создателя текста может определяться степенью ответной активности адресата, разделяющего позицию автора, прямыми или косвенными оценочными суждениями адресата, его рефлексией, а также измеряться и оцениваться коммуникативным потенциалом текста как объектом вторичной коммуникативной деятельности адресата.

Все сказанное определяет выбор потенциальных методов исследования эффективности текста вообще и медиатекста в частности. Под методом понимается прием, способ, инструмент для изучения того или иного явления (см. подробнее: [12]). В данной ста-

ть речь пойдет о таких основных методах, как опрос, анкетирование, эксперименты по модифицированной методике шкалирования Ч. Осгуда. В изучении коммуникативного потенциала текста, т. е. его информационных и прагматических возможностей, важная роль принадлежит его анализу в аспекте теории регулятивности. Данная теория разрабатывается в рамках коммуникативной стилистики текста как особого научного направления, основанного на достижениях функциональной стилистики, функциональной лексикологии, лингвистической прагматики, психолингвистики, герменевтики (см. подробнее: [13]), включая анализ регулятивных средств, структур, регулятивных стратегий, способов регулятивности, регулятивного эффекта (см. о данных понятиях [12]). Регулятивность (способность «управлять» познавательной деятельностью адресата средствами текста) рассматривается как одно из системных качеств текста, наряду с его информативностью, структурностью, интегративностью [14]. Данный аспект изучения медиатекста уже был предметом описания в работах [13; 15 и др.], хотя и требует дополнительного осмысления в перспективе с учетом особенностей медиатекста и того, что методологическая база его лингвопрагматического исследования остается недостаточно разработанной (см. указание на это в работах Е. И. Горошко, Т. Г. Добросклонской, М. Ю. Казак и др.).

Под медиасферой понимается открытое многоканальное гипертекстовое коммуникативное пространство массмедийного взаимодействия участников общения, единицей которого является медиатекст. Вслед за М. Ю. Казак [16], медиатекст нами рассматривается как родовое понятие по отношению к публицистическому тексту, газетному, радио- и телетексту, сетевому и др. текстам. Для медиатекста характерны: принадлежность к массовой информации, открытость, синкретизм, поликодовость, полидискурсивность, интертекстуальность, многоканальность репрезентации (см. работы Г. Я. Солганика, Т. Г. Добросклонской, М. Ю. Казак, В. Е. Чернявской и др.).

В анализе эффективности текстовой деятельности автора медиатекста важно учитывать объективные и субъективные факторы, влияющие на вторичную текстовую деятельность адресата. К первым можно отнести особенности разных сфер медийного общения, канал связи, жанр, коммуникативно-регулятивный потенциал ме-

диатекста. К субъективным факторам относятся: тематика медиатекста, личные предпочтения адресата относительно типа медиакommunikации (соцсети, блогосфера, газеты и журналы, радио, телевидение), разные цели и задачи, актуальные для адресата, его биологические, социальные, психологические и др. особенности (возраст, уровень образования, тип мышления и т. д.).

В выявлении специфики данных факторов, значимых для изучения эффективности медиатекстов, целесообразно обращение к опросу, анкетированию, экспериментам. Так, использование данных методов на основе показаний языкового сознания 50 школьников в возрасте 13–16 лет МАОУ СОШ № 40 г. Томска позволило предварительно выявить некоторые закономерности, актуальные для исследования проблемы эффективности медиатекстов в плане воздействия на данную категорию информантов. Рассмотрим результаты, отметив, что они имеют предварительный характер и требуют дополнения в перспективе.

1. *Опрос* с предложением назвать наиболее значимые для информантов в плане воздействия параметры газетных публикаций (*автор, заголовок, подзаголовок, аннотация в начале статьи (лид), тема, социальная (идеологическая направленность)*) и анализ полученных 300 ответов показал, что наиболее важными для данной категории адресата параметрами (по результатам суммарного подсчета ответов при одновременном указании информантами разных параметров) являются: 1) тема (79 % ответов); 2) социальная (идеологическая) направленность (54 % ответов), 3) заголовок (43 % ответов).

Данный метод, ориентированный на прямой диалог с участниками опроса, позволяет оперативно получить необходимую информацию, актуальную для целей и задач исследования.

2. *Анкетирование* на основе предъявления в письменной форме вопросов и анализ полученных 393 ответов 50 школьников 13–16 лет, проведенное в целях: а) выявить, в каких видах медиакommunikации они чаще всего принимают участие как читатели, зрители, слушатели, пользователи сетей; б) какие темы в массмедиа представляют для них наибольший интерес, — показало следующее.

1) Чаще всего данная категория участников медиакommunikации общается в соцсетях (84 % ответов, полученных на основе суммарного подсчета с одновременным указанием на разные виды

медиакommunikации). Второе место по количеству полученных ответов принадлежит телевизионным программам как особому типу медиатекстов (60 % ответов). В блогосфере, судя по полученным ответам, активно участвуют 16 % участников анкетирования. Газетные и журнальные тексты редко читают 92 % опрошенных. В роли радиослушателей лишь иногда выступают 78 % информантов.

2) С точки зрения тематических предпочтений школьники старших классов, судя по результатам анкеты, чаще всего интересуются следующими темами: *развлечения* (25 % от общего числа полученных ответов), *полезная информация* (23 % от общего числа ответов); *наука* и *спорт* (соответственно 12 % и 11 % ответов). Темы *культура* и *политика* важны для данной категории информантов в меньшей мере (соответственно 10 % и 8 % ответов); внимание к темам *повседневность* и *экономика* нашло отражение соответственно в 7 % и 4 % ответов.

Анкетирование, широко используемое в разных областях гуманитарного знания, дает возможность исследователю выявить необходимую информацию в соответствии с целями и задачами исследования на основе прямых и косвенных вопросов, а участникам обдумать ответы.

3. *Эксперименты*, предполагающие рефлексию информантов относительно разных параметров медиатекста на основе использования модифицированной методики шкалирования Ч. Осгуда, позволяют участникам ранжировать оценки разных факторов, актуальных в плане воздействия различных типов медиатекстов. Исследователь при этом получает возможность выявить актуальную информацию относительно того, какие параметры медиатекстов с точки зрения воздействия оказываются наиболее важными для разных категорий информантов.

Так, обращение к двум экспериментам данного типа в свете заявленной тематики и анализ полученных от 50 информантов-старшеклассников 540 ответов с оценкой по 5-балльной шкале позволили установить:

во-первых, элементы медиатекстов в жанре блога, наиболее значимые в плане воздействия для создания комментариев к блогам (предлагалось оценить в баллах и отметить соответственно такие элементы текста, как: *имя автора; тема; заголовок; наличие рисун-*

ков, фотографий; языковые средства (их креативность, ясность, понятность, нормативность); основной пафос (идея));

во-вторых, наиболее важные для пользователей параметры коммуникации. осуществляемой на основе текстовой деятельности в соцсетях (название социальной сети, круг участников, тематика, тональность общения (доброжелательная/агрессивная), частота общения). Представим полученные результаты.

1) Суммарный подсчет ответов на каждый из отмеченных параметров в первом эксперименте и определение среднего балла на основе деления полученной суммы на количество ответов позволили определить следующее. По мнению данной категории информантов, для создания комментариев к блогам важны: а) *тематика* блога (средний балл — 4,4); б) *ясность, понятность, креативность языковых средств*, использованных автором (средний балл — 4 из 5); в) *основной пафос (идея)* и *наличие рисунков и фотографий* (для данной категории информантов эти параметры оценены одним средним баллом — 3,7). Далее по значимости отмечены: *заголовок* (3,4 балла) и *имя автора блога* (2,9 балла).

2) Для медиакommunikации в соцсетях, по мнению участников эксперимента, наиболее важным фактором является *тональность общения* (доброжелательная) — об этом можно судить по высокому среднему баллу — 4 и прямому указанию на это в ответах информантов. Второе место в полученных ответах отведено такому параметру, как *тематика* (3,8 балла). Далее по значимости соответственно ими отмечены параметры: *круг участников* — 3,7 балла; *частота общения* — 3,5 балла; *название соцсети* — 3 балла.

В целом, оценивая предварительно полученные на основе использования методов опроса, анкетирования и эксперимента данные относительно разных факторов, влияющих на характер восприятия и эффективность медиатекстов на примере такой категории адресата (информантов), как старшеклассники, можно сделать следующие выводы.

1) По разным данным (опроса, анкетирования, эксперимента), ключевым фактором для восприятия и оценки эффективности медиатекстов разных типов данной категорией адресата является *тематика*. Показательно, что этот же параметр как наиболее значимый был отмечен нами в другом эксперименте, посвященном вос-

приятно медиатекстов, с привлечением иной возрастной группы информантов 19–42 лет [17].

При этом проявляются возраст и субъективные предпочтения в данных опроса и анкетирования (для школьников, например, наиболее важными оказались темы *развлечение* и *полезная информация*). Гендерные особенности проявились в том, что у старшеклассников мужского пола предпочтения связаны с темами спорта и политики.

2) Эффективность медиакommunikации на основе текстовой деятельности во многом определяется и таким параметром, как *эмоциональная тональность медиатекста*, причем она оказалась наиболее значимой для школьников старших классов при оценке общения в соцсетях, судя по отмеченным выше данным (средний показатель в данном случае достаточно высок и составляет 4 балла). Сравним данные информантов иной возрастной группы 19–42 лет, для которой этот критерий медиатекстов в соцсетях был оценен в 2,8 балла, в отличие радиотекстов, где средний балл был 4,5, т. е. значительно выше [Там же].

3) Значимость с точки зрения эффективности общения таких факторов в медиакommunikации, как возрастной параметр адресата и тип медиасферы, проявляется и в том, что для старших школьников оказалась особенно важной роль *языковых средств* (их ясности, понятности, креативности), оцененных в 4 балла, и *рисунков и фотографий* (средний балл оценки — 3,7). Для более взрослой категории адресата 19–42 лет средний показатель оценки культуры речи и использованных в медиакommunikации языковых средств составил 4,6 балла в телевизионных программах и 2,7 балла — в блогосфере [Там же].

4) Очевидна зависимость эффективности медиатекстов в плане воздействия от их представленности в разных сферах медиакommunikации, что определяется, во-первых, *субъективными* факторами адресата, его целевыми предпочтениями в выборе типа и канала медиаобщения с учетом, например, *возраста* (ср. особое внимание старшеклассников к медиатекстам в соцсетях, как было отмечено выше) и, во-вторых, *объективными* факторами — *особенностями канала связи* (ср. особую роль, судя по средним баллам оценки информантами в телевизионных программах, таких параметров, как: речевая культура ведущих — 4,6 балла; звуковая характеристика —

4,4 балла; жесты, мимика ведущих — 2,8 балла) [Там же]; роль рисунков и фотографий в соцсетях — 3,7 балла в оценке школьников, как было отмечено выше, и 2,1 балла в оценке данного параметра в блогах информантами 19–42 лет [Там же]).

5) Методические аспекты изучения эффективности медиатекстов разных типов требуют дальнейшей разработки в силу особой значимости данной проблемы. При этом важны не только показатели языкового сознания разных категорий адресатов на основе использования основных методов опроса, анкетирования, экспериментов разной направленности, но и применение ряда других методов, а также изучение коммуникативно-регулятивного потенциала различных медиатекстов. Последнее может быть предметом специального исследования в перспективе.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.; Екатеринбург, 2004.
2. *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
3. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск, 2006.
4. *Валгина Н. С.* Теория текста: учебное пособие. М., 2003.
5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
6. *Казарин Ю. В.* Филологический анализ поэтического текста: учебник для вузов. М.; Екатеринбург, 2004.
7. *Каменская О. Л.* Текст и коммуникация. М., 1992.
8. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2003.
9. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М., 1988.
10. *Шанский Н. М.* Лингвистический анализ художественного текста. Л., 1990.
11. *Стернин И. А.* Основы речевого воздействия: учебное издание. Воронеж, 2009. С. 61.
12. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск, 2008. С. 104–105.
13. *Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Бакланова Е. А. и др.* Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. Н. С. Болотновой. Томск, 2011.
14. *Сидоров Е. В.* Проблемы речевой системности. М., 1987.
15. *Болотнова Н. С.* Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста: учебное пособие. Томск, 2015.
16. *Казак М. Ю.* Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика: международный научный журнал. 2014. Вып. 1. С. 65.
17. *Болотнова Н. С.* Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста: учебное пособие. Томск, 2015. С. 128.

Methodic aspects of study of textual activity's efficiency of language personality in media sphere

The article points to the problem of study of textual activity's efficiency in media sphere from the point of view of media texts influence on a mass addressee. The article examines the capacity of key research methods: the questioning, poll, experiments, according to modified procedure of scaling by C. Osgud which are based on statements of language consciousness of informants.

The textual activity is defined as a system of language personality's actions on the basis of knowledge, skills and abilities, which allow creation, apprehension and interpretation of the texts. The object of author's attention is secondary textual activity of personality in media sphere, which is connected with perception, interpretation, and comprehension of media texts. As a result of the secondary communicative activity of an addressee, the author examines characteristics of communicative and pragmatic text effect, which is defined as a response reaction, imparting an addressee to new information and generation of emotions, their dynamics, which stimulates further actions. Media sphere is defined as communicative space of informational network, totality of media texts of different types (newspaper texts, radio and TV-texts, network texts, etc.), whose authors and addressees are different language personalities. On the basis of informants' questioning, the article examines some linguistic and extra linguistic factors that influence textual activity's efficiency. It reveals series of regularities which affect the character of media texts perception (dependence on addressee's age, sphere of media communication, connection channel).

Keywords: method, textual activity's efficiency, secondary textual activity, media sphere, media text.

© И. А. Бубнова
МГПУ, г. Москва

Современный русский язык и динамика национального миропонимания: новые подходы к исследованию вечных вопросов

В статье представлен новый подход к изучению взаимоотношений в триаде «язык — личность — динамика национального миропонимания», развиваемый в рамках московской психолингвистической школы. Показана актуальность предлагаемого направления, обозначены его цели, задачи, а также предполагаемые результаты. По мнению автора статьи, данный подход отвечает требованиям сегодняшней реальности и позволяет выявлять и объяснять своеобразие и динамику национального миропонимания русского лингвокультурного сообщества исходя из изменений в структуре и образе мира отдельной языковой личности как представителе определенной социальной группы. Доказывается, что низкий уровень владения родным языком и, соответственно, утрата значительной частью представителей «русского мира» способности интерпретировать «закодированные» в культурных знаках тексты, ведет к кардинальным изменениям в содержании национального образа мира.

Ключевые слова: неопсихолингвистика, национальное миропонимание, культурные знаки, образ мира, русская языковая личность, родной язык, интерпретация смыслов.

С точки зрения современной постнеклассической науки основанием любой культуры в самом общем смысле этого слова является предельно обобщенная система мировоззренческих представлений и установок, в которых систематизирован и аккумулирован накапливаемый человеческий опыт. Именно этой системой мировоззренческих универсалий обусловлен «характерный для исторически определенного типа культуры образ человека и представление о его месте в мире, представления о социальных отношениях и духовной жизни, об окружающей нас природе и строении ее объектов и т. д. Мировоззренческие универсалии определяют способ осмысления, понимания и переживания человеком мира <...> В этом отношении система универсалий культуры предстанет в качестве своеобразного генома социальной жизни» [1].

Важно подчеркнуть, что выделяемый В. С. Степиным в качестве основополагающего фактора развития этнического образа мира «геном социальной жизни» — это не просто средство трансляции опыта, это своеобразные «альфа и омега» мировоззрения эпохи — шкалы ценностей, которая, становясь в процессе социализации внутренней основой человеческого сознания, детерминирует поступки и действия личности, особые черты миропонимания, т. е. ее индивидуальный образ мира. С другой стороны, несмотря на существующие индивидуальные отличия, это обстоятельство не опровергает и наличия всеобщих черт, обуславливающих специфику национального мироощущения, так как «каждый исторически образующийся коллектив — народ, класс, союз, город, деревня и т. д. — по-своему воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит объективно текущую обстановку, условия своего бытия, само это бытие — и именно в этом его отношении ко всему, что объективно есть, выражается его «дух», или «душа», или «характер», в реальном смысле» [2].

Главным источником знаний о специфике национального характера, системе основополагающих «идей», некой «духовной коллективности», определяющей переживания, впечатления, реакции, привычные модели поведения, является язык как объективный факт, продукт совместного творчества народа. При этом особое

место в таких исследованиях занимает изучение художественных текстов: именно художественная литература в силу различий вербального (речевого, кинесического и эмотивного) поведения, отличающего одну локальную культуру от другой, может служить источником культурологических сопоставлений, помогающих выявлять специфику вербального поведения [3].

В отечественном языкознании огромный вклад в разработку концепции комплексного многоаспектного рассмотрения художественного текста на основе целостного анализа, включающего его семантическую, структурную и коммуникативную организации, внесен Людмилой Григорьевной Бабенко — одним из ведущих российских лингвистов, главой уральской семантической школы, широко известной не только в России, но и далеко за ее пределами.

Хотелось бы особо отметить, что замечания Л. Г. Бабенко о семиотическом родстве языка и культуры, дающем возможность рассматривать их во взаимосвязи и позволяющим «исследовать функционирование текстов в национальном языке, национальной культуре, в социально-общественной жизни» [4], а также об уникальной роли «человека в мире вообще и в мире культуры в частности: человек — творец текста и в то же время его объект, предмет; человек — автор-адресант и адресат текста одновременно» [Там же], полностью совпадают с позицией современной психолингвистики, рассматривающей культуру и язык как ее продукт как отражение форм социального взаимодействия.

Для развиваемого сегодня в рамках московской психолингвистической школы нового направления, в рамках которого возможно изучение взаимосвязи языка и специфики мировидения народа, — **неопсихолингвистики** [5], которая изначально фокусируется на человеке как представителе этноса и различных социальных групп, с одной стороны, и индивидуальности как производной от субъективно-личностного способа осмысления действительности и выработанной в ходе этого процесса системы ценностей, с другой, принципиально важным, кроме вышеупомянутого, оказывается еще один факт, отмечаемый многими философами и психологами (см., например: [6; 7; 8; 9]): различные перемены в социальной жизни ведут к усвоению совершенно нового ряда привычных реакций на собственный быт, к появлению новых культурных традиций, и, соответственно, переменам в духовной жизни народа и на-

циональном мировидении. И в данном случае можно полностью согласиться с Г. Шпетом в том, что «духовный уклад» народа есть величина меняющаяся, но неизменно присутствующая при всяком полном социальном переживании. Духовное богатство индивида есть прошлое народа, к которому он сам себя причисляет. Однако не произвольно, не только «субъективно» — или, вернее, индивид сам себя причисляет «субъективно» — но мы можем и «со стороны», «объективно» определить, под каким укладом раскрывается его собственное душевное содержание. «Субъективное» определение самого индивида точно так же нельзя считать произвольным. Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, **он может даже «переменить» народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять — не «произвольно», а путем долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего его духовного уклада»** [10] [выделено нами. — И. Б.].

В связи с процитированным выше высказыванием следует заметить, что смена коллективных представлений и чувств — это достаточно длительный процесс, который происходит и отражается изначально именно в продуктах речевой деятельности отдельного человека. Этим обстоятельством и обусловлено то, что в центре интересов неопсихолингвистики оказывается *образ мира* отдельной личности, формирующийся в процессе различных видов деятельности человека в обществе и его рефлексии над своим бытием. Если же определять стоящие перед исследователями конкретные задачи, то в качестве основной можно назвать выявление отраженного в сознании человека реального мира как результата когнитивной обработки полученных им из внешнего окружения данных.

В силу того, что мир в сознании личности может быть представлен только через значения (см. об этом подробнее в работах: [11; 12]), предлагаемый подход требует непосредственного обращения к содержанию субъективного значения слова.

Из сказанного выше очевидно, что методологической базой неопсихолингвистики как нового исследовательского направления являются общие с психолингвистикой:

- а) положения общепсихологической теории деятельности;
- б) подходы отечественных психологов к проблеме *образа мира*;
- в) психолингвистическая концепция значения слова, в основе которой лежат главные принципы его исследования в рамках пси-

холингвистики, объединяющая два возможных модуса существования значения: во-первых, как феномена сознания, психического, т. е. сугубо субъективного явления, формирующегося в процессе индивидуального восприятия и осознания мира из комплексов признаков слова, отбираемых из окружающей действительности в процессе различного вида деятельности; и, во-вторых, как феномена, структура которого, субъективная по своей сути, одновременно ограничена и опосредована конкретно-исторической структурой значений, где отражен совокупный общественный опыт определенной социальной общности или культуры, т. е. языком, а в ее основе лежит знание об условиях употребления слова для называния определенной референтной ситуации.

Следовательно, продолжая психолингвистические принципы исследования значения, неопсихолингвистика расширяет ее традиционные рамки, ставя своей целью:

- 1) изучение реальной интерпретации культурного знака, рассматриваемого как «закодированный» текст¹, в сознании современных представителей разных социальных групп, входящих в одно лингвокультурное сообщество;

- 2) выявление причин, обуславливающих специфику интерпретации культурных знаков в различных социальных группах.

Реализация поставленной комплексной цели позволит определить, насколько существенны расхождения в образах мира представителей различных микросоциумов и, таким образом, смоделировать те последствия, которые они могут иметь для национальной культуры и, шире, для русской цивилизации.

Предлагаемый подход представляется актуальным в силу ряда обстоятельств, главным из которых является неуклонное изменение содержания структуры русской языковой личности, что проявляется уже не только в ходе экспериментов, но и в огромном количестве реальных коммуникативных ситуаций, интерпретация и, соответственно, поведение в которых до начала XXI века определялось традиционными для России культурными нормами и ценностями.

¹ Под «закодированным» текстом понимается текст, в котором скрыто некое значимое для истории всего народа событие или действие, разворачивавшееся на основе его культурных ценностей и социальных норм и происходившее в определенный период развития этноса.

С одной стороны, такое положение кажется закономерным на фоне происходящих глобализационных процессов. Более того, очевидно, что многочисленность связей внутри любого события, определяющая сложность контекста, в который «погружен» культурный знак, не означает априори многогранного его отражения в индивидуальном сознании, и это также может быть причиной вариативности поведения. Однако, с другой стороны, вряд ли вызывает сомнения, что смысл культурно детерминированных действий либо событий всегда, вне зависимости от различных факторов, адекватно понимается личностью, если соблюдены несколько условий. Во-первых, человек должен быть реально «погружен» в свою культуру, внутренне ощущать свою принадлежность к определенному этносу. Во-вторых, он должен иметь достаточно глубокие и, главное, систематизированные знания, касающиеся культурного наследия своей страны и ее истории. И, наконец, он должен обладать развитой способностью к самостоятельному мышлению, обеспечивающему умение выявлять и анализировать многочисленные связи. Именно отсутствие даже одного из перечисленных параметров ведет к различиям, порой кардинальным, в приписываемых культурному знаку смыслах.

Развитие всех качеств личности, о которых было сказано выше, в значительной мере зависит от общества, приоритеты которого находят свое отражение в основных направлениях деятельности различных социальных институтов, ответственных за воспитание, образование и просвещение его членов. Причем ни полноценное образование, ни полноценное воспитание невозможно без нормального владения родным языком, лексический состав и грамматический строй которого не только сохраняет дух народа, но и во многом определяет развитие мышления и обусловленное культурными ценностями поведение человека. Именно на этот факт обращал внимание А. Р. Лурия, развивая положения культурно-исторической теории выдающегося отечественного психолога Л. С. Выготского и неоднократно подчеркивая в своих работах, что источники сознательной деятельности и «категориального» поведения лежат не в глубинах мозга, а во внешних условиях общественной жизни. Сознательная деятельность человека формируется в ходе присвоения им сложной системы кодов, т. е. языка, который «раньше был связан с непосредственной практикой, вплетен в нее,

а затем постепенно, в процессе истории, начал становиться системой, которая сама по себе достаточна для того, чтобы сформировать любое отвлеченное отношение, любую мысль» [13]. Такой взгляд на человеческий язык не только «изнутри», но и с другой стороны — социальной, с точки зрения которого главное отличие языка от любого набора знаков, призванного отражать аффективные состояния его пользователей, — это способность «к формированию «категориального сознания» [Там же], был всегда характерен для отечественной науки, уже давно доказавшей, что только благодаря этому свойству языка индивид может «врастать» в свою культуру, становясь человеком, отличающимся от иных биологических видов наличием процессов сознательной и произвольной психической деятельности.

Здесь уместно отметить, что такое мнение полностью разделялось даже непримиримыми идеологическими противниками русского этноса. Так, один из основополагающих тезисов идеолога нацизма рейхсляйтера по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга гласил, что достаточно уничтожить памятники культуры народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как самостоятельная нация. Собственно, данное высказывание было не чем иным, как конкретизацией программы его шефа, рейхминистра пропаганды Йозефа Геббельса, утверждавшего: «Для уничтожения нации надо уничтожить ее культурные ценности» [14]. Причем, прекрасно понимая, что культурные ценности — это не только собственно предметный мир, мир артефактов, который можно разрушить, но и формы идеальные — язык, знания, ценности, устоявшиеся нормы морали, нацисты, одновременно с вывозом предметов искусства, разработали и программу ликвидации духовного наследия русской нации. Следуя указаниям Г. Гиммлера, заявлявшего, что для людей на востоке будет достаточно, если они смогут сосчитать до 500 и написать собственное имя [15], ведомство Розенберга разработало специальную программу школьного образования на оккупированных территориях СССР, где предусматривалось раннее изучение немецкого языка, а требования к знанию русского ограничивались начальными навыками чтения, так, чтобы по окончании начальной школы ученик «мог написать письмо, прошение, расписку». Что касается

грамматики¹, то ее рекомендовалось изучать «постольку, поскольку это необходимо для достижения указанной цели» [16].

Парадокс состоит в том, что то, что не удалось нацистам, было реализовано уже в современной России в конце XX века. Результаты проводимого в течение нескольких десятилетий широкомасштабного эксперимента в российском образовании хорошо известны сегодня: подавляющее большинство молодых людей не владеют русским языком (но достаточно неплохо знают английский), объясняясь на его упрощенной версии, не предполагающей знания грамматики, стилистических нюансов родного языка и этики речевого поведения.

В целом анализ языковой ситуации, существующей сегодня в России, позволяет утверждать, что в нашей стране в настоящий момент сформировано и доминирует так называемое совмещенное двуязычие, характерное для «полукультурных» представителей общества, которое является «продуктом», в значительной степени искусственно создаваемым и поддерживаемым различными общественными институтами. И такое положение определяет общее направление исследований, реализация которых возможна в рамках неопсихолингвистики, заключающееся в выявлении экспериментальными методами степени разрушения русской лингвокультуры, русского языка и, соответственно, степени изменения русской языковой личности, обусловленных происходящими в социуме процессами.

В заключение выскажем предположение, что, возможно, происходящие сегодня изменения в русском языке и, соответственно, в содержании русской языковой личности являются следствием постепенного исчезновения у людей, входящих в русское лингвокультурное сообщество, чувства непрерывности языка, что связано с уменьшением чувства национального самосознания и ослаблением связей внутри нации как отдельной социальной группы, о чем писал в свое время Л. В. Щерба. Однако эти изменения вряд ли можно назвать результатом случайного стечения обстоятельств. Подобный тип личности может формироваться только путем планомерного разрушения смыслового пространства национальной культуры при помощи самых различных методов, к которым относятся и изменение языковой нормы, и замена слов родного языка

¹ Л. В. Щерба утверждал, что усвоение грамматической системы языка ведет к качественно новой ступени в развитии мышления.

иноязычными словами, и отказ от глубокого изучения собственной литературы, истории, и многое другое, что в итоге ведет к изменению национального, обусловленного тысячелетней культурой миропонимания. Более того, в соответствии с законами диалектики количество непременно переходит в качество. В данном случае результатом должна стать полная потеря чувства национальной идентичности у поколений, получающих образование, целью которого является формирование компетенций, а не знаний. А потеря идентичности, представляющей собой важнейший структурный компонент любого государства, позволяющий ему выстоять в жесточайшей конкурентной борьбе в эпоху глобализации — это не только потеря ценностных ориентиров и собственной культуры, это отказ от собственных национальных интересов и, как следствие, потеря национального суверенитета страны. Хотя, может быть, мы наблюдаем неизбежный исторический процесс, о котором так точно сказали древние: “*Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*”. В любом случае следует надеяться, что новое направление, представленное в данной статье, окажется продуктивным для поиска ответов на поставленные вопросы.

Примечания

1. *Степин В. С.* Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М., 2006. С. 217.
2. *Шпет Г. Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996. С. 9.
3. *Сорокин Ю. А.* Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 122–123.
4. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. М., 2004. С. 32.
5. *Бубнова И. А., Красных В. В.* Нео-психолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психолингвистики. 2014. № 3 (21). С. 128–136.
6. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб., 2001.
7. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004.
8. *Мамардашвили М. К.* Форма превращенная // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5.
9. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. М., 2010.
10. *Шпет Г. Г.* Указ. соч. С. 153.
11. *Леонтьев А. Н.* Указ. соч.
12. *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / отв. ред. А. А. Леонтьев. М., 1971. С. 7–19.

13. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М., 1998.

14. Мазурицкий А. М. Деятельность штаба А. Розенберга в отношении фондов советских библиотек в годы Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://gpntb.ru/win/inter-events/crimea2001/tom/sem1/Doc4.HTML> (дата обращения: 06.05.2016).

15. Хасс Г. Германская оккупационная политика в ленинградской области (1941–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. 2003. № 3. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HASS.HTM> (дата обращения: 06.05.2016).

16. Ермолов И. Г. Школьное и профессиональное образование на оккупированных территориях РСФСР // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 44–52.

Modern Russian language and dynamics of national world's view: new line of studies

The article presents new linguistic approach called neo-psycholinguistics, which could become new promising direction in the study of interrelations among basic cultural phenomena forming a triad “language — personality — specific features of national world's view”. The urgency to develop this approach, the aims, tasks, and expected results are described. The author argues that this line of studies meets challenges of new reality. Thus, such approach could be helpful in understanding and explaining the specific traits and dynamic of Russian national world's view in XXI century in the wake of the changes of the individual language personality as a representative of a definite social group. In author's opinion, today's observable changes in the structure of a Russian language personality are determined to a considerable degree by low level of proficiency in the native language. This situation leads to the loss of the ability to interpret underlying meaning of a cultural sign content and, finally, to crucial changes in the world's view content both on individual and national levels.

Keywords: neo-psycholinguistics, national world's view, cultural sign, world's view, Russian language personality, a native language, the loss of the ability to interpret.

© Е. И. Голованова
ЧелГУ, г. Челябинск

Семантика слова в профессиональном языке

В статье анализируется семантика терминов, профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, образованных лексико-семантическим способом. Выявляются особенности концептуализации специальных объектов на основе общеупотребительных единиц языка, обращается внимание на межотраслевой, междисциплинарный характер осмысления отдельных лексем, на примере слова *рукав* показывается множественность векторов интерпретации составляющих предметной сферы в профессиональном языке. Автор утверждает, что в сфере профессиональной номинации наиболее релевантными оказываются те семантические характеристики исходного слова, которые значимы для познавательно-профессиональной деятельности специалистов. Особое внимание в статье уделяется переосмыслению в профессиональной среде наименований родственных отно-

шений и в целом антропоцентрической концептуализации специальных объектов на основе общелитературной лексики. К лингвистическому анализу привлекаются специальные обозначения из различных сфер профессиональной деятельности: медицина, автомобильный, авиационный и железнодорожный транспорт, морское дело, журналистика, торговля, кулинария, информатика, строительное дело и других. В исследовании учитываются различия в образной концептуализации специальных объектов разными классами анализируемых единиц: если термины и профессионализмы нацелены на прояснение свойств специального объекта в соответствии с присущей им ориентирующей функцией, то профессиональные жаргонизмы ориентированы на передачу оценочного отношения к объекту, сложившегося в рамках социально-профессиональной группы.

Ключевые слова: профессиональный язык, термин, профессионализм, профессиональный жаргонизм, семантическое развитие слова, многозначность.

Вопросы семантики термина и других разрядов профессиональной лексики относятся к числу традиционных проблем отечественного терминоведения. Принципиальным моментом при рассмотрении данных вопросов является тезис А. А. Реформатского о том, что термин — это «слуга двух господ», системы языка и системы специальных понятий. С одной стороны, термин, являясь единицей языка, обладает лексическим значением и вступает в разнообразные парадигматические связи и отношения (антонимия, синонимия, паронимия, омонимия). С другой стороны, термин соотносится со специальным понятием в системе понятий определенной области знания или деятельности. Следовательно, его содержание конвенционально и обусловлено местом соответствующего понятия в системе. Между лексическим значением термина и его содержанием, безусловно, наблюдаются корреляции, систематический характер которых представляет большой научный интерес.

Семантика профессионализмов и профессиональных жаргонизмов в гораздо меньшей степени коррелирует с системой понятий: это вполне самостоятельные и более субъективированные совокупности обозначений, функционирующие в профессиональной среде. При этом если профессионализм (профессиональный коллоквиализм) нацелен на прояснение специального содержания, характеристик именуемого объекта, процесса, явления, т. е. выполняет присущую ему и термину ориентирующую функцию (подробнее см. [1]), но при этом не стремится к системности, то профессиональный жаргонизм предназначен для выражения экспрессии, трансляции той или иной оценки, формирования определенного отношения к объекту, процессу, явлению в рамках социально-

профессиональной группы [2]. Объединяющим началом для всех разрядов специальной лексики (терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов) выступает их вторичный, производный характер: основой для образования профессиональной единицы любого типа выступает естественный язык, его лексическая система и комплекс словообразовательных средств.

В центре внимания настоящей статьи находятся профессиональные единицы, образованные лексико-семантическим способом (в том числе осложненные суффиксацией), в соответствии с чем нас интересуют закономерности семантического преобразования лексики в процессе ее вхождения в профессиональный узус.

Начнем с примеров межотраслевой, междисциплинарной концептуализации профессиональных объектов на основе готовых лексем. В сфере профессиональной номинации нередки случаи, когда одно и то же наименование используется для номинации различных объектов, в том числе в независимых друг от друга областях знания или деятельности. Так, например, в коммуникации представителей целого ряда профессий употребляется наименование *рыба*. В среде музыкантов под рыбой подразумевается рабочий вариант мелодии (или текста); переводчики называют рыбой черновой вариант перевода; журналисты — предварительно собранный и подготовленный материал для публикации; в общении научных работников этим словом обозначают заготовку отзыва, рецензии или характеристики; веб-дизайнеры используют его в значении «временное наполнение макета страницы для имитации ее законченного вида»; в деловой среде повсеместно *рыба* — это шаблон документа, используемый для составления окончательного текста. В основе всех наименований лежит нечто общее, а именно материализованная схема, макет будущего произведения как связного целого (своего рода «скелет», который в дальнейшем «обрастает мясом»). Иными словами, в специальном референте профилируется наличие структуры, при этом довольно простой (ср. у рыбы: голова, позвоночник и хвост).

Другой пример междисциплинарного обозначения — *кирпич*. В среде аспирантов так называется подготовленный к прочтению научным руководителем текст диссертации; у журналистов-печатников этим словом именуют большую статью; телевизионщики используют его для названия протяженного по времени моно-

тонного видеосюжета. Во всех случаях речь идет о неструктурированном или слабо структурированном материале (тексте в широком смысле). Основанием для отождествления именуемого объекта со строительным предметом является гомогенность содержания и отнесенность простота формы.

И в первом, и во втором случае образная концептуализация качеств специального объекта способствует легкой и быстрой передаче информации в условиях устной неформальной коммуникации профессионалов. Данные наименования не коррелируют с терминами и не претендуют на статус термина — не только потому, что служат обозначением объектов на промежуточных этапах творческой работы, которые слабо фиксируются сознанием и к тому же носят факультативный характер, но прежде всего потому, что они отражают практический, а не теоретический взгляд на сам процесс создания творческого продукта (подробнее о различиях между теоретической и практической деятельностью с позиции профессионала см. [3]).

Тем не менее наглядность общедоступного для восприятия образа может быть весьма востребованной при создании терминологических обозначений. Покажем это на примере слова *рукав*. Это существительное, как свидетельствует его использование в профессиональных языках, обладает так называемым «кластерным эффектом», то есть может указывать на разные свойства именуемого предмета.

В своем исходном (общеупотребительном) значении рукав — это «часть одежды, покрывающая руку или часть руки» [4]. Судя по сочетаемости и соотносительным словам, рукав может быть разной длины (короткий, длинный, «три четверти»), ширины (широкий, узкий) и формы («фонарик», реглан и т. д.). Рукав как обозначение артефакта относится к классу функциональных имен, т. е. таких, которые предполагают определенный постоянный способ использования соответствующего предмета [5], ср.: продеть руки в рукава, натянуть рукав (на руку), закатать (засучить) рукава. При этом рукав мыслится не как самостоятельный предмет, а как неотделимая часть одежды (платья, рубашки, пиджака, пальто и т. д.). В то же время существование генетивных конструкций типа *рукав платья* и предложных конструкций типа *рукав у платья* указывает на то, что рукав не является денотативно фиксированным предме-

том (платье может быть и без рукавов). Как и другие части одежды, рукав претерпевает над собой известные манипуляции: укоротить/удлинить рукав, надставить рукав, пришить/заштопать рукав, поставить заплату на рукав и т. п.

В сфере профессиональной номинации релевантны лишь те свойства объектов, которые значимы для познавательной профессиональной деятельности специалистов. Так, в географической терминологии слово *рукав* используется в значении «ответвление русла реки или отделившееся русло, но далее впадающее в ту же реку ниже по течению» [6]. В данном определении четко противопоставлены целое (река) и его часть (рукав). Функционирование данного термина показывает, что *рукав* — это одновременно и контейнер, русло для части речного потока (ср. в общем употреблении: рукав — вместилище для руки), и сам движущийся объект (проток [7], протока). В специальной литературе отмечается, что рукав реки может образоваться вследствие отложения наносов в русле реки в виде островов, при спрямлении русла реки по пойме или в результате обхода потоком выступов на дне, сложенных неразмываемыми породами. При изменении в режиме реки речной поток может разрабатывать то одно (основное), то другое (второстепенное) русло; в некоторых случаях рукав может стать основным руслом реки [8]. Примечательно, что рассматриваемый географический термин имеет производные наименования: *многорукавное русло*, *многорукость*, *второстепенный рукав*. Следовательно, будучи результатом лексико-семантического терминообразования, наименование получило в составе терминологии дальнейшую понятийную и словообразовательную разработку.

Для нас важно, что наиболее значимыми семантическими характеристиками исходного слова в географической терминологии явились следующие: 1) соотношение часть — целое и 2) контейнер для чего-либо. Остальные характеристики, например, парность, типичная форма (в виде трубки), функция защиты («покрытие для рук»), в данном случае нерелевантны.

В словарях зафиксировано еще одно специальное значение слова *рукав* — «труба или кишка для отвода жидкостей, газов, сыпучих тел» [9]. Это значение во многом пересекается с дефиницией термина *пожарный рукав* — «гибкий трубопровод для транспортирования огнетушащих веществ, оборудованный пожарными соеди-

нительными головками». В приведенных примерах, как видим, существительное «рукав» реализует такой семантический признак, как полый контейнер для чего-либо. Примечательно, что в нерабочем состоянии пожарный рукав выступает как отдельный предмет, но в момент функционирования он присоединяется к источнику огнетушащих средств, составляя с ним единое целое.

Употребляется рассматриваемое слово и в профессиональном общении кулинаров. Так, в словаре Б. И. Осипова зафиксировано следующее значение слова *рукав*: «кондитерский мешок для изготовления украшений из крема» [10]. Как видим, специальное содержание здесь основывается на свойстве рукава быть контейнером, а также на наличии свободного конца с одной стороны рукава. Еще один специальный предмет в данной сфере носит название *рукав для запекания*. Он имеет вид рукава, смотанного в рулон. Для приготовления пищи от рулона отрезают кусок нужной длины, кладут в него подготовленный продукт, завязывают края и помещают в духовку на противень, сковороду или решетку. Название реализует такие релевантные свойства рукава, как трубчатая форма и функция защиты (в данном случае — от высокой температуры: с его помощью готовят низкокалорийные жареные блюда).

Наиболее близок по внешнему виду и форме к исходному референту *рукав для дрессировки собак*, который используется кинологами для постановки правильной хватки у овчарки. Важное отличие от первоначального предмета — автономность (обычно надевается поверх одежды на одну из рук) и усиленный защитный слой.

Эвакуационный рукав — спасательное устройство, предназначенное для эвакуации людей из аварийного надводного объекта. Представляет собой гибкий полый контейнер различной длины, один конец которого закрепляется у выхода из объекта эвакуации, а второй — фиксируется спасателями на льду или воде. Подобные рукава используются в чрезвычайных ситуациях на морских объектах нефтегазодобычи для экстренной эвакуации экипажей буровых установок, особенно в ледовых условиях, когда применение шлюпок и плотов невозможно. Аналогичный вид имеет и наклонный спасательный рукав (другие названия: трап, желоб, скат), предназначенный для спасения людей в наземных условиях — из высотных зданий и сооружений.

Свободный рукав — часть швейной машины, которая используется для шитья элементов одежды, имеющих форму трубки, например штанины, манжеты, рукава, носки и т. д.

Любопытно функционирование рассматриваемого слова в устной профессиональной коммуникации. Так, работники аэропортов используют его на правах синонима к термину *телескопический трап* (устройство для сообщения самолета со зданием аэровокзала, без промежуточного выхода на улицу). Здесь реализована не только характеристика «часть — целое», но и защитная функция рукава, поскольку пассажиры, перемещающиеся из самолета в здание аэровокзала (или наоборот), оказываются защищенными от внешних погодных условий, от шума двигателей, потоков пыли и газа. Кроме того, устройство пассажирского телескопического трапа, или рукава, позволяет менять его длину до 14 м. Однако другие признаки рукава (в частности, парность, типичное вертикальное положение в пространстве, свободный конец) игнорируются.

По аналогии с географическим термином в профессиональной среде водителей *рукав* употребляется в значении «дорога, параллельная основной, которую можно использовать в часы пик». В среде декораторов, специалистов по интерьеру рассматриваемое наименование функционирует как обозначение особого вида портьер: тяжелую штору перевязывают с помощью подхвата-кисти так, что самая широкая часть напоминает рукав многослойного средневекового костюма. В последнем случае решающим для выбора наименования, по-видимому, послужил внешний вид рукава как детали одежды, и прежде всего его вертикальное положение, а также обязательная фиксация с одной стороны и свободное положение с другой.

Таким образом, широкое применение лексемы *рукав* в качестве основы для создания профессиональных наименований (терминов и профессионализмов) в различных подъязыках свидетельствует об актуальности ряда ее семантических характеристик: указание на часть целого, значение контейнера (вместилища), функциональный потенциал. Многие другие характеристики, например, парность рукавов, их типичное вертикальное расположение в пространстве, разнообразие видов и форм, а также фиксированность рукава с одной стороны и наличие свободного конца с другой во многих случаях игнорируются.

Рассмотрим другой пример разноаспектной концептуализации специальных объектов на основе готовых лексем. В профессиональной речи строителей используется слово *сапожок* как обозначение напольного плинтуса, напоминающего в разрезе форму сапога — с высоким голенищем и закругленным носком. В стоматологии словом *сапожок* именуется патология, связанная с формой корней зуба: в нормальном состоянии они расположены вертикально, но в указанном случае их концы образуют закругление («растут сапожком»).

Как видим, фокус внимания в первом и втором наименованиях различен. Исходя из словарного определения, сапог — это «род обуви с высоким голенищем» [11]. Следовательно, в качестве наиболее релевантной характеристики исходного понятия выступает форма голенища, которая определяет зрительный образ и задает вершинный компонент значения слова [12]. Именно так профилируется содержание строительного профессионализма. В стоматологии же на первом плане оказывается переход от вертикальной формы основной части объекта к его нижней части и образуемое этими частями закругление (тем самым внимание профессионала переключается с «голенища» сапога на «носок», загиб).

В целом ряде областей профессиональной деятельности выделяются наименования, восходящие к общей сфере-источнику. Возьмем, к примеру, концептосферу «семья» (для русского сознания, как известно, родственные отношения составляют одну из самых значимых концептуальных сфер).

В речи продавцов одежды используется профессионализм *мамочка*. Так называют фирменный ярлычок, этикетку на изнаночной стороне изделия (где указаны размер, состав ткани и страна-производитель). Выбор сферы-источника в данном случае объясняется стремлением подчеркнуть «скрытую, внутреннюю» локализацию предмета, с одной стороны, и особенности представленной на нем информации (в частности, сведения о стране-производителе) — с другой. Отметим, что первый концептуальный признак актуален для профессиональной среды электриков: обозначение *мама* используется здесь как название части штепсельного разъема с отверстиями (штекер, вилка, т. е. наружная часть разъема называется *papa*; полное наименование соединения *мама-papa*). Второй концептуальный признак (исходный, «родительский», корневой харак-

тер чего-либо) также значим в специальных подязыках. Например, в речи моряков словом *матка* обозначается база подводных лодок или малых надводных кораблей, ср. также: *материнская фирма, материнское растение, маточный раствор, маточный рассол* и др. Оба указанных выше признака реализованы в наименовании *материнская плата* и его неформальных заменителях *мать, мама, мамка* в языке компьютерщиков.

Приведем примеры актуализации в профессиональных языках других наименований по родству: *воскресный папа* — так в речи телевизионщиков неформально обозначается ведущий еженедельной итоговой программы на федеральном канале; *пасынок* — общехозяйственный термин в речи агротехников для обозначения боковых побегов на стволе томатов или перцев; *дочка* — неофициальное обозначение дочерних фирм (в речи банковских служащих и предпринимателей); *братская могила* — журналисты понимают под этим наименованием «титры, быстро пробегающие в конце программы и содержащие список имен тех, кто работал над ее созданием», представители вузовской и академической науки используют это обозначение применительно к сборникам научных работ, обладающим низкой эффективностью (малочитаемым или не читаемым вовсе); *племянник* — прицеп, следующий за полуприцепом, в речи водителей-дальнобойщиков; *теща* — кувалда в речи рабочих, этим же словом в речи водителей-дальнобойщиков обозначается длинномерный многоосный прицеп; *свекровь (свекровка)* — кувалда; *свойчок* — участник эпизода (в неформальной речи сотрудников правоохранительных органов); *дед* — дизельный двигатель.

Анализ морской профессиональной лексики показал, что семантическое развитие слова здесь представлено весьма широко; при этом номинаторы довольно часто обращаются к приему антропоморфизации. Сравните, например, неформальные названия судов: *купец, торгоаш* — коммерческое торговое судно; *бродяга* — судно, перевозящее случайные грузы (от общеупотр. бродить — совершать нецеленаправленное движение); обозначение гидросамолета — *лапотник* (по сходству поплавков, поддерживающих самолет на воде, с лаптями) [13]. Для профессиональных обозначений строения судна характерно детальное, «анатомическое» восприятие человека. Так, метафорическое название передней части судна *нос* повлекло за собой появление ряда наименований: *усы* («буруны, струи, подни-

мающиеся от носа лодки или поплавка гидросамолета при движении его по воде» [14]), *борода* («водоросли и ракушки, которыми обрастает подводная часть (днище) судна» [15]), *скулы* («изгиб, на корпусе судна, где борт, закругляясь, переходит в носовую заостренную часть» [16]), *щеки* («носовая и кормовая скула у речных судов» [17]), *ноздри* («крюк для буксировки тросом»), что в итоге формирует целостный антропоморфный образ центрального объекта водного транспорта. Образ дополняют названия парусов и судового ограждения: *чепчики* (брамсели, верхние паруса на парусном корабле), *кринолин* (1. противоторпедные сети, подвешиваемые на выстрелах перед бортами кораблей. 2. ограждение в корме речного судна для защиты руля от повреждения).

Антропоцентричность профессионального взгляда проявляется в таких морских профессионализмах, как *толчея* — сильное и хаотичное волнение волн, *пластырь* — устройство для временной заделки пробоины, повреждения в подводной части судна, *холостяк* — просверленное в корпусе деревянного судна отверстие для постановки нагелей и болтов, оставшееся по недосмотру неиспользованным. Последний пример со всей очевидностью показывает, что в специальном предмете для профессионала очень важна его **готовность функционировать**: *больной вагон* — у железнодорожников: неисправный в техническом отношении; *несвежий светфор* — у водителей-дальнобойщиков: «непроходимый» для грузового автомобиля (времени для проезда недостаточно); *убитый шрифт* — у типографских работников: неразличимый, нечитаемый шрифт; *убить поезд* — в речи железнодорожных диспетчеров: нарушить график работы поезда; *убиться* — у моряков: лопнуть, порваться (о снастях).

Для профессионального языка очень важна взаимная обусловленность всех предметов — участников рабочих процессов и явлений. Ситуации, когда эта взаимосвязь нарушена, имеют особое обозначение. Так, например, моряки самым тесным образом связаны с движением воды, ветра: от силы и направления ветра зависит движение воды и соответственно требуется постоянная корректировка движения судна. Эта связь воспринимается как нечто привычное, необходимое. Нарушение же связи получает специальное обозначение в языке: *мертвый штиль*, *спящие волны*, *сонная вода*.

Нами выделены ряды однокоренных слов в разных профессиональных подъязыках с общим признаком «отсутствие ответной реакции, фиксированность позиции, статичность». Например, обозначения с корнем *глух-*: *глухое окно* — в речи строителей: неподвижное окно, не открывающееся, без возможности доступа воздуха, *глушить* — в волейболе: отбивать мяч без возможности ответного удара; в морском языке: поражать подводные лодки глубинными бомбами, там же: *глухарь* — крышка иллюминатора. Сходный признак выражается профессионализмами и профессиональными жаргонизмами с корнем *вис-*: *висяк* — в речи сотрудников правоохранительных органов: нераскрытое преступление («висит», т. е. не движется); *повиснуть* — у водителей: не въехать в подъем из-за скользкого покрытия, буксовать; *зависнуть на трубе* — в речи медиков: о больном, если долго не удастся снять его с аппарата искусственной вентиляции легких («N неделю на трубе висит», т. е. находится в одном состоянии, без изменений); *висеть на перископе* — у подводников: «находиться без хода с выдвинутым перископом для наблюдений за морем и воздухом» [18]. Ср. также в речи бухгалтеров: *висят остатки* — числятся в учете («Остатки висят уже полгода»); в коммуникации компьютерщиков: *завис, зависла* — (о компьютере, программе) замер(ла) без движения, *висяк* — программа, приводящая к зависанию компьютера.

Особенности семантики профессиональной лексики, образованной семантическим способом, закономерно приводят к формированию антонимических пар, отличных от общеупотребительного языка, например, в морском подъязыке: *поднять паруса* (привести паруса на судне в действие) — *свернуть паруса* (спустить); *полная вода* (наивысший уровень воды в море при приливе) — *малая вода* (самый низкий уровень воды в море при отливе); *бросать якорь* — *выбирать якорь* и т. п. С последним специальным предметом в речи моряков связано уникальное выражение *якорь говорит*, т. е. «якорь ползет, не держит, в результате чего судно дрейфует вместе с якорем» [19]. Иными словами, в данном сочетании репрезентируется представление, что якорь, словно живое существо, сообщает, сигнализирует своим поведением об опасном положении для судна.

Некоторые слова в профессиональном обиходе получают весьма нетривиальное (по сравнению с общеупотребительным) значение. Например, *вездеход* у моряков — это «универсальный ключ,

который подходит к замкам всех или большинства помещений на судне» [20]. В общелитературном языке этим словом обозначается «автомашина, предназначенная для использования в труднопроходимой местности, на бездорожье» [21].

Не менее примечательно переосмысление в морском подязыке слова *беседка* — «деревянная доска, подвешенная на подъемном приспособлении и служащая сиденьем при подъеме людей на мачты, трубы, а также для работ при очистке и покраске борта судна» [22]. Если сравнить с общеупотребительным значением этого слова: «легкое парковое или садовое строение для отдыха, защиты от дождя, солнца» [23], то обращает на себя внимание, что в исходном лексическом значении никак не акцентировано наличие мест для сидения в качестве обязательного элемента беседки (хотя именно это и проясняет смысл названия: *беседка* — место, где *беседуют*, т. е. неторопливо разговаривают, общаются). В специальном значении не выделенный в словаре, периферийный признак (наличие сиденья) оказывается главным, а другими важными признаками выступают «легкая конструкция» (подвесная), «на открытом воздухе» (вне основных помещений), которые упомянуты в словарном толковании («легкое строение», «парковое или садовое»).

Таким образом, анализ семантики профессиональных наименований, образованных лексико-семантическим путем, позволяет проследить особенности и закономерности профессионального восприятия и интерпретации специальных объектов, а также убедиться в нежестком, лабильном характере лексических единиц языка, который обеспечивает множественность и нетривиальность их переосмысления субъектами профессиональной деятельности.

Примечания

1. Голованова Е. И. Ориентирующая функция термина // С любовью к языку : сб. науч. тр.: посвящается Е. С. Кубряковой. М.; Воронеж, 2002. С. 180–188.
2. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М., 2014.
3. Голованова Е. И. Профессиональная языковая личность: специфика познавательных процессов в сфере теории и практики // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. М., 2010. С. 261–270.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. М., 1983. С. 738.
5. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. С. 31.
6. Географический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosystema.ru/07referats/slovgeo/734.htm> (дата обращения: 02.06.2016).

7. Рукав // Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1939. Стб. 1401.
8. Географический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosystema.ru/07referats/slovgeo/734.htm> (дата обращения: 02.06.2016).
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. М., 1983. С. 739.
10. Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. М., 2003. С. 459.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984. С. 28.
12. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
13. Каланов Н. А. Словарь морского жаргона. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2011. Здесь и далее толкования морской лексики (без кавычек) приводятся по этому словарю.
14. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 336.
15. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 40.
16. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 307.
17. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 24.
18. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 256.
19. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 380.
20. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 57.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1981. С. 146.
22. Каланов Н. А. Указ. соч. С. 34.
23. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1981. С. 80.

Semantics of word in the professional language

The article analyses semantics of terms, professionalism and professional jargon units that are formed by means of the lexico-semantic method. It reveals peculiarities of conceptualization of special objects on the basis of common linguistic units, points out interdisciplinary character of perception of singular lexeme, by the example of the word *rukav* (*sleeve*) it shows plurality of vectors of interpreting components of objective sphere in professional language. The author states that in the sphere of professional nomination the most relevant are those semantic characteristics of the original word that are meaningful for specialists' cognitive-professional activity. Special attention in the article is given to reconsideration in professional sphere of relationships names and generally to anthropocentric conceptualization of special objects on the basis of common lexis. Under the linguistic analysis are special names from different spheres of professional activity: health care, road, air and railway transport, seamanship, journalism, trade, culinary, information technology, construction, etc. The research takes into account differences in image conceptualization of special objects by different classes of the analyzed units: if terms and professionalism are targeted at clarifying special object features according to their inherent orienting function, then professional jargon units are oriented onto transferring evaluative attitude to the object that has been formed within social-professional group.

Keywords: professional language, professionalism, professional jargon unit, semantic development of a word, polysemy.

Игровой потенциал слова (по данным ассоциативного словаря)

В статье в свете данных «Русского ассоциативного словаря» представлен анализ игровых «проекций» восприятия вербальных знаков в экспериментальном режиме спонтанного реагирования респондентов на заданные стимулы. Эффект языковой игры рассматривается с учетом его потенциальности или реализованности — на основании критерия нестандартности (нетривиальности) ассоциативных сближений. Характеризуются основные направления игровой актуализации слова с учетом типов ассоциирования (формального, формально-смыслового, семантического). Совокупный состав ассоциатов, представленных в словарной статье, дает возможность выявления разновекторных стратегий и приемов языковой игры применительно к одному и тому же стимулу. Описание игры осуществляется как соотношение стимул — реакция (с учетом актуализированных пресуппозиций, моделирующих игровой концепт, и лингвистических приемов переключения ассоциативных стереотипов на фоне всплывающих аналогий). Языковая игра, таким образом, предстает как операциональный компонент языковой способности, отражающий взаимодействие механизмов правополушарного (ассоциативного) и левополушарного (аналитического) мышления в процессах обработки когнитивной и собственно лингвистической информации. Склонность к языковой игре и приоритеты в выборе ее регистров определяются как особенностями латерального профиля говорящего, так и когнитивной и лингвокультурной базой, составляющей основу психологической реальности значений в сознании конкретного субъекта.

Ключевые слова: языковая игра, ассоциативный потенциал слова, ассоциативная лексикография.

Рассмотрение языковой игры (далее — ЯИ) как формы лингвокреативного мышления [1] предполагает исследование тех ассоциативных механизмов, которые лежат в основе обновления языкового стандарта. Такой анализ требует, с одной стороны, обращения к ассоциативному контексту «продуктов» ЯИ (игр, игровых трансформ) с учетом лингвистической техники деавтоматизации восприятия вербальных знаков); с другой стороны, — исследования потенциально игровой функции слова как отражения хранящейся в нашем сознании информации (того ментального субстрата, который образуется взаимодействием когнитивного и языкового опыта субъекта, способствуя актуализации ассоциативных связей и возможностей их интерпретации в процессах ЯИ). Проявленная интенция к ЯИ (нарушению языкового канона) получает при этом обоснование в свете ассоциативного потенциала слова — совокуп-

ности реакций на словесный стимул, которые могут возникать в сознании носителей определенного языка и культуры. Ассоциативный контекст слова как психологически релевантная модель значения может быть выявлен составом реакций, полученных в ходе психолингвистических экспериментов. Опыт такого представления значений закреплен в ассоциативных словарях, в частности в таком значимом словарном проекте, как «Русский ассоциативный словарь» (РАС), созданный авторским коллективом под руководством Ю. Н. Караулова. В словарных статьях фиксируется ассоциативный контекст слова-стимула, отражающий как социально отфильтрованные стереотипы языкового сознания, так и субъективные проекции значения и формы вербальных знаков, представленные в опыте говорящих зонами личностного смысла и образами разных чувственных модальностей восприятия («чувственной тканью» [2]). Особым статусом обладают реакции, которые можно расценивать на основании их нестандартности как некий реализованный или потенциальный прием ЯИ. Характеризуя такие реакции, Ю. Н. Караулов отмечает: «В языковых играх — каламбурах, иронических фразах, оксюморонных словосочетаниях, морфофонетических сближениях несходного или противоположного — отчетливо проявляется нестандартность, поисковая активность языкового сознания носителей языка: институт — *заборостопительный*, студент — *мудёр*, чадо — *чадушное* [тщедушное], учительница — *мучительница*; знамя — *для прикрытия заплаток*; спина — *как за каменной спиной*; сходить — *замуж*; театр — *одного зрителя*; тюрьма — *верной дорогой идете, товарищи*; искусство — *пошлых веков*; грести — *ушами в камыши*; столовая — *рыгаловка*; знакомый — *не помню, как зовут*» [3]. Поисковая активность языкового сознания в процессах ЯИ, с нашей точки зрения, коррелирует с рефлексией над формой и содержанием вербального знака, сопровождаемой отступлением от языкового канона.

Однако не во всех случаях предъявления нестандартной реакции можно с уверенностью судить о проявленной респондентом игровой интенции в плане ее оформленности и осознанности. Грань между преднамеренным и спонтанно возникающим эффектом ЯИ в экспериментальном дискурсе (при ограничении времени предъявления реакции) очень подвижна. Здесь природа ЯИ как «бесконечная интерпретационная валентность знака» выступает в

чистом виде, проявляя склонность носителей языка к использованию нестандартного вектора ассоциирования.

Для экспериментальной верификации интенции к ЯИ мы предлагали разным группам респондентов интерпретировать связь между стимулом и реакциями, зафиксированными в РАС. В тех случаях, когда реакция рассматривалась как потенциально игровая, не эксплицированная, но предсказуемая, использовалось стимулирующее эту интенцию задание: «создать шутку, обыграть связь между стимулом и реакцией». Проведенные нами пилотные эксперименты позволяют говорить о релевантности соответствующих типов ассоциативных связей для создания игр. Иначе говоря, определенные виды ассоциирования, задействованные в процессах ЯИ, «записаны» в сознании говорящих и составляют операциональную базу игровой компетенции.

В каждом конкретном случае квалификация игры (по данным РАС) осуществляется как соотношение стимул — реакция (с учетом актуализированных пресуппозиций и лингвистических приемов переключения ассоциативного стереотипа на фоне всплывающих формальных и формально-смысловых аналогий). К сказанному добавим, что ассоциативный словарь дает возможность рассмотреть игровой потенциал слова с учетом разных типов когний, репрезентированных в совокупном наборе реакций на заданный стимул. Таково, например, выражение пресуппозиций «любовь не всегда бывает разделенной; настоящая любовь не бывает по расчету», представленных прецедентными реакциями на стимул А (воспринятый как противительный союз): *ты любви моей не понял* (слова известной песни); *я не хочу по расчету* (песенка принцессы из мультфильма «Бременские музыканты»). Ср. ассоциации другого типа, предъявленные на тот же стимул: А — *вот и нет; как же; то* (все они имеют отношение к ситуации оправданного/неоправданного ожидания и могут создавать игровой эффект ассоциативной провокации). Ср. произносимое с интонацией похвалы, утверждения, положительно-оценочной самопрезентации «*А то!*» как шутливую экспресу разговорной речи.

Формальный тип ассоциирования как основа ЯИ (потенциальной и реализованной) проявляется в сближениях слов на основе внешнего (фонетического и структурного) сходства. Статус потенциальной игры могут придавать слову: 1) рифмовки-отзвучия,

отражающие игровую стихию балагурства: ср. автобус — *лейбус* (осколок слова *троллейбус*); алгебра — *бра*; Амур — *лямур*, *ту-жур*, базис — *рубазис*; ананас — *бананас*; алмаз — *как глаз*, *не пластиглаз*; абсолют — *салют*; 2) омофонические, парономастические, паронимические ассоциаты (подобные реакции обычно относятся к формальным; однако заметим, что случайные и неслучайные фонетические сближения являются отправным моментом для условно-игровой актуализации значений слов и их каламбурного сближения): например, Байкал — *взалкал*; аксакал — *саксаул*, *поскакал*, *проскакал*, *ускакал*, *обскакал* (явно комическое обыгрывание парономастического сходства ассоциатов со стимулами); армия — *и я* (омофонический ассоциат, актуализирующий противопоставление уникальности личности и принципа всеобщего подчинения); балбес — *на дерево влез* (парономастическая рифма подчеркивает идею неразумности действий глупого человека); бандит — *не победит* (практически готовый ораторский «лозунг»).

Формально-смысловой тип ассоциирования, основанный на отношениях структурной и смысловой выводимости (корреляции) между сближаемыми лексемами, продуцирует следующие виды потенциальных игр: 1) словообразовательные инновации, синонимичные слову-стимулу (балбес — *легковес*); 2) оценочная актуализация смысловой связи однокоренных слов (вещь — *вещизм*; банк — *ва-банк*); 3) ремотивация и реноминация, этимологическая рефлексия: кощей — *был без костей* (обыгрывание внутренней формы слова-стимула); банка — *стеклянка* (ср. банка-склянка); Аладдин — *со сметаной* (ложноэтимологическое сближение прецедентного имени с *олады*); баламут — *болотоход* (по ассоциации стимула с *мутить*, *мутный* и *болото*); 4) нестандартная актуализация грамматических оппозиций (бабки — *ёжки*; бездонный — *неб* (ассоциат образован путем игровой дефлексии как способ «согласования» со стимульным прилагательным м.р.); 5) присоединительная (оформленная как отдельное высказывание или его фрагмент) «реплика» с ироническим подтекстом: автобус — *хочу быть икарусом* (здесь ассоциат Икарус — символ высокой статусности в «автобусной иерархии» советской эпохи; ср. ассоциативную аналогию с фразами типа *хочу быть генералом*); аксакал — *еще жив* (считывается пресуппозиция «аксакал — «глава рода, старейшина, почтенный человек» и ироническая импликатура «так

долго не живут»; возможен и вариант интерпретации этой реплики как шутивого одобрения); абсолютный — *и обязательный* (реакция, создающая в связке со стимулом шутивую максиму: формулу беспрекословного, непреложного подчинения закону). Ю. Н. Караулов расценивает такие реакции как ответные диалоговые реплики испытуемого на заданный стимул [4]. Игровой статус таких иронических реплик может быть поддержан рифмой: балет — *я лучше съем котлет* (шутивый протест против профессии, занятия, требующего для поддержания хорошей формы строгих ограничений в питании).

Семантический тип ассоциирования проявляется в актуализации соотношения между ядерной и периферийными зонами содержания слова-стимула (включая параметры внутрисловной и междусловной контекстуальной актуализации): 1) оксюморонные синтагматические реакции (академия — *дураков*; аквариум — *заслуженный*, атаковать — *втихую*; вершина — *спада*, вероятно — *но факт*); 2) парадигматические реакции в виде «симиляров» и «оппозитов» (абсолютный — *муравей*, ср. синонимичное выражение *абсолютный ноль*); атом — *электрон, нейтрон и, кажется протон*; балбес — *стоеросовый* (ср. *дубина стоеросовая* и *круглый балбес*); 3) отрефлектированная (и обыгрываемая) многозначность стимула (бабки — *гринь, лимоны; есть не у всех, дедки*); бегать — *от инфаркта, от себя, от долгов, от дела, без штанов*; 4) метафорическая актуализация ассоциативной связи: авария — *в душах*; потенциально может обыгрываться и омонимия форм существительных *душа* и *душ*); байки — *правительства*; Бастилия — *любви*; 5) энантиосемическая оценочная гиперболизация: абсолютный — *аппетит* (игровая импликация заключается в иронии по поводу чрезмерного пристрастия к еде, всеядности; ср. *хороший аппетит*); 6) аллюзивные игры, связанные с предъявлением прецедентных ассоциатов (такие реакции, с одной стороны, можно признать стереотипными, с другой — несущими в себе коннотации, позволяющие выразить мысль нелобовым способом с отсылкой к известному культурному тексту; особую разновидность представляет игровая актуализация семантики имен собственных, ср. айсберг — *еврей, немец*; случай онимизации апеллятива на основе ассоциативной аналогии с фамилиями, имеющими национальный колорит); Алиса — *прекрасная* (аллюзия на сказку Л. Кэрролла

«Алиса в стране чудес» и косвенная, выводимая на основе созвучия имен, контаминация с Василиса Прекрасная).

Каждый вид перечисленных потенциальных игрем заслуживает отдельного описания. Однако в связи с обращением к ассоциативному словарю как источнику сведений о проявлении игровой интенции в режиме спонтанного реагирования на заданный стимул представляется более репрезентативным анализ разных стратегий ЯИ по отношению к одному и тому же стимулу или по отношению к стимулам одного типа.

Рассмотрим несколько показательных в этом отношении вербальных стимулов, получающих (по данным РАС) потенциально игровую разновекторную актуализацию:

ад: **сковорода** (метафорическая реакция на основе пресуппозиции «место, где поджаривают грешников», шутливая профанизация сакрального смысла и в то же время отсылка к прецеденту); **не то, что рай** (присоединительная реплика-сентенция в виде констатации с актуализированным вектором отрицательной оценки); **яд** — ложноэтимологическое ассоциативное отождествление (ср. *яд* от *ести*) в свете пресуппозиции *ад* — «невыносимые мучения». Ср. *принять яд, отравить ядом*. Не исключена паронимастическая игра ассоциатов;

Айболит: **болит, ай, болит!** (рефлексия над игровой омофонической мотивацией прецедентного имени), **душа болит** (метафорическая актуализация внутренней формы стимула при использовании игровой рифмы); **уколотся** (ситуативная актуализация значения «быть в состоянии наркотического опьянения»), **сидит под деревом, бастует** (два последних ассоциата, как показал проведенный нами опрос, могут восприниматься в связке, будучи противопоставленными предсказуемым реакциям — глаголам активного действия *летит, мчит*, которые также представлены в словарной статье). Прецедентная фраза «*Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит*» в данном случае получает энантиосемическую оценку;

алгебра: **гимнастика мозгов** (метафорический перифраз сниженно-разговорной тональности, в шутливой форме отсылающий к пресуппозиции «математика — важный, но трудный предмет, требующий сообразительности и усердия»); второй ассоциат **опять двойка** является ситуативной актуализацией прецедента (ср. назва-

ние известной картины Ф. Решетникова), в игровой форме выражается импликатура «школьники часто получают двойки по алгебре»;

алкоголь: *горько* (ассоциат может восприниматься трояко: как возглас на свадьбе, когда поднимают тост за новобрачных, и как категория состояния, и в прямом смысле); *помогает жить, смысл жизни* («лозунговые» сентенции, опрокидывающие максимум «алкоголь зло, алкоголь вреден для здоровья»);

Аника: воин, *Гоника* (ассоциат, представленный как рифмовка-отзвучие имени собственного Аника, допускает идентификацию с омоформой *гони-ка* (императивом от *гнать*); игровая проекция отсылает к оценочной пресуппозиции (горе-вояка); ср. ассоциаты-отзвучия, свидетельствующие, очевидно о незнании прецедента: *Моника*, *Анка* (ассоциативная идентификация или противопоставление мужских и женских имен с окончанием –а содержит игровой ресурс), *клубника*, *земляника* (псевдокорреляты слова-стимула), *яника* (возможно, этот ассоциат — результат фонетической модификации стимульного слова по сближению с созвучным женским именем *Яна*, ср. также аналогию с названиями ягод с формантом –ик/а).

Бегемот: *кот*, *болото* (возможно, это прецедентные ассоциаты, ср. кот Бегемот в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» и расхожую цитату «Из болота тащить бегемота» из стихотворения К. Чуковского «Телефон»); *мот*, *обормот*, *не тот* (ср.: Федот да не тот) — рифмовки-отзвучия с оценочной коннотацией (принцип дразнилки); *туша в бородавках* (реакция виде сниженно-иронического перифраза).

Бах: *композитор*, *трах*, *бух*, *бабах*, *бултых*, *бум*, *бум!!!*, *тара-рах*, *хлоп* (омонимия имени собственного с звукоподражательным междометием *бах* порождает соответствующий ряд ассоциатов-ономатопов), *по лбу* (ср. *дать по лбу*, *щелкнуть по лбу*, отсылающие к ситуации грубого отпора или урезонивания чьих-то неоправданных амбиций); *упал рояль*, *хлоп* (междометие, соотносительное с *хлопать* и *хлопнуться*, ср. *бах* как звук музыкального «аккорда»).

Совокупный набор ассоциатов на один и тот же стимул создает возможность рассматривать игровой ресурс слова на фоне стереотипных, предсказуемых реакций, в том числе прецедентных. Так, ассоциативный потенциал обыгрывания слова *амёба* актуализирует пресуппозицию «беспозвоночное существо, нечто аморфное, неоп-

ределенное». Ср. метафорические ассоциаты — *в мыслях* (ироническая оценка неспособности ясно представить, сформулировать собственную мысль); *женищина, ласка* (с сопутствующими коннотациями «невыразительности, слабой выраженности эмоций»); *туфель, инфузория-туфелька* (ср. эту связку с амеба как потенциально игровой ассоциативный гибрид); *альфа и омега* (параномастическое отождествление *амеба* с *омега*, возможно, ошибочное, притягивающее прецедентный ассоциат; не исключена, однако, и преднамеренная игра: смысловая перекличка ассоциатов по признаку «начало и конец чего-н.» (ср. амеба — *простейшее* одноклеточное животное).

Прецедентный игровой ресурс ассоциативных реакций проявлен в достаточно широком диапазоне: ср. Америка — *открыта, открытая давно, для американцев, страна чудес, good-bye*. Приведенные ассоциаты имеют прецедентный характер: транслируют иронический смысл фраземы *открыть Америку* («делать открытия давно и всем известные»), мотив эмиграции в Америку, «страну чудес», ср. песенный прецедент «*Good-bye, Америка*» (культовое произведение группы «Наутилус Помпилиус»); *Америка для американцев* (суть доктрины Джеймса Монро, декларация внешней политики США) «фиксирует» устойчивый социокультурный стереотип. Ср. реакции типа *Аладдин* — и волшебная лампа, *отдай лампу* (трансляция прецедента с коннотацией шутливой угрозы или увещевания); *Амур* — *шалил* (словоформа, отсылающая к фразе *шалости Амура*); *ананас* — *и рябчики, буржуй* (актуализация прецедентного текста, стихотворения В. Маяковского: «*Ешь ананасы, Рябчиков жуй, День твой последний приходит, буржуй!*»). При этом у разных респондентов всплывают разные фрагменты данной фразы, которые восходят к пресуппозиции «ананасы и рябчики — еда буржуев, не доступная простым людям»). Ассоциат *и рябчики* является грамматически трансформированной «выжимкой» из цитаты и содержит импликацию «деликатесные продукты», реакция *буржуй* несет в себе социальную оценку — «признак буржуазного роскошества» (оба смысла могут быть спроецированы на современную ситуацию, о чем, в частности, свидетельствуют полученные нами в условиях пилотного опроса комментарии: *Ананас и рябчики* — диета современных буржуев; простой и «здоровый» завтрак от Юлии Высоцкой (ведущая передачи «Едим дома»). В

целом прецедентные реакции показывают, как работает механизм актуализации и игрового перекодирования информации, закрепленной в сознании в виде гештальта.

Игровая интенция нередко проявляется в актуализации личного опыта респондента, связанного с восприятием содержания словесного стимула. Ср.: ананас — *большая шишка* (шутливый перифраз, подчеркивающий визуальное сходство сравниваемых реалий), *бананас* (рифмовка отзвучие или шутливая контаминация слов *ананас* и *банан* по общему признаку «экзотичности» этих фруктов), *казалось, не ели* (стилистически сниженные иронические реплики, содержание которых содержит импликацию «ананас — экзотический фрукт, который не каждый пробовал; простые люди ананасы не едят»); Ариадна — *заблудился я* (ситуативно-игровая, шутливая личностная проекция смысла культурного прецедента *нить Ариадны*).

Игровой (или потенциально игровой) статус реакции на слово-стимул маркирован операционально, т. е. самой техникой сближения ассоциатов, порождающей новые (нестандартные) формы и смыслы:

— окказиональное словообразование как способ креативного реагирования на заданный стимул: ср. антилопа — *газуля* (контаминация ассоциатов *газель* и *косуля*); слово-гибрид «фиксирует» зооморфные стереотипы грациозности, приписывая это свойство и антилопе; баобаб — *баодед* (игровой ассоциат, антонимически отзеркаливающий ложноэтимологическую мотивацию слова-стимула); барабан — *грозхотунчик* (деминутивное образование-фоносемант); бездарь — *и тупизень* (ср. *тупица* и структурные аналоги *слизень*, *трутень*) — ассоциат обладает сниженно-усилительной шутливой экспрессией; бездельник — *сидельник*, *работист* (окказиональные синоним и антоним слова-стимула); *бездонный* — *сдонный* (замена приставки как способ создания окказионального игрового антонима); болтун — *многослов*, *лапшист* (ср. фразему *вешать лапшу на уши* — обманывать, сознательно вводить в заблуждение); ботаник — *ботан-студент*, *жучколюб*, *зоофилик* (синонимический ряд экспрессивных игровых симилияров слова-стимула);

— игровое несоответствие реакции и типовой референции слова-стимула: анфас — *полицейское фото* (ср. *анфас* — *и в профиль*

— по отношению к ситуации фотографирования на память); аромат — **в конюшне** (оксюморонное словосочетание, иронически контрастирующее со значением «приятный запах», закрепленным за стимульным словом в обычном употреблении; ср. выражение запах, как в конюшне — с отрицательной оценочной коннотацией); балбес — **по штату** (возможно, о том, кто вынужден играть эту роль согласно занимаемой должности или в угоду начальству);

— обыгрывание нонсенса: баня — **через дорогу раздевалка** (характеристическая реплика обозначает комизм ситуации: переход от раздевалки к бане и обратно в голом виде); бегом — **в никуда**; болтун — **замолчал** («невероятная» ситуация); великан — **с ноготок**; вежливый — **как ворона**;

— игровая антитеза (перевернутая максима): аргумент — **без факта** (ср. логическую пресуппозицию, согласно которой аргументы должны подкрепляться фактами, а также предсказуемый прецедентный ассоциат «АИФ» (название газеты), представленный в числе реакций на данный стимул); вечность — **не вечно** (игра однокоренных слов, отрицание тождественного; ср. шекспировскую фразу «Нет ничего вечного под луной»);

— трансформация устойчивого выражения, фразеологизма, цитаты (стилистическое снижение, литота, буквализация, профанизация, ремотивация и реноминация): Ариадна — нить Ариадны, **ниточка, палочка-выручалочка**; баклуши — **нужно бить**; бабочка — **крылышками бег-бег** (ср. исходный вариант «Бабочка крылышками бяк, бяк, бяк...»); бедность — **не показатель, не радость** (ср. бедность не порок); бегом — **к Парнасу** (шутливо о поэтическом вдохновении, ср. *взойти на Парнас* «стать поэтом, заговорить стихами»); ср. ассоциаты, свидетельствующие о фразеологических контаминациях как потенциальных играмах: бездарь — **царя небесного** (ср. *олух царя небесного* и *полная бездарь*); будь — **что будь** (шутливая, в угоду рифме, грамматическая «девиация» в составе фраземы *будь что будет*); палка — **и кнут** (ср. кнут и пряник); яблочко — **на темечко** (шутливая реплика, имеющая смысл внезапного озарения; ср. открытие Ньютоном закона всемирного тяготения при падении *ему на голову* яблока); вермишель — **на ушах** (ср. вешать лапшу на уши); веревка — **о двух концах** (ср. палка о двух концах);

— метафорическая актуализация прецедентного наименования применительно к характеристике нового объекта: асфальт — *Амурские волны* (ср. аналогичное название вальса), *Арафат* (ср. Арафат «священная гора, на которой раз в год собираются мусульманские паломники»). Обе реакции имеют игровой иронически-оценочный характер, визуализируя образ неровного, плохо уложенного, старого — с провалами и буграми — асфальта;

— игровое тиражирование типовых моделей образной номинации: баобаб — *тупой* (ср. прототипическую метафору дуб — о глупом человеке), *зуб* (ср. образную аналогию с корнем дерева, коренной зуб); барабан — *лысина* (визуальная образная аналогия); бревно — *советская женщина* (ср. бревно — о бесчувственном человеке; шутливо-иронический намек на известную фразу о том, что в Советском Союзе не было секса);

— обыгрывание разного рода созвучий: атом — *о том о сём* (игровой ассоциат эксплуатирует эффект омофонического переразложения); *щепки* (ассоциат паронимически отсылающий к понятию *расщепление* атома); банка — *кабан* (омофонический перевертыш, многократное и без пауз повторение любого из этих слов создает эффект их «взаимообратимости»; в данном случае реакция респондента отсылает к практикам детского игрового фольклора); баобаб — *любит баб* (шутливая сентенция на основе ложной этимологии); безделье — *лье* (игровой антонимический коррелят слова-стимула);

— обыгрывание омонимии и многозначности слов и грамматических форм: вести — *из ниоткуда* (парадоксальное обыгрывание значения стимула как существительного); *в тупик* (стимул интерпретирован как глагольная форма: вести в тупик); *«Вести»* (обыгрывание совместного употребления омоформ: вести «Вести»); *беседка* — *с соседкой* (ср. беседка «легкое сооружение в саду или парке» и омонимический дериват (с уменьшительным суффиксом -к) от *беседа* (короткий разговор); не исключена и ложноэтимологическая мотивация каламбурного сближения рифмующихся ассоциатов *беседка* и *соседка* (ср. пресуппозицию: беседка — место для отдыха, беседы, свиданий; выражение *беседка с соседкой* содержит импликацию «флиртовать»); бор — *и сыр* (ср. *сыр-бор* и *сыр* «молочный продукт»; см. в этой связи загадку-шутку: *Когда лес бывает закуской? — Когда он сыр*); ясно — *что темно* (оксюморонное

сближение антонимов, сопровождаемое обыгрыванием их многозначности — прямого и переносного употребления);

— оценка стимульного слова через прецедентные ассоциативные аналогии: банкротство — **МММ** — *нет проблем* (рекламный лозунг «лопнувшей» финансовой пирамиды, акционерного общества МММ, обещавшего вкладчикам баснословную прибыль); бесплатно — *рублевая банкнота* (ср. факт обесценивания рублевой «валюты»);

— реакция в связи со стимулом создает высказывание (шутливую сентенцию) или номинативное словосочетание афористического (парадоксального) типа: безделье — *не дело* (ср. выражение *это не дело* в значении отрицательной оценки); *друг безденежья* (ассоциативная провокация); ср. бездельник *со стажем* (ироническая характеристика того, кто не желает работать или лишен такой возможности); бурелом — *лжи* (метафорическая экспрессема); быт — *забыт* (сближение однокоренных слов, создающее шутливую сентенцию);

— ономастическая игра, создающая разного рода корреляции между именем нарицательным и собственным: болван — *Болваныч* (игровая имитация отчества, производного от стимульного апеллиатива, гиперболизация признака «глупый»); бор — *Врубель* (каламбур на основе ложноэтимологического сближения фамилии известного художника с *рубить*, соответственно *бор* — это лес, который рубят, вырубают); ботаник — *мичуришь* (шутливый ономастический дериват); Брежнев — *Рожнев* (оценочно-визуализирующая реноминация через сближение фамилии политика с мотиватором *рожа*); Буратино — *дурадино* («ходячая» играма разговорной речи: принцип дразнилки); пальцев — *Кольцов, Нахальцев, Мальцев* (обыгрывание омонимии словоформы существительного со структурой русских фамилий; с учетом апеллиативной семантики стимула можно предположить игровой характер мотивации онимов как соотносительный с пресуппозициями «носить кольцо на пальце», «указывать пальцем на кого/что-либо», маленький палец (мизинец); великан — *Горан* (ономастический синоним); Шарик — *Шарикавс* (игровая трансформа, мотивированная звукоподражательным *авс*, содержит шутливую иронию по поводу «породистости» дворового пса).

Представленный анализ экспериментальных данных позволяет предположить, что в ассоциативно-вербальной сети потенциальная игра может быть представлена и актуализирована как в «сбранном» (гештальтном), так и в «разобранном» виде (когда она возникает в результате ассоциативного «инсайта», сближения отдаленных ассоциатов или, напротив, разведения тождественного). ЯИ, таким образом, предстает как операциональный компонент языковой способности, отражающий взаимодействие механизмов правополушарного (ассоциативного) и левополушарного (аналитического) мышления в процессах обработки когнитивной и собственно лингвистической информации. Склонность к ЯИ и приоритеты в выборе ее регистров определяются как особенностями латерального профиля [5] говорящего, так и когнитивной и лингвокультурной базой, составляющей основу психологической реальности значений в сознании конкретного субъекта.

Осознание парадоксальности, условности (даже ошибочности) установленной ассоциативной связи создает поле для языковой игры.

Основу лингвокреативной интерпретации словесных знаков составляет «сложная конфигурация когнитивных признаков» [6], образующих игровой концепт.

Игровая интенция, проявленная при реагировании на словестимул, считывается как некая дешифруемая импликатура, заданная самим типом ассоциирования и операциональным приемом языковой игры.

Примечания

1. *Гридина Т. А.* Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
2. *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. С. 762.
4. *Караулов Ю. Н.* Указ. соч. С. 761.
5. *Коновалова Н. И.* Психодиагностика речевой способности. Екатеринбург, 2015.
6. *Бабенко Л. Г.* Удача: счастливый случай или случайное счастье? (О проблемах лексикографической интерпретации склеенных концептов) // Образ России и россиянина в слове и дискурсе: когнитивный анализ: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2011.

Game potential of the word (based on association dictionary)

The article in the light of “Russian association dictionary” presents the analysis of the game “projections” of perception of the verbal signs in experimental mode of spontaneous response of respondents to set incentives. The potential effect of language game is viewed on the basis of the original association encounters characterized by the main directions of updating the game based on word association types (formal, formal-semantic, semantic). The total composition of the associates presented in the dictionary entry allows detection of differently oriented strategies and techniques of language game in relation to the same stimulus. The description of the game is determined by the ratio of intention stimulus — response (taking into account the presuppositions of updated modeling gaming concept, and linguistic methods of switching the associative patterns on a background pop analogies). Language game thus appears as an operational component of language ability reflecting hemispheric cooperation mechanisms (association) and the left hemisphere (analytical) thinking in the treatment of cognitive processes and the actual linguistic information. Tendency to the language game and priorities in the selection of its registers are defined as features of the lateral profile of the speaker, as well as cognitive and linguistic-cultural basis, the basis of the psychological reality of values in the consciousness of the individual subject.

Keywords: a language game, word associative potential, associative lexicography.

© **М. Джусупов, К. Сапарова**

*Узбекский государственный университет мировых языков,
г. Ташкент*

Фоностилистика и звуковая интерференция как истоки вариативности функционально-стилевого маркера языковой единицы и речи¹

В статье анализируется проблема взаимосвязи фоностилистики и звуковой интерференции; фоностилистика и звуковая интерференция рассматриваются как причины порождения вариативности стилистической окраски в языке и речи; стилистические маркеры языковой единицы в речи билингва подразделяются на те, которые являются нормой для данного языка и на те, которые появляются в результате формирования в сознании говорящего искаженного психообраза языковой единицы. Интерференция способствует порождению другой стилистической окраски языковой единицы, чем та, которая была у нее в нормативной русской речи. Такая стилистическая окраска слова, как правило, характеризуется сниженностью, так как «искаженное» произношение воспринимается исконным русофоном как разговорно-бытовая, а не книжная. Звуковая интерференция порождает ложные фоноварианты слов русского языка, которые не свойственны нормативной русской лексике и орфоэпии. В этом плане наблюдаются серьезные различия в объеме тео-

¹ Статья публикуется по оригиналу текста, опубликованного в Вестнике Карагандинского гос. университета им. Е. А. Букетова. Серия «Филология». 2013. № 1. С. 4–11.

ретически возможной и фактически функционирующей фоностилистической звуковой интерференции в русской речи тюркофонов.

Ключевые слова: фоностистика, речевая интерференция, вариативность, функциональная стилистика, парадигматика, синтагматика, билингвизм.

1. Вводные замечания

Тип или вид стилистической маркированности языковой единицы и речи как в устной, так и в письменной форме ее реализации зависит от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. Эти факторы способны менять стилистическую окраску языковой единицы как в рамках одного функционального стиля, так и в рамках разных функциональных стилей, поэтому стилистическая вариативность отдельной языковой единицы или высказывания — явление как внутрестилевое, так и межстилевое.

Лингвистических и экстралингвистических факторов, способствующих смене стилистической окраски лексемы или предложения, много. Эти факторы можно дифференцировать на следующие разновидности:

1. Лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие смене стилистической окраски языковой единицы и речи, основанные на внутренних и внешних свойствах данного языка (например, русского). В этом случае смена стилистического маркера (или стилистическая вариативность) происходит за счет ресурсов одного языка. Влияния второго или третьего языка не наблюдается. Такой тип функционально-стилевой вариативности стилистической окраски является ведущим. К этому типу смены стилистического маркера языковой единицы и речи относится прежде всего фоновариативность, т. е. средства фоностистики, а также лексическая синонимия и т. д.

2. Лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие смене стилистической окраски языковой единицы и речи, основанные на внутренних и внешних свойствах как данного языка (например, русского), так и другого языка, контактирующего с русским языком (например, казахского или узбекского). В этом случае смена стилистического маркера языковой единицы происходит под воздействием другого (второго) языка. Как правило, такая смена функционально-стилевого маркера — результат ошибки индивида или социума в речи на неродном (изучаемом) языке. Подобная стилистическая вариативность — нарушение стилистиче-

ских норм изучаемого (русского) языка. Однако с точки зрения индивида, только-только формирующегося в качестве билингва, это не ошибка. С точки зрения же индивида — носителя русского языка — это ошибка, которая в подавляющем большинстве случаев воспринимается как отрицательная смена стилистической окраски языковой единицы и речи. Такая смена стилистической окраски чаще всего оценивается как сниженная.

Причиной этого типа смены стилистического маркера языковой единицы и речи прежде всего является интерференция (в нашем случае звуковая интерференция).

Изучение вариативности стилистического маркера, как и всякого языко-речевого явления, тесно связано с уровневой структурой языка, дихотомией *язык и речь*, парадигматикой и синтагматикой языковых единиц. Поэтому прежде чем приступить к изучению смены стилистического маркера с позиций положений фоностилистики и звуковой интерференции, коротко рассмотрим вышеназванные основополагающие понятия и положения языка как системы и языка как процесса.

2. Язык как парадигматическая и синтагматическая структура

А. А. Реформатский писал, что без структурного понимания языка «нельзя дать правильного (т. е. адекватного действительно-сти) синхронного описания языка в любом его историческом статусе (будь то сугубая современность или же какой-нибудь там XI век), совершенно невозможно строить типологию языков <...> структурное понимание языка преследует цель более высокой степени реальности познания лингвистического объекта и более адекватной его интерпретации в изложении науки» [1].

Язык, по А. А. Реформатскому, как орудие коммуникации и важнейший источник информации, проявляется прежде всего в своем знаковом качестве и структурно-системных свойствах, которые предопределяют рассмотрение и изучение фактов языка в рамках структурализма, то есть язык — «логически организованная репрезентация онтологии своего предмета» [2], которая реализуется в парадигматике и синтагматике. Он состоит из знаков и его отношений, воспринимаемых как знаки в их аналитической и структурной расчлененности по ярусам и уровням. Лингвистические знаки как члены системы входят в определенные системные связи и

структурные отношения в пределах каждого из ярусов и уровней языка и вне этих связей и отношений они не существуют.

Язык выявляет в каждом ярусе своей структуры иерархически соподчиненные единицы и их аллоэмы (аллофоны, алломорфы, аллосемы и т. п.) и устанавливает соотношения между единицами разных ярусов: «высшая единица низшего яруса является низшей единицей высшего яруса» [3]. В структуре языка наблюдаются тождества и нетождества как в пределах одного яруса, так и в пределах разных ярусов, поэтому понятие структуры языка нельзя подменять понятием механического упорядочения и устройства.

Структурное понимание языка сводится в целом к следующим основным положениям [4]:

1. Язык — система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов (Ф. де Соссюр).

2. Язык характеризуется структурной стратификацией и выделением языковых уровней.

3. Единицы языковых уровней тесно связаны между собой и обуславливаются друг другом.

4. Взаимосвязанность и взаимообусловленность структурных элементов языка отражается в парадигматическом и синтагматическом аспектах функционирования языковых единиц.

5. Структура языка не носит характер «механического упорядочивания и устройства». Она способствует раскрытию функциональной природы языковых единиц как коммуникативных средств общения, создавая предпосылки для реализации их семантической и семасиологической специфики.

Образцом структурного понимания языка и его ярусов, как утверждает А. А. Реформатский, является фонология [5]. Так, структурное понимание языка в разработке проблем в области фонологии отражается:

- 1) в различении релевантных и иррелевантных признаков и их иерархии в составе фонемы;

- 2) в определении звуков, которые не могут встретиться в одной позиции или могут замещать друг друга как аллофоны в тех же морфемах, как разновидностей одной фонемы, а звуков, которые могут встречаться в одинаковой позиции и различать смысл — как различных фонем;

3) в разграничении фонетического варьирования и морфологических (морфонологических) альтернатив;

4) в качественной дифференциации типов и результатов варьирования, нейтрализации противопоставленных фонем в одном варианте и вариации фонемы;

5) в структурном подразделении позиций на сигнификативные, связанные с дифференциацией и нейтрализацией, и перцептивные, позволяющие определить основной вид фонемы и ее вариации;

6) в выявлении результатов нейтрализации фонем вследствие их варьирования;

7) в выделении категорий фонем, ведущих и побочных в порядке своей иерархии, обуславливающих всю фонетическую систему языка [6].

Структурное понимание языка предполагает синхронное изучение и описание его структуры, поиск эффективных методов лингвистического анализа и описания языковой системы в целом.

Одним из таких методов структурного описания фонологии и других ярусов языка является метод анализа различных фонетических явлений в аспекте теории значения.

Теория значения составляет основу лингвистической концепции Дж. Р. Ферса — идейного организатора и теоретика Лондонской лингвистической школы [7].

Согласно теории значения Дж. Р. Ферса, каждая языковая единица имеет значение, которое определяется как комплекс функций, осуществляемых данной языковой единицей в высказывании, в определенном контексте и ситуации коммуникации. Этим комплексом функций, то есть значением, наделяется лингвистическая форма языковой единицы.

Каждый уровень языка создает те или иные условия для реализации одной (нескольких) из функций лингвистической формы, выступая для нее определенным контекстом. В связи с этим значения лингвистической формы конкретизируются, подразделяясь на семантическое, грамматическое, фонологическое и др.

Контекст на внутрilingвистических уровнях анализа подразделяется на два измерения: парадигматическое и синтагматическое, которые рассматриваются как «единство, одновременно раскрываемое в ходе анализа» [8]. Последнее обстоятельство есть непременное условие эффективности исследования речевой деятельно-

сти во всем многообразии ее проявлений и функций в наши дни, когда наблюдается переход от формального структурализма лингвистических изысканий к функционально-коммуникативному подходу. Иначе говоря, лингвистические исследования языковой системы не сводятся сегодня к простому описанию и инвентаризации языковых средств, а преследуют цель их изучения в непосредственном процессе общения, в реальных актах коммуникации. Анализ функционирования языковых единиц в речи, их синтагматических и парадигматических особенностей позволяет выявить совокупность всех возможных взаимосвязей и взаимоотношений, в которые вступают языковые средства в процессе речепроизводства, и следовательно, установить систему и структуру их языковой организации.

Изучение парадигматических отношений, по Дж. Р. Ферсу, должно способствовать установлению системы, а анализ синтагматических отношений позволить раскрыть структуру. Таким образом, языковые средства, вступающие в парадигматические отношения, выступают членами парадигматической системы, а языковые средства, вступающие в синтагматические отношения — членами синтагматической структуры.

Из вышеизложенного следует, что система реализует парадигматические отношения языковых средств, а структура обуславливает их синтагматические особенности. Условием реализации парадигмо-синтагматических отношений языковых средств является наличие позиции.

3. Фоновариативность и стилистическая окраска

М. В. Панов, исследуя произносительные изменения в русском литературном языке, определяет синтагматические фонетические законы как законы сочетания единиц, а парадигматические — как законы чередования единиц [9].

Синтагматические фонетические законы изучаются в фонетической синтагматике, или синтагмо-фонологии [10]. Основная задача синтагмо-фонологии сводится к вопросам различения слов посредством анализа законов сочетания звуковых единиц и выявления их различителей — звуковых признаков.

Звуковые признаки, выполняющие в составе слова различительную функцию, называются, по М. В. Панову, синтагмо-

фонемами. Например: единственным признаком, различающим слова *вес* и *весь*, *влез* и *влезь* является твердость согласного [с] в позиции конца слова. Этот признак можно также назвать релевантным, функциональным, значимым [11].

Фонетическая парадигматика, или парадигмо-фонология, изучает парадигматические фонетические законы — законы отождествления звуковых единиц, которые позиционно чередуются. В качестве основной единицы в фонетической парадигматике выделяется парадигмо-фонема.

Парадигмо-фонема — это «ряд позиционно чередующихся звуков, которые являются (ввиду того, что они чередуются позиционно) функциональным тождеством» [12]. Например: в парадигмо-фонему [д] в словах *род-родной-родить*, *обед-обедать-обеденный* объединяются звуки [т-д-д'], а парадигмо-фонему [б] в словоформах *хлеб-хлеба-о хлебе*, *раб-раба-о рабе* составляют звуки [п-б-б'].

Существующие исследования по фоностилистике посвящены преимущественно анализу стилистико-звуковой (или фонетико-стилистической) парадигматики. Исследование же синтагматического аспекта произносительной стилистики до сих пор остается вне поля зрения фоностилистов.

В то же время, как нам представляется, исследование синтагматического аспекта произносительной стилистики в совокупности с парадигматическими позволило бы полнее отразить динамику функционирования фоновариантов языковых единиц, обладающих стилистической окраской и раскрыть механизм фоностилистической организации высказывания. [См. подробно: 13 и 14].

Так, нередко выбор того или иного фоноварианта слова связан со структурно-грамматическими, точнее, синтагматическими особенностями слова. Например, фоновариант союза и частицы *ж*, обозначающий то же, что *же*, употребляется после слов, оканчивающихся на гласный: *Куда ж ты?* Со стилистической точки зрения фоноварианты *ж* и *же* не разграничены. Фоновариант союза и частицы *ль* также употребляется после слов, оканчивающихся на гласный, однако по отношению к стилистически нейтральному варианту произношения является книжным.

Таким образом, в разработке проблем фоностилистики недостаточно констатировать инвентарь фонетико-стилистических парадигм (фоновариантов языковых единиц). Следует принять во вни-

мание, в какие синтагматические отношения вступают данные фоноварианты, как они используются в звучащей речи, чем мотивируется их выбор в конкретной сфере или ситуации общения.

Заметим, что исследование синтагматического и парадигматического аспектов функционирования стилистически обусловленных звуковых средств будет неполноценным без учета семантической функции фоновариантов языковых единиц, определяемой в тесной связи с конкретной ситуацией, в которой используются эти фоноварианты.

Синтагматические и парадигматические отношения стилистически обусловленных фоновариантов языковых единиц свидетельствуют о наличии фоностилистической системы и структуры языка. Действительно, в каждом языке наблюдаются вариантные формы выражения одной и той же языковой сущности. Речь идет не только о синонимах, которые представляют собой разные лексические единицы с близким или тождественным значением, но и о производных вариантах одной и той же языковой единицы (фонемы, слова, словосочетания, предложения и т. д.). Например, в русском литературном языке небольшое или молодое дерево называется *дере́вце*, но можно сказать и *дере́вцо*. Казахский народный щипковый музыкальный инструмент с грушевидным корпусом, длинным грифом и двумя струнами, родственный русской домре и балалайке, называется *дóмбра* (в русском произношении), но можно и *домбра́* (аналогично казахскому произношению). Национальное русское блюдо — праздничный или обрядовый пирог из сдобного пресного теста с начинкой из курятины с белыми грибами, яйцами, петушиными гребешками, пряной зеленью называется *ку́рни́к*, но можно также произносить и как *курни́к* (примеры представлены из Большого толкового словаря русского языка [15]).

Эти и подобные фоноварианты языковых единиц представляют собой системные факты, так как они являют собой формы выражения объективного содержания, выбор одной из которых требует от говорящего на каком-либо языке определенных системных знаний о правильном и уместном построении высказывания, оформления своих мыслей. Фоноварианты языковых единиц могут различаться степенью частотности их употребления, некоторыми семантическими оттенками эмоционально-экспрессивного или прагматического характера, сферой и ситуацией функционирования, террито-

риальной обусловленностью и т. д. Существование и функционирование параллельных форм звукового оформления одной и той же языковой сущности в рамках системы языка зависит не столько от лингвистических факторов (хотя их порождает сама языковая система), сколько от внеязыковых, экстралингвистических.

В этом вопросе мы придерживаемся мнения В. Дорошевского о том, что степень системности языковых форм (конструкций) «нельзя точно определить, не учитывая их внеязыковой социальной значимости. Смысл понятия системности — в его социальном характере; никакого иного смысла это понятие иметь не может: системно то, что является нормой в определенной среде». Термин «системный» «может значить только «средовой», а «средовой» значит — присущий составляющим известную совокупность людям». Следовательно, «познавать языковую норму мы можем, лишь изучая язык как социальный процесс, т. е. в его речевых (устных или письменных) проявлениях. Всякая языковая норма существует постольку, поскольку она предопределяет употребление говорящими на данном языке известных форм» [16].

Выбор той или иной формы языкового выражения обуславливается наряду с другими причинами социально-языковым опытом говорящих на данном языке индивидов. Чаще всего воспроизводится общественный, принятый данным коллективом и распространенный среди его членов языковой образец. Этот образец может быть отличным от общелитературной, кодифицированной нормы. Дело в том, что наличие в системе языка нескольких произносительных вариантов неизбежно свидетельствует о том, что для каждого отдельного говорящего на передний план выступает только один из них. А это с точки зрения говорящего, в отличие от точки зрения лингвиста, — не стилистический вариант, а норма, которая может отличаться от закрепленной в словарях. Следовательно, явление фоноварьирования, а шире — фоностилистики, — это не механическая сумма фоновариантов языковых единиц, а проявление языка в условиях определенного контекста жизненной ситуации того или иного коллектива. В таком контексте проявление индивидуального языка отдельной личности, не несущее особой стилистической нагрузки, будет воспринято как ошибка, отклонение от общепринятой нормы.

4. Звуковая интерференция и стилистическая окраска

В сознании человека и общества сформированы психообразы (психические образы или психические впечатления по И. А. Бодуэну де Куртенэ [17]) языковых единиц того языка, который является генетически родным или же является языком № 1, на котором осуществляется все языковое общение. Именно это обстоятельство позволяет всем представителям одного языка полноценно понимать друг друга независимо от того, на одном или на разных географических пространствах они расселены. Психообразы языковых единиц в сознании индивида и общества формируются в условиях родной языко-речевой стихии. Если же человек с младенческого возраста воспитывается в условиях неродной языковой стихии, то в его сознании формируются психообразы языковых единиц и их сочетаний генетически неродного языка, который становится основным средством общения.

Таким образом, психообразы языковых единиц и их сочетания не присутствуют в сознании человека от рождения: они формируются в конкретном языковом коллективе, т. е. начинают присутствовать и функционировать после рождения человека, когда он (ребенок) различает звучание слов, их значения и употребляет в речи соответствующие языковые единицы.

Формирование психообразов языковых единиц неродного (или второго) языка в сознании индивида связано с восприятием и пониманием новых звуков, слов и их сочетаний, которые ранее ему были неизвестны. Формирование новых (неродных) психообразов языковых единиц в целом сопровождается двумя процессами, которые в языкознании называются фацилитацией и интерференцией.

Фацилитация — это сходство родного и неродного языков, которое облегчает овладение вторым языком, а следовательно «безболезненно» формирует в сознании индивида новые (неродные) психообразы языковых единиц и их сочетания. Таким образом монолингв становится билингвом. При наличии фацилитации в сознании индивида формируются правильные (неискаженные) психообразы языковых единиц неродного языка.

Интерференция — это ошибки в речи на втором языке, которые порождаются несходством в значениях, в структурах языковых единиц родного и неродного языков. Интерференция может быть: теоретически возможной и фактически присутствующей; уровне-

вой (фонетико-фонологической, лексической, словообразовательной, морфологической, синтаксической); надуровневой (ситуативной, стилистической) и т. д. Традиционно речевую интерференцию понимают как результат отрицательного влияния особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком, т. е. интерференция определяется как результат одностороннего процесса.

Мы же речевую интерференцию понимаем как двусторонний процесс, т. е. как результат одновременного влияния особенностей и родного языка, и неродного языка [18].

При наличии интерференции в сознании индивида формируются искаженные (неправильные) психообразы языковых единиц неродного языка, которые могут влиять на изменение функционально-стилевой маркированности языковой единицы изучаемого языка в речи билингва. Функционально-стилевая маркированность звучащей речи на неродном языке характеризуется вариативностью. Объясняется это многими причинами. Одной из главных среди них, на наш взгляд, является наличие звуковой интерференции в речи на втором языке, которая появляется в результате контактирования в сознании говорящего звуковых психообразов родного и неродного языков и реализуется в фонетической продукции [19]. Таким образом, звуковая интерференция — это проблема не только артикуляционно-интонационная, но и функционально-стилевая.

Изменение функционально-стилевой принадлежности речи на неродном языке в условиях субординативного билингвизма происходит как на уровне отдельного слова, словосочетания, предложения, так и на уровне текста. Например:

1. Когда в тюркской (казахской, узбекской и др.) аудитории билингв произносит [б'еш'ір'] вместо *вечер*, то это слово в восприятии русского человека теряет свою нейтральную стилистическую окраску и приобретает разговорную (сниженную). Для самого говорящего функционально-стилевая принадлежность слова в данном случае не имеет никакого значения, так как на этом этапе овладения языком он занят только тем, чтобы фонетически правильно его воспроизвести. И наоборот, когда этот же индивид произносит русское слово со сниженной стилистической артикуляцией, но очень аккуратно (искусственно правильно), с повышенной интонацией, то это слово в восприятии таких же, как он, изучающих русский язык индивидов приобретает высокую стилистическую окраску.

Например: [бо:лва:н] (обе гласные под ударением) *болван*. В восприятии русского человека такое неестественное произношение в еще большей степени снижает стилистическую окраску языковой единицы.

2. Такое же явление наблюдается в русской речи студента с тюркским языковым мышлением, когда он продуцирует предложение или микротекст. Так, следующее предложение с нейтральной стилистической окраской в его звучащей речи приобретает разговорную (сниженную) стилевую принадлежность, например: [маскыва ысталиса руссии] *Москва — столица России*.

Итак, функциональные стили звучащей речи характеризуются как постоянством, так и непостоянством. Последнее (непостоянство) зависит как от внутренних возможностей языка и звучащей речи, так и от особенностей взаимодействия и взаимовлияния двух контактирующих звуковых систем. Речь на неродном языке, сопровождающаяся звуковой интерференцией, искажается не только фонологически и фонетически, но и стилистически. Отрицательная стилистическая функция звуковой интерференции мало исследована, что объясняется, на наш взгляд, следующими положениями:

1. Явной наглядностью фонетико-фонологической интерференции в речи билингва на неродном языке в отличие от функционально-стилевой принадлежности самой речи в целом. Носитель языка звуковые ошибки в речи билингва воспринимает сразу и оценивает такое произношение как сниженное, ненормативное. При этом он (носитель языка, изучаемого билингвом) может и не знать настоящую стилевую принадлежность языковой единицы или данного отрезка речи (функционально-стилевая: научная, официально-деловая, публицистическая, художественная, разговорная; эмоционально-экспрессивная: стилистическая окраска радости, восторга, пренебрежения, унижения и т. д.). Для него главным является то, что билингв произнес неправильно не только в плане звуковом, но и в плане стилистическом. Произнесенное билингвом не соответствует стилистическому психообразу языковой единицы или речи в целом, сформированному в его сознании, поэтому он интерференцированную речь воспринимает прежде всего как речь со сниженной (в лучшем случае с разговорной) стилистической окраской.

2. Иерархичностью звукового строя языка как самостоятельно-го уровня в отличие от межуровневости стилистики в целом и

функциональной стилистики в частности. Тот факт, что стилистика не входит в уровневую структуру языка, порождает много сложностей у обучающихся в процессе овладения ею. Для билингва представляет большую трудность усвоение соотношения стилистической окраски со всеми уровнями языка: например, то, что стилистическая окраска высоты может быть создана как средствами фонетики, так и средствами всех других уровней языка. Именно это обстоятельство способствует тому, что говорящий на неродном языке в звуковом плане может маркировать языковую единицу любой стилистической окраской (прежде всего сниженной).

3. Сложностью определения функционально-стилевой принадлежности языковой единицы или отрезка звучащей речи неродного языка. Человек, допускающий в речи на неродном языке речевую интерференцию, слабо владеет этим языком, следовательно, для него большой трудностью является и правильное определение стилистического маркера языковой единицы или высказывания в целом. Объясняется это тем, что в его сознании не сформированы психообразы типов и видов стилистической окраски второго языка.

4. Сложностью обнаружения связи фактов звуковой интерференции на неродном языке с функционально-стилевым статусом языковой единицы или завершенного по смыслу отрезка речи. Исследователь речевой интерференции и стилистики практически не уделяет внимания факту связи изменяемости стилистического маркера языковой единицы с типами и видами произносительных ошибок в речи билингва на втором языке. Эта связь очень тонкая. Исследователь, как правило, рассматривает речевую интерференцию и стилистическую окраску отдельно, независимо друг от друга. (Исключением является выделение стилистической речевой интерференции. Но в этом случае вариативность функционально-стилевого маркера языковой единицы или речи не исследуется как результат порождения интерференцированной речевой продукции).

5. Незаработанностью (или малоисследованностью) методики дифференциации фактов фоностилистики и ее лингводидактического описания [20] и фактов изменения функционального стиля речи на неродном языке под влиянием звуковой интерференции.

Итак, функциональные стили звучащей речи и звуковая интерференция, появляющаяся в процессе речепроизводства на неродном языке, имеют точки соприкосновения. Исследование функцио-

нальных стилей звучащей речи на неродном языке с учетом влияния фактов звуковой интерференции на стилистический статус языковой единицы, заверщенного отрезка речи или же речи в целом имеет большое лингвотипологическое и лингводидактическое значение.

5. Заключительные замечания

Исследование функциональных стилей звучащей речи, их вариативности как в плане содержащихся в ней отдельных языковых единиц, так и в целом высказывания имеют не только монолингвальное, но и би- и полилингвальное значение. Монолингвальный аспект исследования смены стилистического маркера в языке и речи традиционно осуществляется регулярно и последовательно (стилистическая фоновариативность, стилистическая синонимия и т. д.). Полилингвальный же аспект данной проблемы почти не изучен. На наш взгляд, это обстоятельство объясняется тем, что смена стилистического маркера языковой единицы за счет внутренних и внешних свойств одного языка — явление хорошо просматривающееся, имеющее четкие границы в рамках каждого языка. Например, смена стилистической окраски языковой единицы в русском языке за счет изменения ее фонемного состава или же за счет изменения места словесного ударения. В случае же с изменением стилистического маркера языковой единицы, например, русского языка, под интерферирующим влиянием второго языка (например, казахского или узбекского) — явление четко не просматривающееся, явление, не имеющее очерченных границ, так как является продуктом отрицательного влияния особенностей другого языка. Поэтому подобную смену стилистической окраски языковой единицы, как правило, относят к проблеме теории интерференции. Мы считаем, что изменение стилистической окраски языковой единицы в речи билингва на неродном языке под воздействием особенностей родного языка и в связи с незнанием стилистики изучаемого языка следует рассматривать не только как проблему теории интерференции, но и как стилистическую проблему внутри русского языка (в нашем случае). Такой подход будет способствовать рассмотрению данного стилистического явления как междисциплинарного явления, как «отрицательного» результата лингвокультурологической межкультурной коммуникации. Это позволит расши-

рить исследование «интерференцированной стилистики» (термин М. Джусупова) как в рамках теории интерференции, так и в рамках стилистики русского (или любого другого) языка, лингвистической типологии, лингводидактики, методики и межкультурной коммуникации.

Примечания

1. *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 516–517.
2. Там же. С. 517.
3. Там же. С. 518.
4. *Реформатский А. А.* Указ. соч.
5. Там же. С. 519.
6. Там же. С. 522–523.
7. *Гюрджаянц С. М.* Общелингвистические аспекты фонетико-просодической концепции лондонской лингвистической школы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
8. Там же. С. 9.
9. *Панов М. В.* История русского литературного произношения 17–20 вв. М., 1990. С. 6.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. С. 7.
13. *Джусупов М., Маркунас А., Сапарова К. О.* Современный русский язык. Фоностилика: вузовский учебник. Познань, Республика Польша, 2006.
14. *Сапарова К. О.* Фоностилика русского и узбекского языков. Ташкент, 2006.
15. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002.
16. *Дорошевский В.* Несколько слов о понятии системы в языке (Язык и шахматы) // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 125.
17. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* О связи фонологических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 163–174.
18. *Джусупов М.* Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент, 1991.
19. Там же. С. 145–146.
20. *Джусупов М., Сапарова К. О.* Лингводидактические проблемы фоностилистики как учебной дисциплины // Русский язык за рубежом. 2006. № 3. С. 53–60.

Phonostylistics and sound interference as the sources for variability of functional stylistic marker of language and speech units

The article focuses on the issues of relationship between phonostylistics and sound interference which are viewed as reasons for producing variability of stylistic colourings in language and speech. Stylistic markers of language units in a bilingual person's speech are divided into two main varieties: 1) those that are considered to be the norm for the

given language; 2) those that appear as a result of formation of a distorted psychological image in the language speaker's mind. The interference furthers origination of another stylistic nuance of a lingual unit, than it had in a normative Russian speech. The interference stylistic nuance of a word is characterized by substandard vocabulary, as a rule, because the Russian speaking individual perceives the "distorted" pronunciation as informal, spoken nuance of a word, but not a bookish style. The phonetic interference originates the false phonovariants of words of the Russian language. These phonovariants are not typical to normative vocabulary and orthoepy of the Russian language. The serious differences between potential and actual phonostylistic interference in the Turkic speaking individual's speech are observed.

Keywords: phonostylistics, variability, sound interference, functional-stylistic colouring, speech, language unit, paradigmatics, syntagmatics, bilingualism.

© В. В. Дубичинский

Варшавский университет, Польша

О новом лексикографическом проекте: Русско-немецком словаре лексических параллелей

Статья репрезентирует новый вид переводного лингвокультурологического словаря, который описывает значения лексических параллелей русского и немецкого языков. Лексические параллели — это лексические единицы двух синхронически сравниваемых языков, сходные по внешней (устной и/или письменной) форме и сходные, неполностью сходные или несходные по значению. Лексикографическое описание лексических параллелей ведется методом сопоставления семантических структур на уровне отдельных значений. Автор определяет и иллюстрирует три типа лексических параллелей — полные, неполные и ложные — выделяет сходные (интерсемемы), несходные (идиосемемы) значения сравниваемых лексических единиц русского и немецкого языков. К каждой идиосемеме приводятся переводные эквиваленты. Описываемый словарь предоставляет возможность заполнить лексические лакуны, раскрыть национально-культурную специфику слов в систематическом виде. Контрастивный анализ предполагает также рассмотрение переводческих трудностей и на семном уровне. Предлагается новое, нетрадиционное понимание таких лингвистических феноменов, как «ложные друзья переводчика», «лексические интернационализмы», «межъязыковые омонимы» и «межъязыковые паронимы».

Ключевые слова: лексические параллели, русский и немецкий языки, межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы.

Лексикографический проект «Русско-немецкий словарь лексических параллелей» (РНСПП) [1] создавался в творческом содружестве лингвистов Харьковского лексикографического общества при Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» (Украина) и Института славистики Клаген-

фуртского Альпен-Адриа университета (Австрия). Теоретические основы создания словаря описаны в монографии [2].

Словарь представляет собой лексикографическое произведение, которое описывает лингвокультурологический феномен **лексических параллелей (ЛП)** — сходных по внешней форме (устно/письменно) лексических единиц двух синхронически сопоставляемых языков с частичным или полным несовпадением/совпадением значений.

При изучении иностранных языков и в переводческой деятельности лексические параллели вызывают живой интерес из-за своей внешней схожести в разных языках и специфики употребления в каждом из сравниваемых языков. Словарное описание лексических параллелей представляет собой **лексикографическое моделирование переводческих трудностей**, которые появляются при анализе национально-культурных коннотаций сравниваемых лексических единиц.

Внешне сходные слова двух синхронически сравниваемых языков с полностью совпадающими значениями называются **полными лексическими параллелями**. Например:

КОМЕДИЯ, -и, ж:

1. вид драматического произведения со смешным, забавным или сатирическим эффектом: *комедия Мольера*;

2. смешное, забавное происшествие:

Этот случай — просто комедия!;

3. лицемерие, притворство, неискреннее поведение: *ломать комедию*.

Komödie, f (≡, -n):

1. = комедия 1;

2. = комедия 2;

3. = комедия 3.

Как видно из примера, *рус. комедия* и *нем. Komödie* семантически идентичны в трех значениях.

Основную часть РНСЛП составляют **неполные лексические параллели**. О неполных ЛП мы говорим в том случае, если совпадают одни и не совпадают другие значения лексических параллелей.

Совпадающие значения внешне сходных лексических единиц двух языков называем **интерсемемами**, а значения, отражающие национально-культурное своеобразие лексики — **идиосемемами**. Интерсемемы в словаре обозначены знаком = («равно»), а идиосемемы — знаком * («звёздочка»). Например:

МАГАЗИН, -а, *м*:

1*. торговое предприятие, продающее товары в розницу; помещение, приспособленное для такой торговли: *купить в магазине*

- Geschäft;

2. коробка, ящик для нескольких однородных предметов в различных приборах, оружии: *вставить патроны в магазин*.

Magazin, *n* (-s, -e):

1*. склад, хранилище, амбар: *ein(en) Ersatzteil aus dem Magazin holen*;

2*. книгохранилище или хранилище для невыставленных музейных экспонатов: *ein Buch ins Magazin stellen*;

3. = магазин 2;

4*. иллюстрированный журнал: *ein Magazin durchblättern*.

Рус. магазин, -а, *м* и нем. **Magazin**, *n* (-s, -e) сходны в значении «коробка, ящик для нескольких однородных предметов в различных приборах, оружии: *вставить патроны в магазин*», т. е. магазин 2 = Magazin 3. Но русское слово **магазин** имеет еще одно (главное) значение, отсутствующее у его немецкого коррелята: «1*. торговое предприятие, продающее товары в розницу; помещение, приспособленное для такой торговли: *купить в магазине*» (по-немецки — Geschäft); немецкое слово **Magazin**, в свою очередь, обладает тремя несовпадающими значениями: «1*. склад, хранилище, амбар; 2*. книгохранилище или хранилище для невыставленных музейных экспонатов; 4*. иллюстрированный журнал». Таким образом, в немецком и русском языках обнаруживаются две интерсемемы и четыре идиосемемы.

Кроме того, в совпадающих значениях (интерсемемах) можно выделить мельчайшие смысловые различия. В словаре они обозначены знаками > — сужение значения, или < — расширение значения, например:

АВТОР, -а, *м*:

создатель литературного, художественного, научного произведения, проекта, изобретения и т. п.: *автор комедии, автор картины, автор оперы, автор сонаты, автор газовой турбины*

- а также Verfasser (автор текста), Schöpfer (автор художественного произведения), Komponist (автор музыкального произведения), Urheber, Erfinder (автор изобретения).

КООПЕРАЦИЯ, -и, *ж*:

форма связи между промышленными предприятиями и различными отраслями производства: *кооперация между заводами*.

Autor, *m* (-s, -en):

= автор > только текста.

(Как видим, при сужении значения немецкого значения с пометой а также «а также» приводятся дополнительные переводные эквиваленты для русского слова, уточняющие и расширяющие семантическую суженность немецкого коррелята).

Kooperation, *f* (=, -en):

= кооперация < сотрудничество, кооперирование.

Другими словами, *рус.* **автор**, -а, *м* и *нем.* **Autor**, *m* (-s, -en) являются интерсемемами в значении «создатель литературного, художественного, научного произведения, проекта, изобретения и т. п.», но немецкое слово употребляется в суженном значении «= автор > только текста». Или: *рус.* **кооперация**, -и, *ж* и *нем.* **Kooperation**, *f* (=, -en) сходны в значении «форма связи между промышленными предприятиями и различными отраслями производства», но немецкое значение несколько шире русского «= кооперация < сотрудничество, кооперирование».

Полные и неполные ЛП можно отнести к **интернациональным словам** (к т. наз. **лексическим интернационализмам**), которые мы определяем как внешне сходные лексические единицы различных языков, в семантической структуре которых совпадает хотя бы одно из значений (т. е. есть в наличии хотя бы одна интерсемема).

Нередки случаи, когда внешне сходные в двух языках слова ни в одном из их значений не совпадают. Такие лексические параллели мы называем **ложными лексическими параллелями**. Ложные ЛП в «Русско-немецком словаре лексических параллелей» обозначены знаком $\triangle$. Например:

$\triangle$ **ПЛАНКА**, -и, *ж*:

1. гладкая узкая продолговатая полоска из дерева, металла и т. п.: *выстругать*

планку

– Leiste;

2. *спорт.* перекладина между стойками при прыжках в высоту: *перепрыгнуть*

через планку

– Latte, Sprunglatte;

3. уровень требований к кому-, чему-

л.: *поднять планку качества продукции*

– Anspruch, Anforderung.

$\triangle$ **Planke**, *f* (=, -n):

1. широкая доска: *eine Planke montieren*;

2. дощатый забор: *eine Planke aufstellen*.

Итак, ложными ЛП являются семантические структуры обеих сравниваемых лексических единиц со всеми их значениями: *рус.*

$\triangle$ **планка** «1. гладкая узкая продолговатая полоска из дерева, металла и т. п.: *выстругать планку* (по-немецки — Leiste); 2. *спорт.* перекладина между стойками при прыжках в высоту: *перепрыгнуть через планку* (по-немецки — Latte, Sprunglatte); 3. уровень требований к кому-, чему-л.: *поднять планку качества продукции* (по-немецки — Anspruch, Anforderung)» и *нем.* $\triangle$

Planke «1. широкая доска: *eine Planke montieren*; 2. дощатый забор: *eine Planke aufstellen*».

От традиционного для лингвистики термина «**ложные друзья переводчика**» мы отказались из-за его очевидной метафоричности (что зачастую нежелательно для терминологической лексики), а также из-за того, что традиционно не проводится различие между «ложными друзьями»-словами и «ложными друзьями»-значениями (в предлагаемой нами теории они соответственно называются ложными ЛП и идиосемемами).

Схематически разновидности лексических параллелей можно представить таким образом:

Л Е К С И Ч Е С К И Е П А Р А Л Л Е Л И (Л П) :

ИНТЕРНАЦИОнализмы:

П О Л Н Ы Е Л П

Н Е П О Л Н Ы Е Л П :

Л О Ж Н Ы Е Л П

с интерсемемами и идиосемемами

Описываемые слова двух сравниваемых языков иногда называют «**межъязыковыми омонимами**» или «**межъязыковыми паронимами**». Исходя из принципиального положения, что омонимия и паронимия — явления внутриязыковые, этими терминами мы называем минимум четырехчленные (пяти-, шести-, семичленные и т. д.) структуры параллельного сопоставления омонимов и паронимов русского и немецкого языков.

Под **межъязыковой омонимией** мы подразумеваем внешне и семантически сходные параллельные оппозиции двух синхронически сопоставляемых языков, то есть как минимум четырехчленную структуру (при сравнении двух языков), когда сходство омонимов (по два в каждом языке) наблюдается в разных языках. Например,

КОМИССИЯ I **КОМИССИЯ II**

КОМИССИИ/Я I, -и, *жс*:

группа людей со специальными официальными полномочиями: *комиссия по трудовым спорам*.

КОМИССИИ/Я II, -и, *жс*:

1. условленное вознаграждение за посредничество в какой-л. сделке: *выплатить комиссию*

KOMMISSION I **KOMMISSION II**

Kommission I, *f* (=, -en):

= комиссия I.

Kommission II, *f* (=, -en):

1. = комиссия II, 1;

- а также Provision;

2. посредническая услуга, оказываемая специальными магазинами частным лицам, желающим продать свои вещи: *отдать ковёр на комиссию*

- а также Kommissionshandel.

Межъязыковая омонимия предполагает сравнение омонимичных (в каждом из сравниваемых языков) полных, неполных и ложных лексических параллелей. Как представлено в приведенном примере, межъязыковыми омонимами являются: два омонима русского языка **комиссия I/комиссия II** и два омонима немецкого языка **Kommission I/Kommission II**.

При этом лексическими параллелями двух языков являются (в данном случае четыре пары ЛП — четырехчленная омонимичная структура): *рус. комиссия I/нем. Kommission I* (полные ЛП), *рус. комиссия I/нем. Kommission II* (ложные ЛП), *рус. комиссия II/нем. Kommission I* (ложные ЛП), *рус. комиссия II/нем. Kommission II* (полные ЛП).

Межъязыковыми паронимами мы называем только такие лексические параллели, которые в каждом из как минимум двух сопоставляемых языков могут вызывать ложные ассоциации, т. е. отождествляться друг с другом в случае несовпадения их значений. Опираясь на теорию лексических параллелей и исходя из того, что паронимия, как и омонимия, — внутриязыковая лексико-семантическая категория, мы считаем, что межъязыковые паронимы могут наблюдаться лишь при сопоставлении двух (трех, четырех и более) паронимов с двумя (тремя, четырьмя и более) паронимами другого языка. Например,

СТИЛЬ ШТИЛЬ

СТИЛЬ, *стиля, м.*:

1. совокупность признаков, характеризующих искусство определенного времени и направления или индивидуальную манеру художника: *стиль Кандинского*;
2. совокупность приемов использования средств языка; функциональная разновидность литературного языка: *официально-деловой стиль*;
3. характерный вид, особенности, свойственные чему-л.: *вычурный стиль*;

STIL STILLE STIEL

Stil, *m* (-(-e)s, -e):

1. = стиль 1;
2. = стиль 2;
3. = стиль 3;
4. = стиль 4;
5. = стиль 5;
6. = стиль 6.

Stille, *f* (=):

1. тишина: *Stille trat ein*;

4. манера вести себя, говорить, одеваться и т. п.: *стиль поведения, стиль одежды*;
5. способ осуществления чего-л., отличающийся совокупностью своеобразных приемов; метод: *стиль руководства*;
6. способ летоисчисления: *по старому стилю*
- а также Zeitrechnung.

△ **ШТИЛЬ**, штиля, м:

- затишье, безветрие (на море, озере): *штиль в океане*
- Windstille (am Meer, an einem See).

Как можно установить из приведенного примера, межъязыковая паронимия возникает при сопоставлении двух паронимов русского языка **стиль//штиль** с тремя паронимами немецкого языка **Stil//Stille//Stiel** (пятичленная структура межъязыковых паронимов).

При этом лексическими параллелями являются шесть соответствующих в двух языках пар: **стиль/Stil** (полные ЛП), **стиль/Stille** (ложные ЛП), **стиль/Stiel** (ложные ЛП), **штиль/Stil** (ложные ЛП), **штиль/Stille** (ложные ЛП), **штиль/Stiel** (ложные ЛП).

В лексикографической практике при сопоставлении лексических параллелей наблюдаются также случаи смешения омонимов и паронимов (параллельные оппозиции омонимов и паронимов в двух языках) — **межъязыковая омонимо-паронимия**. Например,

БАНК
БАНКА I
БАНКА II

БАНК, -а, м:

1. крупное кредитно-финансовое учреждение; здание такого учреждения: *положить деньги в банк, счет в банке*;
2. место хранения информации, резервных запасов какого-л. вещества и т. п.: *банк данных, банк крови*.

△ **БАНК/А I**, -и, ж:

стеклянный, металлический или пластмассовый цилиндрический сосуд, обычно для хранения чего-л.: *огурцы в банке*
— Glas, Konservenglas, Einmachglas;
Dose, Konservendose и т. п.

2. безмолвие, молчание: *in Stille gedenken*;
3. покой, затишье: *die Stille genießen*.

△ **Stiel**, m (-e)s, -e):

1. биол. стебель: *Pflanzenstiel*;
2. ножка (бокала и т.п.): *der Stiel ist abgebrochen*;
3. рукоятка: *am Stiel halten*;
4. палка; косовище, топорище, кнутовище: *Besenstiel; Stiel der Sense, des Beils, der Peitsche*.

BANK I
BANK II

Bank I, f (=, -en):

1. = банк 1;
2. = банк 2.

△ **Bank II**, f (=, Bänke):

1. скамейка: *auf einer Bank sitzen*;
2. скамейка запасных игроков: *auf der Ersatzbank sitzen*;
3. техн. верстак (столярный верстак, токарный станок): *auf der Werkbank bearbeiten*;
4. гимнастический снаряд в форме скамьи: *über die Bank springen*;
5. песчаная коса, толстый слой песка; скопление морских живых существ, которые образуют возвы-

△ **БАНК/А П**, -и, ж:
подводная мель: *корабль сел на банку* —
Untiefe.

шенности на морском дне (устрицы,
кораллы): *eine Bank bilden*;
6. прилавок (мясника): *an der
Fleischbank stehen*.

Предлагаемая процедура лексикографического исследования лексических параллелей русского и немецкого языков наиболее адекватно, на наш взгляд, представляет указанные лексические единицы в сравниваемых языках, показывает их формально-содержательную близость и национально-культурное своеобразие, предупреждает переводческие трудности, акцентирует внимание на возможных интерференционных ошибках. В настоящее время очевидную необходимость испытывают в такого рода словарно-сопоставительных исследованиях и лингвистика, и методика преподавания иностранных языков (русского языка как иностранного), и культурология, и теория/практика перевода.

Понятие «лексические параллели» объединяет в единую терминологическую систему традиционные лингвистические концепты «интернационализмы», «ложные друзья переводчика», «межъязыковые омонимы», «межъязыковые паронимы» и т. п.

По нашему мнению, теория лексических параллелей, учитывающая национально-культурную специфику, коннотации, семантические, стилистические, грамматические, сочетаемостные и другие особенности сравниваемых лексических единиц, представляет в распоряжение лексикографа единую компактную и дидактически обоснованную методологию словарного описания внешне сходных слов в различных языках.

Примечания

1. Дубичинский В. В., Ройтер Т. Русско-немецкий словарь лексических параллелей: ок. 1750 словарных статей. М., 2011.

2. Дубичинский В. В., Ройтер Т. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей: монография. Харьков, 2015.

On the new lexicographic project: Russian-German dictionary of lexical parallels

The article represents a new type of the translational linguistic-culturological dictionary which describes meanings of the lexical parallels of the Russian and German languages. Lexical parallels are defined as lexical units of two synchronically compared languages which are identical either in outward (oral and/or written) form or are identical, partially identical or inidentical in meaning. Lexicographic description of the lexical parallels is made by the method of comparison of the semantic structures at the level of separate meanings. The author defines and illustrates three types of the lexical parallels

— complete, incomplete and false; it highlights similar (intersememes) and not similar (idiosememes) meanings of the compared lexical units of the Russian and German languages. The translation equivalents are given in each idiosememe. This dictionary gives an opportunity to fill the lexical lacunas, understand the national and cultural specifics of words at the systematic view. Comparative analysis also includes identification of the translational difficulties at the seme level. The research presents a new and innovative understanding of such linguistic phenomena as “false friends of translators”, “lexical internationalisms”, “interlanguage homonyms” and “interlanguage paronyms”.

Keywords: lexical parallels, Russian and German languages, interlanguage homonyms, interlanguage paronyms.

© А. И. Дунев

РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Интенциональность лексикографического текста¹

Статья посвящена восприятию лексикографического текста. В качестве примера для анализа текстовой категории интенциональности выбраны орфографические словари. Изучение практики создания и использования орфографических словарей опирается на современную орфографическую ситуацию. Выявление авторских намерений в лексикографических изданиях обусловлено изучением коммуникативно-прагматической категории адресации. Даже при отсутствии указания на автора-составителя анализ лексикографического издания позволяет выявить особенности адресации и характер коммуникативных интенций.

Интенциональность как текстовая категория в практико-ориентированных изданиях теснейшим образом сопрягается с категорией адресации. Адресация связана с интенциональностью текста как представление о том, кто будет читать текст, направляет мысли и чувства автора, влияет на отбор языковых средств и, в конечном счете, помогает представить текст до момента его написания. В тексте словаря возможно обнаружить интенцию адресации. Чтобы это сделать, необходимо проанализировать лексико-композиционный и грамматический уровни словаря.

Основные показатели адресации содержатся в названии словаря; в аннотации; во вступительной статье, в характере отбора языкового материала и его расположения в словаре, а также на уровне построения (композиции) словарной статьи.

Ключевые слова: интенция, орфографический словарь, фактор адресата, интент-анализ.

Обязательным условием замысла любого текста является осмысление автором образа адресата, и орфографический словарь не является исключением. Даже предназначенный широкому кругу читателей словарь имеет собственный набор способов и средств, выражающих направленность на определенный тип адресата.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-04-00318.

Категория интенциональности в последнее десятилетие все чаще становится объектом внимания лингвистов [1]. Текстовая категория интенциональности представляет собой осознанную автором направленность читательского сознания на определенный объект с помощью актуализации языковых значений и текстовых ресурсов.

Приступая к созданию словаря, автор обычно занимает позицию всезнающего специалиста, представляющего истину в последней инстанции. Исследование намерений автора-составителя может показаться делом неблагодарным и даже неблагородным. С одной стороны, можно предположить, что словарный материал не дает достаточной информации для выяснения авторских интенций. С другой — личность автора, его языковые предпочтения и способы выражения мысли — то, что традиционно принято считать средствами и актуализаторами коммуникативных интенций, — не имеет той степени языковой свободы, которая присуща, например, художественной прозе. Между тем выявление намерений в тексте словаря имеет несколько иные показатели, чем в других типах текста, так как коммуникативные интенции определяются способами выражения текстовой категории адресации. Даже при отсутствии указания на автора-составителя (есть словари, авторы которых скрывают свое имя, и словари, которые издаются под вымышленными именами), лексикографическое издание позволяет выявить особенности адресации и характер коммуникативных интенций.

Интенциональность проявляется на всех уровнях языка. В области грамматики она отражает связь формы как средства плана выражения с ее семантическими функциями — т. е. планом содержания. Понятие «интенциональность грамматического значения» в научный обиход введено А. В. Бондарко [2]. Под интенциональностью в данном случае понимается смысловая актуализация в рамках всего высказывания грамматической семантики, выражаемой словоформой. Ученый предлагает рассматривать интенциональность как свойство семантико-прагматической функции формы (слова), проявляющееся в большей или меньшей степени.

Мотивация к чтению словаря и работе с ним предполагает обращение к признаку адресованности, в то время как способы реализации интенций в словаре отражают авторскую интерпретацию языкового материала в лексикографической форме. Мы исходим из того, что коммуникативные интенции базируются на мотивах, по-

буждающих индивида вступать в процесс коммуникации и обуславливающих интерес к партнеру и/или к теме коммуникации.

Адресация — одна из коммуникативно-прагматических категорий текста. В сферу ее действия входят тонкие и слабо ощутимые читателем, но явно выявляемые с помощью лингвистического анализа факты. Анализируемая категория отражает отношение автора к адресату текста. В языке существуют эксплицитные и имплицитные средства адресации. Среди эксплицитных следует отметить: обращения, местоимения, глагольные формы второго лица. Имплицитные средства, как правило, косвенно указывают на характер адресата и связаны с предпочтением автора в выборе языковых средств. Например, на адресата может указывать выбор синонимов, а также доминирование в тексте простых или сложных предложений, предпочитаемый автором тип сложных предложений. В этом мы видим связь адресованности с замыслом высказывания и текста.

Отношение понятий «адресация» и «адресованность» определяется как связь между названием категории, обладающей планом содержания и набором средств выражения, и свойством, признаком, проявляющимся в устном или письменном речевом произведении.

При создании текста, в том числе лексикографического, автор-составитель закладывает показатели адресованности текста.

Можно выделить следующие интенции, связанные с адресованностью текста:

1. Вызвать интерес у читателя.
2. Привлечь определенную группу людей к знакомству со словарем (по возрасту, виду деятельности, уровню и характеру образования и т. п.).
3. Представить актуальную и полезную лингвистическую информацию.
4. Сделать текст доступным и понятным, удобным для использования.
5. Предложить дополнительную полезную для читателя информацию.

Все показатели (маркеры) адресованности текста можно разделить на лингвистические и экстралингвистические. Нужно заметить, что маркеры адресованности не всегда зависят от автора, они могут добавляться как сознательно, так и подсознательно. Напри-

мер, оформление обложки как экстралингвистический маркер, который, как правило, не зависит от автора.

Адресация связана с интенциональностью текста как представление о том, кто будет читать текст, направляет мысли и чувства автора, влияет на отбор языковых средств и, в конечном счете, помогает представить текст до момента его написания. В тексте словаря возможно обнаружить интенцию адресации. Чтобы это сделать, необходимо проанализировать лексико-композиционный и грамматический уровни словаря.

На лексико-композиционном уровне словаря как текста коммуникативные интенции, как правило, обнаруживаются в названии и аннотации, в авторском предисловии и отборе языкового материала, композиции словаря как комбинации словарных зон и статей.

Интенциональность грамматических средств связывается прежде всего с «говорящей» и запланированной типизированностью и воспроизводимостью грамматических элементов в тексте словарной статьи.

Интенциональность, проявляющаяся на лексическом, фразеологическом и орфографическом уровнях, чаще всего связана с поверхностным пониманием текста, поэтому с легкостью осознается адресатом.

Следует охарактеризовать основные показатели адресации, которые содержатся в названии словаря; в аннотации; во вступительной статье, в характере отбора языкового материала и его расположения в словаре, а также на уровне построения (композиции) словарной статьи.

В названии может актуализироваться формат издания (карманный; большой); объем информации (самый полный; словарь; краткий словарь-минимум), содержание (морфемно-орфографический; грамматико-орфографический; частотно-тематический; толково-орфографический); назначение (универсальный; учебный; школьный); способ отбора, группировки и представления материала (тематический; морфемно-орфографический; грамматико-орфографический; частотно-тематический; толково-орфографический); наличие дополнительной информации (словарь с правилами; с комментариями; с приложениями); ограничение языкового материала (морской; православный). В названии может

быть зафиксирован адресат: для школьников; для средней школы; в помощь преподавателям русского языка.

В названии авторы словарей часто вступают в диалог с читателем. С точки зрения различий авторских интенций адресованности можно сопоставить императивные и вопросительные названия.

Побуждение к действию: *Пишите и говорите грамотно; Давайте говорить правильно; Различай слова* — ставит автора-составителя над читателем, выстраивая отношения «старший — младший», «учитель — ученик».

Вопросительные конструкции в названиях орфографических словарей направлены на формирование мотивации к изучению языковых норм: *Как проверить «непроверяемое» слово? Слитно или раздельно? Одно или два Н?*

Интенции заинтересовать читателя, привлечь внимание, обозначить актуальность и новизну материала, а также способы его представления побуждают авторов-составителей использовать в названии слова «новый», «новейший», «современный», «актуальный».

Превосходная степень на обложке «Новейший орфографический словарь для школьников» И. Лапуцкой имплицитно претендует на превосходство над другими словарями.

Необычное название учебного лексикографического издания «Орфографический словарь для школьников с приложениями и грамматикой» Ю. Алабугиной, В. Бурцевой не только привлекает внимание, но и вызывает недоумение у грамотного человека. Порядок слов должен оттолкнуть образованного человека, так как в названии допущена грамматическая ошибка — неоправданная инверсия. (Школьники с приложениями и грамматикой вряд ли нуждаются в орфографическом словаре.)

В аннотации к словарю обычно указывается адресат. Как показывают наблюдения, декларируемый в аннотации адресат не всегда соответствует показателям адресованности лексикографического текста.

В предисловии словаря тональность обращения и средства адресации, как эксплицитные: обращения — местоимения, глагольные формы второго лица, так и имплицитные, косвенно указывающие на характер адресата и связанные с предпочтением автора в выборе языковых средств, выстраивают отношения создателя и пользователя словаря. Например, на адресата может указывать вы-

бор синонимов, а также доминирование в тексте простых или сложных предложений, предпочитаемый автором тип сложных предложений.

Ср. Дорогой друг, в словаре ты найдешь трудные для произношения слова; или Читатель найдет в словаре трудные для написания слова; или В словник вошла лексика, вызывающая орфографические трудности.

Несколько сложнее выявляется грамматическая интенциональность лексикографического текста. Так, например, характер и способ построения дефиниций дает возможность оценить способ, детализацию представления и индивидуальный взгляд на явление. Противопоставление типизированных и индивидуально-авторских ресурсов построения высказывания, выявляемое при составлении текстов словарных статей, позволяет выделить набор грамматических форм и типы синтаксических конструкций, которые раскрывают авторские интенции. Определение набора коммуникативных интенций и их описание становится возможным благодаря анализу коммуникативно-прагматических функций грамматических форм и конструкций с точки зрения намеренности/ненамеренности (облигаторности) их употребления в тексте. Такой тип изучения грамматических категорий представляет собой функционально-грамматический интент-анализ. Текст словарной статьи в ходе интент-анализа раскрывает речевую индивидуальность ученого — составителя словаря.

Сильной позицией текста является начало. Для примера приведем предложения, начинающие вступительные статьи нескольких школьных орфографических словарей.

Слова в словаре расположены в алфавитном порядке [3] — первое предложение и последующий текст вступительной статьи свидетельствует о том, что составитель обращается к читателю, который никогда не видел орфографический словарь. Трюистическое содержание, простая лексика, прямой порядок слов указывают на характер адресата.

Безошибочное письмо, или орфографическая грамотность, является одним из важнейших показателей общей культуры человека [4] — первое предложение, как и первый абзац в целом, дает читателю установку на изучение орфографии и знакомство с орфографическим словарем.

Предлагаемый читателю орфографический словарь русского языка содержит около 100000 слов и словоформ, как исконно русских, так и заимствованных из других языков. В книге читатель найдет самую разнообразную лексику [5] — основная интенция — презентация книги. Автор предисловия настойчиво повторяет слово «читатель». Словарь не ориентирован на школьников, хотя именно этот адресат указан в аннотации.

Отбор материала, способ его представления указывают на адресата и выявляют коммуникативные интенции.

Отдельно отметим выбор словарных помет, который, с одной стороны, решает прикладные задачи словаря, с другой — всегда ориентирован на адресата.

Категория интенциональности, направленная на реализацию и раскрытие авторского замысла, неизбежно сопрягается с категорией адресации. Словарь как особенный и специальный текст обнаруживает систему средств выражения значений интенциональности и адресации.

Примечания

1. Колесова Д. В. Интенция и интенциональность; Анализ текстов в аспекте категории интенциональности // Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пособие / под ред. проф. К. А. Роговой. СПб., 2011. С. 16–36, 235–264; Павлова Н. Д. Интент-анализ дискурса // Теоретические и прикладные коммуникативные исследования / отв. ред. И. А. Стернин, В. Н. Степанов. Ярославль, 2003; Родионова А. В. Языковые средства выражения интенциональной направленности текста // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 167–169.

2. Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 29–42.

3. Школьный орфографический словарь. М., 2015.

4. Баранов М. Т. Школьный орфографический словарь русского языка. 5–11 классы. 17-е изд., перераб. М., 2014.

5. Климова М. В. Орфографический словарь современного русского языка. 100 000 слов. М., 2015

Intentionality of the lexicographic text

The article is devoted to the perception of a lexicographic text. As an example, intentionality spelling dictionaries are selected for the analysis of the text category. The study of the practice of creating and using the spelling dictionary is based on the modern spelling situation. The article identifies the author's intentions in lexicographic editions due to the study of communicative-pragmatic addressing category. Even when there is no indication of the author-compiler of lexicographical publications the analysis reveals features addressing the nature and communicative intentions.

Intentionality as a text category in practice-oriented publications is closely interfaced with addressing category. Addressing is connected with the intentionality of the text as an idea of who is going to read the text directs the thoughts and feelings of the author, affects the selection of linguistic resources and ultimately, helps to provide the text to the time of its writing. In the text of the dictionary it is possible to detect the intention of addressing. To do this, you need to analyze lexical, grammatical and compositional vocabulary levels.

There are different key indicators: the dictionary title; the abstract; the introduction, the nature of the language selection of material and its location in the dictionary, and at construction of the entry.

Keywords: intention, spelling dictionary, factor destination, intent-analysis.

© Н. А. Илюхина

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, г. Самара

Феномен сценарной метонимии: о когнитивном принципе типологии лексической метонимии¹

В статье рассматривается новая типология метонимических переносов в лексике, которая строится на когнитивном принципе — на связи метонимических моделей с типами концепта, организующего знания о соответствующих реалиях действительности в сознании. На этой основе в рамках классификации выделяются в качестве основных три типа лексической метонимии: фреймовый, пропозиционный и сценарный. Новый принцип позволяет, во-первых, более крупнопланово представить многочисленные типы метонимических переносов, во-вторых, помогает выявить и описать сценарный тип метонимического переноса, не выделенный до сих пор в научной литературе, в-третьих, показывает когнитивную природу лексической метонимии, ее зависимость от структуры конкретной ментальной единицы — концепта того или иного типа. Подробно рассматривается один из этих типов — сценарная метонимия, некоторые ее разновидности. Этот тип метонимии является результатом сокращения речевой цепочки при воплощении в речи информации сценарного типа. Суть сценарной модели метонимии заключается в том, что сведения о многоактном событии обозначаются в речи названием одного из этапов этого события. Наиболее широко сценарная метонимия распространена среди глагольной лексики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика, когнитивная семантика, метонимия, типология метонимии, концепт, сценарная метонимия.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты» № 15-14-63002).

Переход к когнитивному осмыслению метонимии связан с общим для лингвистики сдвигом внимания к процессу восприятия действительности и к способам организации знания в памяти, которые находят прямое отражение в системе языка и принципах ее функционирования как одной из когнитивных систем. Как известно, знания хранятся в памяти в структурированном виде, существуют разные принципы структурирования, т. е. типы «упаковки» этого знания. К основным принципам организации знания относятся фреймовый, пропозициональный и сценарный, на основе которых формируются ментальные единицы соответствующих типов и названий, оказывающих влияние на развитие метонимии.

Детализованность описаний переносов и метонимически производных значений (см., например, [1; 2; 3]), свидетельствующая о вездесущности метонимического механизма, получающего свое выражение в многочисленных частных моделях переноса, и чрезвычайная распространенность в речи, особенно в свободной от жестких норм (разговорной, поэтической и др.), приводит к предположению о предопределенности явления метонимии и метонимических моделей когнитивного факторами.

Само понятие *смежность*, которое служит основанием для выделения метонимии, свидетельствует, что ее природа связана с *восприятием двух реалий, осмыслением* их связи на основе восприятия. Другими словами, даже традиционное определение метонимии говорит о том, что ее сущность как переноса названия и его семантического следствия (образования вторичного значения у перенесенного слова) имеет и когнитивные основания.

Если осмыслять факт *многообразия* типов переносов, то становится еще более очевидно, что это многообразие (смежность времени и события, изделия и материала, вместилища и востребованного, части и целого и т. д.) может объясняться особенностями *восприятия* ситуации подсознанием, осмыслением этих конкретных соотношений сквозь призму смежности.

Однако в последние годы наблюдается и прямое смещение исследовательского взгляда к когнитивной стороне метонимии. Так, одним из знаков такого осмысления служит предложенное Е. В. Падучевой [4] толкование метонимии как *сдвига фокуса внимания*, которое буквально имеет в виду эффект восприятия и осмысления двух означаемых.

Вместе с тем уход в инвентаризацию частных типов отношений между двумя означаемыми перенесенного слова — первичным и вторичным — в целях исчерпывающего описания моделей переноса (задача, представленная во многих работах и важная сама по себе!) в то же время оставляет в стороне вопрос о типологической общности и в то же время различиях метонимических переносов, искать которые, на наш взгляд, следует именно в когнитивной плоскости и с учетом которых возможно создание крупноплановой классификации многочисленных типов метонимического переноса, типологии векторов переноса слов и соотношений двух значений — прямого и вторичного.

Когнитивный ракурс, который является лишь одним из ракурсов осмысления метонимии, но при этом — основополагающим, выдвигающим на первый план ту сторону явления метонимии, которая предопределяет само явление и потому, по нашему убеждению, позволяет интегрировать другие стороны осмысления этого явления. Именно на этом, когнитивном, уровне появляется возможность укрупнения типологии метонимических переносов и, с другой стороны, объяснение природы многообразия их векторов. Дело в том, что в метонимических переносах обнажаются принципы концептуализации знаний. Знания о реалии структурируются по разным принципам, которые определяют и тип ментальной единицы, хранящей эти знания, тип концепта: фрейм, пропозиция, сценарий и т. д.

Применительно к метонимии это означает прямую связь типов метонимических переносов с типами ментальных единиц, организующих знания о реалиях действительности.

Сформулируем главную идею статьи: метонимический перенос осуществляется **в рамках одного концепта**, т. е. в рамках единого ментального целого, под которым понимаются разные единицы хранения информации, организованные разными принципами и представленные разными типами концепта: фрейм, пропозиция, сценарий, гештальт и т. д.

Из сказанного вытекают два важных положения.

1. В метонимических переносах отражается структура разных типов концептов (фрейма, пропозиции, сценария и т. д.), и конкретные *векторы переноса предопределены структурой того или иного типа концептов*.

2. Метонимия вообще и частные метонимические модели в частности строятся на основе отношений между частями одного целого либо между целым и его частью (что дает основания отказать от дифференциации метонимии и синекдохи).

Если обратиться к трактовке метонимии как *сдвига фокуса внимания*, то можно сказать, что этот сдвиг наиболее естественен в рамках того, что воспринимается и осмысливается как *единое целое*; это и обеспечивает «узнаваемость» метонимически обозначаемого целого по его части либо узнавание одной части целого по другой его части.

На основе лингвокогнитивного принципа типологии переносов нами выделены в качестве основных следующие разновидности: *фреймовая*, *пропозициональная* и *сценарная* метонимия (см. [5]). Поскольку первые две на других основаниях классифицированы в литературе, ограничимся их иллюстрацией.

Наиболее регулярными и в этом смысле показательными для показа **фреймовой метонимии** являются переносы с вместилища на востимое, с части на целое и наоборот и др. Так, слово *космос* в разных речевых сферах может называть космическое пространство, космические полеты, ракеты и другое оборудование, сферу науки и сферу производства, связанные с изучением космоса, созданием летательных аппаратов, обеспечением безопасности человека в космосе, направлением подготовки специалистов и т. д. См. также более традиционные примеры: *Автобус* обсуждал последнюю новость, *Самара* встречает победителей гонки; *Город* встал в пробках (Вести); Прилетели два **борта** с геологами; В министерстве начали делить **портфели**; Не толкайтесь! За **мною** еще одна «**пятерка**» идет (реплика водителя трамвая).

Пропозициональная метонимия возникает при воспроизведении знания как организованного ситуацией — действием и задаваемыми этим действием отношениями между компонентами: субъектом, объектом, орудием, местом, временем и т. д. Наиболее типичным переносом этого типа является перенос названия действия на субъект, объект, орудие, место и т. д. Так, слова *завтрак*, *обед*, *ужин* называют процесс проема пищи, саму пищу и время приема пищи; слово *покупка* означает действие и его результат — купленную вещь. См. некоторые другие слова, подвергшиеся метонимическому переносу пропозиционального типа: *работа*, *расчет*, *установка*, *сон*,

анестезия; весьма продуктивны такие переносы в речи (*Сегодня твоя готовка уже съедобная*; — *Приходи к нам под Новый год*. — *Не могу, у меня ситуация*... — *Хорошо, приходи с ситуацией*).

Сценарная метонимия отражает связь переноса со структурой другого типа концепта — сценария. «Когнитивный сценарий — это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [6]. Сценарий организует знание о многоактных событиях, представляет стандартную последовательность актов как этапов единого события (так представлены, например, знания о процессах обучения, приема гостей, застолья, посещения учреждений: театра, поликлиники и мн. др.).

Сценарная метонимия возникает при воспроизведении события в его развертывании, с вниманием к отдельным актам этого события, например: *Подойдите к телефону*; *Надо повидаться с бабушкой*; *Загляните ко мне после занятий*; *Мы вчера душевно посидели*.

Явление метонимии вообще, как известно, в большинстве случаев обязано действию закона экономии языковых усилий и средств. Применительно к знаниям, организованным в форме сценария, действие закона экономии проявляется в сокращении речевой цепочки, разворачивающей обозначение этапов события. Поэтому логика сценарной метонимии заключается в именовании всего события по одному из его этапов, то есть обозначение целого по его части. В роли такой «части» наблюдаются акты перемещения (*идти, ходить, летать, плавать* и т. д.), положения в пространстве (*быть, находиться, сидеть, стоять, лежать* и т. д.) и его изменения (*сесть, посадить, лечь, положить, стоять, поставить* и т. д.), зрительного восприятия (*видеть, видеться, заглянуть* и т. д.) и другие, в большинстве случаев не являющиеся самыми важными в событии. В связи с тем, что денотатом оказываются действия, сценарная метонимия более характерна для глагольной лексики, а также для отглагольных существительных.

Обратимся к типичным метонимическим обозначениям нескольких событий (о других типах событий см. в нашей статье [7]).

Во многих случаях сложные события включают перемещение как действие по своей роли «техническое», но часто именно это

действие становится обозначением всего события (комплекса частных актов). Например: *Если хочешь похудеть, старайся не **подходить** к холодильнику*. Эта фраза буквально означает запрет перемещения в направлении холодильника, но подразумевает запрет на комплекс актов: не открывай холодильник, не бери продукты, находящиеся в холодильнике, и не ешь их (ср.: *не прикасайся к рюмке; хотя бы раз возьми в руки лопату; она иголку в руках держать не умеет*).

Широко используются в рамках сценарной метонимии глаголы движения, они называют при этом самые разные события, ср.: *ходила в музей* (смотрела и оценивала картины, слушала экскурсовода и т. д.), а также *сходила к врачу — в парикмахерскую — в бассейн — в театр — на Киркорова — к гадалке — за хлебом — на кастинг* и мн. др. Полноту коммуникативно актуального смысла — информацию о комплексе действий, типичном для данной ситуации — обеспечивает лексическое наполнение локального, объектного, целевого указателя (*куда, к кому, зачем*). Продемонстрируем ключевую дифференцирующую роль контекстуального (чаще локального) конкретизатора при глаголе движения в передаче сведений о комплексном событии или деятельности на примере выражений из разговорной речи: *бегать за мальчиками — бегать по подружкам — ходить по магазинам — ходить по врачам — ходить по соседям — ходить по бабам*. Каждое выражение называет самостоятельный сценарий, со специфическим набором типовых для него актов.

В аналогичной роли метонимического обозначения события используются глаголы положения в пространстве: *Давайте **посидим** еще немного!* (побеседуем, или послушаем еще один-два доклада до перерыва, или полюбуемся природой, или поедим, выпьем и т. д.); *Сколько тебе предстоит **лежать** в больнице?*; *Мать **лежит** под капельницей*; *Его жена давно не работает, **сидит** дома с детьми; Давай еще **постойм***.

В функции сценарной метонимии часто используются глаголы зрительного действия: *Кто хочет меня **увидеть**, приходите в среду к 13 часам* (преподаватель — студентам-задолжникам); *Надо **повидать** бабушку*.

Для обозначения одного и того же события могут использоваться глаголы совершенно разной семантики, в частности глаголы

движения и глаголы зрительного действия: *К нам иногда заглядывает комендант* = *К нам иногда заходит комендант*; *Зайдите на минутку ко мне в кабинет* = *Загляните на минутку ко мне в кабинет*. Как видим, метонимическое употребление разных по семантике глаголов для обозначения одного события приводит к их синонимизации. Такая синонимия оказывается возможной потому, что обозначаемые ими действия входят как частные акты в общий типовой сценарий события и оказываются средствами метонимического обозначения этого события.

Метонимическая функция слов такого рода, прежде всего глаголов движения, не могла не найти отражения в лексикографии. Наиболее частотные функции таких глаголов фиксируются в толковых словарях, при этом по-разному: в виде употребления (оттенка значения), в виде самостоятельного лексико-семантического варианта и среди иллюстраций воплощения прямого значения. Из-за ограниченности объема статьи приведем в качестве примера глагол *сходить*, который имеет в словарном толковании всего три ЛСВ, два из которых являются метонимически производными и образовались по логике сценарной метонимии (первый и третий). Приведем его толкование из Большого толкового словаря русского языка под ред. С. А. Кузнецова.

СХОДИТЬ 1. (*за кем-чем, с инф.*). Пойти куда-л. и, побыв там, вернуться обратно. *С. в гости. С. в магазин. С. за хлебом. С. к соседям. Сходи за ним, пусть идет сюда. Сходи, пожалуйста, посмотри, кто там. Схожу выкупаться.* 2. Сделать ход (при игре в шахматы, шашки, карты и т. п.). *С. тузом. С. с шестерки. С. ферзем.* 3. Разг. Отправить естественные потребности (помочиться, освободить кишечник). *С. на горшок. С. жидко. Никак не с. в туалет.*

Очевидно, что третий ЛСВ наряду с сокращением речевой цепочки выполняет и эвфемистическую функцию.

Сценарный (многоактный) характер события выражается в речи многообразно даже в сжатом (свернутом) виде, ср.: *ездил, чтобы встретиться с сестрой; ездил встретиться с сестрой; ездил встречался с сестрой; ездил к сестре*. Одним из способов сокращения текста при отражении такого события под действием закона экономии, при этом наиболее лаконичным, является сценарная метонимия.

Не менее показательна семантика глагола *заглянуть*, который выражает активное целенаправленное действие, не являющееся самоценным, самодостаточным; это действие всегда подчинено

выполнению иного, более важного действия — поиска чего-либо, выяснения ситуации и т. п. (*заглянуть в магазин, заглянуть к подруге на часок*). Не удивительно поэтому, что в силу действия закона экономии в логике сценарной метонимии этот глагол оказывается обозначением всего события (комплекса актов). Показательно, что четыре из пяти значений глагола *заглянуть* в словаре (пятое представляет собой олицетворение: *солнце заглянуло в комнату*) связаны с метонимической функцией: либо в любом употреблении выражают сценарную семантику, либо эта семантика проявляется в целом ряде иллюстраций значения. Приведем состав ЛСВ этого глагола из того же словаря.

ЗАГЛЯНУТЬ. 1. Посмотреть внутрь чего-л., куда-л.; обратить взгляд на то, что хочется увидеть, подсмотреть. *З. в дверь, в щелочку, в замочную скважину. З. за шкаф. З. в чужую тетрадь = СПИСАТЬ. З. с улицы. З. в лицо, в глаза кому-л. З. украдкой, мельком. З. через забор. 2.* Проникнуть куда-л., осветить лучами (о солнце, луне и т. п.). *Солнце заглянуло в комнату. 3.* Бегло прочесть отдельные листы, страницы в книге, газете и т. п. *З. в журнал, в справочник. З. на восьмую страницу. 4.* Постараться разобраться в чьих-л. переживаниях, думах. *З. в себя. З. в сердце, в душу кому-л. З. вперед, в будущее* (постараться представить себе будущее, задуматься о нем). **5.** Разг. Зайти, заехать куда-л. мимоходом, на короткое время. *З. к приятелю, к знакомым. З. в аптеку, на почту. З. ненадолго, на минутку, на часок. З. на огонек. З. на чашку кофе.*

Таким образом, глаголы разной семантики, называющие действие, включенное как типичный акт в сложное событие-сценарий, даже не будучи важным в этом сценарии, не являясь самоцелью, а будучи подчинено более важному действию, может оказаться обозначением всего события. Регулярное употребление слова в качестве сценарной метонимии ведет к формированию в его структуре соответствующего ЛСВ.

В заключение подчеркнем значимость когнитивного подхода к изучению метонимии. Когнитивный принцип осмысления метонимии позволил, во-первых, крупнопланово представить многочисленные типы переносов, во-вторых, помог выявить сценарную метонимию, не нашедшую отражения в описаниях метонимических моделей и обнаруженную именно в результате последовательного прослеживания связи между типами метонимии и типами ментальных структур, в-третьих, он тем самым подтвердил когнитивную природу метонимии, ее зависимость от структуры ментальной единицы — концепта того или иного типа.

Примечания

1. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 509–523.
2. Чернявская Н. А. Метонимическое употребление абстрактных имен в детской речи // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции—2015: материалы междунар. конф. СПб., 2015. С. 284–289.
3. Чернявская Н. А. Метонимическая логика семантического развития корневой морфемы *лаз/лаз* в славянских языках // Вестник Самарского гос. ун-та. 2012. № 2–1(93). С. 98–104.
4. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
5. Илюхина Н. А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского гос. ун-та. 2015. № 7. С. 36–48.
6. Плотникова А. М. Когнитивное моделирование лексического значения глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 11. С. 73–80.
7. Илюхина Н. А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского гос. ун-та. 2015. № 11 (133). С. 9–16.

The phenomenon of the scenery type of metonymy: the cognitive principle of categorizing of the lexical metonymy

The article presents a new typology of metonymic shifts in the vocabulary which is based on the cognitive principle — metonymical patterns with the types of concept which organizes knowledge on related realities in consciousness. On this basis three main types of lexical metonymy are allocated in the classification: frame, proposition and scenario. Firstly, the new principle allows to provide generally numerous types of metonymical transfers, secondly, helps to identify and describe the scenery type of metonymical transfer, which is not allocated until now in the scientific literature, thirdly, shows the cognitive nature of lexical metonymy and its dependence on structure of a particular mental unit — the concept of one type or another. One of these types of scenery metonymy and some of its varieties are considered in detail. This type of metonymy is the result of the reduction of the speech chain during the embodiment scenery information in the speech. The essence of scenery model of metonymy lies in the fact that the information about multiple events is marked in the speech by using the name of one of stages of this event. The most widely scenery type of metonymy is spread among the verbal vocabulary.

Keywords: cognitive linguistics, semantics, cognitive semantics, metonymy, typology of metonymy, concept, scenery metonymy.

Архетипическая природа текста (архетекстуальная парадигма)¹

Статья посвящена исследованию архетипической природы текста. Выявляется и характеризуется архетекстуальная парадигма текста от текста-замысла до текста-читателя, с одной стороны, и до архетекста, с другой. Текст — это не только единица языка и культуры, это также доминирующее средство формирования языковой и текстовой картины культуры. Среди различных текстовых состояний языка и языковой личности выделяется поэтическое. Поэтическое состояние языка понимается в широком и узком смысле. В широком смысле поэтическое состояние языка — это наличие в языке и языковой личности различных возможностей, связанных с реализацией основных внутренних, антрополингвистических функций языковой деятельности, таких как креативная, или творческая, эстетическая и этическая. В узком смысле поэтическое состояние языка касается прежде всего конкретных процессов текстотворчества, преобразования языковой личности в текстовую. Архетекст — это совокупность моделей всех возможных текстов; это системно-структурный, семиотический и функциональный ориентир — образец для любого сочинителя, автора etc. Архетекст как метатекстовое образование содержит в себе приметы, признаки и очертания объектов лингвистического, денотативно-тематического, логико-сигнификативного, антропологического (автор, персонажи в укрупненном масштабе), концептуального, религиозного, философского, исторического, культурологического, космогонического, системно-структурного, функционального (в широком смысле) и в целом текстотворческого характера. В данном метатексте содержатся такие категории, как бесконечность, вечность, бытие, небытие, инобытие, Бог, Дух, процессуальность, предметность, атрибутивность, системность, закономерность, неизбежность, жизнь, смерть и любовь. Все эти категории имеют абсолютный и глобальный характер.

Ключевые слова: текст, архетипическая природа текста, текстовое состояние языка и языковой личности, архетекстуальная парадигма.

Данная работа выполнена в текстоведческих традициях Уральской семантической школы, возглавляемой профессором Л. Г. Бабенко.

1. Языковое сознание, языковое мышление, языковая деятельность человека универсальны. Носитель языка, если он поэт, художник, словесник, находится в сложном, комплексном языковом состоянии, совмещающем в себе, в зависимости от той или иной сферы языкового действия, сразу несколько раз-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

личных по своей природе функций, ситуаций, процессов и предметов, связанных непосредственно с языком. Языковая личность постоянно переживает определенное состояние языка. Анализ антрополингвистических основ литературной деятельности и текстотворчества в целом позволяет выделить три основных состояния языковой личности, которые соответствуют (каузативно и результативно) трем состояниям языка: собственно языковое состояние (онтологическое, гносеологическое, когнитивное и ономазиологическое); речевое состояние (коммуникативное) и текстовое состояние (культурное). Языковая личность функционирует одновременно в трех сферах: в бытии, в социуме и в культуре, — реализуя одновременно, последовательно или фрагментарно, с переменой доминанты, три основных вида мышления — языковое, речевое и текстовое. Таким образом, языковая личность функционирует в различных статусах личности собственно языковой, личности речевой и личности текстовой. Текстовое состояние языка (и языковой/текстовой личности) определяется природой и спецификой познания, номинативности, художественности (эстетики, этики), когнитивности (эвристичности), экспериментальности, энигматичности, антропологичности и культуры. Среди различных текстовых состояний языка и языковой личности явно выделяется поэтическое [1]. Поэтическое состояние языка понимается нами в широком и узком смысле. В широком смысле поэтическое состояние языка — это наличие в языке и языковой личности различных возможностей, связанных с реализацией основных внутренних, антрополингвистических функций языковой деятельности, таких как креативная, или творческая [2], эстетическая [3] и этическая [4]. В узком смысле поэтическое состояние языка касается прежде всего конкретных процессов текстотворчества, преобразования языковой личности в текстовую, а текстовой личности — в поэтическую, а также возникновения и реализации лингвокультурных связей внутри-текстового, межтекстового, метатекстового и сверхтекстового характера (метатекстовый характер лингвопоэтических феноменов реализуется в текстовых множествах, прямо говоря, в целом творчестве того или иного поэта и в поэзии/литературе в

целом; сверткестовый характер данных феноменов наблюдается в культуре, совокупной истории словесности).

Текст есть результат лингвокультурологического познания мира. Социально значимые сферы культуры — литература, искусство, наука, образование и др. — производят, помимо вербальных, тексты иной природы: музыкальные, визуальные, театральные, кинематографические и др. Однако все невербальные тексты в своей архитекстуальной основе содержат тексты лингвистической природы. Текст — это результат языкового, научного, этико-эстетического, художественного и в целом культурного познания. Поэтому текст, являясь единицей языка и культуры, также имеет статус текста научного, художественного, публичного, журналистского, документального и т. д.

Текст как единица культуры существует в сознании человека в отвлеченном и обобщенном виде: это есть некий текст-культура. Текстотворец, замышляя создание текста, всегда ориентирован не только на данный образ текста-культуры, но и на иные лингвопсихологические, лингвокультурные, литературные, лингвожанровые, этико-эстетические, абстрактные и конкретные, эталонные и варианты его образы. Формула «язык — человек — культура — текст» отображает только наиболее общие фрагменты длительного, глубокого в ментальном, познавательном и когнитивном аспекте процесса. Носитель языка (языковая личность, далее — ЯЛ) в процессе текстотворчества играет сразу несколько лингвотворческих ролей:

— Человек в бытии, в онтологии (языковое мышление, действие, действительность), то есть человек как таковой, *homo sapiens*, ментально одинокий, автономизированный онтологическим языковым мышлением, человек-бытие.

— Человек в обществе (в быту), человек, детерминированный социальностью, коммуникативностью и прагматикой, — человек-речь.

— Человек в культуре, человек, сознающий мир и онтологически (языковое мышление), и социально (речевое мышление), и культурологически (текстовое мышление).

Поэтому процесс текстотворчества (проеимущественно художественного, научного, публичного и журналистского) является постоянным, непрерывным и включает в себя такие этапы:

1. Подготовительный — учебный, когда будущий текстотворец занимается активным чтением образцовых текстов, изучением теории и практики словесного творчества, восприятием и анализом предметов искусства, архитектуры и т. п. Этот период назван подготовительным условно, в действительности текстотворец «учится тексту» на протяжении всей жизни.

2. Начальный период — создание подражательных, «учебных», ювенильных текстов.

3. Период зрелого творчества — появление навыков работы с замыслом, а также ориентация процесса создания текста на реализацию а) «величия замысла» (А. Ахматова, И. Бродский); б) связи с текстом-культурой и архетекстуальными сферами словесного творчества.

Художественный текст имеет свои специализированные признаки: экспериментальность, энигматичность, эвристичность, репродуктивность и др. В ряду данных признаков выделяются, на наш взгляд, наиболее важные, такие как метатекстуальность, архетекстуальность, сверхтекстуальность. Поэтический текст — это результат работы поэта с единицами просодии, дискурса и языка, а также с феноменами особого рода — с метасмыслами, с метаобразами и с метаэмоциями, которые реализуются в поэтическом тексте при условии наличия в нем внутренней архетекстуальной парадигмы. Метаприродный характер предметов, которые отображаются и номинируются в поэтическом тексте, демонстрирует прежде всего уникальный характер и уникальную природу собственно поэтического текста, который с онтологической, лингвокультурологической и антропологической точки зрения есть часть архетекстуальной парадигмы, представляющей собой макро- и микроструктурное образование. Наличие архетекстуальной парадигмы предвидели такие ученые, как М. Фуко [5], Ц. Тодоров [6], Р. Барт [7], М. Мамардашвили [8], Ю. М. Лотман [9]. Философы, феноменологи и текстоведы обращали внимание на «неодинокость» текста в литературе, в словесности, в языке, в дискурсе и в культуре. Действительно, теоретические, методологические, феноменологические и эмпирические исследования поэтического текста позволяют выявить структуру архетекстуальной парадигмы поэтического текста. Следует отметить, что

данная парадигма одновременно является частью внутреннего и частью внешнего проявления связей данного текста с его функционально-парадигматическими проявлениями и реализациями. Архитекстуальная парадигма имеет одновременно идентифицирующий, дифференцирующий и классифицирующий (типологизирующий) характер [10]. Следует отметить, что речь идет прежде всего о различных статусах текста, который обладает (интенционально, лингвистически, культурологически) как внутренней, так и внешней валентностью генетической (внутреннее) и метагенетической (внешнее) природы. Естественно, архитекстуальная парадигма того или иного текста обусловлена работой нескольких групп факторов языкового, антропологического, антропологического, культурологического, социального и текстотворческого, интертекстуального и метаинтертекстуального характера. Архитекстуальность — это метатекстовое явление.

2. Формула «автор — замысел — реализация — текст — читатель» отображает лишь общий ход процесса текстотворчества и восприятия его результата [10]. Проследим данный процесс, опираясь на факты эмпирического, социо- и психолингвистического характера. Во-первых, автор создает планируемый им предтекст, или текст-замысел, появление которого детерминировано влиянием текста-промысла (вдохновение, идеальный текст etc.) и архтекста (образ текста глобального, планетарного, галактического, вселенского масштаба: Вселенная — это текст; вспомним определение Б. Паскаля: «Вселенная — это круг, центр которого везде, а окружность нигде»). Затем автор создает свой текст — текст реализованный, который подвергается иногда значительным изменениям в процессе издания и который обретает статус текста опубликованного. Данный текст воспринимается читателем и становится текстом читателя ($1 + n$). Схематически эту типологию можно изобразить в виде вертикали, отображающей фрагментарно некую иерархичность различных видов текста (характер такой иерархии — этико-эстетический, художественный и гармонический, от «гармония» и «совершенство»).

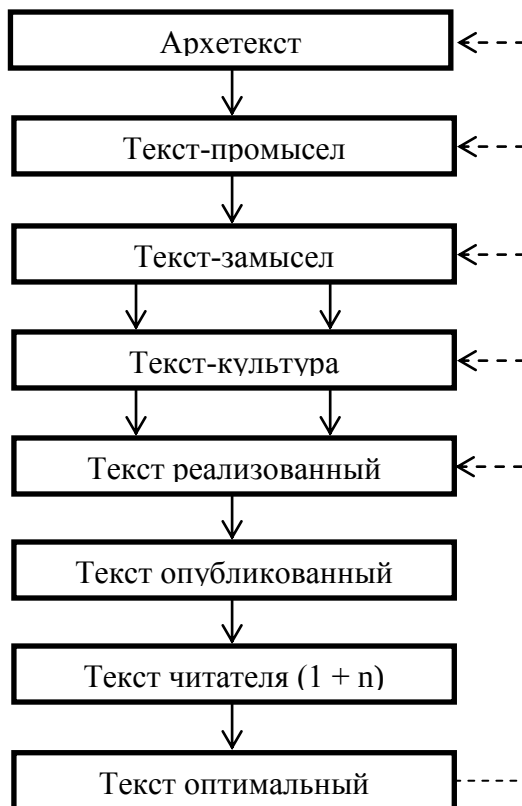

Рис. 1. Архетипическая типология текста в аспекте его замысла, создания и восприятия

Текст-культура. Идеальный и обобщенный, эталонный и освоенный в культуре текст и его образ в своем метатекстовом представлении видов, жанров, стилей, эстетических школ и направлений, эстетических канонов, просодического, грамматического и стилистического наполнения, содержательных, формальных и композиционных структур, готовых к полной реализации авторской интенции и замысла, модальности, оценочности, концептуальности и систем образов лиц и предметов, персонажей, лирического субъекта, смысловых систем, объединений и вариантов. Текст-культура — это обобщенный образ всех существующих в словесности, ис-

кусстве и науке текстов. Текст-культура есть метатекст, содержащий в себе все признаки совершенства, высокой художественности и гармонии.

Текст-культура — это ментально-текстовый центр данной архетипической типологии текста. Поэтому определения типов текста будут следовать по вертикали от текста-культуры сначала вверх, а затем вниз.

Текст-замысел — это некий предтекст, план формы и содержания будущего текста, а также план написания текста (график работы над текстом). Он содержит в себе событийную фабулу, эскизы портретов персонажей, их характеристику и т. п. Кроме того, в тексте-замысле присутствует выбор того или иного жанра, языкового, стилистического, просодического, грамматического и т. п. исполнения. В нем оформляется смысловая, этико-эстетическая концепция, а также предполагается осуществление таких признаков текста, как эвристичность (новизна, открытие), экспериментальность (лингвистическая и культурологическая новизна, игра, эксперимент) и энигматичность (наличие в тексте «темнот» (термин С. С. Аверинцева), загадок и т. п.). В данном тексте также планируются объем и параметры меры и вкуса будущего сочинения. Текст-замысел есть планируемый, эскизируемый, предполагаемый образ реализованного текста. Кроме того, текст-замысел напрямую связан с текстом-промыслом.

Текст-промысел — это текст идеальный, эталонный, когда эталонность не имеет границ. Это метатекстовое образование, формирование которого связано с нашими мифологическими представлениями о творчестве. Сочинитель здесь, в этой метатекстовой сфере — вдохновенный творец, подобный Творцу и имеющий с Ним ментальную связь — через вдохновение, грезы, мечты, воображение и фантазию. Текст-промысел существует в ЯЛ и в текстовой личности (далее — ТЛ), в сознании автора как недостижимый образец, эталон, идеал текста, к которому необходимо стремиться во что бы то ни стало. В денотативно-сигнификативной и в концептуальной сфере образа-промысла доминируют такие категории, как вдохновение, красота, идеал, чудо, совершенство, высшая гармония, поэзия, гений, талант, дар, мифологические лица, существа и предметы (Орфей, Пегас, арфа, ангелы и т. д.). Божественная высота и глубина, неземной разум, неземная любовь, бессмертие, вечность,

внесоциальная религиозность сознания, вера (во всех значениях), надежда, антропонимы — имена поэтов, писателей, ученых (Гомер, Сафо, Вергилий, Гораций, Данте, Шекспир, Пушкин и др.), названия и образы ночных и дневного светил, топонимы реальные и мифологические (царство Аида, театр «Глобус», Венеция, Болдино, Петербург, Кастаньский Ключ и др.), названия и образы ритуальных предметов культуры (лира, перо, стило) и др.

Текст-промысел не имеет объема и качества, так как он идеален, метатекстуален. Данный текст есть необходимый интенсификатор создания текста-замысла.

Архетекст — это глобальный, фундаментальный по отношению ко всем текстам, «главный» текст, существующий в сознании текстотворца и являющийся ментальной и воображаемой картиной Космоса, Вселенной, галактики (Млечный Путь или иной), Солнечной системы, планеты. Каждый из названных супер-объектов представляет собой текст, точнее, метатекст, представляющий собой матрицу, или систему матриц, по которым должны строиться и строиться все возможные тексты. Архетекст — это совокупность моделей всех возможных текстов; это системно-структурный, семиотический и функциональный ориентир — образец для любого сочинителя, автора etc. Архетекст как метатекстовое образование содержит в себе приметы, признаки и очертания объектов лингвистического, денотативно-тематического, логико-сигнификативного, антропологического (автор, персонажи в укрупненном масштабе), концептуального, религиозного, философского, исторического, культурологического, космогонического, системно-структурного, функционального (в широком смысле) и в целом текстотворческого характера. В данном метатексте содержатся такие категории, как бесконечность, вечность, бытие, небытие, инобытие, Бог, Дух, процессуальность, предметность, атрибутивность, системность, закономерность, неизбежность, жизнь, смерть и любовь. Все эти категории имеют абсолютный и глобальный характер.

Текст реализованный является частью текста авторского, который объединяет в себе прежде всего текст-замысел и текст созданный, завершённый. Следует отметить, что текст реализованный может интенционально не совпадать с текстом-замыслом (история создания романа Л. Н. Толстого «Война и мир», который замышлялся как роман «Декабристы»; или история романа

И. С. Тургенева «Отцы и дети», когда после публикации образ Евгения Базарова, бывший отрицательным и почти сатирическим по замыслу автора, воспринимался читателем как положительный). Текст реализованный является мобильным в языковом, стилистическом и композиционном отношении: автор иногда долгое время правит рукопись, добиваясь ее адекватности образу текста реализованного, детерминированного текстом-замыслом и метатекстовым влиянием текста-промысла и архетекста. Текст реализованный иногда остается долгое время неопубликованным (история романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Но рано или поздно талантливый текст публикуется или издается.

Текст опубликованный, или изданный, появляется на страницах периодических изданий или в виде книги (части книги — в сборниках, антологиях и т. п.) в специализированных магазинах. Текст опубликованный отличается от авторского объемом (например, журнальный вариант романа — в сокращении; или, напротив, расширенный текст, опубликованный в книге или вышедший в свет отдельным изданием), качеством языкового и стилистического материала (редактура, корректорская работа, верстка, иногда приводящая к сокращению или увеличению текста). Текст опубликованный отчуждается от автора и становится частью словесности, литературы (научной и журналистской в том числе). Книги имеют свою судьбу. Текст опубликованный попадает в социальную/психологическую сферу восприятия, интерпретации и оценки. Опубликованный текст есть фрагмент глобальной авторской картины мира, которая вступает в особые отношения с индивидуальными картинами мира читателей — в отношения тождества, пересечения и включения (случаи дизъюнктивных отношений тоже не редки). И в этой ситуации начинают функционировать законы и тенденции культурно-текстовой аксиологии. Основная шкала таких оценок — «нравится — не нравится», «мое — не мое», «хорошо — плохо», «гениально/талантливо — бездарно», «интересно — неинтересно», «увлекательно — неувлекательно», «модно — немодно» etc. Социальная, эмоционально-психологическая оценка текста имеет широкий спектр. (Следует отметить неоднородность с точки зрения уровня качества, художественности, этичности, эстетичности и т. п. современной литературы, которая сегодня абсолютно зависит от маркетинга, менеджмента и рекламы (ср., например,

«проектный писатель», «проектная литература», «проектная серия» и т. п.). Поэтому тексты адресуются трем различным (но вполне диффузным) группам читателей («потребителей»): читатель массовый (массовая литература, модная литература), читатель индифферентный («всеядный») и читатель элитарный). К счастью, человек еще не научился отличать подлинное от имитации, симулякра и стилизации. Читателей подлинной литературы всегда было немного: 7–10 % от всех читающих).

Текст читателя — это текст, воспринимаемый в процессе чтения, а также текст, усвоенный и освоенный читателем. Существует несколько видов чтения:

- просматривание текста (чаще с монитора);
- быстрое чтение (чтение «по диагонали»);
- чтение аттрактивных текстов (одноразовое чтение);
- медленное прочтение;
- чтение с последующим повторным (+ n) прочтением («перечитать» текст);
- чтение с заучиванием наизусть (обычно чтение стихотворных текстов) и др.

Процесс восприятия индивидуально-авторской картины мира сложен и опосредован прежде всего текстом, его лингво-антропологической составляющей, этико-эстетическим сценарием, стилистикой и стилем, его идиостилем, всей его кодовой системой. Читатель видит в зеркале текста прежде всего и всех (и автора) — себя, свою картину мира, которая детерминирует авторскую картину мира и видоизменяет ее порой до крайней степени — до неузнаваемой.

Коды мира, культуры, словесности не всегда совпадают с кодами автора, текста и читателя, что приводит или к непониманию текста, к отторжению его, или к появлению высокой вариативности смыслов в процессе восприятия текста читателем.

Читатель подлинной талантливой литературы (научной, журналистской, художественной, поэзии) непроизвольно, подсознательно воспринимает не просто опубликованный текст, но и одновременно часть или полную архетипическую парадигму. Такой читатель, воспринимая опубликованный текст, угадывает в нем черты и содержание (порой непередаваемое) текста реализованного, текста-культуры. Опубликованный текст как бы «дописывается», «дово-

ображается», «восстанавливается» в текстово-культурном сознании читателя. Такой читатель воспринимает архетипическую парадигму текста целиком — и воспринимает, таким образом, текст оптимальный.

Текст оптимальный — это метатекстовое образование, представление текста как архетипической парадигмы. По своей природе и объему оптимальный текст максимально приближен к тексту-культуре.

3. Текст — это не только единица культуры, но и доминирующее средство формирования языковой и текстовой картины культуры. Текстовая картина культуры — это сформированные в сознании носителя языка и культуры системы концептуальных образов культуры — образа научного, художественного, публичного, эстетического, нравственного и духовного, состояния языка и языковой/текстовой личности.

Примечания

1. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. Т. 1. М., 1998.
2. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
3. *Якобсон Р. О.* Работы по поэтике. М., 1987.
4. *Казарин Ю. В.* Основы текстотворчества (мастерская текста). Екатеринбург, 2009.
5. *Фуко М.* Археология сознания. Киев, 1996.
6. *Тодоров Ц.* Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. М., 1975. С. 37–113.
7. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
8. *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М., 2000.
9. *Лотман Ю. М.* Указ. соч.
10. *Кузнецова Э. В.* О двух типах парадигм // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1987. С. 32–33.
11. *Бабенко Л. Г.* Изучение лексики в пространственном измерении: Вместо введения // Русская глагольная лексика: денотативное пространство: коллектив. моногр. Екатеринбург, 1999. С. 7–21.

Archetypic nature of the text (arch textual paradigm)

The article discusses the archetypic nature of the text. The arch textual paradigm of the text is described and characterised, starting from the intentional text to the reader-text, on the one hand, and to the arch-text, on the other hand. Text is not only a linguistic and cultural unit; it is also the dominant mean of forming the linguistic and textual view of culture. Among different textual states of language and linguistic persona one can denote a poetical state. The poetical state of the language can be understood in a broad and narrow sense. The poetical state of the language in a broad sense means that the language and the linguistic persona have different possibilities connected with the realisation of the

basic inner, antropolinguistic functions of the linguistic activity, such as creative, ethical and aesthetic functions. The poetical state of the language in a narrow sense is mostly connected to the actual processes of the text creation, transforming a linguistic persona into a textual one. The archetypic text is the collection of models of all possible texts; it is a systemic, structural, semiotic and functional point of reference for any author or creator. The archetypic text is a meta-text formation, so it incorporates features and outlines of the objects of different nature: linguistic, denotative-thematic, logical-significative, anthropological (the author and characters of a bigger scale), conceptual, religious, philosophical, historical, culturological, cosmogonic, system-structural, functional (in a broad sense), and text-creating. The meta-text under discussion features such categories as infinity, eternity, existence, non-existence, other-existence, God, Spirit, procedurality, thingness, attributiveness, systematicity, consistency, inevitability, life, death and love. All these categories are absolute and global.

Keywords: text, arch-text nature, textual condition of the language and linguistic personality, arch-textual paradigm.

© Н. Р. Конкина (Ахметшина)

НИЯУ МИФИ, г. Москва,

И. В. Ружицкий

МГУ, г. Москва

Зона ассоциаций комментария в словарной статье Словаря языка Достоевского как реконструкция текстового ассоциативного поля¹

В статье рассматривается возможность использования ресурсов Словаря языка Достоевского в качестве метода реконструкции языковой личности писателя. Структура Словаря, в котором представлен расширенный лингвистический комментарий, позволяет построить текстовое ассоциативное поле, формируемое идиоглоссой, входом словарной статьи. Дается обоснование аналогии текстового ассоциативного поля и ассоциативного поля, составленного на основе проведения свободного ассоциативного эксперимента. Ассоциации в тексте словарной статьи Словаря распределяются по разным зонам комментария — ассоциативного окружения описываемой идиоглоссы, подчинительных и сочинительных связей слова, использованием в одном контексте однокоренных слов, игрового употребления слова и др. В качестве примера приводится реконструированное с использованием ресурсов Словаря языка Достоевского текстовое ассоциативное поле СНЕГ, анализ которого позволяет определить индивидуальные особенности авторского лексикона, его ассоциативно-вербальной сети, а также выявить структуру поля (ядро, центр и периферию). Делается предположение, что для Достоевского характерны прежде всего ассоциации паратаксического типа, в частности, основанные на паронимиче-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00135.

ской аттракции, что может быть связано с такой особенностью авторского идиостилия, как нагнетание, усиление смысла посредством, например, «нанизывания» синонимов в одном сочинительном ряду.

Ключевые слова: ассоциативное поле, Словарь языка Достоевского, идиоглосса, лингвистический комментарий, зона ассоциативных связей идиоглоссы.

Существует по крайней мере три способа реконструкции индивидуальной языковой личности (далее — ЯЛ): (1) экспериментальный (ассоциативный эксперимент, запись речи какого-то человека в течение длительного промежутка времени и др.), (2) анализ дискурса персонажа литературного произведения и (3) построение словаря языка писателя. В статье будет показан третий способ, а конкретно — Словарь языка Достоевского (СЯД) [1], который, однако, сочетает в себе элементы первых двух: ассоциативное поле — как аналог текстового ассоциативного поля, а ЯЛ Ф. М. Достоевского — как совокупность всех текстов писателя, представленных в полном собрании его сочинений [2]. Т. е. ЯЛ персонажей рассматриваются только как отражение авторской ЯЛ, что, на наш взгляд, применительно к Ф. М. Достоевскому вполне оправданно.

Комментарий в словарной статье СЯД включает зону ассоциативного окружения слова (**АССЦ**), представление о котором необходимо для более полного раскрытия значения идиоглоссы (идиоглосса, вход словарной статьи, — это ключевой параметр СЯД, онтологический статус которого является предметом отдельного изучения). **АССЦ** позволяет отразить фрагмент авторской ассоциативно-вербальной сети (**АВС**), поскольку ассоциативное поле, будучи единицей языковой способности, связано с другими полями общими словами-реакциями [3], а идиоглосса, таким образом, становится своеобразным центром притяжения этих ассоциатов.

Необходимо отметить то, что при отнесении ассоциатов в зону **АССЦ** существуют определенные ограничения, а именно:

(1) большинство ассоциаций описываемой идиоглоссы распределяется по другим зонам комментария — употребление слова в разных значениях в одном узком контексте (**КОМБ1**); употребление однокоренных слов в контексте одного предложения (**КОМБ2**); словообразовательное гнездо, т. е. все однокоренные слова во всех текстах полного собрания сочинений Достоевского (**СЛБР**); подчинительные и сочинительные связи описываемой

идиоглоссы (**СЧТ1** и **СЧТ2**); игровое употребление слова (**ИГРВ**) и нек. др.;

(2) учитываются только те контексты, которые используются в словарной статье СЯД;

(3) в определенной степени действует субъективный фактор, точка зрения автора-составителя словарной статьи (надо сказать, что некоторая субъективность непременно присутствует при конструировании любого словаря, даже такого, как частотный).

Сказанное, однако, не означает, что зона **АССЦ** не имеет своего права на существование, это тот остаток, ассоциации, которые не вошли в другие зоны комментария, появляющиеся не во всех, но в ключевых для описания идиоглоссы контекстах, без которых авторская АВС была бы неполной. Результаты, получаемые в ходе проведения «живого» эксперимента, тоже ограничены: динамизмом лексической системы, особенно лексического фона, определенным ареалом и невозможностью проведения эксперимента среди многих слоев населения (такая возможность весьма гипотетическая) и др.

Обоснование такой категории, как текстовое ассоциативное поле (далее — ТекстАП), являющееся коррелятом «традиционного», ассоциативного поля, было подробно дано Ю. Н. Карауловым (см. [3; 4]), им же было указано на то, что обращение к тексту как к материалу для построения ассоциативного поля абсолютно оправданно, поскольку текст — это реализация языковой готовности носителя языка, аналог материала, получаемого в ходе проведения ассоциативного эксперимента. Тем не менее, процедуры реконструкции поля в этих двух случаях, конечно, различаются, поскольку текст представляет собой сложное взаимодействие большого количества полей, единицы которых «перемешаны» между собой, и если в процессе эксперимента с носителями языка испытуемый сам спонтанно осуществляет отбор реакции, то текст такой возможности не дает.

При реконструкции ТекстАП отбор слов-реакций происходит по формальным правилам, учитывающим типы связей между стимулом (идиоглоссой-именем поля) и реакцией: синтагматические, антонимические, родо-видовые, отношения между ЛСВ, входящими в одну лексико-семантическую группу, и т. д. Анализу подвергается узкий контекст употребления слова-стимула, в рамках которого рассматри-

вается каждое слово, начиная с ближайшего к стимулу, и определяется наличие или отсутствие связи с ним. Другие типы связей, помимо указанных, например, прагматические или фоновые, также можно выявлять указанным способом, несмотря на то, что доля субъективности при определении таких связей возрастает.

Проиллюстрируем сказанное выше примерами.

В словарной статье **КОНЬЯК** в качестве одного из контекстов употребления этой идиоглоссы приводится следующий:

Чай ханский, по шести целковых, третьего дня купец подарил, а он его с **коньяком** хочет пить (Униженные и оскорбленные, 331¹).

Чай с коньяком, с одной стороны, — удовольствие не для бедных, одна из традиций чаепития, с другой — типичная ассоциация, относящаяся к любителям выпить, каким и был Маслобоев, к которому относятся эти слова. Ср. в статье **КОНЬЯЧОК**:

[Маслобоев] Не беспокойтесь, Сашенька, и чайку выпьем, с **коньячком**, за ваше здоровье-с (там же, 331).

Другой пример употребления этой идиоглоссы:

Вот **коньяк!** — брезгливо и презрительно отрубил родственница, разливавшая чай, уходившая за **коньяком**, и ставя его теперь пред Верховенским вместе с рюмкой, которую принесла в пальцах, без подноса и без тарелки (Бесы, 310).

Слово *чай* в этом контексте, занимающее близкую позицию по отношению к сочетанию *за коньяком*, не связано с ним ассоциативными связями, в отличие от ассоциатов *рюмка*, *поднос*, *тарелка*, которые являются необходимыми атрибутами ситуации ПИТЬ **КОНЬЯК**, и отсутствие их в описанном фрагменте указывает на презрительное и надменное отношение к гостю. Здесь не вербализуется фрейм ПИТЬ ЧАЙ С **КОНЬЯКОМ**, поэтому в данном контексте *чай* не является прямой ассоциацией на слово-стимул *коньяк*.

Следующим шагом после определения состава ТекстАП является выявление его структуры, выделение ядра, центра и периферии. Ближе к центру ассоциативного поля находятся более частотные и значимые для характеристики поля реакции.

Эти два параметра, частотность и семантическая значимость, неравнозначны: если мы имеем дело с ассоциативным полем конкретной ЯЛ, то индивидуальные слова-реакции могут обладать большей семантической значимостью, в то время как в ассоциатив-

¹ Нумерация страниц произведений Ф. М. Достоевского здесь и далее дается по [1].

ном поле коллективной ЯЛ те же слова находятся на периферии, как низкочастотные, либо таких ассоциаций вообще нет.

Например, слово *зонтик* в романе «Бесы» имеет довольно высокую относительную частоту употребления, воспринимается как символ покровительства, заговора, заключения договора и играет важную роль в развитии сюжета [5].

Можно, следовательно, предположить, что идиоглосса *зонтик* связана с большим количеством ассоциаций и даже является ядром фрагмента АВС Достоевского, что, однако, нетипично для коллективной ЯЛ: в Русском ассоциативном словаре (РАС) нет ни одного стимула, близкого к указанным, вызывающего реакцию *зонтик*, в словарной статье ЗОНТИК мы находим ассоциацию *защита*, которая была получена только один раз [6]. При этом надо отметить, что слова *покровительство* и *защита* существенным образом различаются.

Приведем пример реконструкции ТекстАП на материале словарной статьи СНЕГ СЯД. Учитывались не только ассоциаты, входящие в зону АССЦ, но и в другие зоны комментария (в общей сложности — 93 ассоциации). При определении состава ТекстАП учитывалось следующее:

1. Словами, имеющими близкие связи со словом *снег*, считаются те, которые приводятся в разных зонах комментария в разных контекстах. Например, слово *валил* встречается в зоне СЧТ1 (*валил, валил тучами, валил хлопьями* и т. д.) и в АССЦ.

2. Если среди ассоциатов встречаются слова, относящиеся к одной лексико-семантической группе, а в контексте они употребляются в качестве квазисинонимов, то в составе поля они будут образовывать отдельный «узел». При этом для такой группы выделяется родовое слово, например, для лексико-семантической группы *метель, выюга, хмара*¹, *буран* словом, формирующим «узел», является

¹ Считаем возможным отнести слово *хмара* к данной лексико-семантической группе на основании контекста, в котором оно употреблено: *Хотя снег, дождь и все то, чему даже имени не бывает, когда разыграется выюга и хмара под петербургским и ноябрьским небом* <...> (Двойник, 138). Ср.: *хма́ра* I *жс. местн.* 1. Темная туча. *отт. перен.* Хмурый вид (о человеке). 2. Мгла, темнота. II *жс. местн.* Сон с тяжелыми видениями; кошмар [8]. Указанные дефиниции имеют ограничения в сочетаемости со словом *разыгаться*, т. е. Достоевский употребил *хмара* в значении 'сильный ветер, снег или дождь, создающие завесу, сквозь которую ничего не видно'. Отметим, что ТекстАП СНЕГ включает также ассоциат *мгла*.

непогода. В дефинициях толковых словарей такие узлы выполняют функцию идентификаторов [7].

3. Структура комментария СЯД предполагает возможность использования, помимо зон комментария, разного рода примечаний, в которых фиксируются наблюдения составителя словарной статьи над особенностями функционирования описываемой идиоглоссы. Так, в примечаниях статьи СНЕГ приводятся примеры употребления «имен начальных координат дейктического пространства и ассоциированных с ними, в качестве фокуса, семантических альтернантов и иных членов того же лексико-тематического поля» [9]: *сейчас, теперь, вдруг, тотчас* и т. д. Наиболее частотными словами из этого поля являются *вдруг* и *наконец*, что дает основания отнести их к центру ТекстАП.

4. Ассоциации, составляющие ближайшее окружение слова-стимула, связаны с ним разными типами отношений. В центре ТекстАП находятся слова с более устойчивой связью с идиоглоссой-стимулом, например, ограниченные лексической сочетаемостью: *густой снег, сугроб снега*. Далее — парадигматические (*дождь, ветер*), синтагматические (*идет, валит*), когнитивные (*зима*) ассоциации. К парадигматическим относятся также те, которые связаны со словом-стимулом отношениями паронимической аттракции, под которой понимается «прием художественной речи <...> установление между <...> близкозвучными словами, не связанными в системе языка, окказиональных смысловых связей» [10]. Паронимическая аттракция связана с народной этимологией, или с лексической ассимиляцией, смысл которых заключается в сближении по смыслу слов, имеющих похожий звуковой облик: *муравей — мурава, свидеть — видеть*, что противоречит их происхождению [11].

В СЯД зафиксировано множество примеров, которые можно отнести к различным типам паронимической аттракции (в приведенных парах первое слово — идиоглосса-стимул, второе — реакция): *белье — больна, мрак — смрад, набережная — сбежать, снег — свет, снег — краснеть* и т. д. Примеры «фонетических» ассоциаций, основанных на созвучии, мы часто встречаем и в РАС: *пьеса — повеса, поэтесса*. Ассоциации, основанные на отношениях паронимической аттракции, имеют устойчивую связь со стимулом не только потому, что подобны ему по звучанию, но и потому, что способны выражать какие-то дополнительные смыслы, напри-

мер, в художественных текстах, служить способом создания игрового эффекта, поэтому в СЯД такие случаи зафиксированы в зоне комментария **ИГРВ** (игрового употребления идиоглоссы).

Приведем пример реконструированного на основе соответствующей словарной статьи ТекстАП СНЕГ.

I. валить	II. мороз
I.1. выпасть	II.1. погода
I.1.1. кругом	II.1.2. непогода
I.1.2. на голову	II.1.2.1. метель
I.1.2.1. вдруг	II.1.2.2. выюга
I.1.2.2. нельзя остановить	II.1.2.3. хмара
I.1.2.3. наконец	II.1.2.4. буран
I.2. идти	II.1.2.5. крутить
I.2.1. хлопьями	II.1.2.6. пелена
I.2.2. тучами	II.1.2.7. мгла
I.2.3. густой	II.2. свет
I.3. лежать	II.2.1. сиять
I.4. падать	II.2.2. блестеть
I.4.1. порхать	II.2.3. блистать
I.4.1.1. снежок	II.2.4. искра
I.4.1.1.1. посыпать	II.2.5. солнце
I.4.2. небо	II.2.6. сверкать
I.4.2.1. небеса	II.2.6.1. рука
I.4.3. настилать	II.3. зима
I.4.3.1. подушку	II.3.1. сугроб
I.4.4 густо	II.3.2. иней
I.5. запорошить	II.3.3. снега
I.5.1. нанести	II.3.3.1. Сибирь
I.5.1.1. степь	II.3.4. лед
I.5.1.2. тротуар	II.3.4.1. скользнуть
I.5.1.3. улица	II.3.4.2. льды
I.5.1.4. земля	II.3.5. сани
I.5.1.5. поле	II.3.5.1. покатиться
I.5.1.5.1. снежное	II.3.5.1.1. в снег
I.5.1.5.2. вспухнуть	II.3.5. снежки
I.5.1.5.2.1. от снега	II.3.6. зазимовать
I.5.1.6. поляна	II.3.7. белый
I.5.1.7. дорога	II.4. ветер
I.6. мокрый	II.4.1. пронимать
I.6.1. таять	II.4.2. продувать
I.6.1.1. грязь	II.4.2.1. шубка
I.6.1.2. калоша	II.4.2.1.1. озябнуть
I.6.1.3. дождь	II.4.2.1.2. замерзнуть
I.6.1.4. оттепель	II.4.2.2. салон
I.6.2. желтый	II.4.3. завять
I.6.2.1. рыхлый	II.5. приморозить
I.7. разгребать	II.6. воздух
I.7.1. отгребать	II.7. краснеть
I.7.1.1. от зданий	II.7.1. на снегу

- I.8. набиться
- I.8.1. под шинель
- I.9. залепить
- I.9.1. окошки
- I.10. прекращаться

Реконструированное ТекстАП позволяет определить некоторые особенности АВС Достоевского, что можно сделать двумя способами.

Первый заключается в сравнении с данными РАС, где самая частотная реакция на слово-стимул *снег* — *белый*, в то время как в СЯД в исследуемой статье слово *белый* встречается только в зоне СЧТ1, при этом зафиксировано лишь одно употребление, что, в общем-то, вполне естественно, поскольку словосочетание *белый снег* заключает в себе некоторого рода тавтологию. Иное дело — сознательное использование Достоевским прилагательных *желтый* (*желтые дома* имеют значимость только в парадигме *желтый цвет лица* и т. п.) и *американский* (*американский кольт*: кольт и не может быть другим, не американским, именно поэтому такая «тавтология» важна).

Некоторые из ближайших ассоциатов в реконструированном поле совпадают с данными РАС: *зима, идет, дождь, мокрый*, одинакова и единственная ассоциация с фразеологизмом *как снег на голову*. Можно отметить наличие в АВС Достоевского слов, связанных с эпохой, в которую жил писатель: *салон, сани, шинель*. К индивидуальным ассоциациям относится, например, *Сибирь*, появление которой объясняется биографией автора (хотя, вполне вероятно, здесь мы имеем дело просто с недостаточно масштабным экспериментом, результаты которого отражены в РАС).

Второй способ — это сравнение с данными подобных исследований текстов других авторов-современников Достоевского, что, однако, является предметом отдельного исследования.

Сравнение с АВС других авторов и данными РАС позволяет определить актуальность и правомерность такого способа моделирования ассоциативного поля, однако при этом мы сравниваем связь стимула с реакцией, но не наоборот.

Проверить степень узнаваемости стимула по ассоциациям, помогает «обратный» эксперимент. Нами был проведен пилотажный опрос 20 человек — носителей русского языка в возрасте от 21 до 72 лет. Целью опроса являлся ответ на вопрос: сколько и каких ассоциаций достаточно для того, чтобы испытуемый мог правильно назвать слово-стимул? Участникам опроса предлагалось слушать

ряд ассоциаций, который был составлен по принципу удаления от ядра, т. е. сначала предъявлялись наиболее частотные реакции, и называть объединяющее их слово. Эксперимент завершался после того, как было названо слово-стимул или заканчивался ряд ассоциаций. Анализ полученных ответов выявил, что слово *снег* может быть узнано даже после озвучивания первых трех ассоциаций: *валить, мороз, идти*. Большинство информантов узнали стимул, выслушав от восьми до двенадцати реакций: *валить, мороз, идти, свет, зима, падать, запорошить, мокрый, ветер, набиться, залепить окошки*. Три информанта не смогли назвать «правильный» ответ, но перечисляли однокоренные: *снегопад, снежный* — и словоформу *много снега*. Эксперимент показал, что наполнение реконструированного ТекстАП в основном является инвариантным.

Отметим, что термин «текстовое ассоциативное поле» коррелирует с такими, как «тематическая сетка текста», «ассоциативное поле текста» и «ассоциативно-смысловое поле текста».

Под тематической сеткой текста понимается совокупность значимых для его понимания слов, связанных между собой синтагматическими, парадигматическими и межуровневыми отношениями внутри текста или его фрагмента [12]. Различие между ТекстАП и тематической сеткой текста заключается прежде всего в том, что первое является фрагментом АВС автора, т. е. не может быть воспроизведено без ориентации на ЯЛ. Цель создания тематической сетки текста — проведение художественного анализа произведения, цель создания ТекстАП идет дальше — это реконструкция фрагмента ЯЛ.

«Ассоциативное поле текста» — это «система стимулированных текстом в сознании адресата вербальных ассоциаций, организованных по принципу поля» [13]. Эти ассоциации выявляются экспериментально путем опроса читателей (надо отметить, что в качестве материала используются только стихотворные, т. е. небольшие по объему тексты, с объемными произведениями проведение такого эксперимента было бы затруднительным).

Более узко понимается термин «ассоциативно-смысловое поле текста» — совокупность смыслов и слов-ассоциатов, отражающих поэтическую интерпретацию автором ключевого концепта. В рамках этого подхода смысл понимается как «субъективное отражение содержательного плана текста в сознании адресата на основе его

информационного тезауруса и ценностных ориентиров» [14]. Таким образом, ассоциативно-смысловое поле — это результат интерпретации текста воспринимающим субъектом, который соотносит текстовую реальность с «миром реальности, сознания» [там же: 8]. При этом единицами ассоциативно-смыслового поля могут быть не только текстовые ассоциаты, непосредственно представленные в тексте, но и слова, возникшие в сознании читателя как реакции на ключевое слово.

Описанные термины служат целям художественного и стилистического анализа текста с позиции читателя, объектом исследования которого является речевое произведение, в то время как ТекстАП, понимаемое как единица языковой способности автора, дает ключ к характеристике его языковой личности через интерпретацию текста. В целом данные подходы синтезированы Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным, полагающими, что «семантическое пространство текста — это ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков — слов, предложений, сложных синтаксических целых (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе его восприятия (актуальное семантическое пространство)» [15].

Примечания

1. СЯД — Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н., Коробова М. М., Цыб Е. А., Шепелева С. Н. / под ред. Ю. Н. Караулова. Т. I. М., 2001, Т. II–III. М., 2003; Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н., Коробова М. М., Осокина Е. А., Ружицкий И. В., Цыб Е. А., Шепелева С. Н. / под ред. Ю. Н. Караулова. Т. I (А–В). М., 2008, Т. II (Г–З). М., 2010, Т. III (И–М). М., 2012.

2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.

3. *Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л.* Номо гіденс // Слово Достоевского: сб. ст. / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1996. С. 176.

4. *Караулов Ю. Н.* Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 15–16.

5. *Ружицкий И. В., Ружицкая Э. А., Шепелева С. Н.* Языковая личность Федьки-каторжника: индивидуальное и коллективное // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 270.

6. РАС — Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002.

7. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1982. С. 36–37.

8. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

9. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Т. III. М., 2003. С. 294–295.
10. Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/0.htm> (дата обращения: 03.06.2016).
11. *Крушевский Н. В.* Об аналогии и народной этимологии // Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию / сост. Ф. М. Березин; отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kls.ksu.ru/krush/articles.php?id=3&num=1000000> (дата обращения: 03.06.2016).
12. *Арнольд И. В.* Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., 1984.
13. *Болотнова Н. С.* Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 1 (38). Серия: Гуманитарные науки (филология). С. 20.
14. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009. С. 185.
15. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2003. С. 51–52.

Associations in the commentary on Dostoevsky's language dictionary entry as an associative text field reconstruction

The article discusses the possibility of the Dostoevsky's Language Dictionary resources using as the writer's linguistic personality reconstruction. The structure of the Dictionary, which provides enhanced linguistic commentary, allows a text associative field building generated by idioglossa, i.e. the dictionary entry input. The article gives argumentation for the analogy of the associative text fields and associative fields compiled on the free associative experiment basis. The associations in the Dictionary entry text are distributed between the commentary's zones — idioglossa associative environment, idioglossa coordinative and subordinating relations, idioglossa relations with root words, its function in play of words, etc. The reconstructed by using Dostoevsky's Language Dictionary resources associative text field CHEF (SNOW) is presented as an example. The analysis allows to determine the individual characteristics of the author's vocabulary, his associative-verbal network as well as to identify the field structure (core, centre and periphery). The author makes an assumption that Dostoevsky is characterized primarily by the associations of parataxical type in particular based on paronymical attraction that can be connected with such a feature the author's idiosyncrasy as sense intensifying and enhancement through, for example, synonyms of one root "stringing".

Keywords: associative field, Dostoevsky's language dictionary, idioglossa, linguistic commentary, associations area of idioglossa.

Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря»

В статье рассматривается проблема семантизации лексических единиц в словарной практике. Автор обосновывается необходимость отражения в словарных дефинициях психологической реальности значения (отражения значения в индивидуальном сознании носителя языка). Отмечается специфика ассоциативных словарей, в которых семантизация слов базируется в большей степени не на понятийном содержании, а на зоне чувственной ткани значения. Материалом исследования становятся изобразительные реакции, представленные в ассоциативных полях разного рода стимулов в «Русском ассоциативном словаре». Такие изобразительные реакции выделяются на том основании, что они способны вызывать различные перцептивные образы визуальной, аудиальной или кинестетической модальностей. Кинестетическая модальность рассматривается в широком смысле и может включать предикаты осязательных, обонятельных, вкусовых ощущений, а также оценочные и экспрессивные реакции и характеристики движения. Значимость такого рода показаний языкового сознания для семантизации слова подтверждается частотностью и ядерным статусом изобразительных реакций в структуре ассоциативных полей, представленных в «Русском ассоциативном словаре». Изучение роли перцептивных образов сознания в восприятии и структурировании информации, в оперировании вербальными и невербальными значениями позволяет моделировать языковые картины мира коммуникантов, необходимые для взаимопонимания.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, семантизация слова, модальности восприятия, психолингвистическая лексикография.

Представление лексического значения в словарной дефиниции традиционно ориентировано на описание набора базовых компонентов: денотативного, сигнификативного, коннотативного. При этом проблемой остается определение границ дефиниции с учетом возможности отражения в толковании актуальных смыслов в структуре значения [1]. Для современной психолингвистической лексикографии в этой связи особое значение приобретает демонстрация психологической реальности значения. Эта идея нашла воплощение в ассоциативных словарях [2], словарях детской речи [3], словарях обыденного языкового сознания [4]. Специфика таких словарей заключается в том, что семантизация слов носителями языка демонстрирует «...не столько понятийное содержание, сколько содержание чувственное, фиксируемое в сознании в форме образов, представлений, ассоциаций» [5].

Известно, что информацию о внешнем мире человек получает с помощью различных органов чувств. Можно сказать, весь эмпирический человеческий опыт формируется с помощью зрительных, слуховых, тактильных (осязательных), вкусовых и обонятельных ощущений, на основе синтеза которых в сознании человека формируется чувственный образ, а затем и обобщенное представление. Конечно, при хранении и кодировании большинства представлений (первичных перцептивных образов) человек использует не один сенсорный канал, а целые сенсорные комплексы, включающие совокупность различных ощущений, но в нестандартных ситуациях (например, стресса, цейтнота) мы опираемся на ведущую (доминирующую) модальность восприятия окружающего мира и информации о нем. Кроме того, в комплексе сенсорных ощущений одно всегда превалирует над другими. Можно, следовательно, говорить о визуальных, аудиальных, тактильных перцептивных образах.

Перцептивный образ — возникающий при непосредственном воздействии предмета целостный чувственный образ, который отражает совокупность его свойств. Мы можем испытывать затруднения в вербальном описании разного рода перцептивных образов, но легко различаем, например, четкий и размытый силуэты, гладкую и шероховатую поверхности, скрип и скрежет и т. п., если в нашем сознании уже сформирован соответствующий первичный чувственный образ. Ср. и противоположную ситуацию, когда мы видим незнакомый предмет, слышим неизвестный (непонятный) звук, впервые пробуем, например, какой-то экзотический фрукт и т. п., пытаемся соотнести получаемые ощущения с имеющимся опытом и, не находя аналогов, формируем новые перцептивные образы.

Сенсорная информация аккумулируется в определенной репрезентативной системе, которая далее обрабатывает, хранит и воспроизводит информацию в соответствующих образах-представлениях (гештальтах).

По ведущей модальности восприятия все люди делятся на 3 типа:

- а) *визуалы* — люди, воспринимающие большую часть информации с помощью органов зрения;
- б) *аудиалы* — люди, в основном получающие информацию с помощью органов слуха;
- в) *кинестетики* — люди, воспринимающие большую часть информации с помощью эмоционально-тактильных анализаторов

(осозание, обоняние, вкус, восприятие движений собственного тела, переживание эмоций).

Следует помнить, что при доминировании одной из модальностей информацию об окружающей действительности мы все-таки воспринимаем комплексно, с помощью нескольких сенсорных каналов. Ср. определение восприятия как «осмысленного синтеза разнообразных ощущений, в результате которого создается образ предмета или явления» [6]. Полиmodalность — естественное свойство человеческого восприятия — находит свое проявление, в частности, в *синестезии* (= соощущениях), когда ощущения одной модальности, например визуальной, возникают под влиянием раздражителей другой модальности, например, вкусовой. Ср., например, рекламу чая Tess, учитывающую данный феномен: «*Посмотри, как вкусно, попробуй, как красиво*». Слоган размещен на яркой разноцветной упаковке с пакетиками нескольких сортов чая под общим названием.

В психолингвистике для определения ведущих модальностей восприятия используются вербальные эксперименты и тесты. Одной из процедур выявления ведущей модальности восприятия является анализ употребляемых человеком психологических предикатов по их совокупности и частотности в речи. Предикаты в грамматическом смысле — это то, что говорится о предмете речи (= сказуемое); в психологическом смысле — это слова, используемые для характеристики предмета речи на основе разных сенсорных модальностей восприятия [7]. Отмечается, что «по некоторым (непроверенным) данным, у 40 % людей преобладает визуальный канал, у 40 % — аудиальный, у 20 % — кинестетический» [8]. Заметим, что материалы ассоциативных словарей не подтверждают это наблюдение, как и данные психолингвистических экспериментов (количество аудиалов значительно меньше, и в последние годы все больше сокращается в пользу визуалов в связи с формированием так называемого «клипового мышления» как реакции на информационную перегрузку). Известно также, что у детей дошкольного и младшего школьного возраста преобладающей является кинестетическая модальность. Учет различных модальностей восприятия и обработки информации необходим как в процессе формирования понятия, так и при диагностике усвоения лексического значения и

при разработке заданий, актуализирующих использование базовых предикатов сенсорного восприятия.

Существенными для определения психологической реальности значения слова (его представленности в индивидуальном сознании) являются так называемые «изобразительные» реакции, входящие в ассоциативные поля разного рода стимулов, при этом наиболее показательны стимулы, которые могут вызывать реакции разных (в идеальном варианте — всех) модальностей. Методологически значимым является постулат о том, что «одной из форм хранения и актуализации знаний в сознании носителей языка являются наглядные «картинки», мысленное воспроизведение образа предмета. В вербальной фиксации такие изобразительные реакции опознаются благодаря тому, что выбранные для передачи слова вызывают <...> либо визуальный образ, либо “образы”, связанные со слуховыми, вкусовыми, осязательными и обонятельными ощущениями» [9]. Значимость такого рода показаний языкового сознания для семантизации слова подтверждается частотностью изобразительных реакций (часто и их ядерным статусом) в составе ассоциативных полей. Покажем это на примере материалов «Русского ассоциативного словаря» (РАС), основной единицей структурирования которого является ассоциативное поле (стимул — набор реакций, расположенных по убыванию их индекса частотности), определяемое Ю. Н. Карауловым как «фрагмент вербальной памяти (знаний) человека и <...> фрагмент образов сознания русских» [10].

Рассмотрим для примера ассоциативное поле с «полимодальным» стимулом.

Улица — широкая (47), зеленая (21), длинная (17), большая (11), дома (6), грязь (5), кривая (5), чистая (5), узкая (4), фонарь (4), машины (4), тротуар (4), люди (3), прямая (3), пустая (3), пустынная (3), темная (3), трамвай (3), аллея (2), людная (2), освещенная (2), светлая (2), безлюдная, безлюдна, вдаль, ведущая к храму, весной, вечер, в цвету, голубая, дерево, деревья, дорога между домами, дорога с домами, дорога с тротуаром, и пешеход, короткая, листья, люди, деревья, машины, мальчишка, огней, околица, пестра, прямая дорога, светофор, серость, сквер, столб, фонари, цветет (**190 визуальных реакций**); знакомая (6), детства (4), наша (4), гулять (3), моего детства (2), бег, благоустроенная, ближняя, воспитала, глухая, гульба, движение, дом родной, драка, жарко, желаний, жмурится, интересно, кипит, любимая, мокрая, незнакомая, перейти, переходить, полна, прогулка, пройти, простор, просторная, пространство, пустота, пыль, разгромлена, своя, счастья, теплая, холодная, холодно, чистота, чужая (**54 кинестетические реакции**); шумная (5), шум (3), музыка, общение, стихов, тихая (**12 аудиальных реакций**).

Совершенно очевидно преобладание визуальных реакций, к тому же характеристики зрительного восприятия составляют ядро данного ассоциативного поля, что объясняется (среди прочего) и формой предъявления стимула: И. п. — номинация-этикетка гештальтной наглядной картинки. Для сравнения возьмем представленную в РАС другую словоформу этого же стимульного слова:

По улице — *идти (21), идет (6), иду (5), гулять (4), бежать (3), ходить (3), идешь (2), ходила (2), бежал, гуляют, ходили, шагать, шарахаться, шел, шли, я гуляю, воздух, классно, опасно, свежий воздух, холодно (общее количество кинестетических реакций — 59), по мостовой, бульвар, вечер, вперед, демонстрация, идет слон, крокодил, люди, машины, между домами, под фонарем, по кварталу, по лесу, по лужице, прямо, светофор, темной, цветущей, широкий (визуальных реакций — 19), пенье, с песней (аудиальных реакций — 2).*

Визуальные реакции уходят на периферию ассоциативного поля, ядерными и преобладающими в количественном отношении становятся кинестетические ассоциаты. Словарные данные РАС подтверждают выдвинутую Т. А. Гридиной при проведении эксперимента по методике завершения высказывания гипотезу относительно зависимости стратегий текстопорождения от грамматической формы стимула: «Предъявление стимула в определенной морфологической форме или в составе синтаксической конструкции существенно изменяет (фокусирует) набор получаемых реакций <при этом> принцип вероятностного прогнозирования обнаруживает опору на пропозиции, связанные с типовыми представлениями говорящих об обозначаемом» [11].

Число аудиальных реакций в обоих случаях незначительно. На первый взгляд может показаться, что направление ассоциирования «задано» характером стимульного слова, не вызывающем аудиальных ассоциаций. Для проверки этого предположения возьмем «чистый» аудиальный стимул **молчать**, сама дефиниция которого содержит три аудиальных предиката: «не произносить ничего, не издавать никаких звуков». Ассоциативное поле этого стимула в РАС:

говорить (28), кричать (26), тихо (11), не говорить (8), тишина (7), орать (3), слушать (3), болтать (2), громко (2), шепот (2), вслух, втихомолку, глушить, говорить, дудеть, и слушать, молча, молчание, не разговаривать, общение, тихий, крик (104 аудиальные реакции); долго (72), нельзя (11), золото (8), упорно (8), не буду (5), надо (4), не хочу (4), обида (4), не могу (3), скрывать (3), стойко (3), вместе (2), все время (2), и терпеть (2), красноречиво (2), лучшие (2), недолго (2), не надо (2), обидеться (2), приказ (2), секрет (2), скотина (2), скучать (2), спокойствие (2), угрюмо (2), хорошо (2), балда, большие, быстро, верить, весь вечер, вечность, в недоумении, встать, выразительно, глупо, груз, грустный человек, грусть, дос-

тойно, до утра, душе, еда, жалеть, ждать, железно, жрать, заставить, заткнуться, значительно, зря, и не возникать, когда надо, когда нужно, козлы, крутой, мало, минуту, многозначно, мучение, навеки, навсегда, надоело, надолго, не дозволено, не запретишь, необходимо, об этом нельзя, о прошлом, отдыхать, по-неволе, пора, почаще, пытка, равнодушие, равнодушно, редко, сволочь, скотина, скромно, скряга, сложно, тягостно, умереть, упорство, упрямо, час, частенько (217 кинестетических реакций); как рыба (25), губы (5), как партизан (5), замок (5), рыба (4), рот (3), скрывать (3), как могила (2), как рыба об лед (2), кляп (2), партизан (2), армия, барсук, в знак согласия, в кулак, воды в рот набрать, влопыхах, держать язык за зубами, закрывать рот, закрытый рот, звезды, как в рот набрал, как камень, как мертвец, лицо, на допрос, на допросе, на собрании, начальник, палец, перед начальством, пока зубы торчат, при встрече, прощание, семинар, сидеть, сквозь зубы, скорбное лицо, театр, тихая комната, человек с указкой в руках, ширь, язык (90 визуальных реакций).

В структуре ассоциативного поля аудиального стимула обнаруживается, безусловно, значительное количество ожидаемых аудиальных реакций, однако преобладают кинестетические ассоциации, а количество визуальных не слишком уступает аудиальным. Таким образом, можно предположить, что ведущую роль в процессах когнитивной обработки информации при формировании перцептивных образов играет визуально-кинестетическая модальность, хотя это предположение, несомненно нуждается в дополнительных исследованиях, в первую очередь — в экспериментальной верификации. Данные РАС и наблюдения Ю. Н. Караулова демонстрируют абсолютное «первенство» визуальных изобразительных реакций во всем массиве ассоциативно-вербальной сети, представленной в словаре.

Таким образом, анализ данных «Русского ассоциативного словаря» открывает возможности изучения роли перцептивных образов сознания не только в восприятии и структурировании информации, но и в оперировании вербальными и невербальными значениями, в моделировании языковых картин мира коммуникантов, необходимых для взаимопонимания.

Примечания

1. См. об этом: *Бабенко Л. Г.* Уральская идеографическая лексикография: этапы формирования и перспективы развития // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков: тез. докл. и сообщ. Всероссий. науч. конф. посвящ. 80-летию Э. В. Кузнецовой, 8–9 нояб. 2007. Екатеринбург, 2007; *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Русская лексикография. М., 2004.

2. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977; Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева,

Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002; *Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н.* Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994.

3. *Гридина Т. А.* Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург, 2012; *Харченко В. К.* Словарь детской речи. Белгород, 1994.

4. См., например: *Лютикова В. Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000; *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности: 2792 словарные единицы / ред. М. А. Колмогорцев. Шадринск, 1971; *Тимофеев В. П.* Фразеология диалектной личности / ред. А. М. Бритвин, О. В. Тимофеева. Шадринск, 2003; Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А–М (Абрикос — Муравей) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012 и др.

5. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А–М (Абрикос — Муравей) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012. С. 6.

6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 1999. С. 232.

7. *Коновалова Н. И.* Психодиагностика речевой способности. Екатеринбург, 2015. С. 36–40.

8. *Белянин В. П.* Психоллингвистика. М., 2008. С. 47.

9. *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. С. 760.

10. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. С. 6.

11. *Гридина Т. А.* Методика завершения высказывания: стратегии текstopорождения // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 10. Екатеринбург, 2012. С. 20–21.

Perceptive images of consciousness according to the “Russian associative dictionary”

The article examines the problem of semantization of lexical units in lexicographic practice. The author proves the necessity of reflecting the psychological reality of value (reflections of value in individual consciousness of carrier of language) in the dictionary definitions. The specificity of associative dictionaries is in the semantization of words based not on concept maintenance but on the zone of perception. The graphic reactions presented in the associative fields of different sort of stimuli in the “Russian associative dictionary” become the research material. Such graphic reactions are distinguished on that founding, that they are able to cause different characters of visual, auditory or motive perception. Motive modality is examined in a wide sense and include predicates of the tactile, olfactory, taste feeling, and also evaluation and expressive reactions and descriptions of motion. Meaningfulness of such testimonies of language consciousness for the semantization of the word is confirmed by frequency and nuclear status of graphic reactions in the structure of the associative fields presented in the “Russian associative dictionary”. The study of the role of characters of information perception in consciousness allows to design the language picture of the world of interlocutors necessary for the mutual understanding.

Keywords: associative dictionary, semantization, modalities of perception, psycholinguistic lexicography.

Новые слова русского языка: как они появляются и почему исчезают

Статья посвящена анализу новых слов российской политической действительности. В качестве материала для исследования выбраны слова, которые стали результатом медийных процессов, актуальных для определенного исторического периода в жизни российского общества. Делается вывод о том, что главным источником словотворчества являются моральные принципы и нормы, аксиологические оценки происходящих событий. Приводятся речевые факты в пользу того, что именно экстралингвистические причины важны для появления и исчезновения новых слов. Изменения в идеологическом и дискурсивном переосмыслении неологизмов проявляются на всех уровнях языка. Некоторые слова фиксируются в языковом сознании, подвергаются фонетическим, лексическим и морфологическим изменениям. Другие неологизмы исчезают вместе с деактуализацией того или иного общественного феномена. Такие окказионализмы так и не получают статус готовой языковой единицы. Но на смену этим словам приходят новые, вызванные наиболее резонансными политическими и социальными событиями.

Ключевые слова: аксиология, конфликт интерпретаций, словарный состав, медийный процесс, неологизм.

В своих предыдущих работах [1; 2; 3] мы уже обращались к вопросу о семантическом и формальном статусе новых слов российской политической действительности. Но время неумолимо движется вперед, на авансцену общественной жизни выходят новые действующие лица, лингвкреативная деятельность которых не может не привлекать внимание ученых с точки зрения анализа нормативных и индивидуальных способов словообразования. Целью настоящего исследования является анализ медийных процессов в плане их влияния на словарный состав русского языка.

По мнению редактора и главного куратора портала «Словари XXI века» Сергея Михеева, в 2015 г. главным источником словотворчества были «моральные нормы, морально-нравственные границы и границы допустимого и недопустимого» [4]. Так, в январе прошлого года появилась фраза *Я Шарли* после теракта в редакции французского сатирического журнала *Charlie Hebdo*, когда в издании были опубликованы очередные карикатуры неконформистского характера. Авторство фразы приписывают художественному директору журнала *Stylist* Йоахим Ронсан. Слоган явился, с одной

стороны, символом протеста против публикаций во французском сатирическом еженедельнике, а с другой — знаком индивидуальной солидарности с протестной культурой.

Вслед за слоганом *Я Шарли* появился лозунг *Я не Шарли* после публикации в уже упомянутом издании карикатуры на трагедию с российским самолетом над Синайским полуостровом. Таким образом медийное пространство отреагировало на проблему границ свободы. Конфликт интерпретации резонансных политических событий не только стал предметом обсуждения в среде рядовых граждан, но свою точку зрения по этому вопросу выказали официальные лица РФ. Так, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации Мария Захарова на своей странице в социальной сети *Фейсбук* написала:

Знаете, почему я не «Шарли»? Потому что, на мой взгляд, они обманывают и нас и себя: А) утверждая, что для их юмора нет запретных тем. Если бы это было так, то и карикатуру на мертвого сирийского ребенка можно было быть понять (не принять, а понять). Но это лишь при одном условии — если бы на следующий день после теракта «Шарли» выпустила свежий номер с карикатурой на погибших товарищей. <...> Б. полагая недопустимым убийство человека (на примере теракта против «Шарли»), при этом оскорбляя мировые религии [5].

Как видно из приведенных выше примеров, именно экстралингвистические причины становятся причиной появления и исчезновения новых слов в русском языке. Ярким примером такого новообразования является лексема *Крымнаш*, которая «регистрирует неоднозначное восприятие крымской ситуации современным обществом» [6]. Окказиональная лексема *Крымнаш* по мере своего существования в языке прошла несколько этапов идеологического и дискурсивного переосмысления: в 2014 г. это был лозунг, одобряющий принятое руководством страны решение о возвращении полуострова в состав России; позднее неологизм стал выражать иронию и сарказм; в настоящее время тенденция использования этого слова в оппозиции «свой — чужие» уже не так заметна. Некоторые исследователи отмечают, что различия в аксиологической оценке слова с окказиональной семантикой проявляется в первую очередь на графическом уровне. Так, М. Суслов указывает, что «иронически настроенные пользователи пишут «крымнаш», серьезные — «Крым наш». Люди, которые за присоединение Крыма, пишут, что либералы извратили хорошее понятие, поэтому надо писать «Крым наш», раздельно и с большой буквы» [7].

Примечательно, что номинация *Крымнаш* активно входит в словообразовательную парадигму русского языка. Если в 2015 г. И. Т. Вепрева говорит о «**последовательном** (выделено нами. — Н. К.) превращении неизменяемого существительного в изменяемое первого склонения субстантивного типа» [6], то в последнее время падежные окончания этого слова активно оформляются русскими грамматическими средствами, с этой целью используются синтетические средства, то есть слово принимает изолированные грамматические флексии, однако оформленные с помощью апострофа:

Но по-видимому, именно патриотизм стал тем чувством, вокруг которого консолидировались граждане в попытках артикулировать более глубокие интерпретации «Крымнаш'а» [8].

Многие другие новые слова российской политической действительности в настоящее время переосмысливаются, теряют имевшуюся у них ранее негативную окраску, а «изначально оскорбительное прозвище становится самообозначением» [9]. Так, например, в 2011 г. для обозначения патриотов России появился термин *ватник*, но вскоре слово потеряло негативную коннотацию, и патриоты с гордостью стали называть себя «ватниками». Возможно, в процессе нейтрализации пейоратива сыграла роль аллюзия на реалию советского прошлого, когда ватник (стеганая куртка) ассоциировалась с героизмом персонажей, доблестным трудом, великими стройками СССР.

Такая же история произошла с термином *укроп*, мемом, образованным путем контаминации слов *украинский* и *патриот*. В начале создания неологизма он имел оттенок маргинальности, но вскоре стал работать на пользу той группы, для обозначения которой был придуман. Так, президент Украины Петр Порошенко продемонстрировал журналистам шеврон с надписью «укроп» и следующим образом расшифровал слово: *УКРОП — это украинское сопротивление* [10].

Таким образом, анализ речевого материала показывает, что язык очень чутко реагирует на все события, происходящие в обществе. Некоторые слова фиксируются в языковом сознании, подвергаются изменениям на различных уровнях. Другие неологизмы исчезают вместе с деактуализацией того или иного общественного феномена. Такие окказионализмы так и не получают статус готовой языковой единицы. Но на смену этим словам приходят новые, вызванные наиболее резонансными политическими и социальными событиями.

Примечания

1. Кошкарлова Н. Н. Политические термины российской действительности через призму лингвокреативной деятельности // Уральский филологический вестник. Вып. 2. Екатеринбург, 2012. С. 104–107.
2. Кошкарлова Н. Н. Новые слова российской политической действительности // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Выпуск 73. Челябинск, 2013. № 1 (292). С. 83–86.
3. Кошкарлова Н. Н. Неологизмы русского языка с точки зрения лингвокреативной деятельности // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 825–829.
4. Новоселова Е. Приправлено «укропом» [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/12/21.html> (дата обращения: 30.05.2016).
5. Maria Zhakharova Знаете, почему я не «Шарли»? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10207932052368866> (дата обращения: 30.05.2016).
6. Венрева И. Т. Об актуальной лексеме *Крымнаш* // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII съезда МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). С. 31–35.
7. Откуда взялись «крымнаш» и другие мемы [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml (дата обращения: 30.05.2016).
8. Скоробогатый П. Крымская планка // Эксперт. 2016. № 12. С. 40–43.
9. Иссерс О. С. От серьезного — до смешного: игровой потенциал российского слова года // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 4 (54). С. 25–31.
10. Порошенко расшифровал значение слова «укроп» [Электронный ресурс]. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3415960-poroshenko-rasshyfroval-znachenye-slova-ukrop> (дата обращения: 30.05.2016).

New words of the Russian language: how they appear and where they disappear

The paper is devoted to the analysis of the new words of the Russian political reality. The words which were the result of the media processes relevant to the certain historic period in the life of the Russian society were chosen as the material for the analysis. The author comes to the conclusion that the main source of the word creation is the moral principles and norms, the axiological evaluation of the current events. The speech facts are given to prove the idea that the extratextual factors cause the creation and the disappearance of the new words. The changes in the ideological and discursive interpretation of the new words are exhibited on all language levels. Some of the new words are fixed in the linguistic consciousness and undergo changes on the phonetic, lexical and morphological levels. Some other words disappear alongside with the obsolescence of this or that social phenomenon. Such words never get the status of the ready-made linguistic unit. They are substituted by the more high-profile political and social events.

Keywords: axiology, the interpretation conflict, stock of words, media process, neologism

ГНЕВ в русских поэтических текстах: метафорические модели

В статье рассматриваются реализации метафорических моделей, объективирующие концепт «Гнев». Материалом для исследования служит обширный корпус фрагментов русских поэтических текстов XVIII–XXI веков, в которых выявляются образные соответствия гнева. Данная эмоция предстает как огонь, свет, мрак, явления природы, вода, существо, вещество и др. Основаниями традиционных сопоставлений являются признаки интенсивности, разрушительной силы, особенностей протекания: гнев *просыпается, вспыхивает, разгорается, зреет, кипит, угасает*. Отмечена специфика разных форм гнева (злобы, ярости); указаны разновидности гнева: Божий, человеческий, народный. Божий гнев обладает значительной разрушительной силой (модели «гнев — огонь», «гнев — вода») и находится в верхней части пространства мира. В поэзии XX–XXI веков происходит переосмысление и развитие традиционных моделей, обусловленных, например, некоторыми тенденциями развития новой поэзии. Образы гнева становятся более предметными, конкретизированными.

Ключевые слова: гнев, эмоция, метафорическая модель, поэтический текст.

Антропоцентричность современного языкознания определяет активизацию научных исследований в области изучения эмоциональной сферы человека (работы Н. Д. Арутюновой, В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресяна, Л. Г. Бабенко, С. Г. Воркачева, Л. Н. Иорданской, Н. А. Красавского, В. И. Шаховского и др.). Жизнь человека невозможно представить без субъективного переживания тех или иных состояний и отношения его к разнообразным объектам одушевленного и неодушевленного мира. Структура сознания человека, его мышления, по мнению современных ученых, включает эмоциональную составляющую; мысли, действия человека оказываются мотивированными его эмоциями. Эмоциональный мир человека, воплощенный в языке, рассматривается в разных аспектах — от лексикографических описаний до характеристики эмоциональных концептов, на материале одного языка и в сопоставительном плане и т. д.

Языковая репрезентация концептов внутреннего мира человека осуществляется главным образом посредством тропов, реализующих те или иные метафорические модели (далее — ММ), за которыми стоят модели более общего плана — когнитивные. Метафора — важнейший способ миромоделирования, находящий отражение

в языковых структурах, обладающих семантической двуплановостью. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, суть метафоры есть «понимание и переживание сущности одного вида в терминах другой» [1]. Метафорическая модель представляет собой схему уподобления какого-либо объекта (предмета, действия, ситуации...), принадлежащего одной понятийной сфере, аналогичному объекту иной сферы.

Эмоция гнева принадлежит к базовым эмоциям (к которым К. Изард относит также радость, интерес, удивление, печаль, отвращение, презрение и страх [2]), актуальность которых не утрачивается со временем вследствие «константности» данных эмоций. Словесное воплощение концепта «Гнев» отражает «целый комплекс когнитивных и поведенческих реакций, постоянно меняющихся в соответствии с условиями и отвечающих внутренним и внешним требованиям» [3]. Среди научных работ, так или иначе затрагивающих упомянутый концепт, выделяются исследования сопоставительного плана, имеющих целью определить специфику гнева в разных языках и культурах. Например, Н. А. Красавский рассматривает признаки концепта «Гнев» на материале немецких и русских пословиц [4], М. В. Маркина — в русских и английских текстах [5], Ли Инин и Сунь Ин — в русской и китайской женской прозе [6] и т. д.

Толковые словари определяют гнев как чувство сильного негодования, возмущения, ярости, состояние раздражения, озлобления. Словарные толкования указывают на известное сходство данных чувств и состояний. Негодование определяется как возмущение, крайнее недовольство; возмущение и ярость — как сильный гнев; раздражение — как нервное возбуждение, соединенное с досадой, озлоблением; озлобление — как ожесточение, нахождение в состоянии злобы — чувства гневного раздражения, недоброжелательства против кого-либо [7]. Как отмечает П. М. Омарова, различия данных состояний «нередко нивелируются, вплоть до взаимозаменяемости» [8]. Н. В. Павлович включает в этот перечень также мщение и возмездие [9], в словарных толкованиях которых, однако, отсутствуют указания на соответствующую эмоцию.

Одно из наиболее заметных образных соответствий гнева в русских поэтических текстах отражено в ММ «**гнев — огонь**». Основанием данного сопоставления в старой русской поэзии служит

могучая разрушительная сила огня, способность уничтожать, что обнаруживается прежде всего при описании Господня гнева, истребляющего врагов, например:

Как сильным печь огнем разжжженна, / Так гнев от взора твоего / На них дохнет — и, скрыв их тьмою, / Так в молниях пожнет своих... (Г. Державин); *Послал еси на них ты гнев свой справедливый, / И гнев их пояде, как огонь созрелы нивы* (В. Майков).

Подобно огню, гнев может вспыхивать, гаснуть, таиться под пеплом:

И мучивший меня в нем гнева огонь угас (В. Капнист); *Потух мой гнев, безумный, детский гнев* (Д. Мережковский); *Вдруг, будто в пепле огонь, скрывая в сердце гнев, / Князь Курбский встал* (М. Херасков) и др.

В примерах сочетаний существительного *гнев* с глаголами горения (*гореть, пылать, вспыхнуть* и т. п.), а также в словосочетании *пламя гнева*, как отмечается в научной литературе, отражается, вероятно, древняя славянская символика (огонь как символ гнева) [10]. Н. Д. Голев, комментируя примеры этимологических рефлексий в словах *огонь, гнев, огневаться, прогневаться*, говорит о возможности совмещения народной и научной этимологии [11]. Вместе с тем следует отметить наличие образного соответствия гнева и огня и в иных культурах и языках: соответствующая ММ реализует себя в англоязычных художественных текстах [12], в китайском языке для обозначения огня и гнева используется один иероглиф.

Значительную часть метафорического пространства концепта гнев занимают реализации **ММ «гнев — стихия»**, представленных в частных сопоставлениях гнева с явлениями природы. Для старой поэзии типично сопоставление гнева с бурей. Такое состояние приуще, например, воинам, истребляющим врагов отечества: *Да в буре гнева глас прочмится: / Умри, умри, России враг!* (Н. Карамзин) и др. В текстах Г. Державина и его современников буря предстает аналогом — и воплощением — Божьего гнева, обрушивающегося на погрязший в грехе мир, сокрушающего земную твердь и обращающего в кровь небо и море («Целение Саула» и др.). Гнев-буря оказывается всепоглощающим, это эмоция высокого накала, значительной силы. В текстах разных авторов встречаются уподобления гнева грозе, ветру, вихрю — природным явлениям, перед которыми человек оказывается слабым и бессильным.

ММ «гнев — свет» представлена сопоставлениями гнева с естественными и искусственными источниками света. Традиционной

является параллель с молнией; лежащий в основе данного сопоставления признак — главным образом опасность и сила молнии как атрибута грозы, однако возможны и иные. В поэме М. Хераскова «Россиада» проявляются два признака — в зависимости от вида и характера носителя эмоции. Российское войско, подобное туче, несет в себе молнии гнева как оружие против врага; женский же гнев кратковременен, как вспышка молнии, и порой неискренен:

Возможно ли жене в ея угрозах верить? / Они и злобствуя умеют лицемерить; / Их гнев есть молния, которая сверкнет, / Но солнце, возсияв, опять сиять начнет.

В основе уподобления гнева солнечному и звездному свету лежат прежде всего цветовые характеристики. Символика гнева традиционно передается красным цветом — цветом огня и крови. В русских поэтических текстах гнев ассоциируется с алой, багряной, багровой зарей. Цветовому признаку может сопутствовать динамический: восход солнца неизбежен и неостановим, например: *Мой гнев, как кровь зари Востока, / Ничто не в силах укротить!* (И. Северянин). Звезда как поэтический аналог гнева имеет соответствующий оттенок (красная, багровая, багряная). Падающая звезда предстает воплощением небесной кары: *Велик, ужасен гнев богов! / Но пусть и на главу врагов / Спадет он гибельной звездой* (М. Лермонтов) и др.

Гнев уподобляется как свету, так и тьме (**ММ «гнев — тьма»**) — в ее разновидностях: это собственно тьма, мрак (отсутствие света), сумрак (неполная тьма, полумрак), мгла (непрозрачный воздух). В старой поэзии такой гнев, являющийся проявлением возмездия, человеческого или божественного, отличается масштабом: простирается, например, *над светлым царским домом* (М. Херасков), несет гибель городам и людям: *Там мрак божественного гневу / Подвергнул грады и полки / На жертву алчной смерти зеву* (М. Ломоносов). Гнев затемняет лицо человека: *И гневом, будто мглой ночи, / Покрылось старое чело* (А. Пушкин) и др. Смысловой близостью с такими сопоставлениями отличаются реализации **ММ «гнев — туча»**. Данная модель издавна закреплена в поэтической традиции. В основе сопоставлений лежит представление о гневe как о чем-то темном и способном затемнять (лицо или душу человека), о «грозовом» характере гнева, о его способности сгущаться и приобретать все больший объем, например:

И на челе его суровом / Сгущался гневной тучи мрак (К. Павлова); Словно небо, глаза раздвигаются, / Полны гневными тучами (В. Шершеневич).

В одном из рождественских стихотворений Б. Пастернака туче гнева оказываются присущи не только темнота, объемность и тяжесть, угнетающее действие на человека, но и способность закрывать от людей небо — как высший мир:

Под тучей гнева были мы, / Под тяготением проклятья — / Христос рассеял ужас тьмы / Нам воссиявшей благодатью.

ММ «гнев — жидкость» основывается на представлении о гневe как проявлении водной стихии с ее подвижностью, а также опасностью. Гнев может хлынуть потоком, снося все на своем пути, его волны накрывают и разум человека, и всю его личность, и его отношения с другими людьми. Волны гнева — одна из наиболее частотных реализаций упомянутой ММ. Они разрушительны, но могут быть укрощены. Например:

Пойди к нему и в волны / Его погибельного гнева / Пролей твоих советов / Мирительное масло (В. Жуковский).

Представление о гневe как жидкости отражено в **ММ «гнев — вместилище»** (сосуд вместе с его содержимым). Этот сосуд является объектом разных действий: его осушают, преподносят, проливают на объект негодования:

Если же останется жить он и гнева / Кубок не выпьет, — / Дева, прости (Д. Андреев); На родину твою / Весь гнева моего фиал я пролию / И смерти все предам (И. Дмитриев); И растворяют крылья врат, / Из коих Истина царева / Течет, божественная дева, / Земле износит чашу гнева / Или же благодати сосуд (В. Кюхельбекер); Не гнева ль вечного фиал / В то время жжёт воображеньё (В. Тепляков) и др.

Гнев концептуализируется и как вещество (**ММ «гнев — вещество»**), способное при употреблении внутрь подчинить волю человека, опьянив его, например:

Известно, что и гнев порой мутит, как хмель (В. Брюсов); Кто раз испил мельной отравы гнева, / Тот станет палачом иль жертвой палача (М. Волошин).

Разрушительная сила гнева представлена в ряде реализаций **ММ «гнев — орудие»**, в частности оружие разных видов (холодное, огнестрельное, таранного типа), а также ловушки типа сетей. Старинное оружие как образное соответствие гнева в ряде случаев имеет вид меча, зачастую являющегося метафорой Божьего гнева, например:

... И твердо знать, что меч Господня гнева / В ночи не встанет над тобой (М. Шкапская); Обугленное бревно / Божественного гнева / Качается, нацелилось в

окно (В. Хлебников). Бессильный гнев уподоблен пришедшему в негодность оружию — например, отсыревшему пороху (Б. Поплавский).

Гнев ассоциативно связан с кузнечным делом, что отражено в уподоблении его горну, мехам, тискам.

В русских поэтических текстах встречаются метафорические соответствия, представленные меньшим количеством реализаций по сравнению с вышеназванными. К ним относятся **ММ «гнев — животное»** (основание сопоставления — опасность для человека, которого гнев грызет, терзает, душит), **«гнев — плод»** (способность созреть), **«гнев — изделие из ткани»**, представленная главным образом метафорой *знамя гнева*, в основании которой лежат особенности символики знамени. Данная метафора неоднократно используется применительно к праведному гневу, Божьему или человеческому, например:

Мир дрогнет, вееет знамя гнева (Г. Державин); *Пусть же будет трижды свято / Знамя гнева твоего, / Женщина — жена солдата, мать народа моего* (М. Алигер).

В качестве субъектов сопоставления в поэтических текстах (помимо собственно гнева) в русских поэтических текстах выступают и иные обозначения данной эмоции — прежде всего злоба/злость и ярость. Отметим, что в поэтических словарях разные проявления гнева находят отражение как в сгруппированном виде [13], так и по отдельности [14].

Злоба (чувство гневного раздражения, недоброжелательства к кому-либо), злость (злое, раздраженно-враждебное настроение) и ярость в текстах русской поэзии в **ММ** представлены, как и гнев, реализациями моделей с объектом **огонь/жар, сосуд, оружие, существо, животное, стихия**. В качестве субъектов сопоставления они входят также в реализации **ММ** с объектами **металл, информация**, например:

И в бездну упадет железной злобы трон (В. Раевский); *Звякнет в пол железной злостью / Там косы сухая жердь* (А. Белый); *Железная ярость, рожденная гневом* (Я. Каменский); *медной ярости комок* (П. Коган); *...небо лишь могло бы / Прочесть в сердечных тайниках / Страницы пламенные злобы* (Л. Якубович); *страницы злобы и порока* (М. Лермонтов); *Прикрепил кнопками свою ярость к столбу* (В. Шершеневич).

Злоба и злость, в отличие от гнева, не концептуализируются как свет, что, по-видимому, обусловлено отсутствием у данных состояний каких-либо «возвышенных» начал, позволяющих провести аналогии с солнечным или звездным светом. Единичными реализа-

циями представлены **ММ «злоба — музыка», «злость — еда», «ярость — растение»**, объектами сопоставлений в которых являются звуки «барабанов, цепей, топора», приправа к пище, колючий кустарник:

Мать-природа! Иду к тебе снова / Со всегдашним желаньем моим — / Заглуши эту музыку злобы (Н. Некрасов); ... крупной солью светской злости / Стал оживляться разговор (А. Пушкин); Ад, засеяв жизни поле / Терном ярости и бед, / Рек... (А. Мерзляков).

Поэзия XX–XXI веков, наследуя традиционные ММ, наряду с их устоявшимися реализациями использует и иные, отличающиеся в целом как более конкретным характером, так и — в ряде случаев — некоторой сниженностью, обытовленностью. Предметность гнева (и его разновидностей) проявляется в реализациях ММ вещественного характера «гнев — вместилище», «гнев — вещество» и др., в которых гнев уподобляется, например, сундуку (Н. Клюев), бочке (В. Маяковский), медному купоросу (П. Коган), состоянию плюющего дождя (В. Черномский). Депозитизации традиционных образов, как отмечают авторы «Очерков языка русской поэзии», способствуют тропы, в которые входят «обозначения разного рода отбросов» [15]. Показательно в этом плане следующее сопоставление И. Губермана:

Забросив гнев, как мусор в урну, / И выводя на сердце пятна, / Я часто мыслю нецензурно... / Но выражаюсь — деликатно!

Содержание ММ гнева отражает ряд качеств и свойств, присущих данной эмоции. Гнев отличается интенсивностью, во многих случаях — бурным характером протекания, разрушительным потенциалом, реализуемым по отношению как к другим людям, так и к самому его носителю. В поэтических текстах отмечены особенности бытования гнева, который *просыпается, вспыхивает, разгорается, зреет, сгущается, кипит, угасает* — подобно живому существу, огню, плоду, тучам, воде и т. д. ММ связывают гнев со всеми элементами мира: огнем, водой, землей и воздухом; при этом обнаруживается и соединение стихий огня и воды (гнев как кипящая жидкость), воды и воздуха (тучи), воздуха и огня (молнии). Гнев концептуализируется и как свет, и как мрак. Помимо гнева как такового выделяется Божий гнев, отличающийся большим масштабом и имеющий локализацию чаще всего в верхней области пространства мира; праведный гнев, народный гнев как «благородные» формы; одна из особенностей народного гнева — способ-

ность нарастать, вскипать, как волна, вздыматься, подобно пене и др. Отметим, что гнев может соседствовать с любовью, например:

Господь, меня готовя к бою, / Любовь и гнев вложил мне в грудь (А. Толстой); *Лишь меняет буря гнева / Да любовь твои черты* (Н. Некрасов); *Но за любовью зреет гнев* (А. Блок) и др.

Выделяется и гнев отдельной личности, вызванный теми или иными обстоятельствами, внутренними или внешними. Такой гнев зачастую осмысливается негативно: он, в отличие от Божьего гнева, представляет собой «ловушку ада», «дьявольскую пасть» (В. Яшков). Авторы нередко указывают на пребывание гнева внутри человека, существование его как в душе, так и в теле. Внутри человеческого тела гнев может иметь конкретную локализацию. Помимо традиционного «жара в груди» гнев проявляет себя как нечто находящееся в сердце, крови, печени, например:

И четко шагает гнев сухорукий / По пустому сердцу от угла к печи (С. Третьяков); *И в жилах кровь от гнева вязнет, / Готовая взорвать висок* (И. Эренбург); *От гнева в печени, мечты во лбу, / Богиня верности, храни рабу* (М. Цветаева).

В заключение приведем фрагмент стихотворения И. С. Тургенева, включающий реализации — в небольшом текстовом пространстве — разноплановых ММ с целью характеристики одного из состояний гнева:

И гнев его исчез, как пар, / Как пыль, как женские страданья, / Как дым, как юношеский жар, / Как радость первого свиданья.

Примечания

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / под ред. А. Н. Баранова. М., 2004. С. 27.
2. Изард К. Психология эмоций. СПб., 1999. С. 44.
3. Вотякова И. А. Некоторые замечания о концепте «гнев» в русском языке // Вестник Удмуртского гос. ун-та. История и филология. Лингвистика. 2015. 25. Вып. 6. С. 5.
4. Красавский Н. А. Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц) // Молодой ученый. № 6 (март-2). 2015. С. 823.
5. Маркина М. В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.
6. Ли Инин, Сунь Ин. Концептуализация эмоции «гнев» в художественном тексте (на материале русского и китайского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. 2014. № 7 (37). Тамбов, 2014. Ч. 2. С. 122–125.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд. М., 2010.

8. *Омарова П. М.* Когнитивная структура базовых эмоциональных концептов гнева, страха и радости в английском и даргинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010.

9. *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов. М., 1999.

10. *Вотякова И. А.* Указ. соч. С. 7.

11. *Голев Н. Д.* Оказиональная символизация внутренней формы лексических единиц в тексте. Ч. 1 // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9: Филология. С. 69.

12. *Смолянко Ю. В.* Концептуальная метафора как одно из средств представления эмоции гнева в художественном тексте // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. Вып. 3 (11). 2010. С. 175–180.

13. *Павлович Н. В.* Указ. соч.

14. *Иванова Н. Н.* Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.). М., 2004.

15. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация.* М., 1995. С. 46.

ANGER in Russian poetry: metaphorical models

The article considers the realization of the metaphorical models, reflecting the concept «Anger». The article is based on a wide corpus of Russian poetry of XVIII–XXI centuries revealing comparisons of figurative names of anger. This emotion appears as fire, light, darkness, nature, water, creature, substance, etc. The foundation of traditional comparison is different characteristics of anger: intensity, destructive power, the process (anger wakes up, breaks out, inflames, boils, dies). The article also specifies the varieties of anger: God, people, human. Gods anger has considerably destructive force (models anger — fire, anger — water); it is located at the top of the space of the world. Poetry of XX–XXI centuries is being interpreted and developed in traditional models influenced by the trends of the new poetry. The images of anger become more detailed and specified.

Keywords: anger, emotion, metaphorical model, poetic text.

© **М. Л. Кусова**

УрГПУ, г. Екатеринбург

«Умный» — «Дурак»:

в языке и языковом сознании школьников¹

Автор описывает содержание концептов «Умный», «Дурак», определенное на основе данных Словаря-тезауруса синонимов русской речи и отраженное в проспекте словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации». Представлены лексические, фразеологические средства репрезентации

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты».

данных концептов, паремии, связанные с указанными концептами. Приведены ядерные признаки концептов, их культурологические и модально-оценочные признаки. Содержание концептов «Умный», «Дурак» сопоставляется с содержанием, выявленным на основе анализа материалов Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников I–XI классов, анализ реакций, полученных на стимулы *умный, умнее, ум, дурак, дурацкий*. Автор комментирует выбор стимулов, аргументируя возможность включения реакций на данные стимулы в описание представлений школьников об «умном» и «дураке», анализируя реакции школьников, выявляет признаки «умного» и «дурака», актуальные для языкового сознания школьников; и приходит к выводу, что ядерные признаки данных концептов в языковом сознании школьников связаны с человеком, достаточно конкретизированным с учетом профессии и, шире, социального статуса, родственных отношений, межличностного взаимодействия, с животными. В ядерную составляющую школьники включают также признаки, присущие «умному» и «дураку», они последовательно определяют пространство, где эти признаки могут проявиться. Автор показывает, что представления школьников разного возраста об «умном» и «дураке» практически не отличаются, что в качестве средств репрезентации данных концептов школьники используют преимущественно лексические единицы, они ограничено владеют фразеологией и практически не обращаются к паремиям.

Ключевые слова: сфера «Интеллект», концепт «Умный», концепт «Дурак», ассоциативный словарь, стимул, реакция, языковое сознание школьников.

Антропоцентрический подход к исследованию языка позволяет видеть в языковой системе человека, говорить об особенностях его представления в том или ином языке. В этом плане, безусловно, интересны единицы сферы «Интеллект», т. к. благодаря этим единицам в системе языка отражается процесс осмысления человеком его собственной мыслительной деятельности. Сфера «Интеллект» традиционно является объектом внимания ученых: в лингвистике традиция представления ментальности, ментального поля связана с работами В. Г. Гака [1], И. М. Кобозевой [2], С. Р. Омельченко [3], Е. В. Падучевой [4] и др. И. М. Кобозевой описаны категории ментальных имен: описана номинализация ментальных предикатов, содержание ментальных состояний, результаты ментальных состояний и т. д., Е. В. Падучевой выявлены аспектуальные свойства ментальных глаголов, В. Г. Гак представляет ментальное поле, выделяя в этом поле центр, единицы, связанные с номинацией человека и его интеллектуальных качеств, и ряд секторов, связанных с номинацией способности к мыслительной деятельности и уровня этой способности. С. Р. Омельченко установлены системообразующие признаки глагольной лексики в речемыслительном процессе, описана этноязыковая ментальность казаков, сделаны выводы о

преобладающих системоцентрических и антропоцентрических принципах анализа семантики ментальных глаголов в литературном языке и диалектной речи; выявляется ментальное пространство личности [5].

Заметим, что внимание ученых, изучающих представление интеллекта в языке, обращено прежде всего к процессуальной составляющей интеллекта — в первую очередь изучаются ментальные глаголы, что находит отражение и в исследованиях детской речи. Т. А. Щеглова описывает формирование семантики ментальных глаголов в языковом сознании ребенка, делает вывод о поэтапном освоении детьми семантики ментальных глаголов, о связи когнитивного развития ребенка и дифференциации значений ментальных глаголов в его речи [6].

Основываясь на значимости ментальности в представлении человека, считаем целесообразным остановиться на характеристике личности в сфере «Интеллект» (при описании представления личности в сфере «Интеллект» используются материалы Словаря-тезауруса синонимов русской речи [7]). Обобщение лексикографических материалов, представленных в словаре-тезаурусе, позволяет заключить, что для данной сферы значимы интеллектуальные свойства человека и его интеллектуальная деятельность. В сфере «Интеллект» человек характеризуется по уровню интеллектуальных способностей (*узколобый, слабоголовый, непонятливый, глупый, тупой; умный, прозорливый, проницательный, смысленный, толковый*); по уровню осведомленности (*несведущий, неосведомленный*), наличию/отсутствию способности объективно оценивать окружающее (*прозорливость, проницательность, смысленность — тупость, тупоумие, скудоумие, дубинноголовость* и т. д.), по наличию у него способности к интеллектуальной деятельности (*пытливый, любознательный, любопытный*). Определение интеллектуальных свойств личности связано с оценкой; единицы, называющие эти свойства, могут быть распределены на группы с использованием традиционной нормативной шкалы. Нормативная шкала может быть представлена позициями «хорошо — безразлично — плохо» оппозицией абсолютной оценки «хороший — плохой». Абсолютная оценка «хороший — плохой» находит отражение в оппозиции «умный — дурак».

В этом плане интересен анализ концептов «Умный», «Дурак», выполненный на основе материалов указанного словаря и проспекта словаря «Концептосфера русского языка...» [8]. Анализ репрезентаций концептов «Умный», «Дурак», описание данных концептов в проспекте словаря концептов позволяют обобщить: умный человек обладает интеллектуальными способностями, он широко осведомлен, его решения взвешенны, свои мысли он может хорошо излагать; у него голова светлая, светлый ум; с умным разговаривать, что меду напиться; он сметливый, головастый, остроумный. Очевидно, что перечисленные признаки у дурака отсутствуют: у него нет природных задатков, интеллектуальных способностей, он производит отталкивающее впечатление, быть рядом с дураком опасно: идиот, тупорылый, лопоухий; голова мякинная, голова садовая; из-за угла мешком прибит; пьяный проспится — дурак никогда (подробнее о специфике представления данных концептов см. [9]. Средствами репрезентации данных концептов являются лексические единицы (*дар, гений, дарование, талант — дурак, глупец, даун, балбес, дебил* и т. д.), фразеологизмы (*котелок варит; семи пядей во лбу; глуп как пробка; без ума голова котел* и т. д.). Материалы словарей позволяют говорить о содержании концептов в языковом сознании носителей русского языка. Но у разных групп носителей языка в содержании концептов есть определенные отличия, и для выявления этих отличий обратимся к материалам словаря «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» [10] с целью выявления особенностей в представлении концептов «Умный», «Дурак» в языковом сознании школьников.

Для определения содержания концепта «Умный» мы анализировали реакции, полученные на стимулы *умный, умнее, ум*; для определения содержания концепта «Дурак» — реакции, полученные на стимулы *дурак, дурацкий*. Таким образом, мы учитывали реакции не только на стимулы *умный, дурак*, но и реакции на единицы, соотношенные с лексемами-стимулами. При отборе стимулов мы учитывали, что стимул *умнее* представляет собой форму сравнительной степени омонимичного прилагательного *умный*, субстантивацию которого наблюдаем в имени концепта; стимул *ум* связан с представлением доминантной единицы синонимического ряда в словарной статье, включающей и близкородственный синонимический ряд с доминантой *умный*. Стимулы *дурак* и *дурацкий* связаны словообразова-

тельными отношениями. Общее количество реакций на стимул *умный* — 356, на стимул *умнее* — 642, *ум* — 622. Общее количество реакций на стимул *дурак* — 1138, *дурацкий* — 478. Таким образом, в дальнейшем нами учитываются 1620 реакций при описании содержания концепта «Умный» в языковом сознании школьников, 1616 реакций — при описании концепта «Дурак». Общая сумма количества реакций, которые будут учитываться при описании концептов, практически одинакова, хотя в реакциях на отдельные стимулы есть ярко выраженные количественные отличия. Наиболее яркое отличие проявляется в преобладании количества реакций на стимул *дурак* по сравнению с количеством реакций на стимул *умный*, что объясняется известной в лингвистике закономерностью, проявляющейся в более слабом выходе нормы в лексику [11].

Остановимся на анализе реакций школьников на стимул *умный*. Школьники отождествляют умного с людьми определенной профессии, определенного вида занятости (*мальчик, писатель, ученик, человек, художник* — здесь и далее при приведении реакций не учитывается их количество, поэтому лексемы-реакции приводятся в алфавитном порядке). В качестве умного представляется и конкретное лицо: среди реакций наблюдаются имена собственные (*Кирилл, Лена, Поньшева, Поньшева*), личные местоимения (*ты, я*). В сознании школьников признак умный последовательно присваивается и представителям животного мира (*кот, пес* — прежде всего, а также *животный, зверек, попугай*). Для школьников актуальны признаки, отличающие умного (*находчивый, понятливый, развитый, разумный,мышсленый*). Последовательно воспроизводится парадигматическая связь умный — тупой, причем воспроизводится чаще именно эта оппозиция, а оппозиция умный — дурак, судя по количеству реакций, является менее актуальной. Отметим, что реакции на стимул *умный* представлены только лексемами, единичная реакция, связанная с фразеологизмами, наблюдается у младших школьников: приведено фразеологическое сочетание *отличаться умом*.

Выделив общие позиции в реакциях школьников на стимул *умный*, остановимся на отличиях, которые наблюдаются в разных возрастных группах. Чем старше школьники, тем более наполнены синонимические ряды, как соотносимые с реакцией *умный* (*ботан, ботаник, гений, голова, вундеркинд, мозг, мозголом*), так и с оппозицией умный — дурак (*глупый, дебил, дурак, осел, тупой*). У уча-

щихся 9–11 классов наряду с реакциями, указывающими на человека, связанного с различного рода занятиями, появляется реакция — указание на человека, воспринимающегося как некий символ данного качества (*Эйништейн*). Но при этом у старших школьников, 7–8 класс, 9–11 класс, в реакциях нет указания на близких людей, тогда как у младших школьников и учащихся 5–6 классов есть реакция *папа, отец* (заметим, что реакция *мама* не зафиксирована). Реакция учащихся 5–6 классов и 9–11 связана с определенной предметной областью (*в математике, в алгебре*), 5–6, 9–11 классов — с определенным пространством (*передача*). Реакции, связанные с книгой, наблюдаются у младших школьников и у учащихся 7–8 классов (*книга, сказка*), причем это единичные реакции.

Реакции на стимул *умнее* во многом пересекаются с реакциями на стимул *умный*. Прежде чем перейти к анализу реакций, напомним, что на стимул *умнее* составители словаря получили больше реакций, чем на стимул *умный*. Как следствие, здесь наблюдается и большее разнообразие реакций. Прежде всего, как и в реакциях на стимул *умный*, выделяются реакции, указывающие на человека, связанного с определенной деятельностью (*математик, профессор, ученик, учитель* — последняя реакция наблюдается у школьников всех возрастных групп), просто занимающего определенной деятельностью (*специалист*), на животное (*животных, зверя, обезьяны, попугай, собаки*). Конкретизация появляется в указании на имя собственное (*Афанасьева, Верзиной Алены*), на лицо с учетом родственных отношений (*брат, мама, родители*; реакция *папа* не зафиксирована), в использовании личных местоимений (*вас, его, меня, тебя*). Стимул *умнее* последовательно соотносится с учебной деятельностью школьника (*в учебе, грамотность, отличник, отличница, пятерка*), жизненной перспективой (*институт*). Данный стимул вызвал в сознании школьников определенные образы (*ребенок в очках, очки*), в том числе и фольклорные (*лисы, совы*). Форма стимула обусловила появление фазисных глаголов (*быть, становиться*), глаголов, обозначающих интеллектуальную деятельность (*думать, знать, решать*), деятельность в процессе обучения (*учиться*); многие реакции-существительные приведены в форме родительного падежа как завершение конструкции *умнее кого*. В реакциях представлены единицы в форме сравнительной и превосходной степени (*лучше, мозговитее, умнее всех, хитрее*),

конструкции со сравнительным союзом (*чем он*), есть реакция — название данной формы (*сравнение*).

На основе лексем-реакций на стимул *умнее*, могут быть также выстроены синонимические ряды, но при этом воспроизводится парадигматика к *умный* — *дурак*. В качестве синонимов к *умный* выделяются *ботаник, вундеркинд, гений, голова, мозг, ум, умник*, к *дурак* — *валенок, глупее, дебила, тупее (тупой)*.

Переходим к анализу реакций на стимул *ум*. В ассоциативном словаре представлено много реакций, связанных с вместилищем ума (*в голове, мозги, в мозгах, орган*), с интеллектуальной деятельностью (*думаю, знать, который мыслит*) и признаками, обусловленными наличием ума (*качество, любознательность, остроумие, развитие, мысленный*). Реакции, связанные с названием человека, не столь разнообразны, как реакции на стимул *умный* и *умнее* (*подруга, ученый, человек*), но расширяется круг лиц, символизирующих ум (*бабушка, бармен*), налицо прецедентные феномены («*Горе от ума*»), политический лозунг советской эпохи (*совесть, честь и совесть*, ср.: *Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!*), частично воспроизведенный фразеологизм (*светлый*, ср. *светлый ум*).

Таким образом, в языковом сознании школьников *умный* — это человек, в том числе определенный человек, признаки которого определены данным качеством. Умный связан с определенной деятельностью. Для обозначения умного используются известные символы. Анализ парадигм лексем-реакций показывает, что их написание во многом пересекается.

Обращаясь к реакциям на стимул *дурак*, обнаруживаем, что у школьников *дурак* ассоциируется с человеком (*все девочки, друг, девочка, мальчик, человек*), с конкретным человеком, причем перечень конкретных людей представлен большим количеством реакций, чем аналогичный перечень, связанный с реакцией на стимулы *умный, умнее* (*Вадик, Вася, Вова, Зоя, Красовитов*). Воспроизводится и типичный для русской культуры символ дурака (*Иван, Иванушка, Иван-дурак*). Но *дурак* не ассоциируется с самим участником эксперимента — это только второе или третье лицо (*он, ты*). Не определяется однозначно связь дурака и животных. Среди реакций есть лексемы, основное значение которых связано с обозначением того или иного животного, но у данных лексем есть и переносное значение — обозначение человека, и в этом значении лек-

семьи используются как ругательство (*баран, козел, осел, собака*). То, что подобные реакции указывают на человека, подтверждается словосочетанием *осел Вася*.

Лексемы-реакции, обозначающие признаки, присущие дураку, представляют единицы различных семантических сфер: сфера «Оценка» (*плохой*), сфера «Интеллект» (*безмозглый, бестолковый, неумный, полумный*), сфера «Поведение человека в обществе и морально-нравственная оценка поведения» (*невежливый*), «Эмоциональные состояния и переживания...» (*злой, несчастный*), сфера «Медицина» (*больной, нездоровый, убогий человек, синдром Дауна, умалишенный*). Восприятие дурака как больного подтверждается и другими реакциями (*дебил, идиот, псих; диагноз, заболеваемость, психушка*).

Реакции на слово *дурак* отражают богатство парадигматических связей лексемы-стимула (*дурак — балбес, баран, бестолочь, болван, глупец, даун, дебил, дурень, дурило, идиот, козел, лох, недоумок, незнайка, неумеха, обалдуй, осел, придурок, тормоз, тугодум, тупица*), косвенно подтверждают связь стимула *дурак* с ранее обозначенными сферами, подчеркивают негативную модальность и негативную оценку, связанную со стимулом *дурак*. При описании парадигматических связей лексемы-стимула очевидно, что большее количество лексем включает синонимический ряд с доминантой *дурак*, антонимический ряд представлен меньшим количеством единиц (*молодец, умник, умный*), что позволяет еще раз сказать: обозначается прежде всего «ненорма». Среди реакций на стимул *дурак* наблюдаем прецедентный феномен (*Достоевский «Идиот»*), фразеологизмы (*он и в Африке дурак; на всю голову, больной на всю голову; круглый*). Реакции позволяют также сказать, что для языкового сознания важны причины появления дурака, и эти причины связаны не только с болезнью (*неграмотный, необразованный*).

Анализируя ассоциации на стимул *дурацкий*, учитываем, что лексема *дурацкий* имеет два значения: '1. К дурак (чудаковатый, нелепый); 2. Глупый, смешной, нелепый'. Нас интересуют реакции, связанные со вторым значением лексемы-стимула. Это указание на человека (*мальчик, одноклассник, ребенок, сосед, человек*), иногда конкретного (*Максим, Саша, Ценов*; заметим, что стимул принадлежит к классу имен прилагательных, а большинство реакций представлено субстантивами), на негативную оценку данного при-

знака (*дебильный, идиотский, кошмарный, мерзкий, нехороший, плохой, стремный*).

Следовательно, концепт «Дурак» более актуален для школьника, что появляется в разнообразии реакций на соответствующий стимул и дополняется реакциями на стимул *дурацкий*. При этом разнообразие реакций сводится к негативной оценке всего, что связано с дураком, и негативной модальности.

Таким образом, проведенный анализ, с одной стороны, показал, что представления школьников разных возрастных групп об умном и дураке практически совпадают. Отличия связаны с прецедентными феноменами и реакциями, символизирующими ум: они появляются у школьников 7–8, 9–11 классов, с конкретизацией умного и дурака. С другой стороны, содержание концептов «Умный», «Дурак» в языковом сознании школьников беднее, чем у носителей языка в целом. Полагаем, что это связано с недостаточным овладением школьниками фразеологической системой языка и его паремиологическим фондом.

Примечания

1. Гак В. Г. Пространство мысли: опыт систематизации слов ментального поля // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993. С. 22–29.
2. Кобозева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 95–105.
3. Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
4. Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 111–120.
5. Фролов Н. К., Хвесько Т. В. О ментальном пространстве славяно-русской личности // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2008. С. 334–336.
6. Щеглова Т. А. Некоторые наблюдения за употреблением ментальных глаголов детьми 4–9 лет (на материале русского и английского языков) // Онтолингвистика — наука XXI века: материалы междунар. конф., посвящ. 30-летию каф. детской речи РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2011. С. 221–226.
7. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
8. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремеологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.
9. Кусова М. Л. «Умный — дурак»: специфика репрезентации интеллекта в пространстве русского языка // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. 2012. Вып. 1(39). С. 190–195.

10. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. Т. I. От стимула к реакции / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, О. А. Мартянов. Саратов, 2011.

11. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

“Smart” — “Fool”: in the languages and linguistic consciousness of schoolchildren

The author describes the contents of concepts «Smart» and «Fool» defined through the thesaurus of Synonyms of the Russian language and vocabulary reflected in «Conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representation». The concepts are represented by lexical and phraseological means, and paroemias associated with these concepts. The nuclear signs of the concepts contain their cultural and modal-estimated signs. The content of the concepts «smart» and «fool» is compared with the content identified during the analysis of the Russian associative dictionary: associative reaction of schoolchildren of 1st–11th form; responses received to stimulus words smart, smarter, intelligence, fool, stupid. The author comments on the choice of incentives arguing the possibility of including reactions into these stimulus in the description of the representations of pupils about «smart» and «fool» and analyzing the reaction of schoolchildren, reveals the signs of «smart» and «fool» relevant to the linguistic consciousness. In conclusion it is stated that nuclear signs of concepts in language consciousness of schoolchildren are associated with the individual specific enough in a view of the profession and, more broadly, social status, family relations, interpersonal interaction, and interaction with the animals. As a nuclear component the schoolchildren also included characteristics of «smart» and «fool», they consistently define the space in which these characteristics may occur. The author shows that the presentation of pupils of different ages about «smart» and «fool» do not differ as a means of representation of the concepts schoolchildren use mainly lexical items, they possess limited phraseology and hardly refer to the proverbs.

Keywords: sphere “Intellect”, concept “Smart”, concept “Fool”, associative dictionary, stimulus, response, language consciousness school.

© М. Ю. Мухин
УрФУ, г. Екатеринбург

Русская антонимия в отечественной лексикографии: статистический обзор*

В статье представлены результаты сравнительного статистического анализа словарей, содержащих информацию о русской антонимии. В сопоставлении участвует

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты», а также Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

восемь лексикографических источников, в том числе шесть традиционных антонимических словарей, а также данные Русского Викисловаря и Большого толкового словаря синонимов русской речи, создаваемого под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Дан комментарий к работе по приведению текстов словарей к машиночитаемой форме: нормализации электронных документов, сопоставлению алфавитных словников и основной части словарей, выборке антонимических пар исходя из заголовочных пар антонимов и антонимических гнезд, обработке видовых пар глаголов и т. д. Анализируются сведения об объеме словников (количестве антонимических пар, в том числе оригинальных). По этим параметрам лидируют Русский Викисловарь и Большой толковый словарь синонимов русской речи. Определено относительное количество совпадений в словниках различных словарей, приводятся антонимы, представленные в большинстве лексикографических источников. Среди них пары *жизнь — смерть*, *громкий — тихий*, *горячий — холодный* и др. Полученные сведения позволяют сформировать принципы расширения антонимического словника, представленного в базе данных Уральской семантической школы.

Ключевые слова: лексикография, словарь, антонимы, антонимическая пара, синонимы, синонимический ряд, база данных, статистический анализ, Уральская семантическая школа.

1. В наши времена количественное сопоставление лексикографических ресурсов кажется элементарным и очевидным делом, так как любой словарь является строго формализованным источником и выходит в издательский оригинал-макет из лексикографической базы данных. Однако для многих классических, «бумажных» словарей, сделанных еще в советское время и не существующих в машиночитаемой форме, такая процедура и сегодня не представляется возможной. Мало того, информация, которую мы можем извлечь из традиционных аннотаций (например, «в словаре представлено ок. 70 000 слов»), часто оказывается весьма неточной. Нужно сказать, что и электронные версии словарей, размещенные в интернете, часто грешат множественными дефектами распознавания. Несмотря на это, такие исследования, как [1; 2], полезны для более объективного представления о классическом лексикографическом достоянии.

Данное исследование продиктовано интересами научной программы Уральской семантической школы, которую много лет возглавляет Людмила Григорьевна Бабенко — вдохновитель работы над словарями идеографического типа, отражающими различные семантические отношения. В частности, на сегодняшний день практически закончен и, надеемся, скоро будет издан Большой толковый словарь синонимов русской речи (БТССРР). Это четвертомое издание станет самым большим по объему синоними-

ческим словарем русского языка. Судить о нем пользователи могут пока по первому тому [3]. Структура словарной статьи словаря синонимов включает также и антонимы ко всему синонимическому ряду или к отдельным входящим в него словам, что уже предполагает лексикографическое представление не просто синонимов и антонимов, а целых синонимико-антонимических комплексов. Развитие этой словарной зоны и ориентация на создание новых идеографических словарей требует на сегодняшний день более четкой систематизации антонимических отношений в русской лексике. Как и многие другие феномены, они представлены в существующих словарях совершенно по-разному с точки зрения состава словника и принципов лексикографирования. Таким образом, была поставлена задача извлечения данных из ряда словарей русских антонимов, их последующего сопоставления на предмет объема и состава словника и выработки критериев уточнения антонимической зоны в семантической базе данных Уральской семантической школы.

2. К нашей работе были привлечены электронные версии наиболее известных словарей русских антонимов Л. А. Введенской, Н. П. Колесникова, М. Р. Львова, О. А. Михайловой, А. С. Гавриловой, О. Д. Ушаковой [4–9]. Кроме того, в сопоставлении участвовали данные Русского Викисловаря [10]¹ и база данных не завершенного пока Большого толкового словаря синонимов русской речи.

В качестве формальной единицы анализа материала определена антонимическая пара — две лексемы, которые **в любом из своих значений** признаются антонимами в перечисленных источниках. Соответственно, если эти лексемы антонимичны на уровне разных значений (*левый* — *правый*) и это отражено в словаре, мы считаем, что эта пара все равно одна.

Электронная версия словаря вовсе не предполагает, что эта форма является машиночитаемой, т. е. формализованной с точки зрения четкого разделения типов информации и экспорта в базу данных. Часто это сплошной текст — например, документ MS

¹ Автор выражает огромную признательность Андрею и Наталье Крижановским за помощь в извлечении антонимических пар из Русского Викисловаря, а также Ольге Алексеевне Михайловой за возможность работы с данными Словаря синонимов и антонимов для школьников [7].

Word, а также преобразованный из него в *.pdf или в другие подобные форматы. Поэтому решение поставленной задачи определило необходимый перевод данных всех словарей в стандартную машиночитаемую форму. Для этого были осуществлены следующие как чисто технические, так и лингвистические процедуры:

1) приведение словарей к одному текстовому формату, нормализация электронных документов;

2) сопоставление алфавитных словников и основной части словарей, выявление случаев асимметрии разделов — такие случаи в лексикографии не редкость;

3) автоматическая и полуавтоматическая выборка антонимических пар исходя из заголовочных пар антонимов, а также (при возможности) исходя из анализа антонимических гнезд словаря;

4) обработка видовых пар глаголов (вручную), соотнесение глаголов сов. и несов. вида с соответствующими антонимикосинонимическими комплексами — в случае, если словарь дает такую информацию;

5) проверка словников орфоконтролем и другими средствами для исключения брака набора и распознавания словарей;

6) сборка словника прямых и обратных антонимических пар (*тяжелый — легкий, легкий — тяжелый*) для объективной картины отражаемого в словаре материала: в словарях встречаются случаи асимметрии прямых и обратных пар;

7) группировка данных и удаление повторяющихся пар антонимов.

По поводу пп. 3 и 4 нужно сделать необходимые разъяснения. Если в словаре толкуются не просто антонимические пары, а целые антонимические и даже синонимико-антонимические гнезда (например, [3; 4; 7]), эту информацию при анализе и подсчете пар хочется предельно сохранить. Но в алфавитных списках составители чаще дают только исходные антонимические пары, а в словарных статьях дополнительные антонимические отношения представлены так, что, что вычленишь их порой невозможно. Сравним выдержки из двух статей словаря под ред. Л. А. Введенской [4]:

(1) **БЛАГОПОЛУЧНЫЙ — НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЙ**

Удачный, удовлетворяющий. Неудачный, неудовлетворяющий.

(2) **БЛИЗОСТЬ — ОТДАЛЕННОСТЬ**

Степень сближения с чем-л. Степень отдаленности от чего-л.

В данном случае мы имеем дело с толкованиями разного типа. В первом примере они чисто синонимические, и из них легко было бы выделить дополнительные антонимические пары: *удачный* — *неблагополучный* и т. п. Во втором примере толкование, внешне оформленное таким же образом, не содержит синонимов, т. е. возможных дополнительных единиц словника.

Другая картина в словаре под ред. О. А. Михайловой [7]:

АРОМАТНЫЙ — ЗЛОВО'ННЫЙ

Издающий приятный запах. *Ароматный ландыш.*

Душистый, благоуханный, благовонный (книжн.).

Издающий отвратительный запах. *Зловонный воздух.*

Вонючий (разг.), смрадный.

Толкования и возможные синонимы в этой статье разнесены в разные словарные зоны, что позволяет расширить словник за счет выделения соответствующих антонимических пар (*ароматный* — *вонючий* и т. п.), не зафиксированных в алфавитном словнике. Таким образом, работая с данными словаря Л. А. Введенской, мы могли опираться только на исходное количество антонимов, одинаковое в основной части и алфавитном списке. И, наоборот, антонимических отношений, согласно словарю О. А. Михайловой, выделено значительно больше, чем приводит автор в конце издания.

Особая проблема связана с антонимией видовых пар глаголов. В словарях она дается крайне непоследовательно. По возможности мы постарались учесть эту информацию, соотнеся вручную отдельно глаголы несовершенного и совершенного вида. Например, из следующей статьи [7] были вычленены не только пары *открываться* — *закрываться*, *открыться* — *закраться*, но и *раскрываться* — *закрываться*, *раскрыться* — *закраться*, *открываться* — *затворяться*, *открыться* — *затвориться* и т. д.:

ОТКРЫВА'ТЬСЯ — ЗАКРЫВА'ТЬСЯ

Сов. откры'ться — закры'ться

1. Раздвигаться, распахиваться, отойти в сторону или подняться, давая доступ к чему-л., внутрь (о закрытой крышке, сомкнутых створках и т. п.). *Дверь открылась.*

Раскрываться / сов. раскрыться, отворяться / сов. отвориться, растворяться / сов. раствориться.

1. Сдвинуться, сомкнуться, захлопнуться, опуститься, преграждая доступ к чему-л., внутрь чего-л. *Дверь закрылась.*

Затворяться / сов. затвориться.

Следует заметить, что в разных словарях наблюдается непоследовательность подачи антонимов в плане противопоставления словообразовательных гнезд (например, из трех пар антонимов — прилагательных, производных от них наречий и существительных — дается только одна или две), антонимов с приставкой *не-*, неоднословных лексических единиц, слов служебных частей речи и т. д.

3. Массивы антонимических пар, выбранные из шести изданных словарей антонимов, а также Русского Викисловаря и базы данных БТССРР, были переведены в базу данных и далее сопоставлены. После группировки данных сводная таблица антонимических пар включает 69 372 записи (прямые и обратные пары), т. е. в реальности 34 686 антонимических пар, выбранных из восьми источников. Общая статистика по словарям представлена в табл. 1, в том числе приведено количество антонимических отношений, которые фиксируются только в данном словаре.

Таблица 1.

**Количество антонимических пар
в сопоставляемых словарях**

Редактор словаря	Всего пар	Оригинальных пар	Оригинальных пар, %
А. С. Гаврилова	585	29	4,96
О. Д. Ушакова	886	117	13,21
Л. А. Введенская	943	101	10,71
Н. П. Колесников	1334	345	25,86
М. Р. Львов	2838	551	19,42
О. А. Михайлова	4056	1567	38,63
Л. Г. Бабенко (БТССРР)	15397	12823	83,28
Краудсорсинг (Викисловарь)	17870	14272	79,87

По приведенным цифрам нельзя прямолинейно судить о достоинствах того или иного источника. Во-первых, чем больше словник, тем больше оригинальных единиц в нем можно ожидать. Особую позицию в плане оригинальности занимает словарь Н. П. Колесникова. Если бы количество оригинальных антонимов возрастало прямо пропорционально объему словника, оно бы в этом словаре в три раза превысило ожидаемую величину. Одна из причин — большое количество научно-технических терминов и профессионализмов: *брахицефалия* — *долихоцефалия*, *веляризация* — *палатализация*, *солидус* — *ликвидус*, *майна* — *вира* и др. Во-

вторых, каждый словарь имеет свои особенности в плане функциональности, пользовательской аудитории, специфики распространения и продажи. В-третьих, существуют факторы времени создания словаря (ср. пары *капиталист* — *рабочий* в словаре Н. П. Колесникова и *нищий* — *миллионер* в словаре Л. А. Введенской) и авторского коллектива. Последний особенно ярко влияет на словник Русского Викисловаря, создаваемого посредством краудсорсинга. В редактировании такого ресурса может принять участие любой желающий, что значительно увеличивает объем, но резко сказывается на качестве данных, в которые попадает множество случайных пар. Кроме того, словник Викисловаря не проходит через фильтр нормативности. Пользователь найдет здесь пары типа *туфта* — *правда*, *атас* — *спокуха* и даже совсем маркированные *х... — п...* С другой стороны, ломка лексикографических стереотипов в википроекте приводит в ресурс «свежий» с разных точек зрения материал: *эфирный* — *кабельный*, *аж* — *всегонавсего*, *дом* — *улица*, *яд* — *антидот*.

Большой объем антонимического словника БТССРР объясняется главным образом детальной проработкой синонимических рядов, включающих в том числе и большое количество эмоционально и стилистически маркированной лексики. Многообразие синонимов определило и расширенное описание антонимических связей. С пониманием асимметричности антонимических отношений составители указывают в словаре, к каким словам ряда данное слово является антонимом. Например, с рядом ***Всплывать/всплыть, выныривать/вынырнуть, выплывать/выплыть*** («двигаясь в воде снизу вверх, из глубины, оказываться/оказаться на ее поверхности») соотнесены глаголы-антонимы *погружаться/погрузиться, окунаться/окунуться* (к *всплывать/всплыть, выплывать/выплыть*) и *нырять/нырнуть, заныривать/занырнуть* (к *выныривать/вынырнуть*).

4. Теперь о том, насколько близки друг другу словники конкретных словарей — пересечение антонимических пар приведено в табл. 2.

Таблица 2.

Количество совпадений со словарями других словарей в процентном соотношении

	А. С. Гаврилова	О. Д. Ушакова	Л. А. Введенская	Н. П. Колесников	М. Р. Львов	О. А. Михайлова	Л. Г. Бабенко (БТССР)	Викисловарь
А. С. Гаврилова		38,63	47,35	40,34	86,67	74,53	45,98	77,61
О. Д. Ушакова	25,51		53,27	23,14	52,31	60,72	46,16	61,63
Л. А. Введенская	29,37	50,05		25,98	66,81	63,41	44,75	64,90
Н. П. Колесников	17,69	15,37	18,37		38,83	38,23	25,04	60,87
М. Р. Львов	17,86	16,33	22,20	18,25		50,70	33,69	56,17
О. А. Михайлова	10,75	13,26	14,74	12,57	35,48		26,60	39,20
Л. Г. Бабенко (БТССР)	1,75	2,66	2,74	2,17	6,21	7,01		12,03
Викисловарь	2,54	3,06	3,42	4,54	8,92	8,90	10,37	

Общий объем словаря и здесь является важной причиной статистических данных. Например, 86,67 % антонимических пар небольшого словаря А. С. Гавриловой мы можем найти в словаре М. Р. Львова. Вообще, с последним у «традиционных» словарей больше всего пересечений. Словарь М. Р. Львова, вероятно, наиболее известный словарь антонимов, поэтому с ним и сверялись другие авторы. Отметим при этом, что даже на фоне Викисловаря антонимический словарь БТССР отличается явной оригинальностью (всего 12 % совпадений), и всего 6,2 % его антонимических пар зафиксированы в словаре Львова.

Несмотря на разногласия в критериях антонимии, есть антонимические пары (всего 57), которые отражают все лексикографические источники (см. табл. 2).

Таблица 2.

Антонимические пары, признаваемые всеми источниками

абстрактный — конкретный	грязный — чистый	любовь — ненависть
антипатия — симпатия	густой — жидкий	максимум — минимум
беднеть — богатеть	густой — редкий	мало — много
бедность — богатство	дешево — дорого	минус — плюс
бедный — богатый	дешевый — дорогой	мир — ссора
бедняк — богач	длинный — короткий	молодой — старый
беспорядок — порядок	добрый — злой	оптимизм — пессимизм
быстрый — медленный	доверие — недоверие	первый — последний

виноватый — правый	достоинство — недостаток	плакать — смеяться
война — мир	живой — мертвый	плач — смех
враг — друг	жизнь — смерть	победа — поражение
вражда — дружба	заплакать — засмеяться	различие — сходство
вредный — полезный	избыток — недостаток	редкий — частый
временный — постоянный	истинный — ложный	робкий — смелый
глубокий — мелкий	исходный — конечный	родина — чужбина
говорить — молчать	крупный — мелкий	свой — чужой
горький — сладкий	легкий — трудный	сильный — слабый
горячий — холодный	легкий — тяжелый	тишина — шум
громкий — тихий	ложь — правда	толстый — тонкий

Еще 130 пар антонимов отражает семь из восьми словарей, 202 — шесть, 257 — пять, 449 — четыре из восьми. Очевидно, что эта тысяча с небольшим пар является бесспорным ядром русской антонимии, а более подробная характеристика этого материала (в первую очередь семантическая) является предметом другой статьи.

На основании полученных данных определен объем антонимии, не представленной в базе данных БТССРР. Кроме того, для фильтрации избыточных данных, полученных в первую очередь из большого, но спорного с точки зрения качества данных Викисловаря, проведено сопоставление антонимической базы со списком лексем Нового частотного словаря русской лексики [11]. Эта информация необходима для уточнения идеографической базы Уральской семантической школы и последующей семантической классификации новых антонимических отношений.

Примечания

1. *Браславский П. И., Киселев Ю. А., Мухин М. Ю. и др.* Russian Lexicographic Landscape: a Tale of 12 Dictionaries // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). М.: Изд-во РГГУ, 2015. Т. 1. С. 254–271.

2. *Мухин М. Ю.* Новая версия лексикографической интерпретации: опыт статистического сопоставления русских толковых словарей // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности: материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление». Екатеринбург, 2010. С. 144–150.

3. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008.

4. *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка: более 500 антоним. гнезд. М., 2003.

5. *Колесников Н. П.* Словарь антонимов русского языка. Тбилиси, 1972.

6. *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антоним. пар. М., 1984.

7. Михайлова О. А. Словарь синонимов и антонимов для школьников. М., 2009.
8. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. М., 2014.
9. Ушакова О. Д. Синонимы и антонимы. Словарик школьника. СПб., 2008.
10. Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 25.06.2016).
11. Новый частотный словарь русской лексики / под ред. С. А. Шарова и О. Н. Ляшевской [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 25.06.2016).

Russian antonyms in national lexicography: statistics overview

This paper reports the results of a comparative statistical analysis of dictionaries containing information about Russian antonyms. The research is built on eight lexicographical sources including six academic dictionaries of antonyms, as well as data from Russian Wiktionary and the Explanatory Dictionary of Russian Synonyms being composed under the supervision of prof. L. G. Babenko. The task of rendering dictionaries' contents into machine-readable form entails standardization of electronic documents, alignment of alphabetical glossary and the main body of the dictionary, isolating antonymic pairs using entry pairs of antonyms and antonymic clusters, processing of aspectual pairs of verbs, etc. The evidence on the size of vocabularies is provided (based on the number of antonymic pairs including the original). By these parameters Russian Wiktionary and the Explanatory Dictionary of Russian Synonyms have taken the leading positions. The author defines the relative number of vocabulary matches in different dictionaries mentioning antonyms presented in most lexicographical sources. Namely, pairs like *life — death*, *loud — quiet*, *hot — cold*, etc. The obtained information helps to form the principles of enlarging the vocabulary of antonyms accumulated by the Ural Semantic School.

Keywords: lexicography, dictionary, antonyms, antonymic pair, synonyms, synonymic row, database, statistical analysis, Ural Semantic School.

© Б. Ю. Норман

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь;

УрФУ, г. Екатеринбург

От семы — через доминантный признак — к прототипу¹

В статье рассматривается соотношение семантических признаков в структуре лексического значения. Сравняются достоинства и недостатки компонентного анализа (теории А. Вежбицкой, И. Мельчука и др.). Выделяются доминантные признаки, которые в совокупности составляют основное (прототипическое) значение слова. Прототипическая семантика трактуется как часть наивной (обыденной) картины мира. Именно благодаря семантическим прототипам формируется система

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

мыслительных категорий. Доминантные признаки выделяются на основе практического опыта общества, многие из них имеют сенсорный, образный характер. Приводятся примеры характеристики человека через его отдельные дифференциальные признаки, в том числе через результаты его творчества (типа «Марк Твен — это Том Сойер»). Систематизируются языковые конструкции, которые используются для данной цели. Анализируется с этой точки зрения практика толкования слов в словарях русского языка. Показано, что лексикографическая традиция представляет собою компромисс между научным (понятийным, энциклопедическим) определением значения и его наивно-языковым (обыденным) объяснением. В качестве примера подробно анализируется толкование в словарях русского слова *молоко*. Рассматриваются также названия видов мебели, посуды, некоторых растений и др.

Ключевые слова: лексическое значение, понятие, компонентный анализ, семантика прототипов, доминантная сема, наивная картина мира, лексикография.

Метод компонентного анализа сыграл важную роль в развитии семасиологии и лексикографии. Работы Дж. Каца и Дж. Фодора, И. А. Мельчука, А. Вежицкой, А. М. Кузнецова, Ю. Д. Апресяна, Т. Бергера, И. А. Стернина и других исследователей позволили применить к семантической структуре слова принципы системного анализа. Компоненты этой структуры формируют парадигматический класс, в который входит слово, и определяют особенности его употребления в речи (через правила семантического согласования, сложения лексических значений, налагаемых на слово селекционных ограничений и т. п.). Одна и та же сема — например, такая, как Magn ‘высокая степень’, Caus ‘делать так, чтобы’ или Degrad ‘портиться’ — может входить в состав лексического значения десятков или даже сотен слов (см.: [1]). Вместе с тем, со временем стало ясно, что метод компонентного анализа не всегда дает желаемую экономию и при этом довольно груб (приблизителен). Неэкономность его сразу обнаруживается при попытках описания конкретных подклассов — лексико-семантических групп.

Скажем, названий мебели в русском языке — несколько десятков. Словарь [2] насчитывает в подклассе «Существительные, обозначающие мебель», всего 72 слова (вместе с названиями деталей мебели вроде *валик, дверка, ящик*). А для того, чтобы исчерпывающе полно описать это подмножество, необходимы такие признаки, как «мягкий», «для нескольких людей», «имеющий рабочую поверхность», «имеющий внутренний объем», «имеющий спинку», «имеющий ножки», «имеющий дверки» и т. п. Признак «используемый в учебных заведениях» необходим только при толковании слова *парта*, признак «переносная складная перегородка» — толь-

ко для описания слова *ширма*, а признак «металлическая рама с закрепленной на ней тканью» — только для описания слов *раскладушка* и *шезлонг* и т. п. Получается, что (при достаточно подробном толковании) количество признаков-множителей ненамного меньше количества различаемых ими названий. И ясно, что удельный вес, или сила (интегральная и дифференциальная), этих признаков неодинакова. Это значит, что в речевой действительности семы далеко не равноправны — они характеризуются разной центральностью, яркостью, четкостью, эксплицитностью (см.: [3]).

В сознании человека семантические компоненты образуют сложный конгломерат с диффузной периферией. Это прекрасно показано в ставшей уже классической работе У. Лабова [4]. Испытуемые должны были подобрать название к предъявляемым им картинкам с разными видами сосудов: чашек, кружек, бокалов, мисок и т. п. В каждом случае выбор одного из английских названий (*cup*, *bowl*, *glass*, *mug* и др.) определялся рядом факторов: формой предмета, соотношением высоты и ширины, наличием ручки или ножки, материалом, функцией... Были выявлены два общих свойства денотативных границ: размытость и взаимозависимость. В частности, для слова *cup* ‘чашка’, с его устойчивым признаком отношения высоты к ширине, толкование выстраивается следующим образом: +N, +конкретное, +исчисляемое, —одушевленное, +вогнутое... В словаре такая комбинация отражается в описаниях типа: «небольшой открытый сосуд, имеющий вогнутую чашеобразную форму, используемый главным образом для питья налитой в него жидкости, имеющий или не имеющий ручку или ручки, ножку, подставку или крышку» [5].

Размытость толкований естественно проявляется в определениях типа «Это скорее кружка, чем чашка» или «Это что-то среднее между чашкой и фужером». Это — речевая практика носителя языка. Она может быть (как показано и У. Лабовом) представлена и статистически. Но некоторые семы (или их сочетания) приобретают в сознании носителя языка доминантный характер. Скажем, превышение ширины сосуда над его высотой приводит к выбору наименования *миска*, независимо от материала, из которого предмет изготовлен, и тех целей, в которых он используется. Для лексемы *стакан* доминантными являются сема ‘стеклянный’ (не случайно во многих языках слово со значением ‘стекло’ обозначает и

типичный сосуд для питья) и 'цилиндрический', для *рюмка* — 'маленький' и т. д. Такие семы принимают концептуальный характер и способность к «репрезентации» всего значения.

Склонность формировать класс предметов на основании случайного, поверхностного свойства отмечена у маленьких детей. Это можно объяснить, с одной стороны, бедностью их предыдущего опыта, а с другой — необходимостью быстрого освоения огромного количества нового материала. Приведем свидетельство специалиста по детской психологии: «...Поскольку ребенок способен использовать концептуальный признак в качестве коммуникативно-вербальной единицы и соответственно присваивать ей некоторое имя, то на основании наличия у некоторого предмета данного признака (единственного!) этому предмету присваивается соответствующее имя. Например: все, что имеет колеса (прицеп, тележка), — это машина, все, кто имеет бороду, — Дед Мороз, Хоттабыч или Карабас Барабас, замерзший человек — Дед Мороз; мальчик (сам ребенок) с Азбукой — Буратино, некто в маске (даже карнавальной) — бандит, и т. п.» [6].

По-видимому, поведение взрослого человека при его попытках категоризации мира явлений должно отличаться от поведения ребенка: взрослый апеллирует к своему богатому жизненному опыту, а по возможности учитывает и мнение специалистов в соответствующей области. Значит, опора на случайный признак в когнитивной деятельности взрослого должна служить скорее сигналом патологии, отклонения от психической нормы. (Классический образец диалога психиатра с пациентом-шизофреником: «Чем пароход отличается от паровоза?» — «У парохода труба больше». «Чем отличается трамвай от троллейбуса?» — «Трамваи красные, а троллейбусы синие».) Однако на практике мы наблюдаем обратное: носитель языка легко идет «на поводу» у внешнего признака, выделяющего предмет из ряда ему подобных (см.: [7]).

Выделение одного признака из ряда присущих предмету имеет прямое отношение к теории номинации. Л. С. Выготский в своей знаменитой работе «Мышление и речь» писал по данному поводу: «Новые явления и предметы называются обычно по одному признаку, который не существен с точки зрения логики и не выражает логически сущность данного явления. Название никогда не бывает в начале своего возникновения понятием» [8]. Действительно, сло-

во не сразу становится полноценным знаком для понятия — потому что его содержательная сторона еще «не отстоялась», не структурировалась как следует, не прошла проверку научной таксономией. Для этого нужно какое-то время. Проблема фактически заключается в том, чтобы отличить яркий семантический признак от основного — доминантного. Выделение сознанием набора (комплекта) доминантных, концептуальных признаков приводит нас к понятию **прототипа**. Прототип — это сочетание доминантных признаков в отрыве от признаков варьирующихся и маловероятных.

Возьмемся к статье А. А. Павловой и продолжим цитату из нее: «Такого рода «однопризнаковое воображение» — не атавизм детского возраста, бесследно исчезающий у взрослого. Употребление нами метафорических выражений, проведение аналогий — действие того же механизма, когда наличие в предмете/субъекте/явлении одного-двух признаков позволяет нам присвоить ему некоторое имя: «трудолюбивый», «старательный» — «пчелка»; аналогия: «идти, шагать — двигаться, постепенно переставляя ноги» — «последовательно что-либо делать», «пошаговый диалог» и т. д.» [9]. Значит, не так уж далеко уходит взрослый в своих мыслительных операциях от классифицирующей деятельности ребенка. Опыт практической деятельности далеко не всегда сопряжен с рациональным упорядочиванием признаков. Приведем еще одну цитату, подтверждающую, что когнитивная деятельность человека опирается на элементарные восприятия и ощущения. «Для категоризации на базовом уровне важны такие факторы, как образное восприятие, физическое взаимодействие, ментальные образы и роль реалий в культуре. <...> Наша концептуальная система зависит от нашего физического и культурного опыта и непосредственно связана с ними» [10].

Характерным проявлением категоризирующей силы языка являются имена собственные, приобретающие силу символа. Речь идет даже не об общеизвестных случаях апелляции, типа *Дон Жуан* или *Плюшкин*, но об окказиональных семантических переносах, совершающихся, впрочем, по универсальным правилам. Так, в качестве «домашних имен» или прозвищ нередко выбираются имена литературных персонажей. В частности, в работе [11] упоминается семья, в которой старшего сына за трудолюбие и ответствен-

ность регулярно называют *папой Карло*, а младшего за упрямство и вспыльчивый характер — *котом Матроскиным*.

Обращаясь к языковому сознанию обычного человека, мы вынуждены признать, что его взаимодействие с окружающим миром строится на основе различных — параллельно действующих — механизмов и моделей. Вода для индивида — не только H_2O , но и жидкость для питья и умывания. Чешская исследовательница И. Ванькова, рассуждая о представлении «картины объективной действительности» в языковом сознании, приводит аналогичные примеры из чешского языка. Весна (*jaro*) для чеха — это не столько астрономический период, «пора года с 21 марта по 20 июня» (как дает нормативный словарь), сколько время, когда природа пробуждается от сна, все растет, зеленеет и расцветает. Отсюда и выражения вроде «весна жизни» и т. п. Точно так же слово *vráska* ‘морщина’, толкуемое словарем как «складка кожи, образованная ее ссыханием», обязательно связывается в обыденном сознании с признаками «старость» и «лицо». И это опять-таки находит выражение в текстах и фразеологизмах [12].

Следует специально подчеркнуть: логическое мышление, заключающееся в сравнении признаков предмета и отборе из их числа наиболее константных и существенных, приводит к формированию понятия. Языковое же мышление (и входящая в его состав тенденция к номинации всего сущего) опирается на доминантные признаки и приводит к формированию прототипов. Воробей для нас — более типичная птица, чем страус или пингвин, утюг — более типичный электроприбор, чем холодильник или калорифер.

Причем включение одного понятия в другое, одной категории в другую — то, что выглядит естественным и бесспорным применительно к научной таксономии, — здесь, в обыденном сознании и отражающем его языке, теряет свою убедительность. Отношения рода и вида могут переворачиваться «с ног на голову» — естественно, при активном участии культурных факторов. Так, польский лингвист М. Гроховски продемонстрировал, что даже в трактовке таких, казалось бы, ясных и безусловных слов и понятий, как *вода* и *жидкость*, нас подстерегают неожиданности. В научной таксономии *вода* — разновидность жидкости; соответствующим образом строится и ее определение в энциклопедических словарях: «жидкость без цвета, вкуса, запаха, $H_2O...$ » и т. п. В языковой же карти-

не мира *жидкость* характеризуется сравнительно большей степенью семантической сложности (*жидкость* — это «нечто, в состав которого входит вода...»), а *вода* принадлежит к числу первичных, непроемных понятий (см.: [13]).

Вместо того чтобы комбинировать признаки предмета, отделяя среди них существенные от случайных, носитель языка апеллирует к готовому прототипу. Поскольку каждый новый шаг познания совершается с учетом предшествующего опыта, то опора на «частое», «привычное», «типичное» входит в естественную практику человека.

Обратимся к конкретному материалу. Идентифицировать человека возможно не только через его естественные (природные) свойства, но и через какой-то яркий приобретенный дифференциальный признак. Это может быть, в частности, для артиста — заметная роль, для писателя — его книга, для архитектора — знаковое сооружение... Нередко мы можем услышать вопрос типа: «Ты про какого Толстого говоришь — про автора «Войны и мира» или «Хождения по мукам»?» Приведем и примеры из литературы, в которых человек идентифицируется через его творение.

*Главным архитектором Москвы назначили знаменитого Посохина, лауреата и автора высотки на Восстания, любимого ученика самого великого Щусева, **который Мавзолей** и усовершенствование Лубянки (М. Веллер. Легенды Арбата).*

Похоже, она даже не может сообразить, о чем Зарубин ее спрашивает и кто такой этот Марк.

— Марк Твен? — неуверенно повторила она. — *Это **который Том Сойер**?*

— И Гекльберри Финн в придачу, — добавил Сергей (А. Маринина. Незапертая дверь).

*...Мама вдруг важно сказала: «Все! Я знаю, что делать! Мы пойдем к дяде Степе». <...> Папа пробурчал мрачно: «Какому еще дяде Степе?!» А мама сказала: «К Степану Григорьевичу Бархударову, моему дяде». Все онемели, а я спросила: «Это **который Бархударов и Крючков? Учебник русского языка?**» (С. Тер-Минасова. Записки динозавра).*

«Щусев, который Мавзолей» или «Марк Твен, который Том Сойер» — это, конечно, яркие примеры отождествления человека и его творения. Но доминантный признак вовсе не обязательно должен выражаться придаточным определительным предложением. В следующем контексте известная русская актриса Назимова характеризуется через ее роли, и каждая роль, выражаемая именем сказуемым, «прикипает» к ней как ее второе лицо.

*Назимова — **Лия**, Назимова — **Сонечка**, Назимова — **Грушенька**, Назимова — **Регина**, Назимова — **Гильда** в «Строителе Сольнесе» высоко оценивались амери-*

канскими артистами и критиками (В. Бабенко. Любовь гения: от Катулла до Джона Леннона).

Еще одна языковая возможность отождествить человека и его создание — использовать существительное-приложение, как в следующем случае:

...Все они, внесшие свою лепту в величие Америки, действительно существовали: человек-телеграф Морзе, человек-тюбик Колгейт, человек-пишмашинка Ундервуд, человек-пианино Стейнвей, человек-ластик Фейзер, человек-безделушка Тиффани (Б. Акунин, Г. Чхартишвили. Кладбищенские истории).

В качестве доминантного признака при описании человека могут выступать также внешность, место, сопутствующие обстоятельства. Три подходящие к случаю цитаты:

— Оля, а кто такой Тимур?

— Это не бог, это один царь такой <...> — злой, хромой, из средней истории.

— А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто? (А. Гайдар. Тимур и его команда).

А дома царица сидит на диване и плачет.

— Ты чего, Сашенька? — говорит ей царь.

— Продавщица меня обхатила, — отвечает она. — *Которая на углу овощи-фрукты* (Д. Драгунский. Плохой мальчик).

Ты Клаву путаешь, Клаву, еще ребеночка розовая, круглая такая — забыла? (Т. Толстая. Спи спокойно, сынок).

Поскольку человек, категоризируя действительность и формируя свою (наивную) картину мира, опирается именно на доминантные признаки, то последние очень часто имеют сенсорную, наглядно-образную природу. Скажем, стандартный фрейм «бабушка» будет включать в себя такие доминанты, как «старость», «морщины», «седые волосы», «согбенность». Конечно, в конкретном случае эта картинка может модифицироваться. Вот какое представление всплывает в памяти одного литературного персонажа:

Артритные руки, разбухшие от воды и огорода, цветастая кофтенка, одна на все времена, бедные волосы, зачесанные коричневым гребешком, запах хлорки и козьего навоза, толстые икры в нитяных коричневых чулках. Бабушка» (Т. Устинова. Хроника гнусных времен).

Симптоматично это завершающее резюме, как бы сопровождающееся пожатием плечами: «Бабушка»! Оно значит: ‘ну что тут скажешь?’ Или: ‘чего еще можно ожидать?’.

По сути, «прототипическое» понимание — это представление деятельности реального человека, который склонен, познавая действительность, сводить всю информацию к уже сформировавшимся

«моделям необходимых и достаточных условий» [14]. Поэтому можно утверждать, что семантика прототипов как часть семасиологии формируется в рамках когнитивного подхода к языку. Объясняя, как человек категоризирует мир, она ранжирует понятия, выстраивает их в определенную мыслительную иерархию, комбинируя признаки так, как это отвечает потребностям носителя языка. И в этом смысле данный поход глубоко функционален. С другой стороны, отвлекаясь от рациональных, но излишних в данном случае признаков, семантика прототипов соответствует принципам прагматики: она выдает отношение говорящего к тому, о чем он говорит.

Лексикографические пособия идут по компромиссному пути, объединяя в своих толкованиях наивно-языковое (прототипическое) значение, основанное на доминантных признаках, с энциклопедической, понятийной информацией.

Возьмем для примера слово *молоко*. Словарь Ожегова дает толкование:

МОЛОКО. 1. Белая жидкость, выделяемая грудными железами женщин и самок млекопитающих после родов для вскармливания младенца, детеныша. 2. Такая жидкость, получаемая от коров и употребляемая как продукт питания. 3. Беловатый сок некоторых растений [15]. Словарь [16] к этим трем значениям прибавляет еще одно: 4. Беловатый раствор каких-л. веществ; вещество такого цвета. Те же значения фиксируются и в других словарях, в частности, в новейшем [17].

«Словарь существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко игнорирует в толковании данной лексики вариант «женское молоко» и дает: «Напиток в виде жидкости белого цвета, получаемый от домашних животных (коров, коз, кобыл и др.), употребляемый для утоления жажды или голода, а также в лечебных целях» [18]. Любопытно, что словари не фиксируют у слова *молоко* ни гиперонимического значения «молочные продукты» (ср. название магазина «Молоко»), ни разговорного «белая часть (фон) мишени» (*послать пули в молоко*).

Но главное — это то, что приведенные выше определения содержат ряд частных, необязательных сем. Осмелимся утверждать, что содержание слова *молоко* для русского человека — это комбинация трех доминантных признаков: «жидкость», «белое», «корова». То, что молоко можно получать также от кобыл или коз, что это продукт, которым женщина кормит ребенка после родов, то, что это основа для разнообразных пищевых продуктов — от творога до масла, а также то, что молоко может использоваться в лечеб-

ных целях и т. п., — остается в тени массового сознания. Сказанное подтверждается данными ассоциативных экспериментов. На стимул *молоко* испытуемые отвечают реакциями: *корова, белое, пить, доить, сметана, каша, кефир, вкусное, доярка, творог* (приводим 10 самых частых реакций в [19]). Ни женской груди, ни лечебных целей тут, как видим, не присутствует. Конечно, ассоциативный словарь дает лишь приблизительное представление о структуре лексического значения. Но даже этот несовершенный инструмент исследования позволяет установить своеобразие процессов семантизации в сознании носителя языка.

Другой пример: слово *гриб*. Толковый словарь дает следующее определение: «Низшее растение, не образующее цветков и семян и размножающееся спорами» [20]. Это толкование — сугубо энциклопедическое: признаки «низшее растение», «размножающееся спорами» и т. п. в сознании рядового носителя языка отсутствуют. Подобным образом трактуется значение данного слова и в других словарях. В [21] читаем о грибах: «Особые организмы, сочетающие признаки растения и животного (не имеют веток, листьев, цветов, семян), размножающиеся спорами». И если грибы с растениями массовое сознание еще склонно объединять, то увидеть в грибах признаки животного кажется фантастикой. А что же реально присутствует в сознании носителя языка? Какие доминантные признаки образуют прототипическое значение слова *гриб*? Кажется, это «лес», «шляпка», «ножка», «съедобный»... Обратимся за проверкой данного предположения к «Словарю ассоциаций русского языка». Самые частые реакции на слово *гриб* здесь: *лес, еда, мухомор, корзина, белый, грибник, собирать, подберезовик, подосиновик, мох* [22]. Можно полагать, что именно таковы семантические компоненты, определяющие место данного феномена в наивной картине мира. И словарь должен был бы пойти навстречу массовому сознанию, учесть прагматические и функциональные аспекты значения слова.

Таким образом, прототипическая семантика представляет собой одно из условий формирования наивной (обыденной) картины мира. Именно благодаря семантическим прототипам в сознании индивида формируется система мыслительных категорий. Доминантные признаки, выделяемые на основе практического опыта общества, служат созданию семантических прототипов. И то внимание, которое уделяется структуре лексического значения в сознании рядового

го носителя языка, вполне отвечает антропоцентрическим запросам современной лингвистики.

Примечания

1. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М., 1974. С. 82–109.
2. Большой толковый словарь русских существительных / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
3. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 57–70.
4. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983. С. 136–144.
5. Там же. С. 139.
6. Павлова А. А. Коммуникативно-прагматическая функция концептуального признака: к проблеме взаимодействия когнитивной лингвистики и нейрофизиологии // Слово — сознание — культура: сборник к 60-летию Н. Ф. Алефиренко. М., 2006. С. 85.
7. Норман Б. Ю. Процессы понятийной категоризации и семантической деривации: семантический прототип против логики таксономии // Проблемы динамической грамматики: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. Л. Н. Мурзина (Пермь, 12–14 мая 2010 г.) / отв. ред. В. А. Мишланов. Пермь, 2010. С. 55–58.
8. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982. С. 165.
9. Павлова А. А. Указ. соч. С. 85–86.
10. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 48.
11. Яхина Д. И. Образные средства в семейном общении (на материале метафор и сравнений) // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып. 15. Саратов, 2015. С. 72.
12. Vaňková I. Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa // Slovo a slovesnost, 1999. № 60. S. 289–291.
13. Grochowski M. O metodzie wyjaśnienia struktury semantycznej nazw substancji naturalnych // Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo. Warszawa, 1992. S. 72–73.
14. Kleiber G. Prototypen-semantik. Eine Einführung. 2. Auflage. Tübingen, 1998. S. 11.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1988.
16. Большой толковый словарь русского языка / глав. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
17. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М., 2016.
18. Большой толковый словарь русских существительных / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
19. Словарь ассоциаций русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.wikivox.ru (дата обращения: 20.07.2016).
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1988.
21. Большой толковый словарь русских существительных / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

22. Словарь ассоциаций русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.wikivox.ru (дата обращения: 20.07.2016).

From seme — through the dominant feature — to prototype

The article deals with the correlation of semantic features in the structure of lexical meaning. We compare advantages and disadvantages of component analysis (theories of A. Wierzbicka, I. Melchuk et al.). We identify dominant features, which constitute together the main (prototypical) meaning of the word. Prototypical semantics is considered as a part of naive (everyday) worldview. Thanks to semantic prototypes in particular, a system of mental categories is formed. Dominant features are identified on the basis of practical social experience, much of them of sensory, image nature. We offer examples of personal characteristics made according to individual distinctive features, including the results of creative activity (such as “Mark Twain is Tom Sawyer”). Language patterns used for this purpose are systematized. From this standpoint we analyse the practice of word interpretation in Russian language dictionaries. It is shown that the lexicographical tradition represents a compromise between the scientific (conceptual, encyclopedic) definition of meaning and its naive language (everyday) explanation. The interpretation of the word *milk* in Russian language dictionaries is taken as an example and analysed in details. We also examine the names of kinds of furniture, utensils, certain plants, etc.

Keywords: lexical meaning, concept, component analysis, prototype semantics, dominant seme, naive worldview, lexicography.

© С. В. Соколова, Б. Х. Эдберг
Университет Тромсе — Норвежский
арктический университет, г. Тромсе

Что такое валют-рынок? Характеристика именных композитов в русском языке по результатам корпуса и эксперимента

В статье рассматриваются две малоизученные характеристики новых именных композитов типа *вин-зал* в русском языке, состоящих из неизменяемого заимствованного компонента — аналита — и вершинного существительного. На основе данных корпуса, Интернета и эксперимента проверяется возможность аналита выступать не только в препозиции, но и в постпозиции, а также его способность образовывать изменяемые прилагательные. В результате исследования было показано, что для новых аналитов в большей степени характерна вариативность позиции, чем это представлено в литературе. Препозитивное или постпозитивное употребление аналитов нередко определяется свойствами самого аналита (ср. постпозитивное употребление единицы VIP при написании латиницей и препозитивное при написании кириллицей) или свойствами вершинного существительного (*курица-гриль*, но *гриль-бар*). В русском языке происходит активная интеграция новых аналитов, когда вместо аналитической модели употребляется сочетание с изменяемым прилагательным (*веб-овый отдел* вместо *веб-отдел*). Однако не только система русского языка адаптирует заимствованную аналитическую конструкцию, но и аналиты влияют на русскую словообразовательную систему, создавая платформу для по-

тенциальных аналитов, о чем свидетельствуют данные эксперимента (*валют-рынок* вместо *валютный рынок*).

Ключевые слова: аналитизм, аналитические прилагательные, словообразование, именные композиты, языковые заимствования, корпус, лингвистический эксперимент, частотность.

1. Введение

В последнее время в литературе активно обсуждается вопрос об усилении аналитизма в русском языке [1]. Особое внимание уделяется образованию именных композитов с несогласованным атрибутивным или аппозитивным элементом типа *интернет-технология*, *топ-уровень*, *VIP-обслуживание*, *Горбачев-фонд* и т. п. Существует целый ряд работ, где предлагаются классификации таких единиц [2]. При этом основу классификаций составляют двухкомпонентные комплексы, второй компонент которых является самостоятельным существительным, а первый компонент — «аналитом» [3]. В работах учитывается происхождение первого компонента: исконная это единица или заимствованная, является ли она аббревиатурой, именем собственным и т. п. Однако некоторые базовые свойства этих единиц до сих пор остаются неизученными: 1) позиция (всегда ли новые аналиты препозитивны?); 2) образование флективных вариантов (как происходит интеграция аналитов в систему русского языка?). В данной статье мы кратко охарактеризуем аналиты по двум вышеуказанным направлениям.

2. Что мы знаем об аналитах?

Согласно более раннему подходу к аналитам, предложенному М. В. Пановым [4], в класс «аналитических прилагательных» включались все несклоняемые атрибутивные элементы русского языка. В более современных работах разграничивают новые заимствованные единицы, проникшие в русский язык за последние несколько десятилетий, и исконные русские неизменяемые единицы, в основном постпозитивного употребления (*всмятку*, *навыкате* и др.) [5]. Несмотря на то, что в литературе часто имеется указание на продуктивность заимствованных аналитов, авторы не приводят данные по частотности их употребления. Частотный компонент присутствует лишь в работах А. А. Горбова [6] и В. Капатсинского и С. Вакарелийски [7]. Последние представляют статистику сочетаемости заимствованных и исконно русских существительных с неизменяемыми атрибутивными компонентами в названиях, на-

пример, *бар-кафе, джаз-клуб, Выборг Бар*. В данной статье мы рассмотрим заимствованные аналиты, которые, как правило, выступают в препозиции к главному существительному, исключив названия. Частотности употребления новых заимствованных аналитов будут представлены по данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ: <http://ruscorpora.ru>) и лингвистического эксперимента.

Позиция аналитов. Большинство лингвистов [8] рассматривают препозитивные единицы, не учитывая при этом вариативность в их позиции. Возможность постпозитивного употребления некоторых аналитов отмечается в работе А. А. Горбова. Речь идет о некоторых композитах, обозначающих названия стилей и технологий, где первый компонент заимствован из английского языка (*техно-музыка, музыка техно*), и композитах *онлайн* и *оффлайн* (*конференция онлайн, тесты оффлайн*) [9]. По данным нашего частотного исследования, вариативность позиции характерна для большего числа аналитов, что будет подробнее описано в разделе 4.

Образование флективных вариантов. Случаи интеграции аналитов в грамматическую систему русского языка, т. е. употребления согласованного определения вместо аналита (*интернетная страница* вместо *интернет-страница*), также рассматриваются в статье А. А. Горбова. А. А. Горбов отмечает, что флективные варианты возможны от некоторых композитов, где первый компонент представляет собой заимствование из английского языка, хотя, в целом, именные основы, входящие в данную группу, «отличаются весьма низкой словообразовательной активностью»: **бизнесный план, *вебный сайт, *гейный парад* [10]. Согласно данным, собранным нами для этого исследования, флективные формы характеризуют большее количество единиц, чем отмечалось ранее. Однако при этом данные эксперимента указывают на примеры уподобления флективных прилагательных аналитической модели, когда носители русского языка образуют аналиты от существующих прилагательных (*интернационал-семья* вместо *интернациональная семья*). Такие примеры мы рассмотрим в разделе 5.

3. Материал и метод

В данном исследовании мы опираемся на список неизменяемых прилагательных, представленный в работе Б. Х. Эдберг [11]. Список был составлен на базе единиц, описанных в статьях

М. В. Панова и В. Бенины, грамматическом словаре А. А. Зализняка [12], словарях Д. Н. Ушакова [13] и Т. В. Егоровой [14], а также единиц, взятых из газет, блогов, форумов.

Помимо корпусного анализа был проведен лингвистический эксперимент, в котором проверялось, как носители русского языка употребляют аналиты и насколько часто образуют от них флексивные варианты. Для эксперимента были отобраны широко употребительные и некоторые менее употребительные (согласно НКРЯ) аналиты. Анкета состояла из трех частей. В первой части рассматривалась адаптация аналитов к словообразовательной системе русского языка. Сюда вошли 49 единиц, таких как *интернет*, *веб*, *тест* и др. Одна пятая часть вопросов была контрольной, т. е. содержала полные прилагательные иноязычного происхождения, такие как *гуманитарный*, *интернациональный* и т. п. Для всех единиц первой части были выбраны пять моделей образования прилагательных: нулевая (аналит), *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, *-овск-* (например, *интернет-*, *интернетный*, *интернетовый*, *интернетский*, *интернетовский*; *гуманитар-*, *гуманитарный*, *гуманитаровый*, *гуманитарский*, *гуманитаровский*). Единицы, образованные по этим моделям, были представлены в полных предложениях в произвольном порядке. Участникам эксперимента предлагалось оценить указанные контексты от 1 («плохо») до 5 баллов («самый лучший вариант — я всегда так говорю»).

Во второй части эксперимента, куда вошло 14 аналитов, была рассмотрена позиция предлагаемых единиц, в том числе аналитов, которые по данным корпуса употребляются как препозитивно, так и постпозитивно (*вин*, *фри*). Для каждого аналита и контрольного прилагательного был предложен контекст с пропусками, куда участники могли вписать прилагательное (*вин*: _ я _ найду _ центр _). В третьей части (20 аналитов) участникам эксперимента предлагалось придумать два предложения с каждой единицей. В эксперименте приняли участие 40 респондентов (от 14 до 35 лет) из разных городов России, включая Москву, Уфу, Екатеринбург, Петрозаводск, Вологду и Апатиты.

4. Позиция аналитов по данным корпуса, Интернета и эксперимента

В лингвистике существует представление о том, что позиция аналитических прилагательных к определяемому слову закреплена

[15], однако, как показывают данные корпуса, некоторые аналиты могут выступать и препозитивно, и постпозитивно. Отдельные примеры таких переходных единиц и их частотности в НКРЯ представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

**Частотность некоторых переходных аналитов
в пре- и постпозиции в НКРЯ**

Аналит	Частотность в постпозиции по данным НКРЯ	Частность в препозиции по данным НКРЯ
<i>люкс</i>	234	20
<i>модерн</i>	180	7
<i>хаки</i>	124	3
<i>VIP</i>	45	16
<i>гриль</i>	18	14
<i>онлайн</i>	16	67
<i>мини</i>	12	438
<i>вин</i>	1	22

Употребляться препозитивно и постпозитивно могут не только аналиты, обозначающие стили (такие как *техно*, *модерн* и пр.), но также некоторые единицы, образующие технические термины (типа *флеш*, *следж*) и аналиты, изначально представляющие собой аббревиатуры, например, *вин/VIP*, *USB*.

Как показывает анализ примеров из НКРЯ и Интернета, употребление аналитов в препозиции или постпозиции часто определяется свойствами самого аналита или свойствами вершинного существительного. Так, в ходе исследования было обнаружено, что алфавит, на котором пишется аналит, может влиять на его позицию. По данным НКРЯ, с латинском написанием аналит *VIP/вин*, как правило, наблюдается в постпозиции, а с написанием кириллицей — обычно находится в препозиции: аббревиация *VIP* встречается 45 раз в постпозиции и 17 раз в препозиции (см. Таблицу 1), аналит *вин* с написанием кириллицей употребляется 22 раза в препозиции и один раз в постпозиции. Возможно, при адаптации иноязычной аббревиатуры к русскому написанию, аналит *вин* уже не воспринимается как аббревиатура.

Когда единица *гриль* стоит в постпозиции к определяемому слову, она в основном сочетается со словами, обозначающими продукты питания: *курица-гриль*, *баклажаны гриль*, *рыба-гриль*. Препозитивно аналит *гриль* образует композит с именами существительными, указывающими на оборудование или место: *гриль-*

машины, *гриль-бар*, *гриль-печь*, *гриль-киоск*. Такое разделение по семантическому признаку может объясняться языком-источником. Единица *гриль*- была заимствована в русский язык из французского языка, где она, как правило, постпозитивна: *poulet grillé* — *курица-гриль*. Поэтому можно сказать, что первая группа композитов копирует французскую модель. Для сочетания *гриль-бар* разные словари отмечают разные источники заимствования: французское заимствование [16] и английское заимствование [17]. Распространение второй модели может объясняться аналогией с французским словом *grill-bar*, где единица *гриль* стоит в препозиции, или влиянием английской препозитивной модели, характерной для наименований оборудования и общественных заведений.

Результаты эксперимента в значительной степени подтвердили результаты корпусных данных: переходность отражена у единиц *ретро*, *макси*, *мини*, *люкс*, *гриль*, *VIP/vip*, *онлайн*, *следж*, однако единица *VIP/vip* чаще употреблялась препозитивно, независимо от написания (в анкетах было всего три исключения). Семантическое распределение препозитивного и постпозитивного употребления аналита *гриль* также подтвердилось, хотя эта единица была обнаружена в постпозиции с существительными, обозначающими место или оборудование (*ресторан*, *решетка*, *духовка*).

5. Флективные варианты аналитов в корпусе, Интернете и эксперименте

Согласно данным, собранным для этого исследования, возможность образования флективных вариантов характерна для большего числа аналитических единиц, чем отмечалось ранее в научной литературе. В Яндексе было обнаружено несколько изменяемых прилагательных, образованных от аналитов *интернет*, *онлайн* и *веб*, в том числе *интернетный*, *интернетский*, *интернетовский*, *интернетовый*, *онлайновый*, *онлайнный*, *вебовый*, *вебовский*, *вебный*. В Интернете не найдены примеры типа **вебный сайт*, однако возможны сочетания с другими существительными: *интерфейс*, *скрипт* и др. Судя по всему, образование флективных форм менее характерно для композитов с высокой частотностью в корпусе (*веб-сайт*). Менее кодифицированные композиты образуют флективные варианты аналитов, используя различные суффиксы: *-ск-*, *-ов-*, *-овск-*, *-н-*. При этом есть тенденция, что флективные фор-

мы, образованные по разным моделям, употребляются с разными существительными: встречается *вебовый отдел*, но не **вебский отдел*, **вебовский отдел*. Если образование изменяемого прилагательного возможно с помощью нескольких средств, флективный вариант хуже кодифицируется и анализ закрепляется в языке.

Данные эксперимента также отражают экспансию флективных вариантов (см. Диаграмму 1). При этом предпочтение флективных форм аналитов зависит от таких факторов, как возраст и образование: ученики в возрасте 14–15 лет считали 24 изменяемых прилагательных (из 49 единиц) допустимыми или более чем допустимыми, в то время как студенты в возрасте 18–24 лет отмечали как возможные только 14 флективных вариантов.

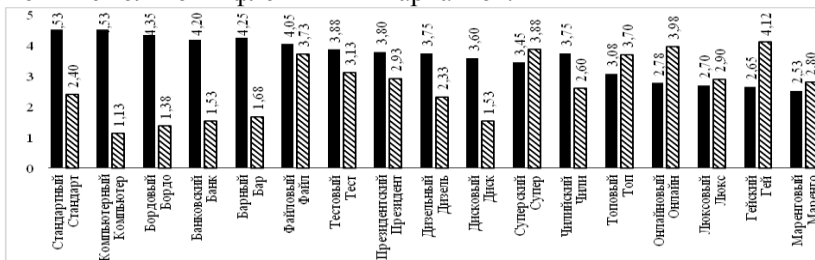

Диаграмма 1. Флективные варианты, получившие среднее количество баллов выше 2,5, и их аналитические аналоги по данным всех респондентов опросника. Черные столбцы показывают средний балл для флективных форм, штрихованные столбцы — среднюю оценку для аналитов.

Несмотря на многочисленные примеры флективных форм аналитов в Интернете, аналитическая модель закрепляется в языке, о чем свидетельствуют некоторые данные эксперимента. Так, отдельные участники отмечали композиты типа *интернационал-семья* (вместо словосочетания *интернациональная семья*) как возможные варианты: ср. *что такое интернационал-семья, что такое валют-рынок, надо оказывать гуманитар-помощь пострадавшим*. Все предложенные в эксперименте потенциальные аналиты, образованные путем усечения изменяемых прилагательных, были отмечены как допустимые как минимум одним участником.

6. Заключение

В данной статье мы охарактеризовали новые именные композиты русского языка по двум признакам: их позиция к главному су-

ществительному и степень их адаптации к словообразовательной системе русского языка. Мы показали, что, во-первых, для новых аналитов в большей степени характерна вариативность позиции, чем это представлено в литературе. Препозитивное или постпозитивное употребление аналитов нередко определяется свойствами самого аналита (написание латиницей или кириллицей, ср. *VIP* и *vin*) или свойствами вершинного существительного (например, *курица-гриль*, но *гриль-печь*, *гриль-бар*). Во-вторых, в русском языке происходит активная интеграция новых аналитов, когда вместо аналитической модели употребляется сочетание с изменяемым прилагательным, что подтверждается данными интернет-сайтов и эксперимента. Лингвистический эксперимент показал, что изменяемые версии аналитов более характерны для подростков.

Однако не только система русского языка адаптирует заимствованную аналитическую конструкцию, но и аналитическая конструкция влияет на русскую словообразовательную систему. Данные эксперимента содержат примеры, когда носители русского языка помечают как возможные потенциальные аналиты, которые образованы от давно вошедших в русский язык прилагательных иноязычного происхождения (*валют-рынок* вместо *валютный рынок*). Статус новых аналитов, судя по всему, укрепляется в языке наличием модели с усеченным прилагательным (типа *спорткомплекс*, *турагентство*).

Примечания

1. *Patton D. P.* Analytism in modern Russian: A study of the spread of non-agreement in noun phrases. Unpublished Ph.D. dissertation, The Ohio State University, 1999; *Бондаревский Д. В.* Неизменяемость — ключевое явление аналитизма // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 8–12.

2. *Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика // под ред. Ф. П. Филина. М., 1971; *Бениньи Б.* Продуктивные модели в развитии класса аналитических прилагательных // Русский язык сегодня / под ред. Л. П. Крысина. М., 2003; *Бондаревский Д. В.* Указ. соч.; *Горбов А. А.* Топ-метод экспресс-номинации эконо-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 26–36; *Маринова Е. В.* Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Лингвистика. 2010. № 4. С. 628–630.

3. *Бениньи Б.* Указ. соч.

4. *Панов М. В.* Указ. соч.

5. См. *Бениньи Б., Бондаревский Д. В., Горбов А. А.* Указ. соч.

6. *Горбов А. А.* Указ. соч.

7. *Kapatsinski V., Vakareliyska C. M.* [N[N]] compounds in Russian. A growing family of constructions // *Constructions and Frames* 5. 2013. № 1. С. 69–87.
8. См. *Бенины Б., Бондаревский Д. В.* Указ. соч.
9. *Горбов А. А.* Указ. соч. С. 30–33.
10. Там же. С. 30.
11. *Эдберг Б. Х.* Аналитические прилагательные и аналитизм в современном русском языке: магистерская дис. ... UiT Норвежский арктический университет, 2014.
12. *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка / под ред. Е. А. Гришиной. 6-е изд. Москва, 2010.
13. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / под ред. Л. В. Антоновой, И. Р. Григорян, Н. И. Шильновой. М., 2011.
14. *Егорова Т. В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2012.
15. *Камынина А. А.* Современный русский язык. Морфология. М., 1999. С. 103.
16. *Баиш Л. М.* Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. М., 2009. С. 165.
17. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2009.

What is *valjut-rynok*? Characteristics of the new Russian nominal compounds based on a corpus study and experimental data

The article addresses two less studied properties of the new Russian nominal compounds of the type VIP-zal ‘VIP lounge’, where the first component is a loan word and is often treated as “analytical” in Russian scholarly works and the second component is a head noun. Based on the data from the corpus, the Internet, and a linguistic experiment we check the position of the analytical component and its ability to form fully declined adjectives. The results of our research show that analytical elements show a higher variation in their position than previously claimed. The pre-positional or post-positional use of analytical units may depend on the properties of the analytical unit itself (cf. post-positional use of VIP when written in Latin characters and its pre-positional use when written in Cyrillic) or the properties of the head noun (*kurica-gril* ‘grilled chicken’ vs. *gril-bar* ‘grill bar’). New analytical units are integrated into the Russian grammatical system by being replaced by their analogues that represent fully declined adjectives (*vebovyjADJ otdelN* for *veb-otdelN* ‘web department’). At the same time, analytical elements affect Russian word-formation, providing ground for potential analytical units, which is supported by the experiment results (*valjut-rynokN* for *valjutnyjADJ rynokN* ‘exchange market’).

Keywords: analytism, analytical adjectives, word-formation, nominal compounds, borrowed words, corpus, linguistic experiment, frequency.

Между лексикой и грамматикой: к вопросу о статусе полуфразем

В статье предпринята попытка определить статус языковых единиц, которые занимают промежуточное положение между лексикой и грамматикой. К ним относятся и синтаксические конструкции, которые Н. Ю. Шведова назвала «фразеологизированными построениями». Номинации, однозначно закрепленной за ними, не существует. Разные авторы используют термины: «предложения фразеологизированной структуры», «фразеосхемы», «формальные конструкции», «квазирелятивы», «синтаксические фраземы» и др. Синтаксические фраземы не вписываются в традиционные синтаксические классификации и поэтому требуют особого изучения. Причиной появления таких переходных единиц автор предлагает считать процесс идиоматизации, который не ограничивается уровнем лексики, а распространяется на все языковые уровни и может привести и к образованию фразеологизма, и к созданию грамматического правила. Чем более частотной и невариативной является фразема, тем больше вероятность ее фиксации в словаре (клише, лексическая фразема), чем она менее частотна и более вариативна, тем больше вероятность ее фиксации в грамматике (синтаксическая фразема).

В предлагаемой статье на примере сочетания *мест.+попало* рассматривается процесс преобразования полноценного сложноподчиненного предложения в синтаксическую фразему. Возникновение и развитие синтаксической фраземы рассматривается как один из этапов грамматикализации, в результате которой полнозначный глагол утрачивает свои свойства (парадигму формоизменения, способность к грамматическому управлению, предикатную функцию).

Ключевые слова: идиоматизация, фразеологизация, грамматикализация, синтаксическая фразема, полуфразема, редукция.

В русистике с исследований Н. Ю. Шведовой [1; 2] началось описание синтаксических конструкций, которые она назвала «фразеологизированными построениями». Номинации, однозначно закрепленной за ними, не существует. Разные авторы используют термины: «предложения фразеологизированной структуры» [3], «фразеосхемы» [4], «формальные конструкции» [5], «квазирелятивы» [6], «синтаксические фраземы» [7] и др.

Термин «синтаксические фраземы» используем и мы с М. В. Копотевым [8]. В своей книге мы рассматриваем «исключения из правил» — переходные языковые единицы, занимающие промежуточное положение между лексикой и грамматикой, между разными грамматическими уровнями, отличающиеся некомпозициональностью содержания и непрозрачностью формы, не вписы-

вающиеся в традиционные лингвистические классификации. Причиной появления таких переходных единиц, на наш взгляд, является процесс идиоматизации, который не ограничивается уровнем лексики, а распространяется на все языковые уровни и может привести и к образованию фразеологизма, и к созданию грамматического правила.

Итак, два исходных теоретических положения: проницаемость границ (нет четкой границы между лексикой и грамматикой) и грамматикализация, под которой понимается процесс, ведущий от лексемы к грамматическому показателю. Возникновение и развитие синтаксической фраземы — это один из этапов грамматикализации, другими словами, синтаксическая фразема проходит путь от свободной синтаксической конструкции к идиоме.

Н. Ю. Шведова сформулировала основные принципы описания подобных конструкций: «<...> единственно возможный метод изучения таких конструкций: их двусторонний анализ, описание как лежащей в их основе грамматической схемы, так и тех словесных рамок, которыми эта схема ограничена» [9].

Влияние идиоматизации на формальную структуру может проявляться в различного рода синтаксических «неправильностях» или запретах на различные модификации и трансформации (см. [10; 11]). Ср.: *Пить так пить!* — синтаксическая структура полностью нарушена. *Муж и жена — одна сатана* не имеет модально-временной парадигмы (**Муж и жена были/будут одной сатаной*).

Идиоматизация синтаксических конструкций бывает разной степени: может приводить к полной связанности или оставлять какие-то компоненты свободными. Так, предложение *Я тебе почи-таю!* является примером **полной синтаксической фраземы**, поскольку «запретительная» семантика конструкции не извлекается ни из одного ее элемента.

В данной работе объектом анализа являются **полуфраземы**, где один из компонентов жестко закреплён, а другой допускает вариативность.

Как уже отмечали современные исследователи, многие синтаксические конструкции литературного языка в разговорной речи подвергаются редукции и фразеологизации [12; 13]. Именно редукция в таких конструкциях приводит к грамматикализации и идиоматизации. При этом общий объем информации, выражаемый са-

мостоятельной синтаксической единицей, стремится остаться постоянным, хотя форма выражения может меняться. Изначально композиционное содержание высказывания, эксплицитно представленное синтаксически связанными лексемами, в результате редукции каких-либо элементов может быть частично делегировано всей конструкции, превращая последнюю в синтаксическую фразему.

В качестве примера подобного процесса можно рассмотреть оборот *кто/что попало*. Статус данного оборота в лингвистике однозначно не определен. Так, в некоторых словарях дается помета *мест.* [14], в других сообщается, что это «цельное по смыслу выражение. Не требует постановки знаков препинания» [15], этот оборот включается и во фразеологические словари [16]. Этот разброс трактовок еще раз свидетельствует о том, что нет четкой границы между лексикой и грамматикой. Неслучайно Я. Г. Тестелец считает, что компонент «попало» — это своего рода суффикс, аналогичный «-то» или «-нибудь», а вся конструкция является эквивалентом неопределенного местоимения [17]. В связи с этим возникает вопрос о том, как исходная глагольная форма превратилась в «суффикс».

Представляется, что эта синтаксическая полуфраза — результат нескольких длительных процессов. Одним из них является процесс редукции сложноподчиненного предложения. Сравним несколько примеров (здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка: <http://ruscorpora.ru>):

*Ревность ворвалась, как река, и разорвала все плотины и увлекла с собой и его и с ним все, **что попало** в этот поток* [И. А. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене (1875)]; *Фотографирование проводилось автоматически через каждые 75 секунд, фиксируя все, **что попало** в видимость прожекторов.* [Василий Дмитриев. А все-таки, как же с Несси? // «Техника — молодежи», 1976]. В этих двух предложениях реализована исходная синтаксическая конструкция сложноподчиненного предложения, в которых опорное местоимение в главной части вербально не выражено, но легко может быть восстановлено: *увлекало за собой все то, что попало в этот поток; фиксируя все то, что попало в видимость.* Здесь компонент *попало* является полнозначным глаголом, обладает морфологическими (форма прош. вр. ср. р.) и синтаксическими

свойствами (управляет зависимым словом), выполняет функцию предиката в придаточной части сложного предложения.

*Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, **что попало**, а остальные подхватывают хором* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]. В этом и подобных примерах компонент *попало* утратил способность к управлению зависимым словом, а сочетание *что попало* встраивается в однородный ряд: (*начинают говорить*) *стихи, что попало* (т. е. *неважно что, всякую ерунду*), тем самым теряет предикатную роль, а приобретает роль объекта. Этот компонент застывает в одной форме, утрачивает способность к формоизменению, к синтаксическому «согласованию». Ср.: *Он взял те вещи, какие попали под руку — Он взял какие попало вещи.*

Итак, редукция (а именно утрата опорного местоимения/существительного и глагольного управления) приводит к образованию синтаксической фраземы, при этом наблюдается изменение не только морфологических и синтаксических свойств компонента **попало**, но и его лексического значения. Ср.: *Попасть: ‘2. Оказаться, очутиться к каком-н. месте, положении, обстоятельствах (обычно случайно, неожиданно)’.* Застывшая форма *попало* утратила значение действия и приобрела значение объекта безразличного выбора (Что угодно, безразлично что; все подряд).

Второй процесс — процесс кристаллизации синтаксической структуры вокруг лексической единицы в застывшей форме (*попало*), часто употребляемой в смещенном значении, причем эта лексема является неотъемлемой частью синтаксической фраземы. А второй компонент вариативен: в его роли могут выступать все просительные-относительные местоимения:

- мест.-сущ. в разных предложно-падежных формах:

Кто попало приговаривает к смертной казни кого попало за что попало [В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000]; *Потрясая недаром украденным ножом, срываясь со скользких уступов, цепляясь за **что попало**, иногда ползя на коленях, он стремился к столбам* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)].

- мест.-прилагательные в разных предложно-падежных формах:

*Я могу надеть **какие попало** джинсы, кое-как собрать волосы в хвост, но белье и духи все равно выбираю полчаса как минимум* [А. Карабаш. La perla, или мало ли что? (2002) // «Домовой», 2002.06.04].

- мест.-наречия:

Все делалось в спешке, мы не складывали дрова, а швыряли их с платформ как попало, громоздя кучами [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)]; *У меня была идея — рвануть отсюда, куда попало* [С. Довлатов. Заповедник (1983)].

Интересна статистика, которую приводит Национальный корпус русского языка: фраза *куда попало* впервые зафиксирована в 1802 г., *что попало* — с 1812 г., а *сколько/откуда/какой/кто попало* только с конца XIX века. Любопытен первый пример с *кто попало*, так как фраза включает в себя сразу два местоименных компонента:

Нашалившись досыта, усталые девицы, через силу переводя дух, расселись по лавкам, где кто попало [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)].

Эта статистика свидетельствует, что фраза «мест.+попало» появилась в начале XIX века, постепенно расширяя список местоимений. И несмотря на то, что «кто попало» зафиксировано позже, чем «где попало», все-таки следует учитывать, что эти фраземы сначала закрепились в разговорной речи, а только потом стали функционировать в художественных текстах. К тому же, Национальный корпус зафиксировал не все произведения художественной литературы XIX в. Полагаем, что оборот **что/кто попало** — это результат редукции СПП, где попало и пр. появились по аналогии, т. к. у них не было исходного СПП. Другими словами, видимо, сначала появились «что попало» и т. п. с мест.-существительными, затем оборот перестал быть нормальной предикативной единицей, глагол оторвался от парадигмы и появилась возможность использовать несогласуемые «где/куда» и т. п. Причем фраземы *где/куда попало* могут функционировать только при определенных глаголах с обязательной обстоятельственной валентностью: так, вполне естественно сказать *лежали где попало*, но сомнительно *слушали где попало*, глагол *слушать* с сильной объектной валентностью, скорее, будет функционировать с фраземой *кого попало*.

Расширение круга переменных местоимений при застывшей форме *попало*, утратившей предикатную функцию, привело к тому, что данная полуфраза в предложениях может выступать в разных синтаксических ролях: дополнения (*слушать кого попало*), определения (*каких попало вещей*), обстоятельства (*бродить где попало*).

Как уже отмечалось, Я. Г. Тестелец считает оборот с *попало* эквивалентом неопределенного местоимения. И действительно, в ряде случаев данная фраза имеет значение неопределенности: —

*Что я должен сказать? — Говори, что **попало**. Слова не имеют значения* [С. Довлатов. Чемодан (1986)]. Говори что попало = говори что-нибудь.

Но чаще значение фраземы не сводится к неопределенности, синонимическая замена на неопределенное местоимение не всегда корректна. В таких случаях значение фраземы можно было бы сформулировать как значение безразличия, неважности выбора:

*У нее были любовники, **кто попало**: зубные врачи, парикмахеры, странствующие артисты и безбородые молодые офицеры в долгу* [Н. Д. Ахшарумов. Концы в воду (1872)]. Кто попало — безразлично кто, без разбора.

*Иногда не могу сдержаться, схвачу ее в охапку и целую **куда попало** — в шею, в щеки, в макушку, а она вырывается, мол, хватит, мама,пусти!* [М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010] — целую в любые места, без разбора.

*Каждый **норовил** ударить, горячились, барабанили кулаками **как попало*** [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]. Как попало = без разбору.

Вероятно, эта семантика безразличия послужила основой появления у данной фраземы негативной оценки, которая поддерживается контекстом:

*А вообще, «Стиляга» кому **попало** не отдается: только в хорошие руки* [Стиляга в гостях у «Марийской правды» (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.21]

*А когда нетворческий человек пытается творить, он заменяет акт творчества **чем попало** — чаще всего ничтожными домашними революциями* [Ю. Трифионов. Предварительные итоги (1970)].

Противопоставление кого попало «хорошим рукам», акта творчества чему попало с уточнением «ничтожным домашним революциям» позволяет понять негативно-оценочный компонент. Любопытно, что в одном контексте могут одновременно функционировать несколько фразем с разной смысловой нагрузкой. Так, пример: *Кто попало приговаривает к смертной казни кого попало за что попало* [В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000] не будет равен по смыслу предложению: *Кто-нибудь приговаривает к смертной казни кого-нибудь за что-нибудь*. При такой трансформации происходит существенная смысловая утрата, нивелируется авторское отношение к сообщаемой информации. *Кто попало* можно интерпретировать как «не имеющие морального права», *кого попало* можно трактовать как «любого попавшегося под руку, без разбора», *за что попало* — «за малейшую провинность».

Итак, сочетание *мест.+попало* — это лексическая единица или грамматическая? Однозначного ответа нет. Нам представляется, что чем более частотной и невариативной является фразема, тем больше вероятность ее фиксации в Словаре (клише, лексическая фразема); чем она менее частотна и более вариативна, тем больше вероятность ее фиксации в Грамматике (синтаксическая фразема). В нашем случае есть вариативность первого компонента со всей парадигмой формоизменения, возможность различной смысловой интерпретации в тексте в зависимости от прагматики, что говорит в пользу синтаксической фраземы.

Примечания

1. Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.
2. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
3. Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
4. Шмелев Д. Н. О связанных синтаксических конструкциях в русском языке // Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 411–438.
5. Fillmore Ch. J. & Kay P. Construction Grammar Coursebook. University of California at Berkeley Department of linguistics. 1993.
6. Кустова Г. И. Прагматические факторы в редуцированных конструкциях: квазирелятивы типа *что хочешь* // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2015. № 5. С. 122–131.
7. Mel'čuk I. A. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. M. Everaert, E. J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder (eds.), Idioms: Structural and Psychological Perspectives, Hillsdale, New Jersey, Hove, UK. P. 167–232.
8. Коптев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М. 2016.
9. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 100.
10. Аничков И. Е. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997. С. 101–145.
11. Добровольский Д. О. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 39–61.
12. Кустова Г. И. Указ. соч.
13. Тестелец Я. Г., Былинина Е. Г. Новые неопределенные местоимения в русском языке // XXXIII Международная филологическая конференция. Вып. 25: Секция прикладной и математической лингвистики. Т. I. СПб. 2004. С. 40–45.
14. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2000.
15. Пахомов В. М., Свинцов В. В., Филатова И. В. Трудные случаи русской пунктуации: словарь-справочник. М., 2012.
16. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
17. Тестелец Я. Г., Былинина Е. Г. Указ. соч.

Between lexicon and grammar: the question of the status of semiphraseme

The article is an attempt to determine the status of linguistic units that mediate between lexis and grammar. They also include syntax that N. Shvedova called “phraseologized constructions”. There’s no definite nomination for this term. Different authors use the terms “sentences of phraseologized structure”, “phraseo-schemes”, “formal structures”, “kvazi relatives”, “syntax phrazeme” and others. Syntax phrazemes do not fit into traditional syntactic classification and therefore require special consideration. As a reason for the introduction of these transitional units the author suggests the process of idiomaticisation that affects not only lexis but all language levels and can lead both to the phraseological unit formation and the grammar rule creation. The more frequent and less variative phraseme is, the more likely it is to see it fixed in a dictionary (as a cliché or lexical phrase). The less frequent and more variative phraseme is, the more likely it is to see it fixed in a grammar rule (syntax phraseme).

The author considers the process of converting a full complex sentence into syntactic phrasal units, for example, the pronoun+попало. The introduction and development of syntax phraseme is considered as one of the stages of grammaticalisation. The verb loses its properties (the paradigm of deformation, the ability to control grammar, predicate function).

Keywords: idiomaticisation, phraseological, grammaticalisation, syntactic phraseme, semiphraseme, reduction.

© **Томмола Ханну**

Университет Тампере (Финляндия);

УрФУ, г. Екатеринбург

В самом деле? Что происходит на самом деле?

Дискурсивные слова на рубеже семантики и прагматики¹

Статья посвящена проблемам дискурсивных слов в связи с переводом их с одного языка на другой — в нашем случае с русского языка на финский. В первой части обсуждается теоретический статус прагматически значимых лексем (слов и словосочетаний), для которых трудно определить конкретное лексическое значение. Здесь приводятся некоторые концепции, предложенные для выяснения понятия дискурсивных слов и отграничения их от других прагматических лексических единиц, таких как модальные и дискурсивные частицы. Терминологически наиболее важно, пожалуй, делать различие между дискурсивными словами и дискурсивными частицами, одним из центральных понятий в рамках конверсационного анализа. Во второй части излагаются результаты проведенного исследования представленности соответствий русских дискурсивных слов *в самом деле* и *на самом деле* в финских переводах русской художественной прозы. Оказывается, что значения распределения финских соответствий обоих русских дискурсивных слов значительно расходятся. Кроме того, и данные Национального корпуса русского языка

¹ Исследование выполнено при поддержке программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

показывают, что в своей сочетаемости дискурсивные слова *в самом деле и на самом деле* являются достаточно самостоятельными.

Ключевые слова: действительность, лексическое значение, модальность, перевод, служебные слова, частица, часть речи.

Согласно К. Л. Киселевой [1], термин **дискурсивные слова** (*mots de discours*) впервые встречается у Освальда Дюкро [2] «для обозначения единиц различной категориальной принадлежности, играющих существенную роль в организации дискурса». Термин и соответствующее понятие получили дальнейшую разработку в работах Антуана Кюлиоли [3], который, опираясь на теории Эмиля Бенвениста, развивал свою модель лингвистики высказывания (*linguistique de l'énonciation*). В русском языкознании теория дискурсивных слов (далее — ДС) [4] находила применение в ряде коллективных монографий в 1990-е годы [5]. Как «ближайший русский эквивалент этого термина» авторы первого русского труда на эту тему обсуждали «служебные слова», который, однако, оказывается «неполным и неточным» [6].

1. ДС vs. разные частицы: терминологические изыскания

Еще В. В. Виноградов в своей классической грамматике [7] разбирал основательно такие группировки слов как, в частности, модальные слова и модальные частицы; им также предложена функциональная классификация с двенадцатью классами. Но исследование разговорной речи долгое время было в советской России чем-то вроде табу, а анализ разговора оставался чуть ли не *terra incognita* [8]. Русские лингвисты, приступая к изучению лексических единиц, которые они считали важными с точки зрения структурирования дискурса, подчеркивали разницу между ДС (из которых многие являются традиционными наречиями или частицами) и теми более или менее энклитическими частицами, которые в русской грамматической традиции так и принято называть частицами (*ведь, же*). Авторы признавали, что ДС имеют много общего с модальными частицами. В то же время они подчеркивали, что не все частицы относятся к ДС; с другой стороны, многие из ДС принадлежат к другим частям речи [9]. Как бы мы ни называли эти слова, выделение и анализирование функциональной группы этих слов, на мой взгляд, целесообразно и интересно [10].

Как отмечалось в работе [11], посвященной словам *просто* и *прямо*, в традиции конверсационного анализа принято выделять как

дискурсивные частицы слова разных частей речи, встречающиеся в неформальном устном общении в разных функциях организации разговора. Слова и выражения, объединяемые под термином дискурсивные **слова**, отличаются от дискурсивных («прагматических») **частиц** тем, что последние обычно являются семантически «пустыми», тогда как лексическое значение ДС, пусть весьма общее, но все равно можно выделить (хотя оно часто не входит в пропозициональное значение высказывания). Под дискурсивными частицами обычно подразумевают семантически пустые или почти пустые слова, свойственные разговорному языку. Эти союзы и полусоюзы, а также слова других частей речи обладают прагматическими функциями и выполняют в устном дискурсе роли сигнализации начала реплики (*mutta* ‘но’, *niin* ‘так’, *joo* ‘да’, *no* ‘ну’), установления контакта с собеседниками (*kato* ‘смотри’, *kuule* ‘(по)слушай’) или для обеспечения обратной связи (*aha* ‘ага, вот так, так вот’).

В финском лингвистическом анализе разговора использовались разные термины, в т. ч. *дискурсивные* или *прагматические частицы* и *дискурсивные маркеры* [12]. Айно Кярня как германист изучала прагматическое нюансирование в сопоставительном плане и называла объект своего исследования по-фински *sävytyspartikkelit* и по-немецки *Abtönungspartikel* [13].

А. Кярня [14] усматривает разницу между сентенциональными наречиями и дискурсивными частицами в том, что первые нюансируют эксплицитно: *varmaan* ‘наверно’, *luultavasti* ‘вероятно’, *onneksi* ‘к счастью’ и др., тогда как последние часто имплицитны, напр. финск. *kai* ‘пожалуй’. К последним следовало бы также отнести *tuka* ‘якобы, де, мол’, первоначально эвиденциальный маркер (квотации), предупреждающий о неполной достоверности сообщаемого. Трудно переводимы клитические частицы финского языка (напр. *-han/-hän* ‘ведь, же’), а одним словом и без контекста их вообще невозможно перевести. Здесь надо толковать содержание понятий эксплицитно и имплицитно на основе свойств данных наречий и частиц, т. е. говоря о словах первой группы, можно еще как-то определить одно основное значение, тогда как во второй группе вряд ли можно говорить о единой лексической семантике.

Граница между группами, однако, весьма скользящая. Общим для всех является то, что они сигнализируют реакцию на реплику

одного из собеседников или же говорящий маркирует с их помощью свое отношение к сказанному. Часто отмечается, что прагматические частицы традиционно рассматриваются как ненужные «слова-паразиты». Но если они и не обладают денотативным значением, зато благодаря им слушающий имеет возможность приблизительно представить себе, как говорящий относится к (денотативному) содержанию высказывания.

С типологической точки зрения заслуживает внимания и предложенная в *Большой грамматике финского языка* инновативная классификация частиц. Если в традиционных грамматиках класс «частиц» нередко используют как «остаточную часть речи», в которую «сваливают» слова, принадлежность которых ни к одному из классов не удастся установить, и подробное описание разных типов слов в этой «свалочной» категории отсутствует, то в этой грамматике частицы определяются по достаточно четким критериям: они 1) синтаксически факультативные; 2) не подвергаются вопросам, отрицанию или фокусированию; 3) не выступают в функции вершины группы и не приобретают дополнения или определения; 4) не выступают в функции определений, а являются примыкающими «спутниками»; 5) не склоняются; 6) отличаются в своей просодии от слов остальных частей речи: одни могут приобретать просодический характер, свойственный всей фразе, другие вообще безударные [15]. Классификация и описание в этой грамматике не лишены противоречий, но имеют ряд преимуществ. В частности, все ДС и словосочетания, выделенные Барановым и др. [16], можно уместить в одну или несколько разных (в зависимости функции) групп частиц, предложенных в *Большой грамматике финского языка*.

2. Дискурсивные слова «отношения к действительности» в финском и русском языках

Более конкретной целью настоящей статьи поставлена иллюстрация тонких различий в функциях членов синонимического ряда, а предметом примерного анализа — сопоставление употребления русских ДС группы «действительно» с их соответствиями в финском языке. Вслед за Барановым и др. я применял концепцию ДС в работе [17], в которой были проанализированы шведские слова («синонимический ряд») с общим значением «отношения к действительности». Правда, в статье, написанной на шведском языке, я

пользовался шведским термином *attitydord* 'аттитюдные, позиционные слова'. Безусловно, все слова данной группы (*действительно, в действительности, в самом деле, на самом деле*) так или иначе выражают отношение говорящего либо к сказанному ранее, либо иначе предусмотренному в момент речи. Если же рассмотреть весь корпус самых разных частиц, союзов и наречий, которые рассматриваются в работах русских лингвистов о ДС, тогда термин «позиционные слова» может оказаться слишком узким.

Из проанализированных в книге Баранова и др. [18] четырех дискурсивных единиц (ДС) в группе «отношение к действительности» *действительно* и *в самом деле* более или менее синонимичны. Кроме того, функции выражения *в действительности* совпадают с двумя из функций сочетания *на самом деле*, см. примеры (2а) и (2в). Поэтому при рассмотрении различий между ДС данной группы можно условно забыть о первых единицах в этих парах и сосредоточиться на остальных двух (*в самом деле* и *на самом деле*).

ДС *в самом деле* и *на самом деле* встречаются оба в четырех функциях, из которых (1г) и (2г) совпадают и не нуждаются в обсуждении в рамках данной статьи.

(1) *В самом деле* выражает:

а. подтверждение (финск. *todellakin/-kaan* 'действительно', 'правда');

б. удивление (финск. *ihanko totta?* 'действительно?', 'неужели?');¹

в. **досада, раздражение** (финск. *totta tosiaan!* 'действительно', 'правда');

г. нетерпение после призыва, требования (*ihan totta!* 'действительно').

(2) *На самом деле* выражает:

а. подтверждение (**невероятного**) предположения (*todella(-kin/-kaan)* 'фактически', 'действительно');

б. **противопоставление** к чему-л. только предполагаемому — (*todella* 'в действительности');

в. контраст, противоречие с предположением (*todellisuudessa, itse asiassa* 'в действительности').

г. = (1) г.

Когда *в самом деле* и *на самом деле* не синонимичны, они очевидно имеют различную прагматическую функцию: употребляя

¹ Формально это вопрос: переспрос, как будто требующий подтверждения.

первое (*в самом деле*), говорящий выражает или хочет получить подтверждение какому-либо утверждению о положении дел. Второе же (*на самом деле*) употребляется в контрастной функции, чтобы противопоставить другое мнение предполагаемому утверждению. Представляется, что даже при приблизительной синонимии (случаи (1а) и (2а), может быть, также (1г) и (2г)) они могут отличаться друг от друга тем, что подразумевают разного рода пресуппозиции.

Прототипическое финское ДС с этим значением *todella* с первого взгляда может показаться «универсальным»: например, Стандартный словарь финского языка указывает на то, что слово употребляется в качестве «подтверждения» [19]. Финское же слово *vahvistus* ‘подтверждение’ имеет оба значения: ‘подтверждение’ и ‘укрепление, интенсификация’. Поэтому и *todella* ‘действительно’ имеет как значение «идентификации истинности», так и значение «интенсификации свойства»; впрочем, так обстоит дело и в русском языке (*она действительно съездила в Косово* vs. *она действительно красива*). В разных других языках наблюдалась эволюция имен прилагательных со значением ‘истинный’ (например, англ. *real*) и ‘подлинный’ (словацк. *eht*), ведущая к употреблению этих слов не только в качестве показателя подтверждения истинности, а также в качестве показателя высокой степени свойства [20].

Анализ употребления ДС «отношения к действительности» в тамперском Параллельном корпусе переводов русской литературы на финский язык [21] показал некоторые небезынтересные факты. Таблица 1 и Схема 1 показывают, во-первых, что *в самом деле* в корпусе встречается в четыре раза чаще, чем *на самом деле*. Во-вторых, в большинстве случаев *в самом деле* переведено финским эквивалентом, который образован от имени (в современном языке прилагательного) *tosi* ‘истинный’. *Todella* и *tosiaan* (в ряде случаев также в сочетании с слитной энклитической частицей с прагматическим значением ‘и, даже’) занимают больше половины всех переводов в корпусе, а из употреблений ДС *в самом деле* эти два слова вместе покрывают почти две трети (63 %) всех переводов.

Таблица 1.

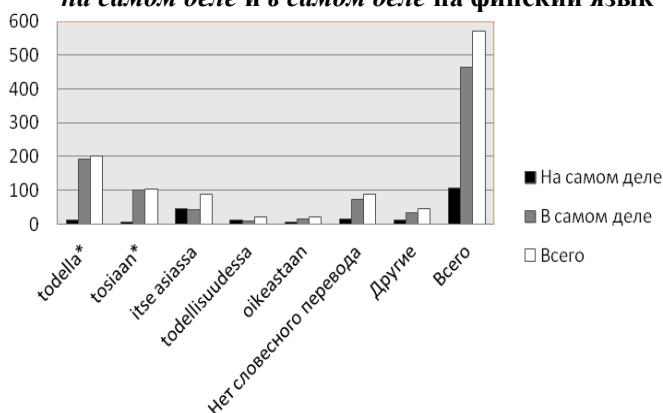
**Распределение переводов русских ДС
на самом деле и в самом деле на финский язык**

Финское соответствие	На самом деле		В самом деле		Всего
	Σ	%	Σ	%	
<i>todella*</i>	11	10,3	192	41,4	203
<i>tosiaan*</i>	5	4,7	100	21,6	105
<i>itse asiassa</i>	46	43,0	42	9,1	88
<i>todellisuudessa</i>	12	11,2	9	1,9	21
<i>oikeastaan</i>	5	4,7	15	3,2	20
Нет словесного перевода	15	14,0	72	15,5	87
Другие	13	12,1	34	7,3	47
Всего	107	100,0	464	100,0	571

* Включены также формы с энклитической частицей *-kin* и (в отрицательном предложении) *-kaan/-kään* с общим значением 'и'.

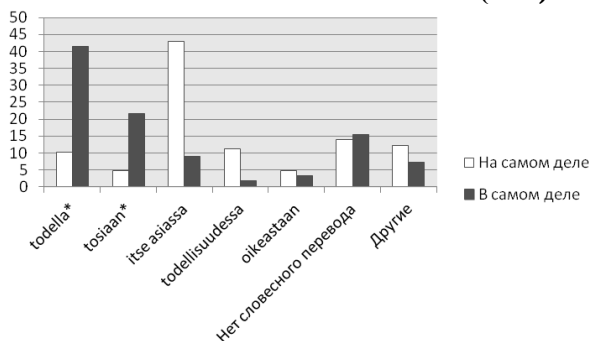
Схема 1.

**Распределение переводов русских ДС
на самом деле и в самом деле на финский язык**

Поскольку встречаемость ДС *в самом деле* в корпусе намного больше частотности ДС *на самом деле*, распределение их в качестве источника разных переводческих соответствий нагляднее явствует из Схемы 2, в которой данные значения выражены в процентах для каждого типа соответствия отдельно.

Соответствия в финских переводах русским ДС на самом деле и в самом деле (в %)

Далее можно констатировать, что в качестве перевода ДС *на самом деле* явно преобладает *itse asiassa*, и вместе с *todellisuudessa* 'в действительности' эти два финских ДС покрывают 54 % всех употреблений, тогда как их общая встречаемость в качестве перевода ДС *в самом деле* составляет лишь 11 %. Эти цифры уже дают некоторое право утверждать, что главное различие между *на самом деле* и *в самом деле* сводится к противопоставлению «контраст → ← подтверждение». Кроме того, подробный анализ путем внимательного чтения (*close reading*) переводов позволяет обнаружить, что во многих случаях, когда в переводе употребляется, например, *todella* как соответствие *на самом деле* (а таких случаев все-таки 10 %), столь же обоснованным или даже более уместным оказывается и здесь перевод *itse asiassa*. Обращение к ДС, на самом деле, небанально, хотя может показаться мелочью, в самом деле. В подтверждение достаточно радикального функционального расхождения ДС «отношения к действительности» можно привести следующее наблюдение. В определенных контекстах большей вероятностью выбирается только один из вариантов. Данные Национального корпуса русского языка подтверждают, что фраза *что происходит* сочетается исключительно с *на самом деле* (*Что происходит на самом деле* дает 138 000 вхождений vs. *Что происходит, в самом деле* — одно вхождение, и с запятой).

Примечания

1. Киселева К. Л. Инвариантное и вариативное в семантике дискурсивных слов: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. РГБ ОД, 61:96-10/123-8.

2. *Ducrot O. Les mots de discours. Paris, 1980.*
3. См., например: *Culioli A. Pour une linguistique de l'énonciation: opérations et représentations. Tome 1. L'homme dans la langue. Paris, 1991.*
4. В дальнейшем буду использоваться сокращением ДС, независимо от того, имеется в виду однословная дискурсивная единица (напр. *действительно*), или единица длиннее одного слова (напр. *в самом деле*).
5. *Баранов А. Н., Плузьян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993; Киселева К. Л. и Пайяр Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.*
6. *Баранов А. Н. и др. Указ соч. С. 7.*
7. *Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Издание третье, исправленное. Москва, [1947] 1986.*
8. Пионерскими в изучении разговорной речи можно считать работы Елены Андреевны Земской, которая еще в 1970-е гг. занималась речевым материалом из принужденных разговоров. Следует также напомнить, что в начале 1990-х гг. она выпустила вместе с Д. Н. Шмелевым бестселлер по прагматике русского языка, правда, только сборник статей: Земская Е. А. и Шмелев Д. Н. (ред.). *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.*
9. *Баранов А. Н. и др. Указ. соч. С. 7.* Собственно дискурсивные **частицы** мало изучены на русском разговорном материале, но, например, в финской русистике заинтересовались конверсационным анализом в 1980-х гг., см., напр., следующие работы: *Долгов Игорь и Лейнонен Марья. Употребление частицы вот в русской разговорной речи // Scando-Slavica 1988. № 34. С. 122–146; Долгов Игорь. Функционирование частицы же в русской разговорной речи // Slavica Tamperensia I. Tampere, 1992. С. 93–109; Multisilta Teija. Pragmatic Particles NU i VOT in Spoken Russian // Wärvik, Brita & Sanna-Kaisa Tanskanen & Risto Hiltunen (eds), Organization in discourse: proceedings from the Turku conference. Anglicana Turkuensia, 14. Turku, 1995; Пауккери Пиркко. Реципиент в русском разговоре: о распределении функций между ответами да, ну и так [Электронный ресурс] // Slavica Helsingiensia. 2006. № 28. URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/slavi/vk/paukkeri/recipient.pdf> (дата обращения: 20.05.2016).*
10. Всестороннее, подробное описание некоторых русских ДС предлагается в работах: *Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1–3. М., 1997, 2000, 2003 [2-е исправл. и допол. изд. 2004 в серии Studia Philologica, Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 60. Москва & Вена. LXVIII].*
11. *Томмола Ханну. Прямо прямо идет, а с нею не разминешься* (о статусе дискурсивных слов и частиц) // Lindstedt, Jouko & al. (ред.), С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday [Электронный ресурс] // Slavica Helsingiensia. 2008. № 35. Helsinki. С. 410–420. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh35/pdf/36.pdf> (дата обращения: 20.05.2016). В более полной, сопоставительной версии *просто* и *прямо* рассматривались на финском языке в работе: *Tommola Hannu. Ihän vain jora suoraan. Partikkeleista ja diskurssisanoista kontrastiivisesti (venäjän prosto ja prjamo) // Lehtinen, Esa & Niemelä, Nina (eds). VAKKI XXVI. Vaasa 11–12.02.2006. (LSP and Theory of Translation. 26th VAKKI Symposium). Publications of the Research Group for the Theory of translation, LSP and Multilingualism at the University of Vaasa, 33. Vaasa, 2006. С. 307–318.*

12. См., например, работы: *Hakulinen Auli & Sorjonen Marja-Leena & Suojala Marja*. Partikkelit ja muut kiteymät vuoroissa // Hakulinen Auli (ed.). Suomalaisen keskustelun keinoja 1. Kieli, 4. Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. Helsinki: Helsingin yliopisto (1990²). C. 116; *Tiittula Liisa*. *Puhuva kieli: suullisen viestinnän erityispiirteitä*. Helsinki: Finn Lectura, 1992. C. 60–63; *Saari Mirja*. Diskurspartiklar i sociokulturell belysning // Jörgensen Nils & Platzack Christer & Svensson Jan (eds), *Språkbruk, grammatik och språkförändring*. En festskrift till Ulf Teleman 13.01.1994. Lund: Lunds universitet, 1994. C. 65–74.

13. *Kärnä Aino*. Sävytyksen ilmaiseminen kontrastiivisen kielentutkimuksen valossa // Korimo-Girod, Nina (ed.). Kontrastiivinen tarkastelu kääntäjän apuna. Publications du Département des Langues Romanes, 12. Helsinki, 1997. C. 21, 30. См. также понятие *Gesprächswörter* ‘слова разговора’ в работе: *Henne H.* *Gesprächswörter* // Henne H. & al. (eds), *Interdisziplinäres deutsches Wörterbuch in der Diskussion. Sprache der Gegenwart*, XLV. Düsseldorf, 1978. C. 46. По-немецки встречаются также термины *Modalpartikel* и *Modalwörter*, а также *Schaltwörter* ‘слова переключения’, особенно когда рассматриваются русские т. наз. *вводные слова*, см. Hinrichs Uwe. Die sogenannten „Vvodnye Slova“ (Schaltwörter / Modalwörter) im Russischen: eine sagenanalytische Untersuchung. Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Bd. 53. Berlin, 1983.

14. *Kärnä Aino*. Op. cit. C. 21.

15. *Hakulinen Auli & Vilkkumä Maria & Korhonen Riitta & Koivisto Vesa & Heinonen Tarja Riitta & Alho Irja*. Iso suomen kielioppi. Helsinki: SKS, 2004. № 8. C. 770–771.

16. *Баранов А. Н. и др.* Указ. соч.

17. *Tommola Hannu*. Attitydord: Verkligen i diskurs och i ordbok // Niemikorpi, Antero (ed.), *Matkalla kielestä kieleen*. Juhlakirja Rune Ingon 60-vuotispäiväksi. Acta Wasaensia, 63. Kielitiede, 13. Universitas Wasaensis, Vaasa, 1998. C. 207–221.

18. *Баранов А. Н. и др.* Указ. соч. C. 76–104.

19. Kotimaisten kielten keskus 2016. Kielitoimiston sanakirja. Helsinki [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kielitoimistonsanakirja.fi/netmot.exe?motportal=80> (дата обращения: 20.05.2016).

20. См. работы: *Lindström Jan*. Truth identifiers, intensifiers and reduplication // Haukioja Timo (ed.), *Papers from the 16th Scandinavian Conference of Linguistics*, Turku/Åbo November 14–16, 1996. Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku, 60. Turku, 1998; *Томмола Ханну*. «Он очень даже женат!» Абсолютные и относительные признаки // *Jazykovědný aktualita*. Informativní zpravodaj českých jazykovědců, roč. XXXV; Zvláštní číslo. Praha, 1998. C. 70–75.

21. ParRus = Russian-Finnish parallel corpus of literary texts compiled by Mihail Mihailov, Univ. of Tampere, School of Languages, Translation and Literary Studies. URL: <https://mustikka.uta.fi/corpora/> (дата обращения: 23.05.2016).

Really? What is actually going on?

Discourse words in between semantics and pragmatics

This paper is devoted to the problem of so-called discourse words. The first part is a survey, presenting some theoretic concepts, suggested by a number of linguists to define the status of lexical units (consisting of one or more words) that are felt to be pragmatically significant, even if they seem to lack a lexical meaning. The second part is com-

prised by a brief report of a contrastive investigation into the Russian discourse words *v samom dele* 'really' and *na samom dele* 'actually', and their Finnish equivalents in a parallel corpus of Russian fiction texts and their translations into Finnish (ParRus located in Tampere). The results show that the two Russian lexemes are rendered with a number of different Finnish discourse words in the Finnish translations, while the distribution of *v samom dele* and *na samom dele* are radically different. The result is corroborated also by a collocation test using the data of the National corpus of the Russian language.

Keywords: grammatical words, lexical meaning, modality, particle, parts of speech, reality, translation.

© О. А. Турбина
ЮУрГУ, г. Челябинск

Языковая политика и языковое творчество в период формирования национального литературного языка: XVI–XVII вв., Франция

Статья написана на основе проведенного автором исследования процессов формирования французского классического языка (XVII в.) и посвящена изучению влияния языковой политики на языковое творчество французских писателей-классиков. Автор отмечает, что процессы формирования французского национального литературного языка отражают процессы формирования французского национального сознания и важнейшей его составляющей — французского национального языкового сознания. В статье приводятся определения категорий и форм языкового сознания, определяющих его структуру и оказывающих влияние на национальный язык вообще и на язык художественной литературы в частности. В статье показано, что языковая политика и языковое творчество французских писателей-классиков в XVII в. определяются господствующим философско-эстетическим мировоззрением, уникальность которого состоит в том, что оно складывается из двух противоположных направлений — барокко и классицизма, взаимодействие которых формирует лингвистический идеал, который, наряду с нормализаторской деятельностью, был одним из наиважнейших факторов, определявших языковую политику и питавших языковое творчество.

Ключевые слова: французский национальный литературный язык, национальное языковое сознание, категории и формы языкового сознания, языковая политика, языковое творчество, логический синтаксис, эмотивный синтаксис.

Франция XVI–XVII вв. представляет для лингвистических исследований уникальный материал, позволяющий изучить не только сами процессы формирования национального литературного языка, но и то влияние, которое оказывают на эти процессы социокультурные явления и философско-эстетические воззрения, а иногда, как в данном случае, непосредственно управляют ими. Высокая степень очевидности взаимодействия интра- и экстралингвистиче-

ских событий во Франции в этот период наглядно показывает, что формирование национального литературного языка неразрывно связано с формированием национального языкового сознания и предоставляет возможность для изучения его структуры.

Структура языкового сознания определяется его категориями и формами. Категории языкового сознания по своему характеру делятся на а) онтологические, обращенные в мир, и б) непосредственно соотносимые с речевым поведением — речеобразующие, или речеповеденческие. К наиболее общим онтологическим категориям, различным образом выражающимся в системах конкретных языков, относятся категории материи, пространства, движения, причинности, случайности, возможности, необходимости и все понятийные категории. Речеобразующие категории языкового сознания составляют основу и необходимое условие жизни языка. Наиважнейшими из них являются система языка, узус, или система речи и норма, формирующиеся в процессе языкового бытия и языкового мышления. При формировании национального литературного языка особое значение приобретает категория нормы, когда ее регламентирующая функция заметно возрастает в силу обострения потребности в унификации и кодификации грамматических форм и конструкций, а также в силу необходимости сдерживать стихийные порывы языкового творчества, стимул к которому пробуждается в результате осознания роли национального языка в историко-культурном становлении нации. Основными формами национального языкового сознания являются языковая интуиция, языковое знание, языковая политика и языковое творчество. Их соотношение на различных этапах развития языка может существенно изменяться, поэтому анализ структуры языкового сознания того или иного языкового коллектива предполагает изучение соотношения этих форм внутри целого на определенном этапе развития, с одной стороны, и степень развития каждой из них — с другой.

Языковая интуиция охватывает тот уровень языкового бытия, который основывается на бессознательном владении языком. В период формирования национального литературного языка языковая интуиция базируется в накопленном опыте речевого поведения и приобретенных ранее знаниях о языке. Она является неременным условием и существенным фактором в развитии категорий и в становлении прочих форм языкового сознания.

Языковое знание охватывает комплекс приобретенных сознательными усилиями знаний о языке. По мере развития языкового знания они обретают все большую систематичность и складываются в науку. Этот процесс сопровождается расслоением языкового знания на обыденное и научное языкознание. В переломные исторические эпохи развития языка и нации языковое знание определяет основу языковой политики.

Языковая политика — это искусство управления языковыми процессами и речевым поведением. Она строится на языковых концепциях (их совокупность составляет *языковое мировоззрение*) и включает сеть учреждений, проводящих эту политику в жизнь: школы, университеты, научные и общественные организации и т. п. Языковая политика связана с социокультурным аспектом языкового сознания и способна оказывать существенное влияние на процессы формирования национального общественного сознания. Не менее заметна ее роль также в регулировании процессов развития языка в структурно-грамматическом аспекте, что особенно заметно в период формирования французского национального литературного языка, когда языковая политика складывается в соответствии с потребностями прокламации, регламентации и кодификации национального языка и становится одной из его ведущих креативных сил.

Другой не менее важной креативной силой языка является *языковое творчество*. Оно в большей степени, чем все прочие формы языкового сознания, связано с эстетическим сознанием, уровнем развития которого определяется языкотворческий процесс. Результаты языкового творчества более ощутимы и ценны в эпоху формирования национального литературного языка и языка художественной литературы, когда оно становится все более осознанным и подвластным лингвокреативной мысли. В этот период языковое творчество в большей степени подчинено принципу художественности и черпает вдохновение в эстетическом мировоззрении, преломляемом языковым сознанием в *лингво-эстетические идеалы* — рече-языковые формы, построенные в соответствии с общепризнанными в данную эпоху канонами прекрасного. Поддерживаемые языковой политикой лингво-эстетические идеалы закрепляются в узусе, завоевывают норму и способны со временем укорениться в системе языка (разумеется, при условии непротиворечия основным тенденциям ее развития).

Языковая политика во Франции XVII в. определяется укреплением королевской власти, растущим самосознанием нации, философским мировоззрением эпохи и направлена на кодификацию, нормализацию и жесткую регламентацию французского языка. Это один из редких случаев в истории культуры, когда языковая политика возведена до уровня политики государства, когда все образованные слои общества — грамматисты, королевский двор, всегдашние модные светские салоны, философы и писатели — трудятся над созданием правил языка и работают над тем, чтобы им следовать. Так языковая политика и языковое творчество оказываются неразрывно связанными и в целом подчинены философско-эстетическому мировоззрению.

Философско-эстетические идеалы во Франции периода формирования национального литературного языка складываются в единстве и борьбе двух противоположных мировоззрений — барокко и классицизма — и победой в этой борьбе эстетики классицизма, триумф которого устанавливается почти на целое столетие (до последней трети XVIII в.). Поэтому, несмотря на то, что потребность в языковом творчестве в эпоху формирования французского национального литературного языка и языка национальной художественной литературы была достаточно высока, языковая политика, обращенная в первую очередь к процессам нормализации, подвергла языковое творчество раннего и зрелого классического периода жесткой регламентации. Созданная в середине 30-х гг. Французская Академия во главе с Шапленом первой из задач поставила — обуздать фантазию, создать единые для всех правила. С этого времени классицизм становится официальной доктриной Академии, стоящей в свою очередь на службе у государства. Это нашло отражение и в языке художественной литературы.

Для периода французской языковой классики характерно максимальное сближение, а в ряде случаев — совпадение норм общенационального языка и языка художественной литературы. По мнению современников (писателей и литературных критиков XVII в.), особая ценность литературного произведения в языковом отношении заключается в умении отразить общелитературные нормы и лингвистический идеал — образцовый узус. В комедиях Мольера говорят так, как говорят в парижских домах и на парижских улицах; в аристократических салонах трудятся над своей речью, затра-

чивая не меньшие усилия, чем писатели и поэты при создании своих произведений, — такова власть языковой политики эпохи, подчинившей себе языковое творчество в целом и осуществляющей контроль практически над всеми видами речевой деятельности, которая строилась по общему принципу: писать так, как говорят аристократы и образованные люди, говорить так, как пишут выдающиеся мастера слова и учат магистры языка.

Бытует мнение, что к 1660 г. сформировалась школа французского классицизма, во главе которой были «четыре великих классика», объединенные личной дружбой и общими взглядами на проблемы литературы и искусства — Мольер, Лафонтен, Буало и Расин.

Начнем с того, что особенной дружбы внутри четверки не было; иногда доходило даже до почти враждебного соперничества (например, между Расином и Мольером). Исключение составляет лишь дружба Расина и Буало, свидетельство которой мы находим в их переписке [1]¹. Однако общность во взглядах великих классиков действительно была, но это результат не совместной деятельности, а долгих споров, которые велись их предшественниками на протяжении всей первой половины XVII в. Все правила в различных литературных жанрах, которые постепенно начинают применяться без дискуссий великими классиками, были сформулированы до них, хотя в то время они были еще не общепринятыми, а их осуществление непоследовательным [2]. Заслуга французских классиков (Мольера, Лафонтена, Буало, Расина) в том, что они в числе первых и наиболее ярко сумели отразить эстетический идеал классицизма в своем творчестве. Каков же этот идеал в лингвистическом отношении?

В лингвистическом отношении главное требование классицизма сводится к следованию природному порядку слов: подлежащее (номинатив) — сказуемое (личный глагол) — дополнение (прямое или косвенное). Только такие фразы расценивались как правильные, изящные и красивые, что породило однообразие синтаксических конструкций в речи, включая тексты художественных произведений. Если перефразировать известное высказывание Буало о том, что Декарт убил поэзию, можно сказать, что классицизм пытался убить языковое творчество. Однако аргумент ясно, что любая попытка в этом направлении обречена. Французские классики потому и классики (и потому великие), что сумели преодолеть анта-

¹ См. также письма Расина Буало и письма Буало Расину [3].

гонизм разума (классицизм) и чувства (барокко) в условиях классицизма. Это удалось им на основе правила, которое все они считали одним из главных в деле любого творца. Это заимствованное классицизмом у барокко правило заключается в том, чтобы нравиться (читателю, слушателю, зрителю и т. д.).

Фраза с природным порядком слов, к которой стремились приверженцы классицизма, начиная с Малерба, хороша тем, что разумна (=логична); но если пользоваться только такими фразами, невозможно нравиться. Стремление французских писателей-классиков разнообразить языковые формы своих произведений дало толчок развитию эмотивного синтаксиса, оставаясь при этом в рамках эстетики классицизма. Поэтому формирование французского эмотивного синтаксиса оказывается под влиянием философско-эстетического мировоззрения эпохи, и главная его особенность заключается в ущербности (ограниченности и однообразии конструкций) и подчинении синтаксису логическому: поощрялся своего рода языковой конструктивизм, при котором особо высоко ценились языковое остроумие и изобретательность мастеров слова в плане использования конструкций и единиц эмотивно-нейтрального характера с целью повышения выразительности речи.

Итак, по своей природе связанный с чувственно-эмоциональной сферой, эмотивный синтаксис классической французской художественной литературы строится на эстетике барокко, подчиняясь ее принципам и используя ее приемы. Но по мере развития классицизма и в условиях устойчивой стабилизации системы логического (эмотивно-нейтрального) синтаксиса эмотивные структуры заметно видоизменяются, приспособляясь к классическим образцам.

Результатом государственной языковой политики во Франции в XVII в. и языкового творчества французских писателей-классиков стало то, что в последней четверти XVII в., в период зрелого классицизма и смутного барокко, французский логический синтаксис достиг высокой степени грамматизации и категоризации, а эмотивный синтаксис — высокой степени регулярности форм и конструкций.

Примечания

1. *Mongredien J.* La vie littéraire du XVIIe siècle. P., 1947. С. 135.
2. *Mongredien J.* Op. cit. С. 140–143.
3. *Oeuvres de Jean Racine.* P., 1829.

Language policy and language creativity in the period of forming the national literary language (XVI–XVII century, France)

The article is based on the analysis of the process of forming the classical French language. The article is devoted to the study of language policy impact on linguistic creativity of French classic authors. The process of forming the national literary language reflects French national consciousness and its main component — national language consciousness. The article gives the definitions of categories and forms of the language consciousness, they determine its structure and influence on the national language generally and on the fiction language particularly. The article shows that language policy and language creativity of French standard authors in XVII c. are determined by domination of philosophic-aesthetic worldview. Such worldview is unique as it consists of two opposite currents — Baroque and Classicism. Their interaction had formed linguistic ideal that was one of the most important factors that determined language policy and fed language creativity.

Keywords: French national literary language, national language consciousness, categories and forms of language consciousness, language policy, language creativity, logical syntax, emotive syntax.

© В. Д. Черняк

РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Синонимическая и идеографическая лексикография: динамика сближений¹

В статье в исторической перспективе рассматриваются способы лексикографического представления синонимов. Показано, что, начиная с первых опытов составления синонимических словарей, дискуссионным оставался вопрос о границах синонимии и о соотношении сходства и различия между словами-синонимами. При широком понимании синонимических связей описание синонимических рядов сближается с описанием более широких семантических объединений, в частности лексико-семантических групп. От широкого понимания синонимии в словарях инвентарного типа (словари Абрамова, Александровой) лексикографы приходят к необходимости строгого отграничения синонимов от гипонимических групп и других лексических парадигм. Подобный подход наблюдается и в любительской лексикографии. Развитие современного словарного дела демонстрирует и новые способы презентации разных типов семантических связей слов, и появление новых типов синонимических словарей, направленных на выявление подобных сближений. Синонимические словари тезаурусного типа позволяют осуществить точный лексический выбор, представляя разветвленные группировки, связанные общностью ядерных семантических компонентов. Подобный подход представляется пер-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

спективным как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку отвечает прагматическим запросам адресата.

Ключевые слова: синонимические словари, идеографические словари, лексические парадигмы, широкое и узкое понимание синонимов.

Многолетняя эффективная лексикографическая деятельность Людмилы Григорьевны Бабенко и руководимого ею коллектива подтверждает неразрывную связь теоретических и практических проблем идеографической лексикографии и проблем лексической синонимии и ее словарного описания. Почти полвека назад в небольшой книге «Идеографические словари» В. В. Морковкин процитировал звучащие вполне современно и сегодня слова П. М. Роже, определяющего прагматические цели «Тезауруса английских слов и выражений»: «...Какой бы живостью ни обладало наше воображение, как бы ни переполняли нас чувства, мы часто попадаем в такое положение, когда нам не хватает слов, чтобы точно выразить свою мысль. Единственно необходимое слово зачастую бежит нашей памяти, и мы вынуждены обходиться словами слишком сильными или слишком слабыми, слишком общими или излишне конкретными. Помощь, которую оказывает этот словарь, состоит в представлении богатейшего выбора слов и выражений, исчерпывающих все оттенки и все нюансы каждой общей идеи» [1]. В. В. Морковкин подчеркивал, однако, что роль идеографических словарей отнюдь не исчерпывается сугубо прагматическими задачами поиска средств для наиболее адекватного выражения мысли. Представляя вербальную детализацию смыслового континуума, они дают богатейший материал для исследования смысловых изменений, для сопоставительных исследований лексики разных языков, наконец, для решения проблемы составления словарей синонимов и антонимов [2]. Уже в первом (1900 г.) завершенном отечественном словаре синонимов Н. Абрамова [3] обнаруживается постоянное совмещение собственно синонимических, гипонимических и прочих отношений семантического сходства. Ср.: **ЗВУК**, тон, интонация, аккорд, звон (трезвон, благовест); (звуки: бряцанье, гром, грохот, гудение, дребезжание, журчание, звяканье, лязг, плеск, скрип, стук, треск, шелест, шорох, шуршание, раскаты грома); **ЗДАНИЕ**, постройка, строение, сооружение; пристройка, службы (амбар, баня, башня, будка, караулка, кладовая, конюшня, ледник, людская, погреб, прачечная, сарай, сторожка, чулан, фли-

гель; гумно, овин, рига, мельница). Библиотека, завод, казарма, театр, школа, фабрика, храм.

Несмотря на очевидное несовершенство этого словарного издания, именно широкое понимание синонимии привлекло к нему Ю. Д. Апресяна, написавшего почти через сто лет после выхода словаря сочувственное предисловие к переизданию забытой книги [4].

Как известно, синонимические связи, реализуясь в синонимических рядах различных типов [5], наряду со сходными отношениями семантической близости, пронизывают всю лексическую систему, сопрягаясь и пересекаясь с иными видами отношений лексических единиц, поэтому все узловые вопросы системных характеристик слов так или иначе соприкасаются с проблемами синонимии. На разных этапах развития лексикологии и лексикографии разработка проблем лексической синонимии как в теоретическом плане, так и в практической (лексикографической и лингвометодической) интерпретации определялась доминирующими направлениями развития лингвистической мысли [6]; каждый этап в изучении синонимов соотносился с определенным этапом в их лексикографической разработке.

Одним из важных вопросов синонимической лексикографии является, как известно, вопрос о границах синонимического ряда, особенно актуальный для протяженных рядов. Как известно, многочисленные синонимические ряды представлены прежде всего в тех участках лексической системы, которые связаны с обозначением ненормативных, социально осуждаемых объектов и явлений действительности (см., например, синонимические ряды с опорными членами *дурак*, *лентяй*, *бродяга*, *бить*, *воровать* и т. п.). Сверхсинонимичность в своих истоках экстралингвистична и порождена эмоциональным началом, особой экспрессивностью, наблюдаемой там, «где имеется угроза физическому или социальному существованию человека» [7]. Большие по составу синонимические ряды широко представлены в словарях инвентарного типа [см., например, 8; 9].

Достижения семного и контекстуального анализа близких по значению лексических единиц, активное использование метода ступенчатой идентификации, предложенного Э. В. Кузнецовой, привели к необходимости более строгой дифференциации отношений синонимии и иных видов семантического сходства лексиче-

ских единиц, в частности синонимических и гиперогипонимических отношений. Так, в академическом словаре синонимов под ред. А. П. Евгеньевой [10], вышедшем в 1970 г., появилась помета *Ср.*, указывающая на соотношение двух или нескольких синонимических рядов, обнаруживающих значительную семантическую близость, но требующих словарного разделения. Показательно, например, выделение трех синонимических рядов: *запах* — *аромат* — *дух* — «свойство предметов действовать на обоняние», *аромат* — *благоухание* — *благовоние* — «приятный запах», *зловоние* — *смерд* — *вонь* — «сильный, отвратительный запах». Стремление разграничить синонимические связи и весьма тесные отношения семантического сходства, в том числе родовидовые, или гиперогипонимические, в составе ЛСГ обнаруживается также при выделении смежных синонимических рядов *грустить* — *печалиться* — *унывать* — *тосковать* — *кручиниться* и *горевать* — *скорбеть* — *сокрушаться* — *тужиться* — *убиваться*; *бесчувственный* — *нечуткий* — *равнодушный* — *холодный* — *толстокожий* — *твердокожий* и *безжалостный* — *бессердечный* — *бездушный* — *жестокий* — *жестокосердный* и мн. др. Таким образом, синонимические ряды вписываются в более широкие парадигмы, обнаруживающие «наиболее широкие возможности выхода из ограниченного пространства данного ряда в лексико-семантический космос всего русского языка» [11]. Фиксация такого рода возможностей в «Новом объяснительном словаре синонимов» [12] осуществляется в специальной зоне словарной статьи *Аналоги*, где представлены слова, пересекающиеся с общим значением синонимического ряда. Например, в соответствующей зоне синонимического ряда *худой*, *тощий*, *костлявый*, *исхудалый*, *щуплый* приводятся слова *тщедушный*, *худосочный*, *хлипкий*, *высохший*, *сморщенный*, *осунувшийся*, *истощенный* и др., к синонимическому ряду *капризничать*, *привередничать* приводятся аналоги *скандалить*, *фокусничать*, *выкрутасничать*, *выпендриваться*, *чудить*, *дурить*, *цепляться*, *придираться* и др. Представление таких отношений в синонимическом словаре демонстрирует широкую пограничную зону между синонимической и собственно идеографической лексикографией. В большинстве современных синонимических словарей последовательно фиксируется также антонимичность синонимиче-

ских рядов, занимающих полярные позиции в составе лексико-семантических групп.

Доминанта синонимического ряда определяет его системообразующие качества, прогнозирует возможные направления развития, при этом на периферии синонимических рядов осуществляются непрерывные динамические процессы, обнаруживающие неразрывную связь собственно семантической и прагматической информации. Эти процессы находят отклик в лингвистической публицистике, представленной нередко в словарной форме. В этом отношении показательны постоянно обновляющиеся издания «Словаря модных слов» В. И. Новикова, где в эссеистически выполненным словарным статьям представлено немало обновленных синонимических рядов [13].

Как известно, синонимы играют важнейшую роль в обеспечении непрерывности словаря, в создании сплошной сети отношений, которая проецируется и на текст. Употребление любого члена синонимического ряда служит «пусковым механизмом, который приводит в действие механизмы активации пластов лексики, сетей отношений между лексемами» [14]. Ср.:

По поводу «*улыбаться*» Петяка редко употреблял это слово. Чаще он говорил «*скалиться*», «*лыбиться*», «*щериться*» или вообще молчал. Он думал — а чего говорить? И так все понятно. *Улыбайся не улыбайся* — лишнего пожрать все равно не дадут. Бабка Дарья, так наоборот, еще поварешкой засветит по кумполу. Ей лишний раз улыбнешься — она сразу скумекает, что у тебя на уме. Поэтому Петяка чаще обходилась серьезной рожей. Так было безопасней. Да и взрослые вокруг не особенно *улыбались*. Хотя вроде бы сами себе раздавали жратву (А. Геласимов. Степные боги).

Возможности индивидуальной фокусировки в значительной степени определяются теми синонимическими ресурсами, которыми может активно пользоваться языковая личность. В то же время «неопределенность и размытость, диссипированное называние с точностью до квазисинонимического множества и даже шире — с точностью до ассоциативного поля — представляют собой характерную особенность обыденного сознания» [15]. Широкие потенциальные возможности сближения лексических единиц и условия расширения границ синонимии рассматриваются в ряде современных исследований, в частности в работах Е. Е. Котцовой [16].

На характерное для обыденного сознания расширение синонимических сближений реагирует любительская лексикография, получившая в последние годы немалое распространение. Весьма по-

казателен в этом отношении «Словарь русских заменителей иностранных слов» С. Махова [17].

Новую страницу в отечественной лексикографии открывают словари, созданные под руководством Л. Г. Бабенко. Коллектив Уральской лексикографической школы прошел путь от идеографических словарей, построенных по частеречному принципу и последовательно отражающих системные связи слов, в том числе синонимические, к собственно синонимическим словарям. «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» [18] является новым типом лексикографических изданий, органично соединяющим достижения идеографической и синонимической лексикографии. Как пишет Л. Г. Бабенко, «особенность идеографического описания синонимов заключается в том, что, с одной стороны, сами синонимические ряды по своей природе представляют собой лексические категории, формируемые отношениями тождества и участвующие в укрупненном, выделенном отображении фрагментов мира, особенно важных для национального сознания. <...> Синонимическая картина мира в большей степени субъективирована, можно сказать, что это субъективно-объективная картина мира, в репрезентации которой в равной степени участвуют когнитивные механизмы категоризации, концептуализации, идентификации, дифференциации, ассоциации, оценки и операции сравнения» [19]. Действительно, в каждом фрагменте словаря представлены лексические парадигмы, как из кирпичиков, состоящие из более или менее разветвленных рядов синонимов. В словаре, демонстрирующем новые очертания лексикографического дискурса — «стремление к новым формам представления словарной информации (ее поликодовый характер, использование гиперссылок), ориентация на объемные корпуса текстов при семантизации слова, стремление к вычленению прототипической информации, сохранение баланса объективного и субъективного в толкованиях слов, включение в зону иллюстраций культурно маркированной информации» [20], — находит убедительное подтверждение складывавшееся на протяжении десятилетий представление об инклюзивности отношений в лексических парадигмах и об их пересекаемости, об универсальности синонимических отношений и их особой роли в организации семантического пространства.

Примечания

1. *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970. С. 8.
2. Там же. С. 5–6.
3. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / сост. Н. Абрамов. СПб., 1900. [2-е изд., доп., в 1904 г.; 3-е изд., доп., в 1911 г.; 4-е изд., стер., в 1915 г.].
4. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : около 5 000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. М., 2006. [5-е изд., испр. и доп., в 1994 г. (авт. предисл. Ю. Д. Апресян)].
5. *Черняк В. Д.* Синонимия в русском языке. М., 2010. С. 12–28.
6. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Синонимическая лексикография: традиции и тенденции развития // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2015. № 1 (62). С. 32–38.
7. *Кретов А. А.* Глагольные синонимические ряды по лексикографическим данным // Глагол в системе языка и речевой деятельности: материалы науч. лингв. конф. Свердловск, 1990. С. 63.
8. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов. 17-е изд., стер. М., 2010. [1-е изд. в 1968 г.].
9. *Кожеевников А. Ю.* Словарь синонимов современного русского языка: речевые эквиваленты: практический справочник: [ок. 15 000 синонимических рядов]. М., 2009.
10. Словарь синонимов русского языка: в 2 т.: [около 4 000 синонимических рядов] / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2003. Т. 1–2. [1-е изд. в 1970–1971 гг.].
11. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: проспект / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон; под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1995. С. 102.
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / авт. словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская [и др.] ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 1488 с. (Studia philologica). [1-е изд. (вып. I–III) в 1997–2003 гг.].
113. *Новиков Вл.* Словарь модных слов: языковая картина современности. 5-е изд., дополн. М., 2016. [1-е изд. в 2004 г. под тем же загл. без подзаг.; 2-е изд. в 2008 г. под загл.: Новый словарь модных слов].
14. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 28.
15. *Караулов Ю. Н.* Вербальные единицы знания: структура, объем, качество // Язык и мы. Мы и язык: сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа. М., 2006. С. 101.
16. *Котцова Е. Е.* От лексических парадигм парадигмам текстовым: источники и условия расширения границ синонимии, антонимии и гипонимии в речи // Язык как система, деятельность и пространство мысли: коллективная монография памяти профессора В. Я. Мыркина. Архангельск, 2015. С. 56–70.
17. *Махов С.* Словарь русских заменителей иностранных слов. М., 2013.
18. Словарь-тезаурус синонимов русской речи: 600 ключевых понятий, 8 000 синонимических рядов, 47 000 слов-синонимов / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008. [То же в 2007 г.].
19. *Бабенко Л. Г.* Категоризация мира в идеографических словарях различного типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию Ю. Н. Караулова. М., 2006. С. 295–297.

20. *Плотникова А. М.* Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2014. № 3(19). С. 27.

Lexicography of synonymy and ideography: the dynamic of convergence

The article investigates the historical development of methods of lexicographical representations of synonyms. Since the very first attempts at compiling dictionaries of synonyms the question of boundaries of synonymy, as well as differences and similarities between the synonyms, has been heavily debated. If synonymic connections are understood broadly, describing synonymic rows differs only slightly from describing larger semantic unities, including lexico-semantic groups. From the broad understanding of synonymy represented in the dictionaries of the inventory type (by Abramov, Aleksandrova), lexicographers switched to establishing solid boundaries between synonyms and hyponymic groups and other lexical paradigms. This approach may also be observed in amateur lexicography.

New developments in lexicography bring about new ways of presenting different types of semantic connections between words, as well as new types of synonymic dictionaries aiming at revealing those connections. Thesauri allow the precision in lexical choice as they present groups interconnected by the common core semantic components. This approach is both theoretically and practically fruitful as it serves the pragmatic needs of the addressee.

Keywords: synonymic dictionaries, ideographic dictionaries, lexical paradigms, broad and narrow understanding of synonymy.

© А. А. Чувакин, С. В. Эйрих

АлтГУ, г. Барнаул

Персонаж как интерпретатор: к построению эвокационной модели (на материале малой прозы В. М. Шукшина)

В статье рассматривается методика исследования интерпретационной составляющей коммуникативной деятельности персонажа. Исследование проводится в русле современных идей эвокационной лингвистики, признающей взаимообусловленность текста произведения и авторской художественной модели человека и мира (R. Parolek и др.) и ведущую роль языка в эвокационном описании. Работа выполнена на материале художественной прозы В. М. Шукшина (рассказ «Экзамен»; для анализа выбран один персонаж: профессор). Выбор материала определяется исходя из существенной роли в прозе писателя интерпретационной стороны межперсонажной коммуникации. Эвокационное моделирование включает в себя следующие этапы: выявление в тексте того фрагмента, в котором представлен акт коммуникативной деятельности персонажа с интерпретационной составляющей; моделирование объекта интерпретационной деятельности персонажа; моделирование средств интерпретационной деятельности персонажа; четвертый, заключительный, этап ставит своей задачей моделирование продукта эвокации интерпретационной деятельности персонажа. Важную функцию в моделировании получают эвокационные сигналы, обладающие «силой апелляции» (О. А. Сим), благодаря которой компоненты — носители сигналов переносятся во вторичную сферу быто-

вания и служат важным элементом в создании авторской художественной модели. Результаты исследования существенны для дальнейшей разработки эвокационного моделирования художественного текста и филологического шукшиноведения.

Ключевые слова: персонаж, интерпретационная составляющая коммуникативной деятельности, эвокационная модель, эвокационные сигналы, малая проза В. М. Шукшина.

Если традиционно речь персонажа рассматривается в аспекте репрезентологии, то развитие антропоцентрического подхода позволило усмотреть в персонаже новые грани. Эта тенденция проявляется, например, в лингвистическом шукшиноведении, где заметны исследования на основе категорий языковой/дискурсивной личности персонажа, человека диалогизирующего, *homo loquens* и др. Об этом писали Г. Г. Хисамова [1], А. А. Чувакин, Е. В. Демидова, Э. В. Малыгина в коллективной монографии [2]. Так исследование шукшинских персонажей движется в сторону познания их как *homo scripticans* в условиях, по выражению А. Д. Степанова, «изображенной коммуникации». В русле названного направления находится и настоящая работа.

Произведения малой прозы В. М. Шукшина свидетельствуют о том, что в межперсонажной коммуникации существенную роль играет интерпретационная сторона. Соответствующие факты отмечены, например, в монографии о рассказе «Срезал» [3], в статье А. А. Чувакина [4] и других публикациях. Однако персонажи малой прозы Шукшина как интерпретаторы практически не изучены. В настоящей публикации предпринимается попытка разработки методики исследования названного объекта. При этом мы исходим из следующего.

В теоретических работах по коммуникации и интерпретации последняя рассматривается как одна из сторон коммуникации, ее внутренняя составляющая. У. Чейф пишет: «Ключевая идея для нас здесь сводится к следующему: *восприятие* является *интерпретирующим*»; «...ко всему содержащемуся в памяти применимы дальнейшие процессы *интерпретации*» (курсив автора. — А. Ч., С. Э.) [5]. Тесные связи интерпретации и коммуникации прослеживаются в концептуальной статье И. П. Матхановой и Т. А. Трипольской [6], которыми разработаны основные параметры описания интерпретационной деятельности.

Положения, сформулированные на материале т. наз. естественной коммуникации, могут быть признаны справедливыми и по от-

ношению к «изображенной коммуникации». Наше мнение опирается на интерпретируемость как универсальное качество художественного текста (Л. Г. Бабенко констатирует: «Интерпретационный компонент присутствует в каждом компоненте текстовой деятельности и отражается в тексте» [7]) и определяет необходимость разработки специальной методики исследования. Полагаем, что исследование интерпретационной составляющей коммуникативной деятельности персонажа как участника межперсонажной коммуникации может быть осуществлено с учетом опыта эвокационного моделирования художественного текста. В данном случае полезными оказываются идеи коммуникативного подхода в теории эвокации. Так, Р. Паролек (Radegast Parolek) исходит из двухпланового представления о литературном произведении: первый план формирует словесный текст, посредством которого писатель воссоздает свой художественный мир в наших представлениях; второй план — это то, что создано, т. е. авторская художественная модель человека и мира. Это понимание значимо для переосмысления эвокационного моделирования. Р. Паролек пишет: «Vše, co je v uměleckém textu, je funkčně podřízeno evokaci tohoto modelu (spisovatelův umělecký model člověka a světa. — *A. Ch.*). Je jím motivováno a jen z něho plně vysvětlitelné» [8] — «Все в художественном тексте функционально подчинено эвокации этой модели (авторской художественной модели человека и мира. — *A. Ч.*). Ею мотивировано и только ею обеспечивается полное объяснение (перевод мой. — *A. Ч.*)».

В случае, когда объектом моделирования становится интерпретационная составляющая коммуникативной деятельности персонажа, структура моделирования, разработанная, например, С. И. Везнером [9] и О. А. Сим [10], подвергается корректировке. Выявление в тексте того фрагмента, в котором представлен акт коммуникативной деятельности персонажа с интерпретационной составляющей, влечет последовательное моделирование трех объектов: объекта, средств, продукта эвокации интерпретационной деятельности персонажа. При моделировании продукта главное место принадлежит эвокационным сигналам. Они, по оценке О. А. Сим, «присущи каждой компоненте дискурса и обладают силой апелляции, благодаря которой данные компоненты переносятся во вторичную сферу бытования» [10]. К этому прибавим, что эвокационный сигнал вызывает у читателя определенное представле-

ние об объекте эвокации, ощущение от объекта, эмоциональную реакцию, творческий порыв и др.

В качестве источника эмпирического материала служит рассказ В. М. Шукшина «Экзамен». Для анализа использован трехчастный фрагмент текста, на сопоставлении частей которого проследим динамику интерпретационной деятельности одного персонажа — профессора.

Определим границы фрагмента. Сюжет произведения почти полностью строится на экзаменационной беседе профессора и студента; эта беседа отличается необычностью и, более того, аномальностью. Нас интересует та часть текста, в которой коммуникативная ситуация выводит интерпретационную деятельность профессора из привычного «рабочего» русла и способствует ее стихийной трансформации. Важнейшие этапы беседы служат основой выделения трех составляющих фрагмента. Верхняя граница фрагмента — завершение акта коммуникации, присущего типичной ситуации экзамена; нижняя граница — прекращение развития конфликта.

Интересующий нас фрагмент рассказа начинается тогда, когда завершается «официальная» ситуация экзамена. Профессор убеждается в том, что студент не готов к экзамену; попытки «вытянуть» его при помощи наводящих вопросов ни к чему не привели, и в ответ на издевательский тон негодующего экзаменатора студент признает свое поражение: *«Ставьте мне, что положено, и не мучайтесь»*. Эта реплика должна была послужить окончанием экзамена, но профессор не выполняет свою профессиональную обязанность и иницирует продолжение беседы: *«Давайте говорить о князе Игоре»*. Это — начало первой части фрагмента текста. Происходит следующее. Студент отказывается продолжать беседу и требует поставить ему двойку. Когда же профессор возмущенно спрашивает, понимает ли студент, как вообще чувствует себя человек в плену, он вдруг признается, что сам был в плену, поэтому понимает. Профессор задает несколько вопросов относительно этого факта и получает на них ответы. На этом первая часть заканчивается. Что здесь важно? Первое — студент обращается к профессору с требованием: *«Ставьте мне двойку»*. Второе — в речи повествователя появляется описание неречевого коммуникативного поведения студента: *«Студент некоторое время непонятно смотрел на старика ясными серыми глазами»*. Третье — студент отвечает на вопросы профессора

максимально кратко и односложно. Для создания образа студента автор использует прямую речь персонажа и характеризующую речь повествователя. Таков объект интерпретационной деятельности профессора. Сначала профессор хочет обсудить со студентом «Слова о полку Игореве» не с научной, а с эмоционально-чувственной стороны. Отказ студента вступать в разговор наводит профессора на мысль, что тот не сочувствует герою. Профессор задает студенту негодующий вопрос: *«Как чувствует себя человек в плену? Неужели вы даже этого не понимаете?!»*. Вдобавок к этому повествователь сообщает, что профессор *«почти закричал, опять испытывая прилив злости»*. Так профессор полностью выходит из роли экзаменатора: он потерял контроль над своими эмоциями и затеял обсуждение общечеловеческого вопроса об ощущениях человека в плену. Это означает появление нового, нестандартного этапа интерпретационной деятельности профессора. Однако ситуация резко меняется, когда студент сообщает о том, что был в плену, — это оказывается для профессора полной неожиданностью: *«Так... То есть как в плену были? Где?»*. Следующие, «несодержательные» вопросы профессора говорят о его растерянности. Он не осознает целей и задач сложившейся коммуникации; вдобавок, ему кажется, что студент обижен на него: в несобственно-прямой речи профессора студент получает характеристику *«злой и твердый»*. Новая информация вводит интерпретацию профессора в полный тупик, особенно ярко выраженный его бессмысленным вопросом *«Ну и что?»*. Заканчивается первая часть словами повествователя о том, что студент с профессором смотрели друг на друга и оба были сердиты. Злость профессора обусловлена тем, что он оказался не готов к такому повороту коммуникации. Эвокационные сигналы в первой части: упоминание «Слова о полку Игореве», тема плена и намеки на Великую Отечественную войну (*«У немцев»*). Эти сигналы отсылают читателя к культурному, этическому и историческому знанию, сближая его с внутритекстовой действительностью.

Вторая часть открывается обращенным к студенту призывом профессора *«сесть»*. Студент садится; профессор продолжает задавать вопросы об обстоятельствах плена. Студент делает попытку избежать разговора о военном прошлом: *«Это долго рассказывать, профессор»*. Тогда профессор перестает интересоваться фактами и переходит к вопросам о чувствах собеседника в плену. Чтобы раз-

рядить обстановку, он закуривает и предлагает закурить студенту, затем снова задает вопросы, но допускает промах: он думал, студент из деревни, а тот оказался из города. Повисает молчание. Как и в первой части, речь повествователя и прямая речь студента предоставляют много информации о последнем. Так, повествователь сообщает, что студенту *«хотелось скорей уйти»*, и он упорно смотрел в свой билет. Реплики студента по-прежнему короткие и отрывистые, он не проявляет коммуникативной инициативы. На предложение профессора закурить отвечает отказом: *«Я не хочу. — Студент улыбнулся, но тут же посерьезнел»*. В конце второй части повествователь сообщает, что студент продолжал смотреть в свой билет. Таковы объекты интерпретации. Как же поведение студента интерпретируется профессором? Он примиряется с новостью о том, что студент побывал в немецком плену, и решает использовать это для удовлетворения собственных потребностей: ему хочется из первых уст узнать о состоянии человека в плену, о чем он прямо говорит студенту: *«Собственно, мне не техника этого дела интересна, а...психологический момент, что ли. Как чувствовали себя?»* При помощи прямой речи профессора и речи повествователя автор дает понять, что профессор, по определению, сочувствует попавшим в плен: *«Это ведь горько — попасть в плен? — Профессор даже поморщился...»*. Несмотря на видимое нежелание студента продолжать разговор, профессор упрямо продолжает интересоваться военным прошлым студента; он не может остановиться — это осознанный выбор и оформление нового акта интерпретационной деятельности: перед ним уже не нерадивый студент, а бывший солдат, который хранит в душе пережитые в плену чувства и не хочет раскрыть их. Профессор словно погружается в виртуальную реальность: для него исчезает и ситуация экзамена, и социальные роли коммуникантов, и время, сохраняется только осознание пространства, но и оно уже не имеет значения, что заметно в прямой речи: *«Закуривайте тоже. В аудитории, правда, не разрешается, но...ничего...»*. Признание студентом того, что в плену было страшно, ободряет профессора и дает ему надежду на откровенность студента; это можно понять из речи повествователя, в которой сообщается, что профессору ответ студента понравился, и он закурил. Однако коммуникация не налаживается, а терпит очередной сбой, когда выясняется, что студент из города, а не из деревни,

— профессор понимает, что интуиция его подвела, и он снова оказывается в коммуникативном затруднении, что выражается его «пустым» «Да...», за которым следует, по словам повествователя, неловкое молчание, во время которого профессор рассматривает студента, чтобы понять, о чем говорить дальше. Перечислим эвocationные сигналы второй части. Первый сигнал — экзаменационный билет, который упоминается дважды и во втором случае получает характеристику «злополучный». Он очень важен: с одной стороны, он направлен в прошлое текста, к оставленной ситуации экзамена, а с другой, — ориентирован на настоящий момент и будущее: для студента весь разговор выступает как новый экзамен, к которому он не готов. Второй сигнал — курение профессором в аудитории, он взывает к жизненному опыту читателя, помогая квалифицировать действия профессора как крупное нарушение правил поведения в университете. Третий сигнал — упоминание профессором деревни и матери, он обращен к читателям, выросшим в деревне, пробуждает их детские воспоминания и теплые чувства.

В начале третьей части фрагмента профессор спрашивает студента, о чем он говорили с товарищами в плену. Услышав, что разговоров не было, профессор развивает тему молчания в плену и многословно пытается объяснить студенту свои чувства, связанные с киевским районом Подол. Студент плохо понимает, в чем суть разговора. Да и сам профессор этого до конца не понимает; вот указание повествователя: *«Два человека смотрели друг на друга и не понимали, что им, собственно, требуется сейчас выяснить»*. Затем профессор выдвигает абсурдный способ снятия часовых, но студент, пусть и смеется над этим, но уверяет профессора, что понимает его. Профессор подводит итог своим рассуждениям, и третья часть завершается словами: *«Долго после этого молчали — отходили»*. В этой части студент сам называет свое имя, повествователь отмечает: *«Ему этот разговор явно становился в тягость»*, а в дальнейшем подчеркивает недоумение студента: *«не знал, как держать себя»*, *«пожал плечами»*, *«удивленно посмотрел»*, недоумение выражается и его прямой речью: *«Я немного не понимаю...»*. Интерпретационная деятельность профессора в этой части самая нестандартная: через вопросы к студенту он случайно пробуждает в своей душе тайные, глубоко личные мысли, и они сами собой проявляются в речи и поведении, озадачивая студента. Про-

фессор начинает ходить по аудитории, говорит очень эмоционально, короткими фразами (обилие восклицательных знаков и парцелляций), пытаясь объяснить студенту свои мысли. Повествователь характеризует его психологическое состояние: *«У профессора на лице отразилось сложное чувство — он как будто нечаянно проговорился о чем-то весьма сокровенном и теперь, во-первых, опасаясь, что его не поймут, во-вторых, был недоволен, что проговорился»*. Профессор уходит от расспросов студента о военном прошлом и, сам того не желая, переходит к некой исповеди, посвящает собеседника в сферу интимных чувств и переживаний. Подобную интерпретационную деятельность можно считать феноменальным достижением беседы экзаменатора и студента: она абсолютно не мотивирована. Однако профессор уже полностью подчинен своей эмоциональной сфере (*«сердился на себя, но замолчать уже не мог»*, — говорит повествователь), и законы логики в его речи перестают работать, его речь мало становится мало связанной, непонятной для собеседника, хотя говорящий надеется, что студент его поймет: *«Ну, как же! Что тут сложного?»*. Когда студент смеется над способом снятия часовых, профессор понимает, что его слова не принимаются всерьез. Это выражается в его внутренней речи: *«Врет, не хочет обидеть»*. Тогда он прекращает попытки добиться понимания и подводит расплывчатый итог своим словам, завершая беседу. Эвокационные сигналы в третьей части. Повествователь сообщает, что студент положил билет, — это означает, что им больше не воспринимается диалог как экзамен, значит, он видит себя с профессором на равных. Тем самым третья часть связывается со второй и первой. Второй сигнал — упоминание киевского Подола, которое оживляет жизненный опыт читателей, побывавших в этом месте или знающих о нем. Еще один сигнал создается словами *«Давно. Во времена Игоря»*. Он отсылает читателя к историческим знаниям о периоде княжения Игоря на Руси. Последний сигнал: слова профессора *«наша страна много воюет»*, которые актуализирует у русского человека исторические знания о многочисленных войнах, которые пришлось пережить Родине.

Подведем итоги. Для построения эвокационной модели персонажа как интерпретатора получены данные об объекте интерпретационной составляющей коммуникативной деятельности персонажа (языковая/невербальная деятельность собеседника; его коммуника-

тивное поведение; ситуация акта коммуникации), о средствах (сложно взаимодействующие речевые слои персонажа и повествователя) и продукте (эвокационные сигналы, посредством которой определяется место моделируемого объекта в авторской художественной модели, воплощенной в произведении). Интерпретационная деятельность нашего персонажа (профессора) по мере развития сюжета все более отходит от стандарта «профессиональной деятельности» экзаменатора, создавая своему герою новые роли и новые коммуникативные задания. Эвокационные сигналы активно участвуют в установлении диалогических связей между текстом и читателем, сближая его сознание с текстовой действительностью. Избранный фрагмент текста выступает ядром смыслообразования как процесса ступенчатого развития необычной ситуации экзамена в сложную стихийную вневременную коммуникацию.

Примечания

1. Хисамова Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина). М., 2007.
2. Чувакин А. А., Демидова Е. В., Малыгина Э. В. Творчество В. М. Шукшина в пространстве коммуникации. Барнаул, 2015.
3. Рассказ В. М. Шукшина «Срезал»: проблемы анализа, интерпретации, перевода. Барнаул, 1995. С. 101–102.
4. Чувакин А. А. Тексты малой прозы В. М. Шукшина в контексте филолого-коммуникативного знания // Мова. 2014. № 21. С. 47–51.
5. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. С. 37, 40.
6. Матханова И. П., Трипольская Т. А. Интерпретационные аспекты лингвистики: проблемы и перспективы // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации. Новосибирск, 2004. С. 6–19.
7. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000. С. 63.
8. Parolek R. Evokace uměleckého modelu světa v překladu: O tom, co se vlastně překládá // Československá rusistika. XXIV. 1979. № 5. S. 201.
9. Везнер С. И. Речевой жанр «брачное объявление»: эвокационное моделирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008.
10. Сим О. А. Лингвоэвокационное моделирование дискурса глянцевого журнала (на материале журнальных текстов на английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. С. 11.

The character as an interpreter: to the development of an evocative model (based on flash fiction by V. M. Shukshin)

The article considers the technique for studying the interpretive component of communicative activity of the character. The research is conducted in the line with modern ideas on evocative linguistics which recognizes the interdependence of the text as a work of art and the author's artistic model of human and the world (R. Parolek et al.), and the leading role of

the language in the evocative description. The study was carried out on flash fiction by V. M. Shukshin (the story “The Exam”); one character (the professor) was elected for the analysis. The choice of material is based on a significant role of interpretive side of communication between the characters in prose. Evocative modeling includes the following steps: identification of the fragment in the text which represents the act of communication activities of the character with an interpretive component; modeling of the object of interpretive activities of the character; modeling of tools of interpretive activities of the character; modeling of product of evocation of character’s interpretive activity. An important function in the simulation is given to the evocative signals that have the force “of appeal” (O. A. Sim), thanks to which the components (signal carriers) are transferred to the secondary sphere of existence and serve as an important element in creation of the author’s artistic model. The research results are important for further development of evocative simulation of a literary text and the philological study of Shukshin.

Keywords: character, interpretative component of communicative activity, evocative model, evocative signals, flash fiction by V. M. Shukshin.

© А. Л. Шарандин

ТГУ им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Лексикографический потенциал лексемы в толковом словаре русского языка¹

В статье рассматривается проблема лексикографической параметризации, связанная с определением словарной единицы, которая могла бы представить языковой и речевой материал наиболее полно и системно в структуре словарной статьи. В качестве такой лексикографической единицы предлагается использование специального лингвистического термина «лексема». Понятие лексемы рассматривается как более абстрактная сущность сравнительно с определением В. В. Виноградова, ибо включает в себя не только словоформы, но и то, что в традиции имеет статус самостоятельных слов (например, *стол*, *столица*; *листва*, *дочитать*, *почитать*; *чтение*; *тетрадка* и т. д.). *Лексема* — это языковой знак, планом содержания которого является только один какой-то лексико-семантический вариант, а планом выражения — совокупность форм, структурирующих его. Однако в речи лексема реализует лишь одну форму, лексически, грамматически, коннотативно и стилистически гармонирующую с другими лексемами в структуре высказывания. Словарная статья строится по гнездовому принципу, но это гнездо очерчивает *лексическое пространство только одной лексемы*. *Лексикографический потенциал лексемы* определяется этим пространством, границы которого структурированы разными языковыми формами, имеющими свою концептуализацию, но при этом совместимую с концептуальным содержанием лексического значения. Это позволяет использовать формы в качестве концептуальной структуры по отношению к концеп-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

туальному содержанию лексемы и включать их в словарную статью на правах ее членов в виде различного типа помет.

Ключевые слова: лексикографическая параметризация, лексема, словарная статья, концептуальное содержание, концептуальная структура, типы языковых форм.

Для русистов обращение к трудам Уральской семантической школы, возглавляемой и руководимой Заслуженным деятелем науки РФ, доктором филологических наук, профессором Людмилой Григорьевной Бабенко, стало закономерным и востребованным в исследовательской практике, поскольку теоретические размышления в трудах научного руководителя и членов данной школы в той или иной мере имеют методологическую значимость, а результаты лексикографической практики — инновационный характер [1]. Поэтому участие в конференции, посвященной юбилею Л. Г. Бабенко, ученого, внесшего значительный вклад в развитие лингвистической науки, позволяет оказаться причастным к научной проблематике трудов как юбиляра, так и научной школы в целом. Для меня же это участие окрашено еще и личностным фактором: с Л. Г. Бабенко и членами ее научного коллектива связывают уже долгие годы научного сотрудничества и человеческого общения, в котором я всегда находил понимание и востребованность как своих научных идей, так и человеческих качеств.

Поиск наиболее оптимальной единицы толкового словаря сопряжен с несколькими моментами.

Во-первых, с назначением словаря, в котором словарная статья призвана отразить толкование (содержание) лексического значения слова. Оно репрезентирует сформировавшийся в нашем языковом сознании концепт, чаще всего понятийного типа, в основе которого — отражение существенных признаков и свойств предметов и явлений окружающего мира. Отражательная функция языка в этом случае оказывается представленной предметно-понятийной характеристикой, включающей рациональную интерпретацию отражаемой действительности.

Во-вторых, в русском языке лексические значения оформлены грамматически. Это достаточно убедительно и лаконично выразил В. В. Виноградов, который писал: «В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо» [2]. Поэтому толковый словарь, учитывая единство лексического и грамматического значений, должен быть представлен словарной статьей, в которой важным лексикографическим параметром оказывается учет взаимодействия лексики и грамматики.

Слово — это языковой знак, концептуальное содержание (лексическое значение) которого структурировано, прежде всего, парадигмой грамматических форм, что и позволяет нам говорить о слове как о единстве лексического и грамматического значений. Но в этом случае возникает проблема понимания грамматики, прежде всего морфологии как учения о формах слова. В рамках же морфологии важно определиться в ее объеме и границах, что связано с решением вопроса о составе морфологических форм, обслуживающих (структурирующих) лексическое значение. Это позволяет выявить формы, которые связаны с передачей лексической семантики слова и входят в круг *словарной грамматики* (морфологии). В ней формы слова как члены морфологических категорий оказываются представленными в структуре словарной статьи на правах ее элементов, что отражено в грамматических пометах.

В-третьих, языковая единица толкового словаря должна быть сориентирована на коммуникативные возможности ее использования в общении. В связи с этим возникает проблема определения состава *коммуникативно-дискурсивных форм*, функционирование которых в тексте обусловлено динамическим процессом взаимодействия частей речи, отражающим коммуникативно-прагматические цели говорящего и слушающего. В результате мы имеем *особые формы* той или иной части речи, которые можно квалифицировать как когнитивно-дискурсивные (текстовые) формы. Они в большей степени имеют грамматический (синтаксико-морфологический) характер и поэтому не подлежат лексической классификации, но при этом также структурируют лексическое (концептуальное) значение слова-лексемы, что предполагает их учет в этой функции в словарной статье.

В-четвертых, единица толкового словаря должна учитывать системный характер включенной в нее информации и тем самым быть экономной в ее представлении в словаре, достаточно полной в коммуникативно-дискурсивном плане. Как известно, алфавитная подача слов, строго говоря, не отражает научно обоснованный принцип, а учитывает практические потребности носителей языка, связанные с быстрым нахождением интересующего слова [3].

Перечисленные выше моменты, важные для лексикографической теории и практики, в той или иной степени были представлены в наших работах [4–7] и поэтому будут изложены ниже в мак-

симально сжатом варианте, позволяющем добиться *цели статьи* — осмыслить теоретическую целесообразность и практические возможности использования специального лингвистического термина «лексема» для включения его понятийный аппарат лексикографии.

Ответ на вопрос о единице толкового словаря и структуре его словарной статьи, на первый взгляд, не содержит в себе особой трудности, поскольку такой единицей является слово, вследствие чего словарь рассматривается как совокупность слов в алфавитном порядке (по выражению Вольтера, «Вселенная в алфавитном порядке»). Но дело в том, что термин «слово» не оказался однозначным. Прежде всего, это связано с его включением в терминологический аппарат как языка, так и речи. На наш взгляд, следует иметь в виду и определение слова как семиотической единицы, т. е. *безотносительно к языку и речи*.

Естественно, в связи с отнесением толкового словаря к типу языковых словарей («Словарь русского языка», а не русской речи), словарная статья, включающая рассмотрение слова в качестве речевой единицы, не отражала бы его языковую направленность. Словарное представление слова в этом качестве оказалось бы неэкономным, и словарь предстал бы *в виде словоформ* с сопоставленным каждой словоформе значением. Поэтому *в словаре слово предстает как языковая единица*. В этом случае слово оказывается *парадигматически оформленной* единицей. В состав парадигмы слова входят, прежде всего, грамматические формы тех категорий, которые оформляют, структурируют частеречное концептуальное содержание слова, категоризируя его в нашем языковом сознании.

Что же касается семиотического подхода к слову, то *с точки зрения семиотики слово* определяется как вербальный знак и оказывается своего рода аналогом того объекта действительности, обозначением которого оно является. Наиболее наглядно семиотический характер слова представлен в тематической группе. В связи с этим примечательна позиция В. В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не

связаны ни грамматически, ни семантически» [8]. Таким образом, сознание человека направлено на фонетическое (звуковое) оформление названий, обозначений. И, следовательно, в *слове как семиотической единице отсутствует понятие формы слова как члена парадигматического ряда*. С этой точки зрения лексические значения, отражающие предметы и явления окружающего мира, оказываются его репрезентантами, имеющими аналоговую, логическую форму, содержание которой связано с отражением представлений и понятий об этих предметах и явлениях действительности. В этом случае лексические значения, будучи аналогами естественных объектов, находятся как бы за пределами языка, за пределами слова как языковой и речевой единицы.

В семиотическом плане понятие формы присутствует, но не как дискурсивная (морфолого-синтаксическая) форма, выделяемая в составе парадигмы форм или парадигматического ряда, а, скорее всего, как ментальная единица, имеющая звуковую оболочку. Поэтому словарь, включающий в себя семиотическую информацию, заключенную в слове и оформленную звуковым (фонемным) способом, оказывается не столько языковым словарем, сколько ментальным словарем, который по своему типу может быть определен как *словарь ментального лексикона* того или иного языка. Соответственно, словарная статья такого словаря описывает содержание определенного типа концепта — чаще всего понятийного типа. В его основе отражательная функция языка, сопряженная с другой основной функцией — интерпретирующей.

Толковый же словарь русского языка предстает в единстве с семиотическим и речевым подходами. В этом случае учитываются его возможности (потенциал) в реализации речевых форм на базе общности семиотического содержания. Поэтому в целом, с учетом речевого и семиотического аспектов, можно дать следующее *лингвистическое* (специальное) определение слову. **Слово** — это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму.

Более или менее однозначно данный языковой статус слова, представленный в словаре, отражает, на наш взгляд, термин «лексема» (слово-лексема).

Использование данного термина обусловлено тем, что языковое сознание, определяющее научное познание системы языка, позволяет систематизировать результаты функционирования слова в плане концептуализирующей и категоризирующей функций языка. Это дает возможность моделирования речемыслительной деятельности человека с целью наиболее экономного представления процесса номинации и слово-формопорождения (деривации), а также тех языковых знаний, которые обуславливают осмысление этого процесса и его единиц в когнитивно-дискурсивном аспекте языка. Именно в этом плане и может быть использован термин «лексема». По определению В. В. Виноградова, «лексема» — это «слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений» [9]. В отличие от данного определения, **лексема** рассматривается нами как *модель номинации*, реализующая одно свое лексическое значение в разных условиях коммуникации, т. е., другими словами, *лексема* — это языковой знак, планом содержания которого является только один какой-то лексико-семантический вариант, а планом выражения — совокупность форм, структурирующих его и реализующих в речи. Но в ней лексема реализует лишь *одну форму*, лексически, грамматически, коннотативно и стилистически гармонирующую с другими лексемами в структуре высказывания. Выбор такой формы определяется речемыслительной деятельностью человека, коммуникативными и прагматическими целями говорящего.

Здесь важно отметить следующее. *Лексема не является лингвистическим конструктом*. Это реальная языковая единица, стоящая в одном ряду с такими единицами, как фонема, морфема, коммуникатема. Она всегда представлена конкретным видом слова (а точнее, его формы). Лексема — это единица абстрактная и конкретная одновременно: абстрактная в силу того, что является отвлечением от форм (конкретных) реализаций, и конкретная, поскольку всегда имеет ту или иную конкретную лексическую реализацию. Выбор же формы, которая выступает в качестве ее представителя в словаре, определяется выбором основной формы, которая в нашем языковом сознании в большей степени ассоциируется с

такими критериями, как самостоятельность, наименьшая вариативность и сопряженность с другими аспектами и т. д. Так, например, выбор инфинитива в качестве представителя глагольной лексемы обусловлен тем, что в нем глагольный признак представлен как таковой, безотносительно к грамматическим категориям времени, наклонения, лица (рода) и числа. Это позволяет в максимальной степени сосредоточить внимание на лексическом значении глагольного слова. Не случайно некоторые исследователи определили инфинитив как «глагольный номинатив» [10]. И в этом качестве он участвует в лексической классификации.

Что же касается других форм глагольной лексемы, то они *исключаются из числа собственно языковых знаков*, из числа лексических единиц, отражающих мир и подлежащих словарной классификации. Но при этом они включаются в состав парадигмы лексемы и тем самым фиксируют ее семантическое пространство с точки зрения уникальности плана содержания лексемы, что, в свою очередь, должно найти *отражение в лексикографической практике*.

На наш взгляд, можно выделить следующие *виды (типы) деривационных процессов*, направленные на образование различных форм реализации лексического значения в коммуникативном процессе. В рамках общего процесса формообразования выделяются грамматическое и неграмматическое формообразование, которое противопоставлено лексеμοобразованию. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообразование, представленное, соответственно, словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются модификационное словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование.

Таким образом, понятие лексемы рассматривается нами как более абстрактная сущность сравнительно с определением В. В. Виноградова, ибо включает в себя не только словоформы, но и то, что в традиции трактуется как другие самостоятельные слова-лексемы (например, *стол*_{ик}, *сто*_{лище}; *ли*_{ства}, *до*_{читать}, *поч*_{итать}; *ч*_{тение}; *тетра*_{дка} и т. д.).

Если учитывать, что тот или иной словарь структурирует определенные знания о языке на основе процессов концептуализации и

категоризации, то в этом случае толковый словарь может рассматриваться как многофункциональная система слов, предполагающая в качестве ведущей функции лексическую объективацию концепта, а в качестве дополнительных те функции, которую обслуживают эту лексическую объективацию, внося специальную семантическую информацию, предназначенную для реализации и актуализации концепта.

По существу, словарная статья строится по гнездовому принципу, но это гнездо очерчивает *лексическое пространство только одной лексемы*. Специфика этого описания состоит в том, что лексическая семантика «пронизывает» все уровни языка, вовлекая их средства (элементы, единицы) для оформления данного лексического пространства, его границ и объемного представления в нашем сознании. Эта «объемность» создается прежде всего взаимодействием лексического значения слова с грамматическими, а также с коннотативными и стилистическими значениями, которые сами являются оформленными языковыми средствами (морфемами). *Механизм этого взаимодействия* состоит в том, что слово-лексема, имеющее то или иное лексическое значение, будет иметь тот набор грамматических, коннотативных и стилистических форм, который соответствует данному лексическому значению, не противоречит ему.

Лексическая семантика предстает в коммуникативно-дискурсивном словаре в двух ипостасях: в абстрактном виде, который сориентирован на типовую (классовую, модельную) коммуникативную ситуацию, и в конкретном виде, который отражает ЛСВ (предметно-понятийное содержание) лексемы в рамках типового содержания. Например, лексема ЧИТАТЬ в значении «воспринимать написанное, произнося вслух или воспроизводя про себя» (*читать книгу, читать по слогам*) (СО) реализует абстрактную лексическую семантику в рамках коммуникативной модели «АКТИВНОЕ ПРЕДЕЛЬНОЕ И ДИНАМИЧНОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА, НЕПОСРЕДСТВЕННО НАПРАВЛЕННОЕ НА НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ, С ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕЛЬЮ». Эта цель представлена конкретной лексической семантикой: ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКОМ НАПИСАННОГО ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ.

Абстрактная лексическая семантика в большей степени сориентирована на реализацию грамматических форм тех категорий, которые структурируют содержание лексико-грамматического разря-

да, в который входит слово-лексема. Конкретная же лексическая семантика в большей степени сориентирована на текстовое функционирование слова-лексем, в результате чего реализуются особые формы слова-лексем (например, у глагола стив, причастие, деепричастие, девербатив), а также на актуализацию в тексте неграмматических форм слова-лексем (коннотативные и стилистические формы). При этом эти формы лексем демонстрируют тождественность лексической семантики слова-лексем, той семантики, которая является знаковой (семиотической) и концептуальной для лексем. Различия же связаны с концептуализацией результатов речемыслительной деятельности человека, направленной на обработку языковых знаний, полученных в процессе обобщения коммуникативного поведения лексем в рамках общей типовой коммуникативной ситуации.

Словарь в этом случае представляет собой наиболее экономный способ описания лексической системы языка, поскольку грамматические, коннотативные и стилистические образования, выполняя функцию различных форм слова, исключаются из числа единиц словаря, которые имеют самостоятельную словарную статью. Это не означает, что они не представлены в словарной статье. Поскольку данные формы служат средством выражения лексической семантики слова и при этом несут собственную дополнительную информацию, то они включаются в словарную статью в рамках ее левой части, чтобы показать уникальность лексического значения, представленного правой частью.

Это позволяет в лексикографической практике решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей при сохранении лексической информации в том объеме, в котором она была бы, если бы содержалась в этих самостоятельных статьях.

Таким образом, лексикографический потенциал лексем определяется ее лексическим пространством, границы которого структурированы разными языковыми формами, имеющими свою концептуализацию, но при этом совместимую с концептуальным содержанием лексического значения, которое является базовым (обязательным) семиотическим в семантической структуре слова-лексем и обуславливает тождественность лексического значения во всех формах, обслуживающих его в качестве концептуальной структуры.

Структура словарной статьи, определяемая лексемой

1. Лексема, представленная основной (словарной) формой.
2. Абстрактная лексическая семантика, отражающая типовую коммуникативную ситуацию, общее понятие о предмете или явлении действительности.
3. Конкретная лексическая семантика, отражающая номинативные признаки предметов и явлений действительности.
4. Реализуемые языковые формы:
 - морфологические формы;
 - синтаксические формы;
 - способы представления частеречного значения (способы глагольного действия (процессуальности), способы субстантивной предметности, способы признаковой качественности);
 - коннотативные формы;
 - стилистические формы.

Примечания

1. Уральская семантическая школа: история, люди, события. Екатеринбург, 2011.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 18.
3. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. С. 16.
4. Шарандин А. Л. Теория языковой формы лексемы в лексикографическом аспекте // Слова и словари. СПб., 2015. С. 145–152.
5. Шарандин А. Л. Когнитивно-дискурсивный потенциал глагольного слова и его словарное представление // Когнитивные исследования языка. Вып. 20. 2015. С. 167–177.
6. Шарандин А. Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов, 2009.
7. Шарандин А. Л. Лексема как модель познания и концептуализации мира в языке и ее реализации в речи // Когнитивные исследования языка. Вып. 23. 2015. С. 250–260.
8. Виноградов В. В. Указ. соч. С. 16.
9. Там же. С. 17.
10. Там же. С. 343.

Lexicographic potential of the lexeme in the explanatory dictionary of the Russian language

The article presents a problem of lexicographic parametrization connected to the definition of the dictionary entry that could have fully and systematically presented language and speech in the structure of the dictionary entry. As the lexicographic unit we suggest to use a special term «lexeme». Lexeme is viewed as the most abstract essence (in comparison with the definition by V. V. Vinogradov) as it includes not only the word forms but also the units traditionally called «words» (for example, stolik, stolische: listva, dochitat, pochitat, chtenie, tetradka, etc). Lexeme is a linguistic sign which content plane

is any but one lexical-semantic variant, and expression plane is the set of forms that structure it. Though in speech the lexeme presents only one form lexically, grammatically, connotatively, and stylistically harmonious with other lexemes in the pattern structure. The dictionary entry is built out of clusters but each cluster outlines lexical space of one lexeme only. Lexicographic potential of the lexeme is denoted by this space which borders are built with various linguistic forms that have their own conceptualisation but at the same time compatible to the conceptual content of lexical meaning. This lets us to use the forms as conceptual structures in relation with the conceptual content of the lexeme and include them into the dictionary entry as equal units in terms of different marks.

Keywords: lexicographic parametrization, lexeme, dictionary entry, conceptual content, conceptual structure, types of linguistic forms.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

© Н. А. Ахманаева
УрФУ, г. Екатеринбург

Реализация образной схемы «путь» в глагольной лексике русского языка¹

Статья посвящена рассмотрению образной схемы «путь» в глагольной лексике русского языка. Подробно рассматриваются признаки, входящие в состав образной схемы «путь», и их метафорические проекции в непространственных сферах процессуально-событийного мира, называемых с помощью глагольной лексики (таких, как интеллектуальная деятельность, сфера эмоций, речь и язык, социальная сфера, общественно-государственная сфера). Автор показывает взаимосвязь образной схемы «путь» и понятий движение/перемещение, на материале конкретных примеров из Национального корпуса русского языка анализирует, каким непространственным ситуациям могут метафорически уподобляться движение и перемещение в глагольной лексике, а также каким образом модифицируются при помощи пространственной метафоры различные характеристики движения или перемещения (направление (однонаправленность/разнонаправленность), вертикальная/горизонтальная ориентация, наличие/отсутствие преграды в процессе движения или перемещения, скорость движения и т. д.). Автор отмечает также согласованность пути с другими топологическими схемами в рамках всей метафорической системы, рассматривая корреляцию и степень взаимодействия образной схемы «путь» с другими топологическими схемами («источник — путь — цель», «контейнер», «препятствие», «поверхность», «верх — низ» и т. д.).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, пространственная метафора, образная схема, путь, глагол

Рассмотрению различных языковых явлений с когнитивной точки зрения посвящено большое количество работ, и исследователи неоднократно подтверждали тезис Дж. Лакоффа о том, что «в нашем стремлении понять мир мы используем когнитивные модели» [1]. Понятие образной схемы (топологической схемы, схемы образа) остается одним из основополагающих в этих исследованиях, и соответственно, в когнитивной лингвистике в целом. И зарубежные, и отечественные ученые отмечают, что образные схемы

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

присутствуют во всех сферах нашей жизни и являются основой нашей понятийной системы, поскольку «они столь глубоко укоренены в человеческом опыте, что, возможно, являются универсальными доязыковыми когнитивными структурами» [2]. Говоря о том, что «когнитивная семантика рассматривает смысл как схему или проекцию действительности» и что такие схемы «можно — и даже естественно — изображать, «рисовать» — причем так, чтобы были видны связи между разными типами употреблений» [3], исследователи выделяют определенный набор таких топологических схем, куда неизменно включается и схема «путь».

В прямом значении слова «путь» на уровне категориальной семантики видим указание на передвижение (путь — ‘передвижение куда-л.; поездка, путешествие’ [4], таким образом, путь можно трактовать либо как самостоятельное движение субъекта — ‘перемещение в пространстве в каком-либо направлении; передвижение’: *вылетать, догонять, обойти, пробежать, сближаться, отдаляться, продвигаться, ходить* и т. д., либо как перемещение какого-либо объекта — ‘передвижение, перестановка с одного места на другое, изменение местоположения чего-л.’: *нести, доносить, отводить, переводить, разносить, сводить, устремлять*.

Описывая образную схему «путь», исследователи обычно говорят о нескольких составляющих этой схемы: начальная точка пути, сам процесс пути (т. е. самостоятельного движения или перемещения объекта) и конечная точка пути. Важными оказываются также такие физические характеристики, как направление движения/перемещения и скорость, с которой оно осуществляется.

В настоящей статье вышеперечисленные характеристики образной схемы «путь» рассматриваются на примере русских глаголов, называющих в переносных значениях ситуации, относящиеся к непространственным сферам «Интеллект», «Эмоции», «Речь и звук», «Социальная сфера жизни человека».

Движение или перемещение в процессе пути может осуществляться с разной скоростью, причем обычно быстрое движение метафорически коррелирует со стремительностью мысли (глаголы интеллекта: *пробежать, устремлять(ся), летать*) или с высокой скоростью передачи речевого сообщения (глаголы речи: *разлететься, разнести*). Ср. различные ЛСВ глагола *разлететься*:

...По комнате разлетались черные хлопья размером с бабочек и сидились на наши лица, так что минут за двадцать мы потеряли человеческий облик

(Т. Толстая). — *Но вдруг я вспоминаю постыдное наказание, ожидающее меня, действительность представляется мне в настоящем свете, и мечты мгновенно разлетаются* (Л. Н. Толстой). — *И мрачные до сих пор вести, разлетавшиеся с быстротою молнии по рукодельной, классной и зале, по длинным коридорам, столовой и кухне, сменились наконец радостными, светлыми и счастливыми* (Л. А. Чарская) [5].

Семантика быстрого передвижения в пространстве, содержащаяся в прямом значении глагола *разлететься* ('улететь или рассеяться, разнестись в разные стороны'), сохраняется и в переносном метафорическом значении, указывая на высокую скорость мыслительного потока или распространения речи ('быстро распространиться где-л., среди кого-л.').

Схему «путь» можно рассматривать в рамках более сложной согласованной топологической **схемы «источник — путь — цель»**, где источником будет считаться исходная точка движения в пространстве, а целью — конечная точка пути. В рассмотренных сферах встречаем примеры лексем, в значении которых можно обнаружить только связку «источник — путь» (глаголы, называющие движение и перемещение, ориентированные относительно исходного пункта движения/перемещения: *выдвигаться, вылетать, выходить, отдаляться, отходить, разносить, разойтись* и т. д.) или только часть схемы «путь — цель», где соответственно, актуализируется цель пути, т. е. его конечная точка (в глаголах, называющих движение/перемещение, ориентированные относительно конечного пункта: *дойти, догонять, доносить, наводить, сближаться, сходиться* и т. д.). Например, ситуация социального взаимодействия в рамках социальной сферы во всех рассмотренных примерах коррелирует с движением/перемещением, ориентированным относительно конечного пункта:

Первая ракета стремительно сближалась с мишенью (М. Ходаренок). — *Благодаря объединяющей силе государства, прежде чуждые друг другу группы людей сживаются, взаимно сближаются, приобретают «множество общих своеобразных культурных элементов и общее историческое прошлое»* (Н. В. Устрялов).

В данном случае сближение говорит о достижении цели в рамках социального взаимодействия между людьми, оценивается с положительной точки зрения, что метафорически соответствует достижению конечного пункта пути. Обратный пример представляет собой ситуация одиночества в сфере эмоций: одиночество метафорически может осмысляться как движение/перемещение, ориенти-

рованное относительно исходного пункта (*оттолкнуть от себя, отходить, отшатнуться от кого-либо, отводить от себя* и т. д.):

Растерявшись немного, я все-таки поднял их и подал ей, но она, усмехнувшись, оттолкнула цветы, и я понес их в руках (М. А. Булгаков). — *Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей* (Н. В. Гоголь).

Источником, т. е. исходной точкой в данном случае будет ситуация, антонимичная одиночеству, а в качестве пути осознается процесс разрывания связей и близких отношений с кем-либо.

Однонаправленное движение/перемещение, таким образом, чаще всего связано метафорически с постановкой цели — интеллектуального (*устремлять мысли к чему-либо, догонять что-либо*), социального (*сходиться, сближаться с кем-либо, дойти до должности* и т. д.) или речевого взаимодействия (*доносить слухи, приводить примеры*). Разнонаправленность же часто связана либо вообще с отсутствием цели (*бегать, летать, ходить*), либо с несколькими целевыми точками (*разносить сплетни*). Ср:

— *Татьяна Марковна почти на руках донесла ее до дому, уложила в свою постель и легла с ней рядом* (И. А. Гончаров). *Сенат доносил Екатерине, что повсеместно расплодилось множество воров, бродяг, разбойников и что в приволжских губерниях стало опасно передвигаться без охраны* (В. Я. Шишков). Или: *В четыре часа ни одной ничтожки не оставалось на столе: все и мушкетер, лежавшее в нем, разнесено было в восемь различных углов* (И. И. Панаев) — *Кроме того, павлоны наверняка расскажут об этом своим свеаборгским дамам, а те разнесут по всему Гельсингфорсу легенду о щедром гардемарине...* (Л. С. Соболев).

В случае с глаголом *доносить* перемещение видится направленным в одну определенную точку, что метафорически соотносится с целью речевого сообщения; в контексте же с лексемой *разносить* целевых точек, соответственно, несколько — как в физическом, пространственном значении, так и в метафорическом.

Рассматривая схему «путь», видим ее согласованность с другими топологическими схемами в рамках всей метафорической системы, что неоднократно отмечалось когнитивистами. Так, например, схема «путь» активно взаимодействует со схемой «контейнер»: рассматривая динамический аспект взаимодействия этих схем, т. е., например, выход из контейнера, мы говорим о движении изнутри вовне. Например, в сфере эмоций одиночество, скука или тоска могут осознаваться в качестве вместилища:

Мать ее посмотрела на меня с упреком, точно я был в чем-нибудь виноват, быстро вышла из комнаты, шумно закрыв за собой дверь, и уже в коридоре за-

кричала (Г. Газданов) — В свободное от занятий время Рыбаков любил играть на рояле и вообще любил музыку <...> он забывался, **выходил из своего одиночества** и чувствовал себя почти счастливым (Н. Д. Телешов).

Выход из комнаты (как из контейнера) метафорически коррелирует в данном случае с выходом из ситуации одиночества. В сфере речевой деятельности, когда в качестве вместилища осознается говорящий, тоже видим процесс выхода из контейнера, ср.:

Медленно она спустилась вниз, где он, уже более спокойный, стоял у раскрытого холодильника, **выкладывая** из него на стойку какие-то **свертки** и пластиковые коробочки... (Д. Рубина) — И вдруг я начинаю рассказывать ему обо всем. **Выкладывая все** (В. Аксенов).

Соответственно, вход в контейнер также осуществляется в результате пути — движения или перемещения из внешнего пространства внутрь:

Раз в день, к вечеру, дверь моей камеры раскрывалась, и дежурный **вносил котелок** супу, кусок хлеба (В. Шаламов) — Требовательные герои пьесы **вносили** необыкновенную **заботу** в душу (М. Булгаков).

Движение или перемещение может осуществляться в вертикально или горизонтально ориентированном пространстве, и здесь обнаруживаем взаимодействие пути и топологической **схемы «верх — низ»**, являющейся одной из базовых пространственных схем и метафор, «которыми мы живем». При этом вертикальная ориентация оказывается актуальной преимущественно в сферах социальной жизни человека (**низвергать**, **низлагать**, **лезть**) и в общественно-государственной сфере (**сбрасывать**, **скидывать**, **спускать**), выдвигая на передний план статусные отношения между людьми или поражение в рамках социального противодействия:

С крыши, обросшей сосульками, **сбрасывали** тяжелый, напитанный влагой снег (А. А. Бек) — Сначала возводите на **пьедестал**, а потом **сбрасываете** (С. Спивакова).

В глаголах типа **сыпать**, **рассыпать**, относящихся к сфере речи и звука, также обнаруживаем топологическую схему «путь» и, в большей степени, находим взаимодействие с образной схемой «поверхность»:

Сохранила блестящий русский язык, постоянно **сыплет цитатами** из Ахматовой, Пастернака, Гиппиус (С. Спивакова); Вся спереди и сзади из кругленьких предметов состоящая и круглое, румяное лицо имеющая, Нелли Сергеевна **сыпала шутки**, прибаутки, пробовала рассказывать анекдоты, гости сдержанно смеялись... (В. Астафьев) — Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, <...> **сыпали на голову ему бумажки**, называя это снегом (Н. В. Гоголь).

Речь в данном случае представляется движущейся по вертикали (т. е. имеющей свой путь, свою траекторию движения), а слова *сыплются* или *рассыпаются* в определенной группе людей, подобно тому, как мелкие предметы рассыпаются по поверхности.

В глаголах *обронить*, *ронять*, *уронить*, также называющих ситуации речевой деятельности, перемещение вниз какого-либо объекта (или объектов) метафорически коррелирует с ситуацией передачи речевого сообщения:

Шурик долго пыхтел, расплачиваясь: все ронял бумажки в грязь (А. Волос). — *Я привык к тому, что классики и те, кто считают себя классиками, любят говорить сами, они вещают истины, роняют ценные мысли, чтобы слушатели почтительно заносили их изречения в записные книжки и публиковали в мемуарах* (Д. А. Гранин).

Движение/перемещение по горизонтально ориентированной поверхности может быть быстрым или, наоборот, медленным. При этом чаще всего нечто долгое, растянутое воспринимается отрицательно, подобно тому, как долгая, медленная и дорога утомительна и вызывает усталость у путешествующего:

Дорога тянулась бесконечно, и ему казалось, что пытке этой не будет конца (М. П. Арцыбашев) — *Зима, которая тянулась бесконечно долго, казалась Леньке какой-то ненастоящей* (А. И. Пантелеев).

Кроме того, поверхность, по которой совершается движение/перемещение, может быть ровной, гладкой, без неровностей, так же как, например, и движение мысли или речевого потока может обладать свойством гладкости, плавности, а может пережигаться препятствиями (*запинаться, спотыкаться, сбивать, запутаться, спутаться*):

Еле волоча ноги, спотыкаясь и поминутно перекладывая с плеча на плечо свою ношу, он тащился неровным, ухабистым, исковырянным коровьими копытами деревенским выгоном и еще издали стал искать глазами мать (А. И. Пантелеев). — *Мы идем вперед, мы ошибаемся, мы спотыкаемся, но мы идем во имя самой великой цели, которая только ставилась перед человечеством* (И. Л. Солоневич) или *Спотыкаясь на словах, он рассказывал истории из своей солдатской жизни...* (М. Горький).

В сфере речевой деятельности прямая речь, прямой разговор, исключающий недоговоренность и обман, воспринимается положительно, точно так же, как и прямая, ровная дорога:

И если бы он сразу оборвал все, то конечно ничего бы и не было, но он тянул, врал, что-то выгадывал — словом, гнался за двумя зайцами сразу. От прямого разговора уклонялся (Ю. О. Домбровский). — *С правой стороны видна неизмери-*

мая степь, чрез которую лежит **прямая** и широкая **дорога**, обсаженная по сторонам полюбленившими ивами и осинником, изредка краснеющим (Н. Мамышев).

При этом преградой может служить не только неподвижный объект (граница или вместилище), но и движущийся субъект, с которым можно столкнуться в процессе движения или перемещения. Например:

*И тут же **столкнулся** с еще более ужасной **мыслью** о том, что... а ну как выйдет такой, как Ликоспастов? (М. А. Булгаков). — Выйдя из купе, Андрей чуть не **столкнулся** с идущим по вагону **проводником**, но ни о чем не стал его спрашивать (В. Пелевин).*

В данном случае в ситуации интеллектуального восприятия мысль видится препятствием для движения/перемещения, причем не статической преградой, а самостоятельно движущимся объектом, с которым может произойти столкновение.

Образная схема «путь», таким образом, взаимодействует со схемами «источник — путь — цель» (*вылететь* из головы, *выйти* на связь, *доносить* слухи, *отдалиться*, *отойти* друг от друга, *сближаться*, *сходиться* с кем-либо) «препятствие»/«устранение препятствия» (*сталкивать*, *сбивать* с мысли, *запнуться*, *споткнуться* на полуслове, *выпустить* из головы и т. д.), «протяженность» (мысль *тянется*, *протягивать* слова), «верх/низ» (*лезть* по карьерной лестнице, *сбрасывать* с пьедестала) «близко/далеко» (*отдаляться*, *отходить* от кого-либо), и со схемой «поверхность», поскольку движение или перемещение чаще всего осуществляется по какой-либо поверхности. Рассмотренные образные схемы, тесно взаимодействуя со схемой «путь», находят свою метафорическую реализацию в интеллектуальной, эмоциональной, речевой и социальной сферах жизни человека.

Примечания

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи / пер. с англ. И. Шатуновского, М., 2004. С. 97.
2. Скребицова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб., 2011. С. 116.
3. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. 1998. № 36. С. 34.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984 [Электронный ресурс]. URL: www.slovari.ru (дата обращения: 31.05.2016).
5. Все примеры: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 31.05.2016).

Image schema *path* in the verbs of the Russian language

The article deals with the presentation of image schema *path* in the verbs of the Russian language. It also discusses the parts of the image schema and the metaphorical mapping in imaginative spheres nominated by Russian verbs (in the following spheres: intellectual activity, emotions, speech and language, social and state). The author firstly shows the correlation between the image schema *path* and the concept of motion/movement, secondly analyses particular examples from the Russian National Corpus where non-spatial situations can metaphorically mean movement and displacement represented by the verbs, and thirdly investigates the realization of different motion and movement characteristics of the spatial metaphor (direction (unidirectional/multidirectional), vertical/horizontal orientation, the presence/absence of obstacles in the process of movement or displacement, speed etc.). Beyond that the author notes the correlation of the image schema *path* with other image schemas throughout the metaphorical system, thus, separately considering the correlation and the degree of interaction between image schema *path* with image schemas «source — path — goals», «container», «obstacle», «surface», «up-down».

Keywords: metaphor, spatial metaphor, cognitive linguistics, image schema, path, verb.

© С. М. Белякова

ТюмГУ, г. Тюмень

Эстетическое освоение сферы «Алкоголь» в русских народных говорах

В статье рассматривается денотативно-референтная сфера «Алкоголь» в ее эстетической рефлексии, отраженной в живой речи современного сельского населения. Для выявления специфики эстетического начала народной речи привлекаются языковые факты, характеризующиеся семантической двуплановостью и прагматической нагруженностью: тропы, экспрессивные и оценочные средства, фразеологизмы, прецедентные тексты. Данная область модифицирована как сфера-реципиент, получающая номинации из сфер животного мира и артефактов. Аксиология этой сферы лежит в плоскости отрицательной оценки. При этом используются разнообразные образно-экспрессивные средства, что создает яркую эстетическую картину. Кроме тропов, экспрессивных средств, фразеологизмов, отмечаются сентенции, что свидетельствует как об эмоциональном восприятии явления, так и о его рациональном осмыслении и осуждении. Установлена связь данной сферы с традиционно-культурными представлениями народа, где эстетические предпочтения перетекают в этические установки.

Характерными признаками ее эстетического освоения являются использование алогизмов и приема «расчеловечивания», а также ассоциации со смертью, что создает модус ирреальности.

Рассмотренное эстетическое поле отражает женский фокус восприятия этой социально-культурной акции в диалектной среде, что существенно отличается от маскулинного массового сознания жителя города.

Ключевые слова: эстетическая функция языка, русские говоры, денотативная сфера «Алкоголь».

Эстетическая функция языка (речи) признается лингвистами одной из основных, однако ее описание, раскрытие ее специфики нашей наукой нельзя, на наш взгляд, считать исчерпывающим. В. Н. Телия в монографии 1996 г. писала, что данная проблема остается наименее разработанной в лингвистике [1]. К настоящему времени создано немало работ, посвященных этой функции, называемой то эстетической, то поэтической, но материалом для ее изучения служит преимущественно художественная речь. Однако еще Р. Якобсон предупреждал, что «любая попытка ограничить сферу поэтической функции только поэзией или свести поэзию только к поэтической функции представляют собой опасное упрощенчество» [2]. По нашему мнению, сфера разговорной речи, включая и речь диалектную, является тем полигоном, где активно воплощается эта функция, где возникают и испытываются многие средства ее реализации. Это подтверждают работы таких исследователей, как В. Е. Гольдин, Н. А. Лукьянова, В. Д. Лютикова и др. Мы вполне согласны с мнением Л. А. Новикова о том, что «потенциально все средства языка во всех его социально обусловленных разновидностях способны участвовать в реализации эстетической функции» [3]. Подчеркнем лишь, что этот потенциал находит свое вполне реальное воплощение в диалектной речи.

В качестве непосредственного материала нашего исследования выступают прежде всего тюменские говоры, зафиксированные в «Словаре русских старожильческих говоров юга Тюменской области», вышедшем из печати в 2014 г., и в диалектных записях, произведенных автором, а также ее коллегами с кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета в период с 1950 по 2016 гг.

Работы Г. О. Винокура, В. П. Ковалева, Л. А. Новикова, Д. Н. Шмелева и других отечественных лингвистов позволяют считать, что эстетика языковых знаков обусловлена различными преобразованиями в их семантике. Примем это положение за исходное для нашего исследования.

Для выявления специфики эстетического начала народной речи нами привлекаются следующие языковые факты: образные лексические единицы, экспрессивные и оценочные средства, фразеологизмы, прецедентные тексты (пословицы, присловья, загадки, сен-

тенции, в том числе шуточные), феномены языковой игры. В качестве оснований их общности выступают семантическая двуплановость, которая реализуется главным образом в тропах, и прагматическая нагруженность (экспрессивность, прецедентность), а также взаимозаменяемость названных языковых феноменов. Не отрицая, разумеется, яркую специфику каждого из перечисленных эстетических средств, мы считаем возможным их объединение в рамках одного исследования. Кроме уже названных оснований, укажем и на их близкий коммуникативный потенциал.

Важнейшим аспектом рассмотрения для нас является выделение и последующий анализ денотативно-референтных сфер, генерирующих «эстетические поля», их модификаций в качестве сфер-доноров и сфер-реципиентов, другими словами, «центробежных» и «центростремительных». Дальнейший анализ включает в себя следующие параметры, представляющиеся нам наиболее существенными:

- определение важнейших семантических центров, связанных с этими двумя тенденциями, их номинативной плотности;
- выявление направлений переноса;
- обнаружение наиболее важных образов (предметных и ситуативных);
- выявление повторяющихся признаков и мотивов, которые «пронизывают» разные сферы;
- установление связи данной сферы с национально-культурной системой эталонов, а в более широком смысле — с традиционно-культурными представлениями народа, где эстетические предпочтения перетекают в этические установки. Большое значение имеет и определение соотношения эстетически значимых языковых средств в каждой рассматриваемой сфере.

В качестве конкретной денотативно-референтной сферы в настоящей статье рассматривается сфера «Алкоголь». Она имеет сценарную (фреймовую) структуру. По мнению В. В. Химики, «пьянство как коммуникативно-деятельностная ситуация может рассматриваться как комплекс интенций, акций, состояний, оценок и соответствующих подсистем номинаций» [4].

Фразеологизмы со значением «пить, пьянствовать», функционирующие в русских говорах, в структурно-семантическом плане достаточно подробно описаны Л. А. Ивашко [5]. В кандидатской диссертации Н. А. Устиновой [6], в которой рассматривается пище-

вой код традиционной культуры, значительное место отведено «алкогольной части», трактуемой автором как «антибытие», «иномир». В монографии В. В. Химики «Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен» есть глава «Поэтика пьянства в массовом языковом сознании», где речевое выражение и обозначение массовым сознанием «всех составляющих социально-культурной акции “распитие спиртных напитков”» представлено в виде «номинативно-коммуникативной последовательности» [7].

В рассматриваемой сфере выделяются следующие семантические центры:

— пить, выпить алкоголь (умеренное употребление): *выхлестнуть, забутыливать, постучать ендовой, сдоят да строят; охотники мы: наливай да выпивай; сдвоить да строить* «выпить вдвоем или втроем»;

— пить постоянно (неумеренное употребление): *в рюмку заглядывать, запироваться, запиться в доску, запиться вдребезги, не просыхать, пьют, как телята, пить конскими дозами, сороковуху свою выпить*;

— пьяный, быть пьяным (ситуативная характеристика): *бусой; глазища налить; косорылый; лыка не вязать; под хмельком; прийти на четырех костях; лежатьверху воронкой* «о состоянии опьянения», *распьяным-пьянехонек; налакаться, напиться до узи, нараздверягу; пьяный в дугу*;

— пьяница (постоянная характеристика): *алкаш, выпивуха, зюзя, опоек* (однословные экспрессивные номинации);

— умереть от пьянства: *с вина сгореть; водка затынет, как собаку в колесо*;

— алкогольные напитки: *барда, косорыловка, сивуха*;

— деньги, истраченные на выпивку: *на глотку*;

— последствия неумеренного пьянства (о детях): *на вине заведенные*;

— женское пьянство: *дурнопьяниха; он пьет — это горе, а она — два горя* (сентенция).

Перед нами очень экспрессивная и образная сфера, сфера — реципиент; как донор в изучаемых говорах она не используется, в отличие от литературного языка (например, *пьян от любви, пьяный воздух* и т. п.). Практически все примеры содержат отрицательную оценку. Используются разнообразные образно-экспрессивные

средства. Среди тропов отмечается метонимия (*постучать эндо-вой, на глотку*), сравнения (в том числе бестиарные), метафора (*на вине заведенные*), гипербола (*пить конскими дозами*). Поскольку большое значение имеет сам процесс потребления алкоголя (разовый или осознаваемый как постоянный), широко используется глагольная метафора: *сгореть, не просыхать, выхлестнуть, хлестать*. Прямое значение данных глаголов отсылает к образам огня, большого объема жидкости, резкого удара. Прилагательное *бусой* также имеет переносное значение, возможно, оно связано с *бус* «мелкий дождь», что создает важный для данной сферы образ жидкости. См.: *О, идет бусой, подпил*. Еще одно характерное для данной сферы языковое средство — экспрессивные возвратные и невозвратные глаголы с префиксами *вы-, за-, на-* (*выхлестнуть, вызыгать, запироваться, забутыливать, запиться, налакаться*).

Чрезвычайно характерным для данной области явлением выступают алогизмы, подчеркивающие «выход из ситуации обыденной жизни», «инобытие», обращение к «нечеловеческому миру», о чем писали Ю. С. Степанов [8], Н. А. Устинова [9]: *запиться в доску* (здесь также возможна трактовка, отсылающая к мотиву гроба, смерти), *пьяный в дугу, запиться вдребезги* (мотив деструкции), искажение человеческого облика: *косорыловка, косорылый, нараздверягу*. Приведем диалектные контексты: *А он запился в доску. Раз пьет, зачем он в доме? // Бабы некоторые запились вдребезги. // У, косорылай ты, с кем упеть напился? // Вон косорылый мужик лежит, не все ешиш вино-то вызыгал. // Сдвоят да строят* (т. е. выпьют вдвоем или втроем), *явится нараздверягу*. В последнем примере отражен мотив разъединения, раздвоения, *дверяжить* — соединять, скручивать нитки вдвое. В целом можно говорить о модуле ирреальности, ярко проявляющем себя при языковом отражении данной сферы.

Чрезвычайно характерным является прием «расчеловечивания», типизирующим в народной эстетической системе ситуацию пьянства. Он реализуется в бестиарных образах: *пить конскими дозами, пьют как телята, пьяные, как котята*. (Основанием для сравнения в последнем примере служит признак беспомощности.) Отнесем к ним также глагол *налакаться* и фразеологизмы *прийти на четырех костях* и *напиться до узи*, где последнюю лексему можно соотнести с подзывными словами для свиньи. См.: *А ему че,*

налакался и знай себе — лежит кверху воронкой. // Вы чуру не знаете, нормы не знаете, надо напиться до узи. Одно из наименований пьяного — *зюзя* — признается весьма архаичным, а его происхождение также соотносится с диалектным названием свиньи, т. е. и эта номинация является отражением бестиарного образа. Примеры диалектных контекстов: *Вон таишшйтса другой зюзя — на ногах не стоит. // Моева зюзя нече не проймет, опохмелитса да опеть за винишишо.*

«Расчеловечивание» проявляется и в искажающих, деструктивных действиях/мотивах, представлении о невозможности выполнить в состоянии опьянения какое-то простое, привычное действие (*лыка не вязать*), о возможности «сбиться с пути» как в прямом, так и в переносном значении (*По пьянке с пути сбиваются люди*), о поведении за пределами нормы. Выход за пределы нормы может оцениваться как в общем плане (*Вы чуру не знаете, нормы не знаете, надо напиться до узи*), так и в конкретной ситуации похорон и поминок (*Раньше на похоронах вино нельзя было. Это и в Библиях читали. Это грех великий, нельзя*).

Тема алкоголя в народном сознании тесно связана с темой смерти. При этом алкоголь соотносится с образами огня и воды (жидкости), выступающими причиной смерти. Эстетические средства могут нанизываться, усиливая пейоративную оценку ситуации: *Водка затянет, как собаку в колесо* (олицетворение и бестиарное сравнение). Наименования алкогольных напитков выступают субъектами в структуре предложения, реализуя олицетворение: *Нонче, видишь, вино все заманиват. Ср. также: Мой мужик с винсом снюхалса, лыса пегу через табун видит.*

В поле пейоративной оценки включаются образы сосудов для вина и водки: рюмки, бутылки, енды (широкий низкий сосуд, предназначенный для хранения и употребления напитков), сороковухи (большое ведро, бывшее ранее мерой алкогольных напитков) (метонимический принцип). См. контексты: *Не будете в рюмку заглядывать — хорошо будете жить. // Рюмки собирает. // Они там забутыливают, наверно. // Постучали ендовой вчера. // Отец робил в кузнице и пил, сороковуху свою выпил.* Предмет домашней утвари — воронка — метафорически обозначает рот, ассоциируясь с вливаемой жидкостью: *А ему че, налакался и знай себе — лежит кверху воронкой.*

Бутылка с алкоголем (чаще всего — водкой) выступает универсальным эквивалентом при оплате разных работ: *Старухе привезли дрова, вот такие карчи. Колоть за одну бутылку никто не согласится. // Без бутылки в глаз не плюнут.* По мнению В. В. Химики, эта традиция существовала в условиях русской действительности издавна, варьировались лишь единицы измерения.

Употребительны экспрессивные наименования пьющего человека, в том числе вокативы: **Опоек**, *навязался на меня. // В то время выпивухи были, но мало таких было. // Тащится: «Баб Лиз, дай бутылку!» — Тьфу, алкаш!*

Особенно значимо отрицательное отношение к пьющим женщинам, см., например, сентенцию *Он пьет — это горе, а она — два горя*, где отражен количественный аспект явления. Показательно и экспрессивное наименование *дурнопьяниха* «пьющая женщина» (*Там раньше дурнопьяниха жила, сейчас не знаю, куда подевалась*), сложное слово с первым корнем *дурн-* и экспрессивным суффиксом *-их(а)*.

В народном восприятии пьянство противопоставлено работе: *Глазищиша с утра нальет, дак какой он работник* (здесь важен и темпоральный показатель *с утра*, усиливающий отрицательную оценку). Ср. также: *Еще не у коева чего, а он уж роспьяным-пьянехонек*, где выражение *не у коева чего* можно объяснить как «ничего не сделано». // *А он запился в доску. Раз пьет, зачем он в доме?* Кроме того, употребление алкоголя противопоставляется и истинному веселью, гулянию (существовавшему, по мнению информантов, раньше, при другом жизненном укладе): *А теперь ни песен ни басен, одно вино хлещут. // Сейчас вся и радость, что вино. // Не пили ведь экую беду* (т. е. так много). // *Поедем на луга, рыбу ловим в общий котел, не пьянка была, а гулянье. // А теперь голима пьянка.* Из других жизненно важных процессов с пьянством коррелирует принятие пищи: *Пускай редьку ест — отвыкнет от вина.*

Распространенная в русском языке фразеологическая модель с предлогом *под*, обозначающая состояние опьянения (типа *под градусом, под мухой*), в наших говорах представлена лишь оборотом с несколько снисходительным значением — *под хмельком*: *Как под хмельком, дак зашнет на всех базарить*. Изменение поведения человека усиливается при помощи отрицательного образа базара.

Существование современного пьянства, его масштабы воспринимаются в народе как предвестники апокалипсиса: *По Библии бы-*

ло говорено: сначала все будут жажждать на водку, запиваться будут, потом войны пойдут.

С пьянством соотносятся следующие соматизмы (в том числе экспрессивные пейоративные синонимы): глаза, глотка, нос, рот (*воронка*), ноги (*кости*).

В нашем диалектном материале практически не отражено двойственное отношение к пьянству, что обычно отмечают исследователи, опираясь на материалы разговорной речи, паремиологического фонда (см., например, пословицы *Пьян да умен — два угодыя в нем; Пьяный проспится — дурак никогда*, где пьянство предстает вполне приемлемым общественным явлением). Все высказывания аксиологически отрицательны, практически единственный пример с положительной оценкой (хотя здесь, несомненно, присутствует ирония): *Сыт, пьян и нос в табаке* — как символ удовольствия, где представлен своеобразный набор «радостей» жизни. Ирония также отражена в присказке: *Охотники мы: наливай да выпивай*.

Как пишет В. В. Химик, оценивая феномен пьянства в массовом русском языковом сознании, «поскольку пьянство в целом — мужская «привилегия» (во всяком случае, до недавнего времени), то можно предположить, что в подавляющем большинстве это, несомненно, «мужские номинации» и снисходительность в их содержании направляется говорящими в свой собственный адрес. Иначе говоря, основным субъектом языкового творчества в этой сфере являются сами пьющие» [10]. Однако диалектный материал диктует нам другой фокус восприятия феномена. Как известно, у информанта-диалектоносителя преимущественно «женское лицо». Это объясняется многими причинами как лингвистического, так социального характера (мужчины имеют меньшую продолжительность жизни, труднее идут на контакты, хуже сохраняют черты традиционного говора). Для женщин, сберегающих основные ориентиры традиционной культуры и страдающих от мужского пристрастия к алкоголю, ситуация «распития спиртных напитков», ее участники и последствия — это **объект** восприятия и оценки, вследствие этого — неизбежно отрицательной. Этим же объясняется и отсутствие в речевой реализации данной денотативной сферы в говорах подсистемы «подготовка к распитию спиртного». Для тех, кто имеет дело с последствиями, «подготовка» не столь важна.

Таким образом, в результате рассмотрения эстетического освоения сферы «Алкоголь» русскими говорами юга Тюменской области были получены следующие выводы.

Данная сфера является активным реципиентом, получающим номинации из сфер животного мира, артефактов (сосуды, домашняя утварь).

Аксиология этой сферы лежит в плоскости отрицательной оценки. При этом используются разнообразные образно-экспрессивные средства, что создает яркую эстетическую картину. Кроме тропов, экспрессивных средств, фразеологизмов, отмечаются и сентенции. Это свидетельствует как об эмоциональном восприятии явления, так и о его рациональном осмыслении и осуждении.

Специфическими особенностями данного эстетического поля выступают использование алогизмов и приема «расчеловечивания» (с отсылкой к различным образам, в первую очередь бестиарным), а также ассоциации со смертью, что создает модус ирреальности.

Рассмотренное эстетическое поле отражает женский фокус восприятия этой «социально-культурной акции» (В. В. Химик) в диалектной среде, что существенно отличается от маскулинного массового сознания жителя города.

Примечания

1. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
2. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 04.05.2016).
3. *Новиков Л. А.* Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. М., 2001. С. 19.
4. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. С. 159.
5. *Ивашко Л. А.* Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981. С. 38–42.
6. *Устинова Н. А.* Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011.
7. *Химик В. В.* Указ. соч. С. 159.
8. *Степанов Ю. С.* Константы русской культуры. М., 2001.
9. *Устинова Н. А.* Указ. соч.
10. *Химик В. В.* Указ. соч. С. 191.

Aesthetic reflection of the denotative-referential sphere of “Alcohol” in Russian dialects

The article discusses denotative-referential sphere of “Alcohol” in its aesthetic reflection, mirrored in the living speech of a modern rural population. To identify the speci-

ficity of the aesthetic principle of popular speech involves linguistic facts, characterized by semantic and pragmatic biplanning load: trails, expressive and assessment tools, idioms, precedent text. This modified region as the sphere of the recipient, receiving the nomination of the areas fauna and artifacts. Axiology of this sector lies in the negative evaluation. It uses a variety of figurative-expressive means, which creates a vibrant aesthetic picture. In addition to tropes, expressive means, idioms, maxims are observed, which indicates how the emotional perception of the phenomenon and its rational understanding and judgment. The connection of this field with traditional cultural notions of people, where aesthetic preferences spill over into ethical attitudes.

The characteristic features of its aesthetic development is the use of logismos and reception of “dehumanization”, as well as the association with death, which creates a modus of unreality.

Considered aesthetic field reflects women's focus of perception of this socio-cultural action in a dialectal environment that is significantly different from the masculine of the mass consciousness of the population.

Keywords: aesthetic function of language, Russian dialects, denotative sphere “Alcohol”.

© М. М. Бент
ЧелГУ, г. Челябинск

Женские судьбы в романе В. Вулф «Годы»

В статье рассматриваются судьбы трех поколений женщин семейства Парджитеров, отмечаются перемены, происходящие на фоне исторических событий и приводящие к постепенному росту социальной роли женщин. Если старшее поколение реализует себя в домашней сфере или в благотворительности, то младшее поколение участвует в политической жизни и обретает профессиональное призвание. Судьбы всех персонажей даны нелинейно, внимание автора сосредоточено на фигурах женщин, мужчины оказываются на периферии. В качестве героев-протагонистов выступают дочери полковника Эйбела Парджитера (Элинор, Милли, Делия и Роза), их кузины (Китти Мелоун, Мэгги и Салли Парджитер), молодое поколение представлено врачом Пегги Парджитер. Типология женских судеб сводится к трем вариантам: автобиографический персонаж — мечтательная и бездействующая молодая женщина, которая через творческое воображение пытается найти связь с внешним миром; более деятельная героиня, свободная натура, готовая разорвать сковывающие ее рамки, навязанные обществом; и третий тип — женщина, которая не порывает с традицией и является хранительницей родового гнезда. На периферии появляются судьбы служанок и эпизодических персонажей, при этом даже незначительные персонажи наделяются именами и деталями биографии.

Ключевые слова: патриархальная семья, викторианство, английский средний класс, автобиографический персонаж, борьба за права женщин, «гений домашнего очага», эпизодические персонажи.

Предпоследний роман, созданный В. Вулф, «Годы» (1937) воспроизводит типологическую схему отношений в семье и женских

судеб, выработанную писательницей. В романе описывается семейство Парджитеров, принадлежащее к среднему классу. Доминирующую роль играет отец как глава семьи. Мать, как и в других романах В. Вулф, оказывается зафиксированной в момент ухода из жизни. Среди детей есть и братья, и сестры, но внимание автора сосредоточено на судьбах сестер. Судьбы мужчин воспринимаются опосредованно, через роль, которую они играют в женских судьбах.

Роман «Годы», по мнению Дж. Неймора, имеет «фрагментарную, асимметричную форму», его атмосфера постоянно меняется, переходя от лиризма к сатире и «извращенному уродству» [1]. Судьбы всех персонажей даны нелинейно, из обширного ряда лет их жизни извлекаются отдельные события, при этом рассказчик попутно вспоминает что-нибудь, и читателю приходится реконструировать биографии по отдельным сюжетным эпизодам и упоминаниям вскользь.

В качестве героев-протагонистов выступают дочери полковника Эйбела Парджитера: Элинора, Милли, Делия и Роза. Параллельно к их судьбам рассматриваются судьбы их кузин, таким образом, в поле внимания автора попадают еще несколько семейств. В семействе Мелоун главное внимание автор уделяет Китти, в семействе Дигби Парджитера — Магдалене (Мэгги) и Саре (Салли). Все они являются представителями одного поколения, но в дальнейшем сюжетном развитии романа появится и следующее поколение, представленное детьми Морриса, в частности, его дочерью Пегги. По мнению Г. Рэдин, роман «Годы» дает представление о женщинах по отношению к женщинам в качестве «друзей, сестер, кузин и племянниц, учащихся друг у друга и свободно общающихся» [2] в отличие от их привычного представления по отношению к мужчинам в качестве любовниц, жен и матерей.

Типология женских судеб сводится к трем вариантам: ближе всего самой В. Вулф автобиографический персонаж, *alter ego* автора, — мечтательная и бездействующая молодая женщина, которая через творческое воображение пытается найти связь с внешним миром (в романе это Салли). Другой тип, более деятельный, — героиня, которая воспринимает мир «как сочетание света, формы и цвета» [3], а также звуков: «Издалека музыка звучала романтично, таинственно, и цвета смешивались между собой, поэтому не было видно ни одного чисто-розового, белого или синего пятна» [4]. В

описании этой второй героини угадывается сестра В. Вулф, Ванесса Белл. Это тип художницы, более свободной натуры, которая готова разорвать сковывающие ее рамки, навязанные обществом. К этому типу можно в какой-то период биографии отнести и Мэгги, и Делию, и Розу. И третий тип — женщина, которая не порывает с традицией и является хранительницей родового гнезда, «гением домашнего очага» после смерти матери семейства. Пространство ее жизни — это сфера домашнего существования: шитья, вязания, приготовления пищи, домашнего быта и семейных уз, хотя при этом В. Вулф лишает Элинора материнства. В этой героине, хотя и не полностью, угадывается старшая сводная сестра В. Вулф Стелла Дакворт.

Роман написан В. Вулф как некая ретроспектива — дело даже не во временном охвате (1880–1930-е гг.), а в том, что она пишет из настоящего с оглядкой на свое прошлое, появляется оценочная позиция современной В. Вулф по отношению к своему восприятию в годы юности. Некоторые исследователи, в частности, Дж. Маркус, считают этот роман «погребальным плачем по умирающей викторианской патриархальной семье» [5].

Период времени, охваченный в романе, был насыщен историческими событиями, в том числе мирового значения. Для Англии это последние два десятилетия правления королевы Виктории (1819–1901; правила с 1837 по 1901), недолгое правление ее сына Эдуарда VII (1841–1910; правил с 1903 по 1910) и период царствования ее внука Георга V (1865–1936; правил с 1910 по 1936). Однако все события в романе показаны через призму женского восприятия, изнутри женской судьбы, поэтому они все оказываются на периферии. В главе «1891» косвенным образом упоминаются такие события, как англо-бурская война — «Насчет этих африканских дел...», причем автор не считает нужным продолжать эту мысль, обрывая предложение в самом начале; смерть Ч. С. Парнелла, которая воспринимается Элинора как событие личной жизни — «Она должна пойти к Делии. Делии это безразлично». Чувства самой Делии в этот момент никак не отражены, кроме того, что ее отец говорит Эжени в день смерти Парнелла: «Может быть, это образумит ее [Делию]» [1]. В главе «1911» дается ссылка на празднества в честь юбилея восшествия на престол королевы Виктории в 1887 г. — «такой засухи не было с юбилейного года». В главе «1914» упо-

минаются такие явления современной В. Вулф действительности, как суфражизм, митинги с импровизированных трибун в Гайд-парке, «сообщения из Ирландии» (действие в главе происходит весной 1914 г., т. е. в период подготовки к третьему чтению законопроекта о гомруле, которое происходило летом 1914 г. и послужило одной из причин Пасхального восстания 1916 г.). В главе «Наши дни» речь идет о приметах времени перед второй мировой войной: нарисованный на стене круг с молнией внутри — символом чернорубашечников (фашистов) в Англии, «портрет жестикулирующего толстяка» (предположительно, Муссолини), памятник английской сестре милосердия Эдит Кавелл, расстрелянной немцами¹, при этом отношение автора к первой мировой войне демонстрирует очень иронический комментарий Пегги: «Всегда напоминает мне рекламу гигиенических прокладок». Мир за пределами Британии фактически оказывается вне поля зрения, мы можем только угадывать мировые события за общим настроением людей.

Таким образом, центральное место в романе занимает дом, сфера доминирования женщин. Приметами семейного очага становятся круглый стол, «голландский буфет с синим фарфором на полках» в гостиной и старомодный медный чайник «с почти стершимся гравированным орнаментом в виде роз», лампы с шелковыми абажурами и другие детально описанные предметы домашнего обихода. Несмотря на то, что дом — это сфера жизни женщин, господствует в нем мужчина. Как только дети слышат звуки вошедшего в дом отца, они моментально меняются: «Мартин мгновенно выскользнул из отцовского кресла, Делия села прямо. Милли быстро подвинула вперед большую чашку в розовую крапинку, которая не подходила к остальным», а отец свирепо оглядывает присутствующих и выслушивает отчет Милли о дневных событиях.

В семье Эйбела Парджитера четверо дочерей, однако внимание автора к ним распределено неравномерно. Центральным персонажем является старшая дочь Элинора (Нелл). С самого начала она

¹ По поводу памятника стоит отметить следующее: отдельными исследователями творчества В. Вулф было замечено, что многие неназванные произведения искусства в ее романах имеют почти абсолютное сходство с оригиналом, за исключением какой-нибудь одной детали. Так, в случае с памятником на Сент-Мартинс Плейс в оригинале обе руки сестры милосердия опущены, в то время как у В. Вулф она описывается «с протянутой рукой».

предстает как «утешительница, миротворица, смягчавшая ... все бури и тяготы семейной жизни», ее социальная роль — оказание благотворительной помощи (приход из Гроув, по всей вероятности, бедного квартала). В семье она ведет домашние счета, хотя и не без контроля отца. Элинор демонстрирует свою начитанность и культуру (легко читает по-французски и по-итальянски, немного по-немецки), однако ее знания несистематичны, особенно в сфере естественных наук, нигде нет речи о том, что она где-то обучалась. Она и сама понимает это: «... какие большие пустоты, какие пробелы, думала она, опираясь на спинку кресла, есть в ее знаниях! Как мало она знает обо всем. Взять хотя бы эту чашку. ... Из чего она состоит? Из атомов?».

Взаимоотношения Элинор с отцом и братьями складывается из деталей. Она пишет Эдварду в Оксфорд, Мартину в Индию. Она ставит себе в заслугу, что изменила судьбу Морриса: «Она вспомнила, как в юности он мечтал об адвокатуре. Это ведь она переубедила папу. Однажды утром она собралась с духом и пошла к нему в кабинет...». Позже сестра терзается сомнениями, нужно ли это было Моррису, «...но что сделано, то сделано. Он женился, пошли дети, ему пришлось продолжать начатое, хотел он того или нет». Посещая заседание, на котором выступает Моррис, Элинор подмечает приметы профессиональной жизни, которой она лишена. Общение с ближайшими родственниками-мужчинами вытеснено в сферу быта, в которой отец обращает внимание на дочерей, чтобы пожурить их за лишние траты. Деньги находятся во власти мужчин, и нигде в романе сестры не высказывают признательность братьям за участие в их судьбе, хотя подразумевается, что есть какой-то унаследованный доход, но он, очевидно, является слишком скромным.

Помимо того, что Элинор сплачивает семью, она играет оценочную роль по отношению к другим персонажам, сравнивая свою жизнь с жизнью других, примеряя их судьбы на себя. Создается впечатление, что она заранее обречена на жизнь в одиночестве и не сопротивляется судьбе. Как продукт викторианской чопорности, Элинор даже себе не признается в скрытых желаниях. Нигде откровенно не высказаны ее мечты о замужестве, только позже, уже в возрасте, уходя после визита к своей двоюродной сестре Мэгги, она внезапно ловит себя на мысли: «Вот за этого мужчину [Рене] ... я

хотела бы выйти замуж». Атмосфера этой семьи для нее — атмосфера счастливого брака.

Еще одним проявлением форм внешней жизни (помимо благотворительности) для Элинор являются путешествия: в молодости, проходя мимо вокзала Чаринг-Кросс, она чувствует смутное желание куда-нибудь поехать; когда она становится старше, в какое-то неопределенное время между 1891 и 1908 она посещает Италию вместе с Дигби и Эжени, в 1911 возвращается из поездки по Испании, позже мы узнаем, что она была в Греции и Индии, но когда, сказать наверняка невозможно, вероятно, где-то в период между первой и второй мировыми войнами. У читателя складывается впечатление, что Элинор обретает истинную себя и свою семью, будучи семидесятилетней: она окружена молодежью, племянниками и племянницами, которые выступают продолжением ее рода.

Вторая по старшинству сестра — по-видимому, Милли, хотя разница в возрасте между ней и следующей сестрой Делией не акцентируется. По сравнению с остальными сестрами, Милли не очень прорисована как персонаж. Она появляется в первой главе как «неприметная серая мышка», которая «всегда сводит разговор к замужеству», а еще она фактически боготворит старшую сестру. Милли — единственная, кто плачет «настоящими» слезами из-за смерти матери. В семейном плане судьба Милли складывается вполне благополучно: муж-охотник, дети и размеренная жизнь в Девоншире, куда Элинор ездит на лето отдыхать от лондонской суеты. В последней главе Милли появляется как почтенная матрона, «необъятная в широких одеждах, соответствующих ее полу и положению в обществе».

Что касается Делии, она обладает более самостоятельным характером, живет с большей свободой, нежели обе старшие сестры, возможно, именно поэтому она — отцовская любимица и храбро заговаривает с ним. Ее линия связана сначала с бунтом против домашней тирании: именно она ждет, когда мать наконец умрет, мечтает оказаться рядом с Парнеллом: «Где-то есть красота, ... где-то есть свобода и где-то ... есть он — с белым цветком в петлице...». Она фактически подставляет себя на место гражданской жены Парнелла, и эта роль ей не кажется вызывающей. Само имя Делия здесь неслучайно — так звали мать Парнелла (которая, впрочем, была американкой, а не ирландкой). Достаточно откровенные ро-

мантические мечтания юной девушки возникли на жизненной почве и символизируют постепенную смену эпохи. Если Элинор находится еще в викторианской эре, смиренно воспринимая свою судьбу и небольшую вероятность замужества, то Делия готова строить самые головокружительные планы. Тем не менее, и ее жизнь складывается довольно прозаически: «Она мечтала выйти замуж за смутьяна, а вышла за первейшего роялиста, страстного империалиста, респектабельного провинциального джентльмена...», хотя ее юношеские стремления все же нашли выражение в том, что ее муж ирландец, да и сама она пытается вести себя преувеличенно по-ирландски. Милли и Делия, как «пристроенные» сестры, выпадают из сферы авторского внимания почти на протяжении всего романа.

Младшая из дочерей Роза, «дикая Роза, колючая Роза», как ее называет Сара, — продукт совершенно новой эпохи. Роза в детстве — строптивый ребенок, который отстаивает свою независимость в общении с близким по возрасту братом Мартином. Позже она предстает как готовый борец: собрания, митинги, выступления. Прообразом Розы послужила композитор и близкая подруга В. Вулф в зрелые годы Этель Смит. В облике Розы подчеркивается некая маскулинность, она выбирает путь борьбы за права женщин, участия в общественном движении. Фрагменты ее биографии звучат почти героически: бросила камень — попала в тюрьму. Сара представляет, как Роза «сидит на трехногом стуле, и в нее впикивают мясо». Детские характеры персонажей находят свое развитие во взрослой жизни: Роза — бунтарка, в детстве не хочет жить в доме, такой она и остается. Говоря об их детстве с Мартином, она вспоминает историю с микроскопом, который сломал «гадкий мальчишка», и эпизод, когда Мартин пошел ловить жуков на пруду, а она нанесла себе рану, от которой остался «тонкий белый рубец» на руке. При этом брат и сестра заключают: быть ребенком ужасно, «и дети никому об этом не могут рассказать». В конце романа Роза — «тощая старуха с редкими растрепанными волосами», которая эмоционально реагирует, когда заходит разговор о заключенных. В то же время она полна жизни: «Я хочу увидеть, что будет дальше... Мы живем в очень интересном мире», — говорит она.

Помимо четырех дочерей Эйбела Парджитера, дан подробный портрет их кузины по материнской линии, Китти Мелоун (в замужестве леди Лассуэйд). Линия Китти побочная, хотя она рассмат-

ривается более цельно: в первой главе ей одной уделено почти столько же внимания, сколько всем сестрам Парджитер вместе. Китти принадлежит к другому имущественному слою, нежели ее двоюродные сестры (социальная среда примерно та же), но на протяжении всей жизни поддерживает дружбу с бедными родственниками. В юности она рассматривает Эдварда как потенциального жениха, однако потом, в более зрелом возрасте, рассуждает, что двоюродный брат проиграл бы в сравнении с ее мужем, тем не менее, она все же постоянно вспоминает об Эдварде. Китти мыслит более рационально, как это свойственно людям ее круга, но эта же среда придает ей эмоциональную сухость. Про мужа почти не упоминается — «седой джентльмен с изысканными манерами и глазами кровяной гончей», зато она — светская дама, всякое ее появление в обществе производит должное впечатление; Салли передразнивает, как та кладет перчатки. Леди Лассуэйд сравнивается со «знаменитым» портретом кисти Гейнсборо¹, являясь олицетворением рассудка и роскоши. Начало социальной роли Китти, как и Элинора, — благотворительность. В дальнейшем леди Лассуэйд, как и миссис Дэллоуэй, будет устраивать светские приемы.

Далее в романе предстает семейство Дигби Парджитера и его жены Эжени. Они живут на широкую ногу: дом в стиле королевы Анны, слуга-итальянец, жена только что вернулась с детьми из Венеции, они посещают балы. Эжени воссоздается как образ светской дамы: когда ее муж говорит о политике во время прогулки в экипаже, она его выслушивает и даже отвечает ему. Она поучает Мэрги на балу: ее посадили с важным человеком, Мэтью Мэйхью, сидеть с ним большая честь, а та убежала беседовать с Мартином, которого «она может встретить в любой день своей жизни в омнибусе». Успешная биография Дигби, который находится на периферии повествования и говорит с дочерьми только для того, чтобы пожурить, воссоздается уже из некрологов, а судьба Эжени дается полунамеками: «Тетя Эжени... Мы все были в саду; пришло письмо... Милый мальчик умер, но, не считая этого...», история про записку в букете, «Кажется, у нее был с кем-то роман?». Подходя к

¹ Читателю остается только гадать, какой из портретов «женщины в платье цвета морской волны» могла иметь в виду В. Вулф: художник написал с десяток портретов знатных дам в платьях разных оттенков голубого, по меньшей мере шесть из них хранятся в Великобритании.

дому брата, Эйбел Парджитер рассуждает сам с собой: «И откуда у них лишние деньги? Троим сыновьям надо давать образование, да еще две девочки...». Таким образом, автор напоминает, что люди, принадлежащие к определенной социальной группе, должны выполнить ряд условий, чтобы остаться в рамках этой страты. Но эти условия предназначены для мужчин, поскольку для женщин образование не входит в обязательный перечень требований. При этом трое сыновей в романе нигде больше не упоминаются, неизвестны даже их имена.

Подробнее всего в этой семье выстраивается линия двух дочерей: Сары и Мэгги. В то время как Мэгги отправляется с родителями на бал, Сара, которую В. Вулф в большей степени отождествляет с собой и наделяет физическим уродством, хотя оно и носит незначительный характер, читает «Антигону» в переводе брата. Она вся погружена в чтение, однако ее общие знания отрывочны: наблюдая за балом из окна, она цитирует расхожие фразы из романов. Именно фигуре Сары (Эльвиры в «Парджитерах») уделяется наибольшее внимание среди детей Дигби Парджитера. Сара исключена из общественной жизни из-за своего физического недостатка, не случайно именно она в конце романа сблизится с Николаем, который находится за пределами общепринятых устоев по причине своей гомосексуальности. Сара выступает одновременно в роли зрителя и некой полубезумной прорицательницы: она не участвует в жизни общества, поэтому дает свою интерпретацию поступкам людей, проигрывает в уме воображаемые диалоги и представляет себе картины возможных событий. После внезапной смерти родителей благополучие сестер рушится. Они начинают жить в явно небогатом районе, с пьяными голосами и выкриками за окнами, у них нет прислуги, живут они наверху, от былой обстановки остались старое кресло и зеркало. Чем они занимаются — непонятно, складывается впечатление, что они только и делают, что шьют да накрывают на стол, иронизируют над собраниями, зато, очевидно, продолжают ходить в театры и на приемы. У сестер отсутствует ситуация ожидания любви, тем не менее Сара поддразнивает Мэгги, наблюдая, как та возится с кошкой: «Ты будто ребенка нянчишь, Мэгги». При каких-то обстоятельствах, остающихся за кадром, Мэгги выходит замуж за француза и реализует себя в семье.

В начале романа показаны образы трех старших матерей (умирающей Розы, миссис Мелоун и Эжени), потом в качестве матерей выступают Китти и Мэгги (перечисляются их дети). Китти с гордостью думает: «У меня трое сыновей. Я была в Австралии, в Индии» — это ее личные достижения. Как показатель класса, один из сыновей служит на Мальте, другой — учится в Итоне.

Представители молодого поколения в романе — дети Морриса: Норт, Пегги и Чарльз (о последнем известно только то, что он убит на войне). Пегги — врач, она состоялась в профессиональном плане, но в плане семейном она не устроена, хотя ей уже тридцать семь или тридцать восемь лет. В ней сочетаются бунтарский дух (она курит, критически воспринимает многие разговоры, ведет внутренние монологи, любит «подтрунивать над верой старших в науку») и «наследственное ханжество», внешний вид — тоже компромисс между наукой и данью традиции. Тем не менее, Пегги — человек нового времени, она, словно сторонний наблюдатель, констатирует старость своих тетушек и терпеть не может, когда все вместе собираются в духе викторианской семьи. Сама она оценивает себя так: «Собирать факты я умею хорошо... Но вот понять человека в целом ..., объемно, нет...». Ей сложно представить, как проходит семейная жизнь отдельно взятой пары, она «жесткая, холодная» и погружена в свою профессию: «не жить, не чувствовать, зарабатывать деньги, только деньги...» — так выглядит для нее современная альтернатива семейной жизни или уходу в монастырь, двум путям, доступным женщинам в прошлом.

На периферии появляются судьбы служанок и эпизодических персонажей. Кросби, прослужившая сорок лет в семье полковника Парджитера, так и не становится членом семьи. О Кросби говорят в третьем лице, потому что она не отвечает, а лишь усмехается, над ней подшучивают: «Кросби ... не одобряет новых изобретений. Кросби и метрополитену себя не доверит, верно, Кросби?». После продажи дома Кросби искренне плачет. Уходя на пенсию, она забирает с собой старого пса, а также ненужные хозяевам дорогие ее сердцу старые вещи: «индийские слоники, серебряные вазочки, морж, найденный ею в мусорной корзине в то утро, когда пушки возвестили о похоронах королевы». Кросби развешивает семейные портреты тех, кого считает своей семьей, в центре — ее любимец Мартин. Про ее собственных родственников не сказано ни слова.

Помимо Кросби, в романе фигурируют еще несколько служанок: одна примеряет шляпку, подаренную Эжени, другая рыжая молодая служанка сбегает от хозяев без предупреждения. Даже незначительные персонажи наделяются именами и какими-то деталями биографии: Люси Крэдок, которая учит Китти истории (зонтик с ручкой в форме головы попугая, сестра, приславшая цветы в мокром мху с пустошей Скарборо); Мэтти Стайлз, смотрительница дома Дигби Парджитера, выставленного на продажу (получила работу через сына-полицейского); Мириам Пэрриш, приглашенная Элино́р с визитом (не сможет прийти, надо отвести племянницу к дантисту).

Мужские судьбы в романе обрисованы очень коротко, мелкими деталями: у полковника Парджитера и его друзей индийское, африканское и египетское прошлое, «он потерял два пальца на правой кисти во время восстания сипаев»; Мартин тоже был в Индии, в Африке; Эдвард читает лекцию в Акрополе «группе благочестивых учительниц»; Элино́р навещает семью Морриса в поместье его тещи, где «всегда восемнадцатый век» и где ставят сцену из Шекспира. Там она встречает старого знакомого, Даббина, который стал сэром Уильямом Уотни, он жил в Индии, «управлял местностью “размером с Ирландию”», как они всегда говорят».

Сделанные наблюдения позволяют прийти к следующим выводам: в интерпретации устройства женской судьбы через замужество В. Вулф следует викторианским канонам, которые были свойственны романам У. М. Теккерея, Т. Гарди, Дж. Голсуорси и др. Однако в своем романе «Годы» писательница фиксирует изменение социальной роли женщин в обществе, обретение ими общественно полезных функций. Если старшая Элино́р вписывается в каноны викторианской старой девы, для которой отведено только одно занятие — благотворительность, то почти ее ровесницы, не играющие роли старшей в семье и свободные от семейных обязанностей младшие сестры способны сделать свой социальный выбор, хотя и тоже через замужество: сочувствие борьбе ирландского народа заставляет Делию выбрать в качестве мужа ирландца. Младшая из сестер Роза уже занимает активную позицию в общественной жизни Англии, участвуя в политической борьбе. Третье поколение Парджитеров представлено врачом Пегги, она — свидетельство того, что женщины завоевали право на профессиональное призва-

ние. В. Вулф тщательно фиксирует в романе все эти социальные изменения, происходящие на протяжении полувека.

Примечания

1. *Naremore J.* Nature and History in *The Years* // Virginia Woolf. Revaluation and Continuity. A Collection of Essays. Ed., with an introd. by R. Freedman. Berkeley, LA, 1980. P. 241–262.

2. *Radin G.* Virginia Woolf's *The Years*: The Evolution of a Novel. Knoxville, 1981. P. 48.

3. *Ibid.* P. 49.

4. Вулф В. Годы: роман / пер. с англ. А. Осокина. М., 2005. Здесь и далее цитаты из романа даются по этому изданию.

5. *Marcus J.* Virginia Woolf and the Languages of Patriarchy / Bloomington and Indianapolis, 1987. P. 36.

Women's Fate and Fortunes in *The Years* by V. Woolf

The article considers the fate and fortunes of three generations of women in the Pargiter family, indicates changes amidst historical events that lead to the gradual rise of women's social role. While the members of the older generation fulfil their potential in the household sphere or charity, the younger generation takes part in political life and attains professional vocation. The lives of all characters are described in a non-linear way; the author focuses on female figures, while men end up at the periphery. The protagonists are Abel Pargiter's daughters (Eleanor, Milly, Delia and Rose), their cousins (Kitty Malone, Maggie and Sally Pargiters), the young generation is represented by Peggy Pargiter, a doctor. A typology of women's fate and fortunes can be narrowed down to three options: an autobiographical character — a dreamy and passive young woman, who is trying to connect the outside world through her creative imagination; a more active character, the free spirit who is ready to break the ties imposed upon her by the society; and the third type — a woman who does not sever her links with tradition and who is the guardian of the family hearth. The fates of female servants and incidental characters are described at the periphery, however, even the insignificant characters are given names and biographical information.

Keywords: patriarchal family, Victorian era, British middle class, autobiographical character, women's rights movement, 'Angel in the House', incidental characters.

© И. А. Бойцов, З. М. Данкер
СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Категория «соборности» в русской паремии: концепт «женственность»

Современная лингвистика активно разрабатывается как направление, рассматривающее язык в качестве «культурного кода» национальной ментальности. В рамках лингвокультурологических исследований, анализирующих основополагающие языковые реалии, типичные для национальной культуры, видится и предлагаемая

статья. Описание категории «соборности» в качестве фрагмента языковой картины мира ведет к пониманию единства языка и культуры, их неразрывного взаимодействия. Гендерная проблематика в последнее время, как известно, стала одной из доминирующих в современных лингвистических исследованиях. В рамках сложившейся лингвокультурологической науки предлагаем осмысление концепта «женственность» как отражения одной из ментальных характеристик русской языковой картины мира. Имеется в виду в данном случае категория «соборности», нашедшая свое отражение в русской пословице. Предлагается рассмотреть языкового выражения «соборности» как отражения национально культуры. Осмысление языковой природы категории «соборности», ее языковых особенностей очерчивается как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Материалом исследования являются русские пословицы суждения пословичного и поговорочного характера. Высказанные положения могут быть интересны филологам, специалистам, занимающимся проблемами концепта.

Ключевые слова: ментальность, концепт, языковая картина мира, гендер, пословица, соборность.

Гендерная проблематика в последнее время, как известно, стала одной из доминирующих в современных лингвистических исследованиях. В рамках сложившейся лингвокультурологической науки предлагаем осмысление концепта «женственность» как отражения одной из ментальных характеристик русской языковой картины мира. Имеется в виду в данном случае категория «соборности», нашедшая свое отражение в русской пословице.

Вполне закономерно, что «язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры», как подчеркивает В. В. Колесов [1]. При этом ментальность, с точки зрения ученого, есть «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Там же].

В свою очередь, языковая картина мира «формирует тип отношения человека к миру. Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отображает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему знаков, своего рода коллективную философию» [2].

Как отмечается в современной научной литературе, «признание опосредованности действительности дискурсивной практикой и самой возможности познания реальности через языковые формы при-

вели к «лингвистическому повороту», где доказывается зависимость сознания индивида от языка и где язык становится средством получения информации о субъекте, новым методом анализа действительности» [3]. В этом плане «оформилось отдельное направление *гендерных исследований*, изучающее зафиксированные в языке стереотипы фемининности и маскулинности» [Там же]. Следует отметить при этом, что с конца 1990-х годов данное направление приобретает все большую популярность и в российской лингвистике, публикуется большое количество исследований на данную тему.

Обращаясь к концепту «женственность», исходим из следующих методологических основ. Гендер «является общенаучной категорией, принципы гендерного подхода применимы к любой из частных наук, однако они должны реализовываться с учетом особенностей и при посредстве методов данного научного направления» [Там же]. Гендер является продуктом развития культуры и социума. Он институционализован и ритуализован, а следовательно, релятивен и конвенционален, он изменчив и крайне динамичен во времени и в языковом пространстве.

К базовым гендерным концептам любой культуры относятся концепты «женщина» и «мужчина», отражающие взаимоотношения людей с учетом постоянных социальных ролей. При этом концептуальное восприятие гендера в языке ведет к двум гендерным категориям «мужественности» и «женственности» [4].

Вместе с тем, «язык не только отражает реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек» [5]. «Язык — это естественный субстрат культуры, он пронизывает все ее стороны и служит инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировоззрения», — подчеркивает Н. С. Братчикова и продолжает: «Каждый язык реализует определенный способ отражения действительности в соответствии с конкретно-историческим опытом данного народа, его культурой, условиями жизни. Концептуальная картина мира приобретает культурно-национальную специфику» [6].

Размышляя над объектом лингвокультурологических работ, ученые задаются вопросом: «почему исследуются именно фразеологизмы, метафоры, символы и пр.?» [7]. В этом плане нельзя не согласиться с исследователем в том, что язык «хранит в нас нечто,

что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [Там же].

Осмысление репрезентации концепта «женственность» в современной русской языковой картине мира приводит к интересным и, на наш взгляд, неожиданным наблюдениям касательно выражения национальной ментальности, сущности складывающегося концепта.

Дело в том, что «женственность» соотносится в русском языке с конкретным образом женщины, вбирающим в себя такие параметры, как «изящность», «нежность», «мягкость». Данное семантическое содержание «женственности» имеет устойчивую фиксацию в известной справочной литературе. Сравним, к примеру: *Женственный*. 'Обладающий качествами, свойствами женщине, нежный, изящный' [8]; *Женственный*. 'С качествами, свойствами женщины, мягкий, нежный, изящный. Женственная внешность' [9]. *Женственность*. 'Совокупность качеств, свойственных женщине: мягкость, нежность, изящество' [10]. Интересно отметить: в словаре под ред. Д. Н. Ушакова «женственность» сопровождается особой стилистической пометой «книжное».

Как видим, в русской национальной культуре «женственность» соотносится с внешним обликом женщины («изящность») и с внутренними ее качествами («мягкая», «нежная», «добрая»). В любом случае в русской языковой картине мира, отражающей национальную ментальность, «женственность» оценивается как «положительное», «красивое», «эстетическое».

Обращение к русской паремии с целью осмысления языкового представления концепта «женственность» позволяет говорить о развитии смыслового содержания данного понятия.

Во многом бесспорным является тот факт, что «изящность» как отражение эстетического представления, связанного с понятием «женственность», выступает нетипичным в русской паремии. Внешняя привлекательность женщины в русских пословицах и поговорках скорее ассоциируется с «внутренней, душевной красотой».

При этом, внешняя красота женщины приобретает в совете, наказе, предупреждении неодобрительную оценку. К примеру, известны следующие пословичные выражения: «Жена красовита — безумному радость», «Пригожа жена — лишняя сухота» [11]. И этот список можно продолжить.

Исследователи отмечают «в центре русского менталитета находится не факт, а конкретное дело», «польза — один из компонентов красоты» [12]. Ценность внешней привлекательности («женственности») противопоставляется значимости, «делу». Русская пословица формулирует: «Жена хороша не телом, а делом», «Не ищи жену модницу, а ищи заботницу» [13].

В сравнении с «красивой женой» положительно оценивается жена «умная»: «На красивую жену глядеть хорошо, а с умной — жить хорошо», «С красотой не жить, жить с умом», «Красота без разума пуста», «Не тянись за красотой, тянись за разумом», «Красота разума не придаст» [Там же].

«Умная жена» в русской ментальности приобретает высочайшую оценку. Определяются в этом плане многочисленные примеры, в частности: «Умная жена — благодать божья», «Умная жена как нищему сума: все сбережет», «Чем умнее жена, тем сильнее семья», «С умной женой пир пировать, а с глупой век горевать» [Там же].

Данное отношение к «красоте» жены, противопоставляемое «уму», «разуму», видится вполне закономерным в русской национальной культуре. Как известно, пословицы и поговорки гласят о недолговечности красоты: «Красота как цвет: скоро увядает», «Красота лица не много прочнее яйца», «Красота — до венца, а ум — до конца» [Там же].

Помимо «умной жены» ценность приобретает женская «хозяйственность». В качестве примеров наглядно выступают поговорки с переносным значением: «Красота приглядится, а щи не прихлебают», «Жена у меня что сварит — прольет, спечет — сожжет, сажает пирожки, а вынимает крышки да горшки» [Там же].

Выше «красоты» определяется «доброта» жены: «Не гляди на красоту, а спрашивай доброту» [Там же]. Следует отметить, именно духовное качество — доброта — оценивается в русской ментальности положительно, одобрительно. Известны в этом плане поговорки: «С доброй женой горе — полгоря (не горе), а радость — вдвойне» [Там же], «Добрую жену взять — горе не видать» [Там же]. Доминирующими качествами жены определяется «доброта» и «хозяйственность»: «Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи» [Там же].

В русской ментальности внимание уделяется и таким качествам жены, как «честность», «смиренность», «покорность», приобретающим высоко одобрительную оценку в национально культуре. Доказательством тому выступают поговорки: «Жена честнее — мужу милее», «Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша»; «Смиренна жена — велико добро» [Там же].

Итак, концепт «женственность» в русской паремии включает такие признаки, как *ум, доброта, хозяйственность, смирение жены*. Более того, даже в утвердительной конструкции — «Муж любит жену красивую, а брат — сестру богатую» [Там же] — любовь к красоте передает элемент неодобрительной оценки за счет сравнительной конструкции, которая не может восприниматься как непреложная истина.

Концепт «женственность» в русской паремии приобретает свое особенное наполнение, ибо напрямую соотносится с женщиной замужней, с женой. Данная закономерность отражает языковое представление национальной картины мира в рамках особой категории русского самосознания **«соборности»**. Имеется в виду «органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа» [14]. Именно «душа объединяет, а не разъединяет», «душа соборна» и «делает всех участников действия равноправными» [Там же]. При этом, «я» соединяется с «ты» через посредство «мы» — «только такое понимание оправданно нравственно», а «Соборность» — это не «сборность элементов», а «именно та целостность, которая и определяет все особенности русского менталитета» [Там же]. В этом плане при осмыслении целостности «соборности» уместными оказываются рассуждения русского философа Н. Бердяева, посвященные размышлениям над сущностью данной категории. «Это есть таинственная жизнь Духа,— писал философ, — «Мы» в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность. Он носит механический рациональный характер» [15].

В этом плане отражением категории «соборности» выступает, в частности, следующий ряд примеров: «Жена без мужа — вдвое хуже», «Жена без мужа хуже всего», «Жена от мужа на ноготок, а муж от жены на локоток», «Жена мужа почитай как крест на главе; муж жену береги как трубу на бане», «Жена мужем красна», «Жена красна мужем, а муж — женой с детьми», «Жена — не са-

пог — с ноги не снимешь», «Муж да жена больше, чем брат и сестра», «Муж да жена — одна жена», «Муж и жена — одна сатана», «Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу», «Муж не лапоть — с ноги не снимешь», «Муж не сапог — не снимешь с ног» [16].

При этом, как совершенно справедливо отмечается учеными, «история русских слов максимально полно отражает представление о соборности» [17]. Действительно, «языковая картина мира организуется посредством целостности оформления «соборности», в основе которой определяется единство соборных действий и выражение индивидуального, особенного» [Там же].

Жанр паремичных изречений (пословиц и поговорок) оформляет особое выражение «соборности». Языковая организация при этом неразрывно связана с характерным типом синтаксической конструкции. Типичной представляется неполная синтаксическая конструкция, где в препозиции выражается индивидуальное, а в постпозиции — единство соборных действий («Смиренна жена — велико добро»).

Тем самым, «соборность» в малых фольклорных жанрах (пословицах и поговорках) приобретает особую форму выражения. Кроме того, «соборность» находит свое речевое выражение в конкретных типах высказывания: совет, наказ, предостережение, запрет.

Укрепляется «соборность» в данном случае естественным присутствием модальной оценки при выражении суждения. Народный опыт в краткой речевой форме может быть выражен при этом как в прямом, так и в переносном смысле. «Соборность», представленная в жанре пословиц и поговорок, приобретает прагматическую направленность. В свою очередь, передавая нравственные представления в краткой языковой форме, отражая духовность национальной культуры, «соборность» приобретает особую значимость и ценность в сохранении и обогащении национальной духовности.

Примечания

1. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие. М., 2001.
3. Бойцов И. А., Фокавина Ю. А. «Вечная женственность» в гендерных исследованиях и в русской языковой картине мира // Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук: сборник науч. трудов по итогам междунар. науч.-практ. конф. (11 мая 2016 г.). Вып. III. Омск, 2016. С. 46–47

4. *Кирилина А. А.* Мужественность и женственность как культурные концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж. 2001. С. 147.
5. *Колесов В. В.* Указ. соч.
6. *Братчикова Н. С.* Лингвокультурологическая специфика сравнительных оборотов // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей рус. яз. и лит-ры. СПб., 2003. С. 426.
7. *Маслова В. А.* Указ. соч.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. Т. 1. С. 858.
9. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 195.
10. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М., 2003. С. 12.
11. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
12. *Колесов В. В.* Указ. соч.
13. *Мокиенко В. М.* и др. Указ. соч.
14. *Колесов В. В.* Указ. соч.
15. *Бердяев Н.* Царство Духа и царство кесаря. 1995. С. 109.
16. *Мокиенко В. М.* и др. Указ. соч.
17. *Колесов В. В.* Указ. соч.

The category of «conciliarity» in the Russian paroemia: concept «femininity»

Modern linguistics is actively developing in the direction regarding language as a “cultural code” of mentality. This article is proposed as a part of linguoculturological studies that analyze the fundamental linguistic realities typical for any national culture. The description of the category “conciliarity” in a linguistic world-image leads to understanding of the unity of language and culture and their indissoluble interaction. Recently the gender issue has become one of the dominant issues in modern linguistics. In current linguoculturological studies we offer the comprehension of the concept “feminine” as a reflection of one of the mental characteristics of the Russian language world-image. In this case we deal with the category of “conciliarity” reflected in Russian proverbs. The article focuses on the linguistic representation of the category “conciliarity” as reflection of national culture. Understanding of linguistic nature of the category “conciliarity” and its features is outlined on both lexical and syntactic levels. Russian proverbs and sayings are defined as the material for the description. These ideas may be of interest to linguists and professionals involved in the concept problems.

Keywords: mentality, concept, linguistic world-image, gender, paroemia, conciliarity.

Особенности аргументации в медиадискурсе информационно-медийной языковой личности синкретичного типа (на материале блогов публициста Г. И. Мирского)¹

На примере медиадискурса Г. И. Мирского — ученого, публициста, политолога, блогера как личности синкретичного типа рассмотрена специфика аргументативной деятельности известной публичной личности в аспекте типологических и индивидуально-авторских особенностей. Характер аргументации представлен как важная черта в определении типа информационно-медийной языковой личности с учетом специфики ее коммуникативных, когнитивных и культурно-речевых особенностей. Блог как один из медийных жанров рассмотрен в качестве репрезентативного типа текста, позволяющего судить об индивидуальном своеобразии дискурсивной деятельности языковой личности.

Медиадискурс Г. И. Мирского в жанре блога с учетом отбора и организации языковых средств в контексте конкретных ситуаций и ориентации на массового адресата отражает его принадлежность к носителям элитарной речевой культуры, проявляющим открытую социальную оценочность, позволяет судить о его коммуникативных ролях, коммуникативных тактиках и стратегиях общения, характерных для аргументации в текстовой деятельности публициста, о некоторых его ментально-психологических особенностях, индивидуально-авторских проявлениях концептосферы, тематических предпочтениях, масштабе и характере знаний о мире, а также о принадлежности данной языковой личности к носителям эмпирического субстиля когнитивного стиля.

Ключевые слова: медиадискурс, языковая личность, синкретичный тип информационно-медийной языковой личности, текстовая деятельность, блог, идиостиль, способы аргументации.

Интерес к медиадискурсу публичной языковой личности обусловлен ее особой ролью в плане воздействия на общественное сознание и связан с необходимостью дальнейшей разработки типологии языковых личностей, их идиостиля, теории речевого воздействия, включая теорию и практику речевой аргументации. Выбор в качестве материала исследования медиадискурса известного публициста, историка, заслуженного деятеля науки РФ, Георгия Исаевича Мирского обусловлен особенностями данной языковой личности, наиболее ярко проявляющимися в жанре блога. Блог позволяет раскрыть личностные качества данной личности, которую

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

можно отнести к информационно-медийным личностям синкретичного типа.

Под информационно-медийной личностью нами понимается такой тип языковой личности (носителя языка), формирование, развитие и самореализация которой происходит под влиянием новых информационных технологий в результате сетевого общения. К типовым признакам информационно-медийной языковой личности, по-разному проявляющимся в дискурсивных практиках, нами отнесены: открытость, публичность, многоуровневость и мозаичность мировидения, полидискурсивность, поликодовость, интертекстуальность медиакommunikации, индивидуализация и самопрезентация, свобода самовыражения (см. подробнее: [1; 2]).

Среди типов информационно-медийных языковых личностей были выделены *журналист, писатель, блогер, наблюдатель-свидетель, политик*, а также *личность синкретичного типа*, совмещающая речевые, коммуникативные и когнитивные особенности разных типов языковых личностей в связи с возможной сменой ими статуса и ролей (см. об этом подробнее на примере языковой личности Н. Ю. Белых: [3]).

Георгий Ильич Мирский как ученый-историк, писатель (автор ряда популярных книг по истории и политике [4]), политолог, преподаватель Высшей школы экономики, блестящий лектор, приглашенный эксперт-востоковед на радио «Эхо Москвы», блогер, — несомненно, принадлежит к информационно-медийным личностям синкретичного типа. Это связано с его способностью выступать в разном статусе, с многообразием коммуникативных ролей, спецификой научных и политических интересов, к которым относятся: «исламский фундаментализм, палестинская проблема, арабо-израильский конфликт, международный терроризм, страны Ближнего Востока» [5]. Г. И. Мирский интересен как человек, который за свою долгую жизнь имел богатейший опыт адаптации к разным этапам в развитии российского общества, который прошел сложный путь от помощника газосварщика и слесаря до вузовского преподавателя, ученого, лектора международного уровня, профессора, известного блогера.

Особый интерес вызывает его деятельность как блогера, активно реагирующего на все современные политические события в стране и в мире. Жанровые особенности блога позволяют наиболее

полно реализовать различные личностные пристрастия автора, его тематические предпочтения, ментально-психологические особенности, тезаурус, речевую культуру. Заслуживают особого внимания характер и специфика аргументации автора, которая дает возможность через способы аргументации, виды аргументов, их речевое выражение, ориентацию на массового адресата выявить типовые и индивидуально-авторские особенности языковой личности автора.

По мнению ученых, аргументация — «своеобразный механизм взаимодействия мышления и речи, поэтому она формирует такие модели поведения, которые позволяют человеку осуществлять эффективное функционирование в социуме. Для любого общества отыскание значимых детерминант такого поведения всегда будет актуальной проблемой» [6]. Аргументация позволяет многоаспектно охарактеризовать дискурсивную деятельность автора текста, поскольку включает «операцию обоснования каких-либо суждений, в которой наряду с логическими применяются также речевые, эмоционально-психологические и другие внелогические методы и приемы убеждающего воздействия» [7].

Коммуникативный и культурно-речевой стили рассматриваются нами в рамках общей модели идиостиля как форма выражения когнитивного стиля языковой личности [8]. В свете этого способ аргументации можно рассмотреть как показатель общего строя мысли, чувства, речи человека. По аргументации можно понять уровень развития его интеллекта, коммуникативные установки, личные принципы, морально-нравственные границы, общий уровень культуры.

В качестве основной единицы аргументации исследователи признают стратегию: «Для каждого жанра может быть определена генеральная стратегия, вытекающая из специфики самого жанра, и частные стратегии, выбор которых зависит от желания оратора. По основной интенции все стратегии могут быть определены как этические, рациональные или эмоциональные» [9].

Рассмотрим это на примере блогов Г. И. Мирского 2015 года [10–16]. Текстовая деятельность Г. И. Мирского в жанре блога специфична. Ее своеобразие связано с тем, что многие высказанные в блогах идеи перекликаются с высказываниями языковой личности в текстах других жанров: статьях, интервью. Показательно, что

тексты блогов значительны по объему, напоминают статьи по содержанию, форме и характеру изложения.

Тематика анализируемых текстов автора связана с историей и политикой, отражает оперативную реакцию публичной языковой личности на события дня. Сравним названия блогов: «Чего хотят террористы?» (24 ноября 2015 г.), «Сирия: коалиция или показуха?» (19 ноября 2015 г.), «Долгий путь в ад» (10 ноября 2015 г.), «Львята халифата и российские бомбы» (6 ноября 2015 г.), «Дипломатия бессильна. А бомбы? Посмотрим» (1 ноября 2015 г.), «Война в Сирии: три иллюзии» (21 октября 2015 г.), «Южный фронт России» (4 октября 2015 г.). Для медиадискурса Г. И. Мирского характерны открытая оценочность и эмоциональность, компетентные суждения специалиста с аргументацией по поводу происходящих событий (ср.: «В мировоззрении исламистов большое место занимает во-первых, виктимизация (от слова *victim*, жертва), убеждение в том, что ислам — жертва мирового заговора, а от осознания себя жертвой один шаг до превращения в мученика, и, во-вторых, — апокалиптическая вера в последнюю мировую битву с силами зла, и она состоится — обратите внимание! — не где-нибудь, а в Сирии» [10]).

При этом синкретизм языковой личности, судя по текстовой деятельности автора, выражается в том, что Г. И. Мирский проявляет себя не только как блогер, но и как ученый-историк и политолог, публицист. Это проявляется в обилии книжной лексики (*мировоззрение, убеждение, осознание, сообщество, противоядие, идеология, общественное движение* и др. [10]), использовании специальной терминологии (*виктимизация, технологическое превосходство, суннитский экстремизм, джихадизм, аутентичные исламские традиции* [10]), применении цитат («*Не могу согласиться и с уважаемым коллегой Андреем Зубовым, который утверждает, что это «абсолютно чуждое исламу тело – исламский экстремизм», и что «это к исламу не имеет никакого отношения»*» [10] и др.), употреблении изобразительно-выразительных средств, включая риторические вопросы («*Что же делать?»*; «*А вот как?»* [11]; «*А что же Россия?»* [12] и т. д.), эпитеты (*ложный, порочный, тупиковый путь* [10]; *антисаадовский курс, изуверы-джихадисты* [13] и др.), нанизывание синонимов (*шайтан-соблазнитель, ловец душ; смертники-шахиды, «человеческие торпеды»* [10]), метафори-

зацию («Так и получается, что где-то глубоко запрятанный и вроде бы сначала незаметный вирус тоталитаризма в социалистическом движении поднимается и внедряется в организм, поражая его, уничтожая все враждебное и порождая ленинско-сталинского монстра» [10]); сравнения (налетевшая, как саранча [10]; торчит как плотина на пути процесса урегулирования [14] и др.); контраст («Джихадисты считают западное, особенно американское, общество, вовсе не христианским, а безбожным, аморальным и растленным» [10]).

Личностное начало, связанное с жанровыми особенностями блога, также представлено, хотя и умеренно (см. суждения: «я таких насмотрелся»; «Я знал людей, храбро воевавших против гитлеровцев, но ставших впоследствии подлыми трусами и доносчиками»; «Я давно говорил, что ДАЕШ — это чума XXI века, злокачественная опухоль на теле мирового сообщества, злейший враг в первую очередь именно ислама, и спорил с теми, кто благодушно полагает: да ничего особенно страшного, переберутся эти леваки, как в свое время большевики. И ни одного слова не возьму обратно. Переговоры и соглашения бесполезны, ДАЕШ можно и нужно только стереть с лица земли» [10]).

Разговорная и просторечная лексика и фразеология, связанные с непринужденностью общения в блоге, используются умеренно (вранье, дикая чушь, черт знает что [10], выкачивает все соки [10]; выбить из мозгов мысли [10]; не видать как своих ушей; плясать под американскую дудку [13] и др.).

Доверительность изложения формируется использованием разговорных присоединительных конструкций: «Что от исламистов-джихадистов остаться-то могло, спрашивается? А вот осталось, оказывается, и еще как осталось» [11].

Анализ блогов автора позволяет создать характерную для него личностную модель аргументации. Она, как правило, включает ряд этапов. Назовем их.

1) Причинно-следственный экскурс рассматриваемого вопроса. Автор объясняет сложившуюся ситуацию через причинно-следственный топос, конкретизирует условия, руководствуясь анализом и фактами. При этом демонстрируется эрудиция и погруженность в ситуацию, знание контекста. Блог «Долгий путь в ад» [12], посвященный выходу книги Фарида Закарии «Долгий путь в

ад. Америка в Ираке», начинается со ссылок на реальные события из жизни автора и факты из истории Ирака.

2) «Личный» рецепт относительно того, как можно было или будет решить проблему. При этом автор выступает в роли человека, который обладает фактами и может принять эффективное, с его точки зрения, решение. Например, в блоге «Дипломатия бессильна. А бомбы? Посмотрим» автор отмечает: «Так что же теперь? Политического урегулирования нет и не предвидится, сколько бы оптимистических слов мы ни услышали из уст наших и западных дипломатов. Время упущено, надо было попытаться это сделать три года тому назад, когда в Сирии еще не было Аль-Каиды и прочих изуверов-джихадистов» [13].

3) Риторические вопросы, которые стимулируют дискуссию и познавательную активность адресата. Автор формулирует их себе, определяя дальнейшее изложение, и аудитории, побуждая ее к соразмышлению. В этом проявляется богатейший лекторский опыт Г. И. Мирского и его действия по ходу ситуации. Например, в блоге «Чего хотят террористы?» используется 7 риторических вопросов, которые отражают этапность смыслового развертывания текста: «Что это за люди — боевики Халифата?»; «В чем суть жизни и борьбы этих людей?»; «Кто же они, что влечет их на смерть?»; «Имеет ли все это отношение к Исламу?» и т. д. [10].

4) Полемический прием «заострения» проблемы, связанный с ее усугублением, возможным доведением до крайности, чтобы вызвать интерес у слушателя и убедить его в своей точке зрения, проявляющейся на языковом уровне в использовании изобразительно-выразительных средств:

«И если даже представить себе, что США согласились бы смягчить свою «позицию по Асаду», то это было бы еще полдела. А Турция и Саудовская Аравия? Прошли времена, когда о них можно было сказать, что они пляшут под американскую дудку (хотя это было преувеличением). Послушайте, как злобно огрызнулось несколько дней тому назад турецкое руководство на американцев, когда те заикнулись о военной помощи курдам. Вашингтон уже не доминирует на Ближнем Востоке, не задает тон» [11].

5) Система исторических аналогий. Это сильная черта профессиональной деятельности Г. И. Мирского как историка и политолога, демонстрирующая его богатый жизненный опыт. Так, рассуждая об истоках воинствующего исламизма, автор прибегает к аналогии и делает ссылки на «вирус тоталитаризма в социалистическом движении» и «зловещие всходы нацизма в Германии» [10].

6) Различные с точки зрения хронологии сравнения (США — СССР — Ближний Восток; Западный мир — Восточный мир и др.) как отражение научных интересов Г. И. Мирского, являющегося известным востоковедом (см. примеры выше).

7) Индивидуально-авторская категоризация как прием полемиического типа с элементами кооперации. При этом автор прибегает к рассуждениям и диалогическим приемам, навешиванию ярлыков, формулирует название проблемы, стараясь синтезировать все, о чем говорилось до этого. Ср.:

«Вооруженным путем ИГИЛ уничтожить можно, если в Ирак отправить 200 тысяч американских солдат, а в Сирию — столько же российских. Только так. Но это исключено. Так может быть и надо было довольствоваться тем, чтобы в изобилии поставить Асаду военную технику, материалы, первоклассные самолеты, ракеты и танки (что и стали делать в сентябре) и помочь ему создать в Дамаске, Хомсе, Хаме, Латакии неприступную крепость...» [15].

8) Условно названный нами прием «логическая экспрессивность», включающий хорошо структурированные выводы с одно-временным проявлением свойственной автору азартности, куража, проявляющихся в использовании ярких экспрессивных средств с целью привлечь внимание массового адресата. Ср. выводы в блоге «Южный фронт России»:

«Бороться, разумеется, необходимо, в блоге нелепо стараться развертывать эту тему. Но, в конечном счете, только сам ислам должен вылечиться от тяжелой болезни. Может быть, я полностью неправ, каких-то главных, решающих вещей не учел, наше руководство знает в сто раз больше меня, все учло и продумало? Может быть. Дай то Бог. А вдруг, используя выражение бессмертного Черномырдина, хотели как лучше (избавить мир от террористического монстра и утвердить на долгие времена великий престиж России в мире), а получилось...» [16].

Перечисленные особенности, в разной степени проявляющиеся в блогах автора, отражают его особую систему личной аргументации, фокусирующую синкретизм его языковой личности. Данная система аргументации информационно-медийной языковой личности основана: 1) на ее риторической компетенции, 2) на многообразии выполняемых коммуникативных ролей, главные из которых в данном случае *блогер — публицист — полемист — эксперт*, 3) на обусловленной ролью полемиста-эксперта конфликтной стратегии с элементами кооперации, нацеленной на поиск оптимального решения проблемы. В системе аргументации, характерной для Г. И. Мирского, отражаются его ментально-психологические особенности: как экстравертная личность холерического типа, он был

в постоянном драйве, активности, стремлении высказаться, чтобы сформулировать свое отношение к проблеме, отстаивать свое право на другое мнение абсолютно открыто.

Анализ медиадискурса языковой личности позволяет судить о принадлежности автора к носителям элитарной речевой культуры, о глубине ее информационного тезауруса и ключевых концептах, актуализированных в рассматриваемых блогах: *Восток, Ислам, Религия, Россия, Запад, История, Политика*, что связано с тематическими предпочтениями автора и его профессиональной и научной деятельностью. С эпистемологической точки зрения, судя по текстовой деятельности, анализируемая языковая личность является носителем эмпирического стиля, для которого характерны использование «приемов исторической аналогии, сравнения, опровержения фактами, употребление конкретных названий стран, событий, персоналий, дат, использование личных местоимений со ссылкой на собственный опыт» [17].

В реализуемой в блогах модели аргументации проявляется идиостиль языковой личности, включая ее культурно-речевые, коммуникативные, когнитивные особенности. Среди видов аргументов автор использовал: 1) факты, 2) истории из личного опыта, 3) исторические аналогии, 4) цифры, 5) цитирование авторитетных источников, 6) причинно-следственный экскурс. Их выбор в каждом конкретном случае определялся ситуацией, степенью погруженности в тему, установкой сил в обществе, социальными условиями.

Дальнейшее изучение аргументации в медиадискурсе разных информационно-медийных личностей представляет интерес для изучения их типовых и индивидуально-авторских особенностей.

Примечания

1. Болотнов А. В. О некоторых особенностях современной информационно-медийной личности // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. № 2(143). С. 52–55.
2. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности: монография. Томск, 2015. С. 47–49.
3. Там же. С. 90–97.
4. Георгий Мирский [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/users/georgy_mirsky/ (дата обращения: 25.11.2015).
5. Мирский Георгий Ильич [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/org/persons/69713> (дата обращения: 25.11.2015).
6. Нарциссова С. Ю. Когнитивно-стилевые аспекты аргументации // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. № 2. 2011. С. 180 [Электронный ре-

сурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-stilevye-aspekty-argumentatsii> (дата обращения: 25.11.2015).

7. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юрид. вузов. М., 2006. С. 195.

8. Болотнов А. В. Указ. соч.

9. Пригарина Н. К. Об особенностях системы аргументации судебной речи // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. Вып. № 1. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-sistemy-argumentatsii-sudebnoy-rechi> (дата обращения: 25.11.2015).

10. Мирский Г. Чего хотят исламисты? 2015. 24 нояб. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1664444-echo/ (дата обращения: 25.11.2015).

11. Мирский Г. Сирия: коалиция или показуха? 2015. 19 нояб. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1661394-echo/ (дата обращения: 25.11.2015).

12. Мирский Г. Долгий путь в ад. 2015. 10 нояб. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1655938-echo/ (дата обращения: 25.11.2015).

13. Мирский Г. Дипломатия бессильна. А бомбы? Посмотрим. 2015. 1 нояб. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1650562-echo/ (дата обращения: 25.11.2015).

14. Мирский Г. Война в Сирии: три иллюзии. 2015. 21 окт. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1644122-echo/ (дата обращения: 25.11.2015).

15. Мирский Г. Львята халифата и российские бомбы. 2015. 6 нояб. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1653404-echo/ (дата обращения: 25.11.2015).

16. Мирский Г. Южный фронт России. 2015. 4 окт. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1634206-echo/ (дата обращения: 25.11.2015).

17. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности: монография. Томск, 2015. С. 270.

Peculiarities of argumentation in media discourse of language personality of syncretic type (on the material of blogs by social and political journalist

G. I. Mirskiy)

The article considers specific character of argumentation activity of famous public language personality in the aspect of typological and individual peculiarities on the example of media discourse of G. I. Mirskiy (a scientist, social and political journalist, political scientist, blogger) as a personality of syncretic type. The character of argumentation is presented as an important feature of definition of informational and media language personality type subject to specificity of its communicative, cognitive and speech-cultural peculiarities. The blog as one of the media genres is viewed in the capacity of representative type of text which allows judging the individual specificity of discursive activity of language personality.

Media discourse of G. I. Mirskiy in the blog genre with a glance to selection and organizing language means in the context of real situations and orientation on mass addressee reflects its belonging to elite type of speech culture, which shows opened social

appraisal and allows to conclude its communicative roles, communicative tactics and strategies of communication typical for argumentation in textual activity of social and political journalist, and also on his mental and psychological peculiarities, author's individual demonstrations of concept sphere, thematic preferences, scale and character of world's knowledge and belonging of this language personality to informants of empiric substyle of cognitive style.

Keywords: media discourse, language personality, syncretic type of informational and media language personality, textual activity, blog, idiostyle, methods of argumentation.

© Н. А. Бородина
ЕГУ им. И. А. Бунина, г. Елец

Использование фитоморфной метафоры для репрезентации концепта «Воображение» в семантическом пространстве русского языка

В настоящее время в рамках когнитивной лингвистики активно разрабатывается теория концептуальной метафоры. В исследованиях, выполненных в русле этого лингвистического направления, метафора предстает как инструмент категоризации и концептуализации знаний об окружающей действительности.

В русской языковой картине мира концепты внутреннего мира человека (душа, эмоциональная сфера, мыслительная деятельность) часто репродуцируются метафорически. В данной статье сферой-донором метафорической экспансии выступает флора, растительный мир, а сферой-мишенью — воображение как процесс создания и оперирования мыслительными образами, представлениями, картинками. Анализ фактического языкового материала, собранного автором, свидетельствует о том, что основаниями для метафорического переноса служат жизненные формы растений (деревья, кустарники, цветущие растения), их вегетативные и генеративные органы (корень, листва, цветок, плод, семя), этапы онтогенеза (прорастание, рост, цветение, созревание, плодоношение, увядание), природные и окультуренные человеком места произрастания (пустыня, лес, поле, нива, сад), процессы выращивания растений (посев, разведение, уход), украшения из цветов и листьев (венки, гирлянды). Выделенные признаки позволили автору утверждать, что фитоморфная метафора является одним из важных средств репрезентации концепта «воображение» в семантическом пространстве русского языка.

Ключевые слова: концепт «Воображение», концептуальная метафора, фитоморфная метафора, метафорическая модель, когнитивный признак, семантическое пространство русского языка.

На протяжении столетий феномен метафоры притягивает внимание разных ученых: философов и логиков, семиотиков и психологов, литературоведов и языковедов; в центре многочисленных исследований находятся ее природа, образование, функции, типы.

В конце XX — начале XXI вв. в связи с появлением и развитием когнитивной лингвистики распространение получает теория когнитивной метафоры, основные положения которой изложены в трудах Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, М. Джонсона, Ю. Н. Караулова, Дж. Лакоффа, Г. Н. Складневской, В. Н. Телии, А. П. Чудинова и др. Метафора начинает рассматриваться как ментальная операция, как способ познания окружающей действительности, как средство репрезентации знания в языковой форме; в ней стали видеть «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [1].

Метафоризации прежде всего подвергаются сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства, соотносящиеся с более простыми или с конкретно наблюдаемыми [2]. Воображение — одна из составляющих внутреннего мира человека — часто описывается на языке образных соответствий. В своей работе мы подробно остановимся на фитоморфной метафоре, которая может использоваться для репрезентации процессов создания и оперирования мысленными образами, представлениями, картинками.

Мир растений издавна приковывал внимание людей, являлся объектом мифологизации и символизации. Достаточно вспомнить универсальный образ Мирового древа, крона которого «достигает небес, корни — преисподней, а ствол и ветви организуют земное пространство» [3], образ, который воплощает в себе концепцию мироздания, служит «мифопоэтической проекцией вселенной» [4]. В легендах и мифах разных народов, в том числе и славян, растения предстают как живые существа. «Следуя внушениям метафорического языка и тесно связанных с ним первобытных воззрений на мать-природу, древний человек почти не знал неодушевленных предметов; всюду находил он и разум, и чувство, и волю. В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались те загадочные разговоры, которые ведут между собой деревья; в треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева он узнавал болезненные стоны, в увядании — иссушающее горе и так далее», — писал выдающийся русский филолог, фольклорист, этнограф А. Н. Афанасьев в своем исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» [5]. Анимизм растительного мира привел к тому, что вегетативный код активно используется при описании и номинации человека, его

внешности, этапов жизни, духовного мира, эмоциональной сферы, мыслительной деятельности.

Проанализировав фактический материал, отобранный с помощью информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» [6] из художественных текстов конца XVIII — начала XXI вв., мы выявили, что источниками метафорической концептуализации воображения и его результатов служат наименования растений, их органы, этапы развития, места произрастания, растениеводство, украшения из цветов и листьев. Остановимся на каждой сфере-доноре подробнее.

1. Метафорическому переосмыслению подвергаются жизненные формы растений. В семантическом пространстве русского языка воображение может представлять то в виде дерева или куста: *Но из них, как из прошлогодней листвы, гниющих корней и упавших растений, должно было вырасти причудливое древо моего воображения* (Хазанов Б. Далекое зрелище лесов); *Сколько раз такая мечта засыхала подобно кусту, выросшему на берегу бурного Соленого моря!* (Пришвин М. Серая сова); то в виде конкретного вида растения: *Я очарую тебя светлой сказкой, яркими мечтами обвоью я тебя, как розами, моя царица!* (Андреев Л. Жизнь Человека); *Но в данный момент — это тоже один из результатов голодания — моя голова превратилась в волшебную клумбу, способную временами расцвести пышнейшими орхидеями жгучей фантазии, граничащей с галлюцинациями, и тут же быстро осыпаться, превращая все окружающее в черную яму...* (Хейдок А. На путях извилистых). На наш взгляд, выбор царицы цветов розы и экзотического цветка орхидеи в качестве основания метафорического переноса не случаен, он акцентирует яркость, необычность создаваемых мысленных образов.

В ряде примеров актуализируются отдельные признаки растений. Например, указывается способ произрастания: *Под конец игры из глаз скрипача вышли слезы, — он истомился жить, и, главное, он прожил себя не по музыке, он не нашел своей ранней гибели под стеной несокрушимого врага, а стоит теперь живым и старым бедняком на безлюдном дворе жакта, с изможденным умом, в котором низко стелется последнее воображение о героическом мире* (Платонов А. Счастливая Москва); издаваемый запах: *Он любил Калерию, любил совсем не так, как вдалеке, в плотском томлении,*

с одуряющими фантазиями (Лихоносов В. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж). Результаты деятельности воображения могут оцениваться негативно, в этом случае используется метафора «воображение — сорная трава»:

Ему казалось, что вся поэзия его, пользовавшаяся таким успехом среди друзей, не что иное, как плод ядовитых грез, порождение яда (Вагинов К. Козлиная песнь); *Таким образом действуя, они не только не искоренили вредных иллюзий, но положительно, можно сказать, развивали и поддерживали их* (Успенский Г. Крестьянин и крестьянский труд).

2. Для метафорического описания воображения и его результатов активно используются знания по морфологии растения, его строения из вегетативных (корень, стебель, лист) и генеративных органов (семя, плод).

С помощью корня растение укрепляется в субстрате, из которого оно получает воду и питательные вещества. Лишение мечты, фантазии их корня, основы ведет к уничтожению, исчезновению. Например:

Легко загорался необычной идеей, не боялся парадоксальных решений и не любил категорических запретов, подсекающих в корне всякую фантазию (Крон А. Капитан дальнего плавания); *Вырвать из сердца с корнем любимую мечту, которую я выхолила, выянчила, как родное дитя?* (Авенариус В. Бродящие силы. Поветрие).

Влияние окружающей действительности на воображение человека подчеркивается метафорическим переосмыслением лексемы **лист** в следующем высказывании: *Возвращалось проклятое, петербургское настроение, и все мои мечты свернулись и сжались, как листья от жара* (Чехов А. Рассказ неизвестного человека). Подобно листу, чутко реагирующей на изменение природных условий, мечты меняют свой внешний облик: свертываются и сжимаются.

Источником метафорической экспансии выступает и концепт «цветы»:

Они не знают, что именно здесь вырастают и распускаются лучшие цветы фантазии и закаляется воля к свободе и полноте бытия (Осоргин М. Свидетель истории); *Я уверен, что счастье людское не всегда есть плод ума, а более цвет воображения* (Нарежный В. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова).

С античных времен цветы, с одной стороны, символизируют красоту, райское состояние жизни, а с другой, передают идею временности и хрупкости [7].

Уподобляясь растению, воображение дает свои результаты — плоды:

*Но все это оказалось лишь **плодом моего незрелого воображения** (Катаев В. Юношеский роман); **Неизвестно откуда** взялась эта грустная мелодия и в самом ли деле она была посвящена челюскинцам или это — **плод фантазии** чегемских девушек, но так они ее называли, и Тали играла ее лучше всех (Искандер Ф. Сандро из Чегема); Правда, обещания данные партийным миром товарищу и мадам Гололовой, были **плодом мечтаний**, а не результатом каких бы то ни было обязательств (Солоневич И. Две силы).*

В ряде случаев оно оказывается бесплодным. Отсутствие итога, невозможность воплотить в жизнь создаваемые мысленные образы, картины оценивается отрицательно в русской языковой картине мира:

*«Зачем же, — растроганно думал он, — утомляю я себя **бесплодными мечтами** о каком-то неведомом, возвышенном счастье, когда здесь, около меня, — простое, но глубокое счастье? (Куприн А. Молох); Он оглянулся, увидел свою полупустую келью, мгновенно пронеслось пред ним многое из прежней жизни — ряд таких же келий, одиночеств и **бесплодных мечтаний** (Зайцев Б. Голубая звезда); Лариса пыталась вообразить смятение арестованных и не могла, хотела представить себе окровавленный трюм — **фантазия оказывалась бесплодной** (Алдан-Семенов А. Красные и белые).*

Плод имеет определенные характеристики: вкусовые и качественные. Он может быть сладким (самый частотный признак) или горьким: *Эта песня даже отвлекла его от **сладких воображений** (Битов А. Жизнь в ветреную погоду); И вся предшествующая охоте ночь, полная **сладких мечтаний** и предчувствий, обрывается мгновенным утренним пробуждением (Проханов А. Господин Гексоген); Это были непривычные, а потому и особенно **сладкие мечты** (Васильев Б. Вещий Олег); Я заметил, что немцы вам по душе со своими мечтательными взглядами и своей **сладенькой фантазией** (Жадовская Ю. Переписка); Так начался для Возницына этот год любовного томления, буйных и **горьких мечтаний**, единиц и тайных слез (Куприн А. Леночка); Лучшие на текущую воду положить и по волнам идти, как по мосту; лучше на воздух опереться, как на камень, — нежели изменнику вверить свой гордый гнев и **горькие мечты** (Андреев Л. Анатэма); оцениваться с точки зрения спелости: *То были чертоги сна, описанные Вергилием; то Мильтонов рай и ад Данте, смешанные, набросанные, как **незрелые мечты**, полурожденные думы (Бестужев-Марлинский А. Вадимов), с точки зрения испорченности: Не знаю, как и в голову вошла такая **гнилая фантазия** (Островский А. Бедность не порок).* Как мы ви-*

дим, данные характеристики реализуются посредством согласования лексем — репрезентантов концепта «воображение» — с соответствующими адъективами.

Как средоточие генеративной силы, символ плодородия и изобилия, символ новой жизни воспринимается образ семени [8]. Через сопоставление воображения с семенем передается идея порождения, появления мысленных образов:

— Ну-ка, — продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — было сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву **семена крупной мечты**), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно (Грин А. Алые паруса).

3. Рождение, развитие и исчезновение воображаемых образов, картин и представлений соотносятся с онтогенезом растительного организма. Мечты, грезы, фантазии и иллюзии проходят все этапы жизненного цикла растений. Их возникновение ассоциируется «с процессом произрастания семени, с появлением ростка на поверхности земли» [9]. Например:

*Жизнь снова заблестела перед Двановым — он напрягался телом, и мысль его **всходила фантазией** (Платонов А. Чевенгур); Этот талант предоставляет почву **произрастанию мечтаний**, но он как-никак является украшением любой впечатлительной девочки (Морозов А. Прежние слова).*

Следующий этап — фаза роста. Данная метафора обладает положительной динамикой, показывая переход из одного состояния в другое, более совершенное:

*Но если она заглушала даже всякий лукавый и лстыивый шепот сердца, то не могла совладеть с грезами воображения: часто перед глазами ее, против ее воли, становился и сиял образ этой другой любви; все обольстительнее, обольстительнее **росла мечта** роскошного счастья, не с Обломовым, не в ленивой дремоте, а на широкой арене всесторонней жизни, со всей ее глубиной, со всеми прелестями и скорбями — счастья с Штольцем ... (Гончаров И. Обломов); И только **растет и крепнет одна мечта**... (Чехов А. Три сестры).*

В приведенном ниже примере степень роста подчеркивается согласованием лексемы **фантазия** с адъективом **буйный** ('быстро растущий'):

*Думаю, нечто подобное испытал и Босх — иначе откуда такие **буйные фантазии** (Азаров Ю. Подозреваемый).*

Метафора цветения используется для обозначения поры расцвета, высшей степени развития творческих сил:

*Ее живое, **цветущее воображение** облекает все в какую-то неземную одежду (Загоскин М. Рославлев, или Русские в 1812 году); — Я читал еще его «Пирамиды», нежные произведения **цветущей фантазии**, которые дышат греческим*

духом и прекрасны, как утренняя роза (Карамзин Н. Письма русского путешественника); Мир путешественников, историков, поэтов перед взорами души зеленел, **расцветал воображением**, трепетал жизнью, кипел страстями, у меня занятыми (Бестужев-Марлинский А. Вадимов).

Мечтание присуще прежде всего молодому поколению, лицам, не достигшим зрелого возраста:

— **Юность цветет мечтаниями**, великий князь, — начал он с благодушной улыбкой (Васильев Б. Князь Святослав).

Метафоры созревания и плодоношения указывают на результаты работы воображения:

У всякого возникает своя мысль, возникают и **зреют** думы и **мечты**, воспоминания и образы (Помяловский Н. Молотов); Нет более питательной почвы для воображения, чем бедность реальности: засеянная зернами книг пустошь **дает тучный урожай воображения** (Иличевский А. Перс).

Как и предшествующие метафоры роста и цветения, они обладают положительной окраской.

Периоды, характеризующиеся динамикой, поступательным движением, сменяются этапом увядания и умирания. Признак ‘увядания’ реализуется предикатами **засохнуть, увянуть**:

— Пока ее построишь, вся **мечта** уже **засохнет** (Иванов А. Географ глобус пропил); Но вся пылкость Дюма, все его **фантазии увяли бы** до унылой тяготины, услышь он то, что предстояло делать Алеши и мне (Азольский А. Диверсант).

4. В семантическом пространстве русского языка воображение уподобляется и разнообразным растительным массивам, как природным, естественным, так и окультуренным человеком.

Это может быть пространство со скудной растительностью; как в пустыне, в нем редко возникают какие-либо образы, мысли, мечты и представления: *Мысль о смерти, о Страшном суде возникла в первый раз в его уме и озарила **пустыню его воображения*** (Греч Н. Черная женщина). Или, наоборот, быть занятым дремучими лесами, заповедными местами, куда не ступала нога человека:

Но вот и города исчезли в тумане, и деревня утонула в синем, неизглядном озере, и волки скрылись далеко-далеко в **густые леса фантазии** Ивана Самойлыча... (Салтыков-Щедрин М. Невинные рассказы. Запутанное дело); Таков был и женевец, — но какая разница — он, бедный ученый, готовый переходить с края на край земного шара с небольшой котомкой, с портретом Паоли, с своими **заповедными мечтами** и с привычкой довольствоваться малым, с презрением к роскоши и с готовностью на труд, — что же в нем было схожего с назначением Володи и с его общественным положением?... (Герцен А. Кто виноват?).

В данном случае основанием для метафорического переноса служит признак труднодоступности, неприкосновенности.

В народной культуре поле располагается на границе между «природным» и «освоенным» в семантической оппозиции «свой — чужой» [10]. В метафоре «воображение — поле» реализована идея бесконечности и безграничности:

*Что скрывалось за всем этим дальше — входило уже в область таинственно-го, представляя **широкое поле фантазии** (Альбов М. На точке).*

Для концептуализации воображения с помощью окультуренного человеком места произрастания используется метафора сада — символа возделанного сознания [11]. Например:

*Человек этот был погружен в созерцание; когда же очнулся он, спросили его с ласковой усмешкой: «Где же цветы из **сада мечты** твоей?» (Бунин И. Смерть пророка).*

Воображение предстает как объект, требующий особого внимания, в противном случае, вся творческая энергия может быть потеряна:

*Память прошлого, как репейник скверный, **заполнила ниву воображения** и вконец убила силу творчества (Салтыков-Щедрин М. Глуповское распутство).*

5. Древнейшей сферой деятельности человека является земледелие. Для славянских племен было характерно «представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями высшей власти — князя» [12]. Метафорическое переосмысление получают глаголы **сеять, разводить** в сочетании с лексемами, номинирующими воображаемые образы. Они указывают на распространение последних:

*Хотят **посеять иллюзию**, что счастье доступно каждому... (Чаковский А. Блокада); Нет ключа к этой душе, где он видел так ясно! Где по желанию умел зажигать чувственность. Где он **сеял мечты** (Вербицкая А. Ключи счастья); Мечта-то грех, от мечты-то люди открепиваются; а ты, стыда на тебя нет, ночью в сад уходишь — **мечты** свои **разводить** (Островский А., Соловьев Н. Дикарка).*

Представления, образы, картины, возникающие в голове человека, как мы уже отмечали выше, окружаются заботой и вниманием. Их питают, за ними ухаживают. Например:

*Эти повествования **питали фантазию** Каррачиолы и обогащали его опыт (Штильмарк Р. Наследник из Калькутты); Красоту женскую здесь любят и ценят по-прежнему, но ее нет, и потому, когда она расцветает, как нечаянная роза среди опустошенного сада, ее берегут в сто глаз и за нею **ухаживают, как за мечтой** (Амфитеатров А. Мария Лусьева за границей).*

6. Распускающиеся цветы издавна служат для украшения, поэтому не случайно возникает данная метафорическая проекция на воображение:

Мысль о золотом веке сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения (Пушкин А. История села Горюхина); *Его тайны легли с ним в гроб; немногие цветки из венка его мечтаний отдаю я свету* (Бестужев-Марлинский А. Он был убит); *Если б вы увидали тогда его прелестное лицо, покоящееся под улыбкою неги, вы бы сказали, что сами видите гирлянду мечтаний, обвивающую беззаботное чело юноши* (Бестужев-Марлинский А. Мулла-Нур).

Мечты и грезы уподобляются украшению из цветов и листьев (венку или гирлянде), обвивающему их вместилище — голову.

Таким образом, в результате анализа эмпирического материала мы выяснили, что в семантическом пространстве русского языка воображение и его результаты часто описываются с помощью фитоморфной метафоры, предстают посредством сопоставления с растениями, их жизненными формами, органами, этапами развития, местами произрастания, земледельческими процессами, украшениями из цветов и листьев.

Примечания

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 371.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1997. С. 55.
3. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 253.
4. Там же. С. 61.
5. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.—СПб., 2008. С. 650.
6. Информационно-справочная система «Национальный корпус русского языка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 02.06.2016).
7. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2004. С. 515.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 616.
9. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв): дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. С. 263.
10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 133.
11. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2004. С. 436.
12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 312.

Using of the phitomorfous metaphor in representation of the concept “Imagination” in semantic space of the Russian language

At present the theory of cognitive metaphor is worked up very actively in cognitive linguistics. In research made in the course of this linguistic direction the metaphor is determined as an instrument of categorization and conceptualization of knowledge about the surrounding reality.

In the Russian language world-Image the concepts of the person's inner life (soul, emotion sphere, mental activity) are represented metaphorically. In the article the sphere-donor is the vegetable kingdom, flora, and the sphere-target is imagination as the process of creation and operation of the mental images, ideas, and pictures. The analysis of the language examples gathered by the author indicates that the bases for metaphorization can be vital forms of the plants (trees, bushes, flowers), their vegetative and generative organs (root, leaves, flower, fruit, seed), stages of ontogenesis (germination, growth, flowering, ripening, fruiting, withering), natural and cultivated growing places (desert, forest, field, cornfield, garden), process of growing (sowing, cultivation, care), flower decorations (garland). Chosen signs allow the author to affirm that the phitomorfous metaphor to be one of the important means of representation of the concept «imagination» in the semantic space of the Russian language.

Keywords: concept “Imagination”, conceptual metaphor, phitomorfous metaphor, metaphoric model, cognitive sign, semantic space of the Russian language.

© Э. В. Будаев

РГППУ, г. Екатеринбург,

А. П. Чудинов

УрГПУ, г. Екатеринбург

Риторическое направление в американской политической метафорологии второй половины XX в.¹

Теория концептуальной метафоры, изложенная американскими исследователями Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Metaphors We Live by», является основным компонентом современной методологии изучения политической метафоры. Не подлежит сомнению выдающийся вклад когнитивной лингвистики в политическую метафорологию, следует принимать во внимание, что еще одним из источников политической метафорологии послужила риторика. Более того, риторические исследования предвосхитили некоторые положения когнитивной теории метафоры. Идея об универсальных схемах метафорического осмысления политической реальности была предложена М. Осборном в теории архетипичных метафор в

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

60-е гг. XX в. Дальнейшие риторические исследования были посвящены анализу универсальности и культурной специфике политических метафор, а также изучению их аргументативного потенциала. Концепции, разрабатываемые в риторических исследованиях второй половины XX в., были заимствованы когнитивистами, изучающими политическую метафору. В конце XX в. эволюция риторических исследований политической метафоры характеризуется активным заимствованием наработок когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: риторика, политическая метафора, теория концептуальной метафоры, политическая метафорология, политическая лингвистика

Обращение к истории становления и развития политической метафорологии весьма значимо для более полного осознания ее современного состояния и перспектив дальнейшего развития. Значительным вкладом в решении этой задачи стали последние монографии российских специалистов [1]. В этих публикациях отмечается, что основополагающая роль в возникновении современной политической метафорологии принадлежит Джорджу Лакоффу, который совместно с Майклом Джонсоном подготовил классическое исследование «*Metaphors We Live by*» [2]. Эта публикация, по словам А. Н. Баранова, впоследствии была признана «библией когнитивного подхода к метафоре — своеобразным аналогом сосюровского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [3]. Для нашего исследования важно отметить, что американские авторы, помимо изложения теории концептуальной метафоры, обратились к политической коммуникации, рассмотрев милитарные образы в риторике Дж. Картера и соответствующие им метафорические следствия.

Максимально ярко концепция манипулятивной политической метафорологии проявилась в публикациях Джорджа Лакоффа, посвященных боевым действиям в Персидском заливе и Югославии, а также террористическим атакам на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года [4].

Среди других когнитивных источников современной политической метафорологии постоянно отмечают исследования К. Ландсхеер, которая, рассмотрев нидерландские политические метафоры за период с 1831 по 1981 гг., выявила отчетливую связь между частотностью политических метафор и кризисными этапами в истории Нидерландов [5]. На российском материале подобная корреляция была проанализирована в работах А. Н. Баранова [6] и А. П. Чудинова [7].

При всем понимании значимости когнитивных истоков современной политической метафорологии, следует согласиться с Т. Г. Скребцовой в том, что данное научное направление восходит по меньшей мере к трем источникам — традиционной и обновляющейся риторике, дискурсивному анализу и когнитивистике [8]. Признавая значимость каждого из указанных источников, обратимся к риторическим истокам современной политической метафорологии.

Во второй половине прошлого века признанным лидером американской политической метафорологии по праву считался Майкл Осборн. Созданная им теория архетипичных метафор до настоящего времени остается своего рода точкой отсчета для риторического анализа политических текстов. М. Осборн считал, что в политической коммуникации с давних пор неизменно используется стабильный комплекс архетипичных метафор. В рамках различных культур политики постоянно используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации [9]. М. Осборн сформулировал шесть классических постулатов функционирования архетипичных политических метафор:

1. Архетипичные метафоры используются чаще, чем свежие метафоры.
2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и независимы от конъюнктурных условий их актуализации.
3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.
4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.
5. В большинстве своем архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.
6. Архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений в любом обществе [10].

Некоторые из этих постулатов уже изначально воспринимались как излишне категоричные и вызывали стремление отыскать противоречащие им факты. Поэтому позднее М. Осборн отчасти скорректировал всеобщность некоторых постулатов, ему пришлось согласиться с тем, что развитие общества, культуры, науки и техники способно влиять на частотность использования тех или иных метафорических образов. Существуют и иные факторы, в том числе нацио-

нальные особенности метафоры, личные предпочтения, типовые ситуации и др. Представляется, что высокая частотность определенных метафорических образов нередко начинает восприниматься как своего рода риторический штамп, а поэтому соответствующие метафоры «выходят из моды» и риторы начинают поиск новых возможностей. Впрочем, чаще всего эти поиски завершаются повышением частотности иных, но все же архетипических метафор.

Значительную роль играют и личностные особенности использования политических метафор. Так, в исследовании С. Перри были рассмотрены метафоры заражения, характерные для националистической риторики А. Гитлера [11]; У. Риккерт детально проанализировал архетипичные образы в речах У. Черчилля и выделил типовые сценарии, в том числе образы опасного путешествия и решающей схватки [12]. Названные сценарии рассмотрены с позиций когнитивистики в диссертации Т. Н. Зубакиной, которая выяснила, что в мемуарах У. Черчилля «The Second World War» чаще всего используются антропоморфные и социоморфные метафорические модели, которые в совокупности составляют 67 % от общего количества рассмотренных метафор. Значительно реже у Черчилля встречаются метафоры, восходящие к сферам-источникам «Природа» и «Артефакты» [13]. Р. Айви рассмотрел доминантные метафоры президентов США Гарри Трумэна и Линдона Джонсона [14].

Показательны результаты сопоставительных исследований. Так, К. Джемисон провела сравнительный анализ метафор Э. Брауна и папы римского Павла VI [15]. Очень интересна статья У. Бенуа, который сравнил эффективность, казалось бы, однотипных метафор двух кандидатов в президенты США: Боб Доул предложил построить «мост в славное прошлое», на что Билл Клинтон немедленно ответил призывом «построить мост в будущее» [16].

Многие исследователи внимательно изучают архетипичные метафоры, связанные с тем или иным политическим событием — президентскими выборами, террористическими актами, природными катаклизмами, социальными волнениями, эпохой «холодной войны» и др.

Обращение к глобальным закономерностям использования архетипичных метафор часто дополняется выявлением национально-го своеобразия метафорической картины мира. Так, Луи Эйххорн считает, что «хотя американцы часто используют выявленные

М. Осборном архетипичные метафоры, делают они это таким образом, который поощряет мысли об их единстве и исключительности», мысли центральные для бинарного восприятия Западной цивилизации американцами [18].

Важно отметить, что представители риторического направления часто обращались к материалу политической метафорики на различных этапах ее развития. Так, Рональд Карпентер изучил американскую милитарную риторику на протяжении двух столетий и обнаружил целый ряд специфических образов [19]. Один из них — *frontiersmen*, то есть люди приграничья, которые живут в условиях непрерывных боевых столкновений. Метафорический образ сильного и смелого «охотника из Кентукки» до настоящего времени регулярно используется при описании американских солдат и офицеров. Специалисты отмечают также, что для американской политической коммуникации типична метафорическая дегуманизация врага, а также восходящие к религии образы противостояния добра и зла, тьмы и света.

По мере развития когнитивистики, психолингвистики и дискурсивных исследований в их различных вариантах, риторические исследования политической метафорики все больше обогащались новыми идеями. В современных условиях часто уже трудно разграничить публикации, выполненные в рамках традиционно-риторического направления, и когнитивные исследования, учитывающие как традиции риторической школы, так и эвристики дискурсивных, психолингвистических и иных современных методик.

Завершая представленный обзор, можно сделать вывод о том, что история политической метафорологии характеризуется переплетением и филиацией идей, кристаллизация которых проходила в несколько этапов и с использованием различных методологических теорий. Для риторического направления исходным был взгляд на метафору как на способ украшения речи, обеспечивающий повышенный прагматический эффект. Ведущим результатом внедрения когнитивной парадигмы стало понимание метафоры как способа мышления, связанного с концептуализацией и категоризацией действительности. Существенное влияние на современную политическую метафорологию оказали дискурсивные теории, методики корпусного анализа, идеи социологов и философов. Параллельное раз-

витие различных направлений политической метафорологии приводит к их взаимному обогащению и даже конвергенции.

Примечания

1. *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М., 2014; *Балашова Л. В.* Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М., 2014; *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М., 2014; *Будаев Э. В.* Метафорический образ России в современном мире. Екатеринбург, 2009; *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил, 2011; *Керимов Р. Д.* Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации. Кемерово, 2012; *Керимов Р. Д.* Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: монография. Кемерово, 2013; *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.

2. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago, 1980.

3. *Баранов А. Н.* Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 7.

4. *Lakoff G.* Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm; *Lakoff G.* Metaphor and War, Again [Электронный ресурс]. URL: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 (дата обращения: 02.06.2016); *Lakoff G.* Metaphors of Terror [Электронный ресурс]. URL: www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html (дата обращения: 02.06.2016).

5. *De Landtsheer Ch.* The Language of Prosperity and Crisis: A Case Study in Political Semantics // Politics and the individual. 1994. Vol. 4 (2). P. 63–85.

6. *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М., 2014.

7. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.

8. *Скребцова Т. Г.* Современные исследования политической метафоры: три источника и три составные части // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2005. Вып. 1. С. 35–46.

9. *Osborn M.* Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 115–126; *Osborn M.* The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. P. 347–363; *Osborn M.* The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // Western Speech. 1967. Vol. 31. P. 121–131.

10. *Osborn M.* Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 116.

11. *Perry S.* Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric // Central States Speech Journal. 1983. Vol. 34. P. 229–235.

12. *Rickert W.* Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II // Central States Speech Journal. 1977. Vol. 28. P. 106–112.

13. *Зубакина Т. Н.* Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале мемуаров У. Черчилля «The Second World War»): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014.

14. *Ivie R. L.* Literalizing the Metaphor of Soviet Savagery: President Truman's Plain Style // Southern Speech Communication Journal. 1986. Vol. 51. P. 91–105; *Ivie R. L.* Metaphor and Motive in the Johnson Administration's Vietnam War Rhetoric //

Texts in Context: Critical Dialogues on Significant Episodes in American Political Rhetoric / ed. M. Leff and F. Kauffeld. Davis, CA, 1989. P. 121–141.

15. Jamieson K. H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // Quarterly Journal of Speech. 1980. Vol. 66. P. 51–72.

16. Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // Communication Studies. 2001. Vol. 52. P. 70–84.

17. Carpenter R. H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. 1990. Vol. 76. P. 1–22.

18. Einhorn L. J. The Native American Oral Tradition: Voices of the Spirit and Soul. Westport, Connecticut, 2000. P. 33.

19. Carpenter R. H. Op.cit.

Rhetorical line of research in the US political metaphorology in the second half of the 20th century

Conceptual metaphor theory, developed by George Lakoff and Mark Johnson in their work “Metaphors We Live By”, is the foundation stone in the methodology of metaphor analysis in political communication. Although cognitive linguistics contribution to political metaphorology is beyond doubt, some works in the field of rhetoric antedated ideas of the theory of conceptual metaphor. The idea of universal metaphorical schemas shaping political communication was stated by M. Osborn in archetypal metaphors theory in the 1960-s. Further rhetoric investigations dealt with the problem of universality and cultural specificity of political metaphors and persuasive effects of metaphorical communication. Ideas of those rhetoric studies were adopted by cognitivists researching into political metaphors. In the end of the 20th century the evolution of rhetorical line of research in political metaphorology is characterized by the introduction of cognitive heuristics into rhetoric research.

Keywords: rhetoric, political metaphor, conceptual metaphor theory, political metaphorology, political linguistics.

© Ван Цзянин, Т. М. Воронина
УрФУ, г. Екатеринбург

Взаимосвязи импликаций метафоры при построении текста¹

В современной лингвистике актуальными являются исследования роли метафоры в текстах различных стилей и жанров. Подчеркивается не только декоративная, эстетическая, стилиобразующая функции метафоры, но и ее роль в организации текста, ее значимость для реализации таких текстовых категорий, как целостность и связность. Для анализа текстообразующих возможностей метафоры оказывается важным именно когнитивное понимание метафоры, в соответствии с кото-

¹ Исследование выполнено при поддержке программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

рым метафорическое выражение возникает в результате взаимодействия в сознании говорящего двух явлений. Но текстообразующую функцию выполняет не только проекция двух областей метафоры, но и проекция их подразумеваемых групп импликаций.

Авторы анализируют, как импликации метафоры участвуют в создании связности и целостности текста, на материале текстовых фрагментов, выбранных из электронных СМИ.

Сделан вывод о том, что чаще всего в тексте эксплицитно представлена область цели и некоторые из ее импликаций, а актуализация в сознании читателя импликаций области источника (или областей-источников) метафоры оказывается эффективным средством создания связности и целостности текста как на уровне содержательной информации, так и на уровне оценки.

Ключевые слова: концептуальная метафора, импликация, текст, организация текста, целостность, связность.

В настоящее время когнитивная теория метафоры проецируется на исследование различных явлений языка и речи, в том числе актуальными являются исследования роли метафоры в текстах различных стилей и жанров. Подчеркивается не только декоративная, эстетическая, стилеобразующая функции метафоры, но и ее роль в организации текста, ее значимость для реализации таких текстовых категорий, как целостность и связность, которые большинством исследователей (см., например, работы Л. Г. Бабенко) признаются определяющими: «Основу универсальных категорий текста составляют целостность (план содержания) и связность (план выражения)» [1].

Исследования роли метафоры в построении текста проводятся не только на материале художественных текстов. Например, К. С. Филатов показывает, что «метафорическое развертывание широко применяется в журналистских текстах, поскольку в самой природе метафоры заложен текстообразующий потенциал» [2].

Для анализа текстообразующих возможностей метафоры оказывается важным именно когнитивное понимание метафоры, в соответствии с которым метафорическое выражение возникает в результате взаимодействия в сознании говорящего двух явлений — «основного» и «вспомогательного» субъектов, по М. Блэку: «Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система “ассоциируемых импликаций”, связанных со вспомогательным субъектом. Эти импликации обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом» [3].

Термин «импликация» может пониматься и в более широком значении — в том, которое заимствовано лингвистикой из логики, «где импликация определяется как логическая связка, отражаемая в языке союзом «если... то» и формализуемая как $A \rightarrow B$, т. е. A влечет за собой B » [4].

Тем не менее, между импликацией в широком понимании, как подразумеваемым смыслом — И. В. Арнольд определяет импликацию как «дополнительно подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста, но ими вербально не выраженный» [5] — и импликацией в контексте когнитивной теории метафоры нет противоречия. Метафора, в качестве проекции знаний из области источника на область цели, может выполнять связующую функцию, а «следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий» [6].

Китайский лингвист Шуе Иань также утверждает, что текстообразующую функцию выполняет не только проекция двух областей метафоры, но и проекция их подразумеваемых групп импликаций [7].

«Основной единицей развертывания текста выступает, следовательно, не конкретная метафора, а метафорическая модель, которая за ней стоит», — делает вывод К. С. Филатов [8].

Рассмотрим, как импликации метафоры участвуют в создании связности и целостности текста, на материале текстовых фрагментов, выбранных из электронных СМИ. Приведем пример:

В Лос-Анджелесе начались разговоры о том, что в семейной жизни Джорджа Клуни и Амаль Аламуддин начались сложности. «Это вопрос лишь времени, когда каждый из них пойдет своей дорогой», — цитирует американский еженедельник светской жизни *In Touch Weekly* лиц в окружении Клуни (Деловой квартал, 25.02.15).

В этом метафорическом фрагменте, представляющем собой первый абзац текста, формально (лексически) представлена только область цели «семейная жизнь» и одна из ее импликаций *сложности*, но с помощью выражения *пойдет своей дорогой* мы можем обнаружить область источника «путешествие». Иначе говоря, в этом фрагменте реализована концептуальная метафора «брак — это путешествие», которая активизирует подразумеваемые импликации двух областей.

Иллюстрируя наши положения, перечислим группы импликаций метафоры «брак — это путешествие».

Если брак — это путешествие, то:

— свадьба — это начало путешествия;

— развод — это конец путешествия;

— совместная жизнь супругов — это движение вместе по одной дороге;

— проблемы в семейной жизни — это трудности в пути;

— жизнь каждого из супругов после развода — движение каждого по отдельности по разным дорогам.

То, что пространственная метафора является одной из ключевых для данного текста, подчеркивается тем, что автор возвращается к ней еще в одной сильной позиции текста — в конце, в последнем абзаце:

Джордж и Амаль думали, что они станут гармоничной парой, однако сейчас к ним приходит осознание того, насколько они различны и как сложен брак для людей, которые идут в жизни собственной дорогой, — замечает In Touch Weekly. — Одна вещь очевидна, что их недолгий брак никогда не был в столь хрупком состоянии, как сейчас.

Здесь мы видим, что повторяется импликация области-цели «брак» (*брак сложен*), и причины трудностей во взаимоотношениях объясняются снова метафорически (*идут в жизни собственной дорогой*). Ср. значение прилагательного *собственный*: ‘1. || Находящийся в *индивидуальном* пользовании у кого-л., являющийся личной принадлежностью кого-л.’ [9], у которого в данном контексте актуализируется смысл раздельности, поскольку *индивидуальный* означает ‘Находящийся в *единоличном* пользовании, распоряжении; *отдельный*’. Таким образом раскрывается имплицитный смысл «самостоятельность супругов может привести к сложностям в браке», ведь область-цель «брак» предполагает импликацию «объединение, учет интересов друг друга».

В рассматриваемом тексте реализована еще одна, онтологическая, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафора: «брак — это нечто созданное, артефакт». Назовем группы импликаций этой метафоры. Если брак — это артефакт, то:

— заключение брака — это создание некоего предмета;

— объединение супругов — это объединение некоторых частей в целый предмет;

— брак может закончиться разводом — предмет может распадаться на части;

— отношения в браке нужно беречь — так же как нужно беречь предмет, легко поддающийся разрушению.

В тексте эксплицитно представлена лишь прямая номинация области цели «брак», тогда как область источника «артефакт» не названа, но реализована одна из импликаций области источника — идея возможности разрушения, причем снова в сильной позиции текста, в заголовке: «Молодой брак Джорджа Клуни и Амаль Аламуддин *трещит по швам*». И эта же идея репрезентирована в заключительной фразе текста: <...> их недолгий брак никогда не был в столь *хрупком* состоянии, как сейчас; ср. лексическое значение прилагательного хрупкий: '1. Легко распадающийся на части; ломкий. || Такой, который легко сломать, разрушить'.

Таким образом, использованием двух различных концептуальных метафор актуализируется общий смысл существования серьезных проблем в браке, которые могут привести к разводу. Это происходит за счет того, что активизируется одна и та же импликация, казалось бы, различных областей-источников — «отдельность, разделение»; что в конечном итоге работает на создание связности и целостности текста.

Использование концептуальной метафоры, кроме усиления передаваемого смысла, может иметь и прагматическую функцию, т. е. передавать информацию субъективного, оценочного характера.

Эксперты говорят, что после прихода к власти в Греции левого правительства Алексиса Ципраса Россия надеялась воспользоваться этим в своих геополитических целях, но безуспешно. Скорее, считает Суздальцев, Ципрас, будучи «прекрасным популистом, использовал Россию как фактор давления на Евросоюз, это намеки Брюсселю: если вы нам не поможете, мы будем играть на Москву. <...> реверансы в отношении России, по мнению Суздальцева, нужно рассматривать как тактический ход (Газета.ру, 27.05.2016).

В данном фрагменте текста реализована концептуальная метафора «политика — это игра». С областью источника связано большое количество разнообразных импликаций, которые проецируются на область цели. Если политика — это игра, то:

- участники политического процесса — это участники игры;
- политические решения — это ходы в игре;
- политические интересы — это цель игры;
- способы достижения политических целей — это план, тактика игры;

— средства достижения политических целей — это используемые в игре предметы;

— достижение целей субъекта политики — выигрыш в игре;

— использование недостойных способов достижения политических целей — это обман в игре; и т. д.

В данном фрагменте текста средствами прямой номинации обозначены импликации, связанные со сферой-целью «политика»: *воспользоваться, цель, использовать*. С другой стороны, лексема *играть* выступает здесь не просто как средство номинации сферы-источника; ее необычное контекстное окружение (*играть на кого-что*) представляет собой смешанное концептуальное пространство (blend, в теории ментальных пространств). Предлог *на* в подобных контекстах (работать на кого-л., тратить деньги на кого-л. и др.) имеет следующее значение: ‘14. Употребляется при обозначении лица, группы лиц и т. п., в чьих интересах совершается какое-л. действие’; а следовательно, актуализируются импликации «в политике, так же как в игре, участник может действовать не только в своих интересах, но и в интересах какого-л. из участников и тем самым против других», что дополнительно подчеркивается лексемой *давление* и конструкцией *если... то*. Таким образом, синтагматические средства выражения связности подчеркивают смысловую целостность фрагмента текста, основанную на импликациях.

Интересно, что в следующем фрагменте текста, при реализации той же метафоры игры, акценты расставляются по-другому:

Подобного же мнения придерживается заведующий сектором исследований Европейского союза ИМЭМО Юрий Квашнин: «Когда Ципрас стал премьером, много говорили о том, что России удастся разыграть греческую карту и Греция выступит лоббистом российских интересов в ЕС».

Здесь уже реализуются импликации «способы достижения политических целей — это план, тактика игры» и «средства достижения политических целей — это используемые в игре предметы». Лексемы *удастся* и *интересы* сохраняют важность смыслов «цель политических действий» на уровне импликаций сферы-цели, а словосочетание *разыграть греческую карту* обеспечивает связность текста, сохраняя метафору игры, но представляя разные стороны политического процесса как (основного) игрока и как предмет, тем самым давая оценку их разным возможностям в политической деятельности.

Приведем еще пример построения текста на основе концептуальной метафоры, где оценка выражена значительно более резко.

Контуры рецепта, по которому Кремль будет готовить себе избирательный обед, впрочем, просматриваются уже сейчас. Основной ингредиент — фальшивая конкуренция между кандидатами, старающимися выглядеть гораздо более разными, чем они есть на самом деле. (Питер Шранк (Peter Schrank), 16.03.2007 (The Economist, Великобритания); Кирилл Ельцов, ИноСМИ.Ru. Опубликовано на сайте inosmi.ru: 16.03.2007).

В этом фрагменте реализована кулинарная метафора «избирательная кампания — это обед», которой соответствуют группы импликаций; назовем среди них основные. Если избирательная кампания — это обед, то:

- рецепт приготовления обеда — это способы достижения победы на выборах;

- основной ингредиент обеда — это собой главное действие в избирательной компании;

Кроме соотношений этих импликаций, тесно связанных с рассматриваемым текстом, можно сформулировать еще несколько, например:

- обед является основным приемом пищи, так же как избирательная кампания является важным этапом для политических деятелей и партий;

- обед может быть вкусным или нет, так же как избирательная кампания может оцениваться положительно или отрицательно;

- обед готовится (стряпается) обычно на кухне, т. е. в помещении, где процесс приготовления еды не виден до того, как обед подан к столу, так же как в избирательной кампании возможны скрытые действия; и т. д.

Иначе говоря, импликации дают читателю возможность лучше воспринимать текст, понимая не только то, что сказано буквально, но и субъективное отношение автора. Это отношение, во-первых, имплицировано метафорой, ср. значение слова *кухня*, которое включает отрицательный оценочный коннотативный компонент: ‘2. Приготовление пищи, стряпня. || *перен.*; *чего* или *какая*. *Пренебр.* или *шутл.* Скрытая, закулисная сторона какой-л. деятельности’; во-вторых, поддержано эксплицитным выражением оценки конкуренции между кандидатами как *фальшивой*.

Кулинарная метафора и ее импликации важны для развертывания текста и обеспечения его целостности и связности, о чем свидетельствует ее употребление в средней части текста:

Скорее всего, этот рецепт сработает достаточно эффективно;

и в сильной позиции конца текста, где эксплицитно высказывается отрицательная оценка деятельности руководства страной:

Когда Путин покинет свой пост, все больше жителей России — особенно если упадут цены на нефть и испарятся материальные блага, полученные под его властью — могут повернуться спиной к руководителям, предлагающим им не реальные перемены, а рецепты шашлыка.

Окказиональное противопоставление (*не реальные перемены, а рецепты шашлыка*) основано еще на одной импликации сферы-источника: «приготовление пищи воспринимается как обыденное, несерьезное занятие, не заслуживающее уважительного отношения».

Отметим дополнительно, что сквозное использование кулинарной метафоры в данном тексте задано в начале текста содержательной информацией о действиях кандидатов в рамках избирательной кампании:

Вместе с другими кандидатами от партии Кузьмин перед региональными выборами, состоявшимися 11 марта, сфотографировался в переднике и наделал предвыборных листовок со своими любимыми рецептами.

В этом контексте сразу задается отрицательное отношение автора к подобным действиям, которое распространяется и на упоминаемые в статье способы ведения избирательной компании, за счет неоднозначного употребления глагола *наделать*, имеющего как нейтральное значение, так и сопровождаемое отрицательной оценкой: '1. (*что и чего*). Сделать в каком-л. количестве. 3. (*что и чего*). Сделать, совершить много чего-л. нежелательного'.

Таким образом, в концептуальной метафоре выделяют два вида круга импликаций: связанных с областью цели и связанных с областью источника метафоры. Если мы представим проекцию между областями как прямую линию «из точки А в точку В», то проекция между их кругом импликаций будет обширной сетью, образуемой многочисленными линиями, распределенными в тексте и помогающими каждому фрагменту текста быть в тесной взаимосвязи друг с другом. Чаще всего в тексте эксплицитно представлена область цели и некоторые из ее импликаций, а актуализация в сознании читателя импликаций области источника (или областей-

источников) метафоры оказывается эффективным средством создания связности и целостности текста как на уровне содержательной информации, так и на уровне оценки.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2005. С. 41.
2. *Филатов К. С.* Аналитические медиажанры: текстообразующие возможности метафоры // Вестник Пермского ун-та. 2014. Вып. 1 (25). С. 187.
3. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 167.
4. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 77.
5. *Арнольд И. В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 84.
6. *Баранов А. Н.* Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 9.
7. *Шуе Иань.* Импликации метафоры и текстообразующая функция // Иностранный язык. 2008. С. 25–31.
8. *Филатов К. С.* Метафора как способ развертывания журналистского текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. С. 16.
9. Здесь и далее словарные дефиниции приводятся по Словарю русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.06.2016).

Interconnection of metaphor implications in a construction of a text

The investigations of functions of metaphor in texts of different styles and genres are relevant in modern linguistics. Scientists emphasize not only decorative, aesthetic, style-forming functions of metaphor, but also its role in the organization of the text, its importance for the realization such text categories as coherence and cohesion. For the analysis of text-forming potential of metaphor, its cognitive interpretation is especially important: metaphoric statement arise as a result of the interaction of two domains of knowing in the speaking person's mind. The text-forming function is also carried out by projection of groups of metaphor implications.

The authors explore how metaphor implications take part in coherence and cohesion forming, based on the text fragments which were collected from the electronic media. The author concludes that the target domain and some of its implications are frequently represented in a text explicitly; and the actualization of source domain (or source domains) in the reader's mind is an effective way to coherence and cohesion forming, as well at the factual information level as at the evaluation level.

Keywords: conceptual metaphor, implication, text, organization of the text, coherence, cohesion.

Интеллект и речь по данным словарей концептов¹

В статье рассматриваются вопросы, связанные с лексикографической репрезентацией концептов, относящихся к сферам мышления и речи. Представлен обзор словарей концептов, в которых представлены концепты типа «Язык», «Речь», «Спор», «Разум», «Глупость» и под. Отдельно обсуждается репрезентация таких концептов в словаре «Концептосфера русского языка» под ред. Л. Г. Бабенко. Выявлены когнитивные признаки, важные для названных концептов и системно отражаемые в словарных статьях. При описании речевых концептов сквозными когнитивными признаками оказываются следующие: субъект и адресат речи, их статусные взаимоотношения; коммуникативная ситуация; содержание речи; цель говорящего; связь с другими речевыми и неречевыми действиями и качествами, ситуациями; конкретные разновидности реализации того или иного речевого акта; возможность использования невербальных средств выражения. При описании интеллектуальных концептов сквозными когнитивными признаками оказываются следующие: контролируемость/неконтролируемость человеком; сфера проявления, существования; конкретные разновидности ментальных действий, качеств, состояний; сферы проявления интеллектуальных качеств; причины, мотивы интеллектуальных действий, состояний; связь с другими действиями и качествами, ситуациями.

Ключевые слова: концепт, идеографический словарь, когнитивные признаки, речь, интеллект.

Мышление и речь безусловно признаются одними из важнейших составляющих внутреннего мира человека: «Человек мыслится в русской языковой картине мира прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий — физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния — восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п.» [1]. При этом «основные системы, из которых складывается человек» [2], взаимосвязаны; это представляет дополнительные трудности в их изучении и проявляется, в частности, в том, какие пересечения возникают при сопоставлении «систем» внутреннего мира человека, в выстраивании этих взаимосвязей и иерархии. Так, например, Л. М. Васильев объединяет глаголы мыслительной деятельности с глаголами волевой деятельности, желания, внимания, восприятия, ощущения, указывая, что «общей основой всего поля является психическая (чувственная и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

умственная) деятельность человека в разных ее аспектах» [3]; в свою очередь, рассматривая глаголы речи, ученый называет их глаголами речемыслительной деятельности, таким образом отмечая связь речи и интеллекта [4]. Ср. также модификации принципов построения классификационных сеток в идеографических словарях Уральской семантической школы под рук. проф. Л. Г. Бабенко [5]: например, в Толковом словаре русских глаголов [6] глаголы восприятия относятся к подполю «Интеллектуальная деятельность», а в рубрикации Универсального идеографического словаря [7] — к сфере «Восприятие окружающего мира»; в Большом толковом словаре русских существительных [8] группа «Текст» входит в состав сферы «Интеллект», а в рубрикации Универсального идеографического словаря — в сферу «Язык и речь» и т. п. В последней рубрикации эмоции, оценка и интеллект входят в сферу «Внутренний мир человека», а речь выделена в отдельную сферу. Действительно, речевые действия характеризуются особым статусом; как пишет Н. Д. Аругюнова, они «выполняют роль посредника между ментальной и реальной деятельностью человека» [9].

Речь и интеллект и их репрезентация в языке активно изучаются и в когнитивном аспекте, становятся объектом концептуального анализа — на материале разных языков, в сопоставительном, диахроническом аспектах и т. д. [10]; в том числе эти исследования оформляются в словарной (или близкой к словарной) форме [11]. Как справедливо отмечает Л. Г. Бабенко, «накоплен богатый опыт исследования отдельных концептов и настал тот момент, когда появилась возможность и необходимость лексикографической параметризации концептосферы русского языка в целом и отдельных концептов в частности», ведь «лексикографическая параметризация (оформление результатов исследования в виде словаря определенного типа) — итоговый этап, обычно завершающий теоретическое исследование языкового явления» [12].

При этом исследователи осознают различный статус концептов, номинируемых языковыми единицами типа *интеллект*, *мысль*, *ум*, *разум*, *глупость*, *речь*, *язык*, *слово*, *говорить*, *спор*, *критика* и т. п.

Так, акад. Ю. С. Степанов различает так называемые «базовые» концепты и производные от них: «в список базовых концептов попадают и их производные, играющие определенную роль в русской духовной жизни сегодня. Так, при концепте “Страх” нужно рас-

смотреть “Грех”, при концепте “Человек, Личность” по крайней мере два других — “Гений” и “Ангел” <...> и т. д.» [13]. Концепт «Язык» в словаре Ю. С. Степанова рассматривается отдельно, в качестве интегрирующего, «берется не как еще один объект в ряду объектов культуры, а как форма всякой культуры» [14].

В Русском идеографическом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой интегрирующим началом выступает человек, и «все словарные статьи организуются в шесть крупных разделов — в соответствии со сферами существования человека (так называемыми “мирами”), представленными языком как та органическая и естественная среда, в которой протекает жизнь человека» [15]. Авторы Русского идеографического словаря различают «ключевые» («великие») и «малые» концепты: например, рядом с великим концептом «душа» существуют малые концепты «дух» и «душевный» и т. п.

Н. Н. Болдырев делает предметом специального рассмотрения единицы лексической системы типа *наука, культура, искусство, образование, религия, экономика, право, интеллект*, которые «способны объединять разные концептуальные области в единый формат знания» и «не получают однозначного осмысления в рамках одного когнитивного контекста и требуют обращения к нескольким концептуальным областям. Передаваемое ими концептуальное содержание не сводится к отдельным характеристикам или их определенному набору и отличается интегративностью различных его аспектов» [16]. Тип отображаемого ими знания — это «знание матричного формата, которое можно представить в виде когнитивной матрицы, т. е. системы взаимосвязанных когнитивных контекстов» [17].

Можно заметить, что подобные единицы языка являются наименованиями тех классов слов, которые Л. Г. Бабенко в своих работах называет денотативными сферами, понимая под ними «максимальные по объему классы слов, связанные с отображением базовых категорий бытия, целостных макрокомпонентов (фрагментов) реального мира» [18].

Рассмотрим особенности выявления когнитивных признаков макроконцептов «Речь» и «Интеллект» в современной концептографии.

В Антологии концептов под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина, которая позиционируется как «словарь нового типа — концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении» [19] представ-

лены выполненные разными авторами исследования различных концептов. Формулируется обобщенная модель представления концепта — «Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу. Концепты внутренне организованы по полевому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [20], однако при анализе таких абстрактных концептов, как вышеназванные, оказывается, что они структурированы несколько по-другому. В частности, они практически не имеют конкретно-чувственной составляющей, зато особую значимость в их структуре приобретают образные когнитивные признаки; интерпретационное поле выявляется с опорой на разные источники: коннотативные компоненты значений языковых единиц, фразеологию и паремиологию, контекстологический анализ, данные ассоциативного эксперимента; для некоторых концептов привлекаются историко-этимологические данные, для других — нет.

Так, среди концептов сферы «Речь» представлены следующие: «Язык» (Д. Ю. Полиниченко), «Родной язык» (Г. Н. Милованова), «Русский язык» (Л. А. Тавдгиридзе, И. А. Стернин), «Татарский язык, русский язык, английский язык» (И. И. Мусина), «Оскорбление» (Г. В. Кусов), «Порицание» (О. А. Евтушенко), «Обвинение» (Ю. Г. Соловьева), «Спор» (Е. Н. Горбачева), «Брань» (С. С. Катуков), «Критика» (Н. В. Гаврилова), «Запрет» (Д. И. Медведева). Как видим, представлены несколько коммуникативных концептов, причем соотносимых преимущественно с негативными интенциями говорящего; логика и задачи анализа могут иметь значительные различия. Например, признаки концептов «Порицание», «Обвинение», «Брань», «Критика», «Запрет» выявляются с опорой на когнитивно-пропозициональные структуры, репрезентируемые семантикой и сочетаемостью соответствующих лексем, прежде всего глаголов; концепты «Спор», «Оскорбление» рассматриваются с речеганровых позиций. Концепт «Язык» также не представляет собой обобщающего описания (как макроконцепт), он рассматривается не во всей совокупности признаков, а в одной ипостаси — как система. Признаки языка, его функции, языковые антиномии выявляются с опорой на труды по языкознанию и философии языка; когнитивная значимость каждого из признаков опре-

деляется по репрезентативности контекстов в иллюстративном материале, а оценочные признаки — с опорой на фразеологию, паремиологию, художественные тексты, включающие лексемы-репрезентанты концепта *язык, речь, голос* и *слово*.

Среди «интеллектуальных» концептов представлены следующие: «Интеллект» (А. В. Крюков), «Мысль» (Е. П. Бондарева), «Волеизъявление» (Н. Ю. Чайковская), «Душа, сердце, ум» (О. Н. Кондратьева), «Ум и разум» (Н. М. Сергеева), «Дурак» (Е. В. Бусурина), «Глупость» (Е. Н. Бочарова), «Мечта» (С. А. Сергеев). Как видим, данные концепты, как и в случае с «речевыми», являют собой отдельные элементы макроконцепта «Интеллект». Концепты «Душа», «Сердце», «Ум» (анализируемые совместно, на пересечении психической, эмоциональной, интеллектуальной сфер внутреннего мира человека) рассмотрены на материале древнерусских текстов с опорой на анализ сочетаемости и концептуальных метафор. Концепт «Мечта» смоделирован в виде сценария, необходимыми компонентами которого являются субъект, предмет, условия, симптомы и целенаправленность. «Волеизъявление» предстает как концептосфера, внутри которой выделены три полярных концепта — «намерение», «желание», «каприз», — на основе противопоставления признаков рациональности и эмоциональности, большей или меньшей значимости внешней оценки; и обнаруживает значительную степень пересечения с «речевыми» концептами, вследствие чего рассматривается и с точки зрения речевых актов. При анализе концептов «Ум» и «Разум» с опорой на данные лексико-семантического и контекстологического анализа, а также на выявленные концептуальные метафоры, делается акцент на функциональных когнитивных признаках: разум — «высшее проявление мыслительной способности и воли человека», ум — «способность человека думать и понимать или нечто представляемое подобно органу, при помощи которого человек осуществляет мыслительные операции». В представлении концепта «Глупость» акцент другой — на социальном, нормативном, ценностном компонентах (глупость как отрицательно оцениваемое отклонение от интеллектуальной нормы и от нормы поведения).

Таким образом, в Антологии представлены (без приведения к унифицированной форме словарной статьи) некоторые из культур-

но и коммуникативно значимых концептов, входящих в макроконцепты «Речь» и «Интеллект».

В «Русском идеографическом словаре» разработана особая структура словарной статьи, в которой отражается «смысловая парадигма концепта», а именно в 19 зонах отражаются смыслы: бытийность, содержательная сущность концепта (кто и что), признак приписываемый и сущностный (какой и каков), принадлежностный или порядковый счетный (чей и который), время, пространство и точки их начала и предела (где, когда, куда, откуда), количество как собственно счет, мера (сколько и настолько), причина и цель (зачем и почему) и некоторые другие [21]. Подобным образом среди «речевых» концептов описаны «Клевета», «Ложь», «Молва», «Молчание», «Правда», «Речь», «Ссора»; среди «интеллектуальных» — «Глупость», «Мысль», «Память», «Ум».

При этом когнитивные признаки концепта специально не формулируются; читателю предлагается вычленить эти признаки из речений и текстовых иллюстраций, демонстрирующих особенности сочетаемости лексем — имен концептов. Авторы видят специфику смысловой парадигмы концепта в том, что «ее идеальную сторону составляет совокупность тех глобальных смыслов, которые обозначены в зонах словарной статьи, а ее материальной стороной является высказывание (или его осмысленный фрагмент — словосочетание), реализующее данный смысл» [22]. Так, в словарной статье концепта «Речь» [23] в зоне **IV. Какой** мы видим, например, контексты с такими предикатами, которые характеризуют речь в самых разных аспектах (форма существования, сфера использования, производные черты, особенности организации, степень эмоциональности и др.: *Устная, письменная речь. Профессиональная речь. Газетная, публицистическая речь. Художественная речь. Плавная, тихая речь. Членораздельная, ясная, понятная речь. Логичная, разумная, умная речь. Витиеватая, пышная, цветистая, замысловатая, многословная речь. Живая, бойкая, оживленная речь. Учтивая, вежливая, любезная, уважительная речь (слова). Пылкая, восторженная, экзальтированная речь. Сдержанная, спокойная речь. Медлительная, затрудненная речь* и т. д.

С другой стороны, одни и те же (или подобные) примеры сочетаемости, репрезентируя одну и ту же характеристику означиваемого явления, могут приводиться в разных зонах статьи. Так, кон-

тексты, репрезентирующие смысл «цель говорящего», типа *Напутствующие, прощальные, приветственные слова. Утешительные, оправдательные слова. Вступительное слово*, приводятся в зоне **XVIII. Зачем**; однако подобные примеры мы видим и в зоне **IV. Какой**: *Сладкие, умильные, льстивые слова. Гневные, обличительные тирады. Мудрая, поучительная, назидательная, душеспасительная беседа*.

Тем не менее, безусловно, такой способ выделения зон статьи соответственно смыслам, выражаемым дейктическими единицами, и наполнение каждой из зон иллюстративным материалом обеспечивают структурность и единообразие описания концепта, делают словарные статьи ценнейшим источником информации.

Особую структуру словарной статьи концепта разработала Л. Г. Бабенко: «В словарной зоне **«Ментальные составляющие концепта»** в виде развернутой словарной дефиниции <...> дается совокупность когнитивных признаков, составляющих концепт. Она представляет собой не простую сумму этих признаков, которые даются методом перечисления, а структуру, сформированную из когнитивных признаков разного ранга, определенным образом иерархически организованных по принципу поля, в котором есть ядро, приядерная зона, ближайшая и дальнейшая периферия. В нашем понимании структуру концепта формируют следующие типы когнитивных признаков: 1) основные, среди которых выделяются ядерные (базовые) и приядерные (конкретизирующие); 2) сопряженные (включенные); 3) прагматические ассоциативно-образные, среди которых разграничиваются метафорически-образные (*основаны на внутрисловных ассоциациях*) и культурологические (*основаны на внешних ассоциациях*); 4) модально-оценочные» [24]. В словарной статье также отражена связь концепта и языка: «в словарной статье отдельно взятого концепта, с одной стороны, в лексикографических параметрах представлена его ментальная сущность, с другой стороны, приведены различные варианты его лексической репрезентации: основные, комплексные, ассоциативно-образные, а также фразеологизмы и пословицы» [25].

Рассмотрим представление «речевых» и «интеллектуальных» концептов в словаре «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии

и паремиологии)», проспект которого вышел в 2010 г., в настоящее время готовится к изданию полная версия.

В данном словаре в настоящее время среди «речевых» концептов описаны: «Красноречие», «Болтливость», «Молчание», «Спор», «Обещание», «Просьба», «Вопрос», «Совет», «Шутка», «Согласие», «Отказ», «Жаловаться», «Ругать», «Хвалить» (авт. — Т. М. Воронина); среди «интеллектуальных» — «Понимание», «Память», «Бессознательное», «Мысль», «Знания», «Интерес», «Доказательство», «Ошибка», «Мировоззрение», «Гениальность», «Сообразительность», «Дурак», «Умный» (авт. — М. Л. Кусова); т. е. представлены такие «клетки» соответствующих матричных концептов, как типы речевых актов и характеристики человека по особенностям речи; сферы мышления, типы интеллектуальных действий и результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальные свойства человека.

Остановимся в рамках данной статьи (исключая из рассмотрения субъективные смыслы: образные, культурологические и модально-оценочные) на объективных когнитивных признаках, важных для названных концептов и системно отражаемых в словарных статьях.

При описании речевых концептов сквозными когнитивными признаками оказываются следующие.

1) субъект и адресат речи, их статусные взаимоотношения:

Владение искусством **красноречия** важно для *писателей, журналистов, адвокатов, политических и общественных деятелей*; **Просьба** может быть обращена к конкретному человеку — близкому, знакомому, коллеге и т. д.; возможно, даже к незнакомому (в случае если просьба незначительная или, наоборот, насущная, выполнение которой не терпит отлагательства). Она может быть обращена также к *вышестоящим лицам, в учреждения*; **Ругает** обычно тот, кто является *старшим по возрасту* или занимает *более высокое социальное положение* (или занимает главенствующее положение в конкретной ситуации); это может быть конкретный человек или группа людей;

2) коммуникативная ситуация:

Спор может проходить в *устной форме в публичной обстановке* (например, на диспуте, дебатах, каком-либо собрании) или осуществляться в *письменной форме, в печати*; а может возникать *в ходе неофициальной беседы*; **Человек обычно шутит** в ситуации *непринужденного общения, пребывая в хорошем настроении*;

3) содержание речи:

Для **болтливого** человека *обычно не важна тема разговора, его содержание*; Человек может **жаловаться** на какие-либо касающиеся его конкретные *неприятности, трудности*, возникающие по вине окружающих его людей или вследствие

неудачно складывающихся обстоятельств, на свои *проблемы, свое тяжелое или бедственное положение, вообще тяжелую жизнь* (жаловаться, сетовать); может жаловаться на кого-либо, обвиняя его в каких-либо несправедливых по отношению к себе или кому-либо, предосудительных поступках, действиях (ябедничать, доносить);

4) цель говорящего:

Человек, который **хвалит** кого-, что-либо, кроме того чтобы высказать положительную оценку, может преследовать различные цели: *выразить доброжелательное отношение, понимание, восхищение* (искреннее или неискреннее, льстивое) и т. п., *доставить удовольствие* человеку (например, сказав в его адрес комплимент), *выразить благодарность*, специально отметить чьи-либо заслуги как достойные поощрения, награды, *возбудить к кому-, чему-либо интерес, вызвать ответную похвалу в свой адрес*; Целью того, кто высказывает **жалобы**, кроме выражения недовольства, может быть *потребность высказаться, вызвать жалость, сочувствие к себе, получить помощь*;

5) связь с другими речевыми и неречевыми действиями и качествами, ситуациями:

Спрашивание предполагает *ожидание ответа*; вопросы и ответы в диалоге предполагают друг друга; **Обещание** может быть *одновременно и высказыванием, и действием* (т. е. произнести фразы обещаю, что..., клянусь, что... и т. п. — это и значит осуществить действие обещания); **Реакция адресата** на **просьбу** может быть различной. Он может согласиться выполнить просьбу ...; а может и отказать по разным причинам;

6) конкретные разновидности реализации того или иного речевого акта:

[вопрос]: в учебном процессе преподаватель производит опрос учащихся с целью проверить их знания. В сфере права при расследовании преступлений следователь допрашивает подозреваемого или свидетеля с целью выяснить обстоятельства дела. В социологии с целью выяснить мнение большого количества людей о чем-либо, собрать какие-либо сведения производятся социологические опросы; **Согласие** может быть *ответом, реакцией на чью-либо просьбу, чье-либо обращение*; может являться выражением, *подтверждением единодушия*, единомыслия с кем-, чем-либо (соглашаться/согласиться с кем-чем), *признанием правильным* чье-либо мнения, утверждения; согласие может представлять собой *устраивающее всех участников общения решение, мнение, общий, согласованный план действий* и т. п.

7) возможность использования невербальных средств выражения:

Словесное выражение **жалобы** может поддерживаться *тоном речи*, в этом случае человек высказывает жалобы эмоционально, с горечью, жалобным, плаксивым тоном; **Отказ** может быть выражен *и без слов, жестами, или сопровождаться жестами*, такими как: помотать головой, отмахнуться, вытянуть руки с поднятыми ладонями вперед, как бы отталкивая что-то, и т. п.

При описании интеллектуальных концептов сквозными когнитивными признаками оказываются следующие.

1) контролируемость/неконтролируемость человеком:

Появление **мысли** может быть обусловлено *собственным желанием* человека обдумать что-либо, какими-либо *внешними причинами*, но иногда процесс появления мысли самому человеку *кажется неконтролируемым*; **Гениальность** не *зависит от человека*; **Доказательство**, свидетельствующее об истинности, правильности или ошибочности чего-либо, является результатом интеллектуальных *усилий, осознаваемых самим человеком*;

2) сфера проявления, существования:

Именно со *сферой культуры, науки* традиционно связывают **гениальность**; *Наивному и научному мировоззрению* противостоит *обыденное, житейское*;

3) конкретные разновидности ментальных действий, качеств, состояний:

Различают **память** произвольную и непроизвольную, кратковременную и долговременную; зрительную, слуховую, осязательную память; Различают высокий, благородный **интерес** и низменный, обывательский, мелкий. Интерес может быть широким (глубокий интерес) и узким, всесторонним и ограниченным, устойчивым и сиюминутным;

4) сферы проявления интеллектуальных качеств:

Умный человек отличается высокой степенью развития мыслительных способностей. Он быстро и правильно *оценивает окружающее*, руководствуется доводами *рассудка*, его действия *соотносятся с обстоятельствами*, заданными действительностью. Умный человек обладает большим кругом *сведений* в разных областях *знаний* или в одной какой-либо области; **Ошибка** может привести к неправильности в какой-либо *работе*;

5) причины, мотивы интеллектуальных действий, состояний:

Явления, на которые направлен процесс **понимания**, воспринимаются человеком как объективно *значимые* или представляются кем-то как таковые; [**дурак**] умственная ограниченность может быть связана с *отсутствием необходимых природных задатков*, с недостаточным *уровнем развития интеллекта* из-за отсутствия необходимого *образования или опыта*;

6) связь с другими действиями и качествами, ситуациями:

Бессознательное определяет наличие *непроизвольных реакций* у человека, *ошибочных действий*, может вызывать *образы, появляющиеся в воображении, во сне*; Обладание человеком определенными **знаниями** во многом определяет его *мировосприятие*; Вне познания действительности, процесса приобретения *знаний* **мировоззрение** формироваться не может; [**интерес**] характеризуется наличием *эмоциональной окрашенности, побуждения к действию, активностью сознания*; Нарушение работы **памяти** нередко связано с *болезнью*; Появляющиеся в сознании человека **мысли** оформляются с помощью *языковых средств*, представляют собой суждение, рассуждение.

В целом следует отметить, что при описании концептов интеллектуальной сферы сложнее, чем при описании речевых концептов, сформулировать общие, сквозные когнитивные признаки, что связано с ее большей абстрактностью.

Итак, речь и интеллект — сложные и многогранные сферы действительности, осмысление которых приводит к формированию «матричных» структур знания, и их исследование и тем более лексикографическая презентация, как представляется, не осуществлены в полном объеме; изучение и лексикографическое отображение составляющих этих когнитивных матриц является актуальной задачей.

Примечания

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 39.
2. Там же.
3. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М., 1981. С. 168.
4. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола (Глаголы речи, звучания и поведения). Уфа, 1981.
5. См. подробнее об этом статью Л. Г. Бабенко в настоящем сборнике.
6. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
7. *Бабенко Л. Г.* Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва–Екатеринбург, 2015. С. 22–42.
8. Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005; 2008 (2-е изд.).
9. *Арутюнова Н. Д.* От редактора // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 4.
10. См., например: Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993; Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994; Язык о языке: Сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000 и мн. др. исследования, в т. ч. диссертационные.
11. См., например: *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997; *Убийко В. И.* Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: функционально-когнитивный словарь. Уфа, 1998; Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Тт. 1–8. Волгоград, 2005–2011; Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010; Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова; РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2011.
12. *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 3.
13. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 6.
14. Там же. С. 903.

15. Белоусова А. С., Занегина Н. Н. Концепт и его смысловая парадигма как объект лексикографического представления (о проекте «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире») [Электронный ресурс] // lexrus.ru [сайт]. URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2841> (дата обращения: 10.06.2016).
16. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов, 2014. С. 57.
17. Там же. С. 58.
18. См. подробнее об этом статью Л. Г. Бабенко в настоящем сборнике.
19. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград, 2005. Том 1. С. 2.
20. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград, 2005. Том 1. С. 9.
21. Белоусова А. С., Занегина Н. Н. Указ. соч.
22. Там же.
23. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / Отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова; РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2011. С. 854–867.
24. Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 11.
25. Там же. С. 19.

Intelligence and speech according to the dictionaries of concepts

The article deals with the problems of lexicographic presentation of concepts related with spheres of intelligence and speech. The author presents review of the dictionaries in which the concepts like “Язык”, “Речь”, “Спор”, “Разум”, “Глупость” and so on are described. The author specially considers peculiarities of the representation of such concepts in the dictionary “Concept Sphere of the Russian Language” created under the supervision by Ludmila Babenko. Also the author identifies the cognitive features which are important for aforementioned concepts and which are systematically represented in this dictionary entries. In the description of “speech” concepts, main cognitive features are the following: speaker and addressee of speech; status relationships between them; communicative situation; content of speech; speaker's goal; interaction with other speech and non-speech actions, qualities, situations; particular types of realization of speech acts, possibility of non-verbal means using. In the description of “intellectual” concepts, main cognitive features are the following: person's ability/inability to control thinking; spheres of thinking existence and manifestation; particular types of realization of intellectual acts; reasons, motives of intellectual action and states; interaction with other intellectual and non-intellectual actions, qualities, situations.

Keywords: concept, ideographic dictionary, cognitive features, speech, intelligence.

Категория невыразимого в книге О. Э. Мандельштама «Камень»¹

Статья посвящена исследованию категории невыразимого в книге О. Мандельштама «Камень» как генерального предмета поэтического познания. На основе функционально-денотативного анализа стихотворения «Звук осторожный и глухой...» выявляются варианты и инварианты ситуации, формирующей семантическое и денотативное пространство данного текста. Кроме того, производится идеографическое описание более 1000 субстантивных лексем, образующих функционально-семантическое поле «Предметы поэзии» и функционально-денотативное поле «Невыразимое». Даны основные параметры и характеристики категории невыразимого в книге О. Мандельштама «Камень». Стихи О. Мандельштама, как и поэзия Е. Баратынского, Ф. Тютчева, Н. Заболоцкого, обладает такими признаками, как энигматичность и эвристичность. Тайна и открытие — вот параметры поэтического познания невыразимого. Поэтическое познание О. Мандельштама в книге «Камень» направлено прежде всего на те предметы, которые объективно непознаваемы до конца, а, следовательно, остаются невыразимыми (т. е. не имеющими окончательного, оптимально точного или универсального имени). К таким предметам относится *искусство* (словесность и поэзия в первую очередь), *эмоции* (человек, душа, воля, судьба, чувства; чувственно-интуитивное познание и реакция на мир), *время, пространство* (космос, вселенная, время истории, человечества, время абсолютное и т.п.), *универсальные денотаты и смыслы* (бытие, онтология, Бог, Дух, и т. д.), *неживая природа* (все, что способно антропоморфироваться и быть адекватным человеку, его душе и т. д.), *живая природа* (одушевленное адекватно одухотворенному), *религия* (Бог, Дух, душа, человек), *строительство* (строения и их части) (созидательная, творческая сила человека), *интеллект* (разум, мышление, язык, речь, поэзия) и др.

Ключевые слова: поэтическое познание, невыразимое, поэтический семиозис, идеография, функционально-семантическое/денотативное поле/пространство, метаэмоция, метасмысл.

Работа выполнена в русле и традициях Уральской семантической школы, возглавляемой профессором Л. Г. Бабенко.

1. Книга стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень» (1-е изд. — 1913 г., изд-во «Акмэ» (СПб.), тир. 300 экз.; 23 стихотворения; 2-е изд. — 1915 [на титуле 1916], тир. 1000, 67 стихотворений; 3-е изд. — 1923, 76 стихотворений), выдержав за 10 лет три издания с последовательным увеличением состава стихотворений в два и в три раза, — представляет собой не только знак начала поэтиче-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

ской деятельности крупного художника, не только свод ювенильных текстов, но, главным образом, эта книга стала этико-эстетической и поэтико-познавательной программой реализуемого (в течение 10 лет) характера, своеобразной и уникальной моделью «теории, методики» и практики поэтического познания. Особое значение этой книги для всего творчества великого поэта отмечалось многими литераторами, поэтами и учеными [1]. Качество поэтического текста в просодическом, содержательном и культурологическом аспектах определяется характером объекта поэтического познания.

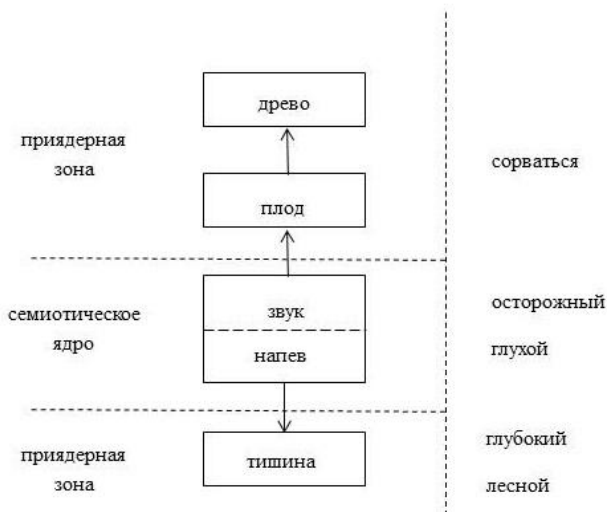
2. Поэтическое познание реализуется в общих процессах художественного творчества. Однако лингво-поэтическое познание имеет первичный, базовый характер за счет формирования особой ситуации познания, протекающего в условиях поэтического семиозиса. О. Мандельштам, как и другие акмеисты, пытается вернуть языковому знаку — слову — его природное, денотативное значение, преодолевая образно-символические опыты поэтов-символистов и др. (см. статью О. Мандельштама «Утро акмеизма» [2]). Типовая знаковая ситуация рассматривается в семиотике как системное единство знака, образа и представления. Поэтический семиозис О. Мандельштама как система включает в себя большое число компонентов, объединенных в дихотомические единства: знак/слово ↔ денотат; образность/метафорика ↔ множественный денотат (полиденотат); представление ↔ метаденотат и метаденотат ↔ система смыслов. Если воспользоваться известной теорией функциональных статусов слова (Э. В. Кузнецова [3]), когда слово в языке есть ономата (номинатор), в речи — синтагма (словоупотребление), то, продолжая и продлевая зоны функциональной сферы лексемы/семемы, мы отличаем иные статусы более сложного и комплексно-функционального характера, такие как слово-текстема (слово в тексте), слово-культурема (слово в культуре). В поэтическом тексте слово (лексема/семема) функционирует в особом, уникальном статусе поэтемы. Рассмотрим ситуацию поэтического семиозиса на материале стихотворения «Звук осторожный и глухой...» (1908):

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с дерева,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

Это стихотворение открывает книгу и обладает широким набором формальных и содержательных качеств уникального характера. Во-первых, это очень короткий текст, текст однострофный (четырёхстопный ямб, осложнённый спондеем [«звук»] и рядом пиррихий [«осторожный»], [«сорвавшегося»], [«немолчного»], [«тишины»]; рифма опоясывающая, традиционная, abba, точная, «банальная», или исторически детерминированная поэтикой Золотого века). Во-вторых, явный поэтический традиционализм этого текста очевидно «модернизируется» спецификой функционирования лексик — слов-поэтем. Традиционная пейзажная лирика (естественно, с учетом содержательного параллелизма элегического, философского, эмоционального и фольклорно-архетипического характера) порождает — силой расширительных и восходящих потоков смысловой энергии — стихотворение, отображающее ряд денотативных ситуаций гносео- и когнитоскопической природы, когда слова (лексемы/семемы)-поэтемы, функционируя одновременно в статусах ономаем, синтагм, текстом и поэтем (культурем), реализуют последовательно и одновременно семиоскопические и семаскопические структуры, объединения и в целом систему смыслов. С учетом учения У. Эко о доминантах и константах [4], в данном тексте выделяется ряд лексических доминант: звук (плода; осторожный, глухой), (звука) плод, дерево, напев (немолчный; тишины), тишина (напева; лесная, глубокая), формирующих и реализующих систему поэтического семиозиса, процессуально протекающего в смысловой сфере стихотворения. Лексические знаки в этом тексте имеют сложную, комплексную природу, когда в одном знаке функционально, денотативно и семантически синтезируются такие семиотические качества, как индексичность, иконичность, символичность. Лексический знак в поэтическом тексте выражает одновременно номинативно-денотативное значение, образно-символическое и интерпретативно-смысловое значение (ср.: индекс — иконичность — символ; а также ср.: знак — образ — представление). Природа языкового знака в поэзии полифункциональна: лексема (слово, словоформа) способна под воздействием комплекса разноприродных контекстов (лексический, фразовый, строфический, текстовый, метатекстовый [контекст цикла, книги, цельного творчества]) выражать одновременно и лексическое, и контекстное, и контекстологическое, и текстовое, и культурологическое, и др.

значения, т. к. степень культурологичности поэтического текста повышается постоянно в силу убывания, погашения собственно лингвистической семантики данного текста, являющегося по определению знаком культуры.

В данном ряду лексических доминант (*звук, плод, дерево, напев, тишина, сорваться*) центральное место и в грамматическом, и в семантическом, и в контекстологическом, и в денотативном, и в валентном отношении занимает существительное *напев*, которое в силу своей ономазиологической семантики (и силы) определяет и оформляет развивающийся процесс денотативной антропоморфии.

В тексте этого стихотворения реализуются одновременно/последовательно несколько денотативных ситуаций. *Ситуация первая*: плод (яблоко, шишка и т. п.), падая с ветки дерева на землю, издает глухой и мягкий звук, который сочетается с глубокой лесной тишиной, которая сама звучит — неслышно и постоянно. *Ситуация вторая*: у человека («дерево») срывается с уст слово («плод») и звучит глухо и еле слышно в тишине, звучащей неслышно, но постоянно и глубоко в лесу. Здесь в семантике существительного «напев» начинают актуализироваться компоненты «человек», «говoreние», «речь», «поющая, как человек, тишина». *Ситуация третья*: поэт произносит первое слово нового стихотворения — осторожно, глухо, стараясь не помешать поэзии звучать (где

«поэт» есть «дерево», «слово поэтическое» — плод, «поэзия» — «тишина»). *Ситуация четвертая*: поэзия звучит всегда, она, как лес, дика, чиста, таинственна и свободна, — и в ее молчаливое пение гармонично вливается любой звук — и природный, и изданный человеком. *Ситуация пятая*: слово человеческое и слово поэтическое соединяются в одно целое — в напев тишины, или — в поэзию, которая остается одной из самых главных и грандиозных загадок бытия. Тайна поэзии как тайна поющей тишины, непознаваема и невыразима.

Невыразимое в поэзии, в поэтическом тексте, как правило, выражается оксюморонными номинациями, такими как «немолчный напев глубокой тишины».

Основными предметами поэтического познания в этом стихотворении стали три сущности: *слово*, *сказавший слово* и *поэзия*. Данные предметы синтезируются в глобальный объект поэтического познания — в невыразимое, в неизъяснимое, в непознаваемое, в ненарекаемое, в невообразимое.

Стихи О. Мандельштама, как и поэзия Е. Баратынского, Ф. Тютчева, Н. Заболоцкого, обладают такими признаками, как энigmatичность и эвристичность [5]. Тайна и открытие — вот параметры поэтического познания невыразимого. Данное стихотворение отображает среди иных и другие денотативно-функциональные ситуации. *Ситуация шестая*: звук упавшего с дерева плода не потревожил птицу, напевающую что-то «немолчной тишине лесной». *Ситуация седьмая*: слово (плод) не вспугнуло птицу, поющую в тишине лесной чащи. *Ситуация восьмая*: тишина звучащая («Silentium!» Ф. Тютчева) органично и гармонично вбирает в себя и звук плода, упавшего с дерева, и голос человека, и птичью песню и все, что поет, плачет и молчит («думает» — «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» — А. Пушкин. *Ситуация девятая*: время (плод), его течение, его исход, — наполняет звучанием немой напев вечности (тишина). Функционально-денотативное варьирование смысловых структур этого стихотворения — есть результат поэтического познания невыразимого.

3. Невыразимое — основной объект поэтического познания. Определения невыразимого нет и не может быть. Однако данный объект познания включает в себя ряд предметов, которые невозможно познать, изучить, исследовать до конца. Это категории, фе-

номены и явления, имеющие или сверхабстрактный и сверхобобщенный характер, или витально-антропоморфную природу, когда человек, его существование и деятельность становятся частью данного предмета, входящего в объект невыразимого. Среди таких сущностей наблюдаются следующие: жизнь, смерть, любовь, язык, душа, культура, время, пространство, вечность, Вселенная, Бог, Дух и др. О. Мандельштам ощущал себя, жизнь и мир — глобально, что определило формирование его особого внутреннего мира, поэтической картины мира и поэзии в целом. Такое глобальное ощущение жизни С. Лурье называет метаэмоцией [6]. О. Мандельштаму присуще метаэмоциональное, метасмысловое и метаконцептуальное представление о мире и о том главном, что есть в мире, — о невыразимом. И. Сурат говорит о том, что «Мандельштамовское отношение к имени индивидуально, органично — и при этом соотносится с большими движениями эпохи — эстетико-философскими и богословскими» [7]. Сам О. Мандельштам рассматривает слово одновременно как образ, как звучание и как представление о предмете (т. е. слово — это целая ситуация, подобная семиозису) [8]. Метаэмоциональность, метасемантичность и метаконцептуальность — основные качества, признаки и свойства лексики и языка поэзии О. Мандельштама.

Результаты идеографического описания (выполненного в рамках теории и методологии исследований Уральской семантической школы и профессора Л. Г. Бабенко [9]) более 1000 субстантивных лексем в книге «Камень» показали, что функционально-денотативная сфера, сформированная существительными, представляет собой систему, имеющую полевое строение. Ядерная зона данной функционально-денотативной сферы (далее ФДС) имеет бинарную структуру и включает в себя денотаты, относящиеся к искусству и эмоциям (115 и 112 словоупотреблений), приядерную зону составили денотаты, относящиеся ко времени и пространству (87) и явлениям и событиям (универсальные денотаты/смыслы) (74). В ближайшую периферию вошли денотаты, относящиеся к неживой природе (143). Дальнейшую периферию составили денотаты, относящиеся к живой природе (94), религии (78), строительству (строения и их части) (70), интеллекту (69); в эту же зону включаются остальные сферы: предмет (39), оценка (30), социальные отношения (30) и т. д. (всего 40 сфер).

Поэтическое познание О. Мандельштама в книге «Камень» направлено прежде всего на те предметы, которые объективно непознаваемы до конца, а, следовательно, остаются невыразимыми (т. е. не имеющими окончательного, оптимально точного или универсального имени). К таким предметам относится *искусство* (словесность и поэзия в первую очередь), *эмоции* (человек, душа, воля, судьба, чувства; чувственно-интуитивное познание и реакция на мир), *время, пространство* (космос, вселенная, время истории, человечества, время абсолютное и т. п.), *универсальные денотаты и смыслы* (бытие, онтология, Бог, Дух и т. д.), *неживая природа* (все, что способно антропоморфироваться и быть адекватным человеку, его душе и т. д.), *живая природа* (одушевленное адекватно одухотворенному), *религия* (Бог, Дух, душа, человек), *строительство* (строения и их части) (созидательная, творческая сила человека), *интеллект* (разум, мышление, язык, речь, поэзия) и др.

Невыразимое для О. Мандельштама (и для вербальной поэзии в целом) как объект поэтического познания, таким образом, имеет следующие признаки и очертания:

1. Метаэмоциональный и метасмысловой характер данного объекта.

2. Энигматическая и эвристическая природа данного объекта.

3. Разноприродный характер предметов, входящих в данный объект.

4. Предметы данного объекта отображаются лексикой в процессе поэтического семиозиса.

5. Статусная полифункциональность слова-поэмы, выражающего тот или иной аспект невыразимого (и вообще — нечто): слово функционирует в поэтическом тексте одновременно как индексирующий, иконический и символический знак.

6. Доминирующими предметами невыразимого являются искусство (поэзия), эмоции, время, пространство, универсально-бытийные явления, природа живая и неживая, религия, артефактальный мир и интеллект (другие 30 предметов составляют периферийную зону невыразимого).

7. Ведущий функционально-денотативный и семантический процесс смысловой парадигматики, синтагматики и эпидигматики лексических единиц в поэтической книге «Камень» — антропо-

морфная индексация, иконизация и символизация в рамках поэтического семиозиса номинируемых предметов.

Книга стихотворений О. Мандельштама «Камень» — это универсальный образец методологии поэтического познания невыразимого и векторного преобразования мира от предметного к антропологическому, от антропологического к онтологическому и поэтическому.

Поэтическое познание — процесс сложнейший, имеющий специфику языкового, этико-эстетического, социального, бытийного, интенционального, метатекстового, внутритекстового, межтекстового и архитекстуального характера. Поэзия — одна из центральных частей культуры словесности, а поэтический текст — прежде всего знак культуры, бытия и внутреннего мира художника, который может быть исследован в процессе идеографического и лексикографического описания и осмысления языка поэта.

Примечания

1. Михайлов А. Д., Нерлер П. М. // Мандельштам О. Э. Сочинения в двух томах. Т. 1. Стихотворения. М., 1990. С. 447–456; Аверинцев С. С. Вступительная статья. С. 5–64.
2. Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Мандельштам О. Э. Сочинения в двух томах. М., 1990. С. 141–145.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.
5. Казарин Ю. В. Основы текстотворчества (мастерская текста). Екатеринбург, 2008.
6. Лурье С. Послесловие // Бродский Иосиф. Холмы. Большие стихотворения и поэмы. СПб, 1991.
7. Сурат И. З. Опыты о Мандельштаме. М., 2005. С. 95.
8. Мандельштам О. Э. Слово и культура // Мандельштам О. Э. Сочинения в двух томах. М., 1990. С. 167–172.
9. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989; Казарин Ю. В. Уральская семантическая школа: история, люди, события. Екатеринбург, 2011.

The category of inexpressible in the book “Stone” by O. E. Mandelstam

The article discusses the category of the inexpressible in Mandelstam's *Kamen* (Stone) as the main subject of the poetical perception. The functional-denotative analysis of the poem “The careful and muted sound” (“*Zvuk ostorozhnyi i Глухой*”) is used to denote variants and invariants of the situation that forms the semantic and denotative field of the given text. Moreover, more than 1000 substantive lexical units are ideographically described. These are the units that form the functional-semantic field “The subjects of poetry” and functional-denotative field “The inexpressible”. The basic parameters and characteristics of the category of the inexpressible in Mandelstam's *Kamen* (Stone) are

described. Mandelstam's poems, as well as the poetry of Baratynsky, Tyutchev, Zabolotsky, can be characterised as enigmatic and heuristic. The enigma and the revelation are the basic parameters of the poetical perception of the inexpressible. Mandelstam's poetical perception in Kamen (Stone) is concerned with objects that cannot be entirely understood and thus remain inexpressible (i.e. they do not have a final, precise or universal name). Among such objects there are art (primarily literature and poetry), emotions (the human, soul will, fate, feelings; emotional and intuitive perception and reacting), time, space (cosmos, universe, the time of history and a man, absolute time, etc.), universal notions (existence, ontology, God, Spirit, etc.), inanimate nature (anything that can be anthropomorphic and resemble a human and his soul), animate nature, religion (God, Spirit, soul, a human), construction (buildings and their parts; creative power of a human), intelligence (sense, mind, language, speech, poetry), etc.

Keywords: poetic cognition, inexpressible, poetic semiosis, ideography, functional-semantic/denotative field/space, metaemotion, metasense.

© Н. А. Гоголина, Тянь Ченсинь
УрФУ, г. Екатеринбург

Семантика сравнений в текстах современной печати

В статье анализируется семантика сравнительных конструкций в текстах газетно-публицистического стиля. Определяются особенности публицистического стиля и его основные черты, устанавливается роль изобразительно-выразительных средств, используемых в газетных текстах. В работе дается определение сравнения, его характеристика как особой синтаксической конструкции и выразительного средства — тропа. Основное внимание уделено определению семантики всех компонентов сравнительных конструкций: объекта, предмета и константы сравнения. В результате проведенного анализа словарных дефиниций в толковых и идеографических словарях все слова в позиции объекта и предмета сравнения были объединены в семантические поля и подгруппы. Определялся также тип и семантика константы, служащей для основания сходства сравниваемых объектов.

Ключевые слова: публицистический стиль, сравнение, семантика, компаративная часть, семантическое поле, константа сравнения

За последние пятнадцать лет произошли существеннейшие изменения в функционировании русского языка, и прежде всего в сфере массовой коммуникации, predeterminedные экстралингвистическими факторами — глобальными переменами в политической и экономической жизни нашего общества. Эти изменения были зафиксированы исследователями М. В. Пановым, Г. Я. Солгаником, В. Н. Шапошниковым и др. Повышенное внимание именно к языку газеты вполне закономерно: во-первых, газета является старейшим средством массовой информации, в котором складывались и фор-

мировались основные стилистические приемы и средства, характерные для языка массовой коммуникации в целом, во-вторых, газетные тексты представляют собой наиболее доступный и удобный с точки зрения лингвистического описания материал, так как не требуют предварительной записи и последующей расшифровки, как, например, радио- и видеоматериалы. Все это позволило ученым рассматривать язык газеты, в особенности газетные тексты информационной направленности, в качестве базового компонента языка средств массовой информации вообще.

Публицистическая речь связана с обслуживанием разнообразных общественных отношений: общественно-политических, просветительных, культурно-массовых. Главные задачи, стоящие перед журналистикой — сообщение новостей и их комментирование, оценка фактов и событий, в связи с чем реализуются две функции языка: *информативная* и *воздействующая*. Публицистика, которую называют летописью современности, так как она во всей полноте отражает текущую историю, обращена к злободневным проблемам общества — политическим, социальным, бытовым, философским и т. д., близка к художественной литературе. Конструктивным принципом языковой организации газетно-публицистического текста является сочетание стандарта и экспрессии. Публицистика не может быть только информативной, хотя передача социально значимой информации — главное для нее. Информативная линия переплетается в данном случае с эмоционально-экспрессивной. Экспрессия (выразительность) газетно-публицистического текста в значительной мере направлена на выявление авторской оценки изображаемого, в конечном счете, на определение общественной позиции, гражданских убеждений автора.

Средства выражения экспрессивно-воздействующей функции в газетно-публицистической речи разнообразны. Газетно-публицистический текст содержит не только большое количество лексических единиц разной тематики, но и изобразительные языковые явления.

В данной работе мы в основном анализируем экспрессивную функцию сравнительных конструкций, используемых как специальное средство выразительности в газетных текстах.

Сравнение — это один из способов познания действительности. Изучая мир, человек сравнивает предметы, явления друг с другом,

пытаясь обнаружить их сходство и различия. Сравнение является объектом изучения многих наук: философии, социологии, психологии и филологии.

В языкознании под сравнением понимают синтаксические конструкции, имеющие формальную маркированность. В словаре Т. В. Матвеевой находим следующее определение: «Сравнение — грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи» [1]. В Русской грамматике дается такое определение: «Сравнительные отношения строятся на уподоблении двух ситуаций, сближаемых на основании объективного сходства, либо на основании субъективных ассоциаций» [2].

Исходя из данных определений, можно заключить, что сравнение — это определенная синтаксическая конструкция, значение которой — сравнение явлений, ситуаций, предметов на основе их сходства, а также это особый литературно-художественный прием (троп).

В нашем исследовании мы придерживаемся следующего взгляда на сравнение: 1) это синтаксическая конструкция, выполняющая разные функции в структуре предложения; 2) это конструкция, состоящая из двух частей: объект сравнения и собственно компаративная часть (предмет сравнения). Каждая из этих частей может содержать несколько компонентов. Так, в первой части может находиться компонент, указывающий на сходство сравниваемых объектов, по терминологии А. Ф. Прияткиной [1] это константа сравнения, которая может быть предикативной, качественной, реже субстантивной: *Он **посмотрел** на меня, как на врага* (предикативная константа).

В собственно компаративной части, помимо слова-сравнения, может содержаться средство сравнения — союз, а также указание на то, что является основанием сравнения (эксплицитная константа, выражающаяся либо повтором слов, либо с помощью синонимических замен): *Она **мчалась** по дороге, как **летит** выпущенная из лука стрела*. Наиболее продуктивным способом создания экспрессивной окраски слов и выражений является ассоциативно-образное переосмысление значений, в основе которого лежат тропы. Сравнение тоже выражает образную мысль через сопоставление одного предмета или одной ситуации с другим предметом или

другой ситуацией. Поэтому мы рассмотрим сравнение как способ выражения тропа.

Основной целью анализа является определение функционально-семантических особенностей сравнительных конструкций в газетах. Чтобы понять, что представляет собой сравнение, важно установить его семантику, определить, что сравнивается, с чем и на основании чего; используются ли в качестве сравнения типичные, традиционные образы или автор использует индивидуальные, уникальные образы.

Семантическая характеристика сравнений проводилась на основе определения семантики всех компонентов сравнительной конструкции.

Для определения семантики слов в позиции объекта и предмета сравнения был проведен анализ их толкований в словарях, а также использованы данные Большого толкового словаря существительных под редакцией Л. Г. Бабенко [4].

В результате проведенного анализа слова, выступающие в роли объекта сравнения, были разделены на несколько семантических полей и подгрупп:

1. Семантическое поле **«Человек»** (43 примера):

1.1. Слова с обобщенным значением: *человек, человечество, люди* и личные местоимения: *она, мы, они* и пр.

1.2. Имена собственные: *Чех (Плучек), Чарльз Спенсер Чаплин, Серена, Антон*.

1.3. Человек определенного возраста: *дети, парни, девушка*.

1.4. Обозначение людей по роду занятий, по принадлежности к государству, по родственным связям: *футболисты, актеры, журналисты, фермеры, россияне, бразилец, суд*.

1.5. Части тела человека, внешний вид, эмоциональное и физическое состояние: *стан, язык и небо, лицо, грудь, настроение, душа, беременность, депрессия* и пр.

2. Семантическое поле **«Географические наименования»** (страны, совокупности населенных пунктов, социальные объекты): *Россия, Ливия, Харбин, Ницца, земля, суша* (9 примеров).

3. Семантическое поле **«Техника, приборы и устройства, производственные помещения»**: *крылатые красавицы, прибор, сила гравитационного притяжения, тормоза, спортивная подвеска автомобиля, центральный пост* и пр. (14 примеров).

4. Семантическое поле «**Животные**»: *клевещи, тигрицы, волк, слоненок* (6 примеров).

5. Семантическое поле «**Предметы окружающего мира**» (бытовые, природные и пр.): *учебники, праздники, колокольчик, сало, рублёвые накопления, ночь, земля мир, материк, небо, снег* и пр. (28 примеров).

Рассмотрим, какие сравнения используются по отношению к вышеназванным объектам групп 1 и 2.

Группа 1. Семантическое поле «**Человек**»:

Подгруппа 1.1.: *человек — медведь, павлин* (животное, птица), *звезда, солнце* (небесные тела); *человечество — колония* (совокупность особей), *люди — свеча* (предмет цилиндрической формы), *люди — птицы* (животные, птицы); *мы — мускулистый самец* (животное); *я — альфонс* (человек по роду занятий); *она — бегемот*.

Как видим, люди, называемые существительными этой подгруппы, сравниваются с разнообразными предметами: животные, небесные тела, предметы. Основанием сравнения являются *предикатные константы*: глаголы поведения (вести себя, резвиться, прост. брыковать), движения (летать, путешествовать), речи (заговаривать), восприятия (посмотреть); *качественные константы*: прилагательные (похожий); *предметные константы*: составные именные сказуемые (являться грешниками, была дурой). Приведем примеры.

Человечество в целом *ведет себя* точь-в-точь как **большая колония дрожжевых бактерий** [Новый мир. 2001. № 1]; С другой стороны, и **мы** часто *ведем себя*, как мускулистый **самец**, у которого внутри и снаружи все рвется от любви к самому себе [Аргументы и Факты. 2015. № 44]; Еще в одном из номеров брата продемонстрировали, что **люди**, как и **птицы**, могут *летать* [«Аргументы и Факты». 2015. № 44]; Были моменты, когда все ее суставы — и маленькие и большие — опухали, и **она** лежала, как восковая **свеча**, *не могла двигаться* [Комсомольская Правда. 02–09.03.2016]; Наконец, **она** *заговорила* по-немецки, как **чеховская Шарлота** о тоске одиночества, о безотцовщине [Экран и Сцена. 06.05.2004]; Многие поверили, будто **я альфонс**, который *бросил* несчастную женщину [Комсомольская Правда. 06–13.05.2015]; Вместе с ней **он** прогуливается по улицам города ангелов, пьет кофе в уютных кафешках и *резвится*, словно **ребенок**, на тихоокеанском побережье Малибу [Жизнь. № 27. 15–21.06.2015]; Анна Ахматова *прошлась* в ее адрес весьма злобным замечанием: «**Она** была похожа на **бегемота**, *поднявшего* *ся на задние лапы*» [Аргументы и Факты. 2015. № 44]; Так же и **мы**; боремся за души, но при этом *являемся такими же грешниками*, как и **все** [Богатей. 11.09.2003]; **Я** *не была такой дурой*, как **героиня** моей песни [Известия. 30.06.2014]; Потому что **он** — как упрямая **птица** из голливудского «Аватара», вечно *брыкует* [Комсомольская Правда. 06.05.2015]; Я сразу обратил внимание,

что **ты** похожа на наших **девушек**, только кожа светлая [Моя Семья. № 28. 06.2015].

Подгруппа 1.2.: *Чех (Плучек) — павлин* (птица), *Чарльз Спенсер Чаплин — солнце* (небесное тело), *Серена — монстр-грузовик* (техника), *Антон — бог* (в религии — верховное существо, создатель, здесь в переносном оценочном значении), *Тряпицын — Гермес* (греческое божество).

Как видим, люди, называемые собственными именами существительными, сравниваются с животными, небесными телами, техникой, есть сравнения с религиозными образами.

Основанием сравнения являются *предикатные константы*: глаголы поведения (прыгнуть, играть), глагол свечения (сиять); *качественные константы*: причастие (сложенный). Рассмотрим примеры:

Чек (Плучек) присел на одну ногу, прицелился и <...> *прыгнул* на меня, как **павлин** на пальму, и вцепился руками и ногами» [Моя Семья. № 28. 06.2015]; Даже несмотря на два пропущенных гола, **Антон** играл в «рамке», как **бог**, *поставив* своими сумасшедшими сэйвами на уши всех равнодушных к футболу людей [Российская Газета. № 158. 21.07.2015]; Так что звезда по имени **Чарльз Спенсер Чаплин сияет**, как **солнце** во вселенной кинематографа, но титул божественного давно и без шуток заслужил созданный им бродяга Чаплин, виртуальное существо, собственность каждого гражданина земли [Экран и Сцена. 06.05.2004]; Более того, американский журналист Стивен Родрик в июне 2013 года подарил миру фразу: «**Черная красавица** Серена *сложена* как **монстр-грузовик**, который крушит “Фольксвагены” на спортивных аренах». И это тоже все сошло за комментаторский прикол [Комсомольская Правда. 21.10.2014]; И единственный, кто их объединяет, — почтальон Тряпицын. **Он** тут и власть, и телефон с интернетом, и вообще почти языческое божество, как **Гермес** у греков [Комсомольская Правда. 21.10.2014].

Подгруппа 1.3.: *девушка — фея* (сверхъестественные существа), *дети — отцы* (человек, родственные связи), *цветы (растение), парни — пастухи* (человек по профессии).

Существительные этой подгруппы в сравнениях употребляют-ся со словами группы человек (по возрасту, профессии), кроме того, даются равнения с растениями, предметами и сверхъестественными существами.

Основанием сравнения являются *предикатные константы*: глаголы поведения (взрастать, помогать), движения (ехать), *качественные константы*: прилагательное (суеверный). Например:

Их окружают счастливыми песнями, радостными цветами и улыбками, чтобы их **дети** *взрастали*, как **цветы** [Известия. 06.07.2014]; Недавно **девушка** стала еще и доброй **феей** для многих малышей из России — ее благотворительный фонд *помогает* детям, нуждающимся в дорогостоящем лечении [Аргументы и Факты.

2016. № 9]; Еще четыре солдата в темноте и молчании бежали по мокрой дороге. За ними так же молчаливо и неровно, освещая бегущих блуждающим светом фары, словно **пастухи** на лошади, *ехали* на мотоцикле **два парня**, и соседство это вызвало тревогу» [Новая Газета. № 128. 20.11.2015]; **Дети** летчиков традиционно *суеверны*, как и **отцы**. И так же преданны мечте [Комсомольская Правда. 15.10.2014].

Подгруппа 1.4.: *суд — стихия, эпидемии, наводнения* (явления природы), *фермер — изгой* (человек), *бразилец — кто-либо в клетке* (любое живое существо в неволе), *журналисты — родные братья* (человек по родству).

Для существительных этой подгруппы в качестве сравнения употребляются чаще всего слова, называющие человека.

Сходство устанавливается с помощью *предикатной константы*: глаголы поведения (защищать), психологического состояния (чувствовать); *качественной константы*: прилагательное и причастие (близкий, непослушный, отчужденный). Остановимся на примерах:

Актеры, как *непослушные дети*. Режиссер так нервничал из-за из выходов, что слег с микроинфарктом, съемки приостанавливали почти на месяц [Собеседник. 2015. № 39]; **Суд** предстает как *отчужденная от человека стихия*, вроде *эпидемии* или *наводнения* [Известия. 14.06.2012]; **Бразилец**, похоже, отчаялся уехать на родину по-хорошему, он *чувствует* себя словно *в клетке* [Советский спорт. 31.10.2011]; А **фермер** — это вроде как *изгой*. Его никакой Трудовой кодекс *не защищает* [Аргументы и Факты. 2016. № 9]; Казалось, мы, собравшиеся по такому невеселому поводу **журналисты**, сегодня необычайно *близки*, словно **родные братья**, девери, шурины, зятя, золовки [Комсомольская Правда. 04.07.2014].

Константа сравнения зачастую отсутствует: **актеры ведут себя так, как ведут себя непослушные дети. Бразилец чувствует себя так, как чувствуют себя те, кто находится в клетке**. Еще одной особенностью приведенных выше сравнений является наличие целого ряда сравнений: **суд — стихия, эпидемия, наводнение**.

Подгруппа 1.5.: *язык, нёбо — становятся ворсисто-фетровыми* (физическое состояние), *грудь — книжка* (документ), *душа — стрелка компаса* (технический прибор), *лицо — развалина* (часть сооружения), *душа — стрелка* (приспособление и устройство), *душа — крепость* (сооружение), *настроение — дым* (газы), *беременность — время* (время), *депрессия — женщина* (человек), *стихи — нектар* (часть растений).

В качестве сравнений для существительных этой группы используются слова следующей семантики: человек, растения, время, предметы.

Основанием сравнения являются *предикатные константы*: глаголы поведения, перемещения (рассеять, дрожать, стучаться, раскрыть), речи (рассказывать); *качественные константы*: прилагательное (неприступный); составное именное сказуемые (становится ворсисто-фетровыми).

Я вспомнил, как такой же клапан меняли моему знакомому: распилили пилой грудину, *раскрыли грудь*, как *книжку*, отрезали у сердца старый клапан и вшили новый [Аргументы и Факты. 2016. № 9]; В самом деле: чем таинственнее хочет показаться душа, тем более она нараспашку, и, наоборот, *душа* без тайн *неприступна*, как *крепость*, и *извилиста*, как *лабиринт* [Известия. 27.06.2014]; *Депрессия* — это *женщина* в черном, которая стучится к вам в дверь. Если вы не прогоните ее, она будет стоять у порога вашего дома вечно [Известия. 2015. № 28]; Русские мамы рассказывают о своей *беременности* как о волшебном *времени* [Комсомольская Правда. № 6–13.05.2015]; Милая безделушка, подаренная другом ближе к выходным, *рассеет* дурное *настроение* как *дым* [Даша. 2004. № 10]; У него никогда не заискивала, не *дрожала душа*, как *стрелка компаса*, сбившая ориентиры [Российская Газета. 21.06.2015]; Ее *стихи* — это *нектар*, настоящий на чувствах небывалой искренности [Литературная Газета. № 46. 19–25.11.2015]; Наш собеседник *сереет*, *лицо* его становится цвета бетонных *развалин* [Комсомольская Правда. 02.03.2016]; *Рельефные строчки* на платье — как будто *струны* у арфы [Комсомольская Правда. 24.10.2006].

Группа 2. Семантическое поле «**Географические наименования**».

Россия — *парень* (человек), *Ливия* — *дитя* (человек), *Россия* — *девка* (человек), *россияне* — *снег* (явление природы), *государство* — *ящик* (вместилища), *Харбин* — *Петербург* (город), *Ницца* — *рай* (мифическое место для безгрешных душ, здесь в значении: блаженство, красота, процветание), *солнце* (небесное светило, здесь: в значении ‘где тепло’), *масло* (продукт, здесь: краски, мягкость).

В качестве сравнений для существительных этой группы используются слова следующих семантических групп: человек, небесные тела, явления природы, жидкость, предметы.

Основанием сравнения служат *предикатные константы*: глаголы поведения (ложиться, превратить); *качественные константы*: прилагательные (чистый, простодушный, похожий).

Харбин часто называют “Восточным Парижем”, а мне кажется он больше похожим на *Петербург*, только в миниатюре, особенно центральная часть [Литературная Газета. № 46. 19–25.11.2015]; *Россия* превратила себя в плохого *парня* мира [Собеседник. 2015. № 39]; *Ливия*, *простодушная*, как *дитя*, всегда будет защищена — то ли ангелом, то ли человеком, то ли нравственным законом внутри нас [Запись Live Journal. 2004]; Еще Бердяев говорил о том, что *Россия* — как дебилая *девка* на печи, которая *лежит и ждет*, что кто-то придет и ее оплодотворит [Аргументы и Факты. 2016. № 9]; А потом на пресс-конференциях истоиво убеждали всех, что все

россияне чисты, как альпийский снег [Известия. 07.02.2003]; Иванов хорошо знал русскую Ниццу — там Гоголь работал над «Мертвыми душами»: «**Ницца — рай, солнце, как масло, ложится на всем...**» [Звезда. 2003. № 6]; **Мощь Запада слабеет, точно от кровопотери**: об этом свидетельствуют долговременные тенденции голосования в ключевых органах ООН [Новый регион 2. 18.09.2008].

Итак, сравнительные конструкции широко используются в текстах публицистического стиля. Это одно из выразительных средств, с помощью которых журналисты создают яркие, запоминающиеся образы. Объектами сравнения выступают разные по семантике группы слов. Наиболее часто в позиции объекта сравнения употребляются лексемы, обозначающие человека и предметы окружающего мира. Характерной чертой функционирования сравнительных конструкций в печатных текстах является пропуск отдельных их компонентов. Это создает особую экспрессию, особую образность высказывания, так как читатель вынужден самостоятельно воссоздавать задуманный автором образ, дорисовывать картину благодаря различным ассоциациям, имеющимся знаниям, представлениям.

Примечания

1. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010.
2. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., Наука, 1980.
3. *Прияткина А. Ф.* Русский язык: синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М., 1990.
4. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

Semantics of comparison in modern press

This article analyses semantics of comparative constructions in the texts of the journalistic style. The author defines the features of journalistic style and its main features, set the role imagined-expressive means used in newspaper text. The work gives the definition of comparison, its characteristics as a special syntactic construction and a figure of speech as the expressive mean. We focus on defining semantics of all components of the comparative constructions: object, subject and constant comparisons. The analysis of dictionary definitions in explanatory and ideographic dictionaries shows that all the words in the position of the object and the subject of comparison were merged into semantic fields and subgroups. We also define the type and semantics of the constant used as a reason of similarity of the compared objects.

Keywords: journalistic style, comparison semantics comparative part, semantic field, a constant comparison.

**Эмотивные смыслы неэмотивных концептов
(на материале концептосферы «Небо»,
репрезентированной в текстах К. Кинчева)¹**

В статье анализируются эмотивные смыслы концептов «Небо», «Солнце», «Луна», «Звезды», которые с опорой на статистические данные были определены как ключевые единицы концептосферы «Небо». Исследование проводится на материале текстов русского рок-поэта К. Кинчева. Эмотивные смыслы, отражая эмоциональное отношение автора к какому-либо объекту или явлению, образуют эмоциональный смысловой компонент и относятся к периферийной зоне (интерпретационному полю) соответствующего концепта. Эмоциональный компонент каждого из исследуемых концептов оказывается тесно связан с аксиологическим компонентом этой же зоны концепта. Устанавливается зависимость эмоциональной и аксиологической оценки: векторы и той, и другой оценки совпадают. Если для лирического субъекта натурфакты (небо, солнце) являются значимыми и оцениваются им положительно, то и эмоции, связанные с ними, — позитивные. Если натурфакт (луна) имеет преимущественно отрицательную оценку, то и среди эмотивных смыслов, которые сопровождают его образ, доминируют негативные. Если же оценка натурфактов (звезд) не является однозначной, то и эмоциональное отношение к ним неоднородно.

Исследование эмотивной составляющей концептов «Небо», «Солнце», «Луна», «Звезды», репрезентированных в текстах К. Кинчева, позволяет определить индивидуально-авторское эмоциональное отношение рок-поэта к небу и небесным телам. Проведенный анализ показывает, что данное отношение во многом предопределено историко-культурным контекстом (мифологическими и христианскими представлениями).

Ключевые слова: концепт, концептосфера, структура концепта, эмоции, эмотивные смыслы, рок-поэзия, К. Кинчев.

Глобальной целью всех исследований, посвященных концептам, по словам Л. Г. Бабенко, является «выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы» [1]. Эта идея нашла воплощение в создании словаря русских ключевых концептов, которым занимается коллектив лексикографов Уральской семантической школы под руководством Л. Г. Бабенко. Результатом этой работы стал словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)», проспект которого вышел в 2010 г.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

[2], в настоящее время готовится к изданию полная версия этого словаря.

Работа над этим словарем показала, что к русским ключевым концептам относятся как концепты, связанные с осмыслением самой сущности человека, его внутренних и внешних потребностей и соотносимые преимущественно с миром абстракций, так и концепты, связанные с осмыслением того, что находится в его ближайшем окружении: живая и неживая природа, быт и т. п., и соотносимые прежде всего с предметным миром [3].

Концепты, которые анализируются в рамках этой статьи, также нашли свое место среди ключевых концептов русской культуры и были описаны с опорой на языковой материал [4].

Эти концепты не являются эмотивными и, на первый взгляд, никак не связаны с эмоциями. Однако представляется, что любой значимый для кого-либо концепт содержит эмотивные смыслы, поскольку, по мнению Ю. С. Степанова, главное отличие концепта от другой ментальной единицы — понятия — заключается в том, что «концепты не только мыслятся, они *переживаются*. Они — предмет *эмоций, симпатий и антипатий*» (выделено нами. — Г. Г.) [5]. Особенно актуальной эта идея становится при исследовании индивидуальной концептуальной картины мира. Как отмечают ученые, занимающиеся изучением картин мира, «сознание человека, формирующего идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте познания, противостоящем субъекту, но также есть некое “переживание”, оно эмоционально окрашено» [6]. Таким образом, в содержании любого значимого концепта присутствуют эмоционально-оценочные смыслы, отражающие не знания о соответствующем предмете или явлении, а отношение к нему.

Данная статья посвящена исследованию концептов, репрезентированных в художественном тексте, и ориентирована прежде всего на описание индивидуально-авторских концептуальных смыслов. Определенный набор признаков концепта, выявленных при анализе художественного текста, позволяет сделать выводы о специфике соответствующего фрагмента индивидуально-авторской концептуальной картины мира, определить авторское отношение к какому-либо предмету или явлению, понять, как автор видит и воспринимает окружающий мир и себя в этом мире, что для него явля-

ется важным, что находит отклик в его душе и тем самым проникнуть во внутренний мир автора.

Концептосфера «Небо» представляет собой совокупность концептов, за которыми стоят объекты и явления, имеющие непосредственное отношение к небу, то есть в концептосферу «Небо», кроме одноименного концепта, входят концепты «Солнце», «Луна», «Звезды», «Облака/Тучи», «Радуга» и др. В данной статье анализируются концепты «Небо», «Солнце», «Луна», «Звезды», которые с опорой на статистические данные были определены как ключевые единицы исследуемой концептосферы, репрезентированной в творчестве русского рок-поэта К. Кинчева.

Все эти концепты имеют сложную многоуровневую структуру, которая представляет собой поле и состоит из ядра, приядерной зоны и области периферии. Ядром каждого концепта является наглядно-чувственный образ соответствующего объекта. Приядерная зона (зона когнитивных слоев) включает признаки концепта, сформировавшиеся на основе ментальной обработки (в результате таких мыслительных операций, как сравнение, противопоставление, умозаключение, уподобление и т. п.) данных непосредственного (чувственного) восприятия. Периферия (интерпретационное поле) содержит разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения и формирующиеся на основе ассоциативных, в действительности ненаблюдаемых связей объекта с другими объектами и явлениями окружающего мира. К этой зоне относятся также признаки, отражающие оценку соответствующего объекта.

Особый интерес представляет зона интерпретационного поля, т. к. она включает концептуальные признаки, максимально обнаруживающие индивидуальное отношение к какому-либо предмету или явлению и, как представляется, в значительно большей степени, чем остальные концептуальные признаки, влияющие на определение концепта как ключевого. Несмотря на то что эти смыслы являются необязательными, факультативными и не влияют на закрепление концепта в сознании, говорить о том, что концепт является значимым, ключевым для кого-либо, можно только в том случае, если зона интерпретационного поля, которая образует своеобразную эмоционально-оценочную ауру концепта, достаточно разработана (наполнена). Чем шире спектр концептуальных признаков этой зоны, тем более значимым является концепт.

Рассмотрим концептуальные признаки этой зоны на примере эмотивных смыслов.

Эмотивные смыслы образуют эмоциональный смысловой компонент интерпретационного поля концепта и отражают эмоциональное отношение автора к соответствующему натурфакту.

Эмоциональный компонент концепта «Небо», репрезентированного в текстах К. Кинчева, формируется на основе следующих концептуальных смыслов.

1. Небо связано с любовью. Например, небо воспринимается лирическим субъектом как гармоничное пространство, которое, в отличие от земли, существует по законам любви, в котором действует только единственная сила — любовь: *А в небе сила — любовь! / Божья воля — закон!* (Православные).

Там, где радуга-дуга / Ладит от земли / Мост в облака, / А выше облаков / Дышит, как живет, / МИР да ЛЮБОВЬ! (Солнце-Иерусалим). В данном контексте также создается образ неба (маркером неба выступают облака) как гармоничного, божественного пространства, в котором царят согласие (МИР) и любовь. Название песни «Солнце-Иерусалим» является индивидуально-авторским осмыслением образа Царства Небесного, Небесного града Иерусалима.

В следующем контексте небо выступает как источник любви, которой так не хватает людям, как то, что способно даровать это чувство:

Мне хотелось, чтоб город чувствовал небо / Каждым нервом, каждым окном. / Мне ли было не знать, как не хватает любви / Этим большим городам (Танцевать).

2. Небо противопоставлено тоске:

Там, где быть, / И там, где небыль, / Растворит тоску-печаль. / Я там был, / А может, не был. / Словом, добрым молодцам урок, / Сказка ложь, да только в ней намек. / Твоя дорога в небо. / От своих ворот гоню кручину взашей, / Не сомневаюсь не секунды в пути (Дорога в небо).

Вера в Бога и отсутствие сомнений в правильности выбора пути (дороги в небо, то есть к Богу) позволяют лирическому субъекту обрести смысл жизни и, как следствие, уверенность и спокойствие, избавившись от терзавшей его ранее тоски (контекстуально данная эмоция выражена составным наименованием *тоска-печаль*, а также синонимом *кручина*).

3. Небо связано с радостью:

Вверх! От земли! / Приблизить Горную даль, / Крестопоклонно! / Молитвой в сердце зажечь Радости Печаль! (Радости печаль).

Словосочетание «Радости Печаль», по сути, является оксюморонным, т. к. традиционно радость и печаль рассматриваются как противоположные и даже взаимоисключающие эмоции. Использование подобного словосочетания призвано, очевидно, подчеркнуть сложность и уникальность эмоционального состояния лирического субъекта, а также дифференцировать эмоции, которые рождаются в его душе во время молитвы, и эмоции, которые испытываются в обыденной жизни. Кроме того, возможно, поскольку данный контекст актуализирует стремление лирического субъекта к небу, к Богу, данная оксюморонная номинация позволяет эксплицировать сложность и трудность самого выбора, обретения пути к Богу. Как говорит сам К. Кинчев, он пришел к вере после долгих лет поисков, «ереси» и почти полного отрицания Бога [7].

Вероятно также, что словосочетание «Радости Печаль» является реминисценцией из религиозной литературы. Н. А. Дьячкова приводит интересные данные, обращаясь при описании концепта «Радость» к православно-христианскому дискурсу. Исследователь пишет, что такие необычные для светского дискурса сочетания, как, например: *радость обиды; радостный испуг; радостная печаль; плач, творящий радость* и др., — «это не оксюмороны, а своего рода термины, вполне обычные для православно-христианского дискурса» [8].

Итак, небо является объектом и источником положительных эмоций, влияет на эмоциональное состояние лирического субъекта; связано с любовью, радостью, противопоставлено тоске. Подобная эмоциональная оценка неба представляется неслучайной и, очевидно, зависит от общей оценки данного натурфакта лирическим субъектом. Как показал анализ, эмоциональный компонент связан с другим компонентом интерпретационного поля — аксиологическим. Небо оценивается лирическим субъектом положительно и воспринимается им как нечто ценное, то, к чему стремятся, и выступает как то, что придает смысл жизни, и в то же время как цель движения, жизненного пути лирического субъекта, а также ассоциативно связано с Богом.

Эмоциональный компонент концепта «Солнце», объективированного в текстах К. Кинчева, содержит следующие концептуальные смыслы.

1. Солнце связано с таким эмоциональным состоянием, как любовь. Солнце выступает и как объект любви, то, на что направлено это чувство, то, что *встречают с любовью: Да любовь нести / Прямо к весне / Солнце вместе с нею встречать* (Рождество), и как источник этого чувства, как нечто, способное даровать любовь: *Да оделит тебя Солнце глазами любви!* (Пасынок звезд).

Отметим влияние христианских представлений на формирование данного концептуального смысла. Он соотносится с одной из главных заповедей Иисуса Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя», что указывает на восприятие солнца как ипостаси Бога.

2. Солнце напрямую связано с радостью, являясь ее источником. Например: *А у неба радости, / Только солнцу глянешь в глаза* (Дурак); *Кто видел, как по небу плывет огонь, / Какая в синем радость золотого* (Дурак и солнце). Радость у лирического субъекта вызывает также и восход солнца: *Я иду навстречу заре, / Я так этому рад* (Горизонт).

Частной реализацией данного концептуального смысла является связь солнца с праздником. Подробный анализ этого смысла см. в [9].

Выделенный концептуальный смысл формируется, с одной стороны, на основе мифологических представлений о Дажьбоге-Солнце, которому посвящен один из самых радостно отмечаемых языческих праздников — Масленица. По верованиям древних славян, именно в этот период года солнце возвращалось из плена зимы и входило в свою активную фазу, набирало силу, пробуждало природу. Считалось, что как встретишь Масленицу, так проведешь и весь год, поэтому люди старались отметить этот праздник как можно более весело [10]. С другой стороны, можно говорить о присутствии христианских мотивов, так как в Библии сказано: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь» (Фил. 4, 4). С радостью связан один из главных и особо почитаемых христианских праздников — праздник Пасхи, отмечаемый, как и Масленица, весной. Так, в молитвах, которые читаются во время пасхального богослужения, воспевается и славится чудесное воскрешение Иисуса Христа, которое стало символом бессмертия: «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное» [11]. Ве-

роятность влияния и мифологических, и христианских представлений на формирование данного концептуального смысла объясняется, видимо, тем, что после крещения Руси образ Дажьбога-Солнца, которого язычники почитали как своего защитника и покровителя, слился в народном сознании с образом Иисуса Христа, именуемого Спасителем, а миф о возвращении солнца из плена зимы — с библейской историей воскрешения Иисуса Христа [12].

3. Солнце связано с успокоением, причем это состояние часто приходит на смену душевной боли, тревоге, беспокойству, безысходности. Например:

По ночам бредить луной да перечить сну, / На заре выплеснуть боль алым облакам (Пасынок звезд); *Кто видел, как по небу плывет огонь, / Какая в синем радость золотого.* <...> *Кто помнит, как из сердца уходит боль, / Как хорошо тогда, легко и как красиво* (Дурак и солнце); *Как над миром заря, / Солнца ясная дочь, / Успокоит меня, / Лишь только кончится ночь.* / *Надо мной и тобой / Ветры пеняют восход, / Не тревожся, не плачь, / Вот-вот — и солнце взойдет* (Печать зверя); *Но если все же в одну из ночей / Кто-то из тех, кто в огне, / Поманит петлей — / Пой! / Пой до рассвета, до бурных лучей, / Пой, пока утро не вытянет душу из дыр / Этих мертвых очей* (Солнце за нас).

То, что упокоение приходит с восходом солнца, указывает на противопоставление солнца и ночи, которое не является собственно индивидуально-авторским представлением, но имеет мифологическую основу. По верованиям древних славян, ночь — это время максимальной активности нечистой силы, т. е. время наиболее опасное для человека, оставшегося без защиты Дажьбога-Солнца. Противопоставление *солнца* и *ночи* можно считать частной реализацией противопоставления *света* и *тьмы*, а шире — противопоставления *добра* и *зла*, которые наряду с оппозициями *верха* и *низа*, *правого* и *левого*, *жизни* и *смерти*, *космоса* и *хаоса* и т. п. являются архетипическими в мифологической модели мира [13].

Отметим, что процесс реализации (переживания и выражения в тексте) эмоций, связанных с солнцем, как правило, имеет темпоральную характеристику. Так, лирический субъект К. Кинчева обычно испытывает чувства радости, успокоения и т. п. *утром*, с *восходом солнца*.

Итак, солнце влияет на эмоциональное состояние лирического субъекта, являясь объектом и источником положительных эмоций; связано с любовью, радостью/праздником, успокоением и противопоставлено душевной боли, тревоге, беспокойству, безысходности. Эмотивные смыслы сопряжены с концептуальными смыслами,

формирующими аксиологический компонент данного концепта. К. Кинчев создает в своих текстах положительный образ дневного светила, оно воспринимается как нечто ценное, то, что ищут, к чему стремятся, то, чего не хватает, что является жизненно необходимым и выступает как ипостась Бога.

Эмоциональный компонент концепта «Луна», репрезентированного в текстах К. Кинчева, включает следующие концептуальные смыслы.

1. Луна связана с грустью и одиночеством. Например, данный концептуальный смысл реализуется в тексте «Лунный вальс».

Рассмотрим этот текст с целью выявления эмотивных смыслов, соотносящихся с образом луны. Ее образ наряду с другими образами формирует общую эмоциональную тональность текста.

Лунный вальс

Маленький, забытый всеми театр,
Свет керосиновых ламп.
В небе поют голоса тех,
Кого я любил и ждал.
Музыка меня зовет вверх.
Я уже на вершине крыш.
Мы танцуем лунный вальс,
Хотя я не сплю, а ты спишь.
Ну, а там внизу тает снег.
Сотни свечей ждут огня,
Тысячи глаз — глаз.
Я начинаю играть в игру,
Когда на часах час.
Маленький, забытый всеми театр,
Свет керосиновых ламп.
И вот вновь в небе поют голоса тех,
Кого я любил и ждал.

В данном тексте условно выделяется три тематические группы лексики:

ТГ-1 — лексика со значением реального/земного пространства: *театр; свет керосиновых ламп; на вершине крыш; там внизу тает снег*. Доминантой ряда является лексема «театр», являющаяся образной номинацией земной жизни, жизни людей. Данная номинация отсылает к известной шекспировской метафоре «Весь мир — театр, и люди в нем — актеры». Лирический субъект включен в это пространство жизни-театра, что поддерживается строкой *Я начинаю играть в игру*, но при этом он стремится к пространству неба,

вверх (*Музыка меня зовет вверх*), туда, где пребывают близкие и родные ему люди (*тех, кого я любил и ждал*).

ТГ-2 — лексика со значением времени: *лунный вальс; я не сплю, а ты спишь; когда на часах час*. Доминантой ряда оказывается лексема «лунный», вынесенная в заглавие текста и задающая время действия — ночь. Именно ночью, когда все окружающие спят, лирический субъект особенно остро чувствует свое одиночество, хотя формально он не один (*Мы танцуем лунный вальс*). Одиночество лирического субъекта подчеркивается тем, что он и лирическая героиня пребывают в разных физиологических состояниях: он — в состоянии бодрствования, она — в состоянии сна.

ТГ-3 — лексика со значением эмоций: *забытый всеми* (то есть оставленный, покинутый); *голоса тех, кого я любил и ждал; сотни свечей ждут огня, тысячи глаз — глаз*. Доминирующей эмоцией оказывается эмоция грусти (хотя эксплицитно она не выражена), которая связана с потерей близких людей, с невозможностью общаться с ними в реальном мире, к которому принадлежит лирический субъект. Он оказывается одиноким в мире-театре людей, даже несмотря на то что их много (*тысячи глаз*). Окружающие его люди тоже, по сути, одиноки (*тысячи глаз — [ждут] глаз*). Этим обусловлено стремление лирического субъекта к небу, где, как ему кажется, находятся теперь (после смерти) его близкие и родные.

Таким образом, в данном тексте общетекстовыми являются эмоции *грусти* и *одиночества*, которые вызваны потерей близких людей. При этом особенно остро эти эмоции лирический субъект испытывает ночью, атрибутом которой является луна.

2. Луна связана с тоской. Например:

По погосту, в белый дым, / мутная душа гуляла, / Вьюгой выла на луну, / волочка крыла. / Ей подняться от земли / Духа не хватало, / Больно ноша у души / тяжела была (Душа).

Здесь луна выступает как объект, косвенно вызывающий некую негативную эмоцию, о характере которой позволяет судить трансформированный фразеологизм «выть на луну» со значением «изнывать от тоски, скуки». В данном контексте луна связана прежде всего с эмоцией тоски, которую испытывает душа, отягощенная грехами (*Больно ноша у души тяжела была*), из-за невозможности оторваться от земли и подняться в небо, куда, согласно христианским представлениям, после смерти возносятся души праведных людей.

Итак, доминантными эмоциями, связанными с ночным светиллом, являются грусть, тоска, одиночество. Эмоциональная оценка луны сопряжена с аксиологической оценкой. Так, эмоции, которые прямо или косвенно связаны с луной, относятся к группе негативных эмоций. Оценка этого натурфакта в целом также является отрицательной, он воспринимается лирическим субъектом как чуждый и враждебный объект.

Эмоциональный компонент концепта «Звезды», представленного в текстах К. Кинчева, формируется антагонистичными концептуальными смыслами. Эмоции, которые связаны со звездами, являются более разнородными, разнонаправленными, чем эмоции, связанные с другими рассматриваемыми натурфактами.

1. С одной стороны, звезды оказываются связаны с отрицательными эмоциями — грустью, печалью. При этом они воспринимаются и как субъекты данных эмоций: *Лежа на зыбком ковре болот, / Я видел сотни раз **слезы звезд*** (Слезы звезд), и как источник, порождающий в душе лирического субъекта грусть, печаль: ***Звезды** — / Светлые **слезы**. / Млечный Путь. / В этом суть. / Небо — быть или небыль. / Тревожный дым, / Что делать с ним?* (Вечер).

2. С другой стороны, звезды связаны с положительными эмоциями — радостью, любовью: *Луч **целовали** / Утренней **звезде*** (Шабаш 2). В данном контексте утренняя звезда становится объектом, вызывающим у лирического субъекта радость и любовь (ср.: *целовать* — ‘прикасаться губами к кому-, чему-л. **в знак любви, дружбы**, при встрече или прощании и т. п.’ [14]). Подобное эмоциональное отношение объясняется, вероятно, тем, что утренняя звезда является предвестницей восхода солнца, которое, как отмечалось выше, вызывает у лирического субъекта исключительно положительные эмоции.

Следующий контекст также проникнут светлыми эмоциями, что отражается в лексико-семантической организации данного текстового фрагмента (*от души, сложим песню, песни светлые петь*). Лирический субъект ощущает радость и гармонию от единения с природой:

*В летний день, / К солнцу в тень, / Босиком по воде / Пробежим / **От души, / Сложим песню звезде**. / <...> Видеть птиц, / Слышать птиц, / Вместе с ними лететь. / До высокой / **Звезды / Песни светлые петь*** (Солнцеворот).

Итак, звезды влияют на эмоциональное состояние лирического субъекта. Однако его эмоциональное отношение к ним неоднород-

но: с одной стороны, звезды связаны с грустью, печалью, с другой — с радостью и любовью. Полярность эмоций обусловлена общей оценкой этих небесных тел, которая, в отличие от оценки неба, солнца и луны, не является однозначной. Как знаки ночи звезды оцениваются отрицательно, как то, что определяет судьбу лирического субъекта, — положительно.

Таким образом, эмоциональный компонент интерпретационного поля каждого из исследуемых концептов оказывается тесно связан с аксиологическим компонентом этой же зоны концепта. Эмоциональное отношение К. Кинчева к небу и небесным телам сопряжено с оценкой этих натурфактов и во многом определяется ей, т. е. векторы эмоциональной и аксиологической оценки совпадают. Если для лирического субъекта натурфакты (небо, солнце) являются значимыми и оцениваются им положительно, то и эмоции, связанные с ними, — позитивные. Если натурфакт (луна) имеет преимущественно отрицательную оценку, то и среди эмотивных смыслов, которые сопровождают его образ, доминируют негативные. Если же оценка натурфактов (звезд) не является однозначной, то и эмоциональное отношение к ним неоднородно.

Исследование эмотивной составляющей концептов «Небо», «Солнце», «Луна», «Звезды», репрезентированных в тестах К. Кинчева, позволило определить индивидуально-авторское эмоциональное отношение рок-поэта к небу и небесным телам. Проведенный анализ показал, что данное отношение во многом предопределено историко-культурным контекстом (мифологическими и христианскими представлениями).

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М., Екатеринбург, 2004. С. 106.
2. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.
3. См.: *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 3–19.
4. Небо // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 55–61; Звезды, Луна, Небо, Солнце // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации

(на материале лексики, фразеологии и паремиологии) / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко (в печати).

5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 43.
6. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М., 1988. С. 20.
7. См.: Кинчев К. Е. Солнцеворот: стихотворения, песни, статьи, интервью. М., 2001.
8. Дьячкова Н. А. Концепт *радость* в православно-христианском дискурсе // VERBUM: язык, текст, словарь: сборник науч. тр. Екатеринбург, 2006. С. 170.
9. Гуляева Г. Е. Эмоциональный компонент интерпретационного поля концепта «Солнце» (на материале текстов К. Кинчева) // VERBUM: язык, текст, словарь: сборник науч. тр. Екатеринбург, 2006. С. 390–399.
10. См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1997.
11. Православный молитвослов. Наставления для подготовки к исповеди. СПб., 1993. С. 162.
12. См.: Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: ок. 1000 статей. М., 2001.
13. См.: Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991.
14. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

Emotive meanings of non-emotive concepts

(on the sphere of concept “Sky” represented in K. Kinchev’s texts)

The article analyses emotive meanings of the concepts “Sky”, “Sun”, “Moon”, “Stars” that according to statistics were determined as key items of the sphere “Sky”. The research is based on the texts by Russian rock poet K. Kinchev. Emotive meanings reflecting author’s emotional attitude to some object or phenomenon form an emotional meaningful component and belong to the periphery (interpretation field) of the coherent concept. The emotional component of each examined concept is closely related to axiological component of the same zone. This research also finds the link between emotional and axiological evaluation — vectors of both evaluations match. If the lyric persona interprets natural facts (sky, sun) as important and evaluates them positively, then emotions connected with these facts are positive. If natural facts (moon) are mostly negatively evaluated, then the dominant emotive meanings following the image are negative. If the evaluation of the natural facts (stars) is ambivalent, emotional attitude to them is also heterogeneous.

The research of the emotional component of the concepts “Sky”, “Sun”, “Moon”, “Stars” represented in K. Kinchev’s texts allows identification of individual emotional attitude of the rock poet to the sky and celestial bodies. The conducted analysis shows this relation is mostly predetermined by the historical and cultural context (mythological and Christian ideas).

Keywords: concept, sphere of concepts, concept structure, emotions, emotive meanings, rock poetry, K. Kinchev.

К вопросу о деривационно-семантическом пространстве словообразовательных гнезд

В данной статье рассматривается вопрос о смысловой организации словообразовательного гнезда и составляющих его компонентов в русле когнитивного подхода к исследованию языковых явлений. На основе ономазиологического анализа производных слов в составе словообразовательного гнезда расширяется представление о деривационно-семантическом пространстве словообразовательных гнезд за счет более детального обоснования характера смысловых связей между однокоренными словами, входящими в различные структурные единицы: словообразовательную пару, словообразовательную цепочку и словообразовательную парадигму. При этом акцент делается на выявлении семантического соотношения исходного слова гнезда с дериватами первой ступени производности. В результате анализа выявлено три типа таких соотношений, каждый из которых имеет свои разновидности, основанные на количественном соответствии лексико-семантического варианта производящего и производного, а также на степени сохранения мотивационной базы у производного слова. Кроме того, дается характеристика словообразовательного гнезда в зависимости от преобразования смысловой базы исходного слова гнезда и появления в составе производных слов дериватов с фразеологичной семантикой. На основе этого словообразовательные гнезда делятся на коммутационные (не имеющие производных слов с фразеологичной семантикой) и некоммутационные (имеющие в своем составе производные слова с фразеологичной семантикой).

Ключевые слова: деривационно-семантическое пространство, лексико-семантический вариант, словообразовательное гнездо, словообразовательная пара, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма, словообразовательный блок, словообразовательный микроблок, словообразовательный макроблок.

В последние годы ученые много внимания уделяют содержательной стороне языковых единиц, подвергая исследованию не только их конкретные значения, но и то семантическое пространство, которое неизбежно формируется вокруг них в результате взаимоотношений с другими языковыми единицами различного рода.

Говоря о словообразовательной системе, прежде всего имеют в виду словообразовательные гнезда (далее — СГ). Особое внимание к исследованию структуры СГ обусловлено его важнейшей системообразующей функцией в языке, так как «язык состоит из СГ, лексико-грамматическая структура которых определяет и структуру языка» [1].

Проблемы смысловой организации СГ и составляющих его компонентов (словообразовательной цепи, парадигмы и пары) неодно-

кратно рассматривались в работах А. Н. Тихонова, Е. А. Земской, Е. Л. Гинзбурга, А. И. Моисеева, И. А. Ширшова и др.

Многие ученые считают, что СГ является одной из самых сложных и многомерных единиц словообразовательной системы, так как СГ — «одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений» [2].

По словам Э. В. Кузнецовой, СГ представляет собой формально-семантический класс слов [3], так как общность однокоренных слов представлена как в формальном плане (в наличии у них одного и того же корня), так и в содержательном плане (корень выражает общий для всех родственных слов элемент значения), поэтому СГ чаще всего интерпретируется как «упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [4].

Традиционно к основным компонентам, составляющим СГ, относятся: исходное слово гнезда и особые комплексные единицы — словообразовательная пара, словообразовательная цепь и словообразовательная парадигма, поэтому исследование смысловой структуры СГ происходит с учетом деривационно-семантического пространства этих единиц. Прежде всего это касается исходного слова гнезда, так как структура СГ, характер смысловых отношений и формальных связей между членами СГ, а также количество этих членов в гнезде и их принадлежность к определенной части речи обусловлены как лексико-грамматическими, так и лексико-семантическими особенностями исходных слов. Однако раскрытие деривационного потенциала исходного слова возможно лишь на фоне производных от него слов, которые в составе СГ располагаются по двумя модулям: горизонтальному и вертикальному, образуя комплексные словообразовательные единицы.

Минимальной комплексной единицей гнезда выступает словообразовательная пара, которую составляют производящее и производное, связанные между собой и формально, и семантически. В работах Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Е. А. Земской, Н. М. Шанского, И. С. Улуханова, В. В. Лопатина, Б. Н. Головина и др. много внимания уделено выявлению отношений между коррелятами в словообразовательной паре. Следует отметить, что слово-

образовательная пара является одной из важнейших единиц словообразования и СГ, так как именно в ней отражаются важнейшие законы словообразовательной системы, рождаются новые словообразовательные средства и всегда представлен продукт словопроизводственного процесса. Помимо этого, словообразовательная пара является начальным звеном других, более сложных единиц словообразовательной системы: словообразовательной цепочки, словообразовательной парадигмы, словообразовательного типа и др. «Разнообразные и сложные отношения между производящим и производным отражают не только сложнейший механизм словопроизводства, но и те взаимоотношения, которые существуют между реалиями действительности» [5]. Однако многие вопросы относительно словообразовательной пары остаются неисследованными, в частности, до конца не раскрыто разнообразие семантических отношений между производящим словом и производным, особенно, если производящим является исходное слово гнезда. В связи с этим на данном этапе в русле когнитивного подхода к исследованию языковых явлений весьма актуальным является установление семантических взаимосвязей между производящим словом и производным от него, т. е. нахождение тех лексико-семантических вариантов (ЛСВ) производящего, которые структурируют лексические значения деривата или каким-либо образом отражаются в нем, что составляет суть ономаσιологического анализа, лежащего в основе когнитивистики.

В данной работе мы рассмотрим смысловые соотношения однокоренных слов только в тех словообразовательных парах, в которых производящим выступает исходное слово гнезда. Такой подход к анализу словообразовательных пар уже позволяет раскрыть словообразовательный потенциал исходного слова гнезда и показать степень его участия в формировании деривационно-семантического пространства СГ.

На основе анализа СГ, представленных в словаре А. Н. Тихонова, и анализа дефиниций производных и производящих слов, представленных в МАС, нами обнаружено три типа смысловых соотношений между исходным производящим и производным от него словом, каждый из которых имеет свои разновидности.

К первому типу относятся такие словообразовательные пары, в которых производное слово «усваивает» все значение производяще-

го. Это наблюдается прежде всего в тех случаях, когда производящее имеет только одно значение и образует только одну словообразовательную пару, т. е. у него обнаруживаем единственное производное, значение которого сформировано на базе производящего. Например: слово **гладиолус** имеет только одно значение: «травянистое декоративное растение с мечевидными листьями и крупными цветками разнообразной окраски; шпажник». В словообразовательной паре **гладиолус** — *гладиолусовый* производное слово имеет одно значение: «прил. к гладиолус», сформированное на базе производящего. Слово **торбан** имеет одно значение: «струнный щипковый музыкальный инструмент, родственник бандуре». В словообразовательной паре **торбан** — *торбанист* производное слово имеет одно значение: «музыкант, играющий на торбани». Слово **тутти** имеет одно значение: «в музыке — исполнение музыкального произведения всем составом оркестра, хора». В словообразовательной паре **тутти** — *туттист* производное слово имеет одно значение: «участник хора, хорист». Слово **сонет** имеет одно значение: «стихотворная форма в четырнадцать строк, состоящая из двух четверостиший и двух трехстиший. Сонеты Шекспира». В словообразовательной паре **сонет** — *сонетный* производное слово имеет одно значение: «прил. к сонет. *Сонетная композиция*». А также **август** — *августовский*, **бархан** — *барханный*, **доллар** — *долларовый*, **смерч** — *смерчевой*, **тропот** — *тропотать*, **торс** — *торсовый*, **турнепс** — *турнепсовый*, **тротил** — *тротиловый* и др. Довольно часто такие словообразовательные пары имеют в своем составе производное слово с модификационным значением. Например: **жбан** — *жбанчик*, **гном** — *гномик*, **гопак** — *гопачок*, **дрочена** — *дроченка* и др.

Хотя встречаются и такие производящие, которые, имея одно значение, образуют несколько словообразовательных пар, т. е. образуют свою парадигму производных, и все эти производные соотносятся с единственным значением производящего. Например: слово **гранит** имеет одно значение: «твердая горная порода зернистого строения, состоящая из кварца, полевого шпата и слюды». У этого слова три производных, значения которых формируются на базе значения производящего, ср. *гранитчик* — «рабочий по обработке гранита, по отделке гранитных частей сооружений»; *гранитный* — «имеющий отношение к граниту»; *гранитовый* — «сделанный из

гранита». При этом некоторые производные имеют модификационные значения. Например: Слово **кофта** имеет одно значение: «короткая (обычно до пояса или до бедер) женская одежда». У этого слова три производных, все значения которых формируются на базе значения производящего, ср. *кофточка* — «уменьш. к кофта»; *кофтенка* — «уничиж. к сущ. кофта»; *кофточный* — «прил. к кофта». А также **бидон** — *бидончик, бидонный*; **графин** — *графинчик, графинный*; **блокнот** — *блокнотик, блокнотный*; **бокал** — *бокальчик, бокальчатый, бокаловидный* и др.

Однако такое явление можно наблюдать и тогда, когда производящее полисеманлично, а его единственное производное «усваивает» тоже весь комплекс его значений (чаще речь идет о двух значениях, реже о трех и более). Например: Слово **айва** имеет два значения: 1. Южное плодовое дерево сем. розоцветных. 2. Плод этого дерева, похожий по форме на яблоко или грушу. В словообразовательной паре **айва** — *айвовый* единственное производное слово имеет оба значения: «прил. к айва. *Айвовый сад* (к 1 знач.). *Айвовое варенье* (к 2 знач.)». Слово **шалфей** имеет два значения: 1. Травянистое и полукустарниковое растение сем. губоцветных, с крупными душистыми цветками, некоторые виды которого используются в медицине и парфюмерии. 2. Настой, отвар листьев лекарственного вида этого растения, используемый в медицине как противовоспалительное средство. В словообразовательной паре **шалфей** — *шалфейный* производное слово имеет два значения: 1. Прил. к шалфей. *Шалфейный запах. Шалфейные листья* (к 1 знач.). 2. Приготовленный из шалфея. *Шалфейное масло* (к 2 знач.).

Ко второму типу относятся такие словообразовательные пары, производящие слова в которых полисемантически, а семантика производного соотносится только с определенным ЛСВ. Например: слово **асфальт** имеет два значения: 1. Природная и искусственная буро-черная смолистая масса, используемая при устройстве дорог, тротуаров и в некоторых отраслях промышленности. *Месторождения асфальта. Варка асфальта*. 2. Дорога, тротуар, покрытые такой массой. В словообразовательной паре **асфальт** — *асфальтировать (заасфальтировать)* производное слово соотносится только с первым значением: «покрыть (покрывать) асфальтом». В словообразовательной паре **асфальт** — *асфальтовый* производное слово соотносится тоже только с первым значением: «прил. к асфальт.

Асфальтовое производство. Асфальтовый бетон. Асфальтовая мастика». Слово **багаж** имеет два значения: 1. Упакованные вещи, которые берет с собой пассажир в дорогу. 2. перен.; с определением. Сведения, знания и т. п. в какой-л. области, которыми кто-л. обладает. *Умственный багаж*. В словообразовательной паре **багаж** — *багажник* производное слово соотносится только с первым значением производящего: «приспособление у велосипеда, мотоцикла, автомобиля для перевозки мелких вещей, поклажи». В словообразовательной паре **багаж** — *багажный* производное слово соотносится тоже только с первым значением: «прил. к багаж. *Багажный вагон*».

В некоторых случаях производное слово может «усвоить» часть значений производящего (обычно два, реже более двух). Например: **картина**, это слово имеет 7 значений: 1. Произведение живописи в красках на куске холста, доске, листе бумаги. 2. перен.; чего или какая. То, что можно видеть, представлять себе в конкретных образах. 3. Яркое и выразительное словесное изображение чего-л. 4. Общее состояние, положение чего-л. *Клиническая картина заболевания*. 5. прост. О ком-, чем-л. вызывающем восхищение своей живописностью, красотой. 6. Часть акта в драматическом произведении, требующая самостоятельной декорации. *Вторая картина первого акта*. 7. разг. То же, что кинофильм. В словообразовательной паре **картина** — *картинный* производное слово соотносится с первым значением (*картинная галерея*); со вторым значением (*картинный рассказ*); с четвертым значением (*картинная поза*).

К третьему типу относятся словообразовательные пары, производные слова в которых соотносятся с одним из значений производящего, но при этом у производных появляются свои новые значения. Например: слово **кофе** имеет четыре значения: 1. Тропическое дерево или кустарник, из семян которого готовится особый напиток; кофейное дерево. 2. собир. Семена (зерна) этого дерева. 3. Напиток, приготовленный из такого порошка. 4. Питье такого напитка. В словообразовательной паре **кофе** — *кофейный* производное слово имеет два значения: 1. Прил. к кофе. Приготовленный с кофе. *Кофейный торт*. Предназначенный для кофе, для питья кофе. *Кофейный сервиз*. 2. Темно-коричневый, цвета кофе. Первое значение производного слова соотносится с первым значением производящего, а второе значение — новое, обозначает темно-

коричневый цвет (*пальто кофейного цвета*). Слово **леопард** имеет одно значение: «крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих, с желтой с черными пятнами шерстью; барс». В словообразовательной паре **леопард** — *леопардовый* производное слово имеет три значения: 1. Принадлежащий к леопарду. *Леопардовый глаз*. 2. Сделанный из шкуры леопарда. *Леопардовая шуба*. 3. Рисунок, характерный для окраски шкуры леопарда, нанесенный на какой-л. материал. *Леопардовый принт*. Второе и третье значения являются новыми значениями у производного. Слово **карман** имеет три значения: 1. Часть одежды (брюк, пальто, пиджака и т. п.) в виде пришитого к ней или вшитого мешочка для ношения при себе мелких вещей, денег. 2. Особое отделение в портфеле, чемодане и др. 3. спец. углубления различного рода, выемки в чем-л. В словообразовательной паре **карман** — *карманный* производное слово имеет тоже три значения: 1. Прил. к карман. 2. Приспособленный, удобный для ношения в кармане. 3. Небольшого формата, размера. Два значения производного *карманный* соотносятся с первым значением производящего (*карманная молния, карманная застёжка*), а третье значение не имеет соотношения с какими-либо ЛСВ производящего, т. е. у него появилось новое значение: «небольшого формата, размера» (*карманный словарь, карманные шахматы*).

Как было отмечено выше, к комплексным единицам, связанным с горизонтальным модулем структуры СГ, относятся словообразовательные цепочки (цепи). Располагаясь на горизонтальной оси гнезда, словообразовательная пара и словообразовательная цепь отражают, по мнению А. Н. Тихонова, синтагматические отношения в гнезде: «в синтагматическом плане словообразовательное гнездо представляет собой совокупность словообразовательных цепочек» [6]. Аналогичную мысль выражает Е. А. Земская [7].

Словообразовательные цепочки представляют собой ряд однокоренных слов, расположенных по горизонтали, начиная от исходного слова гнезда, и связанных между собой отношениями последовательной производности, т. е. каждый предыдущий дериват является непосредственно производящим для последующего. Таким образом, можно говорить о двуфункциональности производных слов в цепочке, которая проявляется в том, что одно и то же производное слово одновременно является и производным, и производящим.

Позиция каждого производного слова в словообразовательной цепочке обусловлена степенью производности, обычно понимаемой как «степень словообразовательной удаленности производных слов от однокоренного с ним непроеводного» [8].

Словообразовательные цепи характеризуются с разных точек зрения: по степени обобщенности (конкретные и типовые); по принадлежности исходного слова цепи к части речи (отсубстантивные, отглагольные, отадективные и т. д.); по принадлежности исходного и конечного слов цепи к части речи (кольцевые — исходное и конечное слова принадлежат к одной части речи; линейные — исходное и конечное слова принадлежат к разным частям речи); по характеру деривации производных слов в цепи (с лексическими и синтаксическими дериватами); по характеру семантики производящей семемы исходного слова гнезда (образованные от прямых значений исходных слов и образованные от переносных значений исходных слов). В связи с формально-семантическим характером словообразовательного процесса, вероятно, есть необходимость в дополнительной квалификации и классификации словообразовательных цепей.

Словообразовательные цепи можно охарактеризовать по наличию или отсутствию в них слов с фразеологичной семантикой, которые могут появиться на разных ступенях производности. На основании этого и СГ можно разделить на два типа: коммутационные (не включающие слова с фразеологичной семантикой) и некоммутиационные (включающие производные слова с фразеологичной семантикой) [см. об этом подробнее в нашей работе: 9]. Такое деление СГ особенно важно в лингводидактическом аспекте, так как обеспечивает преподавателей на уроках русского языка (особенно в иностранной аудитории) более адекватным дидактическим материалом, соответствующим уровню владения языком учащихся.

К комплексным единицам, связанным с вертикальным модулем структуры СГ, относится словообразовательная парадигма (СП), которая представляет собой «совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словопроизводства» [10].

Одна СП может включать в себя производные слова, относящиеся к разным частям речи, поэтому СП некоторые ученые делят на словообразовательные блоки (СБ), «включающие производные

одной части речи: субстантивный блок, глагольный блок, адъективный блок, наречный блок» [11]. Мы считаем, что в каждом СБ можно выделить еще более мелкие структурные единицы — словообразовательный микроблок (СМБ), который характеризуется принадлежностью производных слов к одной части речи и одним способом словообразования. Поэтому в СБ можно обнаружить: префиксальный СМБ, суффиксальный СМБ, суффиксально-префиксальный СМБ и др. Выделение СМБ позволяет более детально обосновать словообразовательный потенциал исходного слова гнезда и дать ему качественную характеристику. К тому же выделение СМБ дает возможность эксплицировать связь одного СГ с другим СГ, исходные слова которых принадлежат к одной лексико-семантической группе. В таком случае можно говорить еще об одной структурной единице словообразования — словообразовательном макроблоке, который представляет собой совокупность производных слов, находящихся в разных словообразовательных гнездах, но объединенных производящими одной части речи и одного семантического разряда, а также однотипным словообразовательным формантом. Выделение словообразовательного макроблока в словообразовательной системе расширяет деривационно-семантическое пространство СГ, что важно для более глубоких исследований словообразовательной системы в целом.

Примечания

1. *Яруллина Т. С.* Словообразовательные возможности русских непроемных глаголов (К вопросу взаимодействия грамматики и словообразования): дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
2. *Казак М. Ю.* Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2004.
3. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
4. *Тихонов А. Н.* Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 18–52.
5. *Плотникова Г. Н.* Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. М., 2011.
6. *Тихонов А. Н.* Указ. соч.
7. *Белошапкова В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Панов М. В.* Современный русский язык. М., 1981.
8. *Моисеев А. И.* Словообразование современного русского языка. Л., 1985.
9. *Плотникова Г. Н.* Указ. соч.
10. *Земская Е. А.* О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 63–78.
11. *Белошапкова В. А.* Указ. соч.

To the question of derivational semantic space of the word-formative nests

The article focuses on the problem of semantic organization of the word-formative nest and its constituting components on the basis of cognitive approach to the study of linguistic phenomena. Onomasiological analysis of derivatives as a part of the word-formative nest expands the idea of derivational semantic space of the word-formative nests due to the more detailed explanation of semantic relations between cognates belonging to different structural units: derivational couple, derivational chain and derivational paradigm. A special accent is made on the process of identifying semantic correlation between the source word of the word-formative nest and derivatives at the first stage of derivation. The analysis revealed three types of relations, each of them has several modifications based on quantitative correlation between lexical-semantic variants of the producing and the derivative words as well as on the possibility to identify the motivational basis of derivatives. The article gives characteristic of the word-formative nest according to the transformations of the semantic base of source word and the appearance of derivatives with phraseological semantics in the composition of derivatives. On this basis word-formative nests are divided into commutative (without derivatives with phraseological semantics) and non-commutative (having in their composition derivatives with phraseological semantics).

Keywords: derivational semantic space, lexical-semantic variant, word-formative nest, derivational chain, derivational paradigm, derivational unit, derivational microunit, derivational macrounit.

© **О. А. Димитриева**
ЧГПУ, г. Чебоксары

Отношение к еде в русской языковой картине мира (на примере глагола *нахлебаться*)

Статья посвящена исследованию проявления такого аспекта национального характера, как «стремление во всем доходить до крайностей» (по выражению Д. С. Лихачева), выраженного в сатуративном способе глагольного действия, в частности, в глаголах с семантикой ‘результат поглощения пищи’. С одной стороны, высказывания с такими глаголами, как *наестся*, *нажраться*, *налопаться*, *натрескаться*, *нахлебаться* и т. п., обозначают желание, намерение субъекта действия, его отношение к еде (в т. ч. и к другим объектам при переносном употреблении), с другой — в них выражается оценка стороннего наблюдателя субъекта, поглощающего пищу. Особое внимание уделяется глаголу *нахлебаться*. Так, подробно описывается контекстуальное окружение глагола и его грамматические особенности. Присутствие семы ‘жидкость’ в семантике глагола *нахлебаться* обусловило его метафорическое употребление, связь с метафорой ЖИЗНЬ — ВОДНЫЙ ПОТОК (море, река). Материалом исследования послужила выборка фрагментов из современных художественных и публицистических текстов из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: концептуализация действия, сатуративный способ глагольного действия, национальный характер, стереотип, менталитет, языковая картина мира, лингвокультурология.

Глагольная лексика в силу своего лексико-грамматической специфики является средством фиксации в национальном языке способов взаимодействия человека с миром — с другими людьми, предметами, явлениями и т. п.

Л. Г. Бабенко отмечает, что при анализе денотативного пространства глагола, т. наз. «процессуально-событийного мира», на первый план выступает яркая национально-специфическая окраска, выделяется богатое лексическое воплощение тех или иных типовых ситуаций [1]. Так, в русском языке представления и знания о ситуации насыщения находят свое выражение в глаголах со значением 'результат поглощения пищи' со словообразовательными формантами *на-...-ся* и *об-...-ся* (т. наз. сатуративный (сативный) способ глагольного действия), причем первый часто обозначает 'достижение желаемого результата', а второй — нежелательные, негативные, последствия (подробнее см. [2]). К сатуративным глаголам относятся *наестся, нажраться, налопаться, натрескаться, нахлебаться* и соответственно *обьестся, обожраться, облопаться, обтрескаться*. Д. С. Лихачев, рассуждая о характере русских, отмечает одну черту, составляющую «несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного» [3]. На наш взгляд, такая черта проявляется и в бытовых вещах, в том числе в поглощении еды и культуре питания.

В данной статье мы подробно рассмотрим глагол *нахлебаться*, обладающий ярко выраженными семантико-стилистическими особенностями; через отношение к еде (в данном случае через результат поглощения пищи) также проявляются социальные взаимоотношения, восприятие окружающих событий и формируется представление о них. В толковых словарях, как правило, указывается на два значения глагола *нахлебаться*: 1) Вдоволь, много похлевать чего-л.; 2) *перен.* Натерпеться чего-л. неприятного, тяжелого и т. п. [4]; Вдоволь, много похлевать, попить. *Н. молока. Н. горя* (*перен.*) [5]. Т. Ф. Ефремова выделяет следующие значения: 1) а) Похлевать много, вдоволь; б) Хлебая, наестся; 2) Напиться пьяным; 3) *перен.* Натерпеться (*горя, страху* и т. п.) [6]. Анализируя примеры, необходимо отметить следующее: значения рассматриваемого глагола делятся в зависимости от контролируемости/неконтролируемости действия субъектом. Так, значение «хлебая, наестся» несет, как

правило, положительные коннотации (желание осуществления действия субъектом, его стремление, намерение) и предполагает сочетаемость с объектом с семантикой 'что-либо жидкое': суп, варево, борщ и т. п.

За день набегается охотник по лесу, все патроны перестреляет, ничего не убьет, намается, наломается, домой придет, ружье не почистит, в угол сунет, сам горячих щей нахлебается и — спать (Тульское ружье. Сказка // «Чиж», 1941)

При переносном употреблении в значении «напиться пьяным» (причем многие глаголы с семантикой 'поглощения пищи' употребляются в значении 'избыточное употребление спиртного', ср. *натрескаться, нажраться, выжраться (бутылку)* и т. п., в таких высказываниях алкоголь приравнивается к пище с подчеркиванием количественного компонента) выражаемая оценка носит полисубъектный характер: с одной стороны, эксплицируется намерение субъекта действия, с другой, — дается оценка со стороны, выражается отношение к субъекту-носителю состояния:

— *Сам-то ты Семен, вишь, нахлебался опять и лыка не вяжет, — сказала Авенирова старуха. — А кто хозяин в доме — я или курицы? — Козонков сделал попытку стукнуть по столу кулаком* (В. Белов. Плотничьи рассказы).

Неконтролируемость действия связана в основном со стихийными событиями. Так, одно из значений «в результате погружения под воду наглотаться ее» (то же самое относится и к газообразной среде):

Кое-как добирался до берега, часто нахлебавшись воды, но ни разу не позвав на помощь (Б. Васильев. Ольга, королева русов); *В бою на Болимовском выступе — это под Варшавой — германцы применили хлор. Я нахлебался, сознание потерял, солдаты вытащили* (Б. Васильев. Оглянись на середине); *Вскоре у него начала слегка кружиться голова. Почва под ногами тихо зыбилась и покачивалась. «С непривычки это, духу земляного нахлебался»* (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

В таких высказываниях указывается на физические последствия для субъекта действия (кое-как передвигаться, головокружение, уход почвы из-под ног и т. п.).

Как известно, человек — «мера всех вещей» и одновременно эталон измерения. Представление о жизненных перипетиях как о жидкости, заполняющей пространство вокруг человека, «погруженность» его в проблемы, стихийность, неконтролируемость событий обусловлено метафорой ЖИЗНЬ — ВОДНЫЙ ПОТОК. Как тонко отмечает Н. К. Рябцева, объясняя «принцип наглядности» в языке, непредметные сущности описываются «по образу и подобию (восприятия) предметного мира», в результате чего язык раз-

вивает дополнительные (переносные) значения, «при этом окружающий мир человека аксиологизируется, символизируется и психологизируется, а внутренний мир параметризуется и объективируется» [7]. Так, в нашем случае, жизненные события, проблемы, неурядицы «опредмечиваются», представляются непрерывным потоком, постепенно накрывающем человека, причем этот процесс идет по направлению снизу-вверх, что дает сочетаемость рассматриваемого глагола с адverbиальными выражениями *доверху, по горло, выше головы, выше крыши*:

«...нет, те, кто мечтает о «сильной руке» сегодня, они мне чужие, потому что мы этой сильной руки нагляделись и **жизни такой нахлебались выше крыши**... (Р. Черепанова. Интеллигенция и «тайное знание» // «Неприкосновенный запас», 2010); А комментарий, в котором говорится, что Адам из рая был Господом изгнан, писал Сергеев, возник много позже, когда люди, сполна **наевшиеся** познанием, **доверху нахлебавшиеся злом и горем**, стали думать — зачем им все это, неужели рая Адаму было мало? (В. Шаров. Воскрешение Лазаря).

Раскрытие метафоры ЖИЗНЬ — ВОДНЫЙ ПОТОК может реализоваться на протяжении всего текста, репрезентируя взгляд на жизнь. Такой тип метафоризации Е. Е. Юрков называет рематематическим, при котором метафоры выполняют оценочно-характеризующую функцию, «придавая теме, топику текста ту аксиологическую значимость, которая и соответствует авторской установке, цели высказывания» [8]. Рассмотрим следующий пример:

Сегодня для нас такой формой и является демократизация производственной и общественной жизни. И здесь не надо бояться **утонуть в волнах проблем и дискуссий, надо учиться плавать**. Решить же эту задачу, **не окунаясь с головой в практическое решение проблем**, нельзя. Правда, при этом можно изрядно **нахлебаться**», но в любом случае — это лучше, чем овладевать искусством маскировать проблемы, **загонять их в глубину**. Вот тогда на самом деле есть риск **захлебнуться в волнах стихии**. А пока время есть — надо действовать. Медлить нельзя! (Л. Булавка).

Противоречия самоуправления, или Почему не увенчались успехом выборы совета трудового коллектива НИИ ВЭФ // «Техника — молодежи», 1989). Как видно из примера, жизнь осмысливается через образ водной стихии, волны которой — проблемы, человек — субъект, находящийся в стихии. Текст носит прескриптивный характер ((не) надо, нельзя, лучше). Основные компоненты в составе этого образа — действия, обозначающие, с одной стороны, необходимость правильной деятельности (*учиться плавать, окунуться с головой, надо действовать / не маскировать проблемы*), с дру-

гой, — последствия в случае отсутствия желательных действий (*нахлебаться, захлебнуться*).

Так как в высказываниях с глаголом *нахлебаться* часто события носят стихийный характер, не поддающийся контролю, то говорящим это оценивается негативно. Валентность объекта при глаголе заполняется существительным в родительном падеже. Это может быть указание на период времени, наполненной теми или иными событиями, испытаниями, *жизнь* в том или ином социальном проявлении (*монастырская жизнь, картины русской жизни, семейная жизнь* или в сочетании с подчеркивающими какой-либо аспект местоимениями *такой, другой, всякий*):

В инсценировке он дан в финале первого действия, после того, как Автор «нахлебался» картин русской жизни и впал в отчаяние (М. Козаков. В своем квадрате); — Ты что, чувствительней меня? — Нет. Но, чтобы ощущать счастье от такой жизни, надо нахлебаться другой. Надо пожить, например, в лагере (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000).

В функции объекта зачастую также используется стилистически сниженная лексика, обозначающая испражнения, и существительные, обозначающие этическую оценку события, с (резко) отрицательным значением (*мерзость, грязь, гадость, лихо, зло, бред, беда, горечь, горе* и т. д.):

— Тем более ты обязан помочь воскресить ее в новом качестве. — А если я сбегу, барон? Я столько грязи нахлебался, столько подлости повидал, что... (Б. Васильев. Дом, который построил Дед); Кто нахлебался в жизни гадостей, Способен оценить и вкусы малых радостей (В. Голяховский. Русский доктор в Америке).

В высказываниях с глаголом *нахлебаться* могут проявляться взаимоотношения с другими лицами, причем также дается негативная оценка ситуации как при отсутствии (в сочетании с существительным в родительном падеже с предлогом *без*), так и присутствии (с существительным в дательном падеже с предлогом *с* или в родительном с предлогом *от*) того или иного субъекта:

— Отпусти мальчика, — слышит Саша голос женщины. — Он без тебя нахлебается. Пальцы разжались, и Саша, оглушенный болью, карабкается по песчаному склону вверх (Ю. Трифонов. Время и место); У него все образуется. Ему только фонды выбить... — С ума сошел, Иван Яковлевич... С ним нахлебаеться, с твоим Синицыным... Он под комбайн план завалит, а нам... — Какой там план!.. У него простаивает опытный цех при ОКБ... (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998); — Я не всегда была такой, — говорила она Короткову. — Пока работала следователем, нахлебалась от мужа всякого. Потом поняла, что состояние в браке с работником милиции — это профессия, которой далеко не каждый может овладеть (А. Маринина. Стечение обстоятельств).

Определение некоторых вещей как не зависящих от человека, невозможность контролировать определенного рода события, с одной стороны, всегда оцениваются отрицательно, с другой, предсказывают некий фатум и свидетельствуют о пассивности, в ряде случаев обреченности субъекта действия.

В высказываниях с глаголом *нахлебаться* субъект действия носит конкретно-референтный характер, само действие в первом и втором значении локализовано на линии времени, а в третьем значении («претерпеть трудности») действие имеет подытоживающий характер, выдает ретроспективный взгляд со стороны на событие или целый ряд, поэтому не локализовано в одной временной точке, а характеризует жизненный период.

Отметим некоторые грамматические характеристики форм глагола *нахлебаться*. Так, самой частотной формой является форма прошедшего времени (57 % от общего числа примеров — 115), далее идут форма инфинитива (13 %), настоящего-будущего времени (12 %), деепричастия (8,7 %), причастия (7,8 %), сослагательного наклонения (1 пример — 0,86 %), форма повелительного наклонения не встретилась.

Таким образом, семантическая модель определенного способа глагольного действия, актуализируя определенный аспект семантики, является формой представления знаний о культуре и мире.

Примечания

1. Бабенко Л. Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: материалы IX Кузнецовских чтений. Екатеринбург, 1998. С. 10.
2. Димитриева О. А. Норма и результат приема пищи: глаголы *наестся* и *объестся* // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 21–35.
3. Лихачев Д. С. Русский национальный характер // Избранные мысли о жизни, истории, культуре / сост. Д. С. Бакун. М., 2006. С. 265.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1999.
5. Ожегов И. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 398.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2006.
7. Рябцева Н. К. Ментальная сфера по данным языка: когнитивный аспект // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004. С. 457.
8. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: монография. СПб., 2012. С. 70.

Attitude to food in the russian language picture of the world (on the example of the verb *nakhlebat'sya*)

The article is devoted to the research of manifestation of such aspect of national character as “aspiration in everything to reach extremes” (according to D. S. Likhachev), expressed in a saturational mode of action, in particular, in verbs with semantics “the result of eating food”. On the one hand, statements with such verbs as *nayest'sya* (to eat one's fill), *nalopat'sya*, *natreskat'sya*, etc., designate desire, intention of the subject of the action, his / her attitude to food (and to other objects in a figurative use); on the other hand, these statements show the assessment of the subject of the action “the result of eating food” by the outside observer. The special attention is paid to the verb *nakhlebat'sya*. So, the lexical compatibility of the verb and its grammatical features are described in detail. Having in its semantics the seme ‘liquid’, the verb has caused its metaphorical use in connection with the metaphor LIFE — WATER STREAM (the sea, the river). Material for the research contains fragments of contemporary literary and media texts taken from the National corpus of the Russian language.

Keywords: conceptualisation of the action, saturational mode of action, national character, stereotype, mentality, language picture of the world, linguoculturology.

© М. В. Дудорова, М. В. Слаутина
УрФУ, г. Екатеринбург

Эмотивное пространство рождественского рассказа (на материале рассказа Н. Лескова «Зверь»)¹

Статья посвящена анализу эмотивного пространства рождественских рассказов русских писателей. Авторы доказывают, что отличительной чертой произведений данного жанра является оппозитивный принцип организации семантического пространства, в котором значительную роль играют противоположные эмотивные смыслы. Особую тональность рождественским рассказам придает «наивный» взгляд на мир: события изображены через призму восприятия ребенка. В центре повествования – рассказ о рождественском чуде, которое в первую очередь связано с идеей перерождения грешной души.

Статья содержит анализ эмотивного пространства рассказа Н. С. Лескова «Зверь». Доказано, что политональность данного произведения создается в результате взаимодействия различных эмотивных смыслов, которые «группируются» вокруг двух семантических доминант – «Ужас» и «Любовь». В процессе анализа были выделены языковые средства отображения эмоций: лексические, синтаксические и собственно текстовые; рассмотрены фразовые эмотивные смыслы, фрагментные смыслы, представленные в различных композиционных формах речи; определены функционально-текстовые разновидности эмотивных смыслов (интерпретационно-характерологические и изобразительно-жестовые).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

В результате исследования был сделан вывод, что взаимодействие эмотивных смыслов играет важную роль в сюжете произведения: атмосфера ужаса, жестокости и неотвратимости наказания к концу рассказа преобразуется в атмосферу добра и любви, а жестокий зверь-помещик превращается в доброго и милосердного человека. Семантическое пространство произведения не статично: в процессе повествования происходит смена семантических доминант — от страха и ужаса в начале рассказа к любви и доброте в финале.

Ключевые слова: рождественский рассказ, эмотивное пространство, языковые средства отображения эмоций, эмотивные смыслы.

Рождественский (святочный) рассказ — литературный жанр, соединяющий в себе черты русской календарной словесности и западноевропейской литературной традиции. Разграничивая термины *рождественский* и *святочный*, Г. Козлова связывает их с конфессиональными различиями католичества и православия [1]. Однако для настоящего исследования это терминологическое различие представляется несущественным, поэтому определения жанра *рождественский* и *святочный* употребляются как синонимичные.

В России к созданию подобных произведений обращались такие писатели, как Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк и многие другие. К концу XIX в. рождественские рассказы издавались отдельными сборниками, печатались в журналах и включались в книги для детского чтения. Рождественский рассказ получил распространение в первую очередь как жанр, предназначенный для семейного чтения. И это неслучайно. Как справедливо отмечает О. И. Тиманова, «главный смысл всякого праздника заключается в осознании родственных связей с другими, в преодолении тьмы, хаоса, неполноты, диссонанса. Идеалом Рождества является культ Очага, почитание Дома, что как нельзя более точно согласуется и с семантическим ядром «сказки о людях» [2].

В основе сюжета рождественских рассказов лежит событие Священной истории — рождение младенца Иисуса Христа. Этим определяется центральный компонент повествования — идея чуда, которое может произойти с каждым в рождественскую ночь. Мотив *чуда, чудесного* поддерживается тем, что события, составляющие сюжет произведения, даются сквозь призму восприятия ребенка. В рассказах этого жанра транслируется особый детский взгляд на мир, неизменной составляющей которого является вера в чудеса. Чудо может быть мистического, сверхъестественного характера

(сны, видения, появление ангелов и т. п.) или вполне реального, даже бытового (счастливая случайность, удачное стечение обстоятельств), чудо также рассматривается как психологический феномен (чудесное преображение человека, изменение его характера и поведения).

Рождественский рассказ существует в литературе как жанр, обладающий достаточно строгими и определенными чертами. Н. С. Лесков писал: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело» [3]. Заметим, однако, что не все святочные истории «оканчиваются весело», достаточно вспомнить такие произведения, как «Девочка со спичками» Х. К. Андерсена и «Мальчик у Христа на елке» Ф. М. Достоевского. Но отсутствие счастливого финала в рассказе не оставляет у читателя ощущения безысходности и безнадежности: главным мотивом рождественского рассказа остается вера в чудо.

Отличительной чертой произведений данного жанра является оппозитивный принцип организации повествования. В семантическом пространстве текстов взаимодействуют противоположные смысловые доминанты (*земное — небесное, греховность — праведность, добро — зло, богатство — бедность, страдание — блаженство* и др.). Они располагаются по двум «осям»: вертикаль образуют оппозиции земного и небесного пространств, Божественного и дьявольского начал; в горизонтальной проекции сталкиваются внешний и внутренний мир человека. Земное пространство изображается как дисгармоничное, тесное, суетное: «*Население «чертова гнезда» промышляло воровством и подаванием*», несмотря на то, что «*просить милостыню на главных улицах запрещалось*» (В. Фаусек «Елка»). Небесное — не прорисовано в подробностях, а только намечено, оно исполнено света и звуков ангельской песни: «*Как это, наверно, было красиво, когда пели ангелы*» (Л. Авилова «Отчего не поют ангелы»). Главный герой повествования (обычно ребенок), находящийся во враждебном дисгармоничном мире, обращается с молитвой к Богу, надеясь на рождественское чудо: «*Знаешь, как сегодня молиться надо! Сегодня всякая молитва бы-*

стрее доходит!» (Л. Авилова «Отчего не поют ангелы»). Отметим, что в произведениях исследуемого жанра обширный синонимический ряд к слову Бог [4] представлен преимущественно лексемой Спаситель, т. е. Бог в рождественских рассказах предстает только в одной своей ипостаси — спасителя, защитника, помощника; тем самым поддерживается основная идея Рождества — возможность спасения грешной души. В этом и заключается рождественское чудо — во внутреннем перерождении героя. Неслучайно персонажами святочных историй всегда являются дети: восприимчивость детского сознания, открытость миру делает их способными «услышать, как поют ангелы»: *«Мелодия плыла и казалась ему неземным блаженством. Боре представлялось, что он не слушал, а всем существом своим пил это блаженство»* (Л. Авилова «Отчего не поют ангелы»). Именно персонажи-дети заставляют взрослых по-новому взглянуть на жизнь, возвращают им способность к состраданию, помогают вновь пережить, казалось бы, утраченные чувства: *«Душа его [Митрича] переполнилась такою радостью, что он не помнил, бывал ли еще когда-нибудь в его жизни этаким праздник»* (Н. Телешов «Елка Митрича»). Неслучайно в рассказе М. Волконской умение ценить и любить тех, кто рядом, независимо от возраста и социальной принадлежности, названо *солидным подарком*.

Оппозитивность как структурно-семантический принцип организации текста является важной и в создании эмотивного пространства рождественских рассказов. Следует отметить, что сфера эмоций в концептуальном пространстве языка по природе своей оппозитивна: входящие в ее состав подсферы формируются на основе взаимодействия противоположных эмотивных смыслов. Ср. названия денотативно-идеографических групп в СТСПР: «Счастье — несчастье», «Радость — грусть», «Надежда — отчаяние», «Любовь — неприязнь», «Интерес — равнодушие», «Спокойствие — беспокойство», «Одобрение — неодобрение» и т. д. [4]. В рождественских рассказах находят отражение такие эмотивные оппозиции, как *отчаяние — надежда, радость — грусть, интерес — равнодушие* и др.

В качестве примера рассмотрим рассказ Н. С. Лескова «Зверь». Сюжет произведения соответствует канонам данного жанра: автор повествует о рождественском чуде — перевоплощении жестокого

помещика-зверя в милосердного и доброго человека. События рассказа преломляются в сознании ребенка, которому свойственно эмоциональное восприятие мира, одушевление всего живого, поэтому эмоциями наделены не только люди, но и животные.

Анализ эмотивного пространства проводится по методике Л. Г. Бабенко [5]. Эмотивное пространство рассказа «Зверь» политонально, в нем противопоставлены полярные (отрицательно и положительно окрашенные) эмотивные комплексы, семантическими доминантами (ядрами) которых являются *ужас* и *любовь*.

Отрицательный эмотивный «полюс» представлен следующими эмоциями:

— жестокость (*Дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость; отдает какое-нибудь жестокое приказание; никогда и никому никакая вина не прощалась; такого случая еще никогда не было, да страшно было и подумать, если бы это могло случиться: тогда всех в том виноватых ждали бы смертоносные наказания*);

— страх (*Дядю боялись все, а я всех более; грозный господин; порождение страха и отчаяния; нечто гораздо более страшное; общие подозрения и общий страх*);

— гнев (*Он был гневен и суров более, чем обыкновенно; раздраженное и гневливое сердце; гневное распоряжение*);

— мучение (*застонал, точно заплакал; чтобы не слышать жалостных стонов Сганареля, потому что стоны эти были мучительны и невыносимы для его сердца; лучше бы сам всякие муки принял*);

— одиночество (*чтобы не оставить его одиноким*);

— грусть (*вернулся домой очень расстроенный и опечаленный*);

— тревога (*мною овладевала еще большая тревога*).

Атмосферу ужаса подчеркивают такие словоупотребления, как *Была зима, и очень жестокая; по случаю ужасных холодов; ужасная гроза; страшные ужасы; ужасная лапа* и т. д.

На положительном «полюсе» эмотивного пространства находятся

— радость (*прекрасный и радостный праздник; послеобеденное развлечение для гостей; Зажглись веселые костры, и было веселье во всех*);

— удовольствие (охота за ними составляла большое удовольствие);

— смелость (смелый парень лет двадцати пяти; она рассказывала нам презанимательные вещи про смелость своего удалого брата);

— кротость (Жить такую привольною жизнью могли не все медведи, а только некоторые, особенно умные и кроткие);

— дружба (необыкновенная дружба с медведями; взаимная дружба; косматый друг);

— жалость (было очень жаль);

— милосердие (беспредельное милосердие Божие может быть распространено не на одних людей, а также и на прочие Божьи создания);

— доброта (Старик говорил о любви, о прощении, о долге каждого утешить друга и недруга «во имя Христово»);

— вера (я с детскою верою стал в моей кровати на колени);

— великодушие (я тебя прощаю; Ты любил зверя, как не всякий умеет любить человека. Ты меня этим тронул и превзошел меня в великодушии).

Подобная двойственность эмотивного пространства выполняет сюжетообразующую функцию — «зверь» (жестокий, грубый, держащий в страхе всех окружающих) в рождественскую ночь становится «человеком» (добрым, милосердным): здесь совершилась слава вышнему Богу и заблагоухал мир во имя Христово на месте сурового страха.

Анализ эмотивных смыслов в структуре образов персонажей показывает, что Н. С. Лесков использует различные лексические, синтаксические и собственно текстовые способы отображения эмоций.

Фразовые эмотивные смыслы представлены мгновенными эмотивными реакциями дяди рассказчика (хотел позабавиться над затруднительною борьбою чувств бедного парня), слуги Ферапонта (сам вернулся домой очень расстроенный и опечаленный), детей (Нам было жаль Сганареля, жаль и Ферапонта, и мы даже не могли себе решить, кого из них двух мы больше жалеем), гостей на рождественском празднике (Между зрителями послышался укоризненный говор).

Фрагментные смыслы представляют доминантные для рассказа эмоции, каковыми являются *страх* и *жестокость*, сменяющиеся на *любовь* и *доброту*. Данные смыслы представлены в различных композиционных формах речи:

— повествование:

В обычаях дома было, что там никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не изменялось, не только для человека, но даже и для зверя или какого-нибудь мелкого животного. Дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему выше всякого снисхождения. Оттого в доме и во всех обширных деревнях, принадлежащих этому богатому помещику, всегда царила безотрадная унылость, которую с людьми разделяли и звери.

— описание дома дяди, создающее атмосферу ужаса:

В имении дяди был огромный каменный дом, похожий на замок. Это было претенциозное, но некрасивое и даже уродливое двухэтажное здание с круглым куполом и с башней, о которой рассказывали страшные ужасы. Там когда-то жил сумасшедший отец нынешнего помещика, потом в его комнатах учредили аптеку. Это также почему-то считалось страшным; но всего ужаснее было то, что наверху этой башни, в пустом, изогнутом окне были натянуты струны, то есть была устроена так называемая «Эолова арфа». Когда ветер пробегал по струнам этого своеобразного инструмента, струны эти издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившие от тихого густого рокоота в беспокойные нестройные стоны и неистовый гул, как будто сквозь них пролетал целый сонм, пораженный страхом, гонимых духов. В доме все не любило эту арфу и думали, что она говорит что-то такое здеишему грозному господину и он не смеет ей возражать, но оттого становится еще немилосерднее и жесточе...

— ЭМОТИВНЫЙ МОНОЛОГ:

— Слава Богу, — добавил он, — что не мне, а другим людям велено в него стрелять, если он уходить станет. А если бы мне то было приказано, то я лучше бы сам всякие муки принял, но в него ни за что бы не выстрелил.

— ЭМОТИВНЫЙ ДИАЛОГ:

— Стань здесь! — велел ему дядя и показал рукою на ковер. Храпошка подошел и упал на колени.

— Встань... поднимись! — сказал дядя. — Я тебя прощаю. Храпошка опять бросился ему в ноги. Дядя заговорил нервным, взволнованным голосом:

— Ты любил зверя, как не всякий умеет любить человека. Ты меня этим тронул и превзошел меня в великодушии. Объявляю тебе от меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди куда хочешь.

— Благодарю и никуда не пойду, — воскликнул Храпошка.

— Что?

— Никуда не пойду, — повторил Феропонт.

— Чего же ты хочешь?

— За вашу милость я хочу вам вольной волей служить честней, чем за страх поневоле.

Дядя моргнул глазами, приложил к ним одною рукою свой белый фуляр, а другою, нагнувшись, обнял Феропонта, и... все мы поняли, что нам надо встать с мест, и

тоже закрыли глаза... Довольно было чувствовать, что здесь совершилась слава вышнему Богу и заблагоухал мир во имя Христово, на месте сурового страха.

Как показывает анализ, в произведении встречаются следующие функционально-текстовые разновидности эмотивных смыслов:

— интерпретационно-характерологические (*я в доме такого хозяина гостил неохотно и с немалым страхом; Многим становилось жалко медведя, и травля его, очевидно, не обещала им большого удовольствия; Медведь был не в духе и не в авантажном виде*);

— изобразительно-жестовые, характеризующие поведение: медведя (*всю дорогу до ямы шел [медведь] с Храпоном обнявшись, точно два друга; он сверкал исподлобья налитыми кровью и полными гнева и негодования глазами; сердце его нашло мгновенное успокоение в объятиях друга; обнял Ферапонта*); Ферапонта (*Он казался очень взволнованным, но действовал твердо и решительно*); гостей (*на ресницах дрожали хорошие слезы*); дяди рассказчика (*Происходило удивительное: он плакал!; взял старика за руку и неожиданно поцеловал ее перед всеми*).

Таким образом, взаимодействие элементов эмотивного пространства рассказа, дополняющих друг друга или, напротив, взаимоисключающих, играет важную роль в сюжете произведения, подчеркивает происходящее чудо: атмосфера ужаса, жестокости и неотвратимости наказания к финалу текста преобразуется в атмосферу добра и любви, а финальные строки рассказа представляют метафорически идею «укрощения зверя» в человеке, возможности возрождения грешной души:

В московских норах и трущобах есть люди, которые помнят белоголового длинного старика, который словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел поспевать туда вовремя сам или посылал не с пустыми руками своего доброго пучеглазого слугу. Эти два добряка, о которых много бы можно сказать, были — мой дядя и его Ферапонт, которого старик в шутку называл: «укротитель зверя».

Примечания

1. Козлова Г. Своеобразие жанра рождественского и святочного рассказа в западноевропейской и русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://litbook.ru/article/5304/> (дата обращения: 11.06.2016).

2. Тиманова О. И. Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. Вып. 315. С. 29.

3. Лесков Н. С. Жемчужное ожерелье // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 7 т. М., 1958. Т. 7. С. 433.

4. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

5. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.; Екатеринбург, 2004. С. 203–254; *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Филологический анализ текста: практикум. М.; Екатеринбург, 2003. С. 234–235.

**Emotive space in Russian Christmas stories
(exemplified in a short story «Zver» ('The Beast') by N. Leskov)**

The article is concerned with the analysis of emotive space in Russian Christmas stories. We demonstrate the unique feature of this genre in the oppositional principle of organisation of semantic space where the main part is taken by the oppositional emotive meanings. The natural (naïve) point of view gives a special tone to the Christmas stories: the events are pictured through the child's point of view. The center of narration is the story about the Christmas miracle that is primarily connected with the idea of sinful soul metamorphosis.

The article includes the analysis of emotive space in a short story «Zver» ('The Beast') by N. Leskov. We assert that poly-tonality of this work is the result of interaction of different emotive meanings that group around two semantic dominants «horror» and «love». The analysis revealed main linguistic means to depict emotions (lexical, syntax, and textual); it presented phrasal emotive meaning and fragmented meanings represented in different compositional forms of speech. We also determine functional textual types of emotive meanings (interpretational-characterological and figural-gestural).

In conclusion we prove that interaction of emotive meanings play an important role in the plot of a story – by the end of the story the atmosphere of horror, severity and inevitability of punishment transform into atmosphere of kindness and love, and the cruel beast landowner change into a kind and good Samaritan. Semantic space of the story is not constant. During narration there is a change in semantic dominants – from horror and terror in the beginning to love and kindness in the end.

Keywords: Christmas story, emotive space, linguistic means to depict emotions, emotive meanings

© **М. В. Дюзенли**
УрФУ, г. Екатеринбург

**Метафорические представления о внебрачной связи
в русской и турецкой языковых картинах мира**

В статье рассмотрены особенности метафорической концептуализации внебрачной связи на материале русского и турецкого электронных текстовых корпусов, имеющих в своем составе тексты различных стилей и жанров, написанные в период с 1900 по 2000 годы. Метафорические контексты отобраны и проанализированы согласно когнитивной теории метафоры. Проведенный анализ коннотаций метафорических словоупотреблений дает представление о соотношении нормы и антинормы в русской и турецкой языковых картинах мира по отношению к рассматриваемому феномену и подтверждает особую значимость для турецкой культуры категории чести. Рассмотрены как индивидуально-авторские метафоры деви-

антного поведения супругов, так и традиционные образы-символы (зооморфные, пространственные, криминальные, сказочные и др.), обладающие неоднозначными коннотациями. Данные русского текстового корпуса позволили просчитать гендерное соотношение в метафорическом представлении неверного супруга. Отдельное внимание уделяется понятию гражданского брака как одному из проявлений внебрачной связи до официального заключения брака или без него. Отмечается отсутствие этого понятия в турецком корпусе, а также общая тенденция его употребления в русском корпусе, которая позволяет считать его синонимом обычного брака или подготовительным этапом к нему.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуализация, когнитивная лингвистика, внебрачная связь, метафора, метафорическая модель, электронный корпус текстов, коннотация, лексема.

В русской языковой картине мира семья традиционно репрезентируется как комплекс явлений нормы и антинормы [1]. Антинорма представляется такой же равноценной составляющей картины мира, как и норма, являясь неустранимым элементом бинарной оппозиции [2]. В литературе представлен богатый список нашедших языковое выражение различных аномалий в семейных взаимоотношениях, которые выражаются в таких денотативных ситуациях, как супружеская измена, развод, гомосексуальный брак, добрые сексуальные отношения, неравный брак, вдовство, женитьба на вдове/замужество за вдовцом, холостяк, старая дева, ребенок вне брака, ненадлежащее выполнение семейных обязанностей, насилие в семье, пьянство и др. [3, 4]. Однако далеко не все из них получают метафорическое освещение в исследуемом материале. В качестве последнего использованы различные в стилистическом и жанровом отношении тексты, написанные в период с 1990 по 2000 гг. и входящие в состав двух электронных корпусов: пользовательский подкорпус на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпус турецких текстов, созданный в Техническом университете Среднего Востока — Middle East Technical University г. Анкары (METU Turkish corpus). Оба источника имеют приблизительное соответствие параметров репрезентативности и метафоричности, что делает межъязыковые сопоставления на данном материале возможными и правомерными.

Внебрачная связь как супружеская измена (адюльтер) традиционно воспринималась российским обществом как отрицательное, девиантное поведение [5]. В русском корпусе эта тема получает очень обширное метафорическое освещение. Найденные контексты

через разнообразные метафорические образы выражают осуждение супружеской измены с морально-нравственной позиции:

<...> внебрачные связи **подрывают** семью <...> [В. Шахиджанян, 1001 вопрос про ЭТО]; *Едва распустившись бутон любви уже пахнет **смердом измены**, сочится ядом ревности* [Н. Дежнев. В концертном исполнении]; *Когда изменяет мужчина — это **плевок** из семьи, когда изменила жена — это плевком в семью* [В. Шахиджанян, 1001 вопрос про ЭТО] и др.

Аморальное поведение субъекта, имеющего внебрачные связи, сближается с поведением животного, поскольку «образ аморального человека с зоопрототипом в его основе является в высокой степени системным образованием» [6]. Отсюда наличие в корпусе метафорических образов на основе терминов, обозначающих самку и самца у собак: *сучка/кобель*. Ср.:

*Его супруга наконец заметила маневры муженька — и презрительно сощурилась... Не может удержаться, **кобелина**: на глазах жены девочку снимает!* [Т. Моспан. Подиум]; *Гадалка сказала, что муж вернется к ноябрю, он и вернулся, — не о нем, кобелине, речь* [Д. Рубина. На солнечной стороне улицы]; *А твой холерный **кобель** лишь о том и думает, как на чужую бабу залезть* [Т. Моспан. Подиум]; *Я ведь на тебе чуть было не женился тогда, после Барвихи. А ты, **сука**, на немца перепрыгнула* [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве] и др.

Метонимически производный вариант воплощения образа, характеризующего жену в том же аспекте супружеской измены, представлен в следующем контексте:

*Чтоб как-то к женщине подмазаться, узнать о тайных замыслах ее, мы сделали упор на Крупскую, вслед за лайкой запустили ее в космос, посадили на бульдозер, дали равных денег, равных прав на брачную измену — адольтеры **диким лаем** пронзили наши дома до каждой панели!* [И. Мартынов. Разводящая].

В корпусе имеется также гендерно ориентированная зооморфная метафора *олень*, денотативно соотносящаяся с обманутым женой мужем. Этот образ (а также *рога* как его неотъемлемая часть) многократно обыгрывается в различных юмористических жанрах. Ср.:

*Жена: — Я подаю на развод! Муж: — Обоими **рогами** — за!* [Коллекция анекдотов: развод]; *Да вы только женитесь — и у вас будут **рога** больше, чем у оленя!* [А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания]; *Жена **наставила** мужу **рога**. Узнав об этом, он **откинул копыта*** [Коллекция анекдотов: семья]; *Доктор, я так волнуюсь, мне жена изменяет, а **рога** почему-то не **растут*** [Коллекция анекдотов: врачи]; *Пора домой, жена на измене, **Олень Делон!*** [С. Осипов. Страсти по Фоме].

В последнем контексте можно отметить языковую игру, основанную на созвучии лексемы *олень* с именем французского киноактера. В целом все зооморфные образы способствуют восприятию

супружеской измены как животного, неограниченного культурными рамками поведения.

В отдельную группу выделяются метафоры, условно обозначаемые нами как пространственные: измена в найденных контекстах ассоциирована с передвижением в пространстве — прогулкой, путешествием, военным или туристическим походом, т. е. освоением нового, вне-семейного пространства (*гулять, гулять на сторону, матримониальные походы, брачная вылазка, походы налево от супружеской кровати, ходить налево*). К примеру, ярким образом, концептуализирующим измену, является путешествие в космос:

Женитьба сына, хирургическое вмешательство, замужество дочери, смерть мамы, взбрык мужа, ошеломленного возникшими мужскими проблемами, и поиск выхода в «открытом космосе». Комета, с которой он столкнулся, была молода и слоняя, что было видно только со стороны. Вблизи эти слюны были ему медовыми устами [Г. Щербак. Lovestория].

Все вышеприведенные выражения передают смысл «временное, периодическое отсутствие с целью отдыха, смены обстановки, развлечения, и т. п.», иными словами, метафоры перемещения в пространстве не предполагают окончательного ухода из семьи, подразумевается такое же периодическое возвращение. Эту мысль хорошо иллюстрирует нижеприведенный контекст, где дополнительно присутствует метафора многоженства для характеристики поведения неверного мужа, имеющего многочисленных любовниц:

Одну из жен Корнелия можно было бы назвать базовой. Именно от нее он отправлялся в свои матримониальные походы и к ней, как правило, возвращался. В базовом лагере он некоторое время отдыхал, понемногу приводил в порядок снаряжение и амуницию — и снова вступал на опасную, но увлекательную тропу. Во время кратких передышек он успокаивал по телефону очередную покинутую жену, говоря, что живет с базовой «все равно как с соседкой» [М. Палей. Кабирия с Обводного канала].

Особого внимания заслуживает метафора *ходить налево*, которая придает супружеской измене отрицательные коннотации в связи с закрепленностью в русском языковом сознании бинарного противопоставления «правый ↔ левый» как отражения центральной нравственной антиномии «добро ↔ зло» [7; 8]. Интересно, что в корпусе данная метафора гендерно окрашена, т. к. употребляется для указания на измену мужа, а не жены. Некоторые исследователи связывают это с тем, что у левой стороны есть и традиционная феминная символика [9]. Все метафоры пространственного переме-

щения концептуализируют измену как движение вовне, за рамки установленной браком системы сексуальной жизни.

Интересен также образ любовницы. С одной стороны, он негативно окрашен, опять же с морально-нравственных позиций: это женщина, разрушающая семью, посягающая на то, что ей не принадлежит:

*Мама, а кто такая любовница? — А это **воровка** [Коллекция анекдотов]; ...любая любовница — **пиратский флаг** <...> [Б. Васильев. Дом, который построил дед].*

С другой стороны, концептуально важным метафорическим смыслом является внешняя красота любовницы, передаваемая через образы иноземной красавицы — Снежной Королевы, шамаханской царицы, Сольвейг и др. — источником метафоризации служат женские персонажи зарубежных сказок. Ср.:

*Мама сказала, что папу **поцеловала Снежная королева**, и сердце его замерзло. Она отвезла меня к тете Лене и поехала папу **отмораживать**. Через десять дней они вернулись. Папа был какой-то вялый, неразговорчивый. Мама сказала, что он еще не совсем **оттаял**... [М. Шварц. Старый диван]; Если жена легкомысленна, то муж непременно начнет шарить глазами по сторонам в поисках **сольвейг** [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО]; Но сначала папа твой отплыл на утлой лодочке с **нешамаханской царицей**, потом я хрустнула костями и пошла искать того, кто станет всем [Г. Щербакова. Моление о Еве].*

Любовница может быть воплощена и в образе русской красавицы, как, например, в следующем полиметафоричном контексте, в котором внебрачная связь и семейные взаимоотношения органично сплелись на фоне русской народной сказки:

*А как живешь? — **Как в сказке!** Дома теща — **Баба Яга**, жена — **ведьма**, соседка — **Василиса Прекрасная**, а ее муж — **Иванушка-дурачок** [Коллекция анекдотов].*

Можно отметить, что, по данным русского корпуса, при сохранении общего восприятия внебрачной связи как девиантного поведения, феномен супружеской измены одновременно предстает как нечто стихийное, природное, нерациональное. Ср.:

*Брак **бурный**, с многочисленными изменами с обеих сторон... [Ю. Безелянский. В садах любви]; Увы, безответственность в любых отношениях, вплоть до брачных, и **стихия измены** — это все от поисков своего, от самости [З. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня]; семейные узы несколько не мешали ему успешно продолжать свою любовно-вулканическую деятельность [Ю. Безелянский. В садах любви]; Она легко и просто изменяет своему мужу <...> Она живет одной жизнью с **природой**, как **здоровое и красивое животное**, не знающее о существовании моральных норм, равнодушное ко всему, что выходит за пределы его естественных потребностей [Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе] и др.*

Гендерное соотношение при метафорической концептуализации рассматриваемого феномена примерно одинаковое (неверный муж 48 %, неверная жена 52 %).

В турецком корпусе найдено только два метафорических контекста, имеющих отношение к супружеской измене. Оба контекста представляют измену как крайне аномальную ситуацию: первый через метафору болезни (*gecelik ilişkilerin agorafobisi* (досл. «агорафобия ночных связей»)), второй через образ яда:

<...> *bir insanın bir gün küçük miktarlarda aldığı bir zehire alışması gibi karısının diğer erkeklerin ilgisini çekmesine, onlarla kıskırtıcı konuşmalar yapmasına ağır ağır alışmıştı.* (Он потихоньку привык к тому, что его жена обращает на себя внимание других мужчин и ведет с ними провоцирующие разговоры, подобно тому как **привыкают к яду**, полученному однажды человеком **в маленьких количествах**) [A. Altan. Kılıç Yarası gibi].

При внимательном прочтении можно заметить, что в последнем контексте речь не идет о сексуальной внебрачной связи, а только о несколько «вольном» поведении жены с другими мужчинами. Однако аксиологические границы нормы и аномалии в турецкой и русской культуре не совпадают. Это становится понятным, если рассмотреть категорию *namus* (досл. «честь»), являющуюся одним из важнейших понятий турецкой аграрно-патриархальной системы ценностей [10]. Согласно этой категории, любой мужчина, кроме мужа (в том числе даже родственник) представляет угрозу для супружеской чести жены, и, соответственно, мужа. Как пишет исследователь, *namus* — это «неизменная величина, получаемая один раз, она дает человеку уважение и признание в обществе. Потеря ее непоправима» [Там же]. Женская честь материально воплощена в сексуальной непорочности, честь турецкого мужчины заключается в чести женщин (жены, сестер, дочерей), принадлежащих его семье [10; 11]. Согласно традиционным нормам аграрно-патриархальной морали, самозащита чести девушки, а особенно замужней женщины, заключается в сокрытии от других ее привлекательности (чадра, платок, скромная одежда), а также в сдержанном поведении по отношению к представителям противоположного пола — сопровождение при выходе из дома, избегание ситуаций, в которых она может остаться наедине с мужчиной [12]. Незаконная внебрачная половая связь (*zina*) вообще была недопустима, расценивалась как огромный грех и считалась поводом для кровной мести и убийств [13]. Греховность измены связывается также с тем, что

брак в исламской культуре считается богоугодным делом, «правильный» брак (в соответствии с нормами морали) приравнивается к служению Аллаху [14; 15]. Конечно, следует учитывать ярко выраженную тенденцию к «европеизации турецкой культуры», наблюдаемую на протяжении последних десятилетий в образе жизни нерелигиозно настроенной части турецкого общества (проживающей главным образом в крупных городах), в связи с которой, в частности, влияние понятия *patus* на жизнь людей значительной ослабевает [16; 17]. Таким образом, отсутствие метафорической концептуализации супружеской измены в турецких контекстах отчасти можно объяснить нормами традиционной патриархальной морали, отчасти канонами ислама, и наконец, хронологической и содержательной «бедностью» исследуемого корпуса турецких текстов.

В заключение отметим, что в русской культуре возможна внебрачная связь до официального заключения брака и даже без него. Речь идет о появившемся в советское время понятии «гражданский брак». Общая тенденция его употребления в русском корпусе позволяет считать его синонимом «обычного» брака или подготовительным этапом к нему (*пробный брак*). Однако при метафоризации обнаруживаются некоторые единичные отрицательные коннотации, указывающие на восприятие данного феномена как аномалии (греха) и обусловленные влиянием на русскую культуру православной концепции брака. Ср:

<...> Светлана Владимировна, про которую ты мне говорил, *сожительствоет в грехе* с Лористоновым. Это называется, кажется, гражданским браком. Или у нас все браки гражданские? [Н. Леонов, А. Макеев. Это дефолта]; <...> я не считая, что гражданский брак сам по себе является *блудом* [митрополит Антоний (Блум)]. Берегитесь, братья мои, священники!] и др.

С. А. Кидямкина отмечает, что такие отношения, как гражданский брак, в качестве нормы в русском менталитете еще окончательно не утвердились [18]. В турецком языке и культуре (и, соответственно, турецком корпусе), как уже упоминалось выше, нет соответствия данному понятию: такая ситуация априори является аномальной и недопустимой, в соответствии с нормами мусульманской морали [19; 20; 21]. Безусловно, данный тезис не носит абсолютного характера в современных условиях западного влияния на турецкую культуру.

Примечания

1. *Кидямкина С. А.* Семiosфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20 — начала 21 вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. С. 92.
2. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1.
3. *Кидямкина С. А.* Указ. соч.
4. *Березович Е. Л.* «Соломенная вдова»: семантико-мотивационный и лингвогенетический аспект // *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic linguistics*. Praha, 2012. С. 277–299.
5. *Коляскина Е. А.* Внебрачные связи и отношение к ним в русской деревне Алтая во второй половине XIX — первой половине XX вв. // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2013. № 373. С. 96–103.
6. *Орлова Н. В.* Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск, 2005. С. 137.
7. *Толстой Н. И.* Избранные труды. Том I. Славянская лексикология и семаиология. М, 1997. С. 151.
8. *Киселева И. В.* Правый и Левый в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. С. 15.
9. *Коляскина Е. А.* Указ. соч.
10. *Фернер М.* Эти паразитические турки. М., 2007.
11. *Сидорина Н. П.* Национально обусловленное в представлениях турок о семье и мире (на материале ассоциативного эксперимента) // *Русский язык за рубежом*. 2010. № 3. С. 49–54.
12. *Фернер М.* Указ. соч.
13. *Tezcan M.* Turk ailesi antropolojisi. Ankara, 2000.
14. *Сакр А. Х.* Семейные ценности в исламе. СПб., 2007.
15. *Tezcan M.* Op. cit.
16. *Напольнова Е. М.* Пространственная направленность в турецкой языковой картине мира // *Урало-алтайские исследования*. 2010. № 1 (2). С. 23–51.
17. *Фернер М.* Указ. соч.
18. *Кидямкина С. А.* Указ. соч.
19. *Napolnova Demiriz E.* Rusça ve Türkçe: iki dil, iki kültür. Istanbul, 2009.
20. *Сакр А. Х.* Ислам о браке и семейной жизни. СПб., 2006.
21. *Фернер М.* Указ. соч.

Metaphorical representation of adulterous relationship in Russian and Turkish linguistic world-image

The article focuses on the metaphorical conceptualization peculiarities of adulterous relationship on the basis of electronic Russian and Turkish text corpuses including texts of different genres and styles written during the period of 1990–2000. Metaphorical contexts are selected and analyzed according to the cognitive theory of metaphor. Analysis made into the connotations of metaphorical word usage shows a view of correlation between norm and anti-norm in Russian and Turkish linguistic world-image in reference to the phenomenon in question and confirms a particular importance of the category of honor for Turkish culture. The article examines marriage partners' deviant behaviour through individual metaphors created by the authors as well as traditional metaphorical symbols

with ambiguous connotations (zoomorphic, spatial, criminal, fabled and others). Data provided by the Russian text corpus allowed calculating the gender correlations in metaphorical representations of adulterer. A special attention is given to the concept of civil marriage as one of the manifestations of extra-marital relations before official marriage or without it. This notion is missing in the Turkish text corpus. General tendency of its utilization in Russian corpus shows that it is considered to be the synonym of normal marriage or its preparatory stage.

Keywords: linguistic world-image, conceptualization, cognitive linguistics, adulterous relationship, metaphor, metaphorical model, electronic text corpus, connotation, lexeme.

© С. С. Земичева
ТГУ, г. Томск

***Песня и музыка в речи диалектной языковой личности*¹**

В статье анализируются обозначения пения и музыки в дискурсе носителя традиционной народно-речевой культуры, сибирской крестьянки В. П. Вершининой. Основным методом исследования выступает лингвокультурологическая реконструкция, которая опирается на анализ оценочных и рефлексивных контекстов. Выявляются ценностные оппозиции («раньше» — «теперь», «свой» — «чужой»), в которые включены обозначения пения и музыки. В текстах находят отражение и такие особенности народной музыкальной культуры, как факультативность музыки при ведущей роли пения, преобладание коллективного исполнения над сольным, непрофессионализм ее исполнителей. Диалектную языковую личность характеризуют развернутые представления о сфере пения и достаточно редуцированные — о сфере музыки. Анализ функционирования номинаций музыки и пения показывает, что центральное место в текстах информанта занимает связь музыкального и вокального искусства с досуговой деятельностью, несколько реже актуализируется их обрядовая функция. Вокальное искусство осмысливается информантом с эстетических и этических позиций. Материал демонстрирует, с одной стороны, сохранение народной певческой традиции, с другой — ее трансформацию, а в ряде случаев — и разрушение, которое в свою очередь, становится объектом рефлексии диалектной языковой личности.

Ключевые слова: диалектная языковая личность, сибирские говоры, народно-речевая культура, пение, музыка.

Статья посвящена анализу обозначений пения в идиолекте носителя сибирского старожильческого говора В. П. Вершининой (1909–2004). В качестве источника использовались 4-х томный «Полный словарь диалектной языковой личности» под ред. Е. В. Иванцовой (Томск, 2006–2012) и записи спонтанной устной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

речи информанта, сделанные диалектологами Томской лингвистической школы (около 10000 стр.).

Глагол *петь* в значении 'исполнять голосом музыкальное произведение' является в идиолекте одним из наиболее частотных обозначений звука, входит в ядро соответствующего лексико-семантического поля. В его семантической структуре представлено 6 лексико-семантических вариантов, из которых 4 относятся к сфере человека ('исполнять голосом музыкальное произведение', 'произносить нараспев (о молитвах)', 'уметь издавать голосом музыкальные звуки'; переносное значение: 'говорить о чем-либо, не соответствующем действительности, красиво и убедительно'); 2 лексико-семантических варианта характеризуют звучание животного мира ('кукарекать', 'издавать гудение, жужжание (о насекомых)') [1]. В семантическом поле «пение» представлено 23 единицы (*петь, запеть, напеть, спеть, подпевать, попеть, петься, подтягивать, вытягивать, возгудать 'петь с увлечением', песня, песенка, частушка*). К периферии поля относятся обозначения лиц (*пе'сельник, пе'сельница, певчий*), обозначения способности петь (*голос*), акустических параметров звука (*высо'ко, звонкий*), в том числе образных (*аж деревня ко'лется, а'жно деревня раска'львается, как арти'ска, (и)зо всей силы*). В речи информанта зафиксировано 130 контекстов с номинациями пения. Обозначения музыкального звучания представлены меньшим числом единиц (*музыка, гармонь, баян, балалайка, духовой оркестр; гармонист, музыкант, артист, артистка*), они реже используются в речи (всего 30 контекстов).

Упоминания о пении, как правило, связаны с рассказами о праздниках, окрашены положительными эмоциями: *...да пляшут-то, да поют-то [во время святок] – ой! Красиво было. <...> И плясали, и пели, и плясали, и все делали. И собирали кто че. Кто цыгане... кто от... таки'. Гадали...* Пение выступает как признак удавшегося праздника, а также как часть праздничного ритуала, объединяющего людей:

Мы посидели. И песни тут всяки пели тоже, ой, всё! весело' было; Скамейку притащили'ли, и нас — Гутя, и Таня, и Коля, и я, Таня Сивохина, потом ешо' кто-то тут-ка... ну нас много. Таку' беду пели, да все натащили'ли, кто вино, кто са-могонку, кто че...

Глагол *петь* диалектоносите́ль использует и по отношению к исполнению молитв:

Веровала. Она [односельчанка] ходила читала, по поминкам. Молитвы все знала, пела; Она [мать] на кры'лосте пела, — кода' в церкви-то поют там, не'вчи-то — ты не видала? ну вот, она пела там; Молитву, поют там, ага [при крещении]. <...> Пропел, вокруг купели хо'дют, воло'ски ибстрига'т.

В подобных контекстах сохраняется связь пения с обрядовой деятельностью, причем субъектами действия выступают как профессиональные священнослужители, так и верующие односельчане, родственники говорящего.

Пение достаточно часто становится объектом рефлексии исследуемой языковой личности. Аспекты осмысления песенной традиции многочисленны. Обращает на себя внимание включенность пения в ценностную оппозицию «раньше — теперь», первый член которой маркирован положительной оценкой, а второй, как правило, отрицательной:

А раньше праздник какой — гуляют, хо'дют, по домам, поют, и танцуют и, и в гармонь играют, и все... А теперь че? Кто все вы'нет да... дома, да за углом да; Топерь ниче не поют. Молодежь-то не поют, не только старики; «Достойно» пели. От ишь, я уж не пою счас, и забуюю всё. Кода' так, те года, дак хоть где кого хоро'нут, я пойду, подпеваю, а счас... <...> «Су'шишу Богородицу тя велича-а-и'м!» — так на поми'нкав поют. Кода' хоро'нут кода' кого. Ну и так Богу мо'лются. А счас не мо'лются ниче. И попы не поют, и никого. [В церкви поют.] Ну в церкви-то поют.

Еще один аспект рефлексии — запреты и регламентации, касающиеся сферы пения. Одним из наиболее устойчиво сохраняющихся предписаний является отказ от пения в праздники, если в семье случилось несчастье (особенно — смерть родителей или детей):

...Ну, так от она, счас мать-то умерла, она не поёт; [А вы поёте?] Маленько раньше пела, а теперь... Как Миша [сын] разбился, так не стала петь.

При этом носитель диалекта не указывает конкретных сроков траура, однако можно предположить, что особенно большое горе (в частности, смерть ребенка) выступает, с точки зрения диалектной языковой личности, причиной отказа от пения навсегда. Стремление следовать этому запрету особенно четко проявлено в споре с односельчанкой:

Она мне говорит: «Ты-то чё, баптиска ли чё ли?» [потому что В. П. не поет на праздниках]. Я говорю: «Знашь чё, кумушка дорога' моя? Я говорю, тебя в задницу петух-то не клюнул, дак тебе хорошо, говорю, говорить. А ты рот бы не разинула. Говорю, у тебя горя-то никакого нету. Ну есь, конечно, недостатки, ну како' это горе да всё? Я говорю, ну не тако'». Говорю: «Помнишь, мы с тобой работали, песни пели «утром рано...» пели?» — «Ты меня прости»...

Негативная оценка пения возможно лишь тех случаях, когда это действие неуместно; примером подобного является пение во время похорон, нарушающее этические нормы:

«Худы' поминки были» <...> «А курле'ковска [живущая в Курле'ке] Галя взяла, гыт, балалайку да давай играть. Она, гыт, играть давай...» <...> А сын приехал Колин на машине — тоже выпил, да и... тоже, гыт, песни пел. А его прямо жена-то по губам [ударила]: «Че ты! Сдурел ли че ли?» <...> Я говорю: «Здо'рово вы там...» [неодобрительно].

Сходными причинами объясняется и негативная оценка средств массовой информации, в которых смешиваются церковные и светские тексты:

...теперь пошло'-то как всё. Все... по радио то молитвы, то музыка... Ой, то песни, то молитвы, то Богу мо'лятся. <...> Все перевернулось кверху тормашкой, и всё.

Объектом рефлексии становится и содержание песен. «Репертуар» упоминаемых или цитируемых диалектоносителем песен насчитывает около полутора десятков единиц, среди которых есть как популярные («День рожденья только раз в году», «Гори гори, моя звезда», «Дорогие мои старики», «Хлеб всему голова», «Перекаати-поле»), так и народные («С гор весною вода покатилась», «На разведку боевой», «А мы просу сеяли»). Наиболее частотны названия народных любовных песен («Сронила колечко», «Похолодало», «Из-под камня, камня серого», «Тропинка милая»). Интерес к данной проблематике обозначается также в контексте, представляющей собой пересказ сюжета любовной песни:

Хоро'ша ши'бко [песня], мне пон'равилась, а я ешо не слыхала. А Физа гыт: «Я её знаю». «На берегу реки стоял там домик... на берегу реки стоял там домик, жили рыбаки». Вот дальше уж я не знаю. И вот это... «Одна рыбачка...» — а там был охотник какой-то ешо, тут были рыбаки, а там охотник был. И охотник этот подружился с какой-то ... с другой... женой... с другой же'нишиной... ли как ли? Ли рыбак ли подружился с его женой? Однако, от так. <...> И вот... это... там цыганка гадала да, всю правду ему сказала, да все да это... Он ей раишыта'лся как с цыганкой да... — ну я то'ко не под склад ['не в рифму'], не подряд всё рассказываю. А потом она... «Тебя жена изменила», а он идет ит цыганки-то кода' шел, она у ворот стоит — поди' знашь ее [песню]? — у ворот стоит, «в объятии цалу'ется с другим»... С рыбаком. Это его жена, это охотника, с рыбаком, цалу'ется. И он вы'таишыл нож ли киньжал ли там, и «вонзил ей в грудь её. Она упала на грудь рыбака, и сказала: «рана глубока!». <...> Убил, зарезал он её, жену свою. И как-то там жили хорошо и ... «распалась вся семья и ... всё погибло». Его, наверно, посадили. <...> А я... вот задало'сь мне: «Упала, гыт, на грудь рыбака, упала и сказала: «Ох, рана глубока!».

В приведенном фрагменте говорящий дает оценку песне (хоро'ша), а также не только вспоминает, но и конструирует, до-

мысливает ее сюжет песни (*Его, наверно, посадили*). Можно предположить, что песня вызывает эмоциональный отклик, а ее слова фиксируются в памяти (*вот задалось мне*) в связи с тем, что тема измены для Веры Прокофьевны является личностно переживаемой.

В другом случае диалектоноситель соотносит собственную судьбу с сюжетом народной песни, центральным событием которой является измена любимого и расставание с ним (действительно имевшие место в жизни В. П.). Хотя текст песни несколько искажен, основная сюжетная канва ее в пересказе диалектоносителя сохраняется:

*За темным лесом, где гуляли мы вдвоём,
А я девчонка бессердечная [sic!],
Отчасти груб... глупая была,
А моя подружка бессердечная
Мою любовь постерегла.
Увела моего неверного
У всех подружков на глазах.
Судьба моя бескверная,
Куды' пожалуюсь пойду? <...>*

При этом рассказ о выборе песни для поздравления включает элементы рефлексии говорящего:

А потом Валя-то и говорит: «Теть Вера, а ты каку' песню любишь? Хоть бы песню заказали мы тебе». А я говорю: ну! Люблю, говорю... не люблю, а так, вроде, гля меня так... подходя'ишиа, я говорю это. «Тропинка милая, куды' ведешь, куды' зовёшь». Ой! Они: «и правда». А кака' она хоро'иша-то. Я прямо расстроилась.

Отрицательные эмоции, которые вызывает песня (*расстроилась*), не противоречат ее положительной оценке (*хоро'иша*). Основным критерием выбора становится уместность содержания песни (*подходя'ишиа*). При этом сам факт осмысления собственной жизни как соответствующей песенному сюжету может быть проинтерпретирован как признак серьезного, глубокого восприятия последнего.

Осмысляются и содержательные особенности определенного жанра. Так, информант обобщает содержание жанра частушки фразой *тако' все, против*, указывающей на злободневность, критическую направленность содержания современных политических частушек:

А тут песню пели — не слыхала? Частушки пели. Как-то... «Депутаты, гыт, собрали'сь... как-то... Как не стыдно вам, депутаты... Вы как-то собрали'сь... И на сессии, гыт, разругались, и даже подрали'сь». [Где пели?] Ну по радио. Много [восход. инт.] всё депутаты! «Это я, гыт, сама сочиняю». И оне'ть всё про депутатов, и как-то «Очистили наши карманы... всё цены дорожают, как-то цены поднимаются... И как-то... очистили всё наши карманы» — всё тако' всё, против.

Форма песен как таковая не становится объектом оценки и рефлексии, однако носитель народно-речевой культуры в ряде случаев отмечает вокальный талант односельчан, что свидетельствует о восприятии пения с эстетических позиций: *Поёт здо'рово, как артистка; Таня хорошо поет, Гуля... Ой, хорошо! Ой! Такой голос прямо зво'нкий; Ну Рая-то за грехи... она ши'бко поет, голос хороший, поёт*. Лишь в одном случае указывается на отсутствие таланта, которое, однако, не мешает исполнять народные песни: *У Маруси это голосу-то нету — она пе'сельница, бо'йка така', а песни тоже поет за всёй силы — высоко' так начина'т поет!* Отметим и наличие специальных обозначений *пе'сельница*, *пе'сельник*, со значением 'человек, любящий и умеющий хорошо петь': *Нина Васильевна попела, она пе'сельница, за грехи пе'сельница; Красивый был, пе'сельник, плясун прям такой!* Номинации профессиональных исполнителей (*певец*, *певица*) в речи В. П. Вершининой не зафиксированы.

Глагол *петь* может также характеризовать звучание животного мира (насекомых, птиц): *Мухи поют, пчёлы поют, и никого. Гудела, гудела муха; А петух на эту, на коню'шину залетел: «Ку-ку-ку-у!»*, — *там поёт*. При этом звуки домашних птиц могут получать символическую трактовку. Так, пение петухов предвещает радость: *Весёла ночь будет — петух де-то поёт*.

Однако обозначения пения в идиолекте не сочетаются с номинациями артефактов, способностью петь наделяются только живые существа. Хотя диалектоноситель упоминает отдельные музыкальные инструментов, типичные для народной культуры (*балалайка*, *баян*, *гармонь*), обозначения музыкального звучания артефактов практически отсутствуют. Номинации музыкальных инструментов сочетаются только с глаголами *играть*, *плясать*, *петь* (а не с глаголами звучания): *А они тут песни пели вся'ки-ра'зны, в гармонь играли; И она и в самостоятельности участвовала везде и... он с баяном, пойдут играют, поют... всё везде*. Такое словоупотребление объясняется, по-видимому, спецификой народной музыкальной культуры, в которой собственно музыка имеет вспомогательный характер, сопровождается пением и танцами.

Особую значимость в народной музыкальной традиции приобретает фигура гармониста: *Гармонис был лютый, плясун, ши'бко*

веселый был. При этом особо подчеркивается увлеченность своим делом, а также интенсивность игры:

Он гармонис присмертный, плясун, «всё, говорит, пропью, а баян не пропью»; А Проводы зимы седня, она говорит. <...> Плясали, да пели да... два гармониста было... Митрий Михалыч это там... — мозоли, гыт, были на рукав [от игры], они были у меня, Татьяна Лексеевна была и Тамара. Говорит: «У папки мозоли были на рукав». Вот до чё играл.

Общие обозначения организованного музыкального звучания единичны: *концерт* (6), *музыка* (4), *оркестр* (4). Лексема *концерт* при этом тесно связана с исполнением песен:

Я говорю: «<...> не пойду я. Кого пойду я там делать? Кто меня там не выдывал? Кого пойду?» — «Концерт будет, я'рски будут концерт тут ставить». [Они поют?] Угу, приезжали суды; И там петь стали песни эти, по заявкам концерт-то.

Упоминания оркестра связаны исключительно с похоронным обрядом и являются своеобразным знаком пышности, торжественности последнего:

Хорошо хоронили. Прямо, гыт, <...> духовой оркестр играл; На моги'лкав поют. <...> А кого и с музыкой хоронят, с духовым.

Существительное *музыка* чаще употребляется в более конкретном значении («аудиомагнитофон»). Его использование в ряде случаев маркировано негативной оценкой, осуществляемой по прагматическому критерию:

«Музыку...» — меня как кипятком ошпарило. А... Анька-то — картошки продала. <...> Сергею музыку надо [магнитофон]. Вот ишь какой рассудок: картошки продать, и музыку купить. А скотина — кормить чем?; А щас музыку купили. Я говорю: «Ну кака' же вам музыка?» <...> Ну, магнитофон какой-то, наверно. Ну, я говорю это: «Лу'че бы тележку дров купили».

Музыка как более абстрактное понятие ('звучание музыкальных инструментов') в сознании информанта связано со сферой СМИ, контексты имеют негативные коннотации: *«На заслуженном отдыхе, никакого споко'ю нету мне ниче. То там телеви'зер, то музыки, то то, то друго...»*. Музыка сближается с пением и противопоставляется молитве: *Все... по радио то молитвы, то музыка...; А мне чё-то не гля'нется: от прямо... молитвы читают, читают, читают, глядишь — музыка заиграла, песни запели...*

Обозначение *музыкант* единично, используется в нейтральном контексте: *Он кончил куды'-то та'мо-ка, музыкантом и всё... В клубе работал. В некоторых случаях диалектоносите'ль использует номинации более широкой семантики (артист, артистка):*

Вчара' вечером артистка [выступала по радио]. Восемьдесят лет исполнилось; Я от радио включу — прямо иш'бо — и слушаю, я же не включаю радио,

ложусь и слушаю, слушаю... Де пойму, де услышу, де не услышу, де пойму чё, де не пойму... Кого я пойму? Там [в]он таки' выступают артисты, грамотны.

Последний контекст подчеркивает дистанцию между носителем народно-речевой культуры и профессиональным исполнителем, характеристика «грамотный» выражает позитивную оценку, но имплицитно включает и семантику «чужого» (себя В. П. Вершинина регулярно оценивает как человека неграмотного, «темного»).

Выводы: среди обозначений организованного (музыкального) звучания в идиолекте носителя народно-речевой культуры представлены прежде всего номинации пения, которые образуют разветвленное семантическое микрополе. Диалектоноситель обращает внимание как на содержание, так и на форму песен, на способность петь, на уместность песни. Номинации пения в прямом значении чаще всего маркированы позитивной оценкой, песня осознается как благо, как то, что объединяет людей, как часть праздничного ритуала. Констатируется утрата песенной традиции, уменьшение роли пения в жизни. Способностью петь наделяются только живые существа (человек, птицы, насекомые), не упоминается о звучании музыкальных инструментов.

Номинации собственно музыкального звучания малочисленны и низкочастотны. Положительной оценкой окрашены лишь отдельные аспекты музыкального мира: *гармонь, гармонист, оркестр* (похоронный). При этом *музыка, оркестр, концерт* обычно воспринимаются как нечто чужое (в отличие от песни, которая является наиболее освоенным видом искусства для диалектоносителя). Существительное *музыка* чаще всего упоминается в контекстах с негативными коннотациями. Собственно музыкальный мир не становится объектом рефлексии, в то время как представления о песне достаточно подробны.

Примечание

1. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2009. Т. 3 С. 40–41.

The song and the music in speech of the dialect linguistic persona

This paper focuses on the analysis of nominations of singing and music in the discourse of the keeper of traditional folk-speech culture, the Siberian peasant woman V. P. Vershinina. The basic method is the linguoculturological reconstruction, which is based on the analysis of evaluative and reflexive contexts. The author analyses axiological oppositions («past — present», «own — strange») including nominations of singing

and music. The texts used in this research are full of peculiarities of the folk culture such as sufficiently reduced representation of music vs the leading role of singing, predominance of sing-along singing vs solo, and also unprofessional performance. The dialect linguistic persona characteristics include wide perceptions in the field of singing and sufficiently reduced perceptions in the field of music. The analysis of functioning of the song and the music nominations shows that central position in the texts of the informant is the link between the musical and vocal art with leisure activities, their ceremonial function is also actualized, but rarely. Vocal art is conceptualized by the informant with aesthetic and ethical positions. The material demonstrates, on the one hand, the preservation of folk singing tradition, on the other, its transformation, and even destruction in some cases, which in turn becomes the object of informant's reflection. Also such features of folk music culture as supporting role of music under the prevalence of singing, the predominance of the collective performance of the solo and non-professionalism of performers are reflected in oral texts.

Keywords: the dialect linguistic persona, Siberian dialects of Russian, folk speech culture, singing, music.

© Ю. В. Казарин, О. В. Стахова
УрФУ, Екатеринбург

Неволя и свобода в «Воронежских тетрадах» О. Э. Мандельштама¹

Статья посвящена идеографическому, лексико-смысловому и фоносемантическому исследованию функционально-денотативной ситуации, основанной на противоположении категорий «неволя» и «свобода» — в «Воронежских тетрадах» О. Мандельштама. Рассматривается специфика лингвистического выражения данных категорий в стихотворении «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», которое функционирует в текстовой парадигме стихотворений «Чернозем» и «Лишив меня морей, разбега и разлета...». Производится также фоносематический анализ анаграммы «Воронеж», определяются тип и вид анаграммы и выявляются функционально-денотативные и семантические параметры категорий «неволя» и «свобода». Глобальное ощущение мира, жизни, смерти, времени, культуры, истории и поэзии представляет собой единую, мощную, грандиозную и абсолютную метаэмоцию бытия, существования, страдания и мужества человека/поэта/гражданина, шагнувшего в бездну и увидевшего ее. Поэтическое познание О. Мандельштама в «Воронежских тетрадах» усиливается и ускоряется за счет слияния различных форм поэтического говорения, когда новый для поэта метод этико-эстетической гносеологии, или поэтического текстотворчества, произрастает одновременно и равносильно из закодированного (зашифрованного), из автометафорического и метаметафорического письма, а также из прямоговорения. Лексема «Воронеж» — это текстовая доминанта особого типа: данное слово организует одновременно в стихотворе-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

нии просодическое, звуковое, фонетическое, фоносемантическое (фоносемантическое), словообразовательное, грамматическое, лексико-смысловое, функционально-денотативное, а также сложное и многомерное парадигматическое, синтаксическое, строфическое, в целом текстовое, а также поэтологическое (антропологическое), антропологическое и культурологическое пространство. Системно-структурная и в целом функционально-эстетическая языковая организация поэтического текста, ее формы, функции и содержание в целом определяют направление, логику и методологию исследования функционально-семантических лексических множеств. Такой анализ стихотворения «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» и стихотворений Воронежского периода О. Мандельштама невозможно произвести без глубокого фоносемантического исследования текстов.

Ключевые слова: семантическое и денотативное пространство текста, идеографический анализ, анаграмма, фонографическая интерпретанта, текстовая доминанта, анаграмматическое содержание.

«Воронежские тетради» О. Э. Мандельштама уникальны прежде всего потому, что в стихотворениях, созданных в последние, трагические годы жизни поэта, произошло небывалое укрупнение всех разноприродных кодов поэтического текста/цикла/книги/«тетради» на основе синтеза категорий, явлений и состояний онтологического, антропологического, социально-исторического, этико-эстетического и культурологического характера. Личное, персональное в трех тетрадях Воронежского периода творчества О. Мандельштама репрезентировано и воспринимается одновременно как социальное, историческое и бытийное, когда эмоциональное (страх, чувство неминуемой гибели, любовь, ненависть и т. д.) трансформируется в метаэмоциональное.

Глобальное ощущение мира, жизни, смерти, времени, культуры, истории и поэзии представляет собой единую, мощную, грандиозную и абсолютную метаэмоцию бытия, существования, страдания и мужества человека/поэта/гражданина, шагнувшего в бездну и увидевшего ее. Поэтическое познание О. Мандельштама в «Воронежских тетрадях» усиливается и ускоряется за счет слияния различных форм поэтического говорения, когда новый для поэта метод этико-эстетической гносеологии, или поэтического текстотворчества, произрастает одновременно и равносильно из закадированного (зашифрованного), из автометафорического и метаметафорического письма, а также из прямоговорения.

В последнее десятилетие в мандельштамоведении появилось несколько работ, посвященных исследованию художественного мира О. Мандельштама [1], мира, пространства и времени поэта

[2], языка О. Мандельштама [3], поэтики позднего Мандельштама [4] и др. Мир и миры этого выдающегося поэта только начинают изучаться. Следует отметить, что достаточно полная система параметризации художественного мира О. Мандельштама до сих пор не создана в силу необычной сложности объекта, предметов и материала такого исследования. Художественный мир, поэтическая картина мира О. Мандельштама в «Воронежских тетрадах» — это уникальная система внутреннего мира поэта (ядро данной структуры) в функциональном единстве с мирами поэтологической, антропологической, антропологической, социологической, культурологической, этико-эстетической, хронопоической, исторической, персональной, личностной и др. природы.

2. Настоящая работа производится в русле теории, методологии и анализа текста, разработанных в Уральской семантической школе профессором Л. Г. Бабенко. Данное исследование посвящено выявлению, описанию и анализу функционально-денотативной, смысловой и ситуативной оппозиции «свобода — неволя» на материале стихотворения О. Мандельштама «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...».

Это стихотворение, написанное в апреле 1935 г. (третье стихотворение после «Чернозема» — текста опорного для первой «Воронежской тетради»), имеет сложную природу текстообразования — и архетекстуальную, и актуально-текстовую, и содержательную, и лингвокодovou. Данный текст, на первый взгляд, является игровым (архетекст — грубая поговорка «Воронеж — <...> догонишь», а также детская считалка: «Воркута — Воронеж — Ваньку не догонишь — Азия — Китай — А ну-ка — Вылетай!») и напоминает, а точнее — имитирует скороговорку («Воронеж — уронишь — проворонишь — выронишь — вернешь — Воронеж — блажь — Воронеж — ворон — нож). Однако если этот текст воспринимать не как игровой (хотя фонографическая игра здесь очевидна), а как закодированное послание или стихотворение, содержащее в себе, помимо языковых, коды/шифры специализированного характера, — то оказывается, что поэт создает текст-шифrogramму; причем делает он это сознательно. Если первые три строки созданы автором произвольно (под влиянием сложившейся в его жизни и судьбе тяжелой ситуации — арест, суд, ссылка, увечье, больница, перемена места ссылки с Чердыни на Воронеж, которая рано или поздно

должна разрешиться расстрелом, спасением, новым судом, помилованием, тюремным заключением и т. п. — степень неопределенности судьбы поэта очень высока), — в этих трех строках реализуется типичная для Мандельштама автометафора с двойной (множественной) референтной направленностью (антропоморфия ↔ реантропоморфия), — то последняя строка создается сознательно, произвольно, т. к. именно этот, четвертый, стих становится ключом к разгадке шифра, к декодированию: «Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...» (Многоточие здесь есть нулевой [потенциальный] текст, или фрейм текста-интерпретации читателя, воспринимающего данное стихотворение.

1. Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
2. Уронишь ты меня иль проворонишь,
3. Ты выронишь меня или вернёшь, —
4. Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Первые три стиха содержат в себе развернутую автометафору, в которой происходит два разнонаправленных процесса: а) опредмечивание, овеществление, «раздушевление» лирического субъекта и б) олицитворение города Воронеж. Данная метафора приводит к кардинальным грамматическим и словообразовательным изменениям топонима «Воронеж», который, на первом этапе (первые три стиха) олицитворяется и утрачивает свое топонимическое значение, а на втором этапе (четвертый стих) данная лексема обретает свойства нарицательности, неодушевленности, выражая одновременно предметно-вещественное значение («нож»), эмотивное («блажь») и мифологическое [символическое] («ворон»). Данное утверждение (стихотворение — загадка) подкрепляется семантикой (ситуацией, функционально-денотативными смыслами) стихотворений «Чернозем», «Я должен жить, хотя я дважды умер...», «Я живу на важных огородах...», «Наушнички, наушнички мои...», «Это какая улица...», «За Паганини длиннопалым...», «Кама (1, 2, 3)» и «Лишив меня морей, разбега и разлета...». В указанных стихотворениях присутствует иной способ поэтического познания, который не характеризуется высокой степенью закодированности; более того, в этих текстах преобладает прямоговорение. Ср.:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Май 1935

«Вы» — «власть», «НКВД», «Сталин» и т. п. — бессильны и не способны прекратить поэзию, звук, песню. Широкий функционально-денотативный контекст (типовая ситуация неволи, репрессий, беды) является повторяющимся во всех названных выше текстах, которые содержат в себе лексические знаки, объединяющиеся в функционально-семантическое поле «неволя, несчастье, беда» (ФСП мы понимаем как лексическое множество, «функционирующее во фразах, близких по смыслу, передающих одну экстралингвистическую ситуацию» [5]). Перечислим некоторые из них: *прокруха, обух, не умолить (ее), гниющая флейта, я дважды умер, город (от воды ополоумел), обиженный хозяин, гробовая доска, чужие люди, (своя жизнь) не близка (мне), язык пространства, сжато до точки, улица Мандельштама, фамилия чертова, кривозвучит (фамилия), (эта улица) эта яма, этот Мандельштам, (смычок) мнителен, (вальс) из гроба (в колыбель), с кошачьей головой в рту, три черта (ты четвертый), (на) разрыв аорты, с головою в огне, три конвойных, (мелколесьем) сожжен, пулеметно-бревенчатая (стая), долгополая шинель, охранять, лишить, упор (насильственной земли), отнять (губ шевелящихся, не смогли)* и др. Ассоциативно-вербальная сеть [6] в сознании читателя преобразовывается в функционально-денотативное поле (далее ФДП; функционально-денотативное поле нами понимается как определенное лексическое множество, выражающее однородную, тематически цельную ситуацию, включающую в себя как ядерные, так и периферийные денотаты, функционирующие в семантически завершенном текстовом пространстве). ФСП и ФДП формируются преимущественно за счет текстовых доминант [7], часть которых мы выявили в стихотворениях, входящих в циклический, или книжный («тетрадный») контекст рассматриваемого текста, в лексической сфере которого функционирует доминанта «Воронеж». Эта лексема повторяется в тексте трижды, а звукобуквенный комплекс (звуко-ряд, фонографическое единство) *врнж*, варьируясь, повторяется в тексте 10 раз.

3. Лексема «Воронеж» — это текстовая доминанта особого типа: данное слово организует одновременно — в стихотворении просодическое, звуковое, фонетическое, фоносмысловое (фоносемантическое), словообразовательное, грамматическое, лексико-смысловое, функционально-денотативное [8], а также сложное и

многомерное парадигматическое, синтаксическое, строфическое, в целом текстовое, а также поэтологическое (антропологическое), антропологическое и культурологическое пространство. «Воронеж» — доминанта уникальная и в «Воронежских тетрадах» (где есть еще 11 стихотворений подобного анализируемому тексту характера — характера прежде всего фоносемантического, анаграмматического), и во всем творчестве О. Мандельштама, и во всей русской поэзии «неавангардного» и «неэкспериментального» характера. Полистатусная природа этой лексемы порождает поливалентное и полифункциональное состояние данной единицы: лексема, словоупотребление, фоносема, типовой и базовый звукоряд, топоним, имя собственное (с грамматической мобильностью в процессе метафорического преобразования слова, слово-символ, слово-концепт, слово-ситуация, слово-культурема, идеологема и, наконец, слово-анаграмма.

Ассоциативно-вербальная сеть стихотворения представляет собой полевую систему и структуру. Лексическое основание этой ABC таково: *Воронеж / Воронеж / Воронеж* → *пусти / отдай / уронишь / проворонишь / выронишь / вернешь* → *ты / Воронеж* → *меня* → *Воронеж / блажь / ворон / нож*. Денотативное основание ABC: *неволя* → *произвол* → *полный произвол* → *гибель*.

В целом данное стихотворение представляет собой сложный, многоуровневый код, ключом к открытию которого является четвертая строка: «Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...» Поэт, явно отождествляя свою личность (и свое личное, персональное) с личностью персонажа/лирического субъекта, репрезентирует глобальную ситуацию «Судьба поэта», личностную ситуацию «Судьба моя как судьба поэта и судьба человека» и конкретную, реальную хронотопическую ситуацию «Ссылка поэта в Воронеж/в Воронеже». О. Мандельштам дает, во-первых, ключ к пониманию объекта/субъекта/места «Воронеж» и, следовательно, — ключ к расшифровке фонетически маркированных лексем *Воронеж, уронишь, проворонишь, выронишь, вернешь*, а также лексем *блажь, ворон, нож*, функционирующих в четвертой, последней строке этого стихотворения; во-вторых, поэт предлагает ключ к расшифровке всех трех видов ситуации; в-третьих, и это самое важное, автор демонстрирует слово *Воронеж*, его фонографическую природу анаграммы.

Феномен и природа анаграммы исследуется со времен Ф. де Соссюра [9] до наших дней [10]. В данном случае мы имеем дело с поэтической анаграммой, которая в стихотворениях О. Мандельштама «выражается фонографическими редупликационными рядами и анаграмматическими единицами и рядами» [11]. Нами разработана классификация видов анаграммы [Там же], которая включает следующие: фоноанаграмма (фонографическая интерпретанта выраженная повторяющейся звукобуквой); слоговая анаграмма (фонографическая интерпретанта, выраженная повторяющейся морфемой); лексическая анаграмма (фонографическая анаграмма, выраженная цельной лексемой/лексемами); комплексная анаграмма (фонетическая анаграмма, выраженная фонографическими единицами, имеющими разный статус и функционирующими совместно (звукобуква, звукобукворяд, фонослог, фономорфема и фонолексема). (Другие виды анаграммы представлены в нашей работе, посвященной фоносемантике поэтического текста [12].

Анаграмма *Воронеж* представляет собой комплексное фонографическое выражение анаграмматического содержания данной единицы: устойчивый консонантный аллитеративный звукокомплекс *врнж/ш* и его варианты *рнш, рврнш, врнш, жс, врн, нж*. Консонантный комплекс представлен повторяющимися звукобуквами *о, е, ё*. Лексема *Воронеж* является носителем доминантного звукобуквокомплекса *врнж* и представляет собой константу (по У. Эко [13]), или фонографическую доминантную интерпретанту, которая определяет функционирование всего стихотворения (и план выражения, и план содержания) в его бинарной ипостаси: а) текста зашифрованного и б) текста интерпретируемого и декодированного. Анаграмма *Воронеж* содержит в себе в свернутом виде ряд фонографических фрагментов, которые находятся одновременно в потенциальном, в полифункциональном, в полипарадигматическом и в полиденотативном состоянии. Выделим эти единицы из фонографической лексемы, следуя методике поэта, который раскрыл ее и продемонстрировал в последней строке текста: «Воронеж — ворон, нож», т. е. ВОРОНеЖ и ворОНеЖ (*нож*). Вот ряд данных производных (производящий фонографический ресурс — анаграмма *Воронеж*) фонографических лексем: *вор, ор, ров, ворон, норв, нерв, вон* (модальное слово + дейктическое), *жор, нож, верно, рожон*

(шест на площади, где приводились казни в Древней Руси); далее, учитывая фонетические варианты, которые дают звукобуквы на основе регулярных фонетических чередований исторического и позиционного характера, перечислим варианты фонографические лексемы: *реж(ь)*, *вреж(ь)*, *рож(ь)*, *вер(а)*, *вер(ь)*, *ж(ё)рнов*, *жен(а)*, *в(е)н(а)*, *в(и)н(а)*, *в(и)но*, *нор(а)*, *ж(а)р*, *нев(а)*, *шов*, *шор(ы)*, *рож(а)* и др. Таким образом, анаграмма *Воронеж*, формируя семантическое, функционально-денотативное, образное и концептуальное пространство, также организует новое, иное — фоносемантическое — пространство, которое воспринимается прежде всего фонографически, затем анаграмматически (анаграмматическое содержание текста) и, наконец, ассоциативно-семантически и интерпретативно. Полиинтерпретативность данного стихотворения очевидна: анаграмматическое содержание (фоносемантика) углубляет и расширяет общую смысловую систему текста. Производные фонограмматические «слова» и «словоформы» с учетом общего противоположения генеральных смыслов стихотворения («неволя — свободы») делятся на две группы: «Неволя («гибель»)) и «Свобода» («Жизнь», «Поэзия» и т. п.). Функционально-денотативная группа «Неволя» представлена 16 анаграмматическими вариантами; ФДГ «Свобода» включает в себя 12 единиц (отметим, что количество анаграмматических вариантов не является окончательным и определяется множеством факторов, условий и способов выделения таких единиц из слова-анаграммы). Поэт, таким образом, закодировал два глубинных, невербальных смысла, имеющих интенциональную природу: а) гибель неизбежна; б) поэт гибнет (как человек) — поэзия (и поэт, как следствие) остается свободной, вечной и живой.

Системно-структурная и в целом функционально-эстетическая языковая организация поэтического текста, ее формы, функции и содержание в целом определяют направление, логику и методологию исследования функционально-семантических лексических множеств. Такой анализ стихотворения «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» и стихотворений Воронежского периода О. Мандельштама невозможно произвести без глубокого фоносемантического исследования текстов. Последний период творчества поэта был детерминирован и обусловлен в сфере поэтического текстотворчества расширением и доминированием в системе тексто-

вой личности О. Э. Мандельштама фонетической, фонологической и фоносемантической языковой способности, которая интенсифицировала активацию, рост и реализацию остальных макро- и микрокомпонентов языковой личности великого поэта.

Примечания

1. *Бреева Т. Н.* Художественный мир Осипа Мандельштама: учеб. пособие. М., 2013.
2. *Панова Л. Г.* Мир, пространство, время в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.
3. *Успенский Ф. Б.* Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама. М., 2014.
4. *Семенко И.* Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту). Roma, 1986.
5. *Бабенко Л. Г.* Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1980. С. 5; *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989; *Бабенко Л. Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система: дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1990.
6. *Арнольд И. В.* Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., 1984; *Гиришман М. М.* Литературное произведение: теория художественной целостности. М., 2002.
7. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975; *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста М., 1988; *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.
8. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.; Екатеринбург, 2004.
9. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / пер. с фр. М., 1977.
10. *Векишин Г. В.* Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М., 2006; *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996; *Иванов Вяч. Вс.* Об анаграммах Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 635–638; *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка: опыт системного осмысления. М.; Пенза, 1995; *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
11. *Казарин Ю. В., Гоголева И. О.* Анаграмма в поэзии О. Э. Мандельштама // V Информационная школа молодого ученого: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2015. С. 170–176.
12. *Казарин Ю. В.* Проблемы фоносемантики поэтического текста: учеб. пособие. Екатеринбург, 2000.
13. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

Imprisonment and freedom in “The Voronezh Notebooks” by O. Mandelshtam

The article discusses the ideographic, lexical and phonosemantic analysis of the functional-denotative situation in Mandelstam's Voronezhskiy tetrad (The Voronezh Notebooks) based on the opposition of categories of “imprisonment” and “freedom”. The analysis describes the specific way these categories are linguistically expressed in the poem “O let me go, Voronezh, O return me” (“Pusti menya, otдай menya, Voronezh”).

This poem functions in the textual paradigm of poems “Black Earth” (“Chernozem”) and “Lishiv menya morei, razbega i razleta”. The article also analyses phonetic-semantic aspects of the anagram “Voronezh”, defines the type and kind of this anagram and describes functional, denotative and semantic parameters of the categories “imprisonment” and “freedom”. The global perception of the world, life, death, time, culture, history and poetry is one powerful, tremendous and absolute meta-emotion of existence, suffering and courage of a human / poet / citizen, who took a step into the void and saw it. Mandelstam’s poetical perception in Voronezhskiy tetradi (The Voronezh Notebooks) is empowered and accelerated by the fusion of different forms of poetical speaking: the new method of ethical and aesthetical gnoseology and poetical creation takes roots in the encrypted (coded), auto-metaphorical and meta-metaphorical writing at the same time, and also from the act of direct speaking. The lexical unit “Voronezh” is a special textual dominant. This word organises prosodic, phonetic, phono-semantic, word-building, grammatical, lexical and semantic, functional and denotative and also complex and multidimensional paradigmatic, syntactic, strophic and the whole textual and poetological (antropological), antropolinguistic and culturological space. The systemic-structural and functional-aesthetic linguistic organisation of a poetical text, its forms, functions and content determine the logic and methodology of how functional and semantic linguistic sets are studied. Such analysis of Mandelstam’s poem “O let me go, Voronezh, O return me” (“Pusti menya, ot dai menya, Voronezh”) and other Mandelstam’s poems of the Voronezh period is impossible without a thorough phonosemantic study of the texts.

Keywords: semantic and denotative space of the text, ideographical analysis, anagram, phonographic interpretant, textual dominant, anagrammatic content.

© Ю. В. Казарин, М. Е. Якимова
УрФУ, г. Екатеринбург

Любовь и смерть в рок-поэзии Земфиры¹

Статья посвящена исследованию природы рок-поэтического текста, а также идеографическому описанию функционально-денотативных классов субстантивной, глагольной и адъективной лексики в текстах Земфиры, выявлению эмотивных лексических доминант и констант. Содержит в себе признаки рок-поэтического текста, особенности реализации лексических смыслов в рок-поэтическом тексте, а также определяются перспективы работы над словарем языка поэта/певицы Земфиры. Рок-поэтический текст является мутационной разновидностью поэтического. Если интенционально и архитекстуально поэтический текст генетически восходит к ритуальному, религиозному, мифотворческому и художественному видам деятельности, то рок-поэтический текст выделился в качестве самостоятельного из парадигм песенного поэтического текста, имеющего сложную природу одновременно и фольклорного, и культурно-цивилизационного характера. Поэтический и рок-поэтический текст различаются и в системном, и в структурном, и в

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

функциональном отношении. «Любовь» и «смерть» в поэзии Земфиры — это доминирующие функционально-денотативные смыслы, которые в своем высокочастотном функционировании приобретают статус констант. «Любовь» и «смерть» в рок-поэзии Земфиры — это функционально-денотативные константы, которые определяют, во-первых, системность, структурность и функционирование всех лексических единиц, а во-вторых, обуславливают наличие в рок-поэзии Земфиры сложной, комплексной, противоречивой и доминирующей во всем ее рок-поэтическом творчестве метаэмоции «любовь — смерть» или «смерть — любовь», когда лидерное положение данных контекстуальных смыслов определяется прежде всего творческой интенцией поэта-певицы, а также архитектуральностью и онтологическим наполнением / содержанием данной языковой, текстовой и музыкальной личности.

Ключевые слова: рок-поэтический текст, идеографическое описание, функционально-семантическое поле, лексическая доминанта и константа, функционально-денотативный анализ, словарь языка поэта.

Данная работа выполнена в теоретических и методологических традициях Уральской семантической школы, возглавляемой профессором Л. Г. Бабенко.

Статья посвящена описанию особенностей рок-поэтического текста и индивидуально-авторского тезауруса Земфиры. Настоящее исследование представляет собой начальный этап, предвещающий основную комплексную работу по составлению словаря языка Земфиры.

Рок-поэтический текст есть результат синтеза двух текстов — поэтического и музыкального. Если поэтический текст в настоящее время исследован достаточно разносторонне и глубоко (теоретически, методологически и т. д.), то рок-поэтический текст нуждается в более полном описании его признаков, качеств и свойств, его формальной и содержательной поэтики и его синестетической, бинарной (язык и музыка) природы — природы текста, по сути своей, креолизованного. Качества и признаки текста (и поэтического в том числе) описаны такими учеными, как Ю. М. Лотман [1], И. Р. Гальперин [2], Л. Г. Бабенко [3] и др. Рок-поэтический текст остается сегодня сверхакзальным предметом текстоведения, лингвистики и культурологи текста. Рок-поэтический текст был объектом исследования в работах таких ученых, как С. Л. и А. В. Константиновы [4], О. Ю. Сурова, И. В. Кормильцев [5], С. В. Свиридов [6] и др.

Прежде всего следует отметить, что рок-поэтический текст является мутационной разновидностью текста поэтического. Если

интенционально и архитекстуально поэтический текст генетически восходит к ритуальному, религиозному, мифотворческому и художественному видам деятельности, то рок-поэтический текст выделился в качестве самостоятельного из парадигмы песенного поэтического текста, имеющего сложную природу одновременно и фольклорного, и культурно-цивилизационного характера. Поэтический и рок-поэтический текст различаются и в системном, и в структурном, и в функциональном отношении:

1. Поэтический текст имеет автономную и независимую системную организацию, тогда как рок-поэтический текст имеет систему открытого характера, детерминированную другой системой — системой музыкального текста.

2. Структурная валентность компонентов и единиц поэтического текста имеет имманентный характер, тогда как структурная валентность компонентов и единиц рок-поэтического текста прежде всего направлена на синтетическое, совместное функционирование данных единиц с единицами и компонентами музыкального текста. Можно ли идентифицировать и определять рок-поэтический текст как текст бинарный или как некий «полутекст»? Степень культурологической и текстовой свободы поэтического и рок-поэтического текстов — различная, и это очевидно. Однако есть случаи, когда рок-поэтический (и шире — песенный; например песни/стихи В. Высоцкого) функционирует в качестве поэтического, в форме изъятия из музыкального текста стихотворения (ср. тексты «Би-2», Ю. Шевчука, В. Цоя, Дж. Леннона, Дж. Моррисона и др.)

3. Рок-поэтический текст, в отличие от поэтического/вербального, имеет двойную просодическую систему — вербально-дискурсивную (ритм, рифма, строфа и т. д.) и музыкальную. Данная бинарная просодическая системность усиливается (прежде всего в функциональном отношении) индивидуально-авторской просодией вокалиста и музыкантов. Поэтический текст имеет просодию моносистемного характера. Просодичность как качество поэтического текста, таким образом, гипорболизируется, удваивается в рок-поэтическом тексте.

4. В лингво-просодическом отношении рок-поэтический текст обладает языковой, грамматической и смысловой дискретностью/фрагментарностью, когда смысловые, грамматические и язы-

ковые лакуны компенсируются (заполняются) элементами музыкального текста.

5. Рок-поэтический текст имеет двойную мерно-ритмическую природу, обусловленную ритмом музыкальным, что влияет на реконструкцию синтаксических единиц и комплексов в вербальном тексте.

6. Рок-поэтический текст, в отличие от поэтического, структурирован строже. Модель **увертюра — куплет — припев — финал** обуславливает наличие в данном тексте множественных повторов, а также зеркальных и кольцевых фигур композиции текста.

7. Такие качества поэтического текста, как идиоматичность, воспроизводимость, цельнооформленность усиливаются за счет функционирования в рок-поэтическом тексте бинарных систем и структур просодии, композиции и редупликации.

Таким образом, рок-поэтический текст, являясь разновидностью поэтического текста, обладает специфическими системно-структурными и функциональными свойствами, которые, с одной стороны, ограничивают вербальность в количественном отношении (дискретность вербальных рядов в песне) и, с другой стороны, усиливают качество смыслового выражения единиц языка за счет бинарных структур просодии, композиции, а также за счет таких качеств рок-поэтического текста, как синестетичность и креолизованность (синтез языка и музыки).

Следует отметить, что рок-песня и песня вообще не являются той или иной суммой текста музыкального и текста вербального: данный феномен — это результат сложнейшего многоступенчатого и многослойного синтеза звучания языкового и музыкального, просодии (в целом: и ритм, и метр, и др.) языковой и музыкальной, композиции языковой и музыкальной (редупликационного характера), жанровой специфики и музыкального и текстового содержания. Функциональным двигателем такого синтеза является гармония, совместившая в себе гармонию вербально-текстовой организации и гармонию музыкальной, тонической, мелодической природы. Такой тип синтезированной гармонии основывается на факторах, имеющих характер общей для данного вербально-музыкального текста интенции, общий этико-эстетический сценарий и общее лингво-культурологическое наполнение.

Рок-поэтический текст, таким образом, может быть рассмотрен как вербально-текстовая сфера цельного, связанного и завершённого музыкально-вербального, синестетического, креолизованного текста.

Рок-поэтический текст включает в себя, как текст поэтический, три структурных макрокомпонента, или пространства: культурное, языковое, эстетическое [7]. Текст, по мысли Л. Г. Бабенко [8], среди прочих содержит в себе семантическое и денотативное пространство, единицы которого (смыслы и денотаты) в процессе функционирования (восприятия и интерпретации) образуют функционально-семантические и функционально-денотативные объединения — классы (на лексической основе).

Данное исследование функционально-денотативного пространства рок-поэтических текстов Земфиры опирается на теорию и практику идеографического описания и анализа лексики в тексте, разработанные Л. Г. Бабенко [9] и И. А. Стерниным [10]. Материалом исследования послужили 428 субстантивных, 294 глагольных и 89 адъективных словоупотреблений (всего 811 текстолексем в 90 рок-поэтических текстах). Нами рассмотрены только ведущие (с точки зрения лексико-грамматической, контекстной и текстовой семантики) части речи.

В процессе исследования лексики определялось лексическое, контекстное и смысловое значение данного слова. Ср. существительное **змея**:

а) лексическое значение: 1. 'пресмыкающиеся с длинным извивающимся телом, без ног (обычно с ядовитыми железами в пасти); 2. «О коварном, хитром злом человеке» [10]. Отметим, что в контексте *«Пусть ты не случился / Я не жалею / Я привыкаю / Рыбы и змеи / Сколько их будет / В этом романе...»*, — реализовано 2-е, переносное, образное значение антропоморфного характера.

б) Контекстные значения: 1. 'персонаж в романе' 2. 'Один из участников любовного «романа», любовных отношений', 3. 'Человек, скорее женщина, который рано или поздно встретится автору/лирическому субъекту в жизни', 4. 'Человек, коварный и хитрый, который вторгается в любовные отношения, который будет интриговать и мешать автору/лирическому субъекту работать, петь, любить, жить и т. п.'.

в) Текстовое значение (смысл): ‘Человек, мужчина или женщина, коварный хитрый и злой, который в будущем не позволит автору/лирическому субъекту любить, петь и жить в полную силу’.

Все указанные значения являются эмоционально, экспрессивно, социально и бытийно оценочными.

Лексика в статусе текстом [12] в поэтическом, рок-поэтическом тексте обладает высокой степенью смысловой пересекаемости, которая обеспечивается прежде всего наличием в слове-тексте денотативной, семантической и в целом функциональной поливалентности. Поэтому парадигма значений, денотатов, смыслов и функций существительного **змея** определяет функционирование данного смыслового комплекса одновременно в нескольких функционально-денотативных сферах, таких как «Человек», «Эмоции», «Оценка» и «Искусство».

Идеографический (с использованием статистического) анализ существительных, глаголов и прилагательных, функционирующих в рок-поэзии Земфиры, позволил выявить основные и периферийные зоны функционально-денотативной сферы 90 рок-поэтических текстов. Распределение функционально-денотативной отнесенности слов основных частей речи следующее:

- **Существительные:** сфера внутреннего мира человека (88), человек как живое существо (79), восприятие окружающего мира (46), социальная жизнь человека (27), искусство (24), неживая природа (24), вещества и материалы (20), населенный пункт (18), язык и речь (17), универсальные смыслы и представления (16) и др.

- **Глаголы:** деятельность (141), бытие, состояние, качество (107), отношения (53); в данных сферах лидерными оказывается движение (49), интеллектуальная деятельность (28), физическое воздействие на объект (28), социальная деятельность (18) и др.; эмоциональное состояние (53), межличностные отношения (49) и др.

- **Прилагательные:** внутренний мир человека (50), человек как живое существо (6), социальная жизнь человека (4) и др. Лидерирующие сферы: эмоции (38), оценка (12), зрительное восприятие (7), время (4), пространство (4), возраст (4) и др.

Идеографическое исследование (анализ и классификация) субстантивной, глагольной и адъективной лексики в поэзии Земфиры позволяет произвести моделирование трех функционально-

семантических полей и установить, что ядерные зоны данных полей представлены сферой «Эмоции», а также обнаружить зоны пересечения, которые заполняются сферами «Время», «Искусство», «Интеллект», «Восприятие», «Язык и речь», «Оценка» и др. Такая высокая степень пересекаемости зон данных функционально-семантических полей позволяет выявить основные параметры и характеристики внутреннего мира поэта/певицы, ее поэтической картины мира. Эти параметры и характеристики структурируются вокруг текстовых доминант, выражающих основные эмотивные доминанты и смыслы «любовь» и «смерть». Противоположение данных функционально-денотативных смыслов имеет очевидно системный характер и поддерживается, интенсифицируется другими, занимающими приядерное и периферийное положение, объединениями (функционально-денотативными группами), в которые вошли представители таких сфер, как «Время», «Интеллектуальная деятельность», «Искусство», «Оценка», «Язык и речь» и др.

«Любовь» и «смерть» в поэзии Земфиры — это доминирующие функционально-денотативные смыслы, которые в своем высокочастотном функционировании приобретают статус константы. «Любовь» и «смерть» в рок-поэзии Земфиры — это функционально-денотативные константы, которые определяют, во-первых, системность, структурность и функционирование всех лексических единиц, а во-вторых, обуславливают наличие в рок-поэзии Земфиры сложной, комплексной, противоречивой и доминирующей во всем ее рок-поэтическом творчестве метаэмоции «любовь — смерть» или «смерть — любовь», когда лидерное положение данных контекстуальных смыслов определяется прежде всего творческой интенцией поэта-певицы, а также архитектурностью и онтологическим наполнением/содержанием данной языковой, текстовой и музыкальной личности.

Текстологическое описание рок-поэтического текста, идеографическое исследование лексики, лексико-смысловой анализ — это начальный этап работы над словарем языка поэта/певицы Земфиры. Такой словарь также предполагает создание «словарной статьи», или универсальной модели описания поэтического языка, которая должна учитывать исследование просодических особенностей, рок-поэтической стилистики, грамматики и семантики. Кроме того, необходимо определить систему парадигм знаков рок-поэтического

текста, создать модель лексикографического описания единиц различной природы в системах **поэтический дискурс — поэтический язык — поэтическая семантика**, а также разработать структуру, содержание и объем словаря языка поэта.

Произведенное исследование лексики в рок-поэтических текстах Земфиры является начальным этапом работы над словарем языка поэта.

Примечания

1. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Ленинград, 1972.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.
3. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М., 2004 .
4. *Константиновы А. В. и С. Л.* Рок-поэзия как тип текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, 1999. С. 13–20.
5. *Кормильцев И. В., Сурова О. Ю.* Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская поэзия: текст и контекст: сборник науч. тр. Тверь, 1998. С. 5–33.
6. *Свиридов С. В.* Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 6. Тверь, 2002. С. 9–14.
7. *Казарин Ю. В.* Филологический анализ поэтического текста. М., 2004.
8. *Бабенко Л. Г.* Указ. соч.
9. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
10. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
11. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2001.
12. *Казарин Ю. В.* Указ. соч.

Love and Death in Zemfira's poetry

The article discusses the nature of a rock-poetical text. It also ideographically describes functional-denotative classes of substantival, verbal and adjectival lexis in Zemfira's texts and states emotive and lexical dominants and constants of those texts. The article presents characteristics of a rock-poetical text and particular ways lexical meanings are realized in such texts. The article also outlines possible ways of development of the poet's lexicon. Rock-poetical text is a mutated variation of a poetical text. If a poetical text genetically roots into ritual, religious, myth-creating and artistic activities in terms of intention and arch-text, a rock-poetical text belongs to the paradigm of song poetical text that has a complex nature of folk, cultural and civilizational character. A poetical and a rock-poetical texts differ in terms of both system and structure. In Zemfira's poetry "love" and "death" are the dominant notions, and they are used so frequently that they become constants. In Zemfira's poetry "love" and "death" are functional and denotative constants that, firstly, define the system and structure of lexical units and the way they function; secondly, determine the presence of a complex meta-emotion "love — death" and "death — love" in Zemfira's rock-poetry, when the leading position

of these contextual meanings is determined by the creative intention of the poet and singer, and also arch-textual and ontological content of this linguistic, textual and musical persona.

Keywords: rock-poetical text, ideographic description, functional-semantic field, lexical dominant and constant, functional-denotative analysis, poet's lexicon.

© **В. В. Катермина**
КубГУ, г. Краснодар

Гастрономическая картина мира в творчестве А. П. Чехова

В последнее время кулинарно-гастрономическая лексика и ее функционирование в языке привлекает пристальное внимание ученых-лингвистов.

Национальные гастрономические предпочтения сохраняют свою специфику и отражаются в культуре и языке. Ценностная картина мира строится в каждой лингвокультуре на основе концептуальной картины мира, которая актуализируется в языке народа. Первичной и основной областью появления и существования ценностей культуры является быт, в ядре которого как витально значимый феномен находится гастрономия, рассматриваемая как комплекс процессов добывания, приготовления и потребления продуктов питания.

Художественный текст отражает языковую личность автора, служит адекватным транслятором национальных концептов, создавая представление о национальной картине мира. Мы считаем, что в авторской картине мира отражена реальность, прошедшая через призму творческой мысли. Художественная картина мира, таким образом, включает в себе образ мира и отображает человеческое бытие через текст художественного произведения. Обращение к творчеству великого русского писателя А. П. Чехова позволяет выявить как некоторые особенности его языковой личности, так и увидеть в индивидуальном стиле его текстов черты, присущие всей языковой общности.

Ключевые слова: гастрономия, картина мира, языковая личность, художественный текст, функция, культура, язык

Гастрономическая лингвокультура представляет собой один из объемных и перспективных объектов исследования в современной лингвистике. В современную эпоху глобализации перед каждым этнокультурным сообществом стоит проблема сохранения национальной идентичности наряду с потребностью в лучшем понимании особенностей других этносов. Национальные гастрономические предпочтения сохраняют свою специфику и отражаются в культуре и языке. Ценностная картина мира строится в каждой лингвокультуре на основе концептуальной картины мира, которая актуализируется в языке народа. Первичной и основной областью появления и существования ценностей культуры является быт, в

ядре которого как витально значимый феномен находится гастрономия, рассматриваемая как комплекс процессов добывания, приготовления и потребления продуктов питания [1]. Ситуация потребления пищи национально обусловлена, отражает этнические, культурные, социально-религиозные особенности народов. Разноязычные гастрономические тексты представляют обширное поле для лингвистических исследований.

По мнению исследователей, сфера «пища» есть не что иное, как «1) когнитивная система, представляющая собой конгломерат ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей глоттонии, т. е. потребления и поддержания жизни Ното Consummatus — Человека Потребляющего; 2) особая знаковая система, состоящая из достаточно четко иерархизованных знаков, имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию», как пишет А. В. Олянич [2].

Мы согласны с мнением авторов монографии «Лингвокультура немецкой глоттонии» Н. П. Головницкой и А. В. Олянича в том, что «пища выступает одним из наиболее значимых концептов, предопределяющих само существование этнокультуры, а стало быть, в значительной мере формирует ее лингвосомиотическую систему и систему коммуникации» [3].

С введением понятия языковой личности началось описание индивидуальных языковых картин мира отдельного человека или ограниченной социальной группы. Эстетическое освоение мира как отражение мировидения отдельного писателя также стало пониматься и интерпретироваться как индивидуальная (поэтическая) картина мира [4].

Картину мира писателя, отраженную в его произведениях, принято называть художественной картиной мира. По мнению Е. Р. Варакиной, такое наименование не соответствует действительности. «Картина мира в художественном произведении отличается от картины мира, существующей в сознании человека, не качественно, не по сути, а лишь по форме, в которой она явлена: классическое искусство по своей природе обращено к жизненной конкретике, а именно через предметность земного бытия подается картина мира в художественном тексте» [5]. В нашем исследовании мы уделим внимание поэтической картине мира А. П. Чехова. Мировидение данного автора представляет собой уникальную воз-

возможность для реципиента наблюдать образ жизни, нравы, характеры и культурные различия. А. П. Чехов как обладатель неповторимого художественного стиля представляет для науки особый интерес. Автор изучаемых нами произведений — личность неординарная, внесшая значительный и неоспоримый вклад в развитие русской культуры. Обращение к наследию данного писателя позволяет, во-первых, прояснить некоторые особенности его языковой личности, во-вторых, увидеть в индивидуальном стиле его текстов черты, присущие всей языковой общности.

Использование автором лексических средств языка говорит о его личном выборе, и это обусловлено культурой и обычаями изучаемой страны, но поскольку язык — хранитель национально-культурной специфики страны, то, изучая особенности функционирования языка, можно проследить некоторые специфичные национальные черты, присущие данной языковой группе.

Анализ единиц с компонентом «пища» в произведениях А. П. Чехова позволил сделать следующие выводы: лексемы данной группы представляют собой уникальное языковое наследие, транслирующее культуру нации, изучая которые мы познаем картину мира русского народа.

Так, например, в следующих примерах отражаются традиции, обычаи русского народа:

В скоромные дни в домах пахло борщом, а в постные — осетриной, жаренной на подсолнечном масле. Ели невкусно, пили нездоровую воду (Дом с мезонином).

<...> обычай: во время сенокоса...приходили рабочие и их угощали водкой, даже девушки выпивали по стакану. Мы не держались этого; <...> стояли, <...> ожидая водки (Дом с мезонином).

Еда может рассматриваться как привычка, как стиль жизни:

Панаров <...> ничего не пил. Он никогда не пил. Он любил вкусно поесть, любил хорошую сервировку, музыку за обедом, спичи, поклоны лакеев, которым <...> бросал на чай <...> посылал букеты, покупал чашки, подстаканники, <...> древности <...> [6].

Изменение данного стиля, даже если это связано с повышением социального статуса, не всегда благополучно сказывается на жизненном настрое и вызывает принижение житейских радостей:

Прежде я любил обед, <...> теперь же он не возбуждает во мне ничего, кроме скуки и раздражения. С тех пор как я стал превосходительством <...> семья моя нашла <...> нужным <...> изменить наше меню и обеденные порядки. Вместо тех простых блюд, <...> меня кормят супом-пюре, в котором плавают какие-то белые сосульки, и почками в мадере. Генеральский чин <...> отняли у меня навсегда и щи, и вкусные пироги, и гуся с яблоками, и леца с кашей. <...> отняли у меня

горничную Агашу, говорливую и смешливую старушку, вместо которой подает теперь обед Егор, тупой и надменный малый, с белой перчаткой на правой руке. Уж нет прежней веселости, <...> шуток, смеха, нет той радости, какая волновала детей, жену и меня, когда мы сходились, бывало, в столовой; для меня, <...> обед был временем отдыха и свидания, а для жены и детей праздником, правда, коротким, но светлым и радостным <...> [6].

Тем не менее, основной прагматической функцией единиц с семантикой «пища», конечно же, является социо-прагматическая функция, рассматривающая разделение общества на сословия. При помощи названий продуктов и напитков (*свежая зернистая икра, шампанское, хлеб, квас, огурец*), блюд (*гусь с яблоками, лец с кашей, почки в мадере, блюдо с устрицами*), утвари и интерьера (*серебряные самовары, старинные фарфоровые чашки, хорошая сервировка*), обслуживающего персонала (*надменный официант с белой перчаткой на правой руке, горничная Агаша*) писатель убедительно показывает непреодолимый барьер, существующий в социуме.

В нашем хоре только у одной Моти богатый содержатель, а все мы перебиваемся с хлеба на квас [6].

Рассказывали также, что раза два в год графиня давала бал, на который приглашались дворяне и чиновники со всей губернии <...> все гости пили чай из серебряных самоваров, ели все необыкновенное (например, зимою, на рождество, подавались малина и клубника) и плясали под музыку, которая играла день и ночь <...> [6].

<...> не могу помириться с тем торжественным выражением, какое бывает у моей жены <...>, когда <...> у нас Гнеккер, не могу помириться с теми бутылками лафита, портвейна и хереса, которые ставят только ради него, чтобы он воочию убедился, как широко роскошно мы живем [6].

Социальный статус и положение в обществе очень часто вступают в конфликт с гордостью человека, что выражается в неудовлетворенности и противоречии:

Как возмущалась моя провинциальная, мещанская гордость! Я, пролетарий, маляр, <...> хожу к людям богатым, чуждым мне, <...> и каждый день пью у них дорогие вина и ем необыкновенное — с этим не хотела мириться моя совесть! [6].

Анализируемые единицы используются также при описании внешности персонажей. Рассмотрим следующие примеры:

Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни [6].

— А вы очень милы, надо вам сказать — начал он (Панауров). — Извините за трактирное сравнение, вы напоминаете мне свежеспрошенный огурчик, <...> он еще пахнет парником, но уже содержит в себе немножко соли и запах укропа [6].

А она <...> высокая, стройная, чернобровая, краснощекая, — одним словом, не девица, а мармелад [6].

Итак, языковая концептуализация сферы «пища» способствует более глубокому пониманию природы культурного смысла, закреплённого за определённым языковым знаком, а также всех культурных установок и традиций народа.

Художественный текст отражает языковую личность автора, служит адекватным транслятором национальных концептов, создавая представление о русской картине мира. Мы считаем, что в авторской картине мира отражена реальность, прошедшая через призму творческой мысли. Художественная картина мира, таким образом, включает в себе образ мира и отображает человеческое бытие через текст художественного произведения. Анализируя произведения А. П. Чехова, мы обратили внимание на исконно-традиционные характеристики данного языкового общества, связанные с неотделимой от человеческого бытия сферой питания. Несмотря на субъективный выбор автором тех или иных языковых средств, кулинарные языковые номинации транслируют специфику национального менталитета и мировосприятия и проецируют нам мировидение данного этноса.

Примечания

1. *Чередникова Е. А.* Экспликация аксиологической картины мира в гастрономическом интернет-дискурсе (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013.
2. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград, 2004. С. 168.
3. *Головницкая Н. П., Олянич А. В.* Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: монография. Волгоград, 2008. С. 67.
4. *Кузнецов А. М.* Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики // *Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров.* М., 2000.
5. *Варакина Е. Р.* Картина мира в ранней лирике Георгия Иванова // *Филологические науки.* 2008. № 2. С. 39.
6. *Чехов А. П.* Сочинения: в 2 т. М., 1982.

Gastronomic picture of the world in works by A. P. Chekhov

Culinary and gastronomy vocabulary and its functioning in the language has attracted attention of linguists lately.

National gastronomic preferences retain their specific character and are reflected in the language. Axiological picture of the world is built in each lingual culture on the basis of a conceptual picture of the world which is actualized in the language of the nation. The primary and basic sphere of appearance and existence of cultural values is a mode of life with its vitally important element — gastronomy which is understood as the complex of processes of acquiring, cooking and consuming food.

Literary text reflects a language personality of a writer, it serves as an adequate translator of national concepts creating the image of a national picture of the world. We suppose that reality which has passed through the prism of a creative thought is reflected in the language personality of an author. Literary picture of the world contains the image of the world, reflects the person's existence through the literary text. Addressing the works of a famous Russian author A. P. Chekhov gives us an opportunity to single out the peculiarities of his language personality and to see in the individual style of his works the distinctive features of the whole nation.

Keywords: gastronomy, picture of the world, language personality, literary text, function, culture, language.

© У. Н. Козынцева
УрФУ, г. Екатеринбург

Способы реализации социальной семантики в глаголах движения

В данной статье рассматривается социальный компонент как часть семантической структуры глаголов движения. Исследуются типы социальных компонентов с точки зрения элементов семантики, которые они привносят в глагол. Выделяются шесть групп значений данных компонентов: субъект действия, характер движения, цель движения, незаконность движения, время, пространство. Подробно рассматриваются способы репрезентации социально маркированных компонентов в словарной дефиниции и контексты употребления глаголов, содержащих в своей структуре социальные компоненты. В статье также выявляется зависимость значения социального компонента от семантики глагола, в структуру которого он встраивается. Высказаны предположения относительно причин появления социальной маркированности у определенных компонентов семантики глаголов движения. Особое внимание обращено на вариативность семантики социально маркированных компонентов.

Ключевые слова: социальная семантика, глаголы движения, прагматика.

В лингвистике последних лет обнаруживается интерес к проблемам социального и идеологического в языке. Если идеологические компоненты в связи с осмыслением советского прошлого становились предметом изучения, то социальные компоненты как скрытые в значении слова изучены пока недостаточно.

Знание о социальной группе, статусе, социальных отношениях важно не только в общественной жизни индивида, но и во всей системе представлений общества, отраженной в языке. Внутри каждой социальной группы между ее членами и членами других социальных групп существуют определенные социальные отношения, которые находят отражение в языке на уровне семантики. Под соци-

альными отношениями мы будем понимать «взаимодействие между людьми, включающее обмен информацией, установление и поддержание контакта, оценивание самих себя, групп, социальных общностей в процессе межличностного общения» [1]. Переходя от представлений о социальном к его лингвистическим проявлениям, отметим, что иногда социальный компонент в словах, так или иначе характеризующих социальные действия или отношения, представлен не прямо (на денотативном или сигнификативном уровне), а косвенно (на уровне прагматикона). Л. П. Крысин относит социальный компонент к пресуппозиционной части лексического значения слова, поскольку данная информация является фоном употребления языковой единицы, «условием правильного ее использования, ситуативной уместности предложений, содержащих такие единицы» [2].

Обратимся к способам проявления социальной семантики в глаголах движения. Из группы глаголов движения, приведенной в «Большом толковом словаре русских глаголов» под общей редакцией Л. Г. Бабенко [3], нами было выделено 65 лексических единиц, содержащих в своей структуре социальный компонент. Подробное изучение слов данной лексико-семантической группы показало, что социальный компонент в глаголах движения связан со всеми элементами ситуации движения. В соответствии с этим все типы социальных компонентов были разделены на 6 групп: субъект действия, характер движения, цель движения, незаконность движения, время, пространство. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Группа «Субъект действия» объединяет социальные компоненты со значением социального статуса лица и значением множества лиц. В глаголах движения социальные компоненты этой группы встречаются чаще всего (35 из 72 компонентов), поскольку, с точки зрения общества, оказывается важным обозначить, кто именно совершает действие, каков социальный статус актанта, действует ли он в одиночку или в составе группы.

Значение социального статуса лица предполагает указание на высокое или низкое положение человека в обществе. Указание на высокий социальный статус лица обнаруживается в лексемах *выступать, нагрянуть, расхаживать, пожаловать* и т. п. Данное значение может быть выражено в дефиниции при помощи указания на такие характеристики движения, как ‘чинно, важно, величаво’

(*выступать*), ‘с важным видом’ (*шестьствовать*), ‘важно’ (*расхаживать*). Этот компонент может существовать на уровне коннотаций. Например, в толковании глагола *нагрянуть* ‘прибывать в какое-л. место, достигать чего-л. неожиданно, внезапно для окружающих’ имеется компонент *неожиданно*, который сам по себе не является указанием на высокий социальный статус субъекта, но предполагает, что появление этого человека имеет большое значение для говорящего, так как обычно субъекта движения ожидают, готовятся к его приходу, следовательно, он занимает в данном обществе высокое положение. Контексты употребления данного слова подтверждают данное положение:

Разве когда начальство нагрянет — тут уж Орозкул сам и лес покажет, и охоту устроит, тут уж он был хозяином (Ч. Айтматов); Никто не поднимал вопроса о необходимости какой-нибудь организации действий, никому не пришла в голову мысль, что не нынче — завтра нагрянет начальство; нужно сговориться, предусмотреть возможности, и сделать это нужно совместно: обществами, волостями (И. Вольнов).

Сложнее обстоит ситуация с глаголом *пожаловать* ‘прибыть в какое-л. место, посетить кого-л., прийти к кому-л’. В дефиниции нет каких-либо сем, указывающих на иерархические отношения участников ситуации. Однако контексты с глаголом *пожаловать* свидетельствуют о том, что обычно он употребляется по отношению к лицу уважаемому или занимающему должность более высокую, чем остальные участники ситуации. Например:

Туда пожаловал принц Жером Бонапарт, а затем Саид Паша — и с тех пор не иссякает их поток (Я. Зубцова); Недели через две в лагерь пожаловала комиссия; они прошествели — белые ангелы — по стационару, заглянули в бараки, побывали в столовой, проверили в кухне закладку в котел, спросили, часто ли меняют белье, хороша ли баня, и исчезли, как светлые виденья (Ю. Домбровский).

Следует отметить, что шутливо или иронически глагол может употребляться по отношению к лицу равному или нижестоящему по социальному статусу, например, *Ты с чем пожаловал, незваный, но предвиденный гость?* (М. Булгаков).

Компоненты со значением низкого социального статуса субъекта в глаголах движения встречаются редко, например, *семенить* — ‘о незначительном <...> человеке’, *сопровождать* — ‘в качестве <...> охранника’. Контексты употребления этих лексических единиц подтверждают наличие в них социальной семантики:

К тому же не понятно, почему вдруг маяк образовался на Западе, у нас же теперь патриотизм, и мы плюем на ПАСЕ с высокой фабричной трубы, зачем так

низкопоклонно семенить за Европой? (А. Тимофеевский); *Еле попевая, за ней подобострастно семенит инспектор манежа* (В. Запашный).

Компоненты со значением организованной группы входят в состав глаголов *замыкать*, *отходить*, *наступать*, *подступать* и т. п. Прямым указанием на то, что субъектом действия является организованная группа, служат субъектные указатели в словарных толкованиях: ‘о предприятиях, учреждениях’ (*эвакуироваться*), ‘колонна, войсковое соединение’ (*замыкать*), ‘о воинских подразделениях’ (*подтягиваться*), ‘об армии’ (*отходить*). Косвенным указанием на то, что движения совершается организованной группой, будут такие компоненты, как ‘во время войны’ (*отходить*), ‘ведя военные действия’ (*наступать*, *подступать*), поскольку они обозначают ситуацию, которая предполагает движение организованных групп (войсковых соединений). Например: *Это было время, когда финские войска наступали уже в глубь советской территории в соответствии с планом «Барбаросса»* (Н. Барышников); *Полк вместе с дивизией продолжал отходить на север* (А. Толстой). Таким образом, компоненты со значением организованной группы часто входят в состав глаголов, относящихся к теме военных действий, а поскольку война является именно социальным событием, то наличие в данных лексемах социального компонента представляется очевидным.

Социальный компонент «толпа» встречается в лексемах типа *валить*, *отхлынуть*, *расходиться*, *сбегаться*. В каждом из 20 глаголов социальная семантика выражается в толковании слова эксплицитно, например, *рассступаться* — ‘на две группы’, *рассыпаться* — ‘о толпе’, *разбегаться* — ‘о многих субъектах’, *наезжать* — ‘о большом количестве людей’, *хлынуть* — ‘во множестве’. Вариацию данного типа значения мы находим в лексемах *выступать*, *опаздывать* и *толочься*. В этих глаголах социальный компонент имеет значение «один из толпы» и представлен в словарной дефиниции: ‘отделяясь от других людей’ (*выступать*), ‘позже остальных’ (*опаздывать*), ‘об одном человеке в толпе’ (*толочься*). В данном случае социальная окраска глаголов проступает особенно ярко, поскольку социально маркированный компонент раскрывает имплицитное противопоставление индивида и группы лиц.

Интересно, что в глаголах, называющих непоступательное беспорядочное движение, встречаются только социальные компонен-

ты со значением «толпа». Возможно, это связано с тем, что такой вид движения никак не характеризует человека как члена социума.

Таким образом, социально маркированные компоненты, называющие субъект действия, являются самой многочисленной группой, поскольку для говорящего в первую очередь необходимо указать, кто именно совершает движение, обозначить положение человека в обществе. Компоненты данной группы распределены на четыре типа: лицо вышестоящее или нижестоящее по социальному статусу по отношению к другим актантам, организованная группа лиц, толпа. Социальная семантика этого типа может быть выражена имплицитно (на уровне коннотаций или через семантику слова, входящего в состав дефиниции) и эксплицитно (через дифференциальную сему).

Группа, условно названная «Характер движения», объединяет социальные компоненты, указывающие на то, что движение субъекта обусловлено какими-либо социальными явлениями. Это значение представлено в толковании непосредственно, например, *вышагивать* — «размеренно, ритмично», *маршировать* — «строим ногу», «ритмично», «печатаю шаг по-военному», *эвакуироваться* — «организованно». Как видно из данных примеров, социально маркированная сема указывает на то, что движение носит упорядоченный характер и совершается по предварительной договоренности. Это подтверждают и контексты употребления слов:

В те дни многие старались покинуть город — уезжали целыми семьями, эвакуировались учреждения, некоторые промышленные предприятия (И. Архипова); Она уже будет на исторической родине маршировать в батальоне «Дочери Израиля» (В. Аксенов).

Указание на характер движения может быть выражено семой «торжественно» (*дефилировать*). В этом случае социальная семантика заключается в том, что движению придается какой-то социально значимый смысл. Например,

Пристрастие населения к животным доходит до того, что по улицам городов дефилируют демонстрации с требованием запретить производство и ношение мехов (Е. Рубин).

Социальный компонент со значением цели движения указывает на то, что субъект перемещается именно как член общества, его движение тем или иным образом привязано к каким-либо социальным явлениям. Это значение проявляется в глаголах движения по-разному. В лексемах *являться*, *прибывать* оно выражено экспли-

цитно — в дефиниции этих слов есть компонент «по официальной надобности», который указывает на то, что движение субъекта определено его служебным положением. Это подтверждают контексты употребления слов:

А тут как раз прибывает в Чернобыль штабной генерал, со свитой и прочим народом (А. Крамер); В кино явился заместитель начальника больницы по хозяйственной части Долматов: он опоздал на первую часть, и фильм показывался сначала (В. Шаламов).

Социальный компонент с семантикой цели движения встречается также в глаголе *кочевать* — ‘двигаться в разных направлениях <...>, ведя кочевой образ жизни’. Понятие образа жизни называет определенное социальное поведение, поэтому глагол, обозначающий движение с целью участия в данном социальном явлении, становится социально маркированным.

Группа «Незаконность движения» объединяет социальные компоненты, указывающие на то, что движение совершается субъектом вопреки правилам, установленным обществом. Этот тип значения может быть выражен в словарной дефиниции, например, *бежать* — удаляться ‘самовольно’, ‘совершить побег’, *сбежать* — ‘совершать побег’, *убегать* — ‘совершить самовольный тайный уход’. Семы *побег* и *самовольно* указывают на то, что субъект перемещается вопреки установленным правилам. Контексты употребления данных лексем подтверждают наше предположение:

Поселили в казарме. Через полгода Саша сбежал. Сел на поезд и добрался до Баку (В. Токарева); Литвинца увезли: он бежал из тюрьмы, обманул органы, обманул армию, обманул партию (С. Липкин).

Социальная семантика незаконности движения может быть также выражена семами ‘тайком’ (*бежать*, *сбежать*), ‘скрываясь’ (*удирать*, *улизнуть*), ‘прячась’ (*улизнуть*), которые указывают на то, что, совершая действия, названные глаголами данной группы, человек осознает их неправомерность, несоответствие социальным нормам и стремится скрыть их от общества. Социальный компонент приобретает оттенок противопоставления индивида и общества, как и в случае со значением «один из толпы». Контексты употребления данных лексем показывают, что эти смыслы хорошо осознаются говорящим:

Оказавшись один, я подумал, что пришло время удирать на берег, но стыд перед учителем был сильнее страха (Ф. Искандер); Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома (Ф. Искандер).

Социально маркированные компоненты, указывающие на незаконность движения субъекта, чаще всего встречаются в глаголах однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного пункта. Это говорит о том, что для говорящего гораздо важнее указать противоправность стремления субъекта покинуть какое-либо пространство, нежели на незаконность его прибытия куда-либо.

В группу «Время» были объединены компоненты, указывающие на какое-либо ограничение во времени, связанное с движением. Этот компонент значения глаголов является социально маркированным, так как предполагает наличие договоренности между людьми и соблюдение или несоблюдение субъектом движения этой договоренности. Так, в лексеме *курсировать* — ‘двигаться по определенному, заранее намеченному пути, маршруту, совершая регулярные поездки, рейсы’ — сема ‘регулярные’ указывает на то, что движение субъекта совершается в определенное время, ограниченное расписанием, т. е. предварительной договоренностью.

Значение соблюдения договоренности относительно времени движения имеют также компоненты ‘своевременно’ (*подоспевать*), ‘к нужному сроку’ (*поспевать*), ‘в нужный момент’ (*подоспевать*). К ним примыкает социальный компонент со значением ограничения во времени без элемента договоренности — «как можно скорее», который встречается в лексемах типа *спешить*, *торопиться*. Эти смыслы отчетливо проступают при употреблении глаголов этого типа в речи:

Хлопают двери, в коридор выходят спешащие по своим делам люди (В. Пелевин); *Нужно было торопиться, вечером было выступление. Приехали за час до начала* (Л. Улицкая).

К данному типу значения относятся также социальные компоненты со значением несоблюдения договоренности о назначенном времени движения. Этот смысл может быть выражен семами ‘дольше, чем нужно’ (*задержаться*), ‘после нужного времени’ (*опаздывать*).

Следует отметить, что социально маркированные компоненты данной группы чаще всего встречаются в глаголах однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного пункта. Это связано с тем, что ограничение во времени может распространяться преимущественно на тот тип движения, при котором субъект ориентирован на прибытие в определенное место.

Поскольку для движения очень важна категория пространства, можно предположить, что именно к этой категории будет относиться значительное число социально маркированных компонентов. Данная группа включает в себя две подгруппы, которые объединяют социальные компоненты, указывающие на социальное или физическое пространство.

Значение «Социальное пространство» предполагает указание не на какое-либо конкретное место, а на тип пространства, которое выделено данным социумом для каких-либо целей. Это значение может быть выражено следующими семами: ‘место работы’ (*выбывать*), ‘работа’ (*оставлять*), ‘место учебы’ (*выбывать, оставлять*), ‘учреждение’ (*оставлять*), ‘место заключения’ (*убегать*), ‘место жительства’ (*выбывать, покидать, путешествовать*).

Подгруппа «Физическое пространство» объединяет социальные компоненты со значением ограничения в пространстве, территориального членения и социально значимых мероприятий. Первый тип значения предполагает, как и в случае со значением времени, что движение субъекта ограничено предварительной договоренностью между людьми. Эта семантика присутствует в лексемах типа *курсировать* — двигаться по ‘заранее намеченному пути, маршруту’, *следовать* — ‘в определенном направлении’, *доходить* — ‘по определенному маршруту’, ‘на место назначения’ и т. п. В контекстах употребления данных глаголов эти смыслы хорошо прослеживаются:

Везенье всегда следует по установленному пути, выполняет определенную задачу и подчиняется точному времени, подобно обыкновенному батраку (У. Нова); Всякий раз, как только обозы доходили до места назначения, секретарь губкома партии Тарас Семенович Беляев присылал письма с благодарностью за заботы о неотложных нуждах республики (Г. Марков).

Компоненты второго типа значения встраиваются в семантику глаголов, называющих пересечение субъектом каких-либо территориальных границ, установленных законом: границ между странами, регионами и т. п. Данное значение выражено в дефиниции глагола непосредственно, на него указывают семы ‘другая страна’, ‘отечество’ (*эмигрировать*), ‘страна’ (*иммигрировать*), ‘из района’ (*эвакуироваться*). Особенностью этих единиц является то, что они называют целую ситуацию, обобщающую несколько социальных явлений. Так, глагол *иммигрировать* — ‘прибывать в какую-л. страну для постоянного жительства, покинув другую страну вынужденно или добровольно (об иностранцах)’ — вызывает в

сознании говорящего представления об условном территориальном членении, принятом в обществе ('страна'), об официальной закреплённости на одной территории ('постоянное жительство') и о возможной незаконности его пребывания на другой территории ('покинув вынужденно'), а сема «об иностранцах» отсылает нас к социальному представлению о «своих» и «чужих».

Социально маркированные компоненты третьего типа присущи глаголам, называющим движение, приуроченное к каким-либо важным общественным событиям, мероприятиям. Этот тип значения обычно выражен в глаголах эксплицитно, например, *дефилировать* — 'на параде', *шествовать* — 'в манифестациях, демонстрациях'. Наличие в этих лексемах социальной семантики подтверждают контексты. Например, в предложениях: *Не идет, а именно шествует — торжественно, как на параде* (Д. Медведев); *Со знаменами в руках и с несложными изделиями своей работы между рядов шествовали юноши и девушки в форме учащихся профтехучилища* (Е. Пищикова) — глагол *шествовать* употреблен по отношению к субъектам, участвующим в социально значимом мероприятии.

В заключение следует отметить, что глаголы движения могут включать в себя сразу несколько социально маркированных компонентов в разных значениях. Например, лексема *эвакуироваться* содержит указание на характер движения (*организованно*), физическое пространство, в котором происходит движение (*район*) и на субъект действия (*предприятия, учреждения*). Социальные значения могут выступать вместе в следующих комбинациях: ограничение в пространстве + время (*курсировать*), характер движения + мероприятие (*дефилировать, шествовать*), субъект действия + время (*опаздывать*).

Таким образом, глаголы движения достаточно часто имеют в своей структуре социально маркированный компонент.

Примечания

1. Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений): монография. Екатеринбург, 2006. С. 36.
2. Цит. по: Кузьмина Н. А. Современный русский язык. Лексикология: теория, тренинг, контроль. М., 2010. С. 271.
3. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

Ways of implementing social semantics in verbs of motion

This article investigates the social component as a part of motion verbs' semantic structure. We study the types of social components in terms of semantics elements that they bring to the verb. There are six groups of values of these components: the subject of the action, the nature of movement, the purpose of the motion, the illegality of movement, time and space. We investigate ways of representing of socially marked components in the dictionary definitions and verb contexts that contain social components in its structure. This paper also reveals the dependence of the social value of the semantic verb components, in which structure it is embedded. There are also suggestions regarding the causes of social marking in certain semantic components of motion verbs. Particular attention is paid to the variability of the marked social component semantics.

Keywords: social semantics, verbs of motion, pragmatics.

© Н. А. Красикова
СФУ, г. Красноярск

Ключевые идеи в устных рассказах о переселении в Сибирь

Заселение Сибири, как известно, связано с масштабными историческими событиями в России и происходило, по меркам истории, совсем недавно, поэтому обстоятельства переселения людей в Сибирь особенно интересны для изучения. Люди, чьи потомки теперь населяют сибирские города, приехали в Сибирь во времена Столыпинской реформы, были сосланы в эпоху Советской власти, попали по распределению осваивать новые производства. История каждой семьи уникальна, но множество таких историй складывается в культурный сценарий переселения семьи (рода) в Сибирь. Культурные сценарии состоят из ключевых идей о переселении в Сибирь, пронизывающих устные рассказы коммуникантов. В данной статье содержится описание и анализ ключевых идей в устных рассказах красноярцев (жителей Красноярска и края) о переселении их рода в Сибирь, о семейных ценностях и традициях и рассматриваются некоторые типичные характеристики этих текстов.

Ключевые слова: переселение в Сибирь, семейный нарратив, культурный сценарий, устные рассказы, красноярцы.

Заселение Сибири, как известно, связано с масштабными историческими событиями в России и происходило, по меркам истории, совсем недавно, поэтому обстоятельства переселения людей в Сибирь особенно интересны для изучения. Люди, чьи потомки теперь населяют сибирские города, приехали осваивать земли во времена Столыпинской реформы, были сосланы в эпоху Советской власти, попали по распределению осваивать новые производства. История

каждой семьи уникальна, но множество таких историй складывается в культурный сценарий переселения семьи (рода) в Сибирь.

Термин «культурный сценарий» в данной статье используется вслед за И. В. Шалиной и понимается как «вписанный в типичный хронотоп, динамически заданный повторяющийся разворот определенного события (или цепочки событий), участниками которого каждый раз становятся разные лица» [1], где значимыми являются ценностные установки и жизненные представления участников коммуникации. Культурные сценарии складываются из ключевых идей о переселении в Сибирь, пронизывающих устные рассказы коммуникантов.

В статье будут рассмотрены некоторые ключевые идеи, проявившиеся в устных рассказах красноярцев и жителей Красноярского края об истории их семьи, которые впоследствии, вероятно, станут частью культурных сценариев переселения в Сибирь.

Собранные устные рассказы об истории семьи представляют собой описание некоторой последовательности событий и пояснение причинно-следственных связей этих событий, что позволяет определять такие рассказы как нарратив. А. Т. Хроленко так поясняет важнейшее свойство нарратива — объяснительность: «С помощью нарратива человек осмысливает наиболее широкие, дифференцированные и сложные контексты своего опыта. Нарративы не репрезентация, а специфический способ конструирования и установления реальности» [2]. В статье «Многоликий нарратив» Е. И. Шейгал отмечает, что «доступность для понимания обеспечивается тем, что нарратив в каком-то смысле упрощает реальность. Придумывается история, под которую подгоняются реальные факты и события» [3]. Несмотря на то, что исследование Е. И. Шейгал связано с политическим нарративом, следует признать, что и семейному нарративу в какой-то степени тоже свойственна эта черта. Семейные истории передаются в основном изустно, и каждый новый рассказчик может внести в нее новые факты, зачастую кажущиеся ему правдивыми, и вывести собственные причинно-следственные связи. Стремясь сохранить доверие слушателей, коммуникант иногда сам признается в своей недостаточной информированности:

«...но я вам сразу скажу / я так / только по рассказам / этих самых / родственников...», «Я / эта / так сказать просто осмысливаю этот вопрос...».

Таким образом, рассказы о переселении в Сибирь определяются нами как «семейный исторический нарратив о появлении семьи в Сибири, повествование о причинах, побудивших предков (или самого рассказчика) выбрать Сибирь местом своего жительства» [4].

Сбор материала для исследования осуществляется методом включенного наблюдения, другими словами, тексты представляют собой переложенные в письменную форму диктофонные записи бесед с информантами. Запись осуществлялась методом «закрытого» микрофона. Часто в беседе принимают участие другие лица: дети, внуки, друзья информантов. Таким образом достигается эффект непринужденности беседы и обеспечивается достоверность устного материала.

Большинство рассказов представляют собой полилог, где есть доминирующий коммуникант. Часть текстов являются монологами, включающими контактоподдерживающие реплики интервьюера. Диалогов (или полилогов) без доминирующего коммуниканта в картотеке нет.

Классификация рассказов по возрастному, гендерному, профессиональному и социальному признакам коммуникантов в данной статье предпринята не будет, однако следует заметить, что в настоящий момент картотека состоит из рассказов жителей г. Красноярска и г. Минусинска старше 40 лет.

В собранных устных рассказах выделяются некоторые сходные черты.

Во-первых, большинство коммуникантов, стараясь удержать основную линию рассказа, например, родословную или сюжет переселения семьи, добавляет множество дополнительных сведений: о традициях (*«Собирались / пели песни / танцевали»*), быте, климатических условиях (*«так-то земля на Украине хорошая / палку бросил / она расти будет»*), характеристиках людей, в том числе посторонних (*«А люди там были / я скажу / все умные»*). Часто рассказ о семье соотносится с историческими событиями и историями других, многих родов: *«Столыпин значит предложил / и осуществил // Значит / решение вот этого вопроса / земельного вопроса»*, *«Они жили все очень дружно все / о-очень дружно / все вот эти ссыльные»*. Во многих беседах появляются сюжеты, пришедшие к слову, небольшие рассказы в основной канве повествования, рассуждения или описания природных явлений:

«...речушка там течет / это спасение // В эту речушку с гор / которые в северной стороне села / стекает ключи / по-нашему / другие называют ручьи / повсякому // Один из них проходит почти через середину села / и в речку / в речушку впадает // Второй ключ / тот идет / выходит на восток / описывает эту площадь / здесь село (показывает на столе) / И дальше / в конце села / будем гврить так / тоже вливается в речку // А вот этот / значит / который протекал по ...э.. середине / он конечно им там / в весеннее время / давал таких / такие вопросы (смеется) // Переходить-то надо было с одной стороны на другую / а здесь такой идет поток / да вот такой широкий / да быстрый / а ходить надо было // Вот они там выдумывали там где там найдут бревнышко какое-нибудь / или еще чего-нить // Да и потом / каждый год / значить / по-разному течет / объем воды в зависимости от того / сколько снега было в лесу».

Во-вторых, называя человека, коммуниканты чаще используют термины родства, чем имена, кроме того, рассказчик старается точно указать, о каком родственнике идет речь: *сын старшей сестры* вместо «племянник». Обязательной характеристикой человека, появившегося в нарративе, является уровень его образования и/или профессия:

«И вот у них продолжатель есть // от этого сына, который остался / у него Сергей / в Москве где-то в пожарной части работает / или работал / уже составил».

Однако при описании жизни семьи в деревне профессиональная принадлежность ее членов часто не упоминается (если не был задан соответствующий вопрос), поскольку содержание собственного хозяйства считается само собой разумеющимся родом деятельности в сельской местности.

В-третьих, коммуниканты стараются построить свое повествование хронологически последовательно, точно указать все географические названия, поясняя, где именно находятся те или иные малоизвестные населенные пункты: *«они жили на украинской земле // Вот с этой стороны (показывает на столе) / значить / Белоруссия / а отсюда / могучая Русь».* Время в рассказе часто определяется не точными датами, а историческими событиями: *после войны, еще до революции* и т. п. Нередки случаи, когда коммуникант, рассказывая о событиях жизни своих родителей, судит о времени, отталкиваясь от собственного возраста: *мне тогда было полгода, мы с сестрой еще в школу ходили.*

В собранных устных текстах были выделены следующие ключевые идеи переселения в Сибирь, общие для многих информантов:

1. Сибирь/Красноярск (заметим, что при характеристике информантами особенностей места переселения понятия Сибири и

Красноярска не разделяются, характеризуются практически одинаково, рассматриваются как синонимы) — это особые отношения между людьми: *«Я знаю / что Сибирь / это совсем другие люди / таких жлобских отношений между людьми тут нету...»*

2. Сибирь/Красноярск — это природа: *«Сюда приехала / увидела природу / влюбилась и решила остаться».*

3. Сибирь — это холод: *«...холод такой же как в Сибири».*

4. Переселение — это полная или частичная потеря связи с родственниками, которые остались: *«Вот где-то из нашего рода / который был там / еще на Украине / кто-то остепенился вот здесь в Красноярске / и под Красноярском // Мы их не знаем / потеряли».*

5. Переселение в Сибирь, особенно в довоенное время — это в основном негативный опыт в истории семьи: даже добровольное переселение происходило из-за недостатка земли и сопровождалось нищетой:

«...они вынуждены были / вынуждены были сюда добровольно ехать», «...время было трудное / приходилось как-то подрабатывать ... Так и перебивались».

6. Переезд в Красноярск, в отличие от переселения в Сибирь, — часто добровольное, осознанное решение:

«...я мог выбрать любое место / я выбрал Красноярск», «Ну захотелось нам в Сибирь... Посчитали / что Иркутск слишком далеко / а Новосибирск / это как-то неприлично проситься в такой город / считали большой / ну Красноярск попроще Новосибирска».

Отметим, что переселение в Сибирь информанты связывают с событиями жизни их бабушек и дедушек или более далеких предков, тогда как переселение в Красноярск — это в основном переезд для получения образования или работы уже самих коммуникантов или их родителей.

Тематические рамки рассказов не были заданы строго: беседа начиналась с просьбы рассказать о своей семье и о появлении рода в Сибири, поэтому информанты свободно переходили с одной темы на другую, рассказывая то о родословной, то о семейных ценностях и отношениях, то об обстоятельствах переселения, то о своей жизни. Поэтому ключевые идеи их устных рассказов отнюдь не ограничиваются ключевыми идеями переселения.

1. В своей молодости информанты специально не интересовались историей своей семьи:

«...как-то раньше мы не интересовались / меньше / это как-то сейчас вот ..ээ.. интересуются / современные...», «Даже вот когда они приехали туда / не

знаю // Никто этим вопросом никогда не интересовался», «...я не знаю / никогда не вдавался в эти подробности».

Часто в беседах прослеживается горечь или даже раскаяние по поводу отсутствия возможности заниматься семьей/историей семьи в прошлом и желание наверстать упущенное, привить эту норму своим детям/внукам.

2. Важным условием успешной жизни является образование:

«Ну а потом значит / русские книги читал / там библиотека уже стала какая-то / кто-то чего-то там подбрасывал...», «...И вот в это деление / в этот удар / что не хватает образования / он меня долбанул так / грубо гвря / что у меня все время была мечта / получить образование».

3. Главная семейная традиция — собираться вместе по праздникам:

«Я и тут старалась всех их / это самое / собирать свое семейство», «Да какие у нас традиции? Как у всех / на праздники собираемся».

4. Важная семейная ценность — уважение к старшим, поддержание контакта с семьей, взаимная помощь:

«...ты должен ... уважать родителей, слушаться их, заботиться», «Ну / это конечно / главное / уважение старших...», «Вот что ты мне сказал / когда мы поженились? Пока мать жива / я буду каждый год ездить», «...чтобы (дети) тебя не забывали / тебя помнили».

5. Социальной нормой является человек работающий и семейный, умение трудиться — важное качество:

«...ну отец у меня был деловой / он целину раскопал лопатой...», «и дальше он не жил нормально женатым», «Вот тот который богатырь и слабоумный / не женился», «Все нормальные / все работают».

Итак, выделенные черты, повторяющиеся из рассказа в рассказ, позволяют судить о некоторых типичных жанровых особенностях подобных текстов. Ключевые идеи переселения в Сибирь для многих коммуникантов связаны не только со сценарием собственно переселения, но и с созданием, сохранением семьи как ценности. Рассказы не ограничиваются описанием быта предков, но плавно переходят к обстоятельствам собственной жизни, рассуждениям о современности и жизни потомков. В перспективе исследования ключевые идеи о переселении в Сибирь будут сформированы в культурные сценарии.

Примечания

1. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург, 2009. С. 75.
2. Хроленко А. Т. История филологии: учеб. пособие. М., 2013. С. 33.
3. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив. Волгоград, 2007. С. 88.

4. *Сперанская А. Н.* Семейные рассказы о переселении в Сибирь как лингвокультурологический феномен // Приенисейская Сибирь как лингворегион. Красноярск, 2010. С. 285.

Key ideas about migration to Siberia in verbal stories

The settlement of Siberia is connected to the significant historical events that happened in Russia not so long ago; that is why the reasons of migration to these places are especially interesting to study. People, whose descendants live in Siberian cities now, came to develop the land here during the Stolypin's reforms, were deported or came to build new factories after graduation. The story of each family is unique, but a number of such stories form the cultural script of migration of the family to Siberia. Cultural scripts consist of the key ideas about migration in verbal stories or narratives. This article analyses the key ideas in the verbal family stories of residents of Krasnoyarsk and Krasnoyarsk territory about migration of their families to Siberia, the family values and traditions and discusses some typical characteristics of these texts.

Keywords: migration to Siberia, family narratives, verbal stories, cultural script, Krasnoyarsk residents.

© **Е. А. Кругликова, М. Ю. Мухин**
УрФУ, г. Екатеринбург

Глагольная лексика в структуре электронных тезаурусов: проблема выделения тропонимических отношений¹

В статье обсуждаются вопросы методики построения тропонимических связей в электронных тезаурусах, а также в целом особенности глагольной гипогиперонимии (тропонимии) в семантической иерархии. Рассмотрены актуальные для темы различия между традиционными идеографическими словарями и WordNet-подобными тезаурусами, для создания которых необходимы дополнение и редакция существующих классификационных схем. Составлены тропонимические цепочки и гнезда глаголов перемещения объекта, отражающие связи между словами с более абстрактной и более конкретной семантикой по сравнению с глаголом *перемещать*. На верхних уровнях это касается семантической цепочки между глаголами *делать* и *перемещать*. На нижних — между глаголом *перемещать* и другими словами группы: *бросать*, *ронять*, *толкать*, а также еще более конкретными по семантике глаголами *вбрасывать*, *катапультировать* и т. п. Важными источниками лексикографического материала (словарных дефиниций и классификационных решений) послужили словари Уральской семантической школы, изданные под редакцией профессора Л. Г. Бабенко. Сделаны выводы о проблемах выделения тропонимических связей и решениях этих лексикографических проблем. Методические предложения могут быть использованы при составлении WordNet-подобных тезаурусов и др. идеографических словарей.

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

Ключевые слова: лексикография, тезаурус, WordNet, лексическая идеография, глагол, тропонимия, гипо-гиперонимия, компонентный анализ.

1. Роль, которую играют идеографические словари в современной лингвистике и информационных технологиях, становится все более заметной. Кроме чисто исследовательских опций, у них есть потенциал для решения задач в различных практических сферах — от преподавания языка до интеллектуальных систем. Как пишет Л. Г. Бабенко, идеографический способ «дает возможность лучше усвоить систему логико-понятийных связей, соединяющих слова в составе лексико-семантических групп» [1]; наиболее полное представление о языковой картине мира может дать «только идеографический словарь, в котором лексика различных категориально-грамматических классов распределяется <...> с учетом ее номинативной способности отображать определенные фрагменты мира действительности [2].

Особое место среди идеографических словарей занимают тезаурусы типа WordNet — электронные ресурсы, состоящие из синонимических рядов (синсетов), объединенных различными типами семантических отношений [3]. За основу «вертикальных» отношений в семантической иерархии идеографических словарей обычно принимаются гипо-гиперонимические (родо-видовые) связи между словами. Глагольная лексика реализует частный случай гипо-гиперонимии — тропонимические отношения [4]. Чтобы установить иерархические отношения между глаголами, необходимо провести лингвистический тест: «“Делать V1 означает делать V2 особым образом”. Глагольные иерархии, образованные отношением тропонимии, образуют более узкую, но более кустистую структуру» [5], чем, например, гипонимия существительных.

При выделении родо-видовых связей в Wordnet-подобных тезаурусах чисто индуктивный «принцип лексикографического конструирования предполагает движение от наиболее конкретных множеств к абстрактным, т. е. построение семантических отношений в направлении снизу вверх» [6]. С этим связано и то, что, в отличие от многих традиционных идеографических словарей, в WordNet «лексические категории не отделены от слов» [Там же]. С одной стороны, это дает составителям свободу от жестких классификаций, которые всегда вызывают сопротивление языкового материала. С другой стороны, гипо-гиперонимические цепочки слов в

электронном тезаурусе часто непараллельны, т. е. немотивированно отличаются количеством слов и не соотнесены по степени абстрактности/конкретности значений. Например, WordNet приводит в качестве гипонима для синсета {*go, travel, move, locomate*}, обозначающего изменение местоположения, глагол *whine* в значении «move with a whining sound», который сам по себе является глаголом с предельно конкретным значением и может быть переведен на русский язык как «свистеть/просвистеть (о снаряде)». Тогда как для глагола *red-eye* со значением «travel on an overnight flight» создается более сложная и детальная схема: {*go, travel, move, locomate*} > {*travel*} > {*fly*} > {*red-eye*}. Этот глагол не имеет полного эквивалента в русском языке и может быть переведен как «совершать ночной перелет». В данную цепочку на втором уровне входит достаточно абстрактный глагол *travel* в значении «передвигаться на транспортном средстве», а на третьем — глагол *fly* со значением «лететь на самолете». В первом примере уже второй уровень является конкретным и не предполагает дальнейшего разветвления на гипонимы [7].

Насколько при построении гипо-гиперонимии в электронных тезаурусах можно отталкиваться от опыта традиционной идеографической лексикографии? Дело в том, что разработчики семантических классификаций, которые сегодня можно называть «традиционными», чаще всего не ставят задачи выделения одной или нескольких семантических вершин (как в WordNet — реальных слов типа *entity*). Например, в разных словарях Уральской семантической школы лексика объединена в набор полей («Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество», «Отношение» [8]), выделение которых основано на наборе семантических суперклассификаторов, или — с развитием классификационной идеи — сфер («Неживая природа», «Вещества и материалы», «Человек и его внутренний мир», «Язык и речь» [9], список которых определяют денотативные основания. Такой подход естественным образом связан с ориентацией на пользователя — человека, а не на программу автоматической обработки текста. Заметим, что классификация подобного рода, только в совсем «макроварианте» (два-три семантических уровня), применяется в семантической разметке Национального корпуса русского языка [10, 11]. Редкий случай — приведение русской лексики к одной смысловой вершине *слово* в Рус-

ском семантическом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой [12] — представляется нам хоть и любопытным решением, но все же условностью.

В итоге при создании WordNet-подобных тезаурусов прямое использование «традиционных» классификаций затруднительно по следующим причинам:

- набор суперклассификаторов в традиционных классификациях нельзя назвать четко формализованным; кроме того, им не всегда соответствуют конкретные слова естественного языка;

- количество уровней классификации в традиционном (в первую очередь бумажном) словаре не может быть большим, чтобы эту классификацию было удобно воспринимать;

- предыдущая мысль объясняет то, что в группы когипонимов в традиционных словарях часто включаются и гиперонимы.

2. В данной работе представлена попытка приложить достижения традиционной идеографии к практике выделения тропонимических глагольных отношений в электронном тезаурусе. Мы рассмотрели варианты классификационных тропонимических цепочек для глаголов группы «Перемещение объекта» и на их примере попытались сформулировать принципы распределения глаголов по уровням семантической иерархии.

При составлении тропонимических рядов была использована теория компонентного анализа и методика ступенчатой идентификации, описанные в учебнике Э. В. Кузнецовой «Лексикология русского языка» [13]. За основу работы взяты существующие варианты семантических классификаций: классификационная структура «Толкового словаря русских глаголов» [14] и новый синопсис Уральской семантической школы [15], схема «Русского семантического словаря» [16], а также рабочие варианты классификаций, представленные на сайтах проектов электронных тезаурусов RussNet [17] и YARN [18]. Тезаурус YARN в перспективе является адресатом данных, полученных в результате проведенного исследования.

Распределение глаголов в цепочке (от более абстрактных — к более конкретным), согласно методике Э. В. Кузнецовой [19], подразумевает поэтапный анализ дефиниций семантически близких слов. Класс глаголов перемещения объекта в толковом словаре глаголов [20] входит в самое высокое по рангу объединение, поле «Действие и деятельность»; в более поздних версиях уже денота-

тивной классификации [21] — в такую же по уровню сферу «Конкретная физическая деятельность».

К примеру, глаголы *бросать/бросить*, *ронять/уронить*, *толкать/толкнуть*, *тащить* и т. д. являются глаголами перемещения какого-либо объекта из одной точки в другую. Их дефиниции часто включают вспомогательные глаголы типа *заставлять* (перемещаться), *позволять* (перемещаться). Например, *бросать/бросить* — «заставлять (заставить) что-либо перемещаться (переместиться сверху вниз или давать (дать) возможность чему-либо падать, опускаться» [22]; *ронять/уронить* — «позволять (позволить) чему-либо переместиться сверху вниз, падать (упасть), не имея сил удержать это в руках или в результате нечаянного толчка, неосторожного движения» [23]. Но операторы *заставлять* и *позволять* не подходят в качестве гиперонимов для приведенной в пример группы глаголов, так как они придают дефиниции лишь дополнительный семантический признак. Наиболее полно обобщающим значение лексико-семантической группы является, конечно, глагол *перемещать/переместить* и близкий ему по семантике *двигать/двинуть*. Итак, исходя из базовых идентификаторов [24] и анализа словарных статей констатируем, что для более частных значений глаголов типа *бросать/бросить*, *толкать/толкнуть*, *тащить* более общее значение реализуют слова *перемещать/переместить* и *двигать/двинуть*. Это определяет в нашем случае базовый для семантики перемещения уровень классификации.

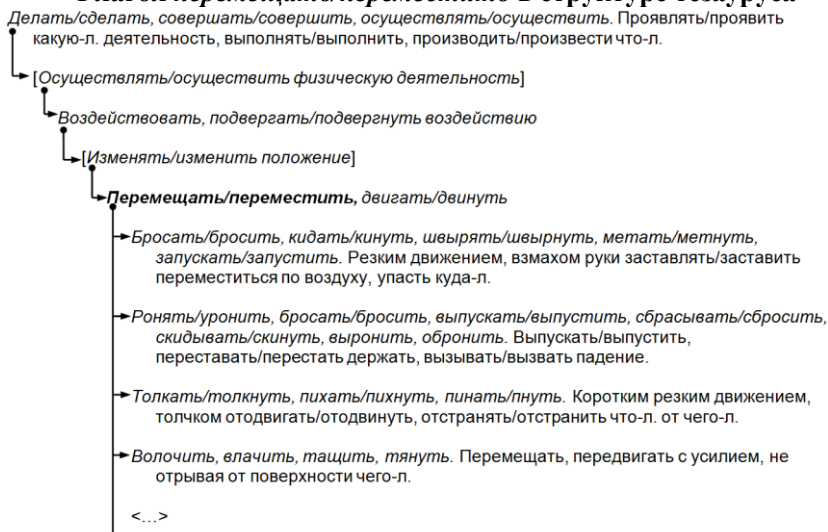
Однако между значениями глагола *перемещать/переместить* и, очевидно, наиболее абстрактного для класса «Действие и деятельность» глагола *делать/сделать* существует значительное семантическое расстояние. *Переместить* — значит «изменить местоположение кого-, чего-л.» (БТС) [25]. Методом ступенчатой идентификации определяем, что на следующем уровне классификации должно находиться глагольное сочетание *изменять/изменить (место)положение*. *Изменить* — «сделать иным; переменить».

Далее, между семантикой изменения положения и глаголом *делать/сделать* содержатся дополнительные семантические уровни. Семантика сочетаний *заставлять* (перемещаться) и *позволять* (перемещаться) заключается не только в каузативности. Она имплицитно отражает идею физического воздействия на объект. Данная мысль

противоречит первичной классификации в словаре глаголов: «Перемещение объекта» и «Физическое воздействие на объект» представлены там как разные семантические классы одного ранга. Вероятно, это было связано с тем, что к перемещению относили семантику не собственно конкретной физической деятельности: например, глаголы *эвакуировать* или *перевозить*. Таким образом, мы получаем дополнительный промежуточный уровень: *воздействовать, подвергать/подвергнуть* [физическому] *воздействию*.

Глагол *делать/сделать* должен оказаться на следующем классификационном уровне, но здесь можно интуитивно понять, что в таком случае будет утерян компонент совершения физического действия. Обнаруживаем необходимость добавочного уровня, который можно определить через описательную конструкцию «осуществлять/осуществить физическую деятельность», а глагол *делать/сделать* поместим на самый высокий уровень (см. схему 1). Вообще, «в естественном языке часто отсутствует слово или устойчивый оборот, которые должны соответствовать промежуточному понятию. Например, единица *natural object* <...> соответствует в русском языке природному объекту или, еще точнее, объекту неживой природы, которые, строго говоря, устойчивыми оборотами не являются. Наиболее характерна такая ситуация именно для верхних уровней структуры тезауруса» [26], как и в нашем случае с оборотами *изменять/изменить положение и осуществлять/осуществить физическую деятельность*. В схеме они выделены квадратными скобками.

Глагол *перемещать/переместить* в структуре тезауруса

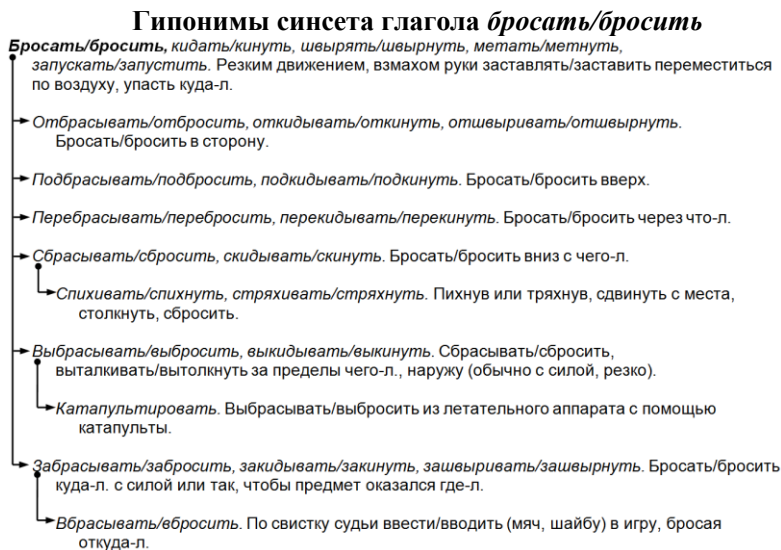

Естественно, схема включает только некоторую часть глаголов с семантикой перемещения. Определения синсетов приведены по [1; 24], некоторые толкования были составлены путем сопоставления нескольких словарных статей, чтобы полностью охватить семантику ряда.

3. Предыдущие рассуждения касались «привязки» наиболее абстрактных глаголов перемещения к верхним уровням глагольной классификации электронного тезауруса. Теперь рассмотрим варианты построения тропонимических отношений в направлении к более конкретным по семантике словам на примере глаголов перемещения объекта, ориентированного относительно начальной, конечной, промежуточной точки. Например, глагол *вбросить* (в значении «в футболе, хоккее, баскетболе: по свистку судьи ввести (мяч, шайбу) в игру, бросая откуда-л.», БТС) является гипонимом для синсета, в который входит глагол *забросить* («бросить куда-л. с силой или так, чтобы предмет оказался где-л.»). Соответственно, глагол *забрасывать/забросить* выступает в качестве гипонима для более абстрактного синонимического ряда *бросать/бросить, кидать/кинуть, швырять/швырнуть, метать/метнуть, запускать/запустить*. В свою очередь этот синсет с семантикой пере-

мещения, ориентированного относительно как исходной, так и конечной точки, создает своеобразный пучок из гипонимов, разделенных по признаку направленности, объекта, способа перемещения и т. д. (см. схему 2).

Схема 2.

4. Обобщая результаты анализа, приходим к выводу, что построение тропонимических отношений между глагольными синсетами сталкивается с отдельными проблемами на верхних и нижних уровнях классификации. Проблема верхних уровней связана с абстрактностью семантических компонентов, которые затруднительно выводить из словарных толкований. Словарная статья имеет свои стилистические особенности: для ее нормального восприятия лексикограф конкретизирует формулировку, опуская смысловые звенья (суперклассификаторы). Проблемы построения нижних уровней возникают из-за разницы в степени конкретности/абстрактности слов одной семантической группы и необходимости разводить близкие по смыслу лексико-семантические варианты слов. Особое место при организации глаголов с более конкретной семантикой занимает проблема способов глагольного действия, однако обсуждение возможностей ее решения требует отдельного рассмотрения, которое уже выходит за рамки данной ста-

ты. Кроме того, планируется соотнести полученные результаты с рукописью Большого толкового словаря синонимов русской речи, 1-й том которого уже издан [27].

Предложенные решения могут быть использованы для составления тропонимических иерархий русских глагольных значений.

Примечания

1. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007. С. 16.

2. Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., Екатеринбург, 2015. С. 17.

3. *Fellbaum Ch.* A Semantic Network of English Verbs // WordNet — An Electronic Lexical Database. Massachusetts, 1998. P. 17.

4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык. Энциклопедия. М., 1977. С. 5.

5. *Лукашевич Н. В.* Тезаурусы в задачах информационного поиска. М., 2011. С. 69.

6. *Браславский П. И., Мухин М. Ю., Ляшевская О. Н и др.* YARN: Начало // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/media/1233/braslavskiyp_yarn.pdf (дата обращения: 19.06.2016).

7. Princeton WordNet [Электронный ресурс]. URL: <http://wordnet.princeton.edu/> (дата обращения: 19.06.2016).

8. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

9. Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., Екатеринбург, 2015. С. 22.

10. Семантические признаки // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/reqsem.html> (дата обращения: 19.06.2016).

11. *Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В.* Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 155–174.

12. Классификация лексики // Русский семантический словарь / под общей ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovvari.ru/default.aspx?s=0&p=2672> (дата обращения: 19.06.2016).

13. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М., 1989. С. 32.

14. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

15. Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., Екатеринбург, 2015.

16. Классификация лексики // Русский семантический словарь / под общей ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2672> (дата обращения: 19.06.2016).
17. RussNet: тезаурус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://project.phil.spbu.ru/RussNet/database_ru.shtml#verbs (дата обращения: 19.06.2016).
18. Yet Another RussNet [Электронный ресурс]. URL: <http://russianword.net> (дата обращения: 19.06.2016).
19. Кузнецова Э. В. Указ. соч.
20. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
21. Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., Екатеринбург, 2015.
22. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007. С. 63.
23. Там же. С. 65.
24. Там же. С. 63.
25. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. — БТС.
26. *Браславский и др.* Указ. соч.
27. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы. Сер. «Фундаментальные словари» / Под общ. ред проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008.

Verb lexicon in the structure of electronic thesauri: the problem of extraction of troponymy relations

The article examines the technique of troponymic relations construction in electronic thesauri and general features of verbal hypo-hyperonymy (troponymy) in semantic hierarchy. Some of the topical differences between traditional ideographic dictionaries and WordNet-like thesauri were reviewed. Besides, it is necessary for WordNet-like thesauri to add and to revise the existing classification schemes. Troponymic chains and verb families of transference of an object, that reflect the connection between words with more abstract and more concrete meaning than the verb to move, were composed. On the upper levels, this is the case of a semantic chain between the verbs to do and to move. On the lower levels — between the verb to move and the other words of the group: to throw, to drop, to push, and even more concrete in semantics verbs to throw in, to catapult, etc. As an important source of lexicographical material (dictionary definitions and classification decisions) we used the dictionaries of the Ural semantic school, published under the editorship of Professor L. G. Babenko. Conclusions about problems of extraction troponymic relations and solutions of these lexicographical problems were made. Methodical suggestions can be used in the compiling of WordNet-like thesauri and other ideographic dictionaries.

Keywords: lexicography, thesaurus, WordNet, lexical ideography, verb, troponymy, hypo-hyperonymy, component analysis.

Текст и предложение в синтагматической репрезентации

В статье интерпретируются базовые характеристики текста: целостность и связность, представленные в одной из работ Л. Г. Бабенко. Эти характеристики текста рассматриваются, во-первых, в качестве означаемого и означающего текста, как своеобразной знаковой структуры. Отмечается логическое обоснование наличия целостности в самой внутренней структуре понятия *единица*. В применении к тексту, сложному по структуре комбинаторному синтагматическому формированию, понимание целостности означает наличие смыслового центра в том или ином синтагматическом развертывании в рамках системы языковых средств в их последовательном линейном проявлении, что и обеспечивает связность текста.

Так как центральной мыслью статьи является идея универсальности таких базовых характеристик как целостность и связность в любом синтагматическом образовании, предложение как синтагматическая структура определяется также этими характеристиками. Однако простое предложение, как отличная от текста синтагматическая структура, эти свойства единицы репрезентирует специфично. Пропозициональный номинант имеет функциональную организацию целостности, равно как и отражаемый им субстрат — экстралингвистическое событие. Поэтому в предложении для обозначения свойств целостности и связности существуют иные языковые средства, обозначенные иными терминами.

Ключевые слова: целостность, связность, текст, предложение, пропозитивный номинант, семантическое согласование, композициональность, событие, изотопия.

Синтагматические образования разных языковых уровней [1] вызывают давний интерес лингвистов разных стран. Хотя в грамматике долгое время внимание исследователей фокусировалось на морфологии, синтактика отношений конstituентов даже внутри синтетического слова не могла быть проигнорированной. Лингвистическая синтагматика вполне последовательно затем обратила свой взор на основную коммуникативную единицу языка и одновременно на базовую синтаксическую единицу — предложение, а позднее и на комбинаторику предложений в ранге текста.

Можно сказать, что исследование текста на современном этапе достижений лингвистической науки, вышедшей на новых теоретических основаниях в отражаемую языком действительность, получило второе дыхание. Многие известные лингвисты посвятили тексту целые научные труды или обозначили направление исследований, показав важность определения базовых характеристик текста [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин в этом плане не составили исключения в их презентации текста и базовых закономерностей его формирования в учебнике «Лингвистический анализ художественного текста» [9].

В отечественной филологии большая роль в исследовании текста принадлежит М. М. Бахтину. При описании понимания им понятий, связанных с текстом, конечно, необходимо учитывать, что он в первую очередь литературовед, поэтому его определения характеристик текста отличаются определенной художественностью. Следует сказать, что М. М. Бахтин, как литературовед, не делал различий между письменным и устным текстом, т. е., грубо говоря, между текстом и дискурсом [10]. В определенном смысле он был прав: в содержательной составляющей, на наш взгляд, в своей основе текст, озвученный как дискурс, передает одинаковое содержание.

Так как текст является многоплановой и многоаспектной единицей, то он оказывается представленным в разных его гранях. В первых, текст является сложным синтагматическим образованием. Любая конструктивная единица в своем означаемом, чтобы называться единицей, должна отличаться целостностью. В тексте это должно проявляться в единстве смысла. Это смысловое единство может быть воспринято реципиентом при помощи обеспечивающей это единство лингвистически выраженной внутренней связности [11; 12; 13]: без обеспечения связности между конститuentами не может существовать синтагма ни одного языкового уровня.

На наш взгляд, изучение проблемы связности и процесса связывания конститuentов синтагматических образований и, как следствия, их целостности обрело новое дыхание в связи с фокусированием внимания на речевой организации сначала основной коммуникативной единицы языка — предложении, а затем с логически закономерным переходом к комбинаторике пропозитивных единиц в их коммуникативной составляющей — к тексту, дискурсу.

Текст, как любая конструктивная единица, чтобы называться единицей, должен быть целостным как в своем парадигматическом определении, так и в синтагматической реализации [14]. Любая языковая единица, как знак, по теории Ф. де Соссюра, да и по общесемiotической и онтологической логике, должна быть двусторонней: иметь и означаемое, и означающее.

Означаемым для текста является единство содержательного структурированного ядра, а означающим — обеспечивающая это единение система языковых средств. Содержательное единство обозначается в русской терминологии термином *целостность*. Идея целостности неоднократно отмечается учеными. М. М. Бахтин целостность текста как единицы называет своеобразной монадой. Он видит в этой монаде и определенную синтагматическую протяженность: содержательную последовательность во взаимосвязи всех эксплицируемых в высказываниях смыслов [15].

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным целостность текста также отнесена к его смысловой составляющей: «Основу универсальных категорий текста составляют целостность (план содержания) и связность (план выражения)» [16]. В этом отношении авторы пособия фактически выражают мнение, высказанное многими другими отечественными и зарубежными лингвистами. В трудах на английском языке в зарубежной лингвистике для обозначения понятия целостности используется термин *coherence*. При фонетическом калькировании на русский язык он обозначается термином *когерентность* [17; 18].

Обычно данный термин используется в применении к макротексту (текстовая когерентность) [19; 20; 21; 22]. Мы считаем, что этот термин может быть использован и в применении к микротексту — предложению как пропозитивной синтагме [23]. Ф. де Соссюр считал предложение «типичным проявлением синтагмы» [24]. В. Г. Гак при описании особенностей семантической синтагматики приводит примеры именно пропозитивных синтагм [25].

Предложение в синтаксическом аспекте можно считать минимальной текстовой единицей. В содержательном плане, так же как и текст, предложение отвечает критерию законченности смысла. Без сомнения, такие макроединства как текст, дискурс имеют свою специфику проявления свойств связности и целостности, так как имеют отличную от предложения семантическую и синтаксическую структуру, хотя их синтагматика имеет и многие общие с предложением черты.

Конституенты синтагматического образования демонстрируют целостность (когерентность) благодаря средствам разных языковых уровней, начиная с грамматического с его морфологическими и синтаксическими средствами и завершая лексическими. Эти свя-

зующие средства создают языковую связность текста в означающем, что дает возможность обеспечивать содержательную целостность. Связующие языковые средства обеспечивают связность текста, которая в английском языке обозначается термином *cohesion*, а в русской транслитерации фонетическим эквивалентом этого термина — *когезия* [26].

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин считают связность текста важнейшей текстовой категорией, так как именно средства связывания превращают отдельные высказывания в целостный текст [27]. Ими рассмотрена развернутая система этих средств, в которые включены не только внутриязыковые средства, но и прагматические способы обеспечения целостности в единении номинатора и реципиента текста [28].

Связность в широком понимании характеризует любое языковое синтагматическое образование, начиная от слога и кончая текстом. Так, на фонологическом уровне реализации фонем звуки в соответствии с закономерностями фонетической синтактики конкретного языка вступают в подчинительные отношения. В результате проявления активной фонетической валентности происходит ассимиляция (полная или частичная) предыдущего или последующего звука. Понятно поэтому, почему Е. Курилович, говоря о слоге, описывает особенности разных языков в фонетической комбинаторике не только для определения особенностей фонетической гармонии в фонетической системе разных языков, но и для установления роли позиционных особенностей фонетической комбинаторики в фонетическом разграничении дискретности слов [29].

В грамматике подобная связь жесткого подчинения характеризует отношения существительного по отношению к прилагательному, когда последнее согласует свой род, падеж (если такие категории в конкретном языке существуют) и число с соответствующими категориями существительного. Подобное явление называется грамматическим согласованием. Фактически, ассимиляция и согласование — разные аспекты проявления наиболее жесткой формы подчинительных отношений компонентов структуры: уподобления зависимого компонента главному в одном или нескольких дифференциальных признаках. Согласование предшествует ассимиляции: ассимиляция зависимым компонентом диф-

ференциальных признаков главного является результатом их согласования [30].

На фонологическом уровне согласование дифференциальных признаков главного и зависимого компонентов и последующая ассимиляция зависимого компонента специфичны по своему характеру в разных языках. Так, русский язык характеризуется в основном полной ассимиляцией зависимого компонента звукового комплекса, французский — частичной.

По аналогии с грамматическим согласованием идентичное явление в синтагматической семантике названо также согласованием. Так как оно реализуется в семантическом аспекте синтагматической комбинаторики, такой тип согласования называется семантическим. Оно проявляется в особенностях лексической комбинаторики в словосочетании и предложении. Фактически Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин признают факт соотносимости некоторых категорий текста и предложения, когда говорят о лексической и грамматической синтагматике наряду с синтагматикой текста, когда используют термин *семантическое согласование* в применении к внутритекстовому связыванию конstituентов текста — высказываний [31].

В рамках текста составляющие его предложения имеют более сложное и многостороннее обеспечение целостности при помощи связующих средств и способов как в рамках внутренней, так и внешней лингвистики. Целостность и связность в рамках текста являются важнейшими свойствами текста.

Не случайно Л. Г. Бабенко в своей научно-педагогической деятельности обращает пристальное внимание на эти текстообразующие свойства [32]. Важность текста обрела новую значимость и с обращением взоров лингвистов на отражательную сторону языка и, соответственно, на внешнюю лингвистику: в современной реальности человек получает преобладающую часть знаний о мире и картине мира через посредство текста.

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин относят целостность и связность текста к базовым категориям любого текста как языковой единицы [33]; высказывают мысль об универсальности категорий целостности и связности [34]. Эта мысль может быть подтверждена тем, что данные текстообразующие категории рассматриваются лингвистами не только в применении к русским текстам, но и к текстам на других языках. Назовем лишь некоторые из работ, выполненных на

основе исследования категорий связности и целостности, хотя бы, например, на базе английского [35; 36; 37], французского [38; 39; 40; 41; 42], испанского языков [43].

Конституенты синтагматического образования могут демонстрировать различную степень семантической спаянности, целостности (когерентности). Эта демонстрация обретает языковое выражение благодаря речевым средствам разных языковых уровней, начиная с грамматического с его морфологическими и синтаксическими средствами и завершая лексическими. Эти связующие средства называются когезионными, а само проявление этого связывания когезией.

Термин *когезия* (англ. *cohesion*, франц. *cohésion*) употребляется чаще всего в отношении текста [44; 45; 46], дискурса [47]. Менее распространенным является мнение о когезии как связи частей внутри любого целого (целостного) синтагматического образования [48; 49; 50]. Внутренняя форма термина позволяет считать когезию динамическим процессом связывания компонентов синтагм любого языкового уровня, а также результатом процесса — когда благодаря этому процессу синтагматическое образование приобретает семантическую цельность (целостность) пропозитивных и не-пропозитивных синтагм — его когерентность (англ. *coherence*, франц. *cohérence*). Когезия позволяет синтагматическому конструкту сохранять свою семантическую отмеченность [51].

На наш взгляд, обращение внимания на факт связывания в его формальных языковых проявлениях является продолжением тенденций структурной семантики [52]. Так, известные французские лингвисты А.-Ж. Греймас и Б. Потье обратили внимание на существование связующих элементов в синтагматических образованиях. Эти семантические компоненты синтагматических структур имеют семантическое родство, поэтому они «притягиваются» друг к другу, формируя семантическую отмеченность синтагматических конструкций. А.-Ж. Греймас назвал их изотопами [53]. В его понимании к минимальному контексту, в котором проявляется изотопия, относится синтагма. Благодаря изотопии происходит согласование конституентов синтагм и, соответственно, имеет место семантическая отмеченность синтагматических образований. При отсутствии изотопии происходит семантическое несогласование разной степени, что, как следствие, приводит к асемантичности высказываний [54]. Б. Потье считает, что процесс связывания синтагматических

конституентов приводит к семантической гармонии, этот процесс он обозначает термином изосемия (*isosemie*). Отсутствие связности (в его терминологии — изосемии), как считает Б. Потье вслед за А.-Ж. Греймасом, приводит к семантическим аномалиям, или анизосемии [55].

В семантической структуре значений терминов *когезия* (связность) и *когерентность* (целостность) очень много общего. Тем не менее лингвисты указывают и на различие в понятиях когезии и когерентности. Так, А.-М. Бруссо относит когезию к свойству формы текста, а когерентность к свойству его содержания [56]. Ф. Растье также устанавливает терминологическое различие между терминами *когезия* и *когерентность*. Он дифференцирует содержащиеся в них означаемое в следующих определениях: «когезия текста зависит от внутренних семантических отношений, а когерентность — от отношений с экстралингвистическим окружением, совокупности связанных с текстом семиотических явлений» [57].

Исходя из словарных дефиниций терминов *cohesion* и *coherence*, мы присоединяемся к мнению и авторов учебного пособия, и основной части известных зарубежных исследователей текста в их интерпретации понятий целостности и связности. По своей семантической структуре термин *когерентность* означает свойство. Поэтому мы предлагаем толкование термина, обусловленное его внутренней формой — «гармоническая целостность частей» [58].

Когерентный текст означает в такой интерпретации наличие смыслового центра текста и его логически и семантически последовательное развитие в композиционной структуре текста [59]. В последних работах по лингвистике когерентность видят в объединении концептуальной [60; 61] или логической связи и последовательности конституентов текста [62].

При этом различают референциальную и реляционную когеренцию [63; 64]. Референциальная когеренция исследователями относится к концептуальным единствам, о которых идет речь в тексте, а реляционная к связям между концептами, которые восходят к связям между событиями, о которых идет речь в тексте. Таким образом, когерентность, или целостность, относится лингвистами к означаемому текста. Это означаемое должно быть актуализировано языковыми средствами. Таким средством является для них когезия текста [65; 66; 67].

Ссылаясь на авторитетное мнение известного французского лингвиста Ф. Растье и на собственную логику научных заключений, мы считаем, что и предложение, как синтаксическая единица синтагматического развертывания, обладает свойствами целостности и связности. В свое время предложение нами было классифицировано как микротекст по отношению к тексту как макротексту [68]. В этом отношении аргументацией нашей точки зрения может являться ответ Ф. Растье на собственный риторический вопрос: «если микро- и макросемантика отдаются разной дисциплине, то как тогда лингвистика может разработать единую семантическую теорию?» [69].

Предложение как номинант отражает целостные события реальной действительности, и поэтому по своей семантической сути является синтаксической синтагматической единицей событийной сущности. Онтологически событие как функциональная сущность воспринимается как целостная единица, отличная от другого функционального событийного единства через посредство функциональных партиципантов и обстоятельств, некоторые из которых входят в определение реципиентом характера события. Отражающий тот или иной функциональный тип события его пропозитивный номинант в форме предложения также отличается функциональной целостностью. В означаемом пропозитивного номинанта она обеспечивается функциональной синтагматикой конститuentов предложения: их количественным присутствием, их соотношением между собой, а также лексико-семантическим содержанием этих конститuentов [70; 71; 72; 73; 74]. Поэтому, несмотря на то, что обычно свойство целостности предписывают тексту, дискурсу, в нашем понимании предложение как событийное означаемое также обладает этим признаком. Дело только в терминологии.

Так, например, свойство когерентности текста, которое затрагивает внутреннюю структуру текста, вполне сопоставимо по своей сущности с обозначением пропозитивной композициональности (композиционности — *compositionality*), которую лингвисты характеризуют как принцип, согласно которому значение сложного выражения является композиционной функцией значений его частей (*the meaning of a complex expression is a compositional function of the meanings of its parts*) [75]. В этом же плане композициональность определена и в работах других известных зарубежных лингвистов.

Примечания

1. *Кручинкина Н. Д.* Интегративный подход к определению понятия синтагмы // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. Межвузовский научный альманах. Под ред. канд. филол. наук доц. Т. А. Ширяевой. Пятигорск, 2009. С. 59–63.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. *Кубрякова Е. С.* Текст и его понимание // Русский текст. 1994. № 2. С. 18–27.
4. *Кубрякова Е. С., Александрова О. В.* О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Междунар. конф. М., 1999. С. 186–197.
5. *Кубрякова Е. С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72–81.
6. *Николаева Т. М.* Текст // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2. М., 1997. С. 555–556.
7. *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
8. *Болотова Н. С.* Филологический анализ текста. М., 2007.
9. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2005.
10. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 473.
11. *Кручинкина Н. Д.* Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004. С. 80.
12. *Кручинкина Н. Д.* Референциальная и комбинаторная целостность текста // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики. Астрахань, 2007. С. 47.
13. *Кручинкина Н. Д.* Текст как синтагматическая единица // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 75–76.
14. *Кручинкина Н. Д.* Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004.
15. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 299.
16. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Указ. соч.
17. *Растье Ф.* Интерпретирующая семантика: пер. с франц. Н. Новгород, 2001.
18. *Кручинкина Н. Д.* Когерентность конструктивных единиц // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты. Саранск, 2000. С. 180–181.
19. *Растье Ф.* Указ. соч. С. 113.
20. *Baylon C., Mignot X.* Initiation à la sémantique du langage. P., 2000. P. 198–199, 207.
21. *Brousseau A.-M., Roberge Y.* Syntaxe et sémantique du français. Québec, Saint-Laurent, 2000. P. 272.
22. *Grobet A.* L'identification des topiques dans les dialogues. Bruxelles, 2002. P. 20.
23. *Кручинкина Н. Д.* Предложение как микротекст // Текст-2000: теория и практика. Междисциплинарные подходы. В 2 ч. Ч. 1. Ижевск, 2001. С. 106.
24. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 158.

25. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972. С. 367–395.
26. Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Нижний Новгород, 2003. С. 73.
27. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Указ. соч. С. 182.
28. Там же. С. 41–42; 182–194.
29. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 267–306.
30. Кручинкина Н. Д. Согласование единиц как общеязыковая закономерность // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2 т. М., 1995. Том 1. С. 277–278.
31. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Указ. соч. С. 41–42.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. Longman Group Ltd, 1976.
36. Kehler A. Cohesion and coherence // Semantics. Vol. 2 / Ed. by K. von Heusinger, C. Maienborn, P. Portner. Berlin/Boston, 2011. P. 1963–1987.
37. Spooren W. Structuring texts: Text linguistics // Cognitive Exploration of Language and Linguistics .Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia, 2004. P. 179–201.
38. Растье Ф. Указ. соч. С. 113–114.
39. Baylon C., Mignot X. Op. cit. P. 198–199, 207.
40. Brousseau A.-M., Roberge Y. Op. cit.
41. Grobet A. Op. cit.
42. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle / W. Spooren // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. Bruxelles, 2002. P. 223–231.
43. Taboada M. T. Building coherence and cohesion: task-oriented dialogue in English and Spanish. Amsterdam/Philadelphia, 2004.
44. Растье Ф. Указ. соч. С. 11.
45. Halliday M. A. K., Hasan R. Op. cit.
46. Kehler A. Op. cit.
47. Baylon C., Mignot X. Op. cit. P. 199–201, 207.
48. Бочкарев А. Е. Указ. соч.
49. Кручинкина Н. Д. Когезия в синтагматике // Новые подходы в гуманитарных исследованиях. Право, философия, история, лингвистика. Саранск, 2000. С. 126–127.
50. Кручинкина Н. Д. Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004.
51. Кручинкина Н. Д. Когезия в синтагматике // Новые подходы в гуманитарных исследованиях. Право, философия, история, лингвистика. Саранск, 2000. С. 126.
52. Greimas A.-J. Sémantique structurale: recherche de méthode. P., 1966.
53. Ibid. P. 69–71.
54. Ibid. P. 111–112.
55. Pottier B. Sémantique générale. P., 1992. P. 41.
56. Brousseau A.-M., Roberge Y. Op. cit.
57. Растье Ф. Указ. соч. С. 114.

58. Кручинкина Н. Д. Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Саранск, 2004. С. 79.

59. Ducrot O., Schaeffer J.-M. Nouveau dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. P., 1995. P. 604–605.

60. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle / W. Spooren // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. Bruxelles, 2002. P. 223.

61. Spooren W. Structuring texts: Text linguistics // Cognitive Exploration of Language and Linguistics Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia, 2004. P. 179.

62. Brousseau A.-M., Roberge Y. Op. cit.

63. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle / W. Spooren // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. Bruxelles, 2002. P. 224, 231–240.

64. Spooren W. Structuring texts: Text linguistics // Cognitive Exploration of Language and Linguistics Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia, 2004. P. 179, 186–194.

65. Растье Ф. Указ. соч.

66. Baylon C., Mignot X. Op. cit.

67. Ducrot O., Schaeffer J.-M. Op. cit. P. 603–604.

68. Кручинкина Н. Д. Предложение как микротекст // Текст-2000: теория и практика. Междисциплинарные подходы. В 2 ч. Ч. 1. Ижевск, 2001. С. 106–108.

69. Растье Ф. Указ. соч. С. 112.

70. Кручинкина Н. Д. Семантическое согласование конститuentов пропозитивных синтагм // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 19–26.

71. Кручинкина Н. Д. Система инвариантных знаковых языковых выражений событийных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 18–25.

72. Кручинкина Н. Д. Событийная основа пропозитивной номинации. лингводидактический подход // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Тамбов, 2011. С. 202–205.

73. Кручинкина Н. Д. Концептуализация денотата и его языковая репрезентация // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. М.–Тамбов, 2013. С. 263–274.

74. Кручинкина Н. Д. Концептуализация и категоризация предметно-событийного мира в языковой репрезентации // Когнитивные исследования языка. Вып. XX. Тамбов, 2015. С. 826–836.

75. Cruse A. Semantics and pragmatics. Edinburgh, 2006. P. 29.

Text and sentence in syntagmatical representation

The paper interprets the basic characteristics of coherence and cohesion of the text presented in one of the works by L. G. Babenko. These characteristics are considered, firstly, as the signified and the signifier of the text, and as a kind of a sign structure. It is noted in the rationale of the innermost structure of the concept of having a coherence unit. When applied to the text, the complex structure of syntagmatic combinatorial formation, understanding of semantic coherence means having the center in a particular syntagmatic deployment within the framework of the system of language means in their sequential linear manifestation which provides cohesion of the text.

Since the central idea of the article is the idea of the universality of basic characteristics like coherence and cohesion in any syntagmatic formation proposal as syntagmatic structure is also determined by these characteristics. However, a simple sentence as distinct from the text of the syntagmatic structure of these properties represents a specific unit. Propositional nominee has a functional organization of integrity, as well as the reflected substrate — extralinguistic event. Therefore, the proposal to refer to the coherence of properties and cohesion, there are other linguistic resources, denoted by certain other terms.

Keywords: coherence, cohesion, text, sentence, propositional nominee, semantic agreement, compositionality, event, isotopy.

© Л. Б. Крюкова, А. В. Хизниченко
ТГУ, г. Томск

Семантика восприятия запаха и ее роль в формировании художественного образа пространства в поэтических текстах И. Бродского и Б. Пастернака

В статье рассматриваются языковые единицы с семантикой восприятия запаха и их функциональная нагрузка в процессе формирования художественного образа пространства в поэтических текстах И. Бродского и Б. Пастернака. В центре внимания средства выражения предикативного компонента, маркирующего восприятие и распространение запаха в пространстве, а также квалификатор и источник запаха. В процессе формирования анализируемого художественного образа важную роль играет комплексное восприятие действительности и синестезия как одна из форм его проявления. Различие двух поэтических картин мира в отношении формирования художественного образа пространства состоит в том, что поэзия Б. Пастернака насыщена ароматами мира флоры, а в лирике И. Бродского больше «городских» запахов, исходящих от жилых помещений и наполняющих их предметов быта. В поэзии Б. Пастернака с помощью запахов показана связь явлений природы с внутренним миром героя, его мышлением и восприятием мира в целом, в лирике И. Бродского пространственные образы передают состояние отчуждения лирического героя. Вербализованные в поэтических текстах пространственные образы, имеющие в основании семантику восприятия запаха, одновременно моделируют ситуации состояния окружающего мира и психического, физического, эмоционального состояния лирического героя.

Ключевые слова: художественный образ, пространство, восприятие запаха, поэтический текст.

Движущая сила обонятельной чувствительности — переосмысление, при котором представление о мире не разрушаются, не отрицаются, а обогащаются новым содержанием. Смыслы запахов не «вносятся» извне как внешнее, принудительное начало. Они само-возникают в сознании субъектов культуры. Запахи и ароматы — тот материал, где совершается становление человека как субъекта

культуры, который имеет возможность осмыслить происходящее в деталях [1].

В рамках развития современного лингвистического направления, получившего название «лингвосенсорика», вербализация восприятия запаха исследуется в различных аспектах: лингвокультурном, структурно-семантическом, идиостилевом, дискурсивном, сопоставительном и др. Традиционно считается, что носители языка не имеют достаточно языковых средств для передачи ольфакторных впечатлений, и поэтому в общем блоке слуховых, зрительных, осязательных, вкусовых ощущений языковая передача запахов является наиболее загадочной [2].

О. Ю. Авдеевнина отмечает, что слова в поэтическом тексте выступают не столько как единицы номинации, сколько как средства предикации, выражая и смысловые приращения эстетического характера. Лингвопоэтические исследования актуализации, сочетания и противопоставления средств выражения разных форм перцепции в творчестве разных художников слова складываются в особое направление лингвистической поэтики и художественной стилистики [3].

В задачу авторов предлагаемой статьи не входит обзор и анализ многочисленных работ, в которых анализируются языковые средства выражения семантики запаха [4]. В центре внимания роль языковых единиц с обонятельной семантикой в формировании художественного образа пространства в поэзии Б. Пастернака и И. Бродского. В качестве ключевых используется определение художественного образа, представленное в книге Н. С. Валгиной [5]: художественный образ — способ конкретно-чувственного воспроизведения действительности в соответствии с избранным эстетическим идеалом; и определение художественного пространства, данное в работах И. Я. Чернухиной: художественное пространство — продукт творчества автора, эстетический способ речевого воплощения физического и философского аспектов пространства в пределах прозаического или поэтического текста [6].

Языковые маркеры пространства достаточно подробно описаны в исследовательской литературе [7], при этом работы, в которых речь идет о перцептивных характеристиках пространства (в частности, о восприятии запаха) в творчестве конкретного писателя или поэта, встречаются нечасто [8].

О значимости восприятия запаха в поэтической картине мира И. Бродского свидетельствуют следующие строки:

*Здесь, где столько / пролито семени, слез восторга / и вина, в переулке земного
рая / вечером я стою, вбирая / сильно скукожившейся резиной / легких чистый,
осенне-зимний, / розовый от черепичных кровель / местный воздух, которым
вдоволь / не надышаться, особенно — напоследок! / пахнувший освобождением
клеток / от времени («С натуры»)* [9].

Восприятие запаха является смысловым центром ряда ранних стихотворений Б. Пастернака: «Лето», «Любка», «Три варианта», «Жизнь» и др. В поздней лирике запахам также уделяется должное внимание, примером может служить стихотворение «Липовая аллея»:

*Но вот приходят дни цветенья, / И липы в поясе оград / Разбрасывают вме-
сте с тенью / Неотразимый аромат. // Гуляющие в летних шляпах / Вдыхают,
кто бы ни прошел, / Непостижимый этот запах, / Доступный пониманью пчел* [10].

И. Бродский высоко ценил творчество Б. Пастернака и называл его имя среди имен наиболее значимых для своего поколения поэтов [11]. Несмотря на тот факт, что поэтические картины мира этих двух авторов строятся на совершенно разных основаниях [12], в них обнаруживаются и общие черты. Так, и тот и другой отводят ситуации восприятия запаха немаловажную роль в организации структурного и содержательного планов стихотворений, в формировании художественных образов.

В русском литературном языке базовыми лексическими единицами, вербализующими восприятие запаха, являются глагол **пахнуть** и существительное **запах**. В анализируемых поэтических текстах названные лексические единицы реализуют свои основные значения, но их функциональная нагрузка может быть различной:

— глагол **пахнуть** («издавать какой-нибудь запах» [13]) регулярно выступает в качестве предикативного компонента высказывания:

*В комнате пахнет, как ночью / Болотной фиалкой (П. «Кругом семяющей
ватой...»); Бродят парубки с ножами, пахнет шипром с комсомолом (Б. «Пред-
ставление»).*

— существительное **запах** («свойство предметов, веществ действовать на обоняние») выполняет функцию объекта восприятия, но при этом может занимать различные синтаксические позиции:

*Он как запах от трав исходил (П. «Маргарита»); То верю только в эту эста-
фету. / Вернее, в тех, кто ощущает запах (Б. «Остановка в пустыне»).*

Семантическая модель восприятия запаха включает такие важные компоненты как источник запаха или его квалификатор: именно за счет них создается наглядность и метафоричность поэтических образов:

И вдруг пахнуло выпиской / Из тысячи больниц (П. «Дождь»); *Топтался дождик у дверей. / И пахло винной пробкой* (П. «Лето»); *Пахнет хвоей, / этой колкой субстанцией малознакомых мест* (Б. «Примечание к прогнозам погоды»).

В стихотворениях И. Бродского и Б. Пастернака мы находим большое количество примеров, в которых основой художественного образа пространства является именно семантика запаха:

На пароходе пахло кушаньем / И лаком цинковых белил (П. «На пароходе»); *И пахнет сырой резедой горизонт* (П. «Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...»); *Из сада шел томящий дух / Озона, змей и розмарина* (П. «Сон в летнюю ночь»); *В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной* (Б. «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...»); *В спальне и в гардеробе / пахнет духами* (Б. «Приглашение к путешествию»).

В поэзии И. Бродского, например, запах может не просто характеризовать пространство, но и являться им:

Где ты живешь среди вороха бумаг / И запаха увянувших цветов... (Б. «Романс»). Важно, что запах маркирует «своих» и «чужих»: *Запах мыла / Выдает обитателю джунглей приближающегося врага* (Б. «Теперь, зная многое о моей...»); *И собаке с кормилицей не узнать / По запаху или рубцу пришельца* (Б. «Романс»).

В поэзии Б. Пастернака запах определяет общее состояние того или иного описываемого пространства: *Каким-то сном несло отсюда* (П. «Волны») и его соотнесенность с семантической категорией времени: *И мартом пахло на земле* (П. «Высокая болезнь»).

Процесс восприятия запаха в творчестве двух авторов может быть представлен глаголами семантикой активного обонятельного восприятия — *нюхать, принюхиваться, обнюхивать и вдыхать*:

Это огненный тюльпан, / Полевой огонь бегоний / Жадно нюхает толпа (П. «Как усыпительна жизнь!...»); *Так оромадер нюхает, морщась, рельсы* (Б. «К Уралии»); *Вдыхают, кто бы ни прошел, / Непостижимый этот запах* (П. «Липовая аллея»); *Ах, вдыхая запах хвои, / с дролей спать приятней вдвое* (Б. «Лесная идиллия»); *Листы обнюхивают воздух* (П. «Тоска, бешеная, бешеная...»); *Собаки принюхиваются к обедкам* (Б. «В Италии»).

Процесс распространения запаха в художественном пространстве вербализуется глаголом *благоухать*:

Так по ночам табак / В грядках благоухает (П. «Как кочегар...»); *И вновь благоухали анемоны* (Б. «Шествие (поэма)»).

Регулярно используются глаголы (деепричастия) других лексико-семантических групп, как общеупотребительные, так и индивидуально-авторские, окказиональные — *обдавать*:

И обдавало на ходу / Черемуховым свежим мылом / И пряниками на меду (П. «На ранних поездах»); *Где, обдавая! запахами нутра, / в ванной комнате, в четыре часа утра* (Б. «Шорох акации»); *наполнять: Ночь <...> меня наполнит, как кувшин / Водюю и сиренью* (П. «Летний день»); *Ушла, наполнив комнату духами* (Б. «Суббота (9 января)»), *дышать: Теперь не надышишься крепью густой* (П. «После дождя»); *Хорошо дышать березой* (Б. «Лесная идиллия»); *тянуть: Из редакций тянуло табачком* (П. «Как усыпительна жизнь!..»); *За дверью шуришат подолы и тянет стужей* (Б. «Вертумн»).

Из других глаголов, отражающих распространение запаха в пространстве, Б. Пастернак использует: *лить* (*запах/аромат*), *оботкать*, *обволакивать* (*запахом*), *передавать* (*запах*), *разбрасывать* (*аромат*), *разить*; И. Бродский — *цекотать* (*ноздри*), *следовать* (*за чем-либо*), *отбрасывать*, *издавать*, *затмевать*, *набираться*, *плыть*, *клубиться*, *слышать*, *источать*, *бить*, *туманить*, *пропитаться*, *хранить* (*запах*). Подавляющее большинство таких глаголов обладают значением физического действия, т. е. *запах* осознается поэтическим сознанием как нечто осязаемое, способное взаимодействовать с материальным миром.

Существительные *аромат*, *дух*, *чад* являются контекстуальными синонимами слова *запах*:

После поля у города свой аромат (П. «Из записок Спекторского»); *Такие книги вечером как раз / особый источают аромат* (Б. «Из "Школьной антологии"»); *Все утро с девяти до двух / Из сада шел томящий дух / Озона, змей и розмарина, / И олеандры разморило* (П. «Сон в летнюю ночь»); *Но тебя, пожалуй, / устраивает дух лежальный / жилья* (Б. «Муха»). Встречаются также лексемы *перегар*, *затхлость*, *дыханье*, *благоуханье*, *душок*, *смад*: *Благоуханье роз / туманит стены* (Б. «Post aetatem nostrum»).

Использование причастий и отглагольных существительных также является важным лингвистическим средством, маркирующим восприятие запаха: *запахший*, *пропахший*, *пахнущий*, *издающая* (*запах*) и др.:

Степной нечесаный растрепы, / Пропахший липой и травой, / Ботвой и запахом укропа, / Июльский воздух луговой (П. «Июль»); *И кончики пальцев коснутся торса, / покрытого пузырьками / и пахнущего, как в детстве, йодом* (Б. «Сан-Пьетро»).

Для обозначения квалификатора, указывающего на источник распространения запаха, используются конструкции с родительным и творительным падежами существительного: *Полон рот сырой*

крапивы: / Это запах гроз и кладов (П. «Три варианта»). Реже в роли квалификатора выступают прилагательные, которые характеризуют интенсивность запаха (*резкий, сильный, острый*), его качество (*кислый, лежалый, горький, сладкий*), оценку (*неотразимый, непостижимый*), источник запаха (*луковый*). Такие прилагательные, как *садовый, луговой, отечественный* содержат указание на пространственную характеристику источника запаха. Оценочное определение запаха может присутствовать и внутрисловно (*аромат* — приятный запах, *смад* — неприятный запах и т. д.).

В стихотворениях Б. Пастернака и И. Бродского встречаются одни и те же источники запахов: воздух (*июльский воздух, воздух болот*); цветы и растения (*розы, резеда, анемоны, сирень, мята, трава*); *йод, лекарства, хвоя, духи, мыло, тлен (тленье), дерн, тес, сено (сеновал, сенокос), навоз (кизяк)*. Помимо «общего» набора источников запахов, в арсенале каждого из поэтов присутствует и ряд «индивидуальных».

«Излюбленными» ароматами в лирике И. Бродского являются запахи водорослей, травы, рыбы: *Береговая полоса, / и острый запах водорослей с Оста* (Б. «Из "Школьной антологии"»). Широко распространены также неприятные запахи — козьей мочи, псины, нечистот, тряпья, пота и др.: *В гимназиях, где острый запах пота / щекочет ноздри* (Б. «Post aetatem nostrum»). Реальные запахи в творчестве поэта связаны:

— с едой и напитками: *молоко, водка, треска, мандарины, корица, яблоки, лук, халва, капуста, рыба, соль*;

— с растениями: *герань, нарцисс, лилии, лаванда, цикламен и др., водоросли, береза, лавр, жженный лист*;

— с органическими и неорганическими веществами: *пудра, лыжная мазь, смола, тина*;

— с помещениями: *лестница, баня*.

Встречаются «индивидуально-авторские запахи»: они возникают в результате разнообразных ассоциаций, синтезируемых на базе воспоминаний и воображения, например: *Короткий запах злого смысла / твоих обыденных забот* (Б. «Петербургский роман (поэма в трех частях)»).

Классификация источников запаха в поэзии Б. Пастернака включает похожие группы. Некоторые запахи проходят лейтмотивами через все творчество поэта: *сирень, розы, гроза* и др. Например:

Все очищает аромат, / Который льет без всякой связи / Десяток роз в стеклянной вазе (П. «Вакханалия»); *Но эти розы на боку / Несут во весь опор* (П. «Заместительница») [14].

Следует отметить, что многообразие квалификаторов свидетельствует об авторском стремлении «развернуть» и дополнить вербализуемый художественный образ. При этом все представленные в поэтических текстах запахи делятся на «реальные» и «воображаемые».

Реальные ароматы отсылают читателя к природному или рукотворному образу пространства, а воображаемые, строящиеся на базе метафорического переноса, — к пространству ирреальному: сфере сна, фантазии, воображения, мышления. Нередко именно запах становится «проводником» из одного мира в другой. Так, запах фиалки, витающий вечером на дачном участке, уводит лирического героя в размышления:

Тогда ночной фиалкой пахнет все: / Лета и лица. Мысли. Каждый случай, / Который в прошлом может быть спасен, / И в будущем из рук судьбы получен (П. «Любка»), а запах духов соседки способен пробудить память: *И этот запах в середине дня, / воспоминаний вызволив лавину, / испортил всю вторую половину* (Б. «Суббота (9 января)»).

В процессе формирования художественного образа пространства важную роль играет комплексное восприятие действительности и синестезия как одна из форм его проявления. Неотделимыми друг от друга становятся разные атрибуты предмета или явления, в том числе их цвет, запах, звук; т. е. объект воспринимается лирическим субъектом целостно, как результат одновременной «работы» разных органов перцепции.

Одним из проявлений комплексного восприятия является описание города в стихотворении И. Бродского («совокупность» зримых предметов, запаха и звука): *Над рейдом плывут отары / Туч, запах потных подмышек и перебор гитары* (Б. «Лидо»).

Среди синестетических сочетаний можно выделить и те, в основе которых лежит именно обонятельное восприятие [15]: например, запах — звук:

Опять знакомостью напева / Пахнут деревья и дома (П. «Мне хочется домой...»); *По небосводу, где / Нет эха, где пахнет апофеозом / Звука, особенно в октябре* (Б. «Осенний крик ястреба»).

Таким образом, анализ языковых единиц с семантикой запаха показал, что они играют значимую роль в формировании художественного образа пространства в поэтических текстах И. Бродского

и Б. Пастернака. Различие двух поэтических картин мира в отношении формирования рассматриваемого художественного образа состоит в том, что поэзия Б. Пастернака насыщена ароматами мира флоры: запах издают сад, лес, поле, растения и цветы. В лирике И. Бродского больше «городских» запахов, исходящих от жилых помещений и наполняющих их предметов быта. В поэзии Б. Пастернака с помощью запахов показана связь явлений природы с внутренним миром героя, его мышлением и восприятием мира в целом, в лирике И. Бродского пространственные образы передают состояние отчуждения лирического героя.

Образ пространства конструируется с учетом индивидуально-авторских чувственных представлений, а также особенностей его языковой репрезентации, при этом выполняется определенная авторская задача — как можно полнее и детальнее описать сферу существования лирического героя, с одной стороны, объективно существующую, с другой, максимально «индивидуализированную». Вербализованные в поэтических текстах пространственные образы, имеющие в основании семантику восприятия запаха, одновременно моделируют ситуации состояния окружающего мира и психического, физического, эмоционального состояния лирического героя. Запах «наименее объектен» среди других модусов перцепции, и внедрение соответствующей семантики в текст делает образ неповторимым, позволяет максимально проявить творческое начало в работе с формой и содержанием стихотворения.

Примечания

1. *Костяев А. И.* Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы. М., 2009. С.8-10.
2. *Харченко В. К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М., 2012. С. 46.
3. *Авдевшина О. Ю.* Закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов, 2013. С. 60–62.
4. Обзор работ по семантике восприятия (в т. ч. и восприятия запаха) представлен в указанных монографиях Харченко В. К., Авдевшиной О. Ю., а также: *Демешкина Т. А., Верхотурова Н. А., Крюкова Л. Б., Курикова Н. В.* Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. Томск, 2006; *Двизова А. В.* Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б. Л. Пастернака: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.
5. *Валгина Н. С.* Теория текста. Учебное пособие. М., 2004. С. 124.
6. *Чернухина И. Я.* Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987. С. 9.

7. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: учеб. пособие для филологов. Томск, 2004. Ч. 2. С. 104–109.
8. *Григорьева О. Н.* Цвет и запахи власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. М., 2004. С. 157–168.
9. Здесь и далее цитируется: *Бродский И. А.* Стихотворения; Поэмы. М., 2001.
10. Здесь и далее цитируется: *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. Ленинград, 1990.
11. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 45.
12. *Ранчин А. М.* О пастернаковском пласте в поэзии Иосифа Бродского: стихотворение «Пришла зима и все, кто мог лететь...» // Образовательный портал «Слово». 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/47523.php#_edn1 (дата обращения: 15.05.2016).
13. Здесь и далее значения слов определены: *Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований.* М., 1999.
14. *Двизова А. В.* Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б. Л. Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. С. 173–174.
15. О роли синестезии в творчестве Б. Л. Пастернака см.: *Двизова А. В., Крюкова Л. Б.* Языковые особенности репрезентации семантики вкуса в стихотворениях Б. Пастернака // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2014. № 2. С. 76–79; *Олицкая Д. А., Крюкова Л. Б.* Авторское мировосприятие и способы его языкового выражения в оригинальной и переводной поэзии Б. Пастернака // Мир русского слова, 2012. № 4. С. 92–99 и др.

Semantics of odor perception and its role in forming the space imagery in poetic texts by B. Pasternak and J. Brodsky

The article discusses linguistic units with semantics of odor perception and its functional yield in the process of forming the space imagery in poetry by B. Pasternak and J. Brodsky. The center of researcher's attention is paid on the element of representation of the predicative component of perception and spreading of odor, qualifier and the source of odor. In the process of formation of the analyzed imagery an important role is given to the complex perception of reality and a synaesthesia as one of manifestation forms. Distinction of two poetic worldviews concerning formation of an imagery of space is what B. Pasternak's poetry is filled with aromas of plant kingdom, and in J. Brodsky's lyrics there are more "urban" smells proceeding from premises and domestic implements. In B. Pasternak's poetry by means of smells communication of natural phenomena with an inner world of the persona, his thinking and perception of the world in general are shown; spatial images represent estrangement status of the persona in J. Brodsky's lyrics.

The spatial imagery based on semantics of odor perception and verbalized in poetic texts model states of the world and a mental, physical, emotional and psychic state of the persona at the same time.

Keywords: imagery, space, odor perception, poetic text.

Русские сравнения в идеографическом словаре¹

В статье на материале фразеологических единиц со структурой сравнения показано, как будет представлен в «Словаре ключевых концептов русских народных сравнений», над которым работает коллектив авторов под руководством проф. В. М. Мокиенко, этот обширный пласт фразеологии, дан образец некоторых рубрик. Рассматриваются разные типы сравнений. Это как непредикативные конструкции (тавтологические, с компаративным союзом, с непервообразным и первообразным предлогом, с творительным сравнения, с наречием и прилагательным в сравнительной степени), так и предикативные (половицы, пожелания и проклятия со сравнительной структурой). Идеографическая систематизация материала помогает анализу внутренней формы фразеологизмов. Диапазон описываемых компаративных единиц широк: от устаревших до активных в наши дни, от представленных в других словарях, диссертационных исследованиях, статьях и т. д. до незафиксированных, функционирующих в речи носителей языка и Интернет-дискурсе. Точная паспортизация компаративизма (перечисляются практически все известные источники, фиксирующие данный оборот) позволяет судить о территориальной «привязке», ареальной проекции, об инновационном или архаическом характере фразеологизма, а стилистические и эмотивные пометы — о сфере его употребления. При необходимости при сравнении дается историко-культурологическая справка, краткий этимологический комментарий, разъяснение малопонятных слов и выражений (жаргонных, диалектных, иноязычных, устаревших, малоупотребительных).

Ключевые слова: фразеология, русские устойчивые сравнения, фразеография, идеография, словарь.

Русской фразеографии известен ряд специализированных словарей фразеологизмов со структурой сравнения. Словари русских компаративизмов Л. А. Лебедевой [1], В. М. Огольцева [2] (в списке литературы указаны не все словари этих авторов), В. М. Мокиенко [3], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [4] различаются объемом, принципами отбора и подачи материала, системой помет, наличием/отсутствием текстовых иллюстраций и отсылок к источнику, так как авторы ставили перед собой разные задачи. «Словарь ключевых концептов русских народных сравнений», над которым работает коллектив под руководством проф. В. М. Мокиенко, отличается от них тем, что является одновременно идеографическим, тематическим, толковым, синонимическим (час-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00090/14).

то и антонимическим). В него будут включены разные компаративные обороты (от устаревших до активных в наши дни, от представленных в других словарях, диссертационных исследованиях, статьях и т. д. до незафиксированных, функционирующих в речи носителей языка и Интернет-дискурсе) и представлены разные типы сравнений. Это непредикативные конструкции:

1) тавтологические: **дуб дубом**. *Неодобр.* Глухов 1987. Об очень глупом, несообразительном человеке;

2) с компаративным союзом: **глуп как пятка**. *Прост. Презр.* [Тургенев И. С. Муму. 1851]. БАС 5, 55. О крайне глупом человеке; **жизнь что вода**. *Горьк.* БС, 35. О быстротечности жизни;

3) с непервообразным (*наподобие, подобно* и др.) и первообразным предлогом (*в, с* и др.): **лежать наподобие Лени**. *Кар. Неодобр.* СРГК 1, 30. О лежащем без дела человеке, бездельнике; **трепетать подобно ночной бабочке**. *Книжн.* БАС 1, 236. О чем-л. трепещущем, дрожащем (от волнения, холода и т. п.); (величиной) **в (с) кулак**. *Разг., Брян., Бурят. АССР.* БАС 5, 1810; О, СЧ, 269; Бойцов 1986; СРНГ 30, 21; (величиной) **по кулаку**. *Народн., Киров.* СРНГ 12, 349. О чем-л. очень крупном, круглом (по сравнению со своими обычно небольшими размерами — опухолях, нарывах и т. п.);

4) с творительным сравнения: **лежать колом**. *Неодобр. Волжогр.* Глухов 1988, 80. О неподвижно лежащем бездельнике;

5) с наречием и прилагательным в сравнительной степени: **дурее лошади**. *Орл. Неодобр.* Арсентьев КД 2, 59. Об очень глупом человеке;

6) с семантикой меры и степени: **смыслить в чем столько, сколько сазан в Библии**. *Прост. Ирон.* [А. С. Серафимович. Сопка с крестами. 1907].

Включены в словарь будут пословицы, заговорные формулы, пожелания и проклятия со сравнительной структурой: **Прямой что глупый**. *Посл. Пренебр.* ДП, 432. Прямолинейные, излишне принципиальные люди недалеки; **Стоять ему [новорожденному] и бодриться, как деньга торчмя торчит**. *Устар. Твер.* < Произносится вместе с прагматическим ритуалом: на крестинах втыкают деньга в пирог. ДП, 380. Заговорная формула — пожелание здоровья и крепости новорожденному; **Пронеси, Господи, тучу мором!** *Горно-Алт., Южн.-Сиб.* (1847). СРНГ 18, 273. Пожелание, чтобы не было дождя, грозы; **Как на осине лист трясется, так и**

тебя истряси! *Перм.* СРГЮП 2, 24. Недоброе пожелание, проклятие. Войдут в словарь и отрицательные сравнения типа **Голод не свой брат.** *Краснояр. Посл.* ППЗ, 170. Голод вынуждает поступать против собственной воли.

Точная паспортизация компаративизма (перечисляются практически все известные источники, фиксирующие данный оборот, обычно с указанием страницы) позволяет судить о территориальной «привязке», ареальной проекции, об инновационном или архаическом характере фразеологизма, а стилистические и эмотивные пометы — о сфере употребления. При необходимости при сравнении дается историко-культурологическая справка, краткий этимологический комментарий, разъяснение малопонятных слов и выражений (жаргонных, диалектных, иноязычных, устаревших, малоупотребительных и т. д.): **аркаться ровно кошка да собака.** *Перм. Неодобр.* (1856 г.). < **Аркаться** — 1. Лаять друг на друга (о собаках). 2. Ругаться, ссориться, браниться. СРНГ 1, 275. О бранящихся, ссорящихся людях; **бела как хлопчатая бумага.** *Устар.* [И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. 1789; А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур. 1836]. О белокожей, белолицей женщине; **худой как нарик.** *Неодобр. Нов. Жарг.* < **Нарик** — наркоман. О худом, тощем человеке.

По мере возможности указываются не только автор и название произведения, газетной публикации, но и дата написания или опубликования, которая позволит сделать вывод о примерном времени появления оборота или его ухода в пассив.

Материал в словаре располагается по тематико-идеографическому принципу: воедино собраны семантически близкие сравнения. Выделяются фразеосемантические поля и микрополя, затем группы, в рамках которых материал группируется в вариантно-синонимические ряды; учитываются количественные и качественные варианты оборотов с семантикой сравнения, оттенки значения, а также сочетаемость.

В ряду синонимов по возможности учитываются структура, внутренняя форма, лексико-грамматическая форма. Хотя синонимический ряд в большинстве случаев формируется с учетом структурно-семантических моделей, сами модели не приводятся. Если

семантика сравнений не различается оттенками, то в ряд синонимов объединяются компаративные единицы с разными конструкциями. Сравнения с одинаковой структурой, но с разными значениями разграничиваются. Часть сравнений не укладывается в рамки моделей; обычно они располагаются в алфавитном порядке по опорному слову.

В «Словарь концептов» войдут не только все сравнения из фундаментального труда В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной «Большой словарь русских народных сравнений» (далее — БСРНС), но и дополнительный материал из других работ, которые не были учтены авторами в силу разных причин или были опубликованы позже 2008 года: **хром как Иаков**. Библ. (Пушкин А. Записные книжки 1815–1816; Тарковский А. Надпись на книге. 1946). МЛТ 2010: 229; **как [с небес] Иисус Христос ноги обмыл**. *Перм. Одобр.* О холодной, бодрящей воде. СРГЮП 1: 380–381. Привлекается и материал из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Свод компьютерного корпуса русских текстов, охватывающий период, начиная с середины XVIII в. до наших дней, и материалы сети Интернет позволяют вычленить частотные, активно используемые носителями языка сравнения, а также корректировать статус отдельных оборотов (новое, устаревшее и т. п.). Так, фразеологизм **нужен (нужно) кому [что] как собаке боковой карман**. *Нов. Жарг., Сиб. Ирон.* квалифицируется в БСРНС, как видно из системы помет, как новый. Однако сравнение известно с 1-ой половины XX в. и встречается в текстах [Макаренко А. С. Педагогическая поэма. 1933; Кин В. Записные книжки. 1921–1937]. Зафиксированный в БСРНС компаративизм **нужен (нужно что) кому как дырка в голове (в голову)**. *Прост. Ирон.* Н. А. Любимова, А. Г. Серебренникова, 1986; БМС 1997, 153; ССРЯ 2003, 113 имеет вариант **нужен кто кому как дыра в голове** (употреблен Свирским А. И. в повести «Рыжик» в 1901 г.).

Данные НКРЯ и сети Интернет позволили выделить новые варианты известных сравнений: **жить как у Христа под мышкой**, а также зафиксировать новые: **испытывать кого как Иова** ‘подвергать кого-л. суровым жизненным испытаниям, проверять с целью выяснения качеств, пригодности к чему-л.’.

Иногда только время может показать, стало ли то или иное сравнение устойчивым. Однако, на наш взгляд, лучше отразить в

словаре потенциальные устойчивые сравнения, нежели оставить их без внимания, тем более что создаются они чаще всего на базе или по образцу существующих в языке структурно-семантических моделей с целью обновить, освежить средства экспрессии. Приведем образцы рубрик.

ПОКУПАТЬ/ КУПИТЬ

покупать кого словно на базаре. [А. Ростовский. По законам волчьей стаи. 2000]; **покупать кого как кусок говядины.** [А. И. Куприн. Яма. 1915]; **покупать кого как коров.** [А. Ростовский. По законам волчьей стаи. 2000]; **покупать кого как свиней.** [А. Ростовский. По законам волчьей стаи. 2000]; **купить кого как свежий товар.** [В. Курицын. Томские трущобы. 1906]. Брать с кого-л. за определенную плату внаем, во временное пользование с какой-л. целью (о женщине).

покупать кого как было. [Н. С. Лесков. Заячий ремиз. 1894]; **купить кого как животное.** [Ф. Чуев. Ильюшин. 1998]; **кто покупается как скот.** [Ю. Н. Тынянов. Кюхля. 1925]. Ог. 2001, 600; **купить кого [за деньги] как скотину.** [И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1938; К. Я. Горбунов. Меж крутых берегов]. Ог. 2001, 600. Приобретать за деньги людей.

купить кого как вещь. [Ф. Чуев. Ильюшин. 1998]. Приобрести за деньги людей (чаще — о крепостных).

покупать кого как невольников. [Н. С. Лесков. Заячий ремиз. 1894]. Приобретать людей за деньги.

купить кого как раба. [Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767]. Приобрести за деньги свободного человека.

огибом огибать. *Костром.* СРНГ 22, 314. Бойко, быстро раскупать, покупать что-л. нарасхват. (1933). < Ср. **огиб** — 1. Поворот, изгиб. 2. Поклон.

разбирать что как горячие пирожки. *Нов.* [А. Криволапов. Автомобиль напрокат (2002) // «Автопилот», 2002.05.15]; **разлетаться как (лучше чем) горячие пирожки [в базарный день].** *Нов.* [Е. Козырева. Дамская охота. 2001; П. Орехин. Триллион для экономики России (2003) // «Независимая газета». 2003.03.31]; **раскупать что как горячие пирожки.** *Нов.* [А. Савин. Камин маслом не испортишь. Электронагреватели раскупают как горячие пирожки (2001) // «Известия». 2001.10.04]; **раскупаться как горячие пирожки.** *Нов.* [С. Самойленко. Первая скрипка мира и его мама (2004) // «Континент Сибирь» (Новосибирск). 2004.12.17]; **расхватывать/расхватать что как горячие пирожки.** *Нов.* [И. Бестужев. Фантастика наступает (2001) // «Аргументы и факты». 2001.03.07; А. Хресин. Skoda Octavia (годы выпуска — 1997-1999) (2002) // «Автопилот». 2002.07.15; Можно ли обанкротить губернии (2003) // «Российская газета». 2003.07.07]; **расходиться/разойтись как горячие пирожки.** *Нов.* [Официальные дилеры (2002) // «Автопилот». 2002.06.15; С. Данилова. Кепка-«аэродром» и щупальца глобализации (2004) // «Бизнес-журнал». 2004.08.17]. О чем-л., пользующемся спросом и быстро, нарасхват раскупаемом, разбираемом.

ПОКУПКА

Купи-льце что шили-це: как раз носок отлотишь! *Посл. Шутл.-ирон.* Д. 2, 220. Покупки — дело ответственное и рискованное.

ПРОДАВАТЬ/ ПРОДАТЬ

продавать/ продать кого как баранов. [В. Ян. Чингиз-хан. 1939]; **продавать кого как было.** [Н. С. Лесков. Заячий ремиз. 1894]; **продать кого как животное.** [Ф. Чуев. Ильюшин. 1998]; **продавать/ продать кого как скот.** [А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Сестры. 1922; Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты. 1928]. Ог. 2001, 600; **продаваться как скот на рынке.** [И. Е. Репин. Далекое близкое. 1912–1917]; **продавать/продать кого как скотину [на торгах].** [И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1938; В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1934–1939]; **продавать/продать кого как скотов.** [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 6. XVIII столетие. 1862–1875; О. Д. Форш. Михайловский замок. 1946; М. Веллер. Карьера в Никуда. 1988]; **кто продается как скот (скоты).** [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1779–1790; Ю. Н. Тынянов. Кюхля. 1925]; **продавать/продать кого как собак.** [В. М. Дорошевич. Сказки и легенды. 1893–1916]. Отдавать за определенную плату людей (крепостных, рабов, пленных и т. п.).

продавать/продать кого как кобылу. [А. Веселый. Россия, кровью умытая. 1924–1932]; **продать кого как буру корову.** [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Кн. 1. 1871–1874]; **продавать/продать кого как скотину.** [В. Г. Короленко. Марушина заимка. 1899; Ф. В. Гладков. Повесть о детстве. 1948]. Отдавать за определенную плату девушку, женщину (замуж или внаем, во временное пользование с какой-л. целью).

продавать/продать кого как поросенка. [Б. Екимов. Продажа. 2001]. Отдавать за определенную плату ребенка.

продать кого как вещь. [Ф. Чуев. Ильюшин. 1998]. Отдавать за определенную плату людей (крепостных, рабов, пленных и т. п.).

продавать/продать кого как невольников. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Т. 5. 1809–1820; Н. С. Лесков. Заячий ремиз. 1894]; **продавать/продать кого как рабов.** [И. Ф. Бларамберг. Воспоминания. 1872]; **проданы как рабы.** [А. Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья Греков. 1773]. Отдавать за определенную плату пленных или крепостных.

продаваться как горячие пирожки. *Нов.* [С. Цин. Звездные войны с пиратами. Совершенную технологию бессмысленно красть (2002) // «Известия». 2002.05.22]. О чем-л., пользующемся спросом и быстро, нарасхват продающемся.

ПРИБЫЛЬ

как палкой сшибить. *Морд.* СРГМ7. 183. Неожиданно получить какую-л. прибыль.

Малый барыш лучше большого накладу. *Посл.* < **Наклад** — убыток, ущерб, утрата; налог. ДП, 678; Д. 2, 423. Небольшая, но надежная прибыль лучше большой, но случайной.

ТОВАР

залежом лежать. *Иркут.* СРНГ 16, 329. О залежавшихся, не продающихся товарах.

колом сесть (засесть). *Пск., Твер.* СРНГ 14, 110; СППП 2001, 99. О товарах, не находящих покупателя, не имеющих сбыта.

Товар не медведь, всех денег не съест. *Посл. ДП, 530.* Покупка товара полностью не разоряет.

Товар — работник: лежа, на себя наедает. *Устар. Посл. ДП, 530.* Товар приносит прибыль.

ТОРГОВАТЬ

торговать кем как скотами. [С. Т. Григорьев. Сомбреро. 1924]; **торговать кем как [рабочим] скотом.** [В. С. Соловьев. Оправдание добра. 1894–1899; В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1939–1945]; **барышничать людьми точно как скотиной и вещьми.** *Устар. Неодобр.* [С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. 1768]; **торговать кем как живым товаром.** [В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 66–75. 1904]. О торговле людьми.

торговать чем как лабазник. *Неодобр.* [О. Э. Мандельштам. Шум времени. 1923]. < **Лабазник** — владелец лабаза, т. е. помещения для хранения или продажи товаров, или продавец в нем. Проявлять беспринципность, поступаться чем-л. (Богом, совестью и т. п.) из-за выгоды.

ТОРГОВАТЬСЯ

торговаться как дьявол. [Е. Л. Шварц. Тень. 1940]. Об упорно и долго торгующемся человеке.

торговаться как жид. *Народн. Ирон. или неодобр.* [А. П. Чехов. Воры. 1890; Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание. 1999–2000]. ДП, 526; Зимин, Спирин 1996, 147; Ог. 2001, 180; **торговаться (вести торг, рядиться) как цыган.** *Неодобр.* или *Ирон.* ДП, 526; Зимин, Спирин 1996, 147; Ог. 2001, 745; **торговаться как цыган на конной ярмарке.** *Неодобр. Устар.* [С. М. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов. 1898]; **торговаться как цыганка.** *Неодобр. или ирон.* О человеке, который долго и упорно сговаривается о цене, требует уступок, собираясь купить что-л.

торговаться как извозчик. *Нов.* [О. Некрасова. Платит последний. 2000; Л. Юзefович. Князь ветра. 2001]; **торговаться как маклак [на барахолке].** *Устар. Прост.* < **Маклак.** *Устар. Прост.* — посредник при мелких торговых сделках; маклер. *Перен.* Тот, кто наживается, перепродавая что-л.; спекулянт. [А. Т. Аверченко. Автобиография. 1910; А. И. Пантелеев. Ленка Пантелеев. 1938–1952; В. С. Пикуль. Каторга. 1987; М. Ахтямов. Пелагея и Лазоревый шуриш. 2006]; **торговаться как торговка рыбой.** [М. Баконина. Школа двойников. 2000]. Об упорно и долго торгующемся человеке.

торговаться с кем как купец. *Неодобр.* О человеке, спорящем из-за получения максимальной выгоды, материальных преимуществ; **торговаться как купчик.** *Ум.-уничиж. Пренебр.;* **торговаться как купчиха.** *Ум.-уничиж.* О мелком торговце, упорно добывающемся максимальной выгоды, преимущества при торге.

торговаться как базарная баба. *Неодобр.* [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. 1969–1975; к/ф «Вольф Мессинг: видевший сквозь время». 2009 г.]. 1. Добиваться уступок, сговариваясь о цене или денежных условиях при какой-л. покупке, сделке. 2. Спорить, не соглашаясь с чем-л., стремясь добиться чего-л., получить что-л.

торговаться как на базаре. [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. 1925; С. Бабаян. Господа офицеры. 1994; А. Житков. Кафедра. 2000]; **торговаться как на бирже.** *Неодобр.* [Н. Н. Суханов. Записки о революции. 1918–1921]; **торговаться как на рынке.** [Б. Васильев. Дом, который построил Дед. 1990–2000]; **тор-**

говаться как на толкучем рынке. *Устар.* [Ф. В. Булгарин. Воспоминания. 1846–1849]; **торговаться как на ярмарке.** *Устар.* [М. А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера. 1932–1933]. 1. Добиваться уступок, сговариваясь о цене или денежных условиях при какой-л. покупке, сделке. 2. Яростно спорить, не соглашаясь с чем-л., стремясь добиться чего-л., получить что-л.

ТОРГОВЕЦ

Купец что стрелец: оплошного ждет. *Посл. Устар. Шутл.* ДП, 532; Д. 4, 345; Танчук, 78; Зимин, Спирин 1996, 148. Торговцы рассчитывают на доверчивых покупателей.

Купец что стрелец: попал, так с полем; а не попал, так заряд пропал. *Посл. Устар.* ДП, 532; Д. 2, 220. Торговцы должны быть расчетливы и дальновидны, иначе понесут убытки.

ТОРГОВЛЯ

Жид на ярмарке что поп на крестинах. *Устар. Посл. Ирон.* ДП, 348; Танчук, 58. О пристрастии евреев к торговле.

Торг — дма: стой прямо! *Посл. Устар.* ДП, 530; **Торг — дма: стой прямо; берегись, не вались, упадешь — пропадешь.** *Посл. Устар.* ДП, 530. При торге необходимо быть решительным, неуступчивым.

Торговать как воевать: кому Бог пособит. *Устар. Пск. Посл.* (1607 г. — Разговорник Тонниеса Фенне). ПОС 4, 81. Правила торговли не менее жестоки, чем ведение войны.

Примечания

1. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар, 2003.

2. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М., 2001.

3. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.

4. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.

Russian fixed similes in the ideographic dictionary

The article shows the structure and some examples of entries in the Dictionary of Key Concepts of Russian Folk Similes as exemplified in phraseological units with the comparative structures. The project of the new dictionary is elaborated by a group of authors under the guidance of Prof. V. M. Mokienko. It describes different types of fixed similes. These are non-predicative structures, i.e. tautological, structures with a comparative conjunction, with a simple or complex preposition, with a noun in the form of instrumental case with the meaning ‘comparison’, with an adjective or adverb in the comparative degree. The fixed similes can also be predicative, i. e. proverbs, wishes and curses with the comparative structure. The ideographic systematization of the material helps to analyse the internal form of phraseological units. The range of the described comparative units is wide: from the old ones to the active nowadays, from those in other dictionaries, dissertation papers, articles, etc. to unrecorded units functioning in native speech and Internet discourse. The accurate and detailed analysis of a comparative expression (there are almost all known sources finding the expression) gives an indication of the territorial «linking», the areal projection, innovation, or the archaic nature of the idiom and at the same time the stylistic and emotive labels show the sphere of its usage. In some cases the

explanation includes a historical-cultural reference, a brief etymological review, explanation of obscure words and expressions (slang, dialectal, foreign, obsolete, rarely used).

Keywords: phraseology, Russian fixed similes, phraseography, ideography, vocabulary.

© Лан Линн, Т. Н. Сивкова
УрФУ, Екатеринбург

Метафоры с компонентом-орнитонимом в русском и китайском языках: к постановке проблемы

Орнитонимы — существительные, обозначающие птиц, являются предметом изучения в лексико-семантических исследованиях русских и китайских лингвистов. Они представлены в современных идеографических словарях. «Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» под ред. проф. Л. Г. Бабенко — наиболее удобное лексикографическое издание для сравнительного анализа тематической лексики русского и китайского языков. В денотативной сфере «Живое существо» названия птиц даны в их основном номинативном значении. Орнитонимы в переносном значении, в метафорическом употреблении, образный потенциал русских орнитонимов в сравнении с китайскими не были предметом специального изучения и представляют научный интерес.

Номинация с помощью названий представителей животного и птичьего мира — это один из самых распространенных источников метафоры для оценочной характеристики человека. Зооморфная метафора или зооморфизм является результатом когнитивной проекции «образа» животного или птицы на образ человека. Внешний облик птиц, особенности поведения, издаваемых звуков, повадки птиц легко сопоставляются с поведением и внешностью человека. Но одни и те же птицы могут играть неодинаковую роль в жизни русского и китайского народов, оцениваться ими по-разному, и их названия могут иметь разный образный потенциал. Для зооморфного наименования человека потенциально может использоваться название любой птицы, однако круг таких слов в языке сужается до более или менее обозримого их количества. Представляется актуальным решить вопрос, все ли они могут использоваться в переносном значении для обозначения человека и его характеристики.

Сравнительный анализ некоторых русских и китайских орнитонимов в их метафорическом употреблении, а также в употреблении в качестве компонента фразеологизмов и сравнений показал как сходство, так и различия на лексико-семантическом уровне. Знание русских орнитологических метафор усилит интерес китайских студентов к русскому языку и культуре русского народа.

Ключевые слова: лексика, семантика, образный потенциал, метафора, зооморфизм, орнитоним, фразеологизм, сравнение.

В центре нашего внимания — орнитонимы или существительные со значением ‘птица’. Орнитонимы рассматриваются в русской на-

учной литературе очень широко и с разных сторон. Ученые исследуют структуру тематической группы существительных со значением 'птица' (Н. Ю. Костина, В. В. Сибул, О. Б. Симакова), семантическую трансформацию орнитонимов (М. А. Кутьева, А. П. Денисова), фразеологизмы с компонентом-орнитонимом (В. М. Мокиенко, Н. Д. Пименова, И. И. Земцовский, Б. Викторов, А. И. Молотков, Л. И. Кругликова и др.).

Наименования птиц в их основном значении представлены в современных толковых идеографических словарях русского языка. Так, существительные со значением 'птица' даны в «Большом толковом словаре русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» под общей редакцией проф. Л. Г. Бабенко в составе 131 наименования [1].

Среди научных исследований русской зоонимической лексики можно выделить работы китайских лингвистов, которые рассматривают русские зоонимы, в состав которых входят и наименования птиц, в комплексном лингвистическом анализе (Чжэн Инкуй), исследуют фразеобразующий потенциал зоонимической лексики (Хао Хуэйминь), анализируют русские пословицы с компонентом-орнитонимом (Сюй Му Чэнь), сравнивают зоонимы в русских и китайских фразеологизмах и пословицах (Лнь Ли), изучают межъязыковые фразеологические эквиваленты с компонентом-зоонимом (Ч. Чжицян), национальную семантику китайских фразеологизмов (Б. Хун).

Как показывает обзор научной литературы, орнитонимы в метафорическом значении в русском и китайском языках не были предметом специального изучения. Исследование образного потенциала орнитонимов, их способности употребляться в качестве метафор в русском и китайском языках является актуальной задачей.

Общеизвестно, что метафора (перенос по сходству) — самый распространенный и значимый троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений. Как пишет Т. В. Матвеева, «метафора содержит в себе сравнение, но передает его особым образом: путем создания семантической двойственности слова или выражения. Метафора опирается на внешнее и на глубинное сходство явлений, единство их функций, однотипность впечатлений (зрительных, слуховых и др.). Помимо основной своей функции в современном языке — об-

разно характеризовать явления действительности, метафора выполняет и номинативную функцию» [2].

Номинация с помощью названий представителей животного мира — это один из самых распространенных источников метафоры для оценочной характеристики человека. Зооморфная метафора, или зооморфизм, является результатом когнитивной проекции «образа» животного или птицы на образ человека.

Зооморфизмы, используемые в разных языках для эмоционально-оценочной характеристики людей, уже давно привлекают внимание исследователей, поскольку животные и птицы с незапамятных времен играют важную роль в хозяйственно-экономической жизни и традициях носителей русского и китайского языков. Поводки животных и птиц, их облик легко сопоставляются с поведением и внешностью человека [3].

Анализ русских зоонимов, в состав которых входят обозначения птиц, показал, что зооморфизмы в русском языке могут встречаться как в виде отдельных лексем, например: *ворона, орел, петух, попугай, курица* и др., так и в качестве компонентов фразеологических единиц, например: *белая ворона, пустить красного петуха, мокрая курица, посадная утка* и др.

Для зооморфного наименования человека потенциально может использоваться название любого животного или птицы, однако круг таких слов в языке сужается до более или менее обозримого их количества. Предстоит исследовать, все ли они могут использоваться в переносном значении для обозначения человека и его характеристики.

Одни и те же птицы могут играть неодинаковую роль в жизни русского и китайского народов, оцениваться ими по-разному, и их названия могут иметь разный образный потенциал. Поэтому исследование орнитонимов в качестве метафор является актуальным.

Сопоставление некоторых русских и китайских орнитонимов в их переносном значении, в составе фразеологизмов и сравнений позволяет выделить несколько типов соотношения значения и употребления орнитонимов в двух языках:

1. Название птицы совпадает в русском и китайском языках, при этом совпадают и образные смыслы в характеристике поведения человека. Так, в русском языке орнитоним *попугай* в разговорной речи имеет переносное неодобрительное значение 'о том, кто

повторяет чужие слова, не имея собственного мнения' [4]. В китайском языке орнитоним *попугай* имеет аналогичное переносное значение 'о человеке, не имеющем собственного мнения и повторяющем чужие слова': 鸚鵡指没有自己的意见总是重复别人的话. Но у китайского орнитонима *попугай* есть еще одно значение — 'тот, кто соглашается со всеми, без раздумий, вторит, поддакивает' [5].

В реальной жизни птица попугай часто имеет очень яркое красочное оперение. Русское выражение *вырядился (нарядился) как попугай* характеризует человека, который носит очень яркую одежду, не соответствующую ситуации. В китайском языке выражение *красится как попугай* характеризует молодого человека, который красит волосы в яркие неестественные цвета. Наблюдается совпадение по семантическому признаку 'яркость цвета' и имеет место различие в предмете сравнения — «одежда», «волосы».

Русский орнитоним *петух* имеет переносное значение 'забияка, задира, драчун'. В китайском языке слово *петух* имеет такое же значение. В русском сравнении *ведет себя как петух* говорится об осуждаемом поведении человека — задиры и драчуна. В китайском языке в сравнении *ведет себя как железный петух* есть дополнительный семантический компонент 'скупой'.

2. Образные характеристики поведения человека в русском и китайском языках совпадают, но выражаются с помощью разных лексических единиц. Например, в русском языке выражение *гусь свинье не товарищ* имеет значение 'ничто не может объединить разных по своей природе, характеру или общественному положению людей (говорится о том, кто неровня кому-либо)'. В китайском языке это значение в прямом переводе передает выражение «*слушать пение петухов и лай собак, но до самой смерти не ходить друг к другу: 鸡犬之声相闻, 老死不相往来 или жить по соседству, но друг к другу — ни ногой.*

3. В русском и китайском языках лексемы могут быть одинаковыми. В метафорическом употреблении они по значению существенно различаются. В русском языке *кукушка* — это женщина, которая не воспитывает своих детей сама, а передает их другим так же, как и птица. Орнитоним *кукушка* в китайском языке не выражает такого смысла, а имеет положительное значение — это символ весны, большого урожая осенью.

Выявить сходство и различия орнитологических метафор, фразеологизмов и сравнений с компонентом *‘птица’* в русском и китайском языках, влияние национальной культуры на формирование нового смысла при образовании метафоры — наша задача. Знание наиболее частотных русских орнитонимов, таких, как *буревестник, воробей, ворон и ворона, коршун, кукушка, ласточка, лебедь, петух, попугай, сокол, соловей, сорока, ястреб* и других в основном и переносном значении, в составе фразеологизмов, сравнений, пословиц и поговорок, народных примет с их лексическим и культурным фоном может усилить интерес китайских студентов к изучению русского языка и культуры русского народа.

Примечания

1. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005. С. 65–72.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010. С. 206.
3. Гаврилюк М. А. Зооморфная метафора в китайском и русском языках: межъязыковые универсалии и национальная специфика // Вестник ИГЛУ. Иркутск, 2012. С. 12.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1949. С. 70.
5. Новый русско-китайский словарь. Современный русский язык. Современный китайский язык. М.: Русский язык. 2002. 744 с.

Metaphors with the component ornithonym in Russian and Chinese: problem statement

Bird's names, nouns denoting birds, are the subject of study in the lexical-semantic research of Russian and Chinese linguists. They are represented in the current thesaurus. "The Big Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms", ed. prof. L. G. Babenko, the most convenient lexicographical publication for comparative analysis of thematic vocabulary of the Russian and Chinese languages. In the field of denotative "living being" the name given to the birds in their core nominative value which are presented in figurative sense, in metaphorical, figurative potential, in comparison with the Chinese, that has never been a subject of a special study or scientific interest.

Nominations by using the names of the animal and the bird world is one of the most common sources of metaphors for the assessment characteristic of a person. Zoomorphic Metaphor (or zoomorphism) is the result of cognitive projection of the "image" of an animal or a bird on the image of a man. The appearance of birds, especially behavior, sound habits of birds is easily compared with the behavior and the appearance of a man. But the same birds may play different roles in life of Russian and Chinese people, evaluated in different ways, and their names may have different figurative potential. For zoomorphic human names we could potentially use the name of any bird, but the range of such words in the language narrows to a more or less foreseeable in their number. It is

urgent to resolve the question of whether they can be used in a figurative sense to refer to a person and his characteristics.

Comparative analysis of some Russian and Chinese bird's names in their metaphorical, as well as a component of phraseology and comparisons showed both similarities and differences in the lexical-semantic level. Knowledge of Russian ornithological metaphors intensify the interest of Chinese students for the Russian language and culture of the Russian people.

Keywords: vocabulary, semantics, imaginative potential, metaphor, zoomorphism, onitonym, idiom, compare.

© А. Ю. Ларионова
УрФУ, г. Екатеринбург

Неформальная коммуникация как сфера активных языковых процессов

Статья посвящена неформальной коммуникации (НК) как интенсивно развивающемуся типу массового общения. Разграничение формализованного и неформального дискурсов связывается с интенсивностью действия языковой антиномии информационной и экспрессивной функций языка. Подчеркивается особая функциональность и конструктивная значимость экспрессивной функции языка, реализуемой в произведениях НК за счет оригинального использования языкового потенциала. Отмечается связь «неформальной» волны в современной речи (неологического бума) с авторитетной литературой, социолоктами, иноязычными заимствованиями. Делается вывод о синкретичности НК, основаниями которой названы пересечение с разными коммуникативными сферами, открытый и неоднородный характер множества участников, разнообразие предметов речи и неограниченность ситуаций функционирования. Выводы содержат тезис об универсализации неформального стиля общения в современном коммуникативном пространстве. К факторам универсализации отнесены: социальный фактор (приоритетность в среде нового поколения); лингвокреативный (установка на нарушение автоматизма восприятия); ментальный (публичность в отличие от традиционной приватности неформального общения в русской культуре). В заключение подчеркивается, что НК представляет собой «массовую» речевую культуру, «массовый» социолект и является высокопродуктивной сферой-источником активных языковых процессов.

Ключевые слова: неформальная коммуникация, экспрессивная функция языка, новообразование, активные языковые процессы.

Современный язык находится в новой реальности, задающей интенсивность действия языковых антиномий. Антиномия информационной и экспрессивной функций языка как никогда активна и коррелирует с двумя крупнейшими дискурсами: формализованным (официальным) и неформальным.

Официальный дискурс реализует информационную функцию языка, стремится к воспроизводимости его стандартных средств,

включая элементы фразеологизированного слоя (устойчивые в широком смысле сочетания слов, клише, прецедентные тексты и т. п.), средства терминологического или профессионально ограниченного характера; реализуется в протокольной деловой и научной сферах; коррелирует с доминирующей культурой, стремящейся интегрировать иные культурные (и субкультурные) явления речевых практик в единую систему.

Неформальный дискурс в большей мере ориентирован на экспрессивную функцию языка, демонстрирует подчеркнуто творческое личностное начало в речепроизводстве, а именно: нацелен на передачу ситуативно актуальной признаковости предмета речи, ценностного отношения к нему, использует оригинальные комбинации языковых средств репрезентации.

Неформальный дискурс традиционен для русской культуры и всегда представлял собой внушительную часть коммуникативного пространства, в которой экспрессия чрезвычайно функциональна, конструктивно значима и является одним из условий отличия от иных сфер общения формализованного коммуникативного пространства. Естественно, что разные коммуникативные сферы совмещают экспрессию и стандарт в разном соотношении, что позволяет поддерживать специфику стиля репрезентаций в каждой из них.

Собственные наблюдения и мнения ученых позволяют дать следующее определение явления неформальной коммуникации. Неформальная коммуникация — это тип массовой коммуникации, в которой речетворческое поведение коммуникантов отвечает естественной потребности не быть ограниченными в средствах самовыражения и взаимодействия с другими людьми, а языковые новации не могут быть включены в качестве самостоятельных в письменные официальные источники. Исключение составляет особый мир художественной литературы (хотя именно она эмоционально подготовила носителей языка к новациям в повседневной речи и языке), а также случаи юридического закрепления новообразований в названиях предприятий, журналов, проектов и др. (например, предприятие питания «Гурманов», магазин «Мягкофф», продукция «Смешарики» и т. д.). НК наблюдается не только в рамках неформально организованных, но и вполне деловых социумов, фрагментарно использующих неформальное общение в «своей» среде (профессиональной, возрастной, по интересам и т. д.).

Традиционно неформальный дискурс является результатом разного рода частного, непубличного общения и связан прежде всего со сферой разговорной речи, с субкультурными речевыми практиками (в первую очередь, молодежными), в качестве средства стилизации его элементы присутствуют в художественных текстах. На современном этапе НК настойчиво расширяет свои границы, проникая в ораторскую, публицистическую и даже устную деловую речь. В качестве примера приведем название федерального телеканала «Перец», в котором, на наш взгляд, усматриваются признаки «неформальности», например, неясность названия для зрителя, находящегося в состоянии выбора. Невозможность определения концепции канала (тематики программ) по его названию контрастирует с достаточной однозначностью названий телеканалов «первой линейки»: «Россия», «Россия — К (культура)», «НТВ (Независимое телевидение)» и других. Статус последних, определенность трактовки названий ассоциируются в сознании зрителей с многоаспектностью программ, отражением официальной (доминирующей) позиции в отношении фактов действительности и выступают условием выбора зрителем. Название «Перец», на наш взгляд, таким условием не является в силу многозначности слова и его «разговорного» потенциала. Так, в основном значении «растение, острое, жгучее на вкус» [1] название может ориентировать зрителя, например, на огородную, сельскохозяйственную, кулинарную тематику программ (тогда канал может быть интересен приверженцам здорового образа жизни, садоводам, дачникам и пр.). Однако современные речевые практики свидетельствуют, что носители языка гораздо более готовы к языковой игре, чем к однозначности трактовки. К процессу интерпретации названия подключаются переносные значения «насмешка, язвительное остроумие», «колкий, язвительный человек» [Там же], активизирующие метафору «острый, жгучий, как перец», т. е. производящий впечатление за счет иронии, ерничанья, стеба и пр. (реклама, межпрограммные шутки от ведущих подтверждают это ожидание). Важно и то, что в «народной» апперцепционной базе слово нагружено еще и жаргонным скабрёзным потенциалом (в разных жаргонах имеет специфичные, преимущественно вульгарные значения). Редакторы канала, безусловно, знают об этом, скорее всего рассчитывают на связанный с этим коммуникативный эффект, но всегда имеют возможность сде-

лать «невинное лицо», утверждая, что каждый толкует название в соответствии со своим уровнем культуры. Таким образом, неоднозначность названия, «разговорный» потенциал слова рассчитаны на «народного» зрителя, который любит крепкое словцо, чувствует подтекст, готов к неожиданным коммуникативным эффектам, т. е. принимает предложенную игру. А любая игра есть элемент НК. Кстати сказать, в 2015 году канал сменил название на «Че», опять демонстрирующее признаки «неформального» общения: недосказанность, многозначность, «стилистическую» маркированность, интригующие зрителя и привлекающие его внимание.

Речевое поведение, как и любое другое, социально и демонстрирует предрасположенность к определенному типу культурных (и языковых) норм. Неформальное речевое поведение естественно для носителей языка, обычно расходится с формализованными речевыми практиками (часто ради этого и осуществляется), отражает особую «народную картину мира». Отсюда оригинальность и детализированность образов (невозможных в прежней публичной коммуникации), смысловая и оценочная нагруженность, экспрессивные и часто компрессивные (с уплотненным смыслом) средства репрезентаций, включая разного рода новообразования.

Новообразования традиционно не характерны для публичной коммуникации, так как, появляясь, сначала адаптируются в сферах своего возникновения и далее в качестве знакомых языковых средств расширяют границы функционирования. Сегодня они чрезвычайно активны в НК, откуда проникают в общее коммуникативное пространство. По наблюдениям ученых, неологический бум возник не вдруг. Его интенсивность подготовлена и авторитетной литературой, которую любят, изучают и которой гордятся в России, и многочисленными социолектами, и активными иноязычными заимствованиями. Литература в разные исторические периоды, как правило беспокойные и трудные, в избытке предлагала читателю и слушателю самые разные новации в области слова, словообразования, сочетаемости, изменения значений, стилистического перераспределения и многих других активных сегодня языковых явлений. Многочисленные исследования текстов художественной литературы, особенно поэтических, публицистики XX века, изучение жаргонов позволяют думать, что творчество русских литераторов, журналистов, критиков, социолектные речевые практики под-

готовили ту публичную «неформальную» волну в современной речи, которая вырвалась из глубин народного сознания и языка. Данная сфера творчества представляет собой невероятно богатое хранилище новообразований, многие из которых остаются в рамках «родных» текстов, а многие уходят в разные практики общения. Приведем иллюстрации чуть более или менее вековой давности, начинавшие те явления и тенденции, которые сегодня квалифицируются как активные процессы в языке. Среди них фиксируются и неузусальные грамматические формы, и семантические изменения, и новая сочетаемость. Примеры грамматических новообразований фиксируются в поэтических и прозаических текстах известных авторов: Век философии расцвел, отцвел; / Он разум обострил, вскрыл глуби *зол...* (В. И. Брюсов) — включение неузусальной формы множественного числа абстрактного существительного; А в Зимнем, в мягких *мебелях* с бронзовыми выкрутасами сидят министры в меди блях... (В. В. Маяковский) — включение формы множественного числа собирательного существительного; Этим словом — куда *громовее*, чем громом / Пораженная... (М. И. Цветаева) или Спроворит, как по нотам, *футбольнейший* подкат официант с блокнотом (Е. А. Евтушенко) — включение неузусальных форм степеней сравнения относительных прилагательных; Уж *плясано*, *плясано!* Уж *топано*, *топано!* (М. И. Цветаева) или ...при *вдолбляемой* нам и *прогрохоченной* «социалистической дружбе народов»... (А. И. Солженицын) — включение неузусальных страдательных причастий в полных и кратких формах; Саранчой улыбки выев, ходят нэпманам на страх анекдоты гробовые — *гроб о фининспекторах* (В. В. Маяковский) — использование ненормативного управления под влиянием лексической специфики текста. Многие из приведенных примеров напрямую связаны с современными языковыми тенденциями. Тексты великих русских литераторов включают большое количество окказионализмов, потенциальных единиц, случаи необычной (образной) сочетаемости, например: И вы, *очаревна*, внимая, Блеснете глазами из льда (от очарование и царевна) (В. Хлебников); *Черноречивое* молчание в работе (О. Э. Мандельштам); Вот мордой в обрыв / нагорья лежат / в сиянье горбы / твоих *Эльбружат* (С. И. Кирсанов); *Тихотворение* мое, мое немое... (И. А. Бродский); Искусство *растепляет*... душу... (А. И. Солженицын); ...коммунистическая власть столько... *намер-*

зила в отношениях между этими народами, что уже и путей не видно (А. И. Солженицын); в названии сборника произведений А. И. Солженицына название нового жанра «На изломах: рассказы, крохотки, публицистика. М.: АСТ, 2009»; ...ни чешуйки, ни мясинки (А. И. Солженицын); Не дрожат ресницы длинные, / Личико недвижимое. / Словно кто на лоб ей выжал / Персик апельсиновый (М. И. Цветаева).

Как видим, авторы давно готовили современный «неологический бум», который на рубеже XX–XXI веков интенсифицировался в самых разных сферах общения: в НК, СМИ, рекламе и других. Например, новая сочетаемость, необходимая для выражения новых смыслов: *черные риэлторы, оранжевые революции, ночные бабочки* (о женщине), *пластиковые деньги, здоровое тщеславие, нездоровый цинизм, железнодорожное зодчество* (о куполе храма, обустроенного в железнодорожном вагоне) (НТВ, Салтыков-Щедрин шоу от 28.05.2016), *хоровая неправда* (неправда, которую говорят многие, хором), *декоративная реформа* (в противовес конструктивной); неузальные грамматические формы: капитальные *ремонт*ы, языковые *неряшливости*. Приемные родители сейчас не только усыновляют, но и *уматеряют*, дети посещают вместо музыкальной *пианистическую* школу. Уже привычны в речи образованные по аналогии *интернетчики* (пользователи Интернета), *жилищники* (работники жилищно-коммунального хозяйства), *аномальщики* (исследователи аномальных явлений в природе) (примеры см. [2]). В серьезной публицистике используются окказиональные слова *всеодобренищина, врио-культура, газетозавры* [3], *медицинизм* фальсификаторов (медицина + цинизм) [4], *духоподъемное видео* (НТВ, Салтыков-Щедрин шоу от 28.05.2016); потенциальные слова *межстрановые* проекты (А. Жуков. Россия, Вести от 08.06.2016), *цензурировать* решения (Д. Киселев, Россия, Вести недели от 08.02.2015); а также многочисленные отпрецедентные неофраземы: *Кадровый голод не тетка* (от *Голод не тетка*); *Семь раз об дверь, один раз об рельс* (от *Семь раз отмерь, один — отрежь*); *Друг познается в еде* (от *Друг познается в беде*) и др. В объявлениях приглашаются на работу менпопéры (менеджеры по персоналу), сисадми́ны (системные администраторы). Почти не удивляет новое жаргонное слово *забить* с неузальным управлением в тегах, например «Украина забила на минский мир», «Каратели

забили на минские соглашения» (игнорировать, нарушать договоренности), «Польша *забила* на российский газ» (не беспокоиться, не делать для себя главным) [youtube.com]. Довольно распространены, создавая соответствующую языковую тенденцию, сочетания слов со значением степени проявления *слишком, очень* и под. с относительными прилагательными, например: «*Слишком женатый* таксист» в названии сатирического спектакля, «*очень пенсионный* возраст» в речи работника соцзащиты, «*очень пластический* хирург» в разговорной речи о хорошем пластическом хирурге и под.

Приведенные выше примеры есть продолжение литературной тенденции «выразить себя и максимально использовать возможности языка», «сократить расстояние» между коммуникантами, заставляя сопереживать и вовлекая в почти родственное (неформальное) общение. Этот стиль обращения с языком всегда отличал художественную литературу и отвечал высоким эстетическим и этическим требованиям (красоты и воспитания благородных помыслов и чувств). Он же характерен для сферы НК, но часто без оглядки на этические нормы, эстетические качества в угоду стремлению удивлять новизной форм и содержаний или их дисбалансом в любой ситуации при репрезентации любого предмета речи. Подобная репрезентативная установка развивается современными журналистами, авторами, ведущими различных шоу на радио и телевидении. Тотальное расширение границ НК связано с раскрепощением личности, свершившимся в постперестроечном российском обществе, а также с тем, что, по мнению ученых, именно неформальный стиль коммуникации позволяет человеку, во-первых, быть удовлетворенным общением в своем социуме и, во-вторых, быть более продуктивным в формализованном (рабочем) процессе [5].

Резюмируем изложенное.

НК представляет собой синкретичное коммуникативное явление. Синкретичность обусловлена вовлеченностью в общение относительно взрослого населения любого социального статуса и положения, т. е. открытым и неоднородным характером множества участников; разнообразием предметов речи, включая имеющие прежде ограниченную сферу обсуждения; неограниченностью ситуаций функционирования (за исключением форм строгого протокола и письменной деловой речи). Данные особенности обеспечивают сферу пересечения НК с иными коммуникативными сферами.

Процессы демократизации в России способствуют универсализации неформального стиля общения. К факторам универсализации можно отнести следующие:

1) социальная и эмоциональная необходимость в творчески ориентированной речи, особенно в среде нового поколения постперестроечного периода (социальный фактор);

2) предпочтение неузуальных и стилистически маркированных форм, нарушенных языковых норм, оригинальных планов выражения и содержания или их дисбаланса в отличие от логически организованного и стилистически выверенного речевого коррелята (лингвокреативный фактор);

3) стабильность лингвокреативного мышления у большого количества субъектов общего дискурса относительно языка и действительности, установок на нарушение автоматизма восприятия в отличие от общепонятных языковых средств, обеспечивающих однозначность фактической информации в формально организованном общении (коммуникативный фактор);

4) активная публичность в отличие от традиционной приватности неформального общения в русской культуре (ментальный фактор).

НК представляет собой одну из самых продуктивных сфер-источников активных языковых процессов и речевую тенденцию в коммуникативном пространстве. Опираясь на заложенные в языке логические модели (сценарии) в репрезентации действительности (формальные оболочки, значения, синтагматические цепочки), НК во многом трансформирует эти модели в угоду «неформально» маркированным смыслам. Современную НК отличает насыщенность трансформациями, эффект от которых усилен малоформатностью произведений; повторяемость ряда типологических качеств (оппозитивность, сингулярность, языковая игра, экспрессивность) (об этом [6]), ожидаемость которых свидетельствует об их системности в НК.

Названные особенности создают впечатление «массовой» речевой культуры, «массового» социолекта, живущих «своей» жизнью в современной коммуникации.

Примечания

1. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1985.

2. Радченко М. Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 140–144.

3. Шалина Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2007. № 8. С. 73–77.
4. Цыганова Н. Д. Полиаспектное описание неолексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов): дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015.
5. Kandlousi N. Organizational Citizenship Behavior Concern of Communication // Satisfaction: The role of the formal and informal communication. International Journal of Business and Management. 2010. 5(10). P. 51–61.
6. Larionova A.Y. Informal communication as a linguocultural phenomenon of the new Russia // Life Science Journal 2014. 11 (12). P. 170–173 (ISSN:1097-8135). http://www.lifesciencesite.com/ljsj/life1112/028_26214life111214_170_173.pdf (дата обращения: 18.05.2016).

Informal communication as a sphere of active language processes

The article is devoted to the informal communication as an intensively evolving type of mass intercommunication. The differentiation between formal and informal discourse is connected to the language antinomy of informational and expressive language function action intensity. The article describes the special functionality and constructive importance of expressive language function realized in informal communication compositions by creative use of language potential. The connection between informal wave in modern speech (neologism boom) and reputable literature, sociolects and foreign words is also described. The summary about informal communication synchronicity based on different communicative spheres intercrossing, open and variegated character of participants, variety of points at issue and indefiniteness of function situations, is given. The summary also includes thesis about universalization of informal communication style in modern communicative space. The universalization factors are: social factor (priority among new generation), linguo-creative factor (setup for breaking automatic perception), mental factor (publicity instead of traditional informal communication privacy in Russian culture). Informal communication represents mass speech culture, mass sociolect and can be accepted as highly productive source sphere of active language processes.

Keywords: informal communication, expressive function of language, neologism, active language processes.

© В. Н. Левина

ТГУ имени Г. Р. Державина, г. Тамбов

Публицистический текст как фактор формирования ценностной картины мира современных студентов¹

В условиях глобализации информационного пространства возрос интерес к изучению функционально-семантических особенностей публицистических текстов, оказывающих сильное влияние на различные сферы деятельности современного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых — докторов наук (проект № МД-3375.2015.6, 2015–2016 гг.).

общества. Публицистический текст — один из востребованных современной лингвистической наукой объектов исследования, что объясняется приоритетом данного типа текста в обществе в качестве основного источника информации, особенно в молодежной среде, а также снижением читательского интереса к русским классическим художественным текстам. Наряду с этим дискуссионным остается вопрос о разграничении таких понятий, как публицистический текст, медиатекст, публицистический стиль. Ценностная картина мира — междисциплинарное понятие, которое находится в исследовательском фокусе многих направлений гуманитарного знания (психология, философия, социология, журналистика, языкознание, литературоведение и др.). Отдельным и в настоящее время особенно актуальным становится исследование формирования ценностных ориентиров студенческой молодежи, которая значительно отличается от предшествующих поколений в силу многих факторов. Особое место здесь занимают информационные сообщения о событиях в сфере культуры и их восприятие современными студентами. В рамках настоящего исследования данные тексты рассматриваются как особый тип публицистического текста в широком значении.

Ключевые слова: публицистический текст, ценностные ориентиры, культурные ценности, студенты, ценностная картина мира

Публицистический текст представляет собой уникальное явление: с одной стороны, он является продуктом деятельности журналиста, результатом его миропознания и самопознания; а с другой стороны, публицистический текст — это особый акт коммуникации между автором текста и аудиторией. Посредством текста автор делится с читателем информацией, полученной в результате его познавательной деятельности. Текст в таком случае — итоговый «продукт» познания окружающего мира. Изучение публицистических текстов сегодня очень перспективно, что подтверждается диссертационными исследованиями, материалами конференций, научными статьями и монографическими работами (М. Н. Володин, Я. Н. Засурский, Л. П. Крысин, Г. Я. Солганик и др.). По мнению Г. Я. Солганика, «публицистические тексты выдвигаются в настоящее время в центр стилистической системы литературного языка» [1].

В настоящее время понятие *публицистический текст* постепенно вытесняется понятием *медиатекст*. Термин *медиа* характеризуется как способ коммуникации, то есть процесс передачи информации. Смысловое наполнение термина *медиа* (от лат. «media», «medium» — средство, способ, посредник) позволяет называть медиатекстом любой носитель информации. Однако этим термином обобщают синтезированный текст журналистики, PR и рекламы [2]. М. Ю. Казак, выделяя медиатекст как новый тип текстов массовой

коммуникации, пишет, что понятие *медиатекст* включает в обобщенном виде «любой текстовой носитель информации», который «вобрал в себя параллельные, взаимозаменяемые или пересекающиеся феномены — массово-коммуникативный текст, газетный текст, телетекст, рекламный текст PR-текст, интернет-текст и др.» [3]. Н. А. Кузьмина отмечает, что «медиатекст можно определить как динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [4]. В связи с этим термин *медиатекст* можно рассматривать как гипероним предшествующих терминов: журналистский текст, публицистический текст, газетный текст, текст СМИ и др.

Отличительная особенность медиатекста — направленность на массовую аудиторию. Т. Г. Добросклонская выделяет особую дисциплину «медиалингвистику», которая использует системный научный подход к изучению языка СМИ, а медиатекст как основную категорию анализа [5].

В ходе анализа было установлено, что понятие *медиатекст* может быть рассмотрено как идентичное понятию *публицистический текст*, однако в условиях конвергенции СМИ понятие *медиатекст* употребляется значительно чаще. Особенность медиатекста в том, что он может быть включен в разные медийные структуры, поэтому в данном исследовании мы определяем медиатекст как совокупный продукт массовой информации. Это связано и с тем, что современное общество в эпоху формирования новейших технологий переходит к информационному этапу своего развития. Информация становится главным орудием организации общества, она формирует коммуникативную деятельность людей, не только устную, но и письменную, в которой даже знаки и символы способны управлять жизнедеятельностью людей.

Студенческая молодежь — это будущая интеллектуальная, политическая, экономическая и культурная элита России, которая будет транслировать последующим поколениям ценности, приобретенные от предыдущего поколения и помноженные на собственные. Говоря о студенческой молодежи, Л. П. Гадзаова отмечает, что «в последние годы предметом достаточно острого научного обсуждения стали духовные ценности общества и объективные причины снижения внутренней культуры российской студенческой молодежи». По мнению исследователя, «особую значимость при-

обретают ее ценностные ориентации, системно-организационные процессы, в которых социокультурные, нравственно-ценностные человеческие отношения и действия становятся второстепенными. В этих условиях все более актуальной становится проблема исследования факторов, способствующих усилению приоритетности духовной культуры, концентрирующей в себе лучший социальный опыт многих поколений людей» [5]. «Каждое поколение по-разному реагирует на периоды социальных изменений. Трансформация идентичности, ее локализация в местных, территориальных сообществах <...> индивидуализация и переход к социальным уровням коммуникаций, постепенный отказ от участия в политической активности — далеко неполный список процессов, которые связаны с процессом трансформации ценностной системы российских граждан» [7]. В частности, И. Юдиным было установлено, что «информационные передачи предпочитают 41,3 %, художественные фильмы, сериалы — 38,5 %, развлекательные передачи — 30,5 % россиян, а образовательные, документальные гораздо реже. <...> В основном падение интереса к чтению связывается с появлением Интернета и других источников информации, с появлением людей, воспитанных на комиксах, видеофильмах, со снижением образованности части населения, а также с тем, что хорошие книги многим недоступны по стоимости» [8].

Понятие «культура» является мультидисциплинарным и включает в себя и такое понятие, как «поведенческие стереотипы», являющиеся общепринятыми в обществе морально-этическими приоритетами. Современные масс-медиа в настоящее время выступают активным информатором, транслятором культурных ценностей общества. Это фактор, определяющий социальную динамику в глобальном масштабе, затрагивающий все сферы жизни и деятельности общества (культурную, религиозную, политическую, экономическую, обыденно-повседневную) [9]. Глобальное современное медийное пространство — это «целая среда, в которой производится, эстетизируются и транслируются культурные коды» [10]. Вследствие этого «культура обрела в виде медиа устойчиво «считываемый» и опознаваемый общественным сознанием параметр — медийность». А. В. Полонским также отмечается, что «медиа стали статусным контекстом, где обретают свои культурные формы все социальные процессы, где разрабатываются актуальные модели социальной

идентичности, где определяется характер доминантных смысловых и идеологических векторов общественного сознания» [11].

Качественный переход от традиционных каналов получения информации к новым коммуникативным технологиям на рубеже XX–XXI вв. способствовал вовлечению в значительной степени в этот процесс молодежной аудитории, которая отличается высоким уровнем мобильности и привыкла к быстрому получению новой информации. В связи с этим основная задача масс-медиа заключается в обеспечении потребителя интересующей его информацией в привлекательной форме. «Человек, получающий информацию через СМИ, принимает и тот взгляд на нее, который пропагандируется средствами коммуникации», поэтому «есть все основания полагать, что СМИ в известной степени моделируют поведение человека» [12]. Об этом свидетельствуют и проведенные исследования, в частности, опрос, проведенный среди студентов Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Информационные сообщения в сфере культуры не вызывают у современных студентов большого интереса.

Таким образом, современные масс-медиа оказывают значительное влияние на формирование ценностной картины мира современной молодежной аудитории, не имеющей четко выстроенных моральных и нравственных установок, что, безусловно, повышает степень ответственности специалистов медийной сферы в современных социокультурных условиях глобализации информационного пространства за качество медийного продукта.

Примечания

1. *Клушина Н. И.* Стилистика публицистического текста. М., 2008. С. 7.
2. *Жилавская И. В.* Особенности восприятия печатного и электронного медиатекста // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 2–4 (21) С. 50–52.
3. *Казак М. Ю.* Язык газеты. Белгород, 2012. С. 69.
4. *Кузьмина Н. А.* Современный медиатекст. Омск, 2011. С. 6.
5. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М., 2008. 203 с.
6. *Гадздова Л. П.* Развитие нравственно-ценностных ориентаций студентов вуза средствами преподавания иностранного языка в условиях этнорегиональной системы образования: автореф. дис. ... д-ра пед. н. Владикавказ, 2010. С. 3.
7. *Тазов П. Ю.* Динамика ценностей молодежи в контексте культурной преемственности // Научные проблемы гуманитарных исследований 2012. Вып. 5. 2012. С. 254.
8. *Юдин И.* Информационное пространство и трансляция культурных ценностей в современной России // Власть. 2009. № 06. С. 49.

9. Полонский А. В. Медиа и их текстовая реальность // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 18 (2015). Вып. 27. С. 17.

10. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2006. С. 22.

11. Полонский А. В. Указ. соч. С. 21, 23.

12. Сурова Д. С. Популярная культура как проявление ментальности современного человека // Инновации в науке. 2012. Вып. 10–2. С. 70.

Publicistic text as a factor of forming the axiological picture of the world of today's students

In conditions of globalization of informational space it is interesting to study functional and semantic peculiarities of publicistic texts that influence different spheres of contemporary society. The publicistic text is one of the main object of research of contemporary linguists, that can be explained by the main source of information, especially among the youth, also by lowering the reader's interest to the Russian classical art texts. Within this discussion there is the question of distinction of such notions as publicity text, media-text, publicistic style. The axiological picture of the world is an inter-disciplinary notion found in the research focus of the main directions of humanitarian studies (psychology, philosophy, sociology, journalism, linguistics, literature study, etc.). The topical idea is the research of forming the axiological aims for students' different from the previous generations according to many factors. Informational messages concerning events in the sphere of culture and perception of it by contemporary students take a special place. Such texts are observed as a special type of publicistic texts in the wide meaning within the frames of this research.

Keywords: publicistic text, axiological aims, cultural values, students, axiological picture of the world.

© И. М. Лисенкова

КубГУ, филиал в г. Славянске-на-Кубани

Эмоциональные сферы персонажей и языковые средства их репрезентации в романе Г. Щербаковой «Женщины в игре без правил»

В статье рассматриваются языковые и стилистические средства обозначения эмоций персонажей от описания эмоционального переживания до показа внешнего состояния через симптомы психологического характера, изобразительно-жестовые эмоциональные смыслы. Прослеживается роль эмотивной лексики в формировании эмоциональных сфер персонажей, демонстрируется сценарий возникновения и развития эмоции «страх», нашедший отражение в событийной структуре произведения. Обращается внимание на метафорическую сочетаемость репрезентантов эмоций, их способность персонифицироваться. Рассматривается участие колоративов в экспликации эмоционального континуума персонажей художественного произведения. Манифестация эмоций через физиологические проявления, цветовую лексику способствует проникновению читателя в эмоциональный мир персонажей,

пониманию мотивов их эмоциональных поступков, внутреннего мира героев. Колоративы рассматриваются как средства презентации эмоций, дополняющие описание их физиологических проявлений, как специфический стилистический прием эмоциональной характеристики персонажей художественного текста. Прослеживается связь между языковыми средствами репрезентации эмотивных смыслов в структуре образов персонажей, языкового представления их эмоционального состояния и ситуацией-стимулом. Показана роль психологического времени в изображении изменений, происходящих в эмоциональной сфере персонажа и приводящих к смене эмоционально-смысловой доминанты. Продемонстрированы пути анализа эмотивного пространства художественного текста.

Ключевые слова: эмотивные смыслы «страх», «горе», «радость», колоратив, смысловые коннотации, метагоге, персонификация, эмоциогенные ситуации.

В природе человека тесно переплетены рациональное и эмоциональное начала. Сложный мир чувств, настроений, стремлений человека, его духовные искания и переживания находят воплощение в художественном тексте, неизменным компонентом семантической структуры которого является эмоциональное содержание. По мнению В. И. Шаховского, «художественные коммуниканты воспроизводят весь потенциал эмотивного кода языка, а через них эмоции, которые, в отличие от языковых (материальных) знаков, являются скрытыми сущностями, опредмечиваемыми в этих знаках и в физиологических симптомах, опредмечиваются в языковых знаках и с их помощью транслируются за пределы художественной литературы» [1].

Эмотивное пространство художественного текста, по мнению таких исследователей, как Л. Г. Бабенко, представлено несколькими уровнями — уровнем персонажа и уровнем его создателя-автора. При этом ученый отмечает, что, «выделяя в качестве отдельного объекта исследования эмоциональную структуру образов персонажей», исследователь понимает «относительную условность их независимости от автора в контексте целого произведения» [2]. В связи с этим представление об эмоциональной сфере литературного персонажа невозможно без учета двух основных факторов: 1) что думает и говорит о себе и своих чувствах персонаж и 2) как его характеризует автор, в том числе через отношение к нему других персонажей.

Одной из отличительных особенностей исследуемого нами романа Г. Щербаковой является его политональность, разнообразие воплощаемых эмотивных смыслов. И начинается роман с необычного яркого сравнения чувств с обувью: «*К новым чувствам надо*

привыкать, как к новой обуви. Их полагается разносить» [3]. Как отмечает Л. Г. Бабенко, «подобные фразовые эмотивные смыслы, благодаря экспрессивности своего словесного воплощения (индивидуально-авторские метафоры, необычные яркие сравнения), запоминаются, выделяются в тексте, так что их семантический радиус выходит за границы фразы» [4].

«Разнашивание чувств» связано с текстовой ситуацией — переезда на новую квартиру одного из центральных женских персонажей романа. После неудачных попыток полюбить квартиру сразу, Елена решила дать *«поблажку себе — все будет не сразу, она будет разнашивать новую судьбу, не спеша, постепенно»*. Таким образом, фразовый эмотивный смысл выходит за пределы фразы и приобретает статус фрагментного. А казавшаяся заурядной, обычной ситуация обживания новой квартиры становится стрессовой для персонажа, спровоцировавшей всплеск негативных эмоций и тем самым обнажившей состояние внутреннего душевного дискомфорта, испытываемого Еленой. Так, в событийной структуре романа находит отражение сценарий возникновения и развития эмоции, в частности эмотивного смысла «страх», все фазы которого представлены в работе В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресян [5]. Прежде чем испытать его, Елена «воспринимает и «умственно представляет некоторое положение вещей» — в данном случае знакомится с новой квартирой: *«Она прошлепала пятками по коридору: ровнехонько тринадцать ее лап. «Знала бы, не менялась», — засмеялась она»*. Потом выяснилось, что хотя этаж, на котором находится квартира, — пятнадцатый, он *«изнутри весь — «насквозь! насквозь! насквозь! — тринадцатый»*). Использование автором приема лексического повтора, к тому же оформленного восклицательными знаками, сигнализирует о том, что воспринимаемое персонажем «положение вещей» оценивается «как опасное для себя». Результатом этого становится «собственно эмоция»: *«Елена почувствовала, как ее охватывает паника, как ее отбрасывает назад — к слезам, неустройству, неуверенности, слабости, в которых она жила последние годы»*. Чувство паники «проявляется в желаниях»: бежать, плакать, позвонить, репрезентируемых стилистическим приемом синтаксического параллелизма — сложносочиненными предложениями с семантикой антирезультата, начинающихся анафорическим модальным глаголом *захотелось*: *«Захотелось бе-*

жать, но бежать было некуда. Захотелось плакать, но исчезли слезы. Захотелось позвонить, но телефон сволочи-сменщики унесли с собой».

Желания повлекли «за собой контролируемые субъектом моторную активность и речевую деятельность»: *«Елена пустила во весь напор воду в ванной. И сказала зеркалу: «Не думай! Вены я вскрывать не буду. Я просто помокну».*

Таким образом, в тексте наблюдается динамическое становление доминантного эмотивного смысла «страх», который в зависимости от своей интенсивности может переживаться как неуверенность, полная незащищенность, предчувствие, паника. Появляется ощущение опасности и надвигающегося несчастья, недостаточной надежности и достигает кульминации в текстовых фрагментах, описывающих реакцию Елены на сообщение по радио о землетрясении. Чувство страха, охватившее Елену от услышанного, проявилось в неподконтрольных субъекту «физиологических реакций», языковым средством выражения которых являются те же «симптоматические» глаголы, описывающие физическое проявление страха, которые используются и для описания эффектов холода: *«Зубы стучали о чашку».* Как отмечает В. Г. Гак, «в произведении часто используются глаголы, имеющие категориальную сему «процесс, являющийся следствием эмоционального переживания», то есть автор художественного текста, «называя чувства и одновременно показывая их проявления, совмещает в одном контексте «изображение» и «описание» эмоций» [6], что позволяет подчеркнуть глубину чувств, ярче охарактеризовать переживания. Часто в качестве такого глагола выступает лексема *плакать*. Интенсивность переживаемых эмоций репрезентируется не глаголом *плакать*, являющимся стилистически нейтральным в системе языка, а его синонимом — эмотивным глаголом *ревела*, повторенным дважды, лексическим повтором существительного *слезы*. Бурное проявление эмоции манифестируется лексикой плача, изобразительно-жестовыми эмотивными смыслами (*«Зубы стучали о чашку <...>; Зубы стучали по ней, как тот самый звонящий колокол, который всегда звонит по тебе. Она не могла отделаться от ощущения предопределенности собственной судьбы. Стоило ей пожелать себе удачи, как ударило землетрясение. Елена ревела так, как не ревела никогда. <...> Слезы же... слезы.... Они шли своим соленым пу-*

тем». Автор, интерпретируя реальные эмоциогенные реакции, вызывает у читателя сочувствие, «заставляет» его сопереживать персонажу, переживать изображаемое.

Предвосхищение опасности, предопределенность судьбы формируют стойкую эмоцию *тревожности*, которую психологи рассматривают как условный страх и говорят о необходимости различать два аспекта: 1) ситуативную тревожность, то есть тревожность, связанную с ситуацией, опасной для жизни; 2) устойчивую или индивидуальную тревогу, становящуюся навязчивой, постоянным свойством индивида, и формирующей невротическую личность [7].

Елена постоянно пребывает в состоянии рефлексии по поводу своего «жуткого» замужества («замужа»), в котором *«несколько лет по маковку сидела, как в дерьме»*, развода, обмена квартир. Последствия «жуткого замужа» и развода репрезентируется глаголами, имеющими категориальную сему ‘процесс, являющийся следствием эмоционального переживания’ (*«от всей этой жизни шла паршой, чесалась, шелушилась»*), образной номинацией «скелет в парше», фразеологическим сравнением (*«Вот тогда Елена ходила в парше и сдвинутой набок юбке, потому что в тот период секси в ней как корова языком слизала. <...> Скелет в парше»*). Свидетельством того, что развод и обмен становятся доминирующими, влияющими на душевный мир Елены, является их персонификация. Как отмечает И. Г. Заяц, при исследовании эмоций необходимо обращать внимание на метафорическую сочетаемость его репрезентантов. По мнению ученого, выступая в роли субъекта, эмоция может персонифицироваться. Так подчеркивается власть явлений чувственной сферы, эмоций над человеком, который позволяет им быть его хозяевами, приказывать ему и распоряжаться им по своему усмотрению [8]: *«Монстр по имени «развод и раздел» сжирал не просто любовь, <...>, сжирал всю ее жизнь. Каждый день она просыпалась с ощущением исчезающей жизни»*. «Монстр» способствовал развитию таких свойств личности персонажа, как *неуверенность, беспокойство, неудачливость*, приведших к нервному расстройству и превративших Елену в *«странную женщину с сошедшими с рельс эмоциями»*. «Эмоциональная сдвинутость» персонажа вербализуется эмотивной лексикой с семантическим компонентом ‘безумие’: *«бесится, сходит с ума»*; *«была на взводе»*;

«чуть умом не тронулась»; *«свороченным умом»;* *«схожу с ума»;* *«похоже на съезжающую со стропил крышу»;* *«нашел паморок»;* *«сошла с ума»;* *«Какая-то палата номер шесть!»;* *«поняла, что спятит от раздвоенности своих мыслей и чувств»;* *отупела от мыслей»;* *«сидит, отупев от мыслей»»;* *«морок ее накрыл»;* *«перепсиховала за последний год».*

Репрезентантом данной эмоции выступает колоративное прилагательное *желтый*, выступающее в качестве доминанты лексико-ассоциативного ряда, в состав которого входят лексемы, эксплицитно и имплицитно содержащие сему 'желтый': солнце, горячий, пустыня, жара, огонь: *«Она заперла дверь и заплакала. День предстал перед ней желтый и горячий, как пустыня. Бесстрастное солнце плавилось краями и стряхивало вниз капли огня. Люди <...> давно привыкли к равнодушной жестокости солнца».*

Ярким средством репрезентации является и использование стилистического приема метагоге. По мнению Г. Г. Хазагерова, «выделение метагоге в особый вид олицетворения оправдано тем, что подобные случаи <...> тяготеют одновременно и к метафоре, и к метонимии, в которой через приписывание чувств неодушевленным предметам передаются субъективные ощущения самого наблюдателя» [9]. Так, субъективные ощущения Елены, ее состояние нервозности приписываются и солнцу: *«Над лесом поднималось солнце, в нем ощущалась какая-то нервность, как будто у светила было плохое настроение».*

Как отмечают исследователи, наиболее глубокой и важной причиной страха является одиночество. Эмотивный смысл «одиночество» как один из составляющих эмоциональную сферу Елены дается автором через зрительное восприятие мужского персонажа, Б. И. Кулачева, влюбленного в Марию Петровну и приехавшего познакомиться с ее дочерью: *«Женщина, потерянная мужчиной, который унес с собой все, оставив ей несоразмерно одинокое одиночество».* Вербализация эмоции словосочетанием *одинокое одиночество*, являющимся в системе языка тавтологическим, оправдано коммуникативными установками автора — передать глубину охватившего Елену чувства, от которого она «сошла с рельс». Кроме того, *одиночество* усиливается словосочетанием *потерянная мужчиной*, кратким прилагательным *несоразмерно*. Непомерность *одиночества*, тоска и боль от его присутствия, беспомощность,

бессилие подтверждаются следующим фрагментом: *«Куда-то ушли и гнев, и ненависть, осталась болочая одинокая слабость»*.

Эмотив «одиночество» является доминантным и в эмоциональной сфере Марии Петровны, репрезентируется корневым повтором: *одиночество, одна*. Ощущение одиночества усиливается синтагматикой (*полным*), словом категории состояния *оглушительно*, а также словосочетаниями: *обратно кидаться в реку; никуда не выйти*: *«Мария Петровна переходила свою реку одна <...>. Когда оказалась на другом берегу <...>, то ощущение одиночества было оглушительно полным, что в пору было обратно в реку кидаться, чтобы из нее уже никуда не выйти»*.

Внешнее проявление чувства отчаяния, испытываемого персонажем, ощущение безысходности и стремление выдержать тяжесть одиночества вербализуется словосочетаниями *сцепила зубы* и глаголом *стерпела*: *«...но Мария Петровна сцепила зубы и стерпела»*.

Эмотивный смысл «одиночество» актуализируется и в речи Алки употреблением отрицательного местоимения *никому* и отрицательной частицы *не*: *«Никому она не нужна»*, приставкой *от-*: *«Алка просто ишкуррой почувствовала собственную отъединенность от матери и бабушки и кинулась вперед, и врезалась между ними. Они приняли ее, обняли»*. Антонимичная приставка — *об-* вносит значение «единения» (с родней), а следовательно, «отрицание чувства одиночества», но «мысль об объединенности» *«просто ушла в партизаны»*, и возвращается прежнее чувство одиночества. Алка переживает страх, что одиночество передано ей по наследству, так как *«бабушка, <...> проживя в одиноком самолюбии всю жизнь, и Елену так воспитала, теперь эти две неудачницы начнут мстить и ей, Алке, путь...»*. Одиночество — не только состояние, присущее женским персонажам романа. Одинок и Павел Веснин, «вечный командированный». Языковыми средствами репрезентации являются корневой повтор *волк*, словосочетание *одинокый волк*: *«у него вид одинокого волка»*; *«хватаешь, как волкодав»*; *«похожий на одинокого волка человек»*.

Таким образом, эмоция «страх», являющаяся одной из основных составляющих эмоциональных сфер персонажей романа Г. Щербаковой, эксплицирована как интенсивностью ее протекания, так и указанием на причины ее возникновения, видами проявления в эмоциональной сфере персонажей.

Как отмечает Л. Г. Бабенко, «диктальные эмотивные смыслы опрокинуты в действительный мир человеческих эмоций. Совокупность их в тексте — своеобразное динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в его отношениях с другими персонажами» [10]. Так, по мере развития сюжета, второе доминирующее в эмоциональной сфере Елены ощущение — ощущение исчезающей жизни — избавляет ее от всех негативных эмоций. Готовясь к рождению сына, Елена все чаще испытывает состояние отстраненности, неприсутствия в этом мире. Это состояние сопровождается чувством *«какой-то дальней радости», «освобождения от каких-то мучительных веревочек, несовершенства себя самой и одновременно дороги к себе другой».*

Как отмечает А. Ф. Папина, на основе реального субъективного художественного времени «формируется психологическое время со смещениями, с подчеркиванием говорящим особой эмоциональности при описании индивидуальных переживаний и воплощений» [11]. Сказанное можно отнести и к описанию психологического состояния Елены: *«Странным было и отсутствие страха перед тем, что, она знала, ее ждет. <...> знание <...> охватывало ее всю, неся вместе с собой какие-то удивительные, доселе неведомые чувства».*

Важным составляющим эмоциональной сферы персонажей является и эмотивный смысл «горе». Языковыми номинантами эмотива «горе» выступают лексема *горе* — 30 словоупотреблений и ее производные: *горестный* — 1 словоупотребление, *горькими* — 1, *горько* — 3; ряд синонимических средств: *беда, тоска, несчастье, печаль, «жаль-печаль»* («...не слушая друг друга, все в сущности говорили о себе, о своей собственной жали-печали»).

Горе испытывают почти все персонажи романа. Но наибольшее его проявление представлено образом Павла Веснина: *«Когда Елена вошла в кухню, она поняла, что ее горе — не горе, и вид ее — не вид, что на свете есть что-то и пуще».*

Как отмечают исследователи, в частности И. Г. Заяц, *горе* в художественном произведении может ассоциироваться с ношей, причем с непосильной ношей, грузом, который человек несет на себе под бременем страдания, беды. Причиной эмоции, по мнению ученого, выступает каузативная ситуация, которая отражает физиче-

ское воздействие на объект [12]. Такой каузативной ситуацией для Павла Веснина, отражающей физическое воздействие на него, стала ситуация автокатастрофы, в которую попала его дочь. Значение непомерности, тяжести *горя* актуализировано глагольно-наречными сочетаниями «*стал сползать по дверному проему*», «*тащит вниз не до конца напаянный рюкзак*», «*плечо его покорно гнется под лямкой*», эксплицирующими как прямое, так и переносное значения.

Средствами невербальной актуализации эмоции «горе» являются и такие семантические группы физического проявления горя, как пантомимика, мимика, голос: «Он сидел на табуретке и *раскачивался* на ней. У него были закрыты глаза и открыт рот. И изо рта шел тихий стон»; «А ночью она проснулась от *стоны*. Гость *стонал* и *метался*, и у него *скрипели зубы*»; «она видела *мятущиеся волосы* на белой наволочке», «*скорбно сжатые губы*», «*остановившиеся в точке времени глаза*». Узнав о смерти дочери, Веснин «*себя потерял*», «*не знал, что он делал весь день. Не помнил, где был*», «*забыл имена и фамилии своих приятелей, забыл, кто он сам...*».

Автор не только дает описание переживаемой персонажами эмоции, но и одновременно показывает ее проявление, используя глагол, содержащий категориальную сему «процесс, являющийся следствием эмоционального переживания», что позволяет Г. Щербаковой подчеркнуть глубину чувств персонажа, ярче охарактеризовать его переживания. В качестве такого глагола выступают лексемы *плакать*, *прорвало*: Елена «*села рядом с ним, взяла в руки поникшее лицо и увидела, что он плачет*»; «*и спина его нервно дрожала — сомнений быть не могло, от плача*». Сильное горе переживает и Мария Петровна, похоронив Елену: «*Вот тут Мария Петровна и заплакала в первый раз за все это время. Не плакала <...> А тут ее как прорвало*».

Тесную связь, существующую между эмоциями любви и горя, демонстрирует лексема *счастье-горе*, обозначающая боль и страдания, проистекающие от любви, являющейся «*единственным спасением на земле*»: «*Нахлынуло все то, что было той ночью, несообразное ни с чем счастье-горе*», Для Кулачева, влюбленного в Марию Петровну, чужое горе обернулось счастьем: «*Ему ведь чужое горе обломилось счастьем, он это понимает*».

Таким образом, эмотивный смысл «горе» эксплицируется языковыми номинантами, глаголами-эмотивами, репрезентирующими состояния, семантическими группами физического проявления эмоции. Интенсивность, глубина переживаемой эмоции репрезентируется и цветолексемой *черный*. Колоративная лексема *черный*, выступающая репрезентантом эмотивного смысла «горе», в большей степени связана с образом Павла Веснина. Степень переживаемого персонажем горя акцентируется причастием *вычерневший*: «*Это был измученный, вычерневший человек*». В русском языке известно устойчивое сочетание *почернеть от горя*, предполагающее внешнее изменение (потемнение) кожного покрова. Словообразовательная единица *вы-*, имеющая в системе языка значение «тщательно совершить действие, названное мотивирующим словом», актуализирует интенсивность протекания эмоции во внутреннем мире персонажа.

Колоративное прилагательное *белый* в художественной структуре романа Г. Щербаковой является вербальным репрезентантом эмотивного смысла «радость». Цветолексема выступает в качестве доминанты лексико-семантической парадигмы, включающей лексические единицы *светлый, белый, сияющий, снежный* и т. п. Третья часть романа так и начинается: «*Надо рассказать о свойстве белого цвета. Свойстве снега*». <...> «*Первая реакция на белый, белый снег — радость*».

В результате словоупотребления структура лексического значения слова *белый* обогащается дополнительными смысловыми коннотациями: «наполняемость себя другим», «новый», «незапятнанный», «счастье», «радость». Значение чистоты, новизны, счастья вербализуется глаголом *прочистилось*, существительным *мороз*, прилагательным *новенький*: «*На морозе в лесу все прочистилось, и я вернулся новенький*».

В словосочетании *белый снег* актуализируются следующие семантические компоненты: «начало новой жизни», «рождение», «смерть». Так, Елена, смотря в окно на снег, «*первый раз испытала радостное нетерпение*»: «*у Елены родился мальчик. Она радостно и облегченно вздохнула и умерла*».

Эмотивный смысл «радость» репрезентируется и лексемами *веселье, смех* и их производными, существительным *празднество*, словами категории состояния: «*у Марии Петровны кончился нерв-*

ный спазм, и она просто засмеялась»; на вопрос Кулачева, «с чего это она развеселилась», «с юмором рассказала, как она боялась его и как ей сейчас легко. Ей на самом деле было так легко и освобожденно, так расслабились мышцы тела от радости; «всю дорогу продолжалось — легкое празднество». Подводя итог описанию зарождающихся отношений между Марией Петровной и Борисом Ивановичем, автор резюмирует, что ключевым словом в этих взаимоотношениях было слово *радость*, «неведомое нашей душе по причине хронического дефицита в русской природе».

Таким образом, в романе Г. Щербаковой контекстуальное окружение эмотивного смысла «радость» способствует обогащению его семантической структуры. «Радость» — это эмоция, которая несет свет, проявляет свет души, эмоция, связанная со счастьем, любовью.

Проведенное нами исследование подтверждает высказывание Л. Г. Бабенко о том, что «художественный текст создает картинно-образный облик эмоций, конкретизированный в образах персонажей. Микромир души человека на его страницах предстает в целостности и уникальности, сложности и динамизме. <...> Сколько людей, столько и уникальных эмоциональных миров, и искусство и призвано познавать и отображать эти индивидуальные миры» [13]. Арсенал языковых и стилистических средств репрезентации эмотивных смыслов многочислен и разнообразен. В настоящем исследовании отражены лишь некоторые из них. В частности, как специфический стилистический прием эмоциональной характеристики персонажей и эвокации эмоционального переживания у читателя рассматривается презентация эмотивных смыслов через цветовую лексику в дополнение к описанию физиологических проявлений эмоций. Языковые средства репрезентации эмоциональных сфер персонажей анализируемого произведения, не представленные нами в настоящей работе, будут рассмотрены нами в дальнейшем.

Примечания

1. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М., 2008. С. 245.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. М., 2003. С. 122.
3. Щербакова Г. Женщины в игре без правил // Русская проза конца XX века: хрестоматия для студ. высш. учеб. заведений / сост. и вступ. ст. С. И. Тиминой. СПб., М., 2002. С. 202–317.
4. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Указ. соч. С. 125.

5. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. М., 2013. С. 299.
6. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 87.
7. Изард К. Эмоции человека. М., 1980. С. 326.
8. Заяц И. Г. Особенности вербализации эмоционального концепта «горе» в средневерхненемецкий период [Электронный ресурс]. // Электронный научный журнал «Исследовано в России» 959. URL: <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/2006/101.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).
9. Хазагеров Г. Г. *Metarore* // Риторический словарь. С. 266 [Электронный ресурс]. URL: <http://e.lanbook.com/view/journal/87344/> (дата обращения: 03.07.2015).
10. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Филологический анализ текста: практикум / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2003. С. 200.
11. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов. М., 2002. С. 163.
12. Заяц И. Г. Указ. соч.
13. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Филологический анализ текста: практикум / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2003. С. 201.

Emotional sphere of characters and its verbal representation in the novel

“Women are in the game without rules” by G. Scherbakova

The article is devoted to the linguistic and stylistic means for designation of characters' emotions from description of emotional experience till showing the external condition by using psychological character's symptoms, visual-gestural emotional meanings. The role of emotive language is also important for creation of characters' emotional sphere. The script of the emergence and development of emotion “fear” is demonstrated in the article and reflected in the structure of work. The author pays attention to the metaphorical combination of emotional representatives, their ability to personify. There is a link between the language means of the emotive meaning representation in the structure of characters, linguistic representation of their emotional condition and situation-stimulus. The role of psychological time in the changes is shown in the description that belongs to the emotional sphere. It leads to the change of the emotional-semantic dominant.

The article discusses the part of color-names in explication of emotional continuum of characters in the literary work. The demonstration of emotions through physiological manifestation and color lexicon help readers to get in characters' emotional world and understand the motive of their emotional actions, characters internal world. Color-names are considered as methods for presentation of emotions, their physiological manifestation as specific stylistic technique of emotional characterization of characters in the literary work. Also the analysis of emotive space of literary text is presented.

Keywords: emotive meanings “fear”, “grief”, “gladness”, colorative, semantic connotations, matakoe, personification, emotogenic situations.

Эталон сравнения в паремиологической картине мира

В проведенном исследовании выделены наборы семантических категориальных и субкатегориальных признаков конститuentов количественных значений в двух языках. Раскрыта функциональная роль квантитативных единиц в белорусских и английских паремиологических текстах. Построены оценочные модели нумеративов в паремиях разных тематических групп. На основе компаративного анализа лексем количественной семантики выявлены их общие и национально-специфические характеристики в белорусской и английской лингвокультурах. Полученные результаты могут быть использованы в типологических исследованиях по квантитативной семантике и межкультурной паремиологической эквивалентности разнотипных языков; в лексикографической практике при составлении переводных белорусско-английских и англо-белорусских словарей; при написании учебных пособий по компаративной лингвистике, сравнительно-сопоставительной лексикологии и паремиологии; в теории и практике перевода; в преподавании английского языка, белорусского языка как иностранного в вузах, колледжах, лицеях, школах.

Ключевые слова: квантитативность, категориальные и субкатегориальные значения, паремия, оценочность, национальная специфика.

Лексические единицы количественной семантики обладают не только дескриптивным, но и оценочным употреблением. В лингвистике под оценкой понимают «закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное» [1]. По мнению Е. М. Вольф, «оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой”» [2]. Н. Д. Арутюнова определяет оценку как «собственно человеческую категорию», которая «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [3].

Количественная оценка имеет своим предметом релевантные для предметной и коммуникативной деятельности человека объективные различия сферы квантитативной определенности. По мнению Л. Г. Акуленко, «любые средства языковой оценки функционируют с ориентацией на какую-то точку отсчета,

являющуюся основанием оценки. Для оценочного определения количества, величины, времени это явные или неявные эталоны (нормы)» [4]. Количественная оценка, как и любая другая оценка, субъективна. В связи с этим нормы сравнения могут быть известны каждому, но могут быть и индивидуальными, связанными с количественными представлениями лишь одного человека, зависеть от ситуации и быть опосредованными. Таким образом, количественная оценка связана с аксиологической, тяготеет к экспрессивности и может получать в тексте положительную или отрицательную коннотации.

В работе мы выделяем следующие типы оценок в белорусских и английских паремиях с количественным компонентом:

а) *количественная оценка* — дает общую количественную характеристику предмету, лицу, явлению или какому-то положению дел по количественному показателю «недостаточно» — «достаточно» — «чрезмерно». Так, в паремиях *Даражэй адзін стары друг, як новых двух*, *An old friend is better than / is worth two new ones* — ‘Старый друг лучше/стоит двух новых друзей’ количественные единицы *два* и ‘два’ наделены количественной оценкой «чрезмерно», в то время, как *адзін* и *an old friend* (= *one old friend*) ‘один старый друг’ оцениваются как достаточное количество друзей;

б) *аксиологическая оценка* — отражает отношение индивида к объекту реального мира и квалифицирует его по признаку «хорошо/плохо». Положительная или отрицательная коннотация количественной оценки зависит от характеризуемого количественной единицей объекта и ситуации, в которой он рассматривается. Так, в паремиях *У разумнай галавы сто рук*, *За сто работ бярэцца, а ні адна не ўдаецца* нумератив *сто* актуализирует количественную оценку ‘много’, однако наделен различными аксиологическими оценками. В первой пословице *сто* имеет положительную коннотацию, т. к. называет большое количество выполненных дел, за которые берется умный человек. Во втором контексте компонент *сто* наделен отрицательной оценкой, т. к. обозначает большое количество невыполненных заданий, к которым приступает несерьезный человек, поспешный в работе.

Следовательно, сочетаемость количественных единиц и характеризующих ими объектов, а также соотношение этой корреляции с общей ситуацией, описываемой паремией, имеет важное значение

при формировании аксиологической оценки фрагмента действительности. В этой связи целесообразным является вопрос о том, как взаимосвязаны лексемы количественной семантики с описываемыми ими явлениями и аксиологической оценкой, которую квантитативные единицы получают.

В работе представлены результаты анализа количественной и аксиологической оценочных функций белорусских нумеративов на фоне английских с целью выявления общего и специфичного в восприятии объектов окружающего мира двумя этносами на примере паремий тематической группы человек и его характеристика. Поскольку нумеративы являются эксплицитной формой выражения количества, не содержат дополнительные дескриптивные семы, они дают возможность точно установить количественные свойства компонентов и выявить определенные закономерности их функционирования.

Нумеративы *адзін, два, тры; half* ‘половина’, *one* ‘один’, *once* ‘один раз’, *three* ‘три’, *five* ‘пять’ выступают в субкатегориальном значении ‘мало’ и передают количественную оценку ‘недостаточно’. Положительное отношение к данному количеству наблюдается, когда незначительное проявление хороших характеристик человека оказывается ценным. Так, в белорусской паремии *Лепш адзін цявразы, чым дзесяць п’яных* нумератив *адзін* (малое количество) получает одобрительную оценку, т. к. описывает трезвого человека. В то время как *дзесяць* (большое количество) имеет отношение к пьяным людям и воспринимается негативно. Предпочтение же отдается малому количеству трезвых людей. В английской паремии *Half a word/tale is enough for a wise man* — ‘Полслова достаточно для мудрого человека’ *half* ‘половина’ наделено положительной оценкой, т. к. характеризует умного человека, который с полуслова (малого количества) понимает других людей.

Одновременно, отрицательно оценивается малое проявление плохих черт у человека, которое является достаточным для формирования негативных последствий. В *Адзін дурань можа задаць/задасць столькі пытанняў, што дзесяць/сем разумных не адкажуць* один глупый человек может создать много хлопот для большого количества разумных людей, поэтому малое количество рассматривается негативно. В английской паремии *One lie makes*

many — ‘Одна ложь делает много’ — ‘одна ложь тянет за собой другую’ малое количество лжи приводит к большому, что воспринимается негативно.

Нумеративы *два, тры, чатыры, сем, дзесяць, сорак, сто; half* ‘половина’, *two* ‘два’, *three* ‘три’, *seven* ‘семь’, *fourty* ‘сорок’, *hundred* ‘сто’, *thousand* ‘тысяча’ с субкатегориальным значением ‘много’ выступают в качестве показателей количественной оценки ‘чрезмерно’: *Двойчы дае той, хто зараз дае. He gives twice who gives in a trice* — ‘Тот дает дважды, кто дает мгновенно’. В сознании белорусов и англичан положительно оценивается ответственность и оперативность при выполнении обещания или содействии в чем-либо.

В белорусских и английских паремиях с нумеративами в субкатегориальном значении ‘много’ актуализируется общая негативная коннотация чрезмерного количества: *У яго сем пятніц на тыдні. Нагавораць сорак бочак арыштантаў. A sluggard takes an hundred steps because he would not take one in due time* — ‘Ленивый делает сто шагов, потому что он не сделал одного в нужный момент’. *Conscience is a thousand witnesses* — ‘У совести тысяча свидетелей’ — ‘о человеке с нечистой совестью’. Примеры свидетельствуют о том, что нумеративы с семой ‘много’ усиливают негативную коннотацию плохих качеств человека: отрицательно воспринимаются непостоянство, болтливость индивида у белорусов; лень, непорядочность у англичан.

Самый распространенный нумератив в паремиях тематической группы человек и его характеристика является нумератив *адзін/one* ‘один’ (встречается в 37,4 % белорусских и 35,4 % английских паремий). Данный количественный компонент в субкатегориальном значении ‘мало’ функционирует как показатель достаточного количества с положительной коннотацией: *Адна ліса семярых ваўкоў ашуквае. One, but that one a lion* — ‘Один, но этот один — лев’. В представленных контекстах малое количество, вербализуемое *адзін* и *one* ‘один’, является проявлением положительных характеристик человека (смекалка и ум у белорусов; благородство и сила у англичан), и поэтому оно получает положительную оценку. Вместе с тем, когда речь идет об отрицательных качествах индивида, количественное значение ‘мало’ приобретает прямо противоположную оценку. Так, в белорусской пословице *За адным*

вінным дзесяць нявінных пакутуе осуждается безответственность одного человека (малого количества), из-за которой страдают много других людей. В английской паремии **One fool, makes many/a hundred** — ‘Один дурак делает много/сто дураков’ — ‘дурной пример заразителен’ признается отрицательной способностью одного глупого человека (малого количества) заразить своим дурным примером большое количество людей.

Полученные данные свидетельствуют о том, что нумеративы в белорусских и английских паремиях тематической группы человек и его характеристика чаще всего реализуют количественные оценки ‘недостаточно’ и ‘чрезмерно’ для описания положительных и отрицательных черт индивида. В двух лингвокультурах одобрительно воспринимается ответственность и оперативность человека при решении вопроса, отрицательно воспринимается такое качество, как глупость. Положительно оценивается наличие малого количества людей с хорошими характеристиками: смекалка, трезвость у белорусов; мудрость, благородство у англичан. Отрицательно определяется чрезмерное или незначительное проявление плохих качеств: несерьезность, безответственность, болтливость — у белорусов; лживость, непорядочность, лень — у англичан.

Соотношение субкатегориальных значений количественных единиц с количественными и аксиологическими оценками, реализуемыми в белорусских и английских паремиях, образуют оценочные модели, которые можно представить в виде следующей схемы: «субкатегориальное значение» → «количественная оценка» → «аксиологическая оценка». В данной схеме слева направо уменьшаются дескриптивные характеристики количественных единиц и усиливаются их оценочные свойства. В результате функционально-семантического анализа белорусских и английских нумеративов в составе паремий тематической группы человек и его характеристика было выявлено 4 оценочные модели: «мало» → «недостаточно» → «хорошо» (11,1 %; 24,8 %) ¹; «мало» → «достаточно» → «плохо» (29,8 %; 15,9 %); «много» → «чрезмерно» → «хорошо» (11,7 %; 16,8 %); «много» → «чрезмерно» → «плохо» (47,4 %; 42,5 %).

¹ Частотность употребления оценочной модели в белорусских и английских паремиях тематической группы человек и его характеристика соотносительно.

Оценочная модель «много» → «чрезмерно» → «плохо» является доминирующей как в белорусских, так и в английских паремиях тематической группы человек и его характеристика. Закономерным является негативное восприятие сильного проявления отрицательных качеств человека: непорядочность, болтливость, непостоянство и др. Преобладание данной модели свидетельствует о тенденции представителей обеих лингвокультур отрицательно оценивать количество, значительно превышающее норму, принятую в обществе.

Таким образом, доминирование оценочных моделей «много» → «чрезмерно» → «плохо», «много» → «чрезмерно» → «хорошо», «мало» → «недостаточно» → «плохо» в белорусских и английских паремиях свидетельствует о тенденции смещения количественных характеристик объектов действительности к полярным значениям 'много', 'мало'. Эта закономерность обусловлена, на наш взгляд, необходимостью обратить внимание человека на нарушения установленных обществом эталонов поведения, чтобы предупредить ошибки людей, ориентировать их в окружающем мире.

Примечания

1. *Ильющина Е. С.* Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: психолингвистический анализ. М., 2001. С. 24.
2. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002. С. 5.
3. *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка. М., 1984. С. 5.
4. *Акуленко Л. Г.* Выражение неопределенно большого и неопределенно малого количества в немецком языке. Харьков, 1982. С. 29.

Standards of comparison in paroemiological worldview

The article eliminates the sets of semantic categorical and subcategorical features of the constituents with quantitative meanings in the comparable languages. The functional role of the quantitative units in the Belarusian and English proverbs has been revealed. The valuation models of the enumerative words in the proverbs of different thematic groups have been established. The common characteristics and national peculiarities of quantitative units have been defined. The obtained results can be applied in typological studies of quantitative semantics and cross-language typology of paroemiological equivalence in languages with different structures; in compiling of Belarusian-English and English-Belarusian dictionaries; in working up manuals and textbooks on comparative linguistics, Belarusian and English lexicology and paroemiology; in theory and practice of translation. They can also be used in teaching English and Belarusian as a foreign language in the institutions of higher education, colleges, lyceums, and schools.

Keywords: quantity, categorical and subcategorical meanings, proverbs, valuation, national specificity.

Лозунги и девизы Российской армии в диахроническом аспекте¹

Российская Армия, как и любая армия в мире, не может обходиться без лозунгов и девизов, главное назначение которых — поддерживать боевой дух воинов, вдохновлять их на ратные подвиги, воспитывать бесстрашие, волю к победе и, если понадобится, внушить готовность пожертвовать собственной жизнью во имя Родины. Чтобы лозунги и призывы находили отклик в душах военнослужащих и могли повести их за собой, они должны лаконично, образно, доступно и в то же время предельно эмоционально выражать очень важные для каждого солдата идеи, ради которых имеет смысл выносить тяготы армейской жизни, осваивать воинское ремесло и идти на риск. Армейский лозунговый корпус России не остается неизменным. В нем отражается история страны и история самой армии. С одной стороны, он не порывает связи со старыми традициями, с другой — непрерывно пополняется неологизмами — лозунгами, девизами и призывами, отражающими новые реалии общественной жизни России и изменения во взглядах ее граждан. Но все же по-прежнему самыми популярными в современном армейском лозунговом корпусе остаются призывы и девизы, формирующие тематические блоки «Родина», «Честь», «Отвага», «Победа», «Единство», «Взаимовыручка», «Верность долгу», «Дружба», «Смекалка».

Ключевые слова: армия, девиз, лозунг, Россия, Родина, честь, отвага, история страны.

Армейские лозунги, призывы и девизы — неперенный атрибут жизни очень важной для любого государства структуры, объединяющей военизированную прослойку общества, основная задача которой — защищать рубежи страны и служить гарантом безопасности ее граждан. Источниками этих экспрессивных устойчивых фраз могут быть крылатые выражения, рожденные еще в античные времена, фрагменты из произведений выдающихся поэтов и прозаиков, изречения ярких исторических личностей — политических и государственных лидеров, прославленных полководцев, ученых, национальных героев. Так, например, выражение римского философа Сенеки из «Неистового Геркулеса» (437 г.) *Per aspera/ardua ad astra!* (*Через тернии к звездам!*) стало девизом Венденской ко-

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2016, № 15-24-06001а(м)).

роны, учрежденной в 1864 г., и девизом Британских вооруженных сил [1]; начальная строка проникнутой духом национализма и воинственности немецкой песни, сочиненной в 1841 г. Гофманом фон Фаллерслебеном, *Deutschland über alles! (Германия превыше всего!)* в 1930-1940-е гг. превратилась в лозунг не только вооруженных сил Третьего рейха, но и самой гитлеровской Германии [2]; общевоинскими лозунгами русской армии конца XVIII — начала XIX в. стали слова великого полководца, не знавшего ни одного поражения, А. В. Суворова *Русские не сдаются!, Отступления не будет!, Победа или смерть!* [3].

Но чаще всего авторство лапидарных произведений военного лексикона установить не удастся, ибо они в большинстве своем являются плодами коллективного творчества армейских коллективов. Ср., например, девизы армий и войсковых подразделений разных стран мира: Словенской армии — *Гордись собой!*, морской пехоты США — *Избранные. Гордые*, пилотов Финляндии — *Качество — наша сила!*, Канадской армии — *Мы стоим на страже твоей!*, Французской армии — *Честь и Отечество!*, Бундесвера — *Мы служим Германии!* [4]; 2-й пехотной дивизии вооруженных сил США — *Не уступим никому!*, спецназа Австралии — *Побеждает дерзкий!*, британских парашютистов — *Готовы ко всему!*, Британского Королевского корпуса связи — *Верно и быстро!* и им подобные. Это же относится к современному набору армейских девизов Российской Армии. Ср. девиз морской пехоты Российской Федерации — *Где мы, там победа!*; Московского морского собрания — *Честь, флот, Отечество!*; российского спецназа — *Отвага, вера, честь, победа!*; девиз пограничников — *Ни одного нарушителя рядом!*; девиз военных моряков — *Вышел в море — учись!*; девиз зенитно-ракетного дивизиона — *Каждый пуск — поражающий!* и т. д.

Лозунговый набор любой армии как государственной структуры отражает, с одной стороны, менталитет граждан своей страны, с другой — является орудием не только внешней, но нередко — и внутренней политики. Однако история государств, прошедших нелегкий, зачастую кровавый путь от империй или диктаторских режимов к демократии, свидетельствует об опасности выхода армии из-под контроля светских властей. Любое демократическое государство законодательно закрепляет полное подчинение армии государственной власти. Барон г.-Ф. фон Штейн, выдающийся госу-

дарственный деятель Пруссии, инициатор многих прогрессивных реформ, в том числе отмены крепостного права, прославившийся как лидер национально-освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновских войск, а также как один из организаторов Русско-германского легиона, который сыграл большую роль в освобождении Германии от французских захватчиков, прекрасно осознавал, как опасен милитаризм и как важно, чтобы армия служила интересам своего народа, не переступая рамок закона в демократически устроенном обществе, а потому говорил: «Тщетно ожидать, что в нас пробудится общественный дух англичан и французов, если мы не поставим армию в рамки, границы которых ей не дозволено переступать в странах, где царит дух сообщества» [5]. Говоря о принципиальной позиции российского офицера в отношении к государственной власти, один из самых авторитетных военачальников XIX столетия, генерал от инфантерии М. И. Драгомиров наставлял своих подчиненных: «Вы можете поступать в какие угодно политические партии. Но прежде чем поступить, снимите мундир. Нельзя одновременно служить своему царю и его врагам», и это наставление твердо засело в памяти большинства российских офицеров, которым пришлось делать нелегкий выбор после революционных событий 1917 г. [6].

История ряда европейских, азиатских, южноамериканских и африканских государств свидетельствует о том, что вмешательство армии во внутреннюю жизнь государства обычно заканчивается установлением в стране военной диктатуры. В Латинской Америке, например, за полтора века произошло более 55 военных переворотов; в Азии с 1945 по 1972 гг. при содействии армий действующие органы власти были свергнуты 42 раза; в Африке с 1948 по 1985 г. военные отстранили от власти 68 глав государств и правительств. Аналогичные процессы наблюдались и в Европе: только в Греции за полвека произошло 11 военных переворотов, а Испания с 1814 г. пережила 52 военных путча [7]. Не случайно и в России, и во многих других странах мира следуют общеармейскому и общегосударственному девизу *Политика принадлежит партиям, Отечество же — армии*. Девиз этот выстрадан историей России, как и историей других демократических государств. Как пишет политолог Н. А. Баранов, «Из Конституции РФ, федеральных законов следует, что основное содержание внутренней функции вооруженных сил

составляет поддержка конституционного строя, законно избранной народом политической власти. Традиционно армия выступает в качестве гаранта общественно-политической стабильности и целостности государства. Ее девиз “Политика принадлежит партиям, Отечество же — армии”» [8].

Проблема взаимоотношения армии и государства неоднократно возникала в истории нашего отечества. От ее решения зависело и содержание армейских лозунгов. В Российской империи обучение и воспитание офицерского состава в военных (для юношей дворянского звания) и юнкерских училищах (для молодых людей всех сословий) было основано на признании святости веры, царя и Отечества: «Государственный строй был для офицерства фактом предопределенным, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков — “*За веру, царя и Отечество*”». Отечество воспринималось горячо, как весь сложившийся комплекс бытия страны и народа — без анализа, без достаточного знания его жизни. Офицерство не проявляло особенного любопытства к общественным и народным движениям и относилось с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности. Левая отвечала враждебностью, либеральная — большим или меньшим отчуждением» [9]. Под лозунгом *За веру, царя и Отечество!* разноплеменная российская армия вступила в Первую мировую войну, и не в последнюю очередь верность присяге привела значительную часть российского офицерства в ряды Белой армии, где оно сражалось с красноармейцами *За веру, царя и Отечество, За единую, неделимую Русь*, хотя уже во время буржуазно-демократической революции 1905 г. по самодержавию и по его идеалам «Вера, Царь, Отечество» был нанесен чувствительный удар.

Любопытно отметить, что большевиками среди бойцов Красной Армии в условиях вооруженного классового противостояния использовались по преимуществу лозунги революционного характера (*Вся власть Советам!; Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, хлеб — голодным!; Мир — хижинам, война — дворцам!*), и доминантными среди них были призывы «разрушительного» содержания (*Весь мир насилья мы разрушим; Долой самодержавие!; Долой правительство!; Долой военных начальников!; Долой буржуев!* и пр.), воинственного или «жертвенного» смысла (*Вставай, проклятьем заклейменный, / Весь мир голодных и рабов; Китит*

наш разум возмущенный / И в смертный бой вести готов; Смело мы в бой пойдем / За власть Советов, / И как один умрем / в борьбе за это!.

Из лозунгового набора революционной Красной Армии исчезли девизы и призывы прежде всего патриотического и религиозного (христианского) содержания. Игнорировался опыт взаимодействия Русской Православной церкви и армии, при котором священнослужители в течение целого столетия, начиная с реформ Петра Первого, играли огромную роль в воспитании солдат как «христоролюбивых воинов», не только верящих в Господа Бога, но и трепетно относящихся к монарху и к Отечеству, отважных в бою и милосердных к поверженному противнику. «... дерзким образом “вздернув Россию на дыбы”, Великий реформатор вполне отдавал себе отчет в незыблемости охранительных начал ведущей религиозной конфессии государства Российского, превращающей православную веру в идеологическую подпорку самодержавного строя», — справедливо пишет С. Ю. Чимаров, автор фундаментальной работы «Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота, 1800–1917 гг.» [10].

Русско-японская и Первая мировая войны, а также три революционных потрясения начала XX в. вскрыли глубокие противоречия в российском обществе, охватившие и армию. В условиях классового антагонизма после Октябрьской революции обе враждующие стороны фактически перестали ценить человеческую жизнь. «Началась гражданская сеча, самая трагическая страница в истории России <...> И красные, и белые внесли свою лепту в эту кровавую братоубийственную бойню. «Взять на мушку!», «поставить к стенке», «списать в расход», «пустить в распыл», «отправить к Духонину в Могилевскую губернию», «хлопнуть», «шлепнуть», «пришить» — таковой была наиболее распространенная терминология гражданской войны» [11]. Здесь уж было не до лозунгов *С Богом! Вперед!, За Пречистую Владычицу Богородицу!, За Дом Богоматери!*, с какими вел своих «чудо-богатырей» через Альпы или брал штурмом турецкие крепости А. В. Суворов, сам глубоко верующий русский человек и заботящийся о соблюдении христианских заповедей в подвластной ему армии. «У меня, — говорил полководец, — когда чудо-богатырь поцелует крест, то доколь дышит — своему долгу не изменит. Пошли его в огонь — идет, ставь против него

десять штыков — идет; сел за кашницу, и закричи: “Вперед!” — кашница в сторону, и он идет, ноги еле тащутся, то приударь в барабан — идет. Службу он любит, присяге не изменяет, везде готов положить свою голову <...> для Веры и Государя он всегда, везде и на все готов, и целый свет подобного ему не представляет». Готовясь к штурму неприступной крепости Измаил, Суворов приказал: «Сегодня молиться, завтра учиться, послезавтра — *победа или смерть!*» [12].

Русская Православная Церковь, в отличие от Л. Н. Толстого, не проповедовала «непротивления злу насилием». «Согласно канонам Православной Церкви, пока существуют самолюбие и страсти человеческие, христианская религия не может заставить народы сложить с себя бранные доспехи и расковать мечи свои на плуги и копья на серпы. А поскольку войны между народами продолжаются, Церковь благословляет оружие правого, приносит молитву об успехе этого оружия против неправды и насилия, ибо Она верует, что “брани начинаются только людьми, а оканчивает их Сам Бог, что скрижали бранных заветов сходят с неба, написанные перстом Божиим” (Исх. 31, 18)» [13].

В Гражданской войне принимали участие не «христолюбивые воины», какими хотела видеть российских солдат Русская Православная Церковь. Между гражданами одной страны, одной веры легла пропасть, именем которой стала непримиримая ненависть.

После окончания Гражданской войны в молодом атеистическом государстве о святости веры и готовности за нее сражаться не могло быть и речи, а о покойном царе с его невинно убиенными детьми не то что упоминать в лозунгах, но и спокойно говорить было не принято. Именно в это время из армейского лексикона ушли как будто окончательно обычные для дореволюционной российской армии боевые призывы типа *С Богом, братьцы! Вперед!* Первая в мире социалистическая республика продолжала уже без войсковых священников через комиссаров и политруков заниматься воспитательной и пропагандистской работой среди военнослужащих, которым внушалась мысль о неизбежности мировой пролетарской революции и о скором наступлении справедливой жизни при коммунизме. Эти идеи обобщенно были выражены в интернациональном лозунге *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*, выдвинутом К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической пар-

тии» (1848) [14] и использованном в качестве эпиграфа газетой «Правда», главным периодическим изданием вначале РСДРП(б), затем КПСС и, наконец, КПРФ; в песенных призывах как дореволюционного, так и послереволюционного времени: *Вперед! Без страха и сомненья, / На подвиг доблестный, друзья!* (название и начало песни «Вперед!») 1846 г. на стихи А. Н. Плещеева [15]; *Наши паровоз, вперед лети. / В коммуне — остановка* (лозунг, который представляет собой фрагмент припева песни «Паровоз» 1924 г., сочиненной в железнодорожных мастерских, где работал Н. А. Островский [16]).

В 1930-е гг. в армейском лозунговом корпусе СССР происходят кардинальные изменения. Интернациональная тематика, как и вообще в советском коммуникативном пространстве, если и не уходит на второй план, то, во всяком случае, уступает дорогу лозунгам патриотическим (таким, например: *Как невесту Родину мы любим, / Бережем, как ласковую мать* — из «Песни о Родине» И. О. Дунаевского на стихи В. И. Лебедева-Кумача, исполнявшейся в кинокомедии «Цирк» 1936 г.), а также призывам к укреплению обороноспособности страны (например: *Если завтра война, / Если завтра в поход, / Будь сегодня к походу готов* — зачин песни Дм. и Дан. Покрассов на стихи В. И. Лебедева-Кумача из «оборонительного фильма 1937–1938 гг.). Характернейшей чертой армейских лозунгов этого времени следует признать их рождение в недрах искусства — песенного и кинематографического. Так, например, девиз танкистов *Броня крепка, / И танки наша быстры* восходит к «Маршу танкистов» Дм. и Дан. Покрассов на стихи Б. С. Ласкина, исполнявшегося в кинофильме «Трактористы» 1936 г. [17]; не только армейский, но вообще молодежный лозунг СССР 1930-х гг. *Когда страна быть прикажет героем, / У нас героем становится любой* представляет собой концовку одной из строф «Марша веселых ребят» И. О. Дунаевского на стихи В. И. Лебедева-Кумача из кинофильма «Веселые ребята» 1934 г. [18].

Особую страницу в историю формирования публицистических средств русского языка вписали лозунги периода Великой Отечественной войны. Однако этот пласт языковых единиц нуждается в особом, фундаментальном исследовании. Отметим здесь только самые характерные его черты. Во-первых, именно в этот трагический период отечественной истории перед лицом сильного, пре-

красно вооруженного противника, за спиной которого уже лежала вся покоренная Европа, и партийная элита, и государственные чиновники, и военачальники, и деятели искусства осознали необходимость изменения содержания, и формы пропагандистской работы. Никакие лозунги, призывающие к свержению «акул империализма» и к всемирной пролетарской революции «не срабатывали», когда в смертельной опасности оказалась Родина. Рабочие и крестьяне Германии, на революционную сознательность которых так уповали в свое время большевики, переодевшись в военную форму, вместе с убежденными нацистами бомбили советские города и села, хозяйничали на оккупированных территориях СССР. Только всем миром можно было противостоять фашистской нечисти.

Начало лозунговому арсеналу этих грозных лет положили три события: выступление в день начала войны по радио народного комиссара, министра иностранных дел СССР В. М. Молотова; исполнение песни «Священная война», которая была создана А. В. Александровым на слова В. И. Лебедева-Кумача спустя несколько дней после нападения фашистской Германии, и речь И. В. Сталина, переданная по радио 3-го июля 1941 г. Концовка речи В. М. Молотова «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» [19] сразу была подхвачена всеми средствами массовой информации сражающейся страны и стала одним из самых популярных ее лозунгов, ибо вселяла надежду на победу в кровопролитной тяжелой войне. Песня «Священная война» была исполнена одним из коллективов Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР на 4-й день после начала войны в Москве, на Белорусском вокзале, откуда шла отправка эшелонов с бойцами на фронт. Песня стала гимном Великой Отечественной войны. Ее текст стал источником нескольких лозунгов и призывов:

Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой!; Пусть ярость благородная / Вскипает, как волна; Идет война народная, / Священная война: Не смеют силы черные / Над Родиной летать / Поля ее просторные / не смеет враг топтать! [20].

Выступая по радио 3 июля 1941 г., рядом с привычными словами *товарищи* и *граждане* Председатель Комитета Обороны И. В. Сталин использовал другие, сближающие всех людей страны слова: «Товарищи! Граждане! *Братья и сестры!* Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, *друзья мои!* Вероломное военное

нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается». В тексте выступления Сталина фактически были заложены идеологемы, которые лягут в основу лозунгов, девизов и призывов военных лет. Да и само название *Великая Отечественная война* уже сформулировано в этой знаменитой речи. В ней неоднократно повторяется слово *Родина*, рядом с которым появляется и высокая лексема *Отчизна*; сопротивление врагу со стороны советских граждан названо *всенародной освободительной, великой отечественной войной с германским фашизмом*. Сталин призывает к борьбе за *свободу отечества*, говорит о необходимости встать на *защиту Родины*. Свое выступление Сталин закончил призывами: «Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» [21].

В послевоенное время память о Великой Отечественной войне осталась не только в воспоминаниях участников боевых действий, но и в многочисленных произведениях искусства, в новых армейских лозунгах и призывах, напоминающих о подвигах наших отцов и дедов. Их не коснулось ерничество, высмеивание, как это случилось со многими лозунгами и призывами революционной и социалистической тематики в 1990-е гг.

Было бы наивно предполагать, что память о ратных подвигах дореволюционной армии России канула в Лету. Российская Армия стала преемницей Советской Армии, а та, в свою очередь, унаследовала традиции Красной Армии, рожденной в годы Гражданской войны. Во все времена солдаты России испытывали чувство патриотизма. Главный лозунг Великой Отечественной войны, появившийся уже в 1941 г., — *За нашу советскую Родину!* — был востребован до самой победы. В 1943 г. в сокращенном варианте он попал в припев «Марша артиллеристов» Т. Н. Хренникова на слова В. М. Гусева: *Артиллеристы! Сталин дал приказ. / Артиллеристы, зовет Отчизна нас. / Из сотен тысяч батарей / За слезы наших матерей, / За нашу Родину — огонь! Огонь!* И сегодня в армейском лексиконе призыв *За Родину!*, отражающий готовность защищать Отечество, используется достаточно активно наряду с призывом *За Россию!* и лозунгом пословичного происхождения *Родина — мать. Умей за нее постоять!* Как и в дореволюционной российской армии (Вспомним хотя бы полную глубокого смысла ответную офи-

церскую реплику, обычную для армейского этикета, *Честь имею!*), военнослужащие современной России дорожат своей честью, своей профессией, своим воинским мастерством. Об этом, например, свидетельствуют девизы десантников *Никто, кроме нас!; Десантники в плен не сдаются!; С воздуха — в бой!; В любом месте, в любое время, любые задачи!* Реакция российских военных на события в Сирии, на Украине, выражающаяся в кратких чеканных формулах *За наших!; Своих не бросаем!; Мы с вами!* говорит об их сопричастности к чужому страданию, о солидарности с теми, кто сражается за правое дело.

После распада СССР новые государственные структуры вынуждены были вырабатывать свою стратегию взаимоотношений с огромной армией, доставшейся им в наследство от СССР. Уже тогда российское правительство показало свою приверженность демократическим основам устройства государства, что отразилось и в прессе, рассчитанной на офицерский состав и рядовых военнослужащих Российской Армии. В 1993 г. в № 5 журнала «Военная мысль» была опубликована статья кандидата философских наук В. М. Родачина «Армия и политическая власть», в которой, в частности, говорилось: «Традиционно <...> армия выступает в качестве гаранта общественно-политической стабильности государства. Отстаивая интересы безопасности, она считает себя силой, ответственной за предотвращение междоусобиц, недопущение хаоса, распада страны. Ее девиз — **“Политика принадлежит партиям, Отечество же — армии”**» [22]. Анализ современного лозунгового корпуса подтверждает приверженность нашей армии этому принципу.

Примечания

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. М., 2000. С. 541.

2. Там же. С. 118–119.

3. Суворов А. Наука побѣждать. Съ нами Богъ // «Наука побѣждать» Генералиссимуса Суворова (По материалу, еще не бывшему въ печати) Съ рисунками и чертежами Суворова. СПб., 1913. Репринтное издание. Вступ. ст.: А. Григорьев, В. Дукельский. М., 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kadet.ru/library/history/Suvorov/nauka.htm> (дата обращения: 18.05.2016).

4. Хохлов А. Никто без девиза: какими слоганами обзаведутся российские войска // Еженедельник «Звезда». 2015. 09 апр.

5. Мания величия и раболепие: обожествление государства [Электронный ресурс]. URL: http://www.xlibi.ru/istorija/tretii_reih_simboly_zlodeistva_istorija_nazizma_v_germanii_1945/h12.php (дата обращения: 25.05.2016).

6. Гордеев Ю. Н. Генерал Деникин (Военно-исторический очерк). М., 1993. С. 17.
7. Родачин В. М. Армия и политическая власть // Военная мысль. 1993. № 5. С. 12–19 [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1993-vm/8504> (дата обращения: 20.05.2016).
8. Баранов Н. А. Политика и армия [Электронный ресурс]. URL: <http://nicbar.ru/statia8.htm> (дата обращения: 16.05.2016).
9. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 39.
10. Чимаров С. Ю. Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота, 1800–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. СПб., 1999. С. 2.
11. Гордеев Ю. Н. Указ. соч. С. 158.
12. Григорьев А. Б. Русский архистратиг (отрывок из книги «Вера и верность») // Суворов А. Наука побеждать. С нами Бог (По материалу, еще не бывшему в печати). Репр. изд. СПб., 1913. С. 2.
13. Чимаров С. Ю. Указ. соч. С. 3.
14. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Указ. соч. С. 407.
15. Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. М., 2003. С. 58.
16. Там же. С. 202–203.
17. Там же. С. 31–32.
18. Там же. С. 139–140.
19. Молотов В. М. Выступление по радио 22 июня 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 06.05.2016).
20. Шулежкова С. Г. Указ. соч. С. 65–66, 120.
21. Сталин И. В. Речь 3 июля 1941 г. // Социалистическое земледелие, 04.07.1941.
22. Родачин В. М. Указ. соч. С. 12–19.

Slogans and battle cries of russian army in diachronic aspect

Russian army as other world armies cannot go without special slogans and battle cries. The main purpose of these phrases is to maintain the high morale of troops, inspire to heroism, keep the will to win and fill soldiers with the desire to sacrifice their lives. Slogans and battle cries should be emotional, brief, clear and simple to speak to soldiers' hearts and push them to risk. Russian battle cries arsenal has changed with time. The slogans show the history of our country and its army. Some slogans and battle cries have a strong connection with the past traditions. Others deal with some new realities of our life. However, the semantic dominants of the arsenal are still such concepts as *Native Land, Honor, Courage, Victory, Unity, Mutual Assistance, Duty Fidelity, Friendship* and *Quickwittedness*.

Keywords: army, battle cry, slogan, Russia, native land, honor, courage, country history.

Лексическая статистика и идиостиль А. П. Чехова¹

В статье рассматривается идиостиль А. П. Чехова с лексико-статистической точки зрения. В исследовательский корпус включены не только прозаические и драматургические, но и публицистические и эпистолярные тексты (всего около 2,3 млн слов). Проведено сопоставление частотных слов в каждом из четырех лексических массивов (подкорпусов), и сформированы лексические парадигмы, наиболее существенные для каждого из них. Обсуждаются грамматико-статистические особенности подкорпусов. Распределение слов знаменательных частей речи (существительных, глаголов, прилагательных, наречий, числительных) обусловлено различиями между «динамическим» повествованием в прозе и драматургии и более «статическим» в публицистике и переписке. Функционально-текстовый анализ лексики сфер «Искусство», «Эмоции», «Оценка», а также движения и перемещения, родственных отношений, быта, медицинской тематики и т. д. указывает на общие идиостилевые признаки чеховского лексикона. Отмечается лексическая оригинальность публицистики Чехова, выраженность в ней денотативных сфер «Право», «Населенный пункт», «Сельское хозяйство», «Нации и народы», «Неживая природа». В итоге на базе частотной лексики выявлены функциональные особенности литературных и нелитературных ипостасей творчества Чехова. Предложенная статистическая, идеографическая и функционально-текстовая методика может использоваться для изучения других идиостилей, отличающихся многомерностью творческой реализации.

Ключевые слова: лексическая статистика, текстовый корпус, семантический анализ, А. П. Чехов, идиостиль, литературный тезаурус.

Системное описание идиостиля предполагает изучение явлений различного порядка, среди которых центральное место, как и в языковой системе, занимают единицы лексико-семантического уровня. При известных проблемах лексической сегментации слово является наиболее очевидной единицей дискретизации текста и, значит, наиболее частым объектом приложения статистических методов. Развитие стилометрии определило появление большого количества авторских частотных словарей (см. [1–5] и мн. др.), а также методик статистического исследования различных языковых подсистем, функциональных стилей, способов организации речи, идиостилей — см., например, статистическое исследование поэзии и прозы в [6]. В указанном исследовании, как и во многих других,

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

статистика служит инструментом выявления сущностных свойств объекта в результате сопоставления — сначала арифметического, а потом и гуманитарного. Рассмотрение статистических параметров конкретного текста или идиостиля изолированно, в отрыве от других текстов или идиостилей, непродуктивно и может привести к выделению универсальных языковых признаков (подробнее об этом — в [7]). К творчеству А. П. Чехова мы обратились в этом контексте неслучайно. Важнейшие качественные особенности стиля гениального писателя и драматурга давно стали объектом филологии, и современное чеховедение — это не разрозненные исследования, а целые научные парадигмы. Мы же обратим внимание прежде всего на количественные аспекты чеховского творчества.

Во-первых, любая статистика тем эффективнее, чем объемнее материал. Наследие А. П. Чехова очень большое (в нашем корпусе более 2 млн слов), и это позволяет говорить о статистической точности. Кроме того, Чехов известен не только как автор художественных произведений: читатели знают его публицистику и объемную переписку. Особенность Чехова в том, что его литературные ипостаси имеют ярко выраженный количественный характер. Так, из 2 342 334 слов, составляющих общий объем текстов, подкорпус прозы составляет 1 100 792 слова (47 % материала), драматургии — 176 629 слов (7,5 %), публицистики — 182 650 (7,8 %) и, наконец, переписки — 882 263 слова (37,7 %) (см. диагр. 1).

Диаграмма 1. Количественное соотношение чеховских подкорпусов

Лексические массивы сформированы на базе 635 художественных и публицистических произведений и 4390 писем А. П. Чехова, написанных в период с 1875 по 1904 гг.

Наша гипотеза состоит в том, что лексико-статистический сопоставительный анализ этих четырех подкорпусов может вывести исследователя на обобщенные идиостилевые черты, свойственные А. П. Чехову — прозаику, драматургу, публицисту и автору писем. Кроме того, могут быть выявлены стилистические особенности, характерные для конкретной сферы литературной работы. Привлечение «нехудожественных» составляющих отличает материал данной работы от известных словников Частотного словаря рассказов А. П. Чехова [5] и Частотного грамматико-семантического словаря языка художественных произведений А. П. Чехова [4].

Корпус текстов лемматизирован с использованием свободно распространяемой программы Mystem (<https://tech.yandex.ru/mystem/>), при этом ряд погрешностей контекстного снятия лексической омонимии было необходимо скорректировать вручную. Рассмотрим грамматические и лексико-семантические результаты сопоставительного анализа, объектом которого стали слова знаменательных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия и числительные.

Наиболее элементарную для интерпретации статистическую картину дает распределение частей речи в разных стилистических массивах. По результатам грамматико-статистического анализа слов знаменательных частей речи (существительных, глаголов, прилагательных, наречий, числительных) можно сделать следующие выводы. Существительных по отношению к другим словам больше всего в публицистике (более 50 % знаменательных слов), а меньше всего — в драматургии (45,7 %). Глаголов больше всего в прозе (33,8 %) и драме (33,1 %), меньше всего — в публицистике (24,3 %), зато прилагательных в ней 15,4 %, в отличие от драмы — 9,8 % (см. табл. 1).

Таблица 1.

Процентное соотношение слов знаменательных частей речи

	Проза	Драматургия	Публицистика	Переписка
Существительные	43,5	45,7	50,4	49,3
Глаголы	33,8	33,1	24,3	27,7
Прилагательные	11,5	9,8	15,4	11,6
Наречия	9,8	9,9	8,3	10,4
Числительные	1,5	1,6	1,6	1,0

Эта картина отражает разницу между «динамическим» характером действия в прозе и драматургии и более статической номинацией, предметностью в публицистике и переписке.

Количество наречий и числительных в подкорпусах принципиально не отличается (заметим, что числовые обозначения не подсчитывались: по ним, вероятно, переписка может выйти в лидеры по употреблению числительных).

Констатация межстилевых различий такого рода для лингвостатистики не нова, однако здесь мы имеем дело с количественной разницей **в пределах массива текстов одного автора**, что само по себе ценно.

Теперь перейдем к собственно лексической статистике. Слова, входящие в каждый подкорпус, были упорядочены по частоте; для исследования мы привлекли топ списка, который составляют две тысячи слов знаменательных частей речи. Сопоставив четыре лексических набора, мы выявили оригинальные группы лексики, характерной только для прозаических (337 лексем), драматургических (503), публицистических (613) и эпистолярных (518) текстов:

- прозаические произведения: *крикнуть, проговаривать, слышаться, засмеяться, побежать, почувствовать, поручик, рукав, пробормотать, пятно, покраснеть, коляска, облако, схватывать, спальня, проходиться, бровь, погода, повертываться, неподвижно, побледнеть, удивление...*

- драматургические произведения: *пауза, хор, занавес, целоваться, прочь, рыдать, замолчать, живо, уставать, напевать, душечка, отставать, замучиваться, испуганно, танцевать, мошенник, налево, вбегать, дружба, радостно...*

- публицистические тексты: *поселенец, ссыльный, селение, округ, арестант, колония, надзиратель, каторга, гилек, население, смотритель, тюремный, побег, житель, материк, южный, японец, возраст, тайга, сельский, приказ, долина, японский, администрация...*

- эпистолярный жанр: *оборот, поклон, высылать, конверт, март, благополучный, привет, корректура, преданный, побывать, слать, сборник, издание, февраль, телеграфировать, повидаться, октябрь, гонорар, хранить, сердечный, печатать, экземпляр, осколок...*

Тематический анализ лексических множеств с опорой на идеографические словари Уральской семантической школы (изданные под редакцией проф. Л. Г. Бабенко) позволяет выделить наиболее существенные для перечисленных подкорпусов классы лексики — денотативные сферы (см. диагр. 2, которая отражает количество слов конкретной сферы в частотном списке прозы, драматургии, публицистике и переписке А. П. Чехова).

Судя по количественным показателям, наиболее значительна репрезентация сфер «Эмоции» (в сумме 69 слов), «Оценка» (63), «Искусство» (52). Обсудим прежде всего их функционально-текстовые особенности.

Самая распространенная в чеховских текстах — сфера «Искусство»: слова этой группы представлены во всех четырех подкорпусах. В драме это лексемы *пауза, занавес, действующий, рампа, хор*. Высокая частотность этих слов в текстах обусловлена самой жанровой природой драматургических произведений; они обозначают необходимые структурные элементы пьесы. При этом, конечно, нельзя считать эти слова непоказательными с точки зрения проявления идиостилевых признаков. Но для того, чтобы говорить об особенностях функционирования этих слов именно в пьесах Чехова, нужно проследить, как эти же слова используются в драматургических текстах других авторов, что пока не входило в задачи данного исследования. В публицистике и прозе в данную сферу входят слова, обозначающие человека по роду деятельности (*комик, артистка, антрепренер, певец, клоун*). Однако наиболее разнообразно «Искусство» представлено в чеховской переписке. Здесь мы встречаем как литературные направления и жанры (*проза, сказка, стихотворение, сочинение, фельетон, заметка, рецензия*), так и

слова, указывающие на специфику издания литературного произведения (*корректурa, издание, печать, экземпляр, рукопись, оттиск, обложка* и др.).

Диаграмма 2. Реализация денотативных сфер в разных подкорпусах

Лексика эмоций и чувств достаточно похожа в прозе и пьесах: равнодушие и спокойствие, испуг, радость и грусть, раздражение и злость. Сравним: *удивление, ненависть, злоба, грустный, отвращение, рассердиться, испуганный, радостный, почувствовать, равнодушный, равнодушно* (проза); *испуганно, испугать, радостно, взволновать, раздраженно, нетерпеливо, покойно, спокойный, вспылить, злость, возмущать, смущенно, разлюбить, томиться*,

взволнованно, хладнокровно, тосковать, растрогать, меланхолия (драматургия). В прозе ярко разработана лексика внешнего выражения эмоций: *засмеяться, вспыхивать, сконфузиться, конфузиться, покраснеть, побледнеть, краснеть, бледнеть, нахмуриваться, зарыдать, плач, захохотать* и др. В пьесах эту функцию выполняет разве что слово *рыдать* и ряд глаголов совмещенной семантики: *вбегать, вырывать, плясать*. Визуальность драматургии, возможность актерского внешнего выражения делает необязательным лексическое обозначение эмоций. Для прозы, в силу ее природы, это необходимо.

Оценочная лексика оказывается очень самобытно реализованной в драматургии, т. к. в диалогах персонажей оценка должна быть эксплицитной: *мошенник, губить, погубить, подлость, подло, мерзавец, безнравственный, бесчестный, пошлость, глупец, гадость, невежество, нудный, безобразие, мелочный, мелко, гнусность, неприлично, опротиветь, несправедливость, бесчестный, грешно, чучело, психопат* и, наоборот, *умница, умно, красавец, справедливый, великодушный, восхитительный, прелестный, мило, чудно, изящный, молодчина, добродетель, искренность*. Этот перечень включает самые разные виды оценки: интеллектуальную, этическую, эстетическую и т. д. — и отрицательную, и положительную. Любопытной идиостилевой чертой является употребление Чеховым слов *грешник, грешница* и *грешно* в качестве оценочных. В прозе существуют иные (часто имплицитные) средства выражения оценки, поэтому этот лексический класс большим объемом и явными особенностями не отличается. Кстати, и в письмах Чехова оценочных слов в списке частотной лексики не так много. В исследовании [8] рассмотрены единичные словоупотребления в чеховской переписке, что увеличивает лексический список, но требует «штучного» контекстологического анализа.

Теперь выборочно охарактеризуем ряд других сфер. Медицинскую тематику и слова, указывающие на здоровье/нездоровье, встречаем в письмах, драматургии и публицистике. В переписке выделяются лексемы, обозначающие болезненное состояние или выздоровление (*хворать, нездоровиться, поправляться, выздороветь, выздороветь*), болезнь (*геморрой, плеврит, тиф, инфлуэнца*), симптомы (*кашель, кровохаркание, воспаление*) и, кроме того, слово *клиника*. Проблемы Чехова со здоровьем начались еще в десятилетнем воз-

расте, когда он начал чувствовать «теснение в груди». На протяжении всей жизни Чехов боролся с болезнью, и вполне естественно, что он делился размышлениями по этому поводу со своими родственниками, друзьями и коллегами. Для других подкорпусов «медицинская» лексика менее актуальна. В драматургии симптомы болезней — это слова, необходимые более для внешнего выражения внутреннего состояния (*сердцебиение, обморок, трещать, пошатываться, бредить*); из названий самих болезней встречаем только слова *подагра* и *ревматизм*. Для публицистики актуальны распространенные во времена Чехова социально значимые заболевания *цинга, сифилис, оспа*, слово *эпидемия*, а также не *клиника* (как в письмах), а *лазарет*.

Лексика движения и перемещения оказывается количественно выраженной в художественных текстах. В прозе глаголы движения часто употребляются в исходном значении (*побежать, пройтись, зашагать, шевелиться*), а в драматургии они дополнительно нагружены выражением эмоции или физического состояния персонажа (*танцевать, вбегать, шататься, вырывать, пошатываться, плясать*). И, наоборот, в прозе оказывается более важной и разработанной лексика речи и акустического восприятия. В отличие от драмы, проза менее визуальна, не предполагает экспромта и интерпретации актеров и постановщиков и характеризуется большей детальностью. Сравним: *крикнуть, проговаривать, послышаться, пробормотать, помолчать, забормотать, шепот, прошептать, закричать, вслух, запевать, проворчать, пение, доноситься, произносить, выговаривать, громкий, умолкать, кашлянуть, крякнуть* и др. (проза) и *замолчать, напевать, высказывать, бредить, клеветать, слышний, щелкать, звонить, свистеть, наигрывать, трещать* (драматургия).

Сфера «Родственные отношения» (*крестенький, мамочка, нянечка, зять, няня, супруг, тетушка, мачеха*) представлена в драматургии и переписке, при этом специфичной для эпистолярного жанра является группа личных обращений к жене: *дуся, дусик, лошадка, актрисуля*. Неслучайны в переписке и слова экономической тематики: *гонорар, уплачивать, расход, аванс, зарабатывать, платеж, безденежье, перевод, бланк, справка, паспорт, квитанция*.

Слова, обозначающие детали быта, обихода, представлены только в прозаическом подкорпусе. К разнообразным мелочам, за-

полняющим художественное пространство, можно отнести, например, предметы одежды и их части (*пуговица, рукав, цилиндр, воротник, сорочка, туфля*), предметы бытового обихода (*одеяло, подушка, зеркало, сундук, ковер, ложка* и др.) и т. п.

Наконец, нельзя не отметить сферы, реализованные только в чеховской публицистике. В первую очередь это слова правовой тематики, для которой наиболее важны лексические классы «Человек» (*ссылный, арестант, подсудимый, преступник, ссылнока торжный, каторжник, осужденный, рецидивист, испытуемый, поселенец, беглый, виновный* и, наоборот, *надзиратель, смотритель, защитник, палач, жандарм, заседатель, конвойный, полицейский*), «Место заключения» (*колония, камера, карцер, рудники, каторга, ссылка*), «Правовой процесс» (*надзор, заключение, следствие, казнь*), «Предмет, связанный с наказанием и заключением» (*розги, кандалы, плеть*), «Документ» (*приговор, протокол* и т. п.). Кроме того, для публицистики Чехова, в соответствии с ее тематикой и задачами, особо актуальны группы «Населенный пункт» (*селение, округ, поселение, слободка, местность, поселок*), «Сельское хозяйство» (*сельскохозяйственный, урожай, пахотный, семя, огород, хлебопашество, растение, пшеница, сенокос, сеять, зерно, пашня, солома, сельский, картофель, почва, агроном*), «Нации и народы» (*гиляк, японец, китаец, татарин, москвич, сахалинец*), «Неживая природа» (*материк, тайга, долина, мыс, почва, устье, пролив, залив, речка, луг, побережье, океан, болото, приток, хребет, равнина, просека, бухта, падь*).

Понимание достоверности идиостилистического анализа, как и его системной модели, до сих пор является предметом дискуссий. Обсуждается, сколько текстов конкретного автора нужно исследовать, какое количество текстовых уровней привлечь и каким, наконец, должен быть суммарный объем материала. В то же время, чем подробнее осуществляется контекстологический анализ, тем меньше контекстов и текстов в целом он может охватить. В рамках данной работы мы ограничились изучением преимущественно лексикосемантических явлений, характерных для множества текстов, написанных одним человеком.

Проведенное исследование имеет экстенсивный характер, оно в перспективе направлено на более детальную разработку семантики отдельных лексических групп и слов. На его основе можно в даль-

нейшем создать большой идиостилевой словарь и сформировать литературный тезаурус творчества А. П. Чехова. А предложенная модель сопоставления авторских идиостилевых «подсистем» приложима для изучения текстов других авторов, которые так же, как и Антон Павлович Чехов, реализовались в совершенно разных литературных формах.

Примечания

1. *Елистратов В. С.* Словарь языка Василия Шукшина: ок. 1500 слов, 700 фразеологических единиц. М., 2001.

2. *Минц З. Г.* Частотный словарь цикла «Стихи о Прекрасной даме»; Частотный словарь «первого тома» лирики Ал. Блока // Минц З. Г. Блок и русский символизм: избр. тр.: в 3 кн. Кн. 1: Поэтика Александра Блока. Санкт-Петербург, 1999. С. 581–627; 699–721.

3. *Шайкевич А. Я., Андриюченко В. М., Ребецкая Н. А.* Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.

4. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / под общ. ред. А. А. Поликарпова. М., 2012.

5. Частотный словарь рассказов А. П. Чехова / авт.-сост. А. О. Гребенников; Под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб., 1999.

6. *Горбич Л. Г., Филимонов В. В., Живодеров А. А.* Опыт различения поэтических и прозаических текстов на основе сравнения распределений биграмм гласных букв // Количественные методы в искусствознании. Екатеринбург, 2013. С. 163–166.

7. *Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург, 2010.

8. *Величко Е. В.* Оценочность в языковой картине мира А. П. Чехова (на материале писем крымского периода) // Семинар «Мир языка А. П. Чехова»: тр. IV междунар. конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem22.pdf (дата обращения: 7.07.2016).

Lexical statistics and A.P. Chekhov's individual style

The article analyses A. P. Chekhov's individual style from the point of view of lexical statistics. The research corpus combines not only prose, drama but also publicistic genre and epistolary style (total 2,3 mln words). The author compared the frequency words for each of the four lexical sub-corpora and singled out the significant lexical paradigms. The article identifies grammar statistical features for each of the sub-corpus. Nominal parts of speech (nouns, verbs, adjectives, adverbs, numbers) distribution are defined by differences in "dynamic" narration in prose and drama and more "static" in publicistic genre and letter-writing. The functional text analysis of the fields "Arts", "Emotions", "Evaluation", as well as movement and travel, kinship, everyday life, medicine etc., demonstrates general individual Chekhov's style lexicon. Lexical peculiarity of Chekhov's publicistic genre is noted, which reflects itself in denotations of "Law", "Settlement", "Agriculture", "Nations and Peoples", "Inanimate Nature". As a result, functional features of fictional and non-fictional areas of Chekhov's works have been identi-

fied through the frequency lexis. The statistical, ideographical and functional text method described in the article may be used for the analysis of other individual styles distinguished by the variety of creative language devices.

Keywords: lexical statistics, text corpus, sematic analysis, A. P. Chekhov, individual style, literature thesaurus.

© И. К. Мухина
УрФУ, г. Екатеринбург

Интегральные прототипические признаки синонимов денотативно-идеографической группы «Названия наций, народов»¹

В статье выявлены и структурированы обобщенные аспекты описания прототипических признаков, которые с большей степенью вероятности получают отражение в лексикографических параметрах словаря синонимов. Данные аспекты получают конкретизацию в определенном наборе прототипических признаков, в совокупности формирующих когнитивные характеристики денотативно-идеографической группы в словаре синонимов. Когнитивно-пропозициональная структура прототипов денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов» включает субъектно-ориентированные прототипические признаки, лингвистический компонент, пространственно-ориентированные прототипические признаки, социально-ориентированные прототипические признаки, исторический компонент — культурологический компонент, эмоционально-оценочные когнитивные признаки. К периферии когнитивных признаков прототипа синонимов относятся исторический компонент, культурологический компонент, эмоционально-оценочные признаки.

Ключевые слова: идеографический словарь синонимов, денотативно-идеографическая группа, синоним, синонимический ряд, прототип, когнитивные признаки, когнитивно-пропозициональная структура.

Разработка теории прототипов как способов категоризации мира в сознании человека является одной из важных проблем современной когнитивной лингвистики (см. работы Л. Г. Бабенко, Н. Н. Болдырева, А. В. Бондарко, В. Д. Демьянкова, А. Киклевича, Дж. Лакоффа, Е. В. Рахилиной, Т. Г. Скребцовой и др.). В современной когнитивной семантике понятие «прототип» получает неоднозначное толкование. С одной стороны, прототип традиционно (в работах Э. Рош и др. исследователей) рассматривается как наи-

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

лучший представитель какой-либо категории. С другой стороны, прототип объединяет ряд структурно выстроенных когнитивных признаков. Под прототипом синонимического ряда (далее — СР) мы понимаем, согласно концепции Л. Г. Бабенко [1], устойчивый мыслительный образ. Как отмечают исследователи, работающие в рамках прототипического подхода, «люди формируют конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность» [3].

Прототип СР является структурным компонентом словаря синонимов. Рамки словарной статьи достаточно ограничены, поэтому слово в словаре «является прототипным указанием на определенную семантическую категорию (класс предметов); предполагается, что реципиент принадлежит к тому же культурному сообществу, что и автор словаря, а поэтому легко восстановит недостающую концептуальную информацию» [4].

Рассмотрим внутреннюю структуру прототипов СР денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов». Такой обобщающий взгляд на прототипы СР помогает решить актуальную проблему современной когнитивной семантики — проблему репрезентации знаний и определить типологию знаний, выраженных в наборе прототипических признаков. При этом прототипические признаки репрезентируют знания об объектах, признаках, действиях, прагматические знания об особенностях употребления слов СР и их эмоционально-экспрессивной окраске, фоновые знания о национально-культурной специфике лексем, что особенно важно в аспекте межкультурной коммуникации.

Денотативно-идеографическая группа «Нации» в идеографическом словаре синонимов состоит из двух подгрупп: «Общие понятия», «Названия наций, народов». При этом в денотативно-идеографическую подгруппу «Названия наций, народов» входят 36 основных СР, 98 близкородственных СР, объединяющих преимущественно обозначения представительниц народа женского пола и относительные прилагательные, образованные от названий народов, а также 5 синонимических рядов, антонимически связанных с основными и близкородственными синонимическими рядами. Судя по количеству основных и близкородственных СР, можно считать,

что данная сфера хорошо разработана в синонимической картине мира русского языка.

Обобщенные прототипические представления о синонимах денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов» конкретизируются в определенном *наборе прототипических признаков*, в совокупности формирующих когнитивные характеристики, являющиеся образцовыми для каждой единицы СР в максимальной степени. В отличие от денотативно-идеографической подгруппы «Общие понятия», в которой когнитивные признаки в прототипах часто структурированы в произвольном порядке, прототипы денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов» обычно имеют четкий порядок следования компонентов, что обусловлено необходимостью строго структурированного однотипного описания когнитивных признаков в прототипах СР, минимизирующих нации, народы и расы.

Рассматривая теорию прототипов с точки зрения когнитивных моделей, Дж. Лакофф делает вывод о том, что «большая часть структуры нашего знания имеет форму пропозициональных моделей» [5], которые в свою очередь «вычленяют элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними» [там же]. Пропозициональная модель — это такая когнитивная модель, которая строится на базе пропозиции, то есть сложного конструкта, образуемого базовым предикатом и его аргументами. Любое высказывание содержит в себе позиционную схему, отражающую денотативную ситуацию, о которой идет речь, — пропозицию, под которой понимается языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации [6].

Как отмечают сторонники теории прототипов, роль прототипов в процессе познания мира состоит в том, что прототипы являются инструментами, «с помощью которых человек справляется с бесконечным числом стимулов, поставляемых действительностью» [7]. Несомненно, понятия этноса, этнического, национального являются достаточно сложными для восприятия. В теории этнолингвистики выявлено, что этнос объединяет сумму признаков, выявленных в результате проецирования системы на различные группы индивидов [8], и определяется как «сложная многознаковая семиотическая система ассоциативно-иерархического многоуровневого типа» [9]. В характеристику этноса как системы, по мнению А. С. Герда, вхо-

дит наполнение следующих признаков: биосфера, климат, ландшафт; антропологический тип; биологические особенности, расовые различия, физическое сходство; ареал; численность; территориальная и государственная обособленность; самосознание (в том числе и этническое самосознание «мы — они», «наши — не наши»: сознание единства с другими); отношение соседей; осознание своего происхождения, национальности; язык; психический склад; материальная и духовная культура; традиции, обычаи; уклад жизни, семейный быт; формы поведения, вежливости [10].

Таким образом, признаки, объединяемые в рамках прототипа, можно представить в виде *когнитивно-пропозициональной модели*, составляющие которой координируют с современными взглядами на категорию этнического в русском национальном сознании. Обобщение признаков, которые последовательно составляют прототипы СР, позволило выявить когнитивно-пропозициональную структуру прототипов денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов»: СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ — ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ — ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ — СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ — ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ — КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ — ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ.

Например, прототип СР с доминантой ЛУЖИЧАНЕ: славянский народ западнославянской этноязыковой группы (самоназвание — «сербски люд») [СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ], живущий в Германии по верхнему и среднему течению реки Шпрее в Верхней и Нижней Лужицах [ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ]; язык — лужицкий, западнославянской группы индоевропейской семьи языков [ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ]; представители этого народа [СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ]. Лужичане входят в число четырех официально признанных национальных меньшинств Германии (наряду с цыганами, фризами и датчанами) [СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ].

В прототипах СР, объединяющих названия представителей определенных рас, типичный порядок следования когнитивных при-

знаков следующий: СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ, ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ. См., например, прототип синонимического ряда с доминантой ЕВРОПЕОИДЫ: люди, принадлежащие к европеоидной расе со светлой или смуглой кожей. Представители европеоидной расы, одной из основных или больших рас человечества, характеризуются также мягкими (прямыми или волнистыми) волосами, узким, сильно выступающим носом с высоким переносьем, тонкими губами и др. признаками [СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ]. Такие люди рассеяны по разным континентам земного шара, но основное их местожительство — Евразия [ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ].

Исторические и социально-ориентированные компоненты являются факультативными, см. прототип с доминантой НЕГРЫ: люди, принадлежащие к негроидной расе, с темным цветом кожи [СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ], являющиеся представителями коренного населения тропической Африки [ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ]. Представители негроидной расы, одной из основных или больших рас человечества, кроме темного цвета кожи, характеризуются курчавыми волосами, широким, слабо выступающим носом и др. признаками. Долгое время такие люди подвергались гонениям, унижениям (апартеид, сегрегация и т. п.) [ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ]. В настоящее время в гражданском обществе они являются его полноправными членами. Например, сорок четвертый президент США Барак Обама является представителем этой расы [СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ].

Как видим, в прототипах когнитивные признаки могут следовать в произвольном порядке, обусловленном общей логикой описания. Исходя из общей семантики денотативно-идеографической группы центральным доминирующим аспектом описания прототипических признаков является субъектный компонент прототипа, который соотносится со следующими когнитивными признаками.

1. Указание на национальность, этническую, племенную, расовую принадлежность совокупности субъектов: **авары**, *устар.* обры (тюркские кочевые племена); **ительмены**, *устар.* камчадалы (пред-

ставители коренного населения камчатки); **норманны**, варяги, викинги (северогерманские племена, населявшие Скандинавию).

Часто в прототипе получают экспликацию родственные связи определенного этноса — содержится указание на то, к какой этноязыковой группе он относится: **поляки**, *устар.* ляхи (народ, принадлежащий к группе западных славян); **славяне**, славянство (крупнейшая в восточной и центральной части Европы и в азиатской части России группа народов, родственных по языку (славянские языки индоевропейской семьи языков), происхождению и культуре); **марийцы**, мари, *устар.* черемисы (народ финно-угорской этноязыковой группы); **эвены**, *устар.* ламуты (народность, родственная эвенкам). Указание на родственные связи различных народов присутствует и в зоне иллюстраций, например: **ПАШТУНЫ**, *ед.* паштун. То же, что пуштуны. *Даже внешние антропологические черты показывают, что паштуны, будучи по происхождению восточно-иранским народом (этимологически слова «паштун» и «перс», очевидно, являются родственными), включают также тюрко-монгольские, дардские и индийские этнические элементы (газ.); ТУРМОЛАИ, ед.* турмолай. *Разг.-сниж. Шутл.* То же, что финны. *Финнов тоже, в свою очередь, какой-то фантазер выдумал, потому что себя они называли суоми, а питерские их звали по жизни чухонцами; друзья же их родственные, угорцы, кликали это племя турмолаи (разг. инт.).*

В прототипах многонациональных этноязыковых общностей содержатся лексемы, называющие различные народности и племена, составляющие эту многонациональную общность: а) обобщенные наименования: **американцы** (*граждане, население Соединенных Штатов Америки различной национальной принадлежности*); б) перечисление основных народов и племен, составляющих население какого-либо государства или в совокупности образующих какую-либо нацию, национальную группу: **эфиопы** (многочисленные народности и племена (*амхара, оромо, тиграи, тигре, галла, гураге, сомалийцы* и др.), составляющие население Эфиопии); **немцы** (народ, составляющий основное население Германии <...> (а также самоназвание групп *швабов, австрийцев, баварцев, ципсеров, саксонцев* и др., проживающих в Германии и за ее пределами, в том числе в России); **славяне** (крупнейшая в восточной и центральной части Европы и в азиатской части России группа народов, <...>

составляющих три ветви: восточнославянскую (*русские, украинцы, белорусы*), западнославянскую (*поляки, чехи, словаки, лужичане*) и южнославянскую (*болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы, боснийцы*)).

У некоторых СР прототип полностью состоит из субъектно-ориентированных признаков (связанных с национальностью, этнической, племенной, расовой принадлежностью субъекта) и пространственно-ориентированных признаков, если, во-первых, представители данного народа вызывают в сознании русского человека множество разнотипных ассоциаций, следовательно, их отбор и классификация по степени прототипичности представляют собой объективную трудность: см., например, прототип СР с доминантами **русские** (восточнославянский народ, государствообразующая нация, составляющая основное население России (Российской Федерации), государства в восточной части Европы и в северной части Азии, омываемого морями Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого океанов; язык — русский, восточнославянской группы индоевропейской семьи языков; представители этого народа, жители России); **немцы** (народ, составляющий основное население Германии, государства в центральной Европе, омываемого Северным и Балтийским морями (а также самоназвание групп швабов, австрийцев, баварцев, ципсеров, саксонцев и др., проживающих в Германии и за ее пределами, в том числе в России); язык — немецкий, германской группы индоевропейской семьи языков; представители этого народа; жители этой страны); **украинцы** (народ, относящийся к группе восточных славян и составляющий основное население Украины (государства в Восточной Европе, на юге омываемого Черным и Азовским морями; язык — украинский, восточнославянской группы индоевропейской семьи языков); представители этого народа; жители этой страны);

Во-вторых, если, напротив, рядовой носитель русского языка обладает недостаточным объемом знаний о представителях данных народов: см., например, прототипы СР с доминантами **удмурты**, *устар.* вотяки (народ, составляющий основное коренное население Удмуртии (Республики Удмуртия в составе России, расположенной в бассейне рек Кама и Вятка; язык — удмуртский (прежнее название — вотяцкий), финно-угорской группы уральской семьи языков); представители этого народа; жители этой республики); **аф-**

ганцы, патаны, паштуны, пухтуны, пуштуны (народ иранской этноязыковой группы, состоящий из афганских племенных объединений, живущий на Среднем Востоке, характеризующийся разветвленной родоплеменной структурой и составляющий основное население Афганистана (Исламского государства Афганистан — государства в юго-западной части Центральной Азии), а также северо-запада Пакистана; официальные языки — пушту (или пашто) и дари, иранской группы индоевропейской семьи; представители этого народа; жители этой страны).

2. Признаки, маркирующие специфику внешнего вида представителей данного народа: см. прототипы СР с доминантами **европеоиды** (люди, принадлежащие к европеоидной расе со светлой или смуглой кожей. Представители европеоидной расы <...> характеризуются также мягкими (прямыми или волнистыми) волосами, узким, сильно выступающим носом с высоким переносьем, тонкими губами и др. признаками); **индейцы** (представители этих народов воспринимаются как <...> физически сильные люди); **норманны** (обычно представители этих племен характеризуются как <...> воины в кольчугах и рогатых шлемах).

Указание на внешние признаки могут содержаться, не только в прототипе, но и в словарной статье синонимов: **КРАСНОКОЖИЕ**, *ед.* краснокожий. Индейцы Северной Америки; те, кто *имеют темно-желтую, красноватую кожу*; **ХОХЛЫ**, *ед.* хохол. Разг. Название украинцев (первоначально — пренебрежительное, теперь — шутовское или фамильярное); *из-за ассоциации с чубом (хохолком) у запорожских казаков в старину*.

3. Указание на численность народа, нации: **нивхи**, *устар.* гилыки (*малочисленный* северный народ); **эфиопы**, абиссинцы (*многочисленные* народности и племена); **ительмены**, *устар.* камчадалы (*немногочисленный* народ).

4. Основная религиозная принадлежность представителей нации, народа: см. синонимический ряд с доминантой **евреи** (представители этого народа, как правило, соблюдают религиозные традиции иудаизма).

В составе словарной статьи синонимов указание на религиозную принадлежность присутствует у лексемы **ИУДЕИ**, *ед.* иудей. Первоначально — жители Иудеи (обширной исторической области Земли Израиля к югу от Самарии), позднее — евреи; в современ-

ном языке слово в основном используется *для обозначения веро-исповедания, указания на религиозную принадлежность*. Первыми еретиками были христиане из иудеев, которые, по наружности уверовав во Христа, хотели вместе с этим держаться обрядового и гражданского закона Моисеева в буквальном его смысле (епископ Игнатий (Брянчанинов)). В состав близкородственных синонимических рядов, связанных с данным СР, входит ряд **иудаизм**, иудейство — одна из древнейших монотеистических религий с культом Бога Яхве (Иеговы), возникшая в I тысячелетии до н. э. в Палестине, распространенная среди евреев и являющаяся официальной (государственной) религией Израиля).

В зоне иллюстраций различных синонимов также присутствуют контексты, иллюстрирующие взаимосвязь нации и религии, например: *Гайнан был родом черемис, а по религии — идолопоклонник* (Купр.); *Эфиопы до сих пор очень религиозны и ревностно соблюдают обычаи предков* (газ.).

5. Увлечения, система взглядов находят отражение в обозначении человека, который увлекается изучением какой-либо лингвокультуры, а также самого такого увлечения: **галломан**, французман — тот, кто имеет пристрастие ко всему французскому, кто отличается галломанией; **галломания**, французомания — увлечение всем, что связано с Францией, преклонение перед всем французским.

Как видим, в прототипах, как правило, маркируются особенности внешности, одежды представителей определенного народа, а также количественный состав народа, этноса.

Анализ аспектов описания и конкретизации прототипических признаков позволил выявить когнитивную специфику прототипов денотативно-идеографической группы «Нации». *Прототип* денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов» последовательно составляют следующие характеристики: СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ (представители определенного народа), ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ (страна, основное население которой составляют представители данной нации), ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ (характеристика языка/языков нации), СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ (жители какого-либо государства, их основные занятия). Именно эти признаки, ранжированные по месту расположения в прототипе, в порядке убывания их

значимости и степени прототипичности, находят регулярное воплощение в прототипах СР. Данные прототипические признаки вследствие однотипности подхода к описанию прототипа обязательно повторяются в структуре каждого прототипа данной подгруппы, в связи с чем формируют *ядро прототипа*, а следовательно, репрезентируют универсальные и важные для представителей русского национального сознания аспекты осмысления феномена национального.

К периферии когнитивных признаков прототипа синонимов группы «Названия наций, народов» относятся ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ, ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ, так как эти признаки могут быть не представлены в конкретных прототипах.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008. С. XVIII-XIX.

2. *Герд А. С.* Этнос как объект моделирования в этнолингвистике // Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2005. С. 46–57.

3. *Демьянков В. З.* Прототипический подход // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 144.

4. *Киклевич А.* Семантический прототип, семантические окказионализмы и неопределеннозначность // Притяжение языка. Т. 1: Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. Olsztyn, 2007. С. 83.

5. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 31.

6. *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994. С. 8.

7. Цит. по: *Демьянков В. З.* Указ. соч. С. 144.

8. *Герд А. С.* Указ. соч. С. 57.

9. Там же. С. 47.

10. Там же. С. 51.

Integrated prototypical signs of synonyms of the denotative-ideographic group “Nations, the people”

The article generalizes the aspects of describing the prototypical signs that are most likely reflected in lexicographic parameters of the synonymic dictionaries. These aspects are specified in a certain set of prototypical signs, creating cognitive characteristics of the denotative-ideographic group in the synonymic dictionary. The cognitive and propositional structure of prototypes of the denotative-ideographic subgroup “Nations, the people” includes the subject oriented prototypical signs, a linguistic component, the spatial oriented prototypical signs, socially oriented prototypical signs, a historical component, a cultural component, emotional and evaluation cognitive signs. The historical component,

cultural component, emotional and evaluation signs belong to the periphery of cognitive signs of a synonymic prototype.

Keywords: ideographic dictionary of synonyms, denotative-ideographic group, synonym, synonymic row, prototype, cognitive signs, cognitive and propositional structure.

© Д. А. Обыденнов, М. В. Слаутина

УрФУ, г. Екатеринбург

Особенности перевода либретто музыкально-драматического спектакля¹

Статья посвящена проблеме перевода либретто музыкально-драматического спектакля. Особенности перевода выявляются на основе сопоставления оригинального текста либретто американского мюзикла «Скрипач на крыше» и двух переводов на русский язык, сделанных в разное время. Авторы доказывают, что специфика данного жанра определяется сосуществованием в рамках либретто трех типов текстов (авторских ремарок, реплик персонажей и текстов музыкальных номеров), каждый из которых требует особых приемов перевода.

Ремарки представляют собой авторский комментарий к происходящему на сцене и требуют дословного перевода. При переводе диалогов и монологов героев уделяется внимание сохранению культурно-исторического фона пьесы. Кроме того, существенной проблемой является «перевод юмора» — передача комических эпизодов средствами другого языка. Излишняя точность, буквальность перевода может разрушить смысл комедийной сцены. Особую сложность для переводчика представляют музыкальные номера, так как требование эквивалентности допускает искажение исходного текста для соблюдения ритмической составляющей стиха.

Таким образом, либретто музыкально-драматического спектакля представляет собой сложный жанр и требует от переводчика «универсальности»: он должен обладать навыками художественного перевода прозаического и поэтического текста, а также умением сохранить в переводном тексте комическое содержание спектакля.

Ключевые слова: текст, либретто музыкально-драматического спектакля, художественный перевод.

В исследованиях, посвященных проблемам художественного перевода, отмечается ряд факторов, определяющих его особенности: эпоха создания исходного произведения, личность переводчика, необходимость создать не просто перевод, но эквивалент оригинала, и наконец — особенности текста, который является объектом перевода. В этом отношении особого внимания заслуживает

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.а03.21.0006).

либретто, представляющее собой текст, находящийся на стыке музыкального и драматического искусства и являющийся основой синтетического литературно-музыкального произведения. «Термин либретто (итал.: книжечка) традиционно принято понимать как текст оперы, оперетты или сценарий балета. Реже обозначают этим термином текст оратории, в единичных случаях — текст музыкальных произведений иных жанров» [1]. Важной особенностью либретто является то, что оно ориентировано на будущую постановку на сцене, что создает дополнительные трудности для переводчика: текст либретто предполагает режиссерскую интерпретацию в соответствии с эстетической задачей спектакля.

В данной статье мы обратились к проблеме перевода либретто музыкально-драматического спектакля, в котором музыкальные (вокальные и инструментальные) и хореографические номера перемежаются диалогами. К популярным музыкально-драматическим жанрам принято относить оперетту и мюзикл. Материалом для исследования послужили либретто американского мюзикла «Fiddler on the roof» («Скрипач на крыше») [2] и его переводы на русский язык, выполненные в разное время: в 70-80-е гг. XX в. (далее — перевод 1) и в 2012 г. для постановки в Свердловском государственном академическом театре музыкальной комедии (далее — перевод 2).

Либретто музыкально-драматического спектакля объединяет в себе три типа текста: авторские ремарки, прозаические реплики действующих лиц и текст музыкальных номеров. Каждый тип текста обладает своими особенностями и требует специфических приемов перевода.

Ремарки в большинстве случаев представляют собой авторский комментарий к происходящему на сцене. Ремарка описывает положение вещей, действующих лиц на сцене, обстановку или же содержит комментарий к репликам актеров, указание на эмоции во время произнесения реплики, описание жестов и движений. Ремарка представляет собой прозаический текст и требует максимально точного перевода, не допускающего смысловой интерпретации. При этом возможно несовпадение грамматического оформления конструкции из-за различия языков. Рассмотрим два примера.

Оригинальный текст: «*Motel, the tailor, that's terrible!*» (*Rushes into shop*).

Перевод 1: «*Портной Мотл? Кошмар*» (*Врывается в мастерскую*).

В данном случае переводчик максимально точно передает на русский язык исходный текст ремарки, не изменяя смысловую и грамматическую структуру высказывания.

Оригинальный текст: «*Yes, Mama*». (*She drops the book*).

Перевод 2: «*Да, мама*». (*Книжка падает*).

Отличия перевода от оригинала на первый взгляд могут показаться несущественными, касающимися только грамматики и не искажающими смысл исходного текста. Однако обращает на себя внимание, что оригинальный текст содержит описание невербального знака, косвенно отражающего эмоции героини, что полностью утрачено в переводе.

Сложность при передаче *прозаических реплик* персонажей определяется не только требованием художественности и точности, но и необходимостью грамотной интерпретации культурно-исторических и национальных реалий, отраженных в произведении. Действие мюзикла «*Fiddler on the roof*» происходит в небольшом украинском селении, где постоянно живут еврейские семьи. Местечковый колорит передается специфическими словечками в речи героев, которые сохраняются и в переводах, несмотря на то что имеют лексические эквиваленты в русском языке. Например:

Оригинальный текст: «*To life, to life, L'Chaim*».

Перевод 1: «*За жизнь, за жизнь, Лехаум!*».

Оригинальный текст: «*Mazeltov...wonderful...congratulations*».

Перевод 2: «*Мазелтов...Замечательно...Примите поздравления*».

Сложной проблемой является также «перевод юмора». В комических спектаклях встречаются как эпизоды, юмор которых вполне «интернационален» и поэтому не вызывает никаких проблем с переводом, так и сцены, основанные на юмористическом обыгрывании культурных реалий страны, игре слов или нетрадиционной грамматике, присущей языку переводимого текста. В этом случае излишняя художественность или же излишняя буквальность при переводе может привести к полному уничтожению смысла сцены.

Так, например, фраза «*Lazar Wolf ordered a hat but it's not cheap*» (букв. «*Лейзер Вольф заказал шапку, но она не дешевая*») в переводе 1 интерпретирована неверно и выражает прямо противо-

положный смысл — *«Лейзер Вольф заказал себе шапку, но стоит она недорого»*. Ошибка в переводе приводит к полному искажению содержания сцены (мясник Лейзер Вольф богат, считает, что может получить все, что захочет, даже невесту, поэтому и заказывает себе к свадьбе дорогую шляпу) и делает непонятной ответную реплику другого героя — бедного портного Мотла: *«I took his bride, I can take his hat!»* (букв. *«Я взял его невесту, могу взять и шапку!»*). Кроме того, утрачивается авторская ирония по отношению к герою, которая основывается на контрасте характера неуверенного в себе бедного портного и его «громких» заявлений.

Следующий пример также иллюстрирует опасность невнимательного отношения к тексту. Фраза *«As the Good Book says, good news stay and bad news will refuse to leave»* (букв. *«Как говорится в Священном Писании, хорошие новости остаются, и плохие новости откажутся уходить»*) является одним из афоризмов Тевье-молочника. На протяжении всего спектакля он произносит афористические реплики, которые якобы заимствует из Священного Писания, а на самом деле придумывает сам. Буквальный перевод в данном случае не может создать необходимый эффект, поэтому переводчик прибегает к художественной обработке. В переводе 1 эта фраза звучит так: *«Как говорится в Святом Писании, добрые новости бегут, плохие остаются дома»*. Данный перевод сохраняет некоторую афористичность высказывания, однако полностью изменяет его смысл. Перевод 2 «исправляет ошибку»: *«Плохие новости бегут, добрые остаются дома»*. Однако и этот вариант представляет собой неточный перевод. Кроме того, подчеркнутая двойная антитеза (*хороший — плохой, бежать — оставаться*) нарушает логику характера героя: Тевье-молочник в спектакле предстает как философ, одинаково иронично принимающий от жизни и хорошее, и плохое.

Наиболее сложными для перевода являются тексты *музыкальных номеров*, которые несут не только эстетически-эмоциональную нагрузку, но и раскрывают детали сюжета. Важность качественного перевода музыкальных номеров отмечает Д. А. Митрофанова [3]. Перевод музыкальных номеров допускает необходимую «вольность» и искажение исходного текста для соблюдения ритмической составляющей стиха. В музыкальной среде есть термин для обозначения качественного перевода стихов с музыкальным сопрово-

ждением — *эквиритмический перевод*. Он предполагает наиболее полное соответствие числа слогов, ударений и деления на слова и словосочетания в оригинальном и переводном текстах. Рассмотрим пример.

Оригинальный текст:

*Who must know the way to make a proper home
A quiet home, a kosher home.
Who must raise a family and run the home
So papa's free to read the holy book.*

Буквальный перевод:

*Кто должен знать, как содержать приличный дом
Тихий дом, кошерный дом?
Кто должен растить семью и управляться в доме,
Чтобы папа был свободен для чтения Святого Писания?*

Перевод 1:

*Чья забота содержать в порядке дом
Хоть бедный дом,
Но чистый дом?
Кто следит, чтоб было все как надо в нем,
И у кого на все хватает сил?*

Сравнение перевода с оригиналом обнаруживает очевидное несоответствие двух текстов, что обусловлено следующими причинами. Основной можно считать стремление переводчика выполнить *эквиритмический перевод*. Кроме того, можно предположить, что изменение содержания оригинального текста произошло по идеологическим, цензурным соображениям: в переводе слово *кошерный* заменено на *бедный* и не упоминается Священное Писание.

Таким образом, наличие трех различных типов текста внутри одного произведения и соответственно трех различных подходов к переводу либретто определяет его уникальность как жанра. Это, в свою очередь, подразумевает необходимость изучения жанровой специфики либретто и, возможно, создания отдельной теории перевода либретто. По мнению Г. И. Ганзбурга, многие специалисты до сих пор не осознают необходимости изучения либретто как самостоятельного жанра, а музыковедение и филология, на стыке которых находится либретто, не считают необходимым обратить свое внимание на область, в которой данные науки сходятся воедино [4].

Примечания

1. Ганзбург Г. И. О перспективах либреттологии [Электронный ресурс]. URL: <http://hansburg.narod.ru/perslib.htm> (дата обращения: 12.06.2016).

2. *Stein J., Harnick Sh., Bock J.* Libretto Vocal Book «Fiddler on the roof»; Music Theatre International, 421 West 54th Street, New York, NY 10019, 1964.

3. Митрофанова Д. А. К проблеме перевода оперного либретто [Электронный ресурс] // Либретто во сне и наяву. URL: http://www.ceo.spb.ru/libretto/kon_lan/ogl.shtml (дата обращения: 12.06.2016).

4. Ганзбург Г. И. Указ. соч.

The peculiarities of translation of musical-dramatic work libretto

The article is devoted to the problem of translating of libretto of musical-dramatic work. Actual peculiarities of translation of the original musical libretto “Fiddler on the Roof” are revealed in the process of comparison of two translations made at different times. The authors prove that the peculiarities of such a genre can be described as the coexistence of three different text types (stage directions, characters speech and musical numbers). Each text type requires special method of translation.

Stage directions, used to be an art of comment to everything that takes place on the stage, require word-for-word translation. As well as culture-historical background preservation, the so called “humor translation” or the reproduction of comical episodes could also reveal problems in translation. An unnecessary directness or wrong interpretation can completely destroy the sense of comic effect. Translation of musical items is a particular challenge for the translator. Any text of a musical item requires not only literary translation, but special equirhythmic translation.

Thus we admit that libretto of a musical-dramatic work is a complex genre which requires flexibility in translation. A translator must not only have skills in literary translation of a prosaic and poetic text, but he should also preserve the original background of any text.

Keywords: text; libretto of musical-dramatic work; literary translation.

© Д. А. Олицкая
ТГУ, г. Томск

«Недотепа» А. П. Чехова в интерпретации немецких переводчиков «Вишневого сада»

В статье рассматриваются интерпретации чеховского неологизма «недотепа» в немецких переводах пьесы «Вишневый сад», представляющих различные этапы ее рецепции в Германии. Устанавливается множественность существующих переводческих решений, которая, с одной стороны, указывает на ограниченную переводимость понятия, окрашенного национальным колоритом, а с другой стороны, раскрывает широкий интерпретационный потенциал этого слова-лейтмотива. В большинстве проанализированных переводов пьесы на немецкий язык обнаруживается актуализация общепринятого смысла слова; предложенные переводчиками эквиваленты «Tolpatsch», «Nichsnutz», «taube Nuss» выражают в немецком языке представление о неловком, неуклюжем или недалеком человеке, но при этом несут различные акценты (пассивность, глупость, нерешительность, неудачливость и т. д.), определяющие трактовку представленных в чеховской пьесе характеров. Намного более редким случаем оказываются попытки передать в переводе слож-

ный характер чеховского «недотепа», выражающего идею незаконченности начатого, «недоделанности» («Unausgebackenes», «Windei»). Наконец, особый интерес представляет исключительно авторская трактовка неологизма в сценической обработке «Вишневого сада» Т. Браша («blindes Huhn», «taubes Huhn»), в которой на первый план выходит разобщенность всех персонажей пьесы, их неспособность слышать и понимать друг друга.

Ключевые слова: рецепция пьес А. П. Чехова в Германии, «Вишневый сад», перевод, интерпретация

В своей книге «“Вишневый сад”: жизнь во времени» исследовательница творчества Чехова Э. А. Полоцкая одну из глав посвятила трудностям перевода пьесы на иностранный язык. В центре ее внимания оказались всего два понятия — «недотепа» и «враздробь», которые, однако, не просто характеризуют специфическую народную речь Фирса, но несут в пьесе намного более глубокий смысл. Будучи тесно связаны между собой семантически, они служат метафорой состояния русского общества, которое зафиксировал в своей пьесе Чехов — «состояния, противостоящего завершенности и созидательному началу» [1].

Проследивая, как были переданы эти два слова в достаточно многочисленных переводах чеховской пьесы на английский язык, Полоцкая приходит к выводу, что при всех удачах и неудачах отдельных переводческих решений, в своей совокупности рассмотренные английские эквиваленты раскрывают новые возможности интерпретации авторского текста. Разделяя именно такую позицию по отношению к переводам, т. е. исходя прежде всего из присущего им свойства обнаруживать и раскрывать процесс соотношения и сравнения «своего» и «чужого», показывать границы их взаимной (не)переводимости на уровне различных структур [2], мы постараемся проследить, что же происходит со столь важным для чеховской пьесы словом «недотепа» в ее переводах на немецкий язык.

«Недотепа» относится к словам, которые начали свое бытие в пространстве русского языка именно после появления в чеховской пьесе. З. Паперный, обратившийся к записным книжкам Чехова, отметил, что сначала Чехов зафиксировал просто смешную фамилию «Варвара Недотепина», а затем уже появилась заметка, в которой слово с тем же корнем стало обобщением, своеобразным итогом жизни человека: «Недотепа на кресте его кто-то написал: «Здесь лежит недотепа» [3]. Э. А. Полоцкая указывает на украинское происхождение слова «недотепа» и предполагает, что этот украинизм

мог запомниться Чехову еще с детства и что он неоднократно использовался писателем и до написания «Вишневого сада». Она также приводит два значения слова, которые дает украинский словарь (в словаре Даля «недотепа» отсутствует): 1. Человек, который не может сделать, осуществить и т. д. что-нибудь с надлежащим умением; неумейка. 2. Умственно ограниченный, тупой, дурак. При этом автор книги подчеркивает, что выросший из слова психологический тип характера Чехов «освободил от грубой тупости».

Несущее общий упрек всем персонажам «Вишневого сада» лейтмотивное «недотепа», многократно повторяемое в тексте пьесы, является сильнейшим средством выражения авторской мысли, представления о человеке и чеховском драматургическом замысле вообще. Колоритное, звучащее (за исключением одного эпизода) из уст Фирса, оно является объединяющим для всех персонажей, главных и второстепенных, каждый из которых одновременно и носитель индивидуальной судьбы. Обращенное к Дуняше в первом действии, слово находится еще в конкретных бытовых рамках и просто констатирует нерасторопность прислуги. В третьем действии, в споре Раневской с Петей оно сначала становится определением незрелости характера Пети, а затем звучит в ответ на грубые, бездушные слова молодого лакея. В финале «недотепа», охватывая уже всю жизнь персонажа, становится заключительным аккордом, вслед за которым раздается звук лопнувшей струны. Таким образом реализуется важная особенность поэтического повтора у Чехова-драматурга: повторяющийся мотив как будто разрастается, становится всеобъемлющим. По мнению З. Паперного, «тень “недотепства” падает на многих персонажей “Вишневого сада” и тем самым незаметно, почти неуволимо, связывает все происходящее» [4].

На семантическом уровне определяющим главный смысл слова «недотепа» является «полуотрицание» «недо-», акцентирующее состояние незавершенности начатого, отсутствие или неудовлетворительность результата. Очевидно, что семантический уровень в силу известной межъязыковой и межкультурной асимметрии всегда является наиболее обширным полем для переводческих преобразований самого разного характера. Рассмотрим, какие оттенки смысла приобрел (или утратил) чеховский «недотепа» при выходе в немецкоязычный контекст.

Впервые «Вишневый сад» на немецкий язык перевел в 1912 г. живущий в Германии русский эмигрант З. Ашкинази (S. Aschkinasy) [5]. Оригиналom ему послужил текст мхатовской обработки пьесы, выполненный К. С. Станиславским, а уже переведенный «Вишневый сад» по просьбе Ашкинази читал и поправлял Л. Фейхтвангер. В качестве аналогии «недотепа» в данном переводе появляется немецкое «*Tolpatsch*» — «увалень, рохля». Словарь немецкого языка объясняет значение «*Tolpatsch*» как «очень неумелый, неловкий человек». Такой эквивалент хорошо отражает разговорный характер «недотепы», но мало передает тот особый смысл, который слово приобрело в чеховской пьесе как объединяющее всех ее персонажей понятие. Заключение в немецком «*Tolpatsch*» семантика пассивности и неподвижности не всегда близка тем характерам, которые представил в своей пьесе Чехов. Уже в первом эпизоде чувствуется неувязка предложенного варианта с более чем живым характером Дуняши. Это без умолку болтающая, одевающаяся и причесывающаяся как барышня, танцующая на балу горничная, которую тот же Фирс предупреждает: «Закрутишься ты». И если в следующем эпизоде (ссора Раневской с Петей) такой перевод, возможно, дает намек на причину Петиных неудач в любовных делах, то отнесенное к Яше, это слово вступает в явный конфликт с его откровенной наглостью. Пожалуй, в самом общем своем значении слово «*Tolpatsch*» подходит только самому Фирсу в его финальном монологе, где оно характеризует его стариковское бессилие:

Чехов: <...> Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты...недотепа!.. (*Лежит неподвижно.*)

Ашкинази, Фейхвангер: <...> Ich bleib da eine Weile liegen...hast keine Kraft mehr. Alles ist aus. Alles...Ach, du Tolpatsch! (*Er liegt unbeweglich.*)

Итак, при первом приближении к «недотепа» немецким переводчикам открылся только самый поверхностный смысл этого слова, они перевели его как присказку ворчащего старого лакея, заключающую в себе некий упрек.

Интересная попытка сохранить при переводе чеховского неологизма именно момент какого-то несовершенства, незавершенности обнаруживается в первом послевоенном переводе «Вишневого сада», отражающем особенности восприятия пьесы в период разделен-

ной Германии. Перевод под авторством Х. Ангаровой (H. Angarowa) был опубликован в 1947 г. в московском издательстве иностранной литературы в сборнике «Anton Tschechow. Schauspiele», включавшем в себя четыре вновь переведенные большие драмы Чехова [6]. Причины появления новых переводов чеховских пьес в ГДР безусловно носили идеологический характер, но вместе с тем переводы Ангаровой впервые точно следовали оригинальному тексту и давали о нем читателю более адекватное представление. Что касается «недотепы», то переводчица очень внимательно отнеслась к чеховскому неологизму и попыталась найти эквивалент, который бы полностью повторял русскую словообразовательную модель и тем самым сохранял значение этого специфического слова. «Недотепу» Ангарова перевела как «*Unausgebackenes*» (дословно — «не до конца выпеченное, непропеченное»). Сложной русской приставке «недо-» здесь соответствуют две следующие друг за другом немецкие: отрицательная «un-» и противопоставленная ей «aus-», усиливающая в слове «ausgebacken» (выпеченный, пропеченный) как раз семантику завершенности, завершенности действия. В такой интерпретации подчеркивается факт незрелости персонажей, к которым обращено чеховское слово и которая не обязательно связана с их возрастом, а скорее с вялостью характера (не случайно мы и в русском говорим «расползтись как квашня», т. е. не уметь справиться с силами, принять решение), общей несамостоятельностью и нерешительностью. Схожий по своему значению вариант перевода «недотепы», но структурно чуть более от него отдаленный Э. А. Полоцкая обнаружила у английского переводчика «Вишневого сада» С. Манделла — «... you're not baked enough» («вы недостаточно допечены»). Неожиданный выход переводчиков при поиске эквивалента в «кулинарный дискурс», возможно, связан с попыткой передать ироническую окраску «недотепы».

В 1952 г. в Германии был опубликован перевод «Вишневого сада», выполненный Й. фон Гюнтером (J. von Guenther). Балтийский немец по происхождению, покинувший в 1914 г. Россию, Гюнтер как переводчик и издатель всю свою жизнь посвятил популяризации русской классической литературы в Германии. К чеховским рассказам он впервые обратился в 1922 году, пьесы же русского драматурга в его переводе вышли сначала отдельными томами в Лейпциге (за «Вишневым садом» в 1953 г. последовали «Три

сестры)), а позже вошли в изданное им же трехтомное западно-германское собрание сочинений Чехова [7]. Сам Гюнтер назвал это издание «плодом более чем четырех десятилетий работы над творчеством русского писателя» и одновременно «своеобразным итогом своей творческой жизни».

К фигуре Гюнтера снова напрашивается параллель из истории англоязычного восприятия чеховских пьес — Констанс Гарнетт. За каждым из переводчиков признается заслуга «открытия» для своего читателя богатства русской литературы, но оценка самих переводов, особенно по мере удаления от времени их создания, оказывается все более неоднозначной. В частности, очень критическое замечание в отношении переводов Гарнетт принадлежит И. Бродскому: «Причина того, что англоговорящие читатели едва ли могут объяснить разницу между Толстым и Достоевским, заключается в том, что они читают не прозу первого или второго. Они читают Констанс Гарнет» [8]. В свою очередь, немецкий славист и тоже переводчик Чехова П. Урбан следующим образом оценил деятельность Гюнтера: «Он неутомимо и неразборчиво переведил все подряд: лирику, прозу, драматургию, почти целиком всю русскую классику, а также многочисленных писателей рубежа веков, вплоть до 1920-х годов. Гюнтер превратился в некое учреждение, в непререкаемый авторитет хотя бы уже из-за количества переведенных и изданных им произведений» [9].

Еще одно совпадение в переводах Гарнетт и Гюнтера касается именно чеховского «недотепы». Несмотря на то, что английский и немецкий переводы разделяют сорок лет, в них это слово получило одинаковую интерпретацию — в гарнеттовском переводе оно звучит как «*good-for-nothing*», а в гюнтеровском как «*Nichtsnutz*». И в английском, и в немецком языке эти эквиваленты означают «ни на что не годный человек, бездельник» и содержат семантический компонент отрицания, приближающий перевод к оригиналу. Однако отрицание, входящее в состав взятых переводчиками из ресурсов английского и немецкого языка слов, звучит окончательно и однозначно в сравнении с «недо-», в семантическом плане определяющим чеховский неологизм. Согласимся также с Э. А. Полоцкой в том, что при такой интерпретации «недотепы» одна и та же черта — пассивность, которая в «Вишневом саде» определяет характер Епиходова, распространяется на целый ряд других персонажей.

В юбилейном для Чехова 1954 г. в восточно-германском издательстве «Фольксферлаг» в серии «Современные хрестоматии» вышла книга «Чехов» немецких славистов Г. и В. Дювель (G. und W. Düwel) [10]. Она состояла преимущественно из переводов чеховских рассказов, драматические произведения были представлены «Вишневым садом». Данный перевод пьесы привнес идеологический акцент в трактовку чеховского «недотепы». В качестве эквивалента переводчики выбрали слово «*Windei*», которое означает в биологии «яйцо без зародыша» или «яйцо без скорлупы», однако может употребляться и в переносном значении по отношению к человеку. В этом смысле синонимами к немецкому «*Windei*» являются разговорно окрашенные «*Versager*» (неудачник, бездарь) или «*Niete*» (никчемный человек, ничтожество), а также существительные, имеющие в словаре помету «фамильно-разговорное» — «*Flasche*» (неудачник) и «разговорно-уничижительное» — «*Nulpe*» (дурак). Более выраженная отрицательная оценочность этих эквивалентов по сравнению с ранее рассмотренными, вероятно, явилась следствием общего заострения обнаруженного в пьесе Чехова «социально-критического смысла» [11] и была далека от мягкого и ироничного тона чеховского «недотепы», никак не связанного с социальным амплуа персонажей. В то же время в данной переводческой интерпретации мы обнаруживаем еще один оттенок этого емкого слова — «неудачник».

Новые интерпретации чеховского «недотепы» предлагали и более поздние немецкие переводчики «Вишневого сада»: П. Урбан (P. Urban) — славист, посвятивший значительную часть своей жизни исследованию, переводу и изданию в Германии произведений Чехова, и Т. Браш, соединявший в себе личность переводчика и драматурга.

Перевод «Вишневого сада», выполненный Урбаном, вышел сначала во франкфуртском издательстве «Ферлаг дер Ауторен» и использовался только для театральных постановок. Широкому читателю он стал доступен в виде отдельного издания три года спустя. Отличительной особенностью перевода Урбана стал объемный комментарий, предоставлявший читателям необходимую информацию для понимания отраженных в ней национальных особенностей жизни, быта и культуры оригинала. Большую роль комментарий Урбана играл и для понимания языка чеховской пьесы, т. к. пере-

водчик осознавал, что иногда даже самый близкий эквивалент не в состоянии передать многослойные коннотации исходного слова или выражения, раскрыть его авторское наполнение.

В качестве аналогии чеховскому «недотепа» Урбан предложил немецкое «*taube Nuss*», что переводится дословно как «пустой орех», а в переносном смысле звучит как «пустой, никчемный человек». При этом в затекстовом комментарии он дополнил свой перевод пояснением, раскрывающим суть сложного понятия в оригинале: «*nedotepa: Enthält die Vorstellung von etwas nicht Fertiggewordenem, mit der Axt nicht- zu- Ende-Behauenem*» (недотепа: содержит представление о чем-то недоделанном, недорубленном топором) [12]. Дословно же «*taub*» переводится с немецкого как «глухой, онемелый, застывший», это значение соотносится с еще одной важной характеристикой чеховских «недотеп» в «Вишневом саде» — все они разучились слушать и слышать друг друга. Как заметил В. Б. Катаев, в своей пьесе Чехов показывает в общении людей «разобщенность, самопоглощенность, неумение встать на точку зрения другого» [13].

Данное направление интерпретации получило свое развитие в одном из последующих немецких переводов чеховской пьесы. В 1985 г. появился перевод-обработка «Вишневого сада» немецкого драматурга, режиссера и переводчика Шекспира Т. Браша (T. Brasch), выполненный для одной из постановок пьесы на немецкой сцене [14]. По этому поводу немецкий театровед, критик и редактор журнала «Theater heute» заметил, что драмы Чехова спустя 80, 90 лет после их создания впервые были переведены на немецким язык автором, пишущим для театра [15].

Переводы Браша привлекают внимание активной интерпретаторской позицией их автора, которую он довольно подробно обосновал как в предисловии к изданию, так и в интервью о пьесах Чехова [16]. Приведем здесь лишь определение сути перевода, которое Браш дал в своем переводе «Вишневого сада», вложив его в уста Трофимова: «Дословного перевода мало. Нужно добавлять что-то свое, иначе никто ничего не поймет. Иногда так случается: чем точнее, тем неправильнее. В конце концов, это две культуры: немецкая и русская» (Mit einer Wort-für-Wort-Überstzung ist es nicht getan. Man muß schon was eignes dazutun, sonst versteht hier jeder alles falsch. So ist es eben manchmal: je richtiger — desto falscher. Schließlich sind das zwei Kulturen, die deutsche und die russische.) [17].

Авторскую трактовку в переводе Браша получает и «недотепа». Варьируя чеховский повтор, переводчик по отношению к Дуняше использует словосочетание «*blindes Huhn*», а во всех остальных эпизодах — «*taubes Huhn*». Существительное «*Huhn*» относится к разговорной лексике и используется в немецком языке для обозначения человека, как указывает словарь, «в сочетании с различными определениями; часто как ругательство». В качестве таких определений у Браша выступают уже использованное Урбаном прилагательные «*taub*» («глухой») и «*blind*» («слепой»). Переключка двух прилагательных, несущих семантику чувственного восприятия, оказывается очень созвучной особенностям чеховского диалога в пьесе и акцентирует для современного читателя и зрителя проблему духовного разобщения людей, их неспособность к коммуникации.

Таким образом, немецкие переводчики «Вишневого сада» предлагают самые различные интерпретации необычайно емкого и многозначительного чеховского слова «недотепа» — от развития самого общего смысла, т. е. представления о неловком, неуклюжем или недалеком человеке, в различных направлениях (пассивность, глупость, нерешительность, неудачливость и т. д.) до авторских трактовок, акцентирующих одно из проявлений зафиксированного в нем Чеховым характера. Разнообразие предложенных немецкими переводчиками эквивалентов «недотепы» отражают интенсивный поиск в культуре перевода аналогий и соответствий для одного из ключевых слов в пьесе, во многом определяющего трактовку авторского замысла в целом и, в то же время, обозначают границы его переводимости.

Примечания

1. Полоцкая Э. А. «Вишневый сад»: жизнь во времени. М., 2003. С. 321.
2. Luthе Н.- О. Komikübersetzung — ein Feld auszuhandelnder symbolischer Ordnung // Unger T. Differente Lachkulturen? Fremde Komik und ihre Übersetzung. Tübingen, 1995. S. 51.
3. Полоцкая Э. А. Указ. соч. С. 322.
4. Паперный З. С. «Вопреки всем правилам...» Пьесы и водевили Чехова. М., 1982. С. 225.
5. Tschchow A. Der Kirschgarten. Tragikomödie in 4 Aufzügen. Nach der Einrichtung des Moskauer künstlerischen Theaters übersetzt und eingeleitet von S. Aschkinasy. München, 1912.
6. Der Kirschgarten // Anton Tschchow. Schauspiele. Übersetzt von H. Angarowa. Moskau, 1947.
7. Tschchow A. Werke in 3 Bänden. Novellen. Erzählungen. Dramen. Übersetzt und herausgegeben von J. v. Günther. München, 1963.

8. Цит. по: *David Remnick*. The Translation Wars. The New Yorker. 7. November 2005.
9. *Урбан П.* Драматургия Чехова на немецкой сцене // Литературное наследство. М., 1997. Т. 100: Чехов и мировая литература (Кн. 1). С. 167.
10. *Tschechow*. Ein Lesebuch für unsere Zeit. Herausgegeben von Gudrun und Wolf Düwel. Weimar, 1954.
11. *Düwel W.* Anton Tschechow — Dichter der Morgendämmerung. Halle (Saale), 1961. S. 169.
12. *Čechov A.* Der Kirschgarten. Komödie in vier Akten. Übersetzt und herausgegeben von P. Urban. Zürich, 1973. С. 113.
13. *Катаев В. Б.* А. П. Чехов // Русская литература XIX–XX веков: учеб. пособие. М., 2002. С. 452.
14. *Tschechow A.* Der Kirschgarten. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a. M., 1985.
15. *Rischbieter H.* Nachwort // Anton Tschechows Stücke. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a.M., 1985. S. 363.
16. Подробнее об этом см.: *Олицкая Д.* Проблема «своего–чужого» в переводах пьес А. П. Чехова на немецкий язык (на материале переводов Т. Браша) // Tagungsband «Sibirien — Russland — Europa. Fremd- und Eigenwahrnehmung in Literatur und Sprache», Graz, 19.–20.9.2011 / hg. R. Hansen-Kokoruš. Graz, 2013. С. 213–230.
17. *Tschechow A.* Der Kirschgarten. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a.M., 1985. S. 81.

A. P. Chekhov's “nedotyopa” interpreted by the German translators of *The Cherry Orchard*

The article considers the interpretation of Chekhov's neologism “nedotyopa” [klutz] in the German translations of *The Cherry Orchard* that represent different stages of its reception in Germany (the 1900s–2000s). There are multiple translation solutions which, on the one hand, points to the limited translatability of the concept with an expressed national colour, and, on the other hand, reveals the broad interpretative potential of this motif word. Most German translations of the play under analysis actualise the common meaning of the word. The equivalents “Tolpatsch”, “Nichsnutz”, “taube Nuss” used by translators express the idea of an awkward, clumsy or simple-minded person in German, yet they have different accents (passivity, stupidity, indecisiveness, etc.) that determine the interpretation of the Chekhov's characters. There had been attempts to show the complex nature of Chekhov's “nedotyopa” that expresses the idea of incompleteness of what was started, (“Unausgebackenes”) in translation. Finally, of particular interest is a solely author's interpretation of the neologism in the stage version of *The Cherry Orchard* by Thomas Brasch (“blindes Huhn”, “taubes Huhn”) in which the disunity of all the characters of the play, their inability to hear and understand each other come to the fore.

Keywords: the reception of Chekhov's plays in Germany, *The Cherry Orchard*, translation, interpretation.

Наша партия — партия будущего!
(агитационные материалы политических партий России: традиционные ценности и новые языковые тенденции)¹

Язык является основным инструментом идеологии, с помощью которого осуществляется воздействие на массовое сознание. В связи с этим особый интерес представляет исследование агитационных текстов современных политических партий России. Корпус публицистических средств довольно обширен. Но далеко не все политические объединения предлагают действенные лозунги, призывы или девизы, в лаконичной форме несущие руководящую идею. В статье автор обращается к анализу агитационных текстов, манифестирующих опорные идеологические точки той или иной политической партии России: к предвыборным лозунгам; лозунгам, славящим мирный труд, призывающим к борьбе с противником (правящей партией, государственными системами), возвеличивающим память о Великой Отечественной войне; агитационным текстам, несущим в себе идею борьбы против войны в современном мире, идею патриотизма, реализующуюся в том числе в неоднозначном лозунге *Россия для русских!*; лозунгам и призывам, затрагивающим вопросы охраны детства и поддержки молодежи, обеспечения достойного уровня жизни граждан России (в области образования, медицины, ЖКХ и др.). Особое внимание уделяется оригинальному языковому словотворчеству той или иной партии, которое рождает игру смыслов и ассоциаций у избирателя и помогает идеологам создавать новый, яркий, воздействующий образ.

Ключевые слова: лозунг, политические партии России, КПРФ, языковая игра.

Лозунг является одним из актуальных жанров политической речи. Диахроническое описание лозунгов в числе других агитационных политических текстов как «могущественного оперативного средства одновременного влияния на большие массы людей» представлено в монографии В. В. Ученовой [1]. Лингвисты обращались к исследованию лозунгов в связи с изучением феномена тоталитарного языка, который способствует формированию особого, идеологически заданного мышления. Именно язык выступает в качестве основного инструмента идеологии, осуществляющего воздействие на массовое сознание.

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

Лозунги несут на себе большую часть идеологической нагрузки пропаганды. Лозунговый универсум является частью идеологического универсума. В этом контексте «лозунги — как кратчайшие и обращенные к максимально широкой аудитории тексты» выражают «предельно редуцированный и экзотерический вариант текущей идеологии» [2].

В современной России сложилась многопартийная система, при которой реальной властью обладает тем не менее только одна — доминирующая — партия «Единая Россия». В РФ зарегистрировано около 80 политических партий (ПП). Корпус публицистических средств многочисленных партий довольно обширен. Но далеко не все политические объединения предлагают действенные агитационные тексты, в лаконичной форме несущие руководящую идею, требование или призыв. Остановимся на анализе и выявлении особенностей агитационных средств, активно предлагаемых наиболее авторитетными и признанными ПП.

Отстаивая интересы своей партии, желая привлечь новых сторонников, представители той или иной ПП стараются выдвигать эффективные, с их точки зрения, предвыборные лозунги типа: *Будущее за нами!*; *Вместе победим!*; *Партия реальных дел!* (Единая Россия); *Победа ЛДПР неизбежна!* (ЛДПР); *Наша партия — партия будущего!*; *КПРФ: нас 99 %!* (КПРФ); *Патриотов — во власть!* (Патриоты России); *Зеленый билет в будущее: вручите его России!* (Альянс Зеленых — Народная партия); *Каждый голос за партию «ЯБЛОКО» — это голос за мир, человеческое достоинство, правду, справедливый закон, честную и ответственную власть!* (Яблоко); *ПАРНАС: за Россию без произвола и коррупции!* (ПАРНАС) и др. Данные тексты узнаваемы и довольно просты: ПП обозначают болевые точки современной России и предлагают решение проблем. Но интереснее рассмотреть предвыборные материалы, в которых идеологи постарались неординарно подойти к борьбе за своего избирателя. Особо выделяется Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). Хотя эта ПП имеет богатую историю и активно использует весь советский лозунговый арсенал, она постоянно стремится создать что-то новое, оригинальное и современное (см. также об этом [3]). Так, на своем сайте партия разместила сборник «Агитационные материалы КПРФ к выборам в единый день голосования 14 сентября 2014

года», включающий плакаты с текстами для отделений партий в разных областях России.

Некоторые из них весьма своеобразно отражают политику ПП. Например, для кандидата в губернаторы Псковской области Александра Рогова были предложены плакаты с изображением И. В. Сталина и обращением: *Тов. Рогов, наведите на Псковщине порядок!*, — и А. С. Пушкина, вызывающего в своем стиле: *Мой тезка, Рогов! Победим разруху!* [4]. Интересно, что по задумке идеологов партии оба плаката отсылают к легендарным классикам, «не столь <совместным>

меж собой»: первый — к классику-генералиссимусу, а второй — к классику русской литературы. В этом же документе размещен плакат с изображением кандидата в губернаторы Курганской области Ивана Евгенова. Визуальный образ сопровождается словами Г. А. Зюганова: *Россия держится на Иванах!* Здесь присутствует игра смыслов: фраза ассоциируется с крылатым выражением *На Ивановых вся Россия держится*, восходящим к роману-трилогии К. М. Симонова «Живые и мертвые», и в то же время отсылает к конкретной личности — Ивану Евгенову. Приведем еще несколько необычных примеров предвыборных лозунгов КПРФ: *Зюганов предупреждает: красные придут — жулики разбегутся!; Русской столице — советскую власть!; Правда Москвы — КПРФ!* [5]. Часть таких единиц даже подана в стихотворном ключе: *Для нас навсегда серп и молот, и звезда!; Завершим реформы так — над страной красный флаг!; Сказал же Ленин ясно: Россия будет красной!* [6]; *У КПРФ есть план, ресурс поменять бандитский курс!* [7].

В противовес КПРФ, тщательно и серьезно подбирающей и осмысливающей свои лозунги, призывы и девизы, хочется привести партию «Правое дело», избравшую своим главным лозунгом крылатое выражение *Наше дело — правое, победа будет за нами!* Автором данного оборота представители партии считают Александра Невского (его имя помещено под лозунгом), хотя общеизвестно, что фразу *Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за*

нами! в день начала Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 г., включил в свою речь нарком иностранных дел В. М. Молотов. В свою очередь этот оборот восходит к призыву В. И. Ленина (см. об этом подробнее [8]). По меньшей мере странно, что представители партии не удосужились узнать, чьи поистине нетленные слова они избрали своим главным девизом. Вообще, сайт партии «Правое дело» пестрит всевозможными ошибками — орфографическими, пунктуационными, грамматическими, речевыми (ср. один из немногих примеров: *Жителей Рязанской области приглашаются на гала-концерт областного фестиваля «Студенческая фестивалю»*) и даже, как выяснилось, фактологическими. Вряд ли такой партии удастся завоевать доверие образованной части избирателей.

В публицистическом дискурсе значительное место занимают агитационные формулы, призывающие к мирному труду. Традиционно здесь точкой отсчета выступает нетленный советский праздничный лозунг Международного дня солидарности всех трудящихся *Мир, труд, май*. В ряде случаев базовый советский лозунг модифицируется: из приветственного восклицания с пожеланием процветания и успеха он превращается в призыв защитить от чьего-либо посягательства, уничтожения: *Сегодня мы, сохраняя верность идеалам пролетарского праздника борьбы, заявляем: — Отстоим мир, труд, народовластие!..* [9]. КППРФ, желая напом-

нить об истинном значении Первомайского праздника, в своих лозунгах призывает к борьбе с властью капитала: *За свободный труд, против капитала!* [10]; Граждане несли плакаты с

изображением Ленина и Сталина, с лозунгами, ярко характеризующими ситуацию в стране и мире <...> **«Капитализм в агонии! Вперед, к социализму! Возродим СССР!»** — людям уже давно стало понятно, что без смены социально-экономического курса страны никакое развитие невозможно [11].

Одними из наиболее актуальных всегда были лозунги, призывающие к борьбе с противником. С кем и с чем борются ПП в современной России? Судя по разнообразию, частотности использо-

вания призывных текстов и их остроты, одним из основных своих противников некоторые ПП считают действующее правительство. Пожалуй, самой красноречивой в этом плане стала КПРФ, ср.: **Отправь правительство в отставку!** [12]; Патриотический фронт «Красная Москва — КПРФ» провел свой флешмоб. В колонне шли «красные дворники». Они подметали улицы под лозунгом **«Очистим власть — спасем Россию!»** [13]; На демонстрацию барнаулские коммунисты вышли с лозунгами «Да здравствует 1 мая — День международной солидарности трудящихся!», «Нет росту цен и тарифов!», «Детям войны — достойную жизнь!», **«Правительство олигархов — на свалку истории!»** [14]; Надо очень серьезно поднять на щит наш прежний лозунг: **«Правительство Медведева, правительство «Единой России» — в отставку!»** <...> мы продолжим сбор подписей по всей стране за отставку правительства единороссов. Это основа основ нашей работы [15] и др.

Коммунисты постоянно подчеркивают, что их сотрудничество с правящей партией обязательно, но некоторые их призывы отличаются исключительной грубостью, ср.: Участники акции держали в

руках транспаранты с лозунгами «Бездарное правительство в отставку!», «Украденное у народа вернем!», **«Димон, выйди вон!»** [16]; **Медведев, на выход!** (название видеоролика с докладом Г. А. Зюганова) [17]. В одном из интервью В. Ф. Рашкин так объясняет сложившуюся ситуа-

цию: [журналист]: — Коммунисты уже не первый год добиваются отставки правительства Дмитрия Медведева. Но сегодня ваши лозунги отличаются такой резкостью и фамильярностью, после которой дальнейшее ваше сотрудничество с правительством представляется невозможным. Один призыв **«Димон, выйди вон»** чего стоит. [В. Ф. Рашкин]: — Мы с правительством сотрудничаем, сотрудничаем и будем сотрудничать, потому что эта струк-

тура формируется согласно Конституции. [журналист]: — Но после такой риторики... [В. Ф. Рашкин]: — Риторика может быть разной, она накаляется в зависимости от социально-экономического положения страны, от того, как живет народ [18].

Отметим, что ПП «Яблоко», подобно КПРФ, также в свое время выдвигала довольно радикальные лозунги типа *Петербург против Путина!*; *Путин, уходи!*. В рамках антиправительственных настроений ПП «Яблоко» назвала остроумным плакат с «Марша Миллионов» (протестное движение против существующей власти), на котором так полюбившийся россиянам лозунг *Спасибо деду за победу!* используется в антипатриотическом ключе: *Вот остроумный плакат на тему фальсификации выборов, пародирующий как пропагандистскую акцию «георгиевская ленточка», так и восприятие официозной пропаганды праздника 9 мая частью наших соотечественников* [19]. На плакате изображен фокусник, извлекающий из шляпы кролика с лицом В. В. Путина. Думается, что и издевательский плакат, и попытки ерничать при помощи лозунгов типа *Спасибо деду за победу!* однозначно можно назвать неудачными, а подобные плакаты вряд ли войдут в пропагандистский фонд визуальных публицистических средств.

Периодически и у других ПП появляются лозунги, компрометирующие правящую партию России, хотя и без указания на конкретные имена, ср.: *С криками «ура» встретили участники митинга призывы Юрия Скворцова: «Народным фронтом — за Россию», «Народным фронтом — за человека труда!», «Народным фронтом — против коррупции и казнокрадства!» <...> «Власть! Избавь народ от жуликов и воров!»* [20]; **КТО ОТМЕНЯЕТ ПРЯМЫЕ ВЫБОРЫ, ТОТ РАЗРУШАЕТ ГОСУДАРСТВО!** Партия «Альянс Зеленых — Народная партия» выступает против позорного законопроекта № 192804-6, принятого Госдумой в первом чтении 23 января 2013 года. Этот закон нарушает Конституцию. Этот закон позволит отменять прямые выборы глав регионов [21] и др.

Неоднозначное толкование получает лозунг *Путин — это Сталин!*: Александра Архипова изучает не только оппозиционные акции, но и проправительственные демонстрации, в частности, «крыминги» — митинги в поддержку присоединения Крыма. Исследователь отметила, что одинаковый невербальный посыл оппози-

ции и провластных демонстраций нередко имеет противоположное значение. «Типичный пример — лозунг **“Путин — это Сталин!”** Оппозиционеры имеют в виду репрессии, несвободу, и вкладывают в лозунг негативный подтекст. Провластные, в особенности, провластно-коммунистические активисты, наоборот, считают это комплиментом», — рассказала Александра Архипова [22].

Конечно, кроме конкретных противников, указанных выше, ПП также борются против губительных для России систем или непопулярных решений. Приведем примеры, взятые из материалов КППФ: *Под красными знаменами праздничная колонна прошла по центральной улице Рязани — Первомайскому проспекту. Демонстранты несли плакаты и лозунги: «Правительство — в отставку!», «Нет — платному образованию!», «Нет — разграблению муниципальной собственности!»* [23]; *«Рабочий! Борись за свои права!», «Платон — зло для экономики!», «Поборы на дорогах — рост цен на товары!», «Нет — узаконенному рэкету на дорогах!»* — читалось на транспарантах и плакатах [24]; Участники акции держали в руках транспаранты с лозунгами <...> *«Требуем отставки правительства!», «Центробанк РФ присоединился к санкциям против России»...* [25]; *ВТО — удавка для народа!* [26]; Собравшиеся держали в руках плакаты *«Нет — обираловке пенсионеров!», «Нет — хап-ремонту!», «Позор Мособлдуме! Верните льготы пенсионерам Московской области!», «Отмена льгот — грабеж пенсионеров!»* [27] и др.

На протяжении столетия неизменными и, видимо, неистребимыми врагами коммунистов остаются фашизм, капитализм, либерализм и антисоветизм. Это подтверждают современные публицистические тексты, ср.: **«Мы сегодня говорим: нет либерализму, который довел Россию до ручки!»**, — подчеркнул В. И. Кашин [зам. Председ. ЦК КППФ] <...> **«Мы сегодня еще раз говорим: нет фашизму! Нет терроризму! Нет либерализму!»** — призвал В. И. Кашин [28]; *Страну нужно лечить. Страну нужно выводить из пике. Под знаменем антисоветизма этого не достичь. В политике, и просто в жизни есть вопросы, определиться в которых придется каждому. Вот почему фракция КППФ предлагает всем ознакомиться с обращением «Покончить с антисоветизмом — обезоружить противников России!»* [29]; *Социализму — «да»! Капитализму — «нет»!* [30].

В качестве объединяющих идеологических звеньев у различных ПП выступают память о Великой Отечественной войне и идея борьбы против войны в современном мире. Так, на мероприятиях, посвященных 9 мая, используются как традиционные советские лозунги, так и современные: *Праздничная колонна прошла по центральным улицам областного центра, поздравляя тамбовчан и скандируя: «Слава советскому народу — народу-победителю» <...> «Слава ветеранам войны! Слава труженикам тыла!», «Слава тамбовчанам, внесшим свой вклад в дело Победы!» <...> «Слава дружбе народов!»* [31]; В Краснодаре в праздничной колонне по главной улице города — Красной прошли более 52 тысяч человек, в том числе активисты регионального отделения партии «ПАТРИОТЫ РОССИИ» во главе с Татьяной Аркадьевой <...> *Над праздничной колонной развевались лозунги: «1941–1945 — никогда не забудем!», «Слава защитникам Отечества!», «День Победы в наших сердцах!», «Мы помним! Мы гордимся!», «На борьбу с фашистами встал каждый пятый житель Кубани!», «Мой дед дошел до Берлина!»* [32] и др.

Анализ публицистического арсенала современных ПП России позволяет сделать вывод о том, что общество возвращается к своим истокам, по крайней мере, в отношении памяти о Великой Отечественной войне. На митингах и парадах нет места лозунгам и плакатам негативного или иронического характера (ср. *Это наш праздник, наша Победа!* (ЛДПР); *Память о Великой Победе — священна!*; *Фашизму не бывать на русской земле!*; *Для преступлений фашистов нет срока давности!*; *Нет — фальсификации истории!* (КПРФ); *Победа деда — моя Победа; Повяжи. Если помнишь!*; *Я помню! Я горжусь!*; *Мы — наследники Великой Победы!*; *Спасибо деду за победу!* (Патриоты России) и др.).

Представители разных ПП в один голос призывают к борьбе за мир и свободу в связи с событиями на Украине: *Более пяти тысяч северян пришли высказать слова поддержки братскому народу. Среди них были представители разных политических партий и общественных организаций региона. В руках митингующие держали плакаты с лозунгами «Крым — мы с тобой!», «Своих не сдаем», «Две страны — один народ», «Россия и Украина: одни корни, одна вера», «Мурманчане с Крымом!», «Мир народу Крыма!»* [33]; *«Мы прямо заявляем: солидарные действия России, Белорус-*

сии, трудовой Украины и Казахстана — это главное оружие против нацизма и бандеровщины. *Да здравствует свободная Украина! Да здравствует мир в Новороссии!*» — призвал Геннадий Андреевич [34]; Граждане несли плакаты с изображением Ленина и Сталина, с лозунгами, ярко характеризующими ситуацию в стране и мире. *«Россию и Украину не разделить!»* — гласил один из них, другой: *«Новороссия — щит России!»* <...> людям уже давно стало понятно, что без смены социально-экономического курса страны никакое развитие невозможно [35]. Решительное неприятие войны здесь передают и лозунги, построенные по традиционной модели, включающей компонент *нет*, ср.: *Нет реакции и фашизму!*; *Нет — военному психозу!* (КПРФ); *Нет экстремизму на Украине!*; *Нет фашизму в Крыму!*; *Нет фашизму и неонацизму* (Патриоты России) и др. Подобные лозунги характерны не только для русскоязычных публицистических материалов [36].

Одной из ключевых в анализируемых фрагментах также выступает тема патриотизма. Наиболее активно она звучит в агитационных текстах официально-зарегистрированной ПП «Патриоты России», образованной в 2005 г. как независимая партия ответственной оппозиции. Ведущими у партии долгие годы остаются лозунги *Патриотизм — это деятельная любовь к Родине; Патриотизм, справедливость, Национальный прорыв; Единственно верная идеология — российский патриотизм!*; *Патриотизм выше политики!* (подробнее о лозунгах, отражающих патриотические идеи, см. [37]).

В русле развития идеи патриотизма в анализируемом нами корпусе особый интерес представляют агитационные тексты, отражающие приоритет русских и России. Современные лозунги с ключевыми словами *Россия, русские* условно делятся на две группы. В первую входят обороты, репрезентирующие представление о том, что с Россией должны быть связаны лучшие надежды ее граждан: *Мы верим в себя и в Россию!* (Единая Россия); *Нам нужна великая Россия!* (ЛДПР); *Россия превыше всего!* (Патриоты России); *Общая судьба, единая Россия, один народ!* (Социал-демократическая партия России); *России быть великой и социалистической!* (КПРФ). Вторую группу составляют лозунги и призывы, требующие защитить Россию или спасти ее, в основном от угрозы извне: *Защитим Россию! Укрепим нашу Родину! Пусть будут счастливы народы*

Российской Федерации!; Берегите Россию, спасайте ее от майда-нутых! (ЛДПР).

Лидер КПРФ Г. А. Зюганов считает, что лечение и спасение России — в уничтожении антисоветизма: *Покончить с антисоветизмом — обезоружить противников России! (КПРФ).* И КПРФ, и партия «Справедливая Россия» сходятся в том, что излечить Россию может только социализм: *СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — это социализм! (Справедливая Россия); Клянемся вернуть заблудшую Россию на рельсы социализма!; Курс России — вперед, к социализму! (КПРФ).* Либерализм же признается недееспособным: *Мы сегодня говорим: нет либерализму, который довел Россию до ручки! (КПРФ).*

Представители ЛДПР пропагандируют достаточно радикальную идею «Россия для русских»: *Защита русских — наша национальная идея! (ЛДПР); Вот что писали русские монархисты в 1905 году: «Россия для русских — лозунг, дающий понять, что если отдать Россию на растерзание иноверцам и иностранцам, то не только в России не будет самодержавной монархии, но не будет и самой России» [38].* Но либералы подчеркивают, что эта идея вовсе не пропагандирует национализм: *Перед Первой мировой войной в повсеместном употреблении и официальных документах слово «русский» из чисто этнического понятия стало политическим, а лозунг «Россия для русских» понимался обществом вовсе не в узком этническом смысле, а вполне в духе классического европейского патриотизма [39]; в газете от ПП ЛДПР присутствует девиз Против нацизма и фашизма! [40].*

Особое место занимают агитационные тексты, затрагивающие вопрос охраны детства и поддержки молодежи. И это естественно, т. к. партиями ставка делается на будущие поколения, которые, возможно, будут продолжателями традиций той или иной политической идеологии и основной движущей силой общества, ср. : *Счастливые дети — залог счастливого будущего нашей Родины (Патриоты России); Молодежь сегодня — это народ завтра; Комму-*

низм — дело молодых!; Молодежь должна быть впереди! (КПРФ) и др.

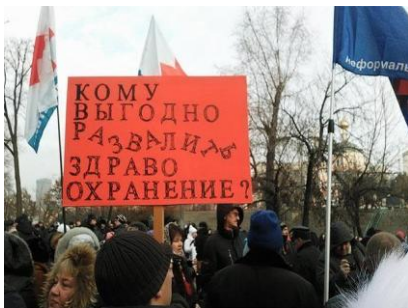
Отчетливо в корпусе исследуемых единиц выделяется группа агитационных текстов, призывающих к борьбе за достойный уровень жизни граждан России (в области образования, медицины, ЖКХ и др.). Это, например, такие лозунги и призывы, как: *ЖКХ — только конкурентный!; Хорошее жилье и человеческое ЖКХ!; Социальная сфера: жить, а не выживать!; На 5 лет заморозить тарифы ЖКХ!; Городская инфраструктура, общественные услуги, социальные объекты — доступные для всех!; Развивать пасса-*

жирское железнодорожное сообщение внутри Москвы, легкое метро, речной и воздушный городской транспорт! [41]; Без свободного учителя не будет свободной личности!; Рецепт лучшей реформы: дайте спо-

койно учить!; Власти! Уважайте Конституцию: свобода преподавания гарантируется!; Школа — не рынок! [42]; Развал образования — удар по будущему страны!; Не дадим разрушить школу! [43]. Здесь нужно отметить, что в социальной сфере менее всего заимствуется советский арсенал агитационных средств в силу того, что реалии СССР и современной России значительно различаются. Как мы уже говорили выше, КПРФ в ряде случаев стремится привлечь внимание общественности весьма оригинальными агитационными вербально-визуальными средствами. Не осталась в этом смысле в стороне и социальная сфера. В 2014 г. в Москве 30 ноября прошла самая масштабная социальная акция последних лет — против медицинской реформы (результат которой — сокращение социальных гарантий и низкая заработная плата медработников, коммерциализация системы здравоохранения и снижение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения. Итог реформы — массовое увольнение врачей, сокращение зарплат, ликвидация городских больниц). Движение «Красная Москва — КПРФ» на акции выступила с театральным перформансом,

который привлек всеобщее внимание: врачи из «Красной Москвы» и депутаты Госдумы и МГД от КПРФ на шествии возмущенных медиков пронесли гроб с надписью «Мне не хватило койко-места»: Сбор участников начался с 12.00 у станции метро «Цветной бульвар» в центре города. По оценкам очевидцев, собрались около 2000 человек. Лозунги различной степени креативности: от простых

«Прекратите разрушать здравоохранение» и «Разумная нагрузка! Достойная оплата! Нет сокращениям!» до черного гроба с надписью «Мне не хватило койко-места» [44]. На этом же митинге несли плакаты с надписью *Кому выгодно развалить здравоохранение?*, где начертание букв в слове *развалить* отражает его семантику, и

Я здоров, но без штанов, где сам плакат создан в форме брюк.

Не обошли оригинальностью и тему современного образования в России. Как отмечает А. Евдокимов, «лидер КПРФ Г. А. Зюганов очень точно подметил, что 700 лет своей тысячелетней истории Россия провела в “боях и походах”. Львиная доля остающихся примерно трехсот лет приходилась на восстановление разрушенного и бесконечные преобразования» [45]. Автор рассматривает крупнейшие периоды реформ в истории России последних трех столетий и предлагает вернуться к старому доброму стратегическому планированию, предложенному коммунистами, с использованием проверенных методов мобилизационной экономики. В статье размещен плакат с митинга против навязываемой современной системы образования. Надпись на плакате *Спасибо за реформу аброразаванея* красноречиво отражает положение дел в этой сфере в современной России.

Надо отметить, что, желая быть незаурядными, некоторые митингующие педагоги используют в составе лозунгов экспрессивную лексику, например: *Чиновники! Хватит кошмарить учителей!* — название плаката с межрегиональной акции «День защиты Учителя» [46]. Лозунг кажется весьма оригинальным за счет включения в него жаргонного слова *кошмарить*, но насколько оправданно его употребление теми, кто «сеет доброе, разумное, вечное», — вопрос открытый.

Хотя после развала Советского Союза его лозунговый арсенал подвергся кардинальной ломке, он не исчез бесследно. Анализ лозунгов современных ПП России показывает, что публицистический арсенал советского периода продолжает привлекать СМИ и все так же способен оказывать воздействие на население.

Наряду с этим отмечается и современное оригинальное языковое словотворчество идеологов той или иной партии, которое помогает им создать новый, яркий, воздействующий образ. Публицистика, соприкасаясь со всеми сферами жизни человека, пытается формировать мысли и чувства аудитории, иными словами — ее гражданскую позицию. В связи с этим хочется привести в пример высказывание лидера КПРФ Г. А. Зюганова: «Пора отказаться от митингов и пикетов на тему «за все хорошее против всего плохого». Каждая акция должна иметь конкретный повод и задачу, понятные лозунги и требования» [47]. И хотя, например, лидеры партии «Единая Россия» считают, что «теперь невозможно одержать победу на выборах, лишь выдвигая лозунги, нужны конкретные дела» [48], коммунисты, рейтинг которых в настоящее время растет, уверены, что «ежедневно быть представленным в СМИ очень важно. “Ни одного дня без инициативы в СМИ, без комментариев к акциям” — это наш основной лозунг» [49].

В заключение отметим, что агитационные тексты, используемые политическими партиями современной России, довольно разнообразны и затрагивают различные сферы жизни общества. Идеологи при помощи институциональных форм общения, к которым относятся лозунги, призывы, девизы, порождают спланированные формулы, предназначенные для вдохновения и побуждения целевой аудитории к определенным действиям.

Примечания

1. Ученова В. В. Публицистика и политика: монография. М., 1979.

2. *Левин Ю. И.* Семиотика советских лозунгов // Ю. И. Левин. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 552.

3. *Позднякова Н. В., Жигулина Д. В.* Советские плакаты в современной коммуникации // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии: колл. монография. Магнитогорск, Грайфсвальд, 2015. С. 150–174.

4. Агитационные материалы для выбора главы Псковской области // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 17 (237), октябрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: [http://kprf-org.ru/archiv/vestnik237/image/Vestnik%2017\(237\)%202014.pdf](http://kprf-org.ru/archiv/vestnik237/image/Vestnik%2017(237)%202014.pdf) (дата обращения: 18.02.2016).

5. Там же.

6. 7 ноября трудовая Россия торжественно отметила 97-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 21–22 (241–242), ноябрь–декабрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik241242/vestnik241242_2.html (дата обращения: 09.10.2015).

7. *Гутенев Д.* Солидарность во имя социализма // Правда. 2015. № 46. 05–06 мая.

8. *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5 000 ед.: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск; Greifswald, 2009. Т. 2. С. 38.

9. *Тхагушев Р., Брагин А.* Первой шагает по стране. Власть и собственность — трудовому народу! // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 9 (253), июнь 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik253/vestnik234_2.html (дата обращения 21.09.2015).

10. *Кожмякин С.* За свободный труд, против капитала // Правда. 2015. № 46. 05–06 мая.

11. *Гутенев Д.* Указ. соч.

12. Отправь правительство в отставку! Надпись на плакате/вкладке, в которой помещена статья А. Коваленко «Поддерживаете ли Вы вотум недоверия правительству Медведева?» [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/https://www.opentown.org/news/20362/> (дата обращения 15.09.2015).

13. *Тхагушев Р., Брагин А.* Указ. соч.

14. Первой шагает по стране. Сводный отчет о праздновании Первой мая в России // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 9 (253), июнь 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik253/vestnik234_2.html (дата обращения: 21.09.2015).

15. Из выступлений на семинаре. В. Н. Федоткин, член ЦК КПРФ, первый секретарь Рязанского обкома КПРФ // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 18 (238), октябрь–ноябрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik238/vestnik238_3.html (дата обращения: 19.02.2016).

16. *Брагин А.* «Пилите, Дима, пилите...». Москвичи на встрече с депутатами коммунистами потребовали отставки российского правительства // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 23–24 (243–244), декабрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik243244/vestnik243244_3.html (дата обращения: 09.10.2015)

17. Медведев, на выход! Название видеоролика с докладом Г. А. Зюганова [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/dep/gosduma/statements/120453.html> (дата обращения: 29.10.2015).

18. Интервью В. Ф. Рашкина журналу «Профиль»: «Мы требуем от президента отставки правительства» // Профиль. 30.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/137861.html> (дата обращения: 29.10.2015).

19. *Алексей Мельников*. «Марш миллионов» в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/blog/2012/05/06> (дата обращения: 03.12.2015).

20. Первомай, Кемеровская область: лозунг митинга «Достойный труд — достойная зарплата!» 01.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://patriot-rus.ru/news/glavnyie-novosti/pervomaj-kemerovskaya-oblast-lozung-mitinga-dostojnyj-trud-dostojnaya-zarplata.html> (дата обращения: 15.12.2015).

21. Резолюция митинга за прямые выборы глав регионов. 30.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-greens.ru/node/856> (дата обращения: 25.09.2015).

22. Антрополог Александра Архипова рассказала о лозунгах городского протеста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/regnews/Moscow/2015/06/02> (дата обращения: 10.06.2015).

23. *Гутенев Д.* Указ. соч.

24. «Нет — узаконенному ркэту на дорогах!». [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/actions/civilresistance/148769.html> (дата обращения: 10.06.2015).

25. *Брагин А.* Указ. соч.

26. Призывы и лозунги к массовым акциям 7 ноября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/actions/kprf/147684.html> (дата обращения: 13.08.2015).

27. *Еркина А.* Заставить власть считаться с народом. Правда. № 134. 03.12.2015.

28. *Тхагушев Р.* Защитить независимость страны может только левый поворот! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik243244/vestnik243244_3.html (дата обращения: 07.11.2015).

29. Об отчете правительства РФ в Госдуме [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik253/vestnik234_6.html (дата обращения: 20.02.2016).

30. Призывы и лозунги к массовым акциям 7 ноября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/actions/kprf/147684.html> (дата обращения: 13.08.2015).

31. Слава Советскому народу — победителю! Вечная память павшим! Фашизм не пройдет! // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 10 (254), июнь–июль 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik254/vestnik254_3.html (дата обращения: 16.09.2015).

32. Первомай, Краснодарский край: на праздничное шествие вышли более 52 тысяч человек. 01.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://patriot-rus.ru/news/glavnyie-novosti/pervomaj-krasnodarskij-kraj-na-prazdnichnoe-shestvie-vyshli-bolee-52-tysyach-chelovek.html> (дата обращения: 29.07.2015).

33. Митинг солидарности с населением Крыма, Севастополя и юго-восточных регионов Украины в столице Кольского Заполярья // Сайт ПП «Справедливая Россия». 12.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_58284.html (дата обращения: 10.12.2015).

34. *Тхагушев Р.* Итоги визита лидера КППРФ в Татарстан // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 10 (254), июнь–июль 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik254/vestnik254_4.html (дата обращения: 21.09.2015).

35. *Гутенев Д.* Указ. соч.

36. Михина О. В. Сопоставительный анализ публицистических арсеналов общественных движений России и Германии // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии: колл. монография. Магнитогорск, Грайфсвальд, 2015. С. 270.

37. Шулежкова С. Г., Осипова А. А. Два пути от невинной любви к Отечеству — патриотизм и национализм (патриотические и националистические лозунги современной России) // Германия — Россия: вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса: колл. монография. Грайфсвальд, 2016. С. 50–63.

38. Газета «ЛДПР». 14.07.2015. № 7. С. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/static/uploads/15c40e63d4_73022015.pdf (дата обращения: 29.09.2015).

39. Там же.

40. Газета «ЛДПР». 27.08.2015. № 9. С. 3 [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/static/uploads/64717e2ecc_09_2015.pdf (дата обращения: 29.09.2015).

41. Лучший город земли: Глеб Фетисов представил свою программу кандидата на выборах мэра Москвы // Сайт ПП «Альянс Зеленых — Народная партия». 09.07.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-greens.ru/node/1447> (дата обращения: 05.10.2015).

42. Демидов А. Санкт-Петербург: профсоюзы договорись о взаимопомощи // Межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель». 01.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagog-prof.org/2015-04-19-12-29-00/2011-08-12-13-31-23/item/448-санкт-петербург-профсоюзы-договорись-о-взаимопомощи> (дата обращения: 10.07.2015).

43. Призывы и лозунги к массовым акциям 7 ноября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/actions/kprf/147684.html> (дата обращения: 13.08.2015).

44. Представители «Красной Москвы — КПРФ» на шествии возмущенных медиков пронесли гроб с надписью «Мне не хватило койко-места» // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 23–24 (243–244), декабрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik243244/vestnik243244_3.html (дата обращения: 30.09.2015).

45. Евдокимова А. «Чтоб мы не жили в эпоху перемен. Публицист Александр Евдокимов о реформах и их последствиях». 20.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/history/soviet/147582.html> (дата обращения: 16.03.2016).

46. Демидов А. В Ижевске педагоги протестовали у дворца [Электронный ресурс] // Межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель». 01.09.2013 URL: <http://pedagog-prof.org/2015-04-19-12-29-00/2011-09-25-08-28-13/item/445-в-ивжевске-педагоги-протестовали-у-дворца> (дата обращения: 16.11.2015).

47. Доклад Председателя ЦК КПРФ на VI (октябрьском) пленуме ЦК КПРФ. Г. А. Зюганов. Положение рабочего класса в России и задачи КПРФ по усилению влияния в пролетарской среде // Вестник организационно-партийной и кадровой работы. Вып. 19 (239), ноябрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik239/vestnik239_2.html (дата обращения: 19.02.2016).

48. «Единая Россия» анализирует работу в условиях политической конкуренции. 03.10.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/news/106624/> (дата обращения: 10.05.2016).

49. Из выступлений на семинаре. В. Ф. Рашкин, заместитель Председателя ЦК КПРФ, первый секретарь Московского горкома КПРФ // Вестник организационно-

партийной и кадровой работы. Вып. 18 (238), октябрь–ноябрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kprf-org.ru/archiv/vestnik238/vestnik238_3.html (дата обращения: 19.02.2016).

Our party is the party of the future! (propaganda materials of the Russian political parties: traditional values and new linguistic trends)

Language is one of the ideology tools that helps to manipulate the masses. In this case, propaganda texts of modern political parties in Russia are very attractive for linguists. The publicistic arsenal of Russian parties and movements is very big. However, not all the parties have successful slogans and appeals that demonstrate the main idea. The article deals with the propaganda texts of the Russian political parties. The author studies slogans, mottoes and appeals that express the main ideological points of the parties. The author analyses slogans of the pre-election campaigns, ruling parties and their opponents. The research also pays attention to labor and peace appeals, slogans that glorify the Great Patriotic War, support the youth, demonstrate the patriotic ideas (including the nationalist slogan *Russia is for the Russian!*) and deal with social problems in our country. The author focuses attention on the original slogan language that creates a game of meanings and associations, and helps political ideologists invent a new suggestive image.

Keywords: slogan, Russian political parties, CPRF, language game.

© Т. Ю. Передриенко
ЮУрГУ, г. Челябинск

Вербализация оценки в экономической терминосистеме

В статье рассматриваются проявление и способы выражения оценочных смыслов в экономической терминосистеме русского языка. Открытость и общедоступность экономической терминосистемы делают ее интересным материалом для изучения. Оценка представляется как неотъемлемая часть процесса восприятия и отражения действительности под определенным углом зрения с помощью специальных лингвистических средств. Оценивание происходит с опорой на индивидуальную или общепринятую оценочную шкалу, на которой определенные значения какого-либо признака соотносятся с нормой. Основаниями оценки, вербализующейся в экономической терминосистеме, являются полезность или неполезность для человека экономического явления или полезность или неполезность его для общества. В статье делается акцент на когнитивный аспект категории оценки, поскольку когнитивная деятельность человека подразумевает познание окружающего его мира и формирование через оценочные суждения отношения к нему. Отмечается асимметрия между положительно- и отрицательнооценочными экономическими терминами. Особое внимание уделяется эксплицитному и имплицитному способам вербализации данной языковой категории и метафоричности экономической терминосистемы. В статье рассматривается роль сочетаемости лексических единиц и контекста при определении оценочного смысла термина.

Ключевые слова: категория оценки, терминосистема, лингвокультура, языковая категория, имплицитность, эксплицитность, оценочная шкала.

Когнитивная деятельность человека подразумевает познание окружающего его мира и формирование через оценочные суждения отношения к нему. Сформированные оценочные суждения находят свое выражение в языке. Поэтому для понимания когнитивных моделей оценочной интерпретации ученым видится интересным изучение языковой вербализации данной категории. Категории оценки посвящены труды таких ученых как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Н. Н. Болдырев, Т. В. Маркелова и др.

Ученые однозначно подчеркивают антропоцентричность данной языковой категории. Н. Д. Арутюнова определяет оценку как категорию, заданную «физической и психической природой человека» [1]. Н. Н. Болдырев отмечает, что в абсолютном смысле вещи не делятся на плохие и хорошие, они выделяются как таковые только в сознании человека, с точки зрения человека и только с помощью и на основе языка [2]. Таким образом, оценка является важной частью картины мира человека, она выражает его отношение к окружающей действительности и вербализуется в языке.

Категория оценки, выраженная в языке, представляет собой «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [3]. Категория оценки может быть выражена на всех языковых уровнях, но основными уровнями, на которых вербализуется категория оценки, являются морфологический и лексический уровни. Поскольку оценочные компоненты являются важной частью коннотативного значения слова. Ю. Д. Апресян дает следующее определение: коннотациями называются несущественные, но устойчивые признаки, которые воплощают принятую в языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности [4].

Способность выражать оценку у лексических единиц разная. В русском языке есть слова, предназначенные для выражения оценки. Есть также лексика, которой оценочность свойственна в меньшей степени или несвойственна совсем. Существует мнение, что термины являются нейтральной лексикой. В лингвистическом энциклопедическом словаре указываются следующие особенности термина: системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля и *нейтральность* [5].

Однако проведенный анализ экономической терминосистемы русского языка показал, что терминам оценочность свойственна.

Для анализа были взяты термины из экономических словарей, находящихся в открытом доступе в системе Интернет: <http://abc.informbureau.com;> <http://www.economyx.ru;>
<http://www.klerk.ru/slovar/econ;> <http://www.consultant.ru;>
<http://economicportal.ru/terms.html>. Каждая терминосистема имеет свои особенности. Особенностью экономической терминосистемы является ее «открытый характер», ее общедоступность, постоянное пополнение, происходящее из-за смены экономических ориентиров и появления новых понятий в данной области [6]. Кроме того, экономика является частью жизни человека, который живет в экономической среде, ежедневно принимает участие в экономической деятельности и использует экономические термины: доходы, спрос, деньги, цены и др. Таким образом, из-за социальной важности данной науки для человека в ее терминологии не может не вербализоваться оценка.

Рассмотрим структуру оценки. Согласно общепризнанной теории, предложенной Е. М. Вольф, в структуре выделяют субъект оценки, объект оценки и «оценочное отношение» [7]. Объектом оценки может стать любое экономическое явление или действие. Субъектом оценки является лицо, дающее оценку экономическому явлению или действию. А «оценочное отношение» появляется после оценки экономического явления или действия субъектом. При оценке субъект использует оценочную шкалу, которая представляет собой сложную структуру. С одной стороны, она учитывает отношение субъекта к объекту оценки (учитываю/не учитываю, принимаю/не принимаю), а с другой стороны, — свойства самого объекта, к которому относится оценка (интересный/неинтересный, правильный/неправильный, полезный/неполезный) [7].

Оценочная шкала может быть индивидуальной или общепринятой. Оценивание происходит с опорой на эту шкалу, на которой определенные значения какого-либо признака соотносятся с нормой [8]. Анализ показал, что основаниями оценки, вербализующейся в экономической терминосистеме, являются следующие представления:

— полезность или неполезность для человека того или иного экономического явления;

— полезность или неполезность для общества того или иного экономического явления.

Рассмотрим лингвистические средства вербализации оценки в экономической терминосистеме. К морфологическим средствам выражения относятся приставки: анти-, без-/бес-, гипер-, не-. При чем одна и та же приставка может выражать и положительную, и отрицательную оценку в зависимости от значения слова, которому она придает отрицательное значение.

+	—
<i>анти</i> трестовое законодательство/ <i>анти</i> монопольное законодательство (законы, способствующие развитию конкуренции)	<i>анти</i> датирование (выдача документа задним числом)
<i>безу</i> быточность (режим хозяйственной деятельности предприятия, при котором доходы, получаемые от деятельности, превосходят расходы)	<i>без</i> надежные долги (часть дебиторской задолженности, получение которой признано невозможным)
<i>бес</i> проигрышный заем (выигрышный заем)	<i>бес</i> прибыльная организация (организация, не ставящая в качестве основной цели своей деятельности получение прибыли)
<i>не</i> облагаемый минимум (минимальный доход, не облагаемый доходом)	<i>не</i> кондиционный товар (товар, не соответствующий стандарту или условиям договора)

На лексическом уровне оценка в экономической терминосистеме вербализуется большей частью через прилагательные. Это происходит потому, что функцией данной части речи является обозначение признака предмета, а указывая признак предмета, легче всего дать оценку. Существует довольно четкое разграничение, через какие прилагательные дается положительная оценка и через какие отрицательная. Положительнооценочная лексика в наших примерах была представлена следующими прилагательными: *идеальный* (идеальный рынок, идеальная конкуренция), *благотворительный* (благотворительные программы), *дешевый* (дешевые деньги), *дружеский* (дружеские векселя), *прогрессивный* (прогрессивная интеграция), *совершенный* (совершенный рынок), *справедливый* (справедливая рыночная стоимость), терпеливый (терпеливые деньги) и другими. Отрицательнооценочная лексика представлена следующими лексическими единицами: *авторитарный* (авторитарный капитализм), *агрессивный* (агрессивные ценные бумаги, агрессивный портфель), *антагонистический* (антагонистическая игра), *же-*

сткий (жесткая экономическая политика, жесткие цены), *злостный* (злостное банкротство), *низший* (низший товар), *негативный* (негативный спрос), *сомнительный* (сомнительные счета) и другими.

Ряд прилагательных нельзя отнести к положительно- или отрицательнооценочной лексике, хотя оценка термином, в котором они употребляются, выражается: *абсолютная* бедность — *абсолютное* преимущество, *добровольная* безработица — *добровольное* страхование, *минимальная* прибыль — *минимальное* отклонение. В данных терминах категория оценки вербализуется семантическими компонентами существительных, а прилагательные выражают градуальность оценочного значения существительного и используются для усиления его выражения. В русском языке достаточно много экономических терминов, в которых оценка выражена семантическим компонентом существительного: базисная *прибыль*, валовая *прибыль*, биржевая *паника*, биржевая *спекуляция*, экономическая *блокада*, денежный *голод* и другие.

Как точно отмечает С. А. Прищепчук, кажется, что признак «хорошо» или «плохо» всегда присутствует в составе оценочного слова как его семантический компонент. Однако у многих слов, включающих оценку, знак не детерминирован, не выражен эксплицитно. Знак «+» или «-» часто нельзя приписать не только отдельным словам, но и словосочетаниям, если они находятся вне контекста [9], а в нашем случае еще и без определения термина. Рассмотрим несколько примеров: *неподвижные вклады* (вклады, по которым в течение длительного срока не совершались операции), *нейтральность денег* (принцип, согласно которому изменение массы денег не оказывает влияния на рынок, а приводит лишь к росту цен), *негативный подоходный налог* (выплата государством субсидий из бюджета низкооплачиваемым слоям населения), *низшее благо* (благо, спрос на которое падает с ростом доходов). Как мы видим, данные экономические термины вне контекста или без определения могут быть непонятны или же неправильно истолкованы из-за входящих в их состав отрицательнооценочных лексических единиц (*негативный*, *низший*) и лексических единиц (*неподвижный*, *нейтральность*), которые на первый взгляд оценку не выражают.

Еще одной причиной сложности определения выражаемой оценки является заимствование термина из другого языка. Если носитель русской лингвокультуры не знаком с языком, из которого

произошло заимствование, то и выраженная в нем оценка не будет для него эксплицитно выраженной. Например: *аномальный свитч* (от англ. switch — переключение — переброска инвестиций из одних ценных бумаг в другие для получения прибыли от аномального изменения конъюнктуры рынка), *аутсайдер* (от англ. outsider — посторонний — лицо, спекулирующее на бирже, но не постоянно), *ауттрейд* (от англ. out-trade — вне торговли — неудавшаяся торговая сделка из-за непонимания сторон), *ажютаж* (от фр. agiotage — возбуждение — рыночная горячка, обусловленная резким изменением конъюнктуры), *гешефт* (от нем. geschäft — подарок — выгодная сделка), *пауперизм* (от лат. pauper — бедный — массовое обнищание) и другие.

Имплицитно выраженная оценка присутствует в экономических терминах с коннотативным использованием прецедентного имени: *неймановский путь* (путь развития экономики, на котором теоретически достигается наибольшая скорость экономического роста), *рейганомика* (экономическая политика США в период президентства Р. Рейгана (1981–1988), была направлена на снижение инфляции и уровня безработицы). Прогрессивный ученый Джон фон Нейман и американский президент Рональд Рейган, внесший большие изменения в экономическую политику страны, поднявший моральный дух американцев, уже имеют оценку своих действий, и теперь они «вносят» эту оценку в тот термин, в котором их имена коннотативно используются.

При анализе экономической терминосистемы нами было выявлено большое количество терминов-метафор (более 120), в которых вербализуется оценка. Термины-метафоры не только называют явление, но и помогают познавать и оценить его. Они выражают оценку эксплицитно через отрицательные или положительные семы лексических единиц входящих в их состав: *рынок-кладбище* (ситуация, когда участники рынка не могут его покинуть) — отрицательная оценка, *налоговый рай* (страна, куда переводят капитал с целью уменьшения налоговых выплат) — положительная оценка; имплицитно, так как образ, являющийся основой метафоры и основанием оценки, не всегда очевиден: *снежный ком* (мошеннический способ рекламной продажи), *снятие сливок* (проводимая предприятиями ценовая политика при введении на рынок нового товара), *жирный кот* (финансовая фирма, получающая сверхприбыли), из-

держки стоптанных башмаков (издержки инфляции, обусловленные уменьшением запаса денег) и другие.

Анализ экономической терминосистемы показал значительную асимметрию между терминами, выражающими положительную и отрицательную оценку. Нами был исследован корпус из 1500 экономических терминов. Категория оценки вербализована в 480, что составляет 32 %; положительная оценка вербализуется в 178 (37 %), а отрицательная в 302 (63 %) терминах. Оценочные термины практически не составляют оппозиционных пар, и их можно противопоставить лишь по вербализации разных оценок.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оценка является важной частью человеческого мышления и вербализуется не только в языке повседневного общения, но и в научном языке. Экономика тесно связана с жизнью человека, именно поэтому большой пласт экономических терминов имеет оценочный смысл. Коннотации, несущие в себе оценочность, как правило, являются результатом соотнесения с национальными стереотипами и фоновыми знаниями в рамках языкового коллектива. В терминах оценка вербализуется эксплицитно и имплицитно, а оценочный смысл большей частью выражается через имена существительные и прилагательные.

Примечания

1. *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984. С. 5.
2. *Болдырев Н. Н.* В поисках оценочного смысла // В поисках смысла. СПб., 2010. С. 37.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://stylistics.academic.ru> (дата обращения: 17.06.2016).
4. *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 163.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/508c.html> (дата обращения: 17.06.2016).
6. *Барabanова И. Г.* Когнитивный аспект современной русской экономической терминосистемы: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 12.
7. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002. С. 12, С. 48.
8. *Колесникова С. М.* Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. М., 2010. С. 118.
9. *Прищепчук С. А.* Особенности воспроизведения оценочной лексики в переводе (на материале политического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. С. 7.

Verbalization of evaluation in economics terminology

The article considers the manifestation and methods of expressing evaluative meanings in Russian economic terminology. Openness and accessibility of economic terminology make it an interesting material for studying. Evaluation is represented as an integral part of the process of perception and reflection of reality under a certain view point with the help of special linguistic means. Evaluation happens basing on individual or generally accepted evaluative scale to which certain values of a feature correlated with the norm. Evaluation verbalized in the economic terminology is based on benefit or disutility of economic phenomenon for an individual or society. The article focuses on the cognitive aspect of the category of evaluation as human cognitive activity involves knowledge of the world around him and the formation of the attitude towards it through evaluative judgments. The asymmetry between positive and negative evaluative terms is noted. Particular attention is paid to the explicit and implicit ways of verbalization of this category and to metaphoricity of economic terminology. The article considers the role of lexical unit compatibility and the context in determining the meaning of evaluative term.

Keywords: category of evaluation, terminology, linguoculture, linguistic category, implicity, explicit, evaluative scale.

© **Е. А. Пирожок**

УрФУ, г. Екатеринбург

Поэтический текст как объект лексико-семантического исследования

Данная статья посвящена выявлению особенностей поэтического текста как объекта лексико-семантического анализа, изучению специфики функционирования слова в поэтическом тексте. С опорой на исследование поэтического текста дается ряд отличий его от текста общелитературного, что позволяет говорить о наличии феномена поэтического текста. Так, поэтический текст обладает большей «несвободностью», чем текст литературный, и это приводит к тому, что в структуре стиха семантическую нагрузку получают элементы, не имеющие ее в обычной языковой структуре. Это позволяет говорить о наличии дополнительной семантики в тексте, за счет чего достигается образность текста. Вторая часть статьи посвящена выделению ключевых аспектов функционирования семантики в поэтическом тексте. На уровне семантики слова особенности поэтического текста проявляются в актуализации и/или приращении необязательных семантических признаков — ассоциативных сем. На уровне парадигматических отношений ярко проявляются полисемия и синонимия. Поэтический текст также может быть рассмотрен с точки зрения теории семантического поля. Все семантические составляющие стихотворного текста, по мнению автора статьи, являются компонентами образного значения.

Ключевые слова: поэтический текст, лексика, семантика, ассоциативные семы, семантическое поле, образность, образное значение.

Данная работа выполнена в теоретических и методических традициях Уральской семантической школы, возглавляемой профес-

сором Л. Г. Бабенко. Цель этой статьи — выявление семантических особенностей поэтического текста, важных для его анализа.

В литературоведческой традиции вплоть до конца XX века поэзия традиционно включалась в литературу как таковую, считаясь ее частью [1]. Но в последнее время стали появляться предположения о том, что поэтические тексты существуют обособленно от литературного процесса как такового. Интересной представляется, например, точка зрения Ю. В. Казарина, который в своей монографии «Поэзия и литература» делает очень смелое заявление касательно границы между литературой и поэзией: «Литература и поэзия — понятия разграниченные, и часто даже поэзия не включается в литературу. Литература — это прежде всего линейное письмо (горизонталь). Поэзия — нелинейное мышление и письмо (вертикаль). Литература состоит из жанров. Поэзия — вне жанра» [2].

Таким образом, становится необходимым пояснить отличие текста поэтического от текста общелитературного. Так, художественный текст, по определению Л. Г. Бабенко — «словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [3].

Вопрос о различиях прозы и поэзии также тщательно прорабатывался не одним поколением ученых-литературоведов. Самой актуальной и выверенной концепцией из существующих представляется концепция Ю. М. Лотмана, представленная в его работе «Структурный анализ текста» [4]. Ю. М. Лотман строит свои рассуждения на тезисе о схожести прозаического языка с языком обыденным, а затем — через понятие «материал искусства» — обращает внимание на различие сфер обыденного и художественного, причем текст поэтический относит ко второй сфере. В понимании Ю. М. Лотмана, язык поэтический является «вторичной моделирующей системой» (в то время как обычный язык является первичным), в которой знак сам моделирует свое содержание; он самой своей формой предлагает адресату поэтического сообщения осоз-

нать причины и следствия выбора именно такого (порой необычного), а не какого-либо иного способа выражения.

Поэтический текст подчиняется всем правилам данного языка. Однако на него накладываются новые, дополнительные по отношению к языку, ограничения: требование соблюдать определенные метрические и ритмические нормы, организованность на фонологическом, рифмовом, лексическом и идейно-композиционном уровнях. Все это делает поэтический текст значительно более «несвободным», чем обычная разговорная речь. Казалось бы, наложение таких ограничений на язык должно было бы привести к снижению информативности текстов данного типа, но, вопреки основным положениям теории информации, информативность текста в поэзии растет за счет того, что а) любые элементы языкового уровня могут возводиться в ранг значимых; б) любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения.

Согласно концепции Ю. М. Лотмана, стихотворение — сложно построенный смысл, и все элементы являются обозначениями одного содержания [5]. Входя в состав единой целостной структуры, значащие элементы языка (в первую очередь семантические) оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенной особую семантическую нагрузку. Слова, предложения и высказывания, которые в грамматической структуре оказываются сопоставимыми и противопоставимыми, в позициях тождества и антитезы, и это раскрывает в них неожиданное, вне стиха невозможное, новое семантическое содержание. Более того, семантическую нагрузку получают элементы, не имеющие ее в обычной языковой структуре [6].

Ю. Н. Тынянов называет возможность такого семантического единства «теснотой стихового ряда». Лексическое значение слов внутри стиха влечет к появлению у соседних слов сверхзначений, невозможных вне данного стихового контекста, что часто приводит к выделению доминирующих в стихе смысловых центров, и, таким образом, стих — это одновременно и последовательность слов, и слово, значение которого отнюдь не равно механической сумме значений компонентов его лексико-грамматического значения. В

ходе изучения литературы по данной проблеме было найдено подтверждение данного положения также в работе Ю. М. Лотмана «Анализ поэтического текста» [7]: «Слово в поэзии крупнее этого же слова в общезыковом тексте». Ю. М. Лотман в своей работе выделяет два статуса слова: слово собственно языка и слово поэтическое (слово в стихотворении), включенное в более обширную, чем в «простом» художественном тексте, систему, которая сама по себе лишь частично реализуется в данном тексте.

Основываясь на вышеперечисленных особенностях поэтического текста, мы можем сделать вывод о том, что стихотворный текст — особая структура, где незначимые единицы могут приобретать семантическую нагрузку, а значимые единицы могут расширять свою семантику, тем самым наделяя поэтический текст большей информативностью.

Говоря о лексическом значении слова, репрезентированном в тексте, мы не можем не обратиться к структуре значения. Наряду с существенными обязательными семами отмечается необходимость рассмотрения несущественных признаков, называемых по-разному: ассоциативные семы [8], или в другой терминологии — потенциальные [9] семантические признаки. Выделение этих признаков чрезвычайно важно потому, что именно они служат чаще всего развитию многозначности, являются основой различных метафорических и метонимических переносов.

Подчеркивая роль ассоциативных сем в составе лексического значения, мы приходим к выводу о том, что ассоциативные семы являются ключевыми средствами для создания образа в поэтическом тексте.

Еще одним средством репрезентации образного значения может служить семантическое поле, которое в лингвистике понимается как «совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия» [10]. Полевой подход к анализу лексической системы языка одним из первых был предложен Й. Триром, который на материале немецкого языка раскрыл внутреннюю форму языка. Он писал, что «исследовать членение поля — значит исследовать в определенных границах кусочек внутренней формы языка и тем самым обнаружить внутреннюю форму языка в известный период» [11]. При этом он выделил «понятийное поле», которое формируется на основе смыслового и по-

нятийного родства слов, которое возникает в сознании человека при произнесении того или иного слова. Такие «понятийные ассоциации» образуют совокупность, представляющую собой расчлененное целое [12], и к такой совокупности можно с уверенностью отнести образ.

Семантическое поле может рассматриваться как средство репрезентации реальности, как лингвистическая категория и как метод описания лексического состава языка. Кроме того, семантическое поле является философской категорией, направленной на познание закономерных связей явлений языковой действительности: «Являясь в таксономическом аспекте категорией высшего порядка, поле выступает в ином плане как метод системно-функционального анализа языка. Интерпретация того или иного фрагмента действительности в виде иерархически организованного в языке семантического пространства представляется наиболее полным и адекватным методом познания мира в важнейших связях его объектов» [13].

Структура семантических полей, как известно, представлена центром и периферией. Как отмечает З. Н. Вердиева, «словесные знаки, в смысловой структуре которых доминирующее положение занимает признак, совпадающий с понятием, интегрирующем поле, образует его ядро. Словесные знаки, содержащие этот признак в субординативной позиции, относятся к периферии поля» [14]. Ядро семантического поля выражает общий с понятием семантический признак. Для выделения периферии семантического поля важно выявить вторичные семантические признаки, которые могут быть определены при помощи контекста [15]. Ядро и периферия являются репрезентантами аксиологических категорий и выступают как овнешнители языкового сознания. Базисное для поля понятие является идеальным элементом, в то время как слова, интегрированные в поле и находящиеся между собой в определенных отношениях, являются материальными воплощениями понятия.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» указаны следующие свойства семантических полей: «Семантические поля характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью поля, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя язы-

ка» [16]. Из указанных свойств семантических полей следует, что они, являясь абстрактной конструкцией, обладают сложной структурой с возможным взаимопроникновением единиц одних классов в другие классы.

Не вызывает сомнения, что единицы языка составляют системы, слова не являются исключением, находясь друг с другом в определенных синтагматических и парадигматических отношениях, они «существуют не изолированно друг от друга, а объединяются в языке, в речи с помощью отдельных значений. Именно поэтому и происходит соединение слов в группы по семантическому сходству, объединение слов по этому признаку в семантические поля. А исследование словарного состава языка с помощью семантических полей дает общее, но в то же время достаточно четкое представление о значениях слов, их взаимодействиях <...> в целостной лексико-семантической структуре языка» [17].

Таким образом, исследование семантического поля дает более широкое представление и о структуре образа, и о его семантике.

Как уже упоминалось ранее, семантическое поле является одним из средств, с помощью которых становится возможным описать образ, так как те понятия, которые включаются в поле, входят в состав образного значения. Словарь синонимов под ред А. П. Евгеньевой так определяет синонимы: это слова, которые употребляются для обозначения одного и того же понятия, получившие совпадение в значении или очень близкие толкования и отличающиеся оттенками значения или коннотативным компонентом.

Считается, что «роль синонимии в русском языке была значительней, чем в других языках, поскольку старославянская языковая стихия, вошедшая в ткань русского литературного языка, преимущественно выполняла экспрессивно-синонимическую функцию, обогащая синонимические ресурсы собственно русского языка, его стилеобразующие возможности» [18]. Русский язык богат синонимами и продолжает пополняться ими, и немалый вклад в этот процесс вносят писатели и поэты, которые не только используют известные языковые ресурсы, но и создают свои. О безграничных возможностях слова в художественной литературе писали многие русские филологи: А. А. Потебня, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, А. И. Новиков и др. Слово обусловлено художественным заданием писателя, оно при-

растает новыми смыслами и начинает жить по эстетическим законам автора. Поэтому, изучая язык художественного произведения и выявляя в нем те лингвистические средства, «посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [19], мы, безусловно, должны обращать внимание на те языковые факты, которые вновь создаются творческой фантазией самих авторов.

Все многообразие функций синонимов может быть сведено к двум основным: семантической и стилистической. Семантические функции заключаются в замещении и уточнении значений слов-синонимов. Функция уточнения — важнейшая функция синонимов. Ее роль существенна в художественном произведении, при создании языковых образов — ярких, запоминающихся. При выполнении функции уточнения может происходить как бы сложение сем, усиливается их воздействие, но семы могут и противопоставляться, дифференцироваться.

Синонимия и полисемия в языке тесно связаны. Так как слова в русском языке могут иметь не одно, а несколько значений, то одно и то же слово может входить с разными значениями разные синонимические ряды, то есть многозначное слово может вступать в синонимические отношения в разных значениях. При этом слова в синонимических рядах могут быть между собой синонимами, а могут и не быть таковыми. Это зависит от того, насколько сильны семантические связи между лексико-семантическими вариантами одного многозначного слова.

Таким образом, на уровне семантики слова особенности поэтического текста прежде всего проявляются в актуализации и/или приращении необязательных семантических признаков — ассоциативных сем. На уровне парадигматических отношений ярко проявляются полисемия и синонимия. Поэтический текст также может быть рассмотрен с точки зрения теории семантического поля. Все семантические составляющие стихотворного текста являются компонентами образного значения.

Примечания

1. Хализев В. Е. Теория литературы: учеб. М., 2002.
2. Казарин Ю. В. Поэзия и литература: книга о поэзии : [монография]. Екатеринбург, 2011. С. 17.
3. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста: учеб. для вузов. М., 2004. С. 49.

4. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. СПб., 1998.
5. *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуская школа. М., 1964. С. 64.
6. Там же. С. 64–65.
7. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха // О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 91–94.
8. *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 103–129.
9. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 14–15.
10. *Вердиева З. Н.* Семантические поля в современном английском языке. М., 1986. С. 4.
11. *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnebezirk des Verstandes: Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Bd.1. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg: Winter, 1931. S. 20.
12. Ibid. S. 7.
13. *Денисенко В. Н.* Семантическое поле «Изменение» в русской языковой картине мира: структурный, функциональный, когнитивный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. С. 96.
14. *Вердиева З. Н.* Указ соч. С. 67–68.
15. *Абрамов В. П.* Семантические поля русского языка. М.; Краснодар, 2003. С. 28.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 381.
17. *Абрамов В. П.* Указ. соч. С. 7.
18. *Брагина А. А.* Синонимы в литературном языке. М., 1986. С. 200.
19. *Будагов Р. А.* Очерки по языкознанию. М., 1953. С. 114.

Poetic text as an object of lexical and semantic analysis

The article focuses on the identification of the features of poetic text and words functions in poetic text, as well as the study of the semantic aspect of the analysis of poetry. The article draws a line between a poetic text and a literary work which suggests the existence of the phenomenon of the poetic text. Thus the poetic text is more "strict" than a literary text, and this leads to the fact that the semantic elements are more fulfilled in the poetic text. This suggests the presence of additional semantics in the text, which gives the imagery of the text. The second part of the article is devoted to the release of the key aspects of semantics in the poetic text. At the level of semantics the features of the poetic text appear in the update and/or augmentation of optional semantic features — associative semes. At the level of paradigmatic relations polysemy and synonymy are developing. It is also interesting to consider the poetic text from the point of view of the semantic field. All semantic components of the poetic text, according to the author, appear to be components of a figurative meaning.

Keywords: poetic text, lexis, semantics, associative semes, semantic field, imagery, figurative meaning.

© Т. Р. Писарская
САУ, г. Санкт-Петербург
Н. Е. Якименко
СПбГУ, г. Санкт-Петербург

К определению понятия *установки культуры* в лингвокультурологии (на материале паремий)

Лингвокультурология является новой развивающейся наукой. На данный момент развития лингвокультурология создает свой понятийный аппарат, свой метаязык, который постоянно пополняется и уточняется. Лингвокультурология как дисциплина, изучающая взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры, фокусирует свои исследования на образных и фразеологических единицах языка. Одной из единиц понятийного аппарата лингвокультурологии является термин *установка культуры*. Статья посвящена уточнению этого лингвокультурологического понятия на материале паремий русского языка, роли паремий в отражении национального сознания, и отражения в них некоторых черт менталитета народа-носителя языка. Национально-культурное представление о той или иной ситуации характеризуется множеством культурных установок, отражая данную ситуацию с разных позиций, в языке национальной лингвокультуры сосуществуют различные, иногда — противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания, которые могут быть вербализованы с помощью различных установок культуры. Специально рассматриваются паремии русского языка, воплощающие установки культуры, репрезентирующие концепт «Семья».

Ключевые слова: лингвокультурология, установка культуры, паремия, концепт, семья.

Лингвокультурология как наука о связи языка и культуры появилась в конце 80-х годов прошлого века и к сегодняшнему дню превратилась в самостоятельную научную дисциплину. В. А. Маслова пишет, что лингвокультурология — это *отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке* [1]. С ней тесно связаны этнолингвистика и социоллингвистика, причем настолько тесно, что это позволяет В. Н. Телия считать лингвокультурологию разделом этнолингвистики. Многие ученые сходятся во мнении, что лингвокультурология обретает свой самостоятельный статус в ряду других дисциплин, что речь может идти о пересечении ряда наук, имеющих общий объект (взаимосвязь и взаимодействие языка, культуры и человека), но предметы исследования у этих наук будут разными [2; 3; 4]. Предметом исследования лингвокультурологии являются

«культурно нагруженные единицы языка, в содержании которых обнаруживается часть, обусловленная особенностями национальной культуры, этнического сознания» [5].

Лингвокультурология как относительно новая наука создает свой понятийный аппарат, свой метаязык, который постоянно пополняется и уточняется. Одной из единиц понятийного аппарата лингвокультурологии является термин *установка культуры*. Е. О. Опарина отмечает, что этот термин — один из наименее определенных и поддающихся формализации» [6]. В числе первоочередных задач, стоящих сегодня перед этой наукой, М. Л. Ковшова выделяет «уточнение методологических предпосылок, на основе которых может быть разработан метаязык лингвокультурологии, понимаемый как ключевые термины для решения новых задач: *культура, установки культуры, текст культуры, тезаурус культуры, симболарий культуры* и др.» [7].

Лингвокультурология как дисциплина, изучающая взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры, фокусирует свои исследования на *образных и фразеологических* единицах языка. Именно система образов, закрепленных в языковой семантике, является *зоной сосредоточения культурной информации* в естественном человеческом языке [8]. Ассоциативно-парадигматические связи в устойчивых словосочетаниях, обозначающих концепты культуры, интерпретируются через *коннотации*. Понятие *культурной коннотации* является ключевым в работах лингвокультурологического направления во фразеологии [9]. В лингвокультурологической парадигме исследование содержания культурной коннотации видится в «ценностно осмысленных **установках культуры**, т. е. ментальных предскрипциях (предписаниях), оценивающих социальные и духовные практики человека» [10]. Язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и *установки культуры*: через него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа или отдельных его социальных групп из поколения в поколение [11]. Культурно-национальные *установки* обычно не носят «абсолютного» характера. Это означает, что в пределах одной лингвокультурной общности сосуществуют различные, иногда — противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания [12].

Установки культуры — это своего рода «идеалы, в соответствии с которыми личность (предмет, явление) квалифицируется как

«достойная/недостойная». Вырабатываются они на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывается в социальной памяти и формирует установки. Помимо прочего нас отличают от животных правила и установки, о которых мы договорились друг с другом. Именно они отделяют нас от бездны хаоса, упорядочивают нашу жизнь, поэтому их нужно соблюдать» [13]. Социальная память народа, формирующая установки культуры, ярче всего представлена в паремиях национального языка. Кроме того, паремиологический фонд любого языка относится к языковым источникам культурной коннотации, поскольку «большинство пословиц представляют собой стереотипы и прескрипции народного самосознания» [14]. С одной стороны, типичность обиходно-бытовых ситуаций, отображенных в паремиях, стереотипный или «эталонный» характер их образных оснований делают их знаками языка культуры: они сами обретают стереотипное, эталонное или символическое прочтение, с другой стороны, пословицы и поговорки являются репрезентантами так называемого «обыденного» сознания», «практической» философии народа. Именно эта особенность, т. е. одновременная принадлежность языку и культуре, дают возможность выделить на их основе *установки культуры*, т. е. вербализовать культурный смысл, выраженной одной или несколькими пословицами.

Так, мы можем выделить ряд паремий русского языка, воплощающих установки культуры, (УК) репрезентирующие концепт *семья*. Можно выделить паремии, в которых отражено отношение народа к семье вообще. Так, УК **Все семьи разные** репрезентирована паремией *В каждой избушке свои погремушки (поскрипушки)*. УК **У человека должна быть семья** может быть представлена следующими единицами: *Не женат — не человек; С мужем — нужна, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой — хоть волком вой; Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться; Когда нет семьи, так и дома нет; Земля без воды — мертва, человек без семьи — пустоцвет; Семья — опора счастья*. В русской лингвокультуре можно выделить следующие установки культуры, касающиеся семьи и взаимоотношений в ней: **Измена разрушает семью**: *Жить было в совете, да разные дети; Знаться с кумой, расстаться с женою; Отец был Флор, а детки — Петровичи; Главой семьи является муж*: *Не петь куре петухом, не быть бабе мужиком;*

Жена верховодит, так муж по соседям ходит; Хорошая семья живет в ладу, согласии и любви: На что и клад, коли в семье лад; Семья крепка ладом; Где совет, тут и свет, где любовь, там и Бог; Где мир да лад, там и божья благодать; Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры там только лишь вздоры. Хорошей считается та семья, в которой всем хорошо: *Семья — печка: как холодно — все к ней собираются; В семье и смерть добро, на чужбине и жизнь худо; В семье и смерть красна; Вся семья вместе, так и душа на месте; В родной семье и каша гуще; В семье и каша лучше естся.* То есть, можно выделить следующую УК **Семья обеспечивает душевный и физический комфорт каждому ее члену.**

Более шестисот паремий, выписанных нами из словаря пословиц В. И. Даля, характеризуют в русском языке отношения в семье и к семье, что свидетельствует, на наш взгляд, о важности данной установки культуры для национального сознания.

Противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания проявляются посредством аксиологической оценки, заключенной в паремии. В ряде паремий содержится только утверждение о сходстве двух объектов, а хорошо это или плохо — может прояснить только ситуация употребления. Так, с одной стороны: *Дети — главное в жизни родителей: Дом с детьми — базар, без детей — могила; Жена без детей — пустая бочка с тряпками; Детей нет — жена пустоцвет; Семья без детей, что часы без гири,* а с другой: *Дети — это горе: без детей горе, а с детьми — вдвое.*

Национально-культурное представление о той или иной ситуации характеризуется множеством культурных установок, отражая данную ситуацию с разных позиций, в языке национальной лингвокультуры сосуществуют различные, иногда — противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания, которые могут быть вербализованы с помощью различных установок культуры.

Примечания

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. М., 2004.

2. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб., 2009.

3. *Ипанова О. А.* Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

4. *Трущинская А. С.* Лексико-фразеологическая объективация концепта *семья* в русском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

5. *Сабитова З. К.* Лингвокультурология: учебник. М., 2013.

6. *Опарина Е. О.* Установка культуры и диапазон метафоризации // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв.ред. В. Н. Телия. М., 2004.

7. *Ковишова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М., 2012.

8. *Опарина Е. О.* Язык и культура. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия: сб. обзоров [Электронное издание]. М., 1999.

9. *Ковишова М. Л.* Указ. соч.

10. *Телия В. Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004. С. 19–30.

11. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. М., 1999.

12. *Опарина Е. О.* Указ. соч.

13. *Маслова В. А.* Указ. соч.

14. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М., 1996.

To the definition of the concept 'cultural set' in cultural linguistics (exemplified in paroemia)

Cultural linguistics is a new developing science. At the moment it is creating its own conceptual construct, a meta-language, which is constantly updated and refined. Cultural linguistics as a discipline studying the interaction and interinfluence of language and culture, focuses on the figurative and phraseological units. One of the units of the conceptual construct of cultural linguistics is the term cultural set. The article is devoted to elaboration of the specified concept exemplified in Russian proverbs, the role of the proverbs in the reflection of national consciousness and the image of certain features of the mentality.

Keywords: cultural linguistics, cultural set, proverbs, concept, family.

Эмоциональная и социальная семантика слова: векторы пересекваемости¹

В статье рассматривается взаимодействие лексико-семантических классов слов, относящихся к эмотивной и социальной лексике. Регулярное совмещение этих классов находит отражение в идеографических словарях, создаваемых коллективом под руководством Л. Г. Бабенко. На материале лексики поведения анализируются словарные толкования единиц, в которых отражается принадлежность слова к двум таксономическим зонам и в которых эмоции описываются в аспекте их социальных проявлений. Ставится вопрос о том, каким образом совмещение значений может быть отражено в словарных дефинициях. Связь эмоциональной и социальной семантики проявляется также на уровне сем, которые носят имплицитный характер и обнаруживаются благодаря контексту. В качестве примера имплицитной семы рассматривается сема социального статуса лица. Характеризуются отрицательные номинации лица, в которых эмоционально-оценочное значение обусловлено наличием социального компонента. Использование отрицательных номинаций лица в речи связано с понижением значимости, принижением какой-либо роли адресата, резком увеличении дистанции между адресантом и адресатом речи, что формирует эмоциональные смыслы унижения, оскорбления, презрения. Фасетный подход к идеографической классификации позволяет показать многомерность и гибкость лексико-семантической системы.

Ключевые слова: эмоции, социальный компонент, семантика, пересекваемость классов слов.

Одной из основополагающих идей, развиваемых научным коллективом под руководством Л. Г. Бабенко, является идея пересекваемости лексических парадигм, нашедшая отражение как в теоретических работах, например, в монографии «Русская глагольная лексика: пересекваемость парадигм» [1], так и в лексикографических проектах. Если вспомнить историю создания идеографического словаря русских глаголов, стоит заметить, что в проспекте этого словаря [2] использовалась словарная помета «совм.» (совмещенное), от которой авторы впоследствии отказались, однако идея пересекваемости классов воплотилась не только в глагольном словаре, но и в других словарных проектах.

Мысль о пересечении лексико-семантических классов слов звучала еще в монографии Л. Г. Бабенко «Лексические средства вы-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

ражения эмоций»: «Эмотивная лексика в целом обнаруживает слабые центробежные и сильные центростремительные силы. Она пересекается с лексикой самых разных семантических групп, в том числе с лексикой уничтожения/разрушения, движения, качества, физиологического состояния и болезни, температурных характеристик, отделения/разделения» [3].

В монографии «Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм» Л. Г. Бабенко обращается к исследованию глаголов комплексной полипропозитивной семантики, которые распределяет по двум классам: глаголы с включенной и совмещенной пропозицией. Характерной особенностью и результатом включения и совмещения пропозиций является пересекаемость глаголов с другими глагольными классами, т. е. один и тот же глагол способен входить в две и более ЛСГ. Л. Г. Бабенко так объясняет когнитивную сущность подобных процессов: «Семантика полипропозитивных глаголов содержит знания о регулярных связях различных процессов в действительности и, следовательно, о пересекаемости концептосфер. Это обусловлено тем, что их семная структура содержит информацию о двух и более концептах, каким-либо образом соотношенных и связанных. Можно предположить вследствие этого, что полипропозитивные глаголы поликонцептуальны» [4]. Именно сложная полипропозитивная семантика глаголов обуславливает пересекаемость классов слов и затрудняет их однозначную отнесенность к той или иной группе слов.

В рамках данной статьи остановимся на пересекаемости классов слов, входящих в семантические группы «Эмоции» и «Социальная сфера жизни человека». Эта пересекаемость, естественно, регулярно обнаруживается в контекстах, когда явления социальной жизни человека получают эмоционально-оценочное осмысление, например:

Для меня Родина — не только страна, где я родился, но и эпоха, в которой я вырос и жил. И меня невольно охватывает ностальгия по невозвратно миновавшему времени «поющих шестидесятых», поре недолгих юношеских надежд, короткой хрущевской оттепели и первой волны гласности, вызвавшей к жизни среди прочего такое странное явление, как авторская песня, охватывает печаль по ушедшим из жизни друзьям (А. Городницкий).

Возможны и случаи совмещения эмоционального и социального компонентов значений, которые получают отражение в словарных толкованиях. Например, синонимический ряд с доминантой

«лицемерие» зафиксирован в группе «Неискренность», входящей в денотативную сферу «Эмоции», и в группе «Честное и нечестное поведение человека», относящейся к денотативной зоне, обозначенной как «Социальная сфера жизни человека». Включение данных единиц в обе группы представляется вполне оправданным и обусловленным комплексной семантикой, зафиксированной и в толкованиях традиционных словарей, ср.: лицемерие — ‘поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью’ [5].

Пересечения эмоционального и социального охватывают целые семантические классы. Например, в сфере «Эмоции» выделяется класс «Смелость — трусость». Можно предположить, что лексические единицы, соотносимые с семантикой трусости и содержащие в своих значениях компоненты *страх*, *боязнь*, в большей степени связаны с эмоциональным состоянием человека, чем их оппозитивные корреляты *смелость*, *храбрость*, *героизм*, *мужество*, *отвага*, *удаль*, имеющие социальный смысл. Это предположение находит свое подтверждение в контекстах, где такие имена качеств, как *храбрость*, *героизм*, *мужество* соединяются с социальными смыслами выполнения долга, борьбы, испытаний. Вместе с тем и то, и другое качество (трусость и смелость) имеют и психофизиологическую основу, проявляются в поведении и речи, и даже могут рассматриваться как свойства, присущие человеку изначально:

«И вот, представь себе, ген, ответственный, например, за голубую окраску радужной оболочки, находится непосредственно рядом с геном, обуславливающим трусость или мужество!» (Л. Улицкая).

Все эти факторы определяют сложности в работе лексикографа, которому необходимо дать такое толкование значения, отражающее комплексность семантики слова и отвечающее требованию полноты и достаточности. Справедливо критикуя замкнутый круг в толкованиях слов, называющих эмоции или характеризующих черты характера человека, И. М. Кобозева и Н. Ю. Лукашевич предлагают описывать такие имена через шаблоны поведения. Вводя термин «шаблон» для описания слов, называющих черты характера, И. М. Кобозева и Н. Ю. Лукашевич пишут о том, что шаблон поведения представляет собой естественно-логическую импликацию типа: если человек с чертой характера X оказывается в ситуации типа Y, то он с высокой вероятностью проявляет поведение типа Z. В онтогенезе шаблоны поведения, по-видимому, усваиваются вме-

сте с соответствующими словами, представленными в контексте «лучших примеров», т. е. описаний ситуаций наиболее яркого проявления данной черты характера. Для установления шаблонов поведения, как и других стереотипов, по мнению И. М. Кобозевой и Н. Ю. Лукашевич, могут быть использованы как экспериментальные методы на ономаσιологическую пригодность слова, так и методы семантического анализа, основанные на анализе репрезентативной выборки контекстов и сочетаемости исследуемых единиц. В результате авторы предлагают давать толкования, аналогичные тому, что приводится для слова «откровенный»:

Человек X — искренний = если X говорит о своих чувствах, желаниях, убеждениях или демонстрирует их своими действиями, то X действительно имеет соответствующие чувства, желания или убеждения и демонстрирует их не для того, чтобы получить выгоду для себя. Такой человек, например, если во время чествования известного артиста подходит поздравить юбиляра, то не «по служебной необходимости», а потому что действительно восхищается его талантом; если называет себя другом, то не перестанет общаться с человеком потому, что узнал, что родственник того сидел в тюрьме; признается в любви объекту своих чувств, даже если знает, что скорее всего будет отвергнут; если вступает в какую-либо политическую партию, то потому, что разделяет ее взгляды [6].

Как видно из приведенного примера, эмоциональное описывается через социальные проявления, сущности внутреннего мира человека способны определять социальное поведение человека.

Однако в словарях наблюдается также противоположная тенденция, когда при семантизации социальных понятий лексикограф окружает их эмоционально-оценочным фоном, например, в толковании синонимического ряда ставленник, книжн. креатура, книжн. протеже (‘тот, кто получил место, должность с помощью какого-либо влиятельного лица, воспользовался чьим-либо покровительством’) в словаре синонимов в специально выделенной зоне прототипа содержится следующее указание: Человек, который получает место благодаря протекции, часто демонстрирует личную преданность влиятельному лицу. Такой человек и его поведение обычно оценивается отрицательно.

Итак, словарные толкования свидетельствуют о взаимодействии эмоциональных и социальных составляющих значений. Как показывают статистические данные, такое взаимодействие в наиболее явном виде обнаруживается на уровне пересечения семантической группы «Поведение человека и морально-нравственная оценка поведения» со сферой «Эмоции». Например, по данным

словаря-тезауруса синонимов русской речи, синонимические ряды таких идеографических групп сферы «Эмоции», как «Неприязнь», «Презрение», «Унижение», «Привычка», «Дружелюбие», «Отчуждение», «Враждебность», «Одобрение», «Уважение», «Воля», «Стойкость», «Смелость», «Удаль», «Трусость», «Забота», «Жестокость», представлены в группах, обозначающих поведение человека. В то же время лексические единицы социальной сферы, например, синонимы группы «Социальное взаимодействие» и «Социальное противодействие» пересекаются со сферой «Эмоции». Проиллюстрируем это конкретным примером. Доминанта синонимического ряда слова «ссора» определяется в традиционных толковых словарях через идентификатор «состояние» («состояние взаимной вражды»), что позволяет включать слова этого ряда в сферу «Эмоции». «Ссора» предполагает и определенные действия, связанные с противостоянием, борьбой, конфликтами. Некоторые контексты явно свидетельствуют о социальной сущности ссоры при подавлении эмоционального содержания: *«...где я только ни бываю, почти везде царят несогласие, раздор, неверие, ссоры или полный разлад, совсем нет прежней патриархальной жизни, нигде нет ничего отрадного»* (о. Иоанн Кронштадский). В других контекстах, напротив, преобладает эмоциональная составляющая: *«Он несколько раз пытался со мной объяснить, я вижу, он страдает из-за нашего разлада, но я ничего не могу с собой поделать»* (Л. Улицкая).

Связь эмоционального и социального проявляется не только на уровне компонентов, получающих экспликацию в словарных толкованиях, но и на уровне тех сем, которые носят имплицитный характер.

Социальный компонент значения может быть обусловлен статусом лица, когда между участниками обозначенной словом ситуации устанавливаются иерархические отношения. Например, *дерзить* предполагает, что статус субъекта ниже статуса адресата [7]. Если подобные иерархические семы попадали в поле зрения ученых и лексикографов (см. работы И. Е. Кима, В. И. Карасика, Л. П. Крысина), то конвенции социального поведения, имплицитированные в значение слова, не всегда осмысляются и требуют реконструкции значения, например: глагол *пожаловать*, входящий в синонимический ряд *приходить, прибывать, являться* и др., нейтрализуя компоненты «цель» и «место», актуализирует социальные

признаки значения: нанесение визита, отношение к прибывшему (уважительное или, напротив, неуважительное).

Эксплицитно выраженный статусный компонент значения не обязательно ведет к наличию эмоционального содержания. Чаще всего номинации лиц по социальному статусу используются в функции референции лица и фиксации его социальной роли в той или иной ситуации (*Со словами напутствия выступил глава администрации Железнодорожного района*). Если в качестве предиката выступает слово, называющее лицо по поведению, то совмещение эмоционального и социального становится неизбежным: *«Бухарин был объявлен изменником Родины, предателем революции, шпионом иностранных разведок и заклеямен изобретенным еще для Троцкого определением — «враг народа» (Б. Ефимов)*. В приведенном примере мы видим соединение именных групп, образующих семантико-синтаксический кластер, наделенный эмоционально-оценочными смыслами. Социальный компонент скрыт в значениях таких единиц, которые Л. Г. Бабенко называет имплицитными (скрытыми) включенными предикатами эмоций с дифференциально-эмотивной лексической семантикой (например, *изменник, предатель, шпион*).

Использование таких единиц, как *нахал, хам, мразь* и др. пейоративных номинаций осуществляется при коммуникативном действии «унижение», всегда связанным с понижением социального статуса, который говорящий оценивает как не соответствующий своему социальному статусу. В высказываниях, содержащих такие слова, доминирующей интенцией говорящего является выражение презрения к адресату (об этом, в частности, свидетельствуют и соответствующие пометы в словарях). По словам Т. А. Быченко, «воздействующим стимулом презрения является некоторое действие, составляющее конкуренцию/соперничество субъекту либо не соответствующее стандартам цивилизованного поведения. Он оценивает данное действие как враждебное и неприемлемое. Объект презрения обесценивается в глазах субъекта, при этом одновременно возрастает собственная значимость субъекта, его превосходство над объектом презрения» [8]. Пониженная статусная оценка сочетается с враждебными эмоциями разной степени силы (презрение, пренебрежение, демонстрация неуважения).

Приведенные примеры взаимодействия эмотивных и социальных компонентов на уровне прагматических компонентов значения показывают, что в этом взаимодействии ведущую роль выполняют эмотивные компоненты, которые обусловлены наличием в значении имплицитного указания на социальный статус лица.

В свою очередь, сложность эмоциональной палитры и разнообразие тех эмоциональных состояний и качеств, которые отражены в лексике эмоций, связаны с фокусировкой на внешних проявлениях эмоций, на сложном переплетении эмоционального и социального, отображенного именами свойств, качеств, отношений (например, такими как *дружба, вражда, ссора*). Фасетный принцип классификации, используемый в идеографических словарях коллектива под руководством Л. Г. Бабенко, позволяет увидеть комплексность, разветвленность, гибкость этой системы пересекающихся классов слов, что определяет широкие возможности выражения разнообразных семантических и прагматических контекстных смыслов.

Примечания

1. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.
2. Толковый тематический словарь русских глаголов: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1992.
3. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
4. Бабенко Л. Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. С. 47.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.
6. Кобозева И. М., Лукашевич Н. Ю. Универсальный семантический базис сопоставительного изучения лексики // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 57.
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2004. С. 246.
8. Быценко Т. А. О когнитивной основе реализации экспрессивов презрения // Культура народов Причерноморья. 2006. Т. 1. № 82. С. 51.

Overlapping emotional and social semantics of words

The article discusses interactions between lexical and semantic classes of emotive and social words. Ideographic dictionaries created by the team of Ludmila Babenko demonstrate regular overlapping of these word classes in the Russian language. The article focuses on the words describing behavior and analyzes their dictionary definitions, which show that words can belong to two taxonomic zones and describe emotions through their social manifestations. The question which is discussed in this article is how such overlapping of meanings can be reflected in dictionary definitions. Connection between the emotional and social semantics also manifests itself on the level of semes,

which are implicit and are revealed through the context. An example of such implicit seme can be a seme of the person's social status. In a negative nomination of a person, emotional and evaluative characterization is determined through the social component. Negative nominations of persons in speech are associated with denigration, depreciation of their role and a sharp increase in the distance between the speaker and the addressee, which creates emotional meanings of humiliation, offence, and disdain. The faceted approach to ideographic classification brings to light the diversity and flexibility of the lexico-semantic system.

Keywords: emotions, social component, semantics, overlapping of word classes.

© Н. В. Позднякова

МГТУ им. Г. И. Носова, Магнитогорск

Роль советских агитплакатов в современной коммуникации¹

Современная коммуникация невозможна без плакатов, степень воздействия которых зависит не только от таланта художника, вложившего смысл в рисунок, но и от семантики языковых единиц, являющихся неотъемлемой частью визуального образа, от их графического и синтаксического оформления.

Образцами являются советские агитационные плакаты, которые используются до сих пор, во-первых, из-за узнаваемости визуального образа; во-вторых, из-за их счастливо сложившихся судеб в коммуникативном пространстве советской эпохи. Автор статьи на примере самых популярных плакатов «Ты записался добровольцем?» и «Родина-мать зовет!» рассматривает различные сферы использования визуальных средств в современном дискурсе. При этом содержание плакатов подвергается разнообразным изменениям: трансформируется или сам центральный образ, или надпись на плакате, или же в изображение привносится дополнительная атрибутика (в том числе за счет цвета), отражающая ту или иную сферу употребления визуального средства. Автор, анализируя варианты советских плакатов, ставших инструментом современной идеологии, приходит к выводу о том, что они не обладают суггестивной силой «подлинников», т. к. не соблюдается синхронный эстетический код, позволяющий правильно декодировать содержание сообщения.

Ключевые слова: агитплакат, советский плакат, «Ты записался добровольцем?», «Родина-мать зовет!», коммуникативное пространство, политехнологии.

Современные политехнологии не могут обойтись без различных визуальных средств, среди которых агитплакат до сих пор сохраняет видное место. Это обусловлено главной функцией плаката — его воздействием на широкие массы: он может обращаться ко всем сразу или к каждому в отдельности.

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001a(м)).

Важнейшими приемами, обеспечивающими успешность плаката, являются: 1) *однозначное толкование образов*, способствующее созданию необходимого пропагандистского эффекта. «Информационная избыточность, присущая любому сообщению, в художественном произведении направлена на порождение множества возможных миров, а в агитплакате — наоборот, направлена на устранение любой возможности неоднозначного толкования» [1]; 2) *масштаб образов*. Размер образа зависит от значения, а не подчиняется законам перспективы; 3) *месторасположение*. На первый план обычно выдвигается наиболее значимая фигура, что подчеркивается ее статичностью и пропорцией; 4) *фон*, который сам по себе несет немалую смысловую и семантическую нагрузку; 5) *динамика плаката*, которая имеет несколько функций. Во-первых, это направление движения во времени: будущее — это направление слева снизу в правый верхний угол, прошлое — это направление справа налево. Во-вторых, динамика изображения задает рассказ, создает сюжет, хотя сюжет не обязательно должен быть нарративом [1].

Общие требования к агитплакату — убедительность, доступность, мобилизационный заряд — касаются и плакатного слова, являющегося ключом для интерпретации визуального образа. Текст политического плаката — это коммуникативно направленная структура, организованная по законам политической коммуникации и направленная на эффективное идеологическое воздействие, поэтому его язык должен быть известен и понятен каждому.

К сожалению, современные агитплакаты зачастую похожи один на другой, как близнецы, и не могут претендовать на роль образца плакатного искусства (подробнее об этом см. [2]), хотя с начала XX в. в силу идейной направленности и высокого художественного исполнения плакат был передовым массовым средством агитации и политико-просветительской работы. Управление массами было возможным благодаря главным чертам политического плаката — лаконизму, условности изображения, четкости силуэта, доступности изготовления и тиражирования. В беспокойное время это визуальное средство играло роль оратора, призывавшего к немедленным действиям.

Многие советские плакаты не стали просто однодневками, использованными в политических целях, а закрепились в истории как

образцы плакатного искусства. Художники, принявшие Советскую власть и ставшие впоследствии классиками советского политического плаката, освоили весь спектр плакатных жанров, экспериментируя с набором визуальных образов, с вербальными формами, с цветовыми решениями, что и позволило им создать агитплакаты, которые не устарели и остаются актуальными в настоящее время.

Советские агитационные плакаты — «излюбленное» визуальное средство в современной коммуникации, в том числе политической, что обусловлено в первую очередь узнаваемостью образа и его счастливо сложившейся судьбой. Самыми популярными, часто подвергающимися трансформации, являются плакаты «Ты записался добровольцем?» и «Родина-мать зовет!», потому что их воздействующая функция достигается при помощи непосредственного обращения к адресату обобщенного образа, «архетипа», а использованный прием метонимии позволяет абстрагироваться от индивидуальных черт персонажа.

Сферы использования советских агитплакатов в современной коммуникации очень разнообразны. Рассмотрим самые распространенные. Во-первых, это коммерческая реклама. Плакаты, ранее призывавшие сплотиться и дать отпор врагу, в настоящее время чаще всего встречаются в рекламе увеселительных заведений, товаров (ярмарок одежды и обуви, стиральных порошков, бытовой техники и др.); услуг (работа с дизайн-проектами или в индустрии бизнеса); различных мероприятий (спортивных, развлекательных) и т. д. в виде листовок и баннеров на улицах городов. Это происходит несмотря на то, что использование образов красноармейца и Родины-матери в коммерческих целях является нарушением закона о рекламе, запрещающего воспроизведение брэндов, связанных с культурным наследием страны [3]. Тем не менее образы красноармейца или Родины-матери становятся неизменным элементом таких коммерческих вариантов советских агитплакатов.

Во-вторых, сфера социальной рекламы. Одна часть плакатов, функционирующих в данной области, призывает население вести здоровый образ жизни, беречь семейные ценности, содержать город в порядке, проявлять гражданскую активность в борьбе с преступностью, другая выступает в роли информационного средства в сфере ЖКХ с целью осведомления населения о задолженности по оплате коммунальных услуг. Зачастую обязательным элементом, способст-

вующим воздействию призыва на адресатов, здесь также неизменно выступают образы главных героев советских агитплакатов.

В-третьих, религиозная сфера. К сожалению, приходится констатировать, что трансформированные советские плакаты, функционирующие в интернет-пространстве, используются для разжигания религиозной нетерпимости. Так, например, большевистский плакат Д. Моора «Ты записался добровольцем?» призывает к вступлению в военно-политическое движение, ср.: «Ты записался в Талибан?». Плакат «А ты, неверный свинья уважаешь мои религиозные чувства??» [орфография и пунктуация сохранены — Н. П.] отражает религиозную нетерпимость к представителям иной религиозной конфессии. В обоих примерах облик героя советского плаката изменен за счет одежды, позволяющей безошибочно определить его принадлежность к исламской религии, причем во втором примере для большей достоверности изменены цвет одежды (с красного на черный), расположение текста, аннулирован фон плаката (дымящиеся фабрики заменены на белый «задник»). Однако исходный субъект воздействия прочитывается легко посредством использования узнаваемого мооровского лица и текста на русском языке. В интернет-пространстве функционирует плакат и с православным священником «Ты записался в православные?», при этом российский герб в качестве кокарды на камилавке, зажженная свеча в руке вместо оружия и маковки церкви на фоне мооровских фабрик свидетельствуют о перерождении плаката в антиплакат. Ср.:

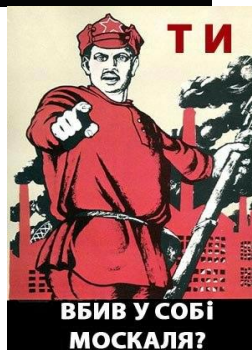
В-четвертых, самыми растиражированными являются трансформации советских агитплакатов, используемые в политической сфере коммуникативного интернет-пространства. Например, пла-

кат «Ты записался добровольцем?» использовался на Украине в период оранжевых революций.

Так, Н. Я. Азаров, в 2001 г. возглавлявший «Партию регионов» на Украине, в образе бойца-красноармейца призывает соратников перечислять свою заработную плату в качестве членских взносов в фонд партии. А образ В. Ф. Януковича, вопрошающий на плакате «А ты легитимный?», передает политическую ситуацию на Украине, когда в ходе кризиса 2013–2014 гг. президент фактически был отстранен от власти и признан нелегитимным.

Русско-украинский политический конфликт породил целый ряд визуальных средств. На плакатах изображены ведущие политики Украины (А. П. Яценюк, П. А. Порошенко, А. В. Турчинов), призывающие украинский народ на вооруженную борьбу против самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик, а также против военной агрессии России. Однако фон одного из плакатов (вырытые могилы для массовых захоронений) и текст другого («Ты записался в биомассу?») передают отношение блогеров (а именно в интернет-сообществах функционируют данные варианты) к государственной политике: «В Одессе бойцов украинской армии хоронят как хирургические отходы. Родственникам погибших заявляют о том, что солдаты пропали без вести или дезертировали. Делается это для того, чтобы не выплачивать компенсации и скрывать реальное количество потерь. “ЕдЬНопатриоты”, которые кричали про “биомусор” и “колорадов-недолудей”, сами оказались для своего государства всего-то навсего “хирургическими отходами»» [4]. А за словом «Ти вбив у собі москаля?» прочитываются строки из песни Ореста Лютия: «В собі ти москаля убий / Убий в собі ти москаля!!!».

Интересно, что из более 50 вариантов плаката «Ты записался добровольцем?», которые мы обнаружили, лишь плакат «А ты стал участником народной инициативы?» стал единственной реальной трансформацией (в противовес антиплакатам). От первоисточника в нем остались указующий жест, красный цвет и форма построения текста.

Плакат «Родина-мать зовет!» также активно употребляется в качестве визуального средства воздействия на электорат в предвыборных гонках российских и украинских политиков. М. Маркив — автор «переделки» плаката И. Тоидзе — изобразил в руках Родины-матери предвыборную листовку претендента на пост Президента Украины Александра Ткаченко, представленного на пресс-конференции III Съезда Партии Национального спасения Украины в июле 1999 г. Другой плакат в роли Родины-матери представляет Ю. Тимошенко, призывающую голосовать за политическую партию «Батьківщина». Однако в предвыборной борьбе чаще встречаются варианты, созданные при помощи так называемых «грязных» технологий.

Например, накануне досрочных выборов мэра Киева в 2014 г. на центральных улицах города появились плакаты с изображением в роли Родины-матери депутата от политической партии «Батьківщина» А. В. Кужель, обращающейся к А. П. Яценюку: «Арсений, беги домой, кушать супчик». На тот момент ее кандидатура еще не была утверждена, но «красной нитью» проходила установка, что это «единственный кан-

дидат в мэры Киева от объединенной оппозиции» [5]. Саркастическая надпись на плакате, адресованная Яценюку, связана, по-видимому, с непростыми взаимоотношениями между политиками, однако имя «автора» данного плаката и политические силы, ставшие инициаторами его появления, остались неизвестными.

Плакат «Родина-мать зовет!» вовлечен и в российские политические баталии. Так, в 2011 г. во время парламентских выборов в Государственную думу VI созыва в Интернете появился плакат, изображающий председателя партии «Правое дело» М. Д. Прохорова в образе Родины-матери. Использование тоидзевского образа и текста «Я смог. Ты сможешь...», несущего неодно-

значные смыслы, можно определить как «политический стеб», призванный дискредитировать претендента.

Суггестивная сила плаката И. Тоидзе часто воодушевляет различные современные политические движения и сообщества, например, для привлечения граждан на массовые мероприятия, такие, как акции протеста или референдумы. Более того, образ Родины-матери активно используется ультраправыми движениями России и Украины. Например, в сети Интернет активно действует

сообщество, пропагандирующее проведение референдума по вхождению Российской Федерации в состав Украины [6]. Противоположные настроения отражает плакат с лозунгом, обращенным к «каклам и укропам» (*укроп* — пренебрежительное обращение к украинцам, которые поддерживают новую власть и ориентацию на Запад во внешнеполитическом курсе страны [7]). По этическим соображениям невозможно представить визуальный образец данного варианта, т. к., помимо оскорбительной лексики (*каклы, укропы*), он содержит еще и obscenity. К сожалению, образ Родины-матери в современном обществе стал инструментом для разжигания межнациональной розни между народами, которые прежде сражались бок о бок против немецко-фашистских захватчиков, вдохновленные подлинным советским плакатом «Родина-мать зовет!».

Советский военный плакат задействован и в арсенале националистических политических движений. Образом Родины-матери для пропаганды своих идей воспользовались представители этнополитического объединения «Русские», которое «является крупнейшей организацией русских националистов и объединяет в своих рядах национал-демократов, национал-социалистов и национал-монархистов» [8].

Плакат с лозунгом «Родина-мать не поймет!» был использован в качестве визуального средства и на антинацистском митинге 4 ноября 2006 г. «За Россию без фашизма!», противопоставленном

шествию ксенофобов и национал-шовинистов в 2005 г. Инициатором акции выступил Российский Антифашистский Фронт [9]. Этот образец является чуть ли не единственной настоящей трансформацией тоидзевого плаката (в противовес антиплакатам), а потому может считаться самостоятельным образцом плакатного искусства. Узнаваемый образ Родины-матери ассоциируется в данном случае не столько с Отчизной, сколько со старшим поколением, пожертвовавшим своей жизнью в борьбе с фашизмом.

К сожалению, образы Родины-матери и красноармейца, помимо описанных выше сфер употребления, в соцсетях переродились в интернет-мемы, то есть из «единиц культурной памяти» они превратились в своеобразный объект интернет-развлечения.

Таким образом, в современном коммуникативном пространстве активно функционируют советские агитационные плакаты, что объясняется их известностью и заложенным в них мощным экспрессивным зарядом. При этом визуальные образы подвергаются разнообразным изменениям: трансформируется или сам центральный образ, или надпись на плакате, или же в изображение привносится дополнительная атрибутика (в том числе за счет цвета), отражающая ту или иную сферу употребления визуального средства. Однако «новоделы» зачастую не достигают нужной цели, на которую рассчитывают их «авторы», потому что они не обладают той суггестивной силой, которая присуща их прототипам. Более того, серийность трансформаций классических образцов приводит к «стиранию» воздействующей силы, наделяя плакаты иным смыслом и статусом антиплаката.

Примечания

1. *Басков А.* Идеологическое оружие. Поэтика и идеология агитплаката: Прикладное исследование семиотики визуальных образов в агитации и пропаганде [Электронный ресурс] // Рекламодатель: теория и практика. 2003. № 12. URL: tkachenkoirenen.ucoz.com/_ld/0/9_Baskov_semiotik.pdf (дата обращения: 10.07.2016).
2. *Позднякова Н. В.* Вербальные и визуальные метаморфозы современного российского плаката // Германия Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса: колл. монография. Грайфсвальд, 2016. С. 80–90.
3. *Воробьева Е.* Родина-мать идет обувать [Электронный ресурс] // НГС. Бизнес. 03.06.2011. URL: http://bishelp.ru/svoe_delo/oshibki/0306_rodina.php (дата обращения: 10.07.2016).

4. Правдивая правда [Электронный ресурс] // Twitter. URL: https://twitter.com/pravdiva_pravda/status/559425609315942401 (дата обращения: 10.07.2016).
5. Украинская правда [Электронный ресурс]. 19.03.2013. URL: http://24tv.ua/news/showNews.do?v_stolitse_kuzhel_zovet_yatsenyuka_domoy_est_supchik_foto&lang=ru&objectId=318552&v_stolitse_kuzhel_zovet_yatsenyuka_domoy_est_supchik_foto (дата обращения: 10.07.2016).
6. Сообщество поддержки вхождения РФ в состав Украины [Электронный ресурс] // Живой журнал. 08.02.2006. URL: http://www.livejournal.com/userinfo.bml?user=referendum_ru (дата обращения: 10.07.2016).
7. Колорады vs укropy: Новый политологический словарь России и Украины [Электронный ресурс]. 06.06.2014. URL: <http://news.bigmir.net/ukraine/822171-Kolorady-vs-Ukropy--Kakie-slova-podaril-Ukraine-Majdan-i-vojna> (дата обращения: 10.07.2016).
8. ЭПО «Русские» [Электронный ресурс]. URL: <http://rusnat.com/o-nas.html> (дата обращения: 10.07.2016).
9. Антивоенное движение «За Россию без фашизма!» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voinenet.ru/mneniya-i-otsenki/my-antifashisty/8030.html> (дата обращения: 10.07.2016).

The role of the soviet propaganda posters in modern communication

We cannot imagine modern communication without posters. Their emotional impact depends on the artist talent and skills, the main picture, the meaning of the words and their syntactic structure. In this case the soviet propaganda posters are a good example. These posters were easily recognisable and had a great popularity in the communicative space in the soviet period. The author of this article analyses the most popular soviet posters “Have You Signed Up as a Volunteer?” and “The motherland calls!” and their transformations. She studies the different areas of visual means usage in modern communicative space. The content of the soviet posters changes — the main image can be transformed as well as the words on the poster. Sometimes political technologists add new details or colour that show the area of the poster usage. The analysis revealed that transformed soviet posters do not have the same suggestive power as the soviet originals, because they are created without regard to the synchronous aesthetic code that helps to understand the meaning of the poster message.

Keywords: propaganda poster, soviet poster, “Have You Signed Up as a Volunteer?”, “The motherland calls!”, communicative space, political technologist.

© Н. С. Попова

ВГЛУ им. Г. Ф. Морозова, г. Воронеж

Субъективные образы времени в когнитивном аспекте

В статье рассматривается теоретическое обоснование изучения субъективных образов времени в когнитивном аспекте. На материале художественных текстов автор показывает, что время как сложный объект познания и как фрагмент субъек-

тивного образа объективного мира постигается человеком через восприятие. Существует два уровня восприятия времени — уровень чувства и уровень сознания. Называется два вида представлений о времени — перцептуальное и концептуальное, но первичным, однако, является чувственное, иррациональное, психологическое восприятие времени. Оба существуют и актуализируются в тесной взаимосвязи. Подчеркивается, что восприятие времени ориентировано на особенности человеческой когниции. На примере поэтических текстов Б. Пастернака показано, что восприятие времени, конструируемое ментально и с помощью языковых средств, носит явно субъективный характер, так как время представлено разными субъективными образами: Время — человек, Вечность — человек, Вечность — святочная елка, Годы — опавшие листья, Столетия — плывущие баржи, Утро — человек, День — человек, Дни — стекольный ящик, Дни — флакон с невыдохшимиися духами, Вечер — человек, Ночь — человек, Ночь — дорога, Ночь — овца, Ночь — кошка, Ночь — глаза со змеиным разрезом и одновременно Ночь — кость домино, Полночь — человек.

Ключевые слова: восприятие, перцептуальное время, концептуальное время, человеческая когниция, субъективные образы времени.

Наше сознание — это субъективный образ объективного мира. Субъективная реальность — это то, как воспринимает, оценивает и реагирует на окружающий мир один человек в отличие от другого.

Время — очень сложный объект познания. Казалось бы, представление о нем универсально для всех времен и для всех народов. Но, по всей видимости, современный образ жизни сильно изменил наши представления о времени, — считает А. И. Кравченко [1]. От универсальных шаблонов сегодня избавляется как наука, так и практика. Оказалось, что время разное для разных народов, исторических эпох и возрастов. Категория времени не дана уму ребенка изначально. Представление о нем возникает в процессе жизни на основе личного опыта.

Априористская концепция, предложенная И. Кантом, утверждает: время и пространство есть формы чистого созерцания, априорно заданный формат восприятия человеком внешнего мира. Это априорные формы чувственности, упорядочивающие хаос внешних событий и группирующие наши восприятия. В самом деле, время не может быть определением внешних явлений: оно не принадлежит ни к внешнему виду, ни к положению и т. п.; напротив, оно определяет отношение представлений в нашем внутреннем состоянии. Идея времени не возникает из чувств, а предполагается ими. Время в представлении И. Канта «есть лишь *субъективное* условие нашего «человеческого» созерцания и само по себе, вне субъекта, есть ничто...» [2].

Таким образом, время существует как бы в двух измерениях: в объективной реальности в виде материи независимо от человека и в субъективной реальности — его образы находятся внутри человека. Наша реальность — это субъективно воспринимаемый и интеллектуально конструируемый мир, причем во всех своих проявлениях и измерениях. Единственная реальность, с которой мы имеем дело — это мир восприятий, существующий лишь в нашем сознании. Внешний мир расположен внутри нашего мозга. Все, что человек пропускает через свои органы чувств, трансформируется в ходе ментальных репрезентаций и претерпевает искажения. «Восприятие времени человеком, которое находит овеществление в языке и дискурсе, имеет двойственный характер: с одной стороны, время представляется как свойство материи (научное время), ориентированное на объективные явления действительности, с другой — экзистенциальная сущность (вненаучное время), ориентированное на особенности человеческой когниции» [3].

Внутренний мир человека представлен в языке, как известно, ментальным и эмоциональным типами, поэтому ученые называют два уровня восприятия времени — уровень чувства и уровень сознания, следовательно, существуют два вида представлений о времени — перцептуальное и концептуальное, где первичным является чувственное, иррациональное, психологическое восприятие времени. Однако оба существуют и актуализируются в тесной взаимосвязи. Поэтому при исследовании времени важно учитывать и перцептуальный, и когнитивный аспекты в их взаимодействии [4].

В рамках когнитивной лингвистики изучается перцептуальное время, относящееся к сфере человеческого сознания, то есть отражение в сознании человека реально существующей действительности.

Так насколько же субъективно время, отражающееся в сознании человека? На этот вопрос мы попытаемся ответить, анализируя переосмысление времени через языковое сознание русских поэтов. Рассмотрим индивидуально-авторское представление времени в художественных текстах. Например, в поэтических текстах Б. Пастернака для репрезентации времени используются следующие образы:

ВРЕМЯ — человек

Снег идет, густой-густой, В ногу с ним, стопами теми, В том же темпе, с ленью той Иль с той же быстротой, Может быть, проходит время? (Снег идет)

Но *время* шло и *старилось*, и *глохло*... (Сон)

ГОДЫ — опавшие листья

Хлопоча об амнистии, Кляня времена, как клянут сторожей, Стучатся опавшие годы, как листья, В садовую изгородь календарей (Душа)

СТОЛЕТИЯ — плывущие баржи

Я в гроб сойду и в третий день восстану, И, как сплавляют по реке плоты, Ко мне на суд, как баржи каравана, Столетия поплывут из темноты (Гёфсиманский сад)

ВЕЧНОСТЬ — человек

О, где бы я теперь была, Учитель мой и мой Спаситель, Когда б ночами у стола Меня бы вечность не ждала, Как новый, в сети ремесла Мной завлеченный посетитель (Магдалина. I)

УТРО — человек

Я белое утро в лицо узнаю... (Марбург)
И утро шло кровавой банею, Как нефть разлившейся зари, Гасить розжки в кают-компаниях И городские фонари (На пароходе)

ДЕНЬ — человек

Обводит день теперешний Глазами анемон. (Светаёт)
Чем свет телега за телегой Лугами катятся впотьмах. Наставший день встает с ночлега С трухой и сеном в волосах (Стога)

ДНИ — стекольный ящик

С утра жара. Но отведи Кусты, и грузный полдень разом Всей массой хрящет позади. Обламываясь под алмазом. Он рухнет в ребрах и лучах. В разгранке зайчиков дрожащих, Как наземь с потного плеча Опушенный стекольный ящик (Ландыши)

ДНИ — флакон с невыдохшимися духами:

В прозрачность заплаканных дней целиком Губами и глаз полыханьем Впиваешься, как в помутненный флакон С невыдохшимися духами (Весна была просто тобой...)

ВЕЧЕР — человек

Когда ручьи поют романс О непролазной грязи, И вечер явно не про нас Таинственен и черномаз... (Весеннею порою льда...)

Это вечер из пыли лепился и, пышучи, Целовал вас, задохнился в охре, пыльюой (Послесловье. Лето 1917)

НОЧЬ — человек

В те места босоногою странницей Пробирается ночь вдоль забора... (Белая ночь)

Ведь ночи играть садятся в шахматы Со мной на лунном паркетном полу. ...И ночь побеждает, фигуры сторонятся... (Марбург)

А ночь войдет в мой мезонин И, высунувшись в сени, Меня наполнит, как кувшин, Водой и сиренью. Она отмоеет верхний слой С похолодевших стенок И даст какой-нибудь одной Из здешних уроженок (Летний день)

Казалось, ночь встает без сил с омета И сор со звезд сметает (Белые стихи)

Так ночи летние, ничком Упав в овсы с мольбой: исполнься, Грозят заре твоим зрачком. Так затевают ссоры с солнцем (Так начинают. Года в два ...)

ПОЛНОЧЬ — человек

Этот полдень Сейчас, южней губерний, Не сир, не бос, не голоден, Блаженствует, соперник? (Как усыпительна жизнь!..)

НОЧЬ — дорога

За нею на ходу, по вечерам И по ухабам ночи волочится, *Как цепь, надорванная* пополам, *Заржавленная, древняя столица* (Весна, ты сырость рудника в висках...)

НОЧЬ — овца

Ночь по селу Блеющим бляньем тычется (Любимая — жуть! Когда любит поэт...)

НОЧЬ — кошка

Я клавишей стаю кормил с руки Под хлопанье крыльев, плеск и клекот, Я вытянул руки, я встал на носки, Рукав завернулся, ночь терлась о локоть (Импровизация)

НОЧЬ — глаза со змеиным разрезом и одновременно НОЧЬ — кость домино

Как глаза со змеиным разрезом, Ночь на земле, и как кость домино... (Зимнее небо)

ВЕЧНОСТЬ — святочная елка

Будущего недостаточно. Старого, нового мало. Надо, чтоб елкою святочной Вечность среди комнаты стала (Зимние праздники).

Таким образом, рассмотрение языкового представления времени в поэтических текстах Б. Пастернака со всей очевидностью убеждает нас в том, что восприятие времени, конструируемое ментально и с помощью языковых средств, носит явно субъективный, индивидуально-авторский характер [5].

Примечания

1. Кравченко А. И. Социальная реальность: субъективный образ субъективного мира // Международные научные исследования: сборник статей ЦНС: материалы VI международной научно-практической конференции: Проблемы и перспективы современной науки. Вып. № 6. Ч. I. Москва, 2016. С. 13–17.

2. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 56–57.

3. Бондаренко Е. В. «Модель времени» как инструмент анализа дуальной сущности времени, реализованной в языке и дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 3. С. 59–65.

4. Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 19.

5. Попова Н. С. Индивидуально-авторская репрезентация абстрактного концепта ВРЕМЯ в художественной картине мира (на материале русской поэзии “себябряного века”) // Когнитивные исследования языка. Вып. XX. 2015. С. 883–888.

Subjective images of time in cognitive aspect

The article is focused on theoretical basis of study of subjective time images in cognitive aspect. The analysis of literary text shows that time being a complicated object of cognition and a fragment of a subjective image of the objective world is conceptualized through perception. There are two levels of time perception — the level of sensation and the level of consciousness. There are also two kinds of time representation — perceptual and conceptual. Irrational, sensual, psychological perception of time, however, is primary. The both types exist and become actual in close interaction. It is stressed that perception of time is based on peculiarities of human cognition. As exemplified in poetic texts by B. Pasternak the article shows that time perception, which is formed with the help of mental and language means, has obviously subjective nature because time is represented by various subjective images, e. g.: Time — a man, Eternity — a man, Eternity — a Christmas tree, Years — fallen leaves, Centuries — sailing barges, Morning — a man, Day — a man, Day — a glass box, Days — a bottle with perfume that has not lost its smell, Evening — a man, Night — a man, Night — a road, Night — a sheep, Night — a cat, Night — eyes with a snaky slant and at the same time Night — a domino, Midnight — a man.

Keywords: perception, perceptual time, conceptual time, human cognition, subjective images of time.

© **Е. В. Резникова**

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева, г. Самара*

Образ-схема как модель и способ описания пространственных концептов (на примере образ-схемы «центр — периферия» в структуре концепта «Круг»)

Статья посвящена проблеме способа описания структуры концепта в зависимости от его содержания. Тип концепта (фрейм, пропозиция, образ-схема, сценарий и др.) определяет характер его структуры. Информация об одном и том же денотате может быть структурирована в памяти разными способами, но выбор той или иной модели описания концепта накладывает ограничения на содержание концепта, которое оказывается в фокусе. Образ-схема «центр — периферия» — концепт, основанный на пространственно-контурной схеме (точка и ее окружение). Смысловая структура данного концепта основана на осмыслении компонентов этой схемы: центра как главенствующей точки и периферии — окружения, ориентированного на центр, а также особых отношений между ними — зависимости, дистантности, иррадиации и концентрации. Данный тип структурирования концепта, учитывающий характер его содержания, позволяет не только выявить и максимально полно описать разнообразные смыслы, но и определить принципы их интеграции в общую структуру, объяснить их соотношение в концепте и логику возникновения. Семантическая структура данного концепта соответствует структуре образ-схемы, другие концепты в зависимости от их содержания могут структурироваться как фрейм, понятие, пропозиция, образ-схема, сценарий. Пространственные образы представляется логичным рассматривать в категориях образ-схемы, поскольку они

складаются из схематически обобщенного образа и основанного на нем понятийно-логического содержания.

Ключевые слова: концепт, образ-схема, смысловая структура, метафора, центр, периферия, круг.

В настоящее время отечественная концептология переживает бум своего развития: активно развивается теория концептов [1; 2; 3; 4; 5 и др.], исследуются разнообразные по структуре и содержанию культурно значимые концепты [5; 6 и др.].

В последние годы поднимается вопрос о том, как способы описания и структурирования того или иного концепта зависят от его содержания. При всем различии подходов ощущается определенная общность в моделировании структуры концептов. Одни концепты описываются во всем многообразии типичных свойств и ситуативных связей соответствующих денотатов, т. е. структурируются как фреймы, например, концепты «огонь», «вода», «человек». Другие выстраиваются в логике субъекта, объекта, атрибутов действия, т. е. как пропозиции: «игра», «дружба», «работа». Как сценарий моделируются различные действия и процессы, состоящие из ряда стадий, к ним относятся, например, «встреча», «расставание», «путешествие». Пространственные концепты аккумулируют многообразные смыслы на основе какой-либо элементарной схемы, например, «шкала», «контейнер» («вместилище»), «круг», т. е. представляют собой образ-схемы.

Конечно, информация об одном и том же деноте может быть структурирована в сознании разными способами и тем самым вписываться в разные системы концептов.

Рассмотрим это на примере концепта «мяч» как репрезентанта пространственного концепта «круг». Мяч, представленный как **фрейм**, будет включать различные эмпирические свойства этой реалии (*круглый, упругий, обычно легкий, часто из резины, может катиться, прыгать, в определенных условиях лопается* и т. д.) и его окружения в типичных ситуациях игры (например, *футбольное поле, ворота, гол, игроки* и т. д.). Ср.: *упругий, как мяч; плавает, как мячик; раздался звук, как лопнувшего резинового мяча*, т. е. актуализируются различные эмпирические признаки этой реалии: упругость, плавучесть, резкий звук при разрыве мяча и т. п. Признак круглой формы в данных контекстах не выражен, хотя и не исключается.

Мяч может также входить в **пропозицию** спортивной или детской игры как атрибут этих игр. Ср. в метафоре: *Выпущенные на поле КПРФ команды для этой цели годятся как нельзя лучше: в суতোке у ворот можно будет засчитать гол, даже если **мяч** всколыхнет сетку с внешней стороны* («Советская Россия»^{*1}). В этой развернутой метафоре образ мяча функционирует в составе более общего образа спортивной игры, включающей субъектов игры (две противоборствующие команды), атрибуты (мяч, ворота, сетка), правила и условия игры и т. д. Свойства мяча как предмета круглой формы в данном контексте деактуализируются, а на первый план выходят пропозитивные связи.

С другой стороны, круг может представляться обобщенно, в отвлечении от эмпирических свойств различных круглых предметов: как форма вообще, как некая замкнутость, как соотношение центра и периферии, как определенная траектория. В таком представлении круг вписывается в систему других форм, и не только геометрических (круг, квадрат, треугольник, звезда); в систему замкнутых явлений (круг как замкнутая фигура и замкнутая трасса), в систему различных траекторий (циклическая, линейная, пересекающаяся траектория сложной формы), т. е. в различные системы абстрактных концептов.

При этом в сознании актуализируются принципиально иные свойства круглых реалий по сравнению с фреймом или пропозицией: не материал, цвет, предназначение, ситуативные связи, а признаки круга как формы (правильность, отсутствие углов и неровностей, гладкость), траектории (полнота обращения, количество оборотов, их совпадение) и т. д. Такой способ представления знаний, не лишенный простейшего зрительного образа, но отвлеченный от любой конкретики — цвета, материала и т. п., — является **образ-схемой** (подробнее об образ-схеме как модели описания структуры концепта «круг» в русской языковой картине мира см. в [9]).

Можно ли тот же мяч представить в виде образ-схемы? Можно, если взять его в максимально обобщенном виде, как круглую форму вообще: правильный, без углов, способный катиться. Ср. в метафорическом употреблении: *Каждая несла хозяйственную **сумку, раздувшуюся** вроде футбольного **мяча*** (С. Довлатов) — т. е. буквально ставшую круглой, как мяч. *Прошло несколько долгих секунд,*

¹ Здесь и далее знаком * отмечены примеры из [8].

и над водой показался черный **мячик головы** (В. Пелевин*). В метафоре **мячик головы** актуализируется максимально обобщенный признак круглой формы (хотя контекст не исключает и зрительного образа плавающего мяча). Или: *А лето, словно детский мячик, все дальше от меня бежит* (Е. Шашенкова) — здесь образ мяча реализует такое свойство круглой формы, как способность свободно и быстро катиться. т. е. мяч в данных контекстах воспринимается в обобщенном виде — как форма, становится эталоном круглой формы и в таком ракурсе вписывается в систему других геометрических форм. Образ мяча, структурированный как образ-схема круга, выражает доминантные смыслы концепта «круг» — правильность формы, гладкость, отсутствие углов, цельность, замкнутость, способность катиться. Мяч как круглая форма вписывается в ряд других вариантов представления круглой формы (*шар, ком, клубок, колесо, вал*) и в ряд других форм (*квадрат окна, треугольник птичьей стаи, зигзаг молнии, извилистая лента реки*) и т. д.

Таким образом, одна и та же реалья может быть структурирована в сознании разными способами, и определить, в какую именно матрицу вписан тот или иной концепт, можно лишь по конкретному контексту. Как мы видели, мяч может входить в концептуальные системы «игрушка» («игра»), «спорт», «предметы из резины», «плавающие предметы», «предметы круглой формы» и т. д. Вписываясь в матрицу **круглых** предметов, мяч актуализирует различные аспекты образ-схемы «круг»: правильность формы, отсутствие углов, способность катиться.

В то же время следует признать, что выбор той или иной модели описания концепта накладывает ограничения на содержание концепта, которое оказывается в фокусе, и от того, насколько верно избрана методика, насколько она адекватна рассматриваемому явлению, зависит полнота описания данного концепта. Так, например, если концепт «мяч» рассматривать как образ-схему, за пределами внимания останутся функциональные свойства соответствующего денотата, ситуативные связи, т. е. описание будет существенно обедненным.

Если говорить о пространственных концептах, то их содержание, напротив, в категориях образ-схемы описывается наиболее полно, поскольку для них характерно понятийно-логическое со-

держание, основанное на каком-либо простом зрительном образе: линии, шкалы, фигуры, предельно обобщенной плоскости и т. п.

Рассмотрим это на примере образ-схемы «центр — периферия» в структуре концепта «круг» (см. об этом также в [9; 10]). Данная образ-схема в самом общем виде представляет собой соотношение некоего центра и его окружения, на плоскости или в объеме. Ср.: *центр круга, середина комнаты, сердцевина яблока, в центральной России — на периферии, центр управления, ядро коллектива, ближайшее окружение, в центре / на периферии внимания, тишина вокруг, кругом темно, кругом виноват, ходить вокруг да около, околоземная орбита*. Как видно из приведенных примеров, образ-схема «центр — периферия» реализует в контекстах многочисленные смыслы.

Смысловая структура образ-схемы центра и периферии, на наш взгляд, подчинена логике осмысления компонентов этой схемы: центра как главенствующей точки, организующей пространство вокруг себя, и периферии — окружения, как правило, не имеющего четкой формы, границ, но обязательно ориентированного на центр, а также особых отношений между ними. Так, окружность выстраивается относительно определенного центра и зависит от него, центр же является организующим началом. Этот вид отношений назовем отношениями зависимости. С другой стороны, окружение расположено близко от центра, но с ним не сливается, т. е. центр и периферия находятся в отношениях дистантности. Кроме того, во многих примерах реализуются образы концентрации (стягивания к центру) и иррадиации (расхождения от центра). Рассмотрим, как логические представления об отношениях центра и периферии реализуются в семантике метафор.

Отношения зависимости между центром и периферией в языковой картине мира раскрываются в двух ракурсах: как зависимость периферии от центра, ориентация на центр и как влияние периферии на центр. Значение зависимого положения периферии относительно центра прослеживается во многих контекстах: *кружок Петрашевского, окружение политика, свой круг* и т. п. Любое из приведенных окружений не только ориентировано на некий центр ситуации, но и перестает существовать без этого центра. Так, в приведенных словосочетаниях, а также в выражениях *круг писателя, окружение подростка, языковое окружение* и др. центром

ситуации оказывается личность, вокруг которой группируются другие люди. Личность становится центром ситуативного объединения, замыкающим на себе связи между членами окружения. В то же время опыт оценки межличностных отношений предполагает также влияние периферии на центр: изменение субъекта под влиянием окружения.

В тех примерах, где лицо является не субъектом, а объектом окружения (*окружить/быть окруженным* вниманием, заботой, почтением; в *ореоле* славы; *атмосфера вокруг* героя и т. п.), семантика влияния периферии на центр выходит на первый план. Так, в примерах *окружить* кого-либо/*быть окруженным* вниманием (моделирование ситуации с разных ракурсов восприятия) центр оказывается подчиненным окружению, поскольку действующим агентом становится не центр, а окружение: знаки внимания оказываются окружающими, субъект же (центр) их лишь воспринимает. Таким образом, центр и периферия находятся в отношениях взаимозависимости, что в семантике концепта проявляется в смыслах «зависимость периферии от центра» и «влияние периферии на центр».

Отношения дистантности. Во многих контекстах, реализующих образ-схему соотношения центра и периферии, актуализируется сема «расстояние». Ср.: *окружение* языковой единицы, *ходить вокруг да около*, *околонаучные беседы*, *действие сосредоточено вокруг* главного героя и *идти окольным/кружным путем*, *двадцать верст дали круга*, *на периферии* сознания и т. п. Как видно из приведенных примеров, значение «расстояние» может конкретизироваться двумя антонимичными семами: «близость к центру» и «удаленность от центра».

Отношения дистантности раскрываются в двух аспектах: статическом и динамическом. В статическом аспекте близость к центру реализуется различными лексико-грамматическими средствами: *окружение*, *вокруг*, *кругом*, *около*, а также *округа*, *округ*, *околоток* как территории, примыкающие к тому, что мыслится центром. Ср.: ...изучается *окружение* языковых единиц, их контекст (В. Кодухов); ...в каждом романе *вокруг* основного действия возникало несколько других, более или менее с ним *связанных* или *тяготевающих* к нему (Б. Реизов); ...слепой первенец по-прежнему *остался центром*, *около* которого *группировалась* вся жизнь усадьбы (В. Короленко). В приведенных примерах образ-схема центра и

периферии реализуется в семантике приближенности к тому, что мыслится центром ситуации.

В то же время, поскольку рассматриваемая образ-схема содержит логическое знание о том, что окружность никогда не сливается с центром, в языке рождается значение удаленности от центра. Ср.: *На фоне единственной лампочки, тускло горевшей где-то на периферии просторного зала...* (В. Запашный*); *знойная женщина — мечта поэта... В центре таких субтропиков давно уже нет, но на периферии, на местах — еще встречаются* (И. Ильф, Е. Петров); *У Прибытков — слава на всю округу...* (И. Шмелев). Последний пример совмещает два смысла: приближенность и удаленность. С одной стороны, *округа* — то, что примыкает к центру, ближайшее окружение, с другой стороны, ее границы достаточно удалены от центра, и речь идет о широте распространения явления.

Подобным образом может выражать значения приближенности и удаленности динамический аспект образ-схемы центра и периферии. Сема «близость к чему-либо» может конкретизироваться в образе хождения вокруг какого-либо центра: *...но тот и в ус не дул и по-прежнему увивался около зава* (Л. Пантелеев, Г. Белых); *когда рождается дитя, злые силы кружат вокруг него* (Б. Васильев*); *...не все интересы вертятся около нас, а существует другая жизнь людей* (Л. Н. Толстой). Образ-схема кружения вокруг центра, реализованная в примерах, несет семантику приближенности, когда это вращение ориентировано на центр, определяется им. Образ космической системы является одним из конкретных репрезентантов этой схемы. Ср.: *такая же централизованная конструкция характерна для «Бесов». Ставрогин — солнце, вокруг которого все вращается <...> Все тянется к нему, как к солнцу, все исходит от него и возвращается к нему* (Н. Бердяев).

С другой стороны, образ вращения вокруг центра может нести семантику удаленности, поскольку траектория движения по кругу проходит в обход центра. Ср.: *Что же мы тут стоим? Нельзя ли кругом проехать?* (Л. Лопато*); *... идти в свой второй корпус не прямой дорогой, а кружным путем* (А. Куприн); *Двадцать верст дали круга* (М. Шолохов); *Для мила дружка семь верст не околица* (пословица) и т. п. Как видно из примеров, смысл «удаленность» в данной образ-схеме реализуется не только в семеме «удаленность от центра», но и в значении «более длинная траектория по сравне-

нию с прямым путем». Ср. в парадоксальной авторской метафоре: *Нам кажется **путь окольный** **Кратчайшим** из расстояний* (А. Галич). Автор намеренно искажает очевидное соотношение длины прямого и окольного пути для создания художественного эффекта.

При моделировании абстрактных понятий метафора окольного (кругного) пути также реализует значение удаленности: [обмен информацией] *может совершаться **окольным путем** через другие отделы мозга* (Б. Сергеев); *Василий Васильевич... повел речь **окольными*** (А. Н. Толстой); *Что за счастье — быть вечно вдвоем! ...И **окольных** не ткать разговоров* (И. Северянин) и т. п. В приведенных примерах образ окольного пути как один из конкретных репрезентантов образ-схемы центра и периферии моделирует абстрактные понятия: процесс передачи информации, речемыслительную деятельность.

С другой стороны, во многих примерах антонимичные смыслы приближенности и удаленности органично сочетаются: *Да что вы все **вокруг да около** — Да спрашивайте напрямик!* (В. Высоцкий); *Фразы длинные, витиеватые. Ходит-ходит **кругом смысла**... Восьмерками...* (И. Грекова*); *Я тридцать пять лет служу... и то все **кругом да около** хожу, а **в центре** ни в жизнь еще **не попадал!*** (М. Е. Салтыков-Щедрин). С одной стороны, «хождение вокруг» ориентировано на определенный центр ситуации и проходит вблизи него, но, в то же время, всегда обходит его, никогда с ним не смыкается. На наш взгляд, этот парадокс может объясняться амбивалентностью образ-схемы центра и периферии, где окружность всегда строится с ориентацией на какой-либо центр, вблизи него, но никогда с ним не пересекается. В этом смысле показателен последний пример, разворачивающий «стертую» геометрическую метафору.

В отличие от примеров, где значение приближенности определяется ориентацией на центр вращения, семантика удаленности возникает при смещении акцента на периферию. Таким образом, одна и та же образ-схема с идентичным набором лексико-грамматических средств может выражать противоположные смыслы в зависимости от того, какой член схемы, центр или периферия, оказывается коммуникативно значимым.

Отношения концентрации и иррадиации. Ряд контекстов, воплощающих образ-схему центра и периферии, несет семантику движения от центра к периферии (иррадиации) или от периферии к центру (концентрации). Ср.: *Движение нервных процессов, их иррадиацию из пункта возникновения и последующую концентрацию к исходному очагу, впервые в отчетливой форме наблюдал Красногорский* (Б. Сергеев).

Образ движения от периферии к центру, стягивания чего-либо к центру несет семантику увеличения плотности/интенсивности в области центра. Ср.: *У них передышка, концентрация сил, а у нас расхлябанность* (М. Шолохов); *...централизация церковной власти вокруг главы Вселенской церкви* («Русский репортер»*) и т. п.

Иррадиация и концентрация представляют образ-схему сужения / расширения круга (ср.: *расширить/сузить круг вопросов*), однако заложенная в них ориентация на центр определяет специфику их семантики. Так, сужение круга предполагает только количественное уменьшение (*круг поисков сузился, сузить круг вопросов*), концентрация же при возможном (но не обязательном) уменьшении площади/объема сохраняет количество, что определяет увеличение плотности/интенсивности какого-либо признака. Например, выражение *концентрация войск* предполагает стягивание их к определенному центру, что уменьшает территорию их распространения, но увеличивает плотность на определенном участке. Значение выражения *концентрация власти* подразумевает лишение периферии властных полномочий и сосредоточивание их в одних руках, т. е. повышение интенсивности при сокращении числа лиц, наделенных властью. Образ иррадиации реализуется аналогично, только плотность не увеличивается, а уменьшается. Ср.: *Отряд рассредоточился в разных частях села* (Г. Садулаев*); *внимание рассеялось*.

Таким образом, различные аспекты осмысления отношений центра и периферии обладают большим семантическим потенциалом, охватывающим многие группы значений, и позволяют объяснить антонимичность возникших смыслов. Так, наличие значений приближенности и удаленности в реализации одной образ-схемы объясняется соотношением центра и периферии в схеме (какой компонент в данной ситуации оказывается ведущим). Иными словами, образ-схема как методика описания пространственных кон-

цептов позволяет не только выявить и максимально полно описать разнообразные смыслы, но и определить принципы их интеграции в общую структуру, объяснить их соотношение в концепте и логике возникновения. Выбор способа описания и структурирования концепта был продиктован характером его содержания: понятийно-логического, основанного на простой визуальной схеме (точка в некотором окружении).

Итак, в зависимости от содержания того или иного концепта, от способа его ментального освоения выстраивается его смысловая структура, представленная, соответственно, как тот или иной тип концепта: фрейм, понятие, пропозиция, образ-схема, сценарий. Пространственные образы представляется логичным рассматривать в категориях образ-схемы.

Примечания

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2010.
2. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск, 2008.
3. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград, 2003.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
5. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
7. Антология концептов: в 2 т. Волгоград, 2005.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.07.2016).
9. Резникова Е. В. Концепт «круг» в русской языковой картине мира: опыт интерпретации на основе образ-схемы: дисс.... канд. филол. н. Самара, 2015.
10. Резникова Е. В. Образ-схема «центр — периферия» в аспекте регулярной многозначности // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 7. № 1. 2015. С. 158–161.

Image-schema as a model and a way for space concepts' description (on the example of image-schema "center — periphery" in the structure of concept "Circle")

The article deals with the problem of describing the structure of the concept depending on its content. Type of the concept (frame, proposition, image-schema, scenario, etc.) determines the nature of its structure. Information about the denotation can be structured in a memory in different ways, but the choice of particular model descriptions of the concept puts a boundary on the content of the concept, which is in focus. The image-schema "centre — periphery" is the concept, based on the spatial-contour diagram (point and its surround). The semantic structure of this concept is based on the understanding of the components of this scheme: the centre as the dominant point and the periphery, oriented to the center, as well as the special relationship between them — depending, distance, irradiation and concentration. This type of concept structure, taking into account the nature of its content, allows not only identifying and fully describing a variety of

meanings, but also to determine the principles of their integration in the overall structure and to explain their relation in the concept and logic of emergence. Semantic structure of this concept corresponds to the structure of the image-schema. Other concepts, depending on their content can be structured as frame, idea, proposition, image-schema, scenario. Spatial images, it seems logical to consider in the categories of image-schemas, as they consist of a schematic and generalized image based on conceptual and logical content.

Keywords: concept, image-schema, meaning structure, metaphor, center, periphery, circle.

© В. В. Решетникова
МГУПС МИИТ, г. Москва

Формирование лингвокультурной компетентности как необходимый элемент в процессе обучения русскому языку как иностранному

Лингвокультурная компетентность — это та часть культурной компетентности, которая ответственна за коммуникативное поведение личности в рамках данной лингвокультуры. Формирование лингвокультурной компетентности является необходимым компонентом в курсе русского языка для иностранных учащихся. В методике преподавания русского лингвокультуроведения важнейшей является проблема отбора понятий или явлений для анализа и способов внедрения лингвокультуроведческой информации в процесс обучения русскому языку как иностранному. Успешная коммуникация на русском языке невозможна без усвоения национально-культурного фона лексических единиц. Для включения лингвокультуроведческого компонента в содержание обучения русскому языку как иностранному нужны адекватные средства его усвоения. Такими средствами могут быть прежде всего аутентичные материалы: литературные и музыкальные произведения, предметы реальной действительности и их иллюстративные изображения, которые лучше всего могут приблизить учащегося к естественной культурной среде. При этом необходимо изучать и усваивать национально и культурно насыщенные понятия, которые нашли свое выражение в известных всем носителям русского языка языковых единицах и в которых выражен их культурный фон.

Ключевые слова: лингвокультурная компетентность, коммуникативные стратегии, лексические единицы, обучение РКИ, национальная культура.

Важность различных форм общения для существования и развития человеческой цивилизации обуславливает выделение лингвокультурной компетентности как части культурной компетентности. Различие между ними — это различие части и целого.

Культурная компетентность — это «та часть национальной культуры, которую человек усвоил и пользуется ею в теоретическом или практическом плане» [1]. Культурная компетентность личности в норме должна совпадать по основным параметрам

(ценностям, представлениям, принципам) с национальной культурой. Если этого не происходит, возникает конфликт личности с окружающей культурой. Сегодня образованный человек живет в глобальном мире, и его культурная компетентность должна включать достаточные знания о культуре других народов, что обеспечит ему доступ к науке, искусству и другой профессиональной деятельности в современном мире. Одновременно с изучением иностранного языка надо изучать культуру его народа — знакомиться с историей, литературой, экономикой, географией, политикой страны, бытом, традицией, психологией.

Лингвокультурная компетентность — это та часть культурной компетентности, которая ответственна за коммуникативное поведение личности в рамках данной лингвокультуры. Она определяет общение членов социума, диктуя им определенные ограничения, нормы, правила, ритуалы, обязательные для исполнения в рамках данной культуры и являющиеся специфическими для разных национальных, религиозных, профессиональных и других сообществ. При этом стратегии коммуникативного поведения гораздо шире понятий «речь» и «дискурс», так как включают культурно-обусловленные вербальные и невербальные действия, которые в свою очередь состоят из знаков разного типа, поэтому они заметно выходят за рамки языковых явлений, изучаемых лингвистикой. За рамки лингвистики выходят и ценностные представления, нормы, правила, относящиеся к области культуры и определяющие выбор коммуникативных стратегий. Лингвокультурная компетентность может быть присуща членам различных субкультур (социальных, профессиональных, возрастных и пр.) внутри национальной культуры. Из этого следует, что лингвокультурная компетентность «является феноменом культуры, а не феноменом языка» [2].

Структура лингвокультурной компетентности как явления создания включает две составляющих: интракультурную компетентность — знание норм, правил и традиций собственной лингвокультурной общности, и межкультурную (или интеркультурную) компетентность — знание общих лингвокультурных норм, правил и традиций другой лингвокультурной общности.

Носитель культуры и языка может обладать межкультурной компетентностью трех уровней — низкого, среднего и высокого. Носители культуры и языка, у которых преобладают стереотипные

представления о другой лингвокультуре, не подкрепленные практическим общением с ее представителями, демонстрируют низкий уровень межкультурной компетентности, который выражается в отсутствии или крайней ограниченности коммуникативных компетенций. Носители культуры и языка, изучающие иностранный язык, имеющие опыт специального изучения другой лингвокультуры и опыт общения с ее представителями (непосредственный или опосредованный книгами, фильмами, интернетом), представляют средний уровень межкультурной компетентности, реализуемый в ограниченном наборе коммуникативных компетенций (например, бытовая и профессиональная).

Высокий уровень межкультурной компетентности свойственен людям, которые свободно владеют родным и иностранным языками, имеют достаточно большие знания и опыт общения как минимум в двух лингвокультурах, практически знакомы с обеими лингвокультурами, имеют опыт длительного проживания (работы, общения) в других лингвокультурах, владеют разнообразными межкультурными коммуникативными компетенциями[3].

В методике преподавания русского лингвокультуроведения важнейшими являются проблема отбора понятий или явлений для анализа и способов внедрения лингвокультуроведческой информации в процесс обучения русскому языку как иностранному.

Для решения первой из них соблюдается принцип значимости какого-либо понятия или явления для жизни русской нации (она оценивается исключительно носителями русского языка) и их связь с общеизвестными языковыми единицами, в которых выражен их культурный фон. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров считают, что «каждое второе русское слово отличается своим лексическим фоном от ближайшего иноязычного соответствия» [4], а это значит, что успешная коммуникация на русском языке невозможна без усвоения национально-культурного фона лексических единиц.

Таковыми единицами могут быть отдельные слова, крылатые выражения, языковые клише, фразеологизмы и клишированные предложения (поговорки, пословицы, афоризмы, цитаты из кинофильмов, литературных произведений, названия произведений изобразительного искусства, музыки, театра и кино).

Языковые единицы, обладающие культурно-этнической нагруженностью, можно объединить в следующие группы:

— слова или устойчивые словосочетания, номинирующие факты и явления природы, национальной культуры и истории (*клюква, береза, тайга, пельмени, Куликовская битва, Сталинград*);

— имена собственные: топонимы, антропонимы (*Волга, Арбат, А. С. Пушкин, Дед Мороз, Чебурашка*);

— названия общеизвестных литературных произведений, произведений изобразительного искусства, музыки, театра и кино (*«Ревизор», «Троица», «Лебединое озеро», «Три сестры», «Двенадцать стульев», «Ирония судьбы или С легким паром»*)[5].

Языковые единицы лингвокультуроведческого характера, отражающие национальный аспект культуры народа, можно подразделить также иначе:

— наименование реалий (обозначений предметов и явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой, т. е. безэквивалентная лексика, как, например, *сало, смута, потемкинские деревни*);

— коннотативную лексику (слова, совпадающие по основному значению, но отличные по культурно-историческим ассоциациям, например, *перестройка, оттепель*);

— фоновую лексику (обозначения явлений и предметов, имеющие аналоги в сопоставляемых культурах, но различающиеся национальными особенностями функционирования, формы, предназначения предметов), например:

1) лексика, обслуживающая повседневно-бытовую сферу человеческой деятельности:

а) названия предметов обихода, орудий — *самовар, гжель, балалайка, березовый веник*;

б) названия продовольственных продуктов, блюд, одежды — *бакалея, блины, крошка, уха, сушки, бублики, рубаха, сарафан*;

в) названия услуг и учреждений бытового обслуживания, действий, признаков — *кафе, столовая, дом быта, муж на час, наладить, лепить*;

г) название явлений окружающей среды — *белые ночи, тайга, тундра*, а также названия времен года, начало которых не совпадает в русской и других культурах;

2) лексика, которая связана:

а) с функционированием государства — наименования государственных учреждений и общественных институтов, в частности

административно-территориальных единиц России, подразделений армии, армейских званий и чинов, учебных заведений — *область, губерния, батальон, корпус, сержант, лейтенант, прапорщик, институт, факультет, кафедра*;

б) с функционированием общества — названия организаций общества, общественных явлений, событий, культурных и культурно-религиозных реалий (названия обрядов, танцев, праздников, предметов культа, элементов храма) — *барин, боярин, хоровод, колхоз, субботник, перестройка, Государственная Дума, масленица, поминки, колядка, новый русский* и др.

Для решения второй задачи — включения лингвокультуроведческого компонента в содержание обучения русскому языку как иностранному — нужны адекватные средства его усвоения. Такими средствами могут быть, прежде всего, аутентичные материалы: литературные и музыкальные произведения, предметы реальной действительности и их иллюстративные изображения, которые лучше всего могут приблизить учащегося к естественной культурологической среде. К этому списку необходимо добавить кинофильмы, которые являются источниками крылатых фраз и выражений, а также тексты разного характера (не только литературные), в частности публицистические, рекламные тексты и анекдоты, так как в них часто отражается национальная специфика миропонимания. Кроме того, непременно элементом культурологического обучения является объяснение, профессиональный комментарий и задания, позволяющие закрепить и активизировать ново усвоенный материал. Элементы процесса усвоения можно представить в таком порядке:

- образ, текст, предмет или его изображение;
- лингвокультуроведческий комментарий;
- подача языкового материала, сопряженного с конкретным лингвокультуроведческим понятием;
- поиск переводного эквивалента в родном языке или языке-посреднике. Сравнение с родной национальной картиной мира;
- задания для закрепления и активизации нового материала.

Формирование лингвокультурной компетентности является необходимым элементом в курсе русского языка для иностранных учащихся. При этом необходимо изучать и усваивать национально и культурно насыщенные понятия, которые нашли свое выражение в общеизвестных всем носителям русского языка языковых единицах.

Лингвокультурная компетенция формируется из личного опыта общения, а также в процессе обучения конкретному виду общения на русском языке (деловому, академическому, светскому, повседневному, публичному, профессиональному, устному, письменному и пр.).

Лингвокультурная компетенция иностранца-выпускника российского вуза — это составная часть профессиональной подготовки по русскому языку, которая подразумевает, что будущий специалист владеет:

— знаниями о культуре языка, и таким образом осуществляется культурное взаимодействие;

— способностями преодолевать языковой барьер и межкультурные разногласия в процессе коммуникативного взаимодействия.

Примечания

1. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2009. С. 24.

2. Городецкая Л. А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2007. С. 8.

3. Прохоров Ю. Е. Указ. соч.

4. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990, С. 51.

5. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М., 2007.

The formation of linguistic-cultural competence as an essential element in the process of teaching Russian as a foreign language

Linguistic-cultural competence is the part of cultural competence which is responsible for the communicative behavior of the individual in the framework of the linguistic culture. Formation of linguistic-cultural competence is an essential component in the course of the Russian language for foreign students. In teaching methodology the most important problem is the selection of concepts or phenomena for analysis and the process of implementation of the linguistic-cultural information in the learning process of the Russian as a foreign language. Successful communication in Russian is impossible without acquiring national and cultural background of lexical units. To include linguistic-cultural component in the learning content of Russian as a foreign language we require adequate means of assimilation. Such means may be, above all, of authentic origin: literary and musical works, objects of reality and illustrative images that are best placed to bring the student to the natural cultural environment. It is necessarily to study and master nationally and culturally satiated notions that are expressed in the lexical units generally known for all Russian native speakers and in which their cultural background is expressed.

Keywords: linguistic-cultural competence, communicative strategies, lexical units, teaching Russian as a foreign language, national culture.

Лексика с семантикой 'расстояние' в диалектах Европейского Севера России

В статье рассматриваются русские лексемы, которые обозначают расстояние и его измерения. Проводится этимологический анализ исследуемых слов, выявляются мотивационные признаки. Народная метрология оценивается в парадигме бытового опыта диалектоносителя, верований и представлений о природных силах. Анализ лексем показывает, что наиболее общим представлением о расстоянии является противопоставление «ближний» — «дальний», при этом обозначения далеких мест преобладают. Деятельность диалектоносителя (пеший переход, плавание на лодке, перегон животных, охота) отражена во внутренней форме большинства лексем исследуемой группы. Ментальная и языковая архаика проявляется во внутренней форме лексем, отражающей звуковое измерение расстояния, мифологические представления, в частности, символику числительных, образ черта и его действий. Встречаются заимствования, однако они немногочисленны.

Ключевые слова: лексика, метрология, термин, номинация, диалект, производность, заимствование

Передвижение по местности необходимо сельскому жителю: для заготовки сена, дров, сбора ягод, грибов, лекарственных растений. Выпас животных также производится не на территории поселения, а на окружающих угодьях. Деревни нередко расположены далеко друг от друга, потому важно знание о возможности попасть в другое поселение и времени пути туда.

Специальные исследования по русской народной метрологии отсутствуют. В обобщающем труде Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды» [1] лексемы с метрологическим значением не рассматриваются. В специальном исследовании Л. В. Куркиной «Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка» [2] описывается только понятие границы. Из работ, посвященных севернорусской географической терминологии, монографической является книга В. Л. Васильева «Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки)» [3], однако и в ней метрологические значения лексем, даже если они представлены в лексикографических источниках, не приводятся и не рассматриваются. Е. Л. Березович, анализируя русскую топонимию, в разделе «Протяженность» приводит несколько географических названий, во

внутренней форме которых отражаются наивные метрологические представления [4].

Анализ имеющихся данных по севернорусским диалектам показывает, что наиболее общим представлением о расстоянии является антитеза *близкий* — *далекий*. Ближайшие к поселению уголья обозначаются целым рядом лексем с корнем *близ-/близж-*: *близь*, *близность* ‘близлежащая местность, окрестности’ (Арх.) [5], *близень* ‘близкое место’ (Новг.) [6], *близность* ‘близость, недалекое расстояние’ (Влг.) [7], ‘небольшое расстояние, близость’ (Влг.) [8]. Корень *близ-* праславянского и далее индоевропейского происхождения с исходной семантикой ‘сжатый, сбитый’, откуда развивается значение ‘прилегающий, соседний’ > ‘близкий’ [9]. «Далекие» наименования более редки: *отдалёнство* ‘отдаленность, значительное расстояние между предметами’ (Арх.) [10], *отдаль* ‘место, расположенное далеко’ (Арх.) [11]. Общеславянская семантика корня **dal-* интерпретируется через этимологическое родство с **dǫliti* (русск. *длить* ‘продолжать, затягивать на долгий срок’ [12]), **dǫl-gъ(jь)* (русск. *долгий* ‘продолжительный, длительный’, ‘имеющий большую длину, протяжение’ [13]), при этом допускается родство слав. **dal-* с лит. *tolì* ‘далеко’, *tolùs* ‘далекий’, *tòlis* ‘даль’ [14]. Мерой отдаленного расстояния является *верста́* ‘старая русская мера длины, равная 1,06 км.’ (< праслав. **vǫrsta* < **vǫrtta*, производного с суфф. *-ta* от глаг. **vǫrtěti* (русск. *вертеть*), первонач. расстояние между двумя поворотами плуга > ‘одинаковый с другими отрезок расстояния > ‘равный’, отсюда ‘мера длины, верста’) [15]; за *версто́й* ‘очень далеко’ (Печор.) [16].

В целом, расстояние обозначается лексемами *протяженье* (Новг.) [17], *мѣсто* (Арх., Влг., Карел.) [18]. Последнее < праслав. **město*, родственному др.-инд. *mēthís*, *methi* ‘столб’, лит. *miētas*, лтш. *miets* ‘кол, палка’, < и.-е. *mēit* ‘укреплять; палка, бревно’ [19].

Расстояние могло измеряться в соотношении со временем преодоления пути: *день*, *днѣще* ‘гадательное в Самоедских тундрах, при езде аргышом, пространство перегона для корма оленей (25-30 верст)’ (Арх.) [20]. Если географический объект находился далеко, то при достижении его требовалась ночевка: *но́чи* ‘дальние покосы’ (Влг.) [21], *ночлѣг* ‘дальний сенокос, где оставались ночевать’ (Арх., Ленингр., Мурм.) [22].

Способ преодоления пути отражен в таких мерах расстояния, как *перегреб* ‘расстояние в 30 верст, пройденное греблей’ (Арх.) [23], *переездка* ‘расстояние между остановками’ (Арх.) [24], *перейдище* ‘один переход, пешая путинка’ (Твер., Пск.) [25].

Лексема *перекалье* ‘не слишком большое расстояние от одного предмета до другого, например, промежуток между концами двух озер’ (Арх.) [26], ‘промежек, промежуток’ («*перекалья меж озер*») [27] находит соответствие в смол. *каливо*, *калево* ‘немножко’, *калива* ‘мало’, см.: [28]. Вместе с тем при учете фиксации лексемы в Архангельской области — зоне активных контактов с прибалтийско-финскими народами — можно предполагать образование от несохранившегося или незафиксированного русск. диал. **калья* ‘холм, гора’ (< приб.-фин. или саам., ср. фин. *kallio*, карел. *kallivo*, люд. *kal’*, *kal’l’i*, вепс. *kal’* ‘скала’ [29]). В этом случае исходное значение лексемы может быть интерпретировано как ‘расстояние между двумя скалами’.

Термин *перетура* ‘перегон’ (Влг.) [30], вероятно, связан с глаголом *турить* ‘торопить, гнать’, *турить* ‘быстро плыть на лодке’ (Арх.), который находит соответствия, например, в укр. *потурити* ‘погнать’, блр. *турыць* ‘то же’ [См.: 31], болг. *турям* ‘ставить, класть’, с.-хорв. *турити* ‘бросить, столкнуть’ [32]. В то же гнездо входит лексема *оботурок* ‘отдаленное место, захолустье’ (Арх.) [33]. Близка по внутренней форме лексема *гон* ‘мера расстояния’ (Костр.) [34], ‘мера измерения расстояний’ (Костр.) [35], образованная от глагола *гнать* ‘заставлять двигаться в каком-либо направлении’ [36], ср. с.-хорв. *гдн* ‘расстояние, пробегаемое лошастью за один раз’ [37].

Небольшое расстояние обозначается лексемой *проскочек* (Твер., Пск.) [38], которая является суффиксальным производным от глагола *проскочить* ‘пройти, пробежать быстро мимо чего-н.’ [39]. Значение ‘глухомань, захолустье’ имеет слово *отбросок* (Арх.) [40], образованное от глагола *отбросить* ‘бросить в сторону’ [41].

Далекie участки пахотной земли номинируются терминами *отрезка* ‘участок земли, отведенный кому-л. и находящийся далеко от дома’ (Яр.) [42] (< *отрезать* ‘отделить межеванием (земельный участок)’ [43]), *отруб* ‘отдаленный лесной покос или пахотный участок’ (Яр.) [44] (конкретизация от *отруб* ‘в царской России в

1906-1916 гг.: участок земли, выделяющийся в личную собственность крестьянину при выходе его из общины' < *отрубить* 'отделить рубя' [45]), *отводок* 'самое дальнее от деревни поле' (Влг.), *отводной участок* 'участок земли, отведенный кому-л. в стороне, в отдалении' (Яр.) [46], ср., *отвесті*, несов. *отводить* 'назначить, отдать в пользование' [47].

Лексема *околок* 'отдаленное глухое место в лесу' (Влг.) [48] является одной из конкретизаций *околок* 'перелесок, молодой лес возле большого леса' (Брян.), 'перелесок в болотистой местности; заболоченный участок в лесу' (Краснояр., Кемер., Новосиб., Том.), ср. также *околок* 'часть, край деревни, лежащие в стороне, в отдалении от главной, основной ее части' (Арх.) [49]. С другой приставкой фиксируется *уколок* 'близкое место' (Пск., Твер.) [50]. Обе лексемы связаны с *колок* 'роща, лесок в поле, степи; островок крупного леса среди мелколесья, болота и т. д.' [51]. В основе всех перечисленных лексем глагол *колоть* 'раздроблять, рассекать, делить на куски' (< праслав. **kolti*) [52].

В диалектах как обозначение дальнего места используется термин *украина* 'окраина, далекие места' (Влг.) [53], 'дальнее глухое место' (Костр.), 'окраина, дальняя деревня или несколько деревень' (Влг.) [54]: «производно от др.-рус. *оукраина* 'пограничная местность', связано с диал. *украй* 'с краю; на берегу', *украиной* 'крайний'» [55]. Праславянский корень **kraj-* связан родством с **krojiti* (русск. *кроить* 'разрезать (ткань, кожу) на куски определенной формы для шитья, изготовления чего-н.'), < праслав. **kroj-*, которое реализует исходное и.-е. **(s)ker-* 'резать' [56]. Близок по внутренней форме термин *усторонье* 'глушь, место отдаленное' (Арх., Новг.) [57], 'отдаленная местность, глушь' (Арх.) [58], 'глушь, захолустье, место, удаленное от города, от большой дороги' (Сев.) [59]. Лексема производна от *сторона* 'направление, а также пространство, расположенное в удалении, на каком-н. расстоянии от кого-чего-н.', которое «связано чередованием гласных с гл. **-sterti* (рус. *простереть*)» [60].

Лексема *сутырь* 'дальнее глухое место', 'удаленный лесной массив' (Влг.) [61], зафиксированная также в значениях 'угол поля, дороги, тупик' (Костр.), 'участок поля, вдающийся в лес' (Влг.), 'участок поваленного ветром леса' (Влг.), 'край болота, вдающийся в лес' (Влг.) [62], имеет архаическую приставку *су-* со значением

‘связь, соединение’ [63]. Корень *-тыр-*, возможно, связан чередованием гласных с *-тур-*: русск. *турить* ‘грубо прогонять, гнать’, имеющее соответствия, например, в с.-хорв. *tŭritи* ‘бросить, столкнуть’ [64].

Значение ‘далекое глухое место’ представлено у лексемы *тма́* (Арх.) [65]. В литературном русском языке слово обозначает ‘отсутствие света, мрак’ [66]. Географическая семантика вторична. Известно *тма́* в числовом значении: ‘в Древней Руси: десять тысяч’, ‘очень большое количество, число кого-чего-н.’, которое рассматривается как калька тюрк. *tuman* ‘десять тысяч, мгла’ [67].

Слово *пáстбище* ‘расстояние около полуверсты’ (Твер., Пск.) [68] демонстрирует расширение значения от *пáстбище* ‘место, где пасется скот, кормятся животные’ [69]. Очевидно, развитие значения связано с тем, что пастбища располагались недалеко от деревни.

Несколько лексем с семантикой расстояния производны от названий деревенских объектов: *печѝще* ‘отдаленная от других населенных местностей деревня или поселок’ (Арх.) [70], ср.: *печѝще* ‘печь’ (КАССР), ‘деревня’ (Арх.) [71]; *шóмуша* ‘дальний участок леса’ (Арх.) [72], ср.: *шóмуша* ‘угол перед печью, служащий кухней’ (Арх.) [73]. В этом случае можно говорить о том, что образ дома целиком формирует крестьянское мировоззрение, накладываясь на окружающий мир.

Лексема *кру́глина* ‘окольный или вообще дальний путь, большое расстояние, околица’ (Новг.) [74] образована от *кру́глый* ‘имеющий форму круга или шара’ [75].

В значении ‘расстояние’ употребляется слово *клюка́* (Арх.) [76], ср. также *ба́ба ме́рила клюко́й да махну́ла руко́й* ‘о неопределенно большом расстоянии’ (Арх.), *клюко́й ме́ряли, изме́рить не мо́гли* ‘об очень большом расстоянии’ (Яр.) [77]. В литературном языке функционирует *клюка́* ‘палка с кривым верхним концом для опоры при ходьбе’, которое родственно с.-хорв. *кљука* ‘крюк, крючок; изгиб, поворот (дороги)’, чеш. *klíka* ‘изгиб, крюк’ (< праслав. **kl’uka*, для которого выстраивается развитие значения ‘изгиб, загиб’ > ‘разветвленный стебель’) [78].

Прозрачна внутренняя форма лексемы *стрелѝще* ‘расстояние, через которое пуля хватить может’ (Арх., Новг.) [79], ‘мера, на какую ружье бьет, пуля, дробь, ядро хватает’ (Сев.) [80]: < *стрелять*

‘производить выстрел из стрелкового или метательного оружия’ [81]. Появление лексемы в диалектах Европейского Севера России связано с широким распространением охоты как одного из основных занятий мужчин.

Звуковое измерение расстояния отражено в лексеме *рык* ‘мычание в значении меры расстояния’: «*Далеко ли отсюда до вас? — На коровий рык; на три рыка коровых*» (Твер.) [82]. В номинации реализуется бытовой опыт севернорусса.

Очень большой путь маркируется числительным *девять*: *дэвять путэй* ‘о долгой дороге, нелегком пути’ (Арх.) [83], за *дэвять дорóг киселя́ хлебáть* ‘далеко, на неопределенное расстояние’ (Арх.) [84]. Здесь на числительном лежит символическая нагрузка: число *девять* максимально при девятиричной системе счета, о следах которой у славян свидетельствуют приведенные выражения.

Задействован в номинациях образ черта: *чёртова верста́* ‘о неизвестном расстоянии’, *чёрт ла́птем мэрил*, *чёрт мэрял да верё́вка сорвалась*, *чёрт мэрял да верё́вку вы́рвал (сорва́л)*, *чёрт ходи́л да верё́вку сорва́л*, *чёрти мэряли да верё́вку порва́ли*, *чёрт кочерго́й мэрил и верё́вку сорвал*, *чёрт не схва́тит* (Арх.) ‘о неизмеримом расстоянии’ [85]. *Черт* ‘в религиозных представлениях и народных поверьях: нечистый дух, олицетворяющий зло (изображаемый обычно человекоподобным существом, в шерсти, с рогами, копытами и хвостом)’: по происхождению лексема связана с праслав. **čьrtъ*, производным от **čersti*, **čьrtq*, ср. др.-русск. *чьрсти* ‘чертить, проводить борозду, вспахивать’ [86]. Внутренняя форма лексемы и засвидетельствованные идиомы позволяют считать чёрта хозяином границ.

Компонент ‘дальний’ содержится в семантике лексемы *сузём* ‘дальний лес’ (Влг.), ‘дальний покос в лесу’ (Арх.) [87]. Лексема заимствована из финно-угорских языков, ср. фин. *sysmä* ‘лесная глушь; сплошной удаленный лес’ [88]. Финские данные свидетельствуют о том, что сема ‘дальний’ была заимствована вместе со словом.

Мерой расстояния является *чёмкас* ‘расстояние в 5 и более верст, зырянская миля’ (Влг.) [89], *чёмкос* ‘определение путевого расстояния, приблизительно около пяти верст’ (Арх.) [90], *чёмкас* ‘мера длины, которою измеряют дорогу и обозначают расстояние между курными избушками, устраиваемыми или для охотников на

зиму или для косарей на лето' (Влг.) [91]. В комментариях А. Подвысоцкий абсолютно верно этимологизирует слово: «Чемкосы определяются измерением пространства, а считаются от одного какого-нибудь урочища (напр., лес, холм и проч.) до другого. Слово это зырянское и составлено из слов: *чем* 'клеть' и *кост* 'промежуток'» [92], т. е. исходное значение слова – 'промежуток между избами'.

Таким образом, народные меры расстояния основаны на бытовом опыте и связаны по происхождению с лексикой, номинирующей хозяйственные действия, передвижение в пространстве (время и способ преодоления пути), ориентацию относительно смежных географических объектов, отражающей народные верования и представления о природных силах. Базовым является противопоставление «близкий» – «далекий». С точки зрения происхождения, основной массив лексики — это дериваты праславянских корней. Представлены лексемы, номинирующие древнейшие способы измерения расстояния. В ряде случаев отражаются мифологические представления. Редкие в этой сфере заимствования (прибалтийско-финские и коми) хорошо освоены.

Примечания

1. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 2006.
2. Куркина Л. В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
3. Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.
4. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009. С. 178–183.
5. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. М., 1980–. Вып. 2. С. 33–34.
6. Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1. С. 59.
7. Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. С. 27.
8. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1. С. 76.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 49.
10. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. С. 146.
11. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 201.
13. Там же. С. 207.

14. Там же. С. 179.
15. Там же. С. 82.
16. Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003. Т. 1. С. 61.
17. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. С. 312.
18. Там же. С. 229.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 442.
20. *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 37.
21. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
22. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 4. С. 49.
23. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1903–1909. Т. 3. С. 145.
24. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 4. С. 443.
25. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 96.
26. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858. С. 176.
27. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 55.
28. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4 т. / ред. Б. А. Ларин. СПб.: Азбука, 1996. Т. 2. С. 166–167.
29. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1–3. Helsinki, 1992–2000. О. 1. Р. 287.
30. *Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87. № 3. С. 71.
31. *Фасмер М.* Указ. соч. Т. 4. С. 123.
32. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1008.
33. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
34. Там же.
35. Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991. Вып. 3. С. 94.
36. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 155.
37. *Фасмер М.* Указ. соч. Т. 1. С. 436.
38. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 509.
39. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 763.
40. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
41. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 583.
42. Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991. Вып. 7. С. 67.

43. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 596.
44. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
45. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 597.
46. Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991. Вып. 7. С. 63.
47. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 583–584.
48. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 4. С. 181.
49. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. М.; Л., 1965–. Вып. 23. С. 42.
50. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858. С. 278.
51. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. М.; Л., 1965–. Вып. 14. С. 162.
52. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 350.
53. *Дилакторский П. А.* Указ. соч. С. 523.
54. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
55. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1024.
56. Там же. С. 375, 382.
57. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. С. 241.
58. *Подвысоцкий А.* Указ. соч. С. 180.
59. Указ. соч. Т. 4. С. 515.
60. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 947.
61. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
62. Там же.
63. *Фасмер М.* Указ. соч. Т. 3. С. 791.
64. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1007–1008.
65. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
66. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1010.
67. Там же.
68. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 23.
69. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 616.
70. *Подвысоцкий А.* Указ. соч. С. 121.
71. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. М.; Л., 1965–. Вып. 27. С. 6.

72. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
73. Там же.
74. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 200–201.
75. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 383.
76. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
77. Там же.
78. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 342.
79. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. С. 218.
80. *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 345.
81. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 950.
82. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. С. 194.
83. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М., 1980–. Т. 10. С. 403.
84. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
85. Там же.
86. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1092.
87. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
88. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 1919.
89. *Дилакторский П. А.* Указ. соч. С. 553.
90. *Подвысоцкий А.* Указ. соч. С. 187.
91. *Дилакторский П. А.* Указ. соч. С. 553.
92. *Подвысоцкий А.* Указ. соч. С. 187.

Сокращения

1. Географические названия
 - Арх. — Архангельская область
 - Брян. — Брянская область
 - Влг. — Вологодская область
 - Карел. — Республика Карелия
 - Кемер. — Кемеровская область
 - Костр. — Костромская область
 - Краснояр. — Красноярский край
 - Ленингр. — Ленинградская область
 - Мурм. — Мурманская область
 - Новг. — Новгородская область
 - Новосиб. — Новосибирская область
 - Печор. — бассейн р. Печора
 - Пск. — Псковская область

Сев. — Север Европейской части России

Смол. — Смоленская область

Твер. — Тверская губерния

Том. — Томская область

Яр. — Ярославская область

2. Языки

блр. — белорусский язык

болг. — болгарский язык

др.-инд. — древнеиндийский язык

др.-рус. — древнерусский язык

и.-е. — индоевропейский праязык

лит. — литовский язык

лтш. — латышский язык

праслав. — праславянский язык

рус. — русский язык

слав. — славянские языки

смол. — смоленские диалекты

с.-хорв. — сербохорватский язык

тюрк. — тюркские языки

укр. — украинский язык

фин. — финский язык

чеш. — чешский язык

3. Прочие

глагол. — глагол

диал. — диалектное

напр. — например

проч. — прочее

ср. — сравни

суфф. — суффикс

**Vocabulary with semantics ‘the distance’
in the dialects of the European North of Russia**

The article considers the Russian lexemes that denote distance and its measurements. The author conducts an etymological analysis of words, identifies motivational characteristics. The National Metrology is assessed in the paradigm of consumer experience of the dialect speaker, beliefs and perceptions of natural forces. The analysis of the tokens shows that the most common representation of distance is attitude of “near” — “far”, the index of faraway places is also more common. The activities of the dialect speaker (trekking, sailing, cattle drive, hunting) is expressed in the internal form of the majority of lexemes of the investigated group. Mental and linguistic archaic character is realized in internal form of lexemes that reflect the sound distance measurement, mythological submission, in particular, the symbolism of numerals, the image of devil and his actions. There are also borrowings, but they are few.

Keywords: lexis, metrology, term, nomination, dialect, derivative, borrowing.

Ассоциативно-образные репрезентации концептов «Раскаяние» и «Покаяние»*

В статье рассматриваются ассоциативно-образные репрезентации концептов «Раскаяние» и «Покаяние». Материалом наблюдений послужили контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Ассоциативно-образные репрезентации концепта, в соответствии с моделью, предложенной Л. Г. Бабенко, входят в зону дальнейшей периферии в структуре концепта и связаны с субъективным восприятием действительности. На основании их анализа выделяются основные образы, используемые авторами для актуализации тех или иных когнитивных признаков, значимых в данном контексте. В статье используются классификации метафорических предикатов Н. Д. Арутюновой и Л. Г. Бабенко, дающие представление о наиболее частотных образах, связанных с именами эмоций, приводятся репрезентации, которые расширяют базовые классификации и создают образы, характерные для данных концептов (например, образ дверей для концепта «Покаяние»). В соответствии с полученными данными для концептов «Раскаяние» и «Покаяние» делается вывод о типичных метафорах для образного представления данных эмотивных концептов.

Ключевые слова: концепт, ассоциативно-образные репрезентации, метафора, раскаяние, покаяние, концептуальный анализ, эмоции.

Предметом статьи является рассмотрение ассоциативно-образных репрезентаций концептов «Раскаяние» и «Покаяние». Материал выбирался из Национального корпуса русского языка [1]. Рассматривая концепт в традициях Уральской семантической школы, возглавляемой профессором Л. Г. Бабенко, мы считаем, что концепт представляет собой структуру иерархически организованных когнитивных признаков, в которой можно выделить ядро, ядерную зону и зоны ближайшей и дальнейшей периферии. Ассоциативно-образные репрезентации концепта представляют зону дальнейшей периферии, куда входят когнитивные признаки, связанные с субъективным восприятием действительности [2].

Концепт на уровне языка и речи репрезентируется лексемами как первичной, так и вторичной номинации. Среди видов вторичной номинации доминирует метафора. Таким образом, вслед за А. Н. Болдыревым, А. П. Чудиновым, Э. В. Будаевым, можно гово-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

речь об особой роли метафоры как средства познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [3].

Впервые о ведущей роли метафоры в процессе познания заговорили американские исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем», где они утверждают, что метафора «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [4].

В рамках теорий, связанных с процессами метафоризации, важным является вопрос о механизмах метафоризации для абстрактных имен. Данная проблема разрабатывалась в работах Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, Г. Н. Складневской, Л. О. Черненко, В. Н. Телия, Л. В. Балашовой.

Отмечая антропологическую природу метафоры, В. Н. Телия отмечает значимость человеческого фактора в процессе моделирования непредметного мира посредством метафор и по образу и подобию предметного мира. Другими словами, так называемый «вторичный мир» возникает как результат интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности, а затем это отвлечение конкретизируется через соизмерение с предметным миром. Кроме того, для метафоры характерен параметр антропометричности, то есть способность человека соизмерять все новое для него по своему образу и подобию или же по тем объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте [5].

Особый интерес представляет сочетаемость названий элементов психической жизни человека (эмоциональных состояний, переживаний, настроений и т. п.) с предикатами, которая основывается в большей степени на различных образах, метафоре [6]. Н. Д. Арутюнова отмечает способность человека «экстериоризировать ее [психики] составляющие, представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определенные взаимодействия, помогающее или вредящее» [7]. Особенность предикатов, используемых для сообщения о ненаблюдаемом мире, заключается в их способности одновременно описывать этот мир и создавать его. Опорным положением в исследовании и классификации предикатов, применяемых для элементов психического мира, является представление о том, что внутренний мир моделируется по образцу внешнего. Основным источником для пре-

дикатов является физическая лексика, используемая во вторичных смыслах [8].

При анализе предикатов, сочетающихся с названиями эмоций, эмоциональных состояний и т. п., представляется важной позиция, в которой находится имя — название эмоции. Так, Л. Г. Бабенко отмечает следующие особенности функционирования имен эмоций в предложении. Во-первых, в предложениях, где субъектную позицию занимают имена эмоций, а предикатами являются метафорические глаголы, эмоция приобретает значение самодовлеющей сущности, подчеркивается активность самих чувств. Во-вторых, в предложениях, где имена эмоций занимают объектную позицию, подчеркивается власть человека над чувством [9].

Если обратиться к контекстам с семантикой раскаяния, можно выявить реализацию и той, и другой модели образного представления эмоций. Например, в контексте из произведения Д. Мамина-Сибиряка находим: *Его охватывало жгучее раскаяние только при виде детей, на которых больше всего сказывался тяжелый семейный разлад*. Здесь раскаяние выступает в роли активного деятеля, на это указывает занимаемая именем эмоции позиция субъекта в предложении. Напротив, в стихотворении А. Полежаева: *О, для чего я на себе / Влачу раскаяния бремя* имя эмоции является объектом в предложении, таким образом подчеркивается, что субъект эмоции — человек — контролирует свое состояние, властен над своими чувствами.

Н. Д. Арутюнова на основании анализа вариантов сочетаемости предикатов с абстрактным именем выделяет следующие модели образного представления эмоций. Во-первых, довольно частым является представление об эмоциях как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих «форму» сосуда. Этот общий для всех эмоций образ основывается на том, что жидкое состояние вещества наиболее подвижно, изменчиво, легко попадает во власть стихий, имеет многобальную шкалу градаций разных состояний и температур. Во-вторых, для интенсивных эмоций характерен образ вспыхнувшего огня, пламени, бушующего пожара, несовместимых в материальном мире с влагой. Человек мыслится скорее как сосуд, в котором горит пламя души. Чувство-огонь измеряется по шкале от искры до бушующего пожара. Частыми предикатами являются глаголы *вспыхивать, гореть, гаснуть, тлеть*.

В-третьих, эмоции весьма часто оборачиваются существом, наделенным даром речи, незаурядной силой и способным *рождаться, жить, говорить, приходить, расти, расцветать, поселяться в сердце (душе), отпускать, оставлять след* и т. д. Наконец, ряд глаголов, сочетающихся с названиями причиняющих душевную боль отрицательными эмоций, передают душевные ощущения по образу физических ощущений боли: эмоции *грызут, терзают, гложут, колют, ранят, точат, пронзают сердце, жалят* и т. д. Таким образом, их сочетаемость с названиями чувств не есть непосредственное следствие персонификации эмоций [10].

Принимая во внимание данную классификацию, обратимся к контекстам, репрезентирующим концепты «Раскаяние» и «Покаяние». Например, представление о минимальном количестве чувства, образно переосмысленном как жидкость, отражается в сочетании с именем существительным *капля*: *Но в их глазах не было и капли раскаяния*» (О. Шило), в то время как максимальное количество чувства рассматривается как море, океан: *...я не мог не отыскать спасения в безбрежном океане постсоветского раскаяния*» (С. Роганов).

Раскаяние представляется как жидкость, принимающая форму сосуда, в метафорах *фиал раскаяния, сосуд раскаяния*. Сосуд является символом вместилища внутренних ценностей и эмоций, в том числе и раскаяния, которое в этом случае осмысливается как нечто объемное, тяжелое. В этой метафоре актуализируется степень, глубина и полнота испытываемого чувства, сопряженные с искренним признанием собственной вины:

*Так отрок библии, [безумный] расточитель, / До капли истощив раскаянья
фиал, / Увидев наконец родимую обитель, / Главой поник и зарыдал* (А. Пушкин);
*Но тому, кто сердцем весь / Раскаянья сосуд испил до дна, <...> — тому / Природа
врач, великая беседа, / Господняя развернутая книга <...>* (В. Жуковский).

Кроме того, сосуд — это форма, приспособленная для жидкости, поэтому в данной метафоре формируется образ раскаяния как жидкости, которая заполняет собой душу человека, сердце:

Раскаяние из сердца выплеснем / Прямо в морду земле, вставшей на дыбы
(В. Шершеневич).

Покаяние предстает также в образе жидкости в следующем контексте:

*Скорей омой / Себя водою покаянья, / Да гром двойного наказания / Не грянет
над твоей главой!* (А. Хомяков).

Здесь, во-первых, актуализируется идея слезного покаяния, то есть проявленного внешне, искреннего, а во-вторых, данный образ связан с омовением, символическим очищением при помощи воды, связанным с отречением от греховной жизни.

Анализируя ассоциативно-образные репрезентации концептов «Раскаяние» и «Покаяние», находим, что частотным является сочетание *огонь раскаяния*, которое семантически связано с адъективной (*жгущее раскаяние*) и с глагольной (*раскаяние жжет*) метафорами и обозначает мучительное состояние кающегося человека, испытывающего угрызения совести, сравнимые с огнем, что также может быть связано с состоянием нравственного очищения после раскаяния. Например:

И тебе не стыдно, не больно, Илья? не жжет тебя раскаяние, сожаление?.. — Не говори, не поминай! (И. Гончаров). Накричу на него, затопая ногами. А он даже не огрызнется, не как было раньше. Только замигает большими измученными глазами, да задрожит нижняя губенка. И сразу вспыхнет жгущее раскаяние. Целую его, плачу (С. Семенов). Когда же я солгал, ты сделался суров, / А я горел в огне раскаянья <...> (С. Соловьев).

В примерах из произведений И. Гончарова и С. Семенова раскаяние выступает в роли активного деятеля, на это указывает занимаемая именем эмоции позиция субъекта в предложении. Действие, называемое предикатом, при имени эмоции может быть разным: раскаяние может *жечь*, то есть воздействовать на человека, причиняя ему муки, какое-то определенное время, оно может *вспыхивать*, тогда подчеркивается внезапность наступления чувства и его интенсивность. В примере из произведения С. Соловьева герой испытывает раскаяние по поводу своей лжи, которое субъективно воспринимается им как огонь.

При образной репрезентации концепта «Раскаяние» встречаются сложные лексические репрезентации. Так, например, в контексте из произведения В. Гроссмана (<...> и *полновесная правота его жизни спорила со смятением и ужасом, вдруг воскресшими в нем, с огнем и льдом раскаяния*) встречаем парадоксальное сцепление лексем «огонь» и «лед», участвующих в организации образного компонента концепта «Раскаяние». Это не случайно, так как образ основан на актуализации ассоциативного признака *жгущий*, как и в метафоре *огонь раскаяния*, однако упоминание льда, связанное с муками, испытываемыми раскаивающимся, усиливает впечатление от сравнения.

Типичной метафорой для описания эмоции покаяния является образ огня:

Мир вам, угодники; трудное дело спасенья успешно ль / Вы совершаете? Жарко ль пылает огонь покаянья? / Звери и птицы спокойны ль в обители вашей? (В. Жуковский).

В этом примере образ огня раскрывается не только в генитивной метафоре *огонь покаянья*, но и в сочетающихся с ней лексемах: *жарко, пылает*. В данном контексте сочетание *огонь покаяния* занимает позицию субъекта в предложении, этим подчеркивается активная роль эмоционального состояния, довлеющего над людьми. В другом контексте из стихотворения К. Бальмонта (*Как под ярмом быки влекут тяжелый воз, / И оставляют след продольностью колес, / Так наши помыслы, намеренья, деянья/ За нами тянутся, готова горечь слез, / И боль, и ужасы, и пламя покаянья <...>*) сочетание *пламя покаяния* занимает позицию объекта-результата, эмоционального состояния, которое ожидает человека впоследствии. В представлении покаяния как чувства-огня актуализируются сильные муки, испытываемые человеком, его душевные страдания.

Образ живого существа также характерен для эмоций раскаяния и покаяния. Например, среди ассоциативно-образных репрезентаций концепта «Раскаяние» встречаются следующие:

И вот пришло раскаяние теперь, / Пришло — но поздно (М. Лермонтов); *Чрез камни конь его несет, / Он не глядит и не боится; / Так быстро скачет только тот, / За кем раскаяние мчится!..* (М. Лермонтов).

В данных контекстах создается образ чувства-врага, преследователя, которое мучает человека. Для концепта «Покаяние» находим контексты, в которых эмоция предстает живым существом:

Покаяние рождается от надежды и решительного отказа от отчаяния (митрополит Антоний (Блум)); *...принесите Богу сначала раскаяние, потом — истинное, все растущее покаяние* (митрополит Антоний (Блум)).

В отличие от репрезентаций концепта «Раскаяние», в которых создается образ врага-мучителя, для покаяния более важным оказывается процесс становления эмоции: ее появление (рождение), рост.

Довольно частая метафора, формирующая образное представление раскаяния — живое существо, которое способно причинять нравственные страдания (*терзает, гложет, мучит* человека):

Раскаянье мне сердце гложет! (В. Ходасевич); *И грудь раскаянье загложет* (С. Надсон).

В этих примерах имя эмоции занимает позицию субъекта в предложении, таким образом, подчеркивается активная роль раскаяния, воздействие на человека, его самодовлеющая сущность. На месте объекта-адресата эмоции находятся лексемы «сердце», «грудь», благодаря чему эмоция описывается как внутреннее состояние человека.

Интересными оказываются репрезентации концептов «Раскаяние» и «Покаяние», в которых предикаты, обозначающие физическое воздействие на человека, сочетаются с субъектом, выраженным сочетанием, являющимся генитивной метафорой. Например, раскаяние предстает в образе змеи, которая гложет, жалит человека:

Улыбка на устах его воссесть не может, / Змия раскаянья преступно сердце гложет; / Властитель мира, царь, он носит в сердце ад (А. Радищев); *Печален, сумрачен и нем, / Змеей раскаянья ужален, / Из княжеских опочивален / К боярам не выходит он* (М. Соловьев).

Здесь подчеркивается мучительность переживаемого чувства, душевная боль.

Ряд других контекстов дает представление о раскаянии как о холодном оружии, остром колющем предмете:

От стрел раскаянья златым щитом чести / Ожесточенную вы совесть оградили (П. Вяземский); *Ты не хотел! Но скоро волю рока / Узнаешь ты и в бездну упадешь; / Проколет грудь раскаяния нож* (М. Лермонтов); *Тогда раскаянья кинжал / Пронзит тебя <...>* (М. Лермонтов); *Вы видели ее здесь спокойною, чуть ли не улыбающейся, но знаете ли вы, сколько горьких слез пролили эти глаза в ночной тишине, сколько острых игл жгучего раскаяния и скорби вонзилось в это истстрадавшееся сердце!* (Л. Андреев); *Но только что сел он на место, как одно жгучее раскаяние до боли пронзило его сердце <...>* (Ф. Достоевский).

Во всех представленных примерах раскаяние выступает субъектом действия, то есть актуализируется его самодовлеющая сущность. В функции объекта-адресата выступают имена существительные, обозначающие область человеческой души, составляющие его внутреннего мира (совесть, грудь, сердце). Таким образом, с помощью такой синтаксической организации передается воздействие раскаяния, которое проявлено внутренне и причиняет душевную боль.

Другим видом физического воздействия эмоции на человека, переосмысленным в метафоре, является ее тяжесть, которая накладывается на человека. Тягостное раскаяние предстает в разных текстах как *гири, ярмо, бремя*, что подчеркивает сложность душевного состояния человека, его несвободу от внутренних угрызений совести:

Из всех билетов вызубрив четыре, / Со скомканной программой в руке, / Неся в душе раскаяния гири, / Я мрачно шел с учебником к реке (Саша Черный); Не под ярмом раскаянья согбен, / Но полный сил, с поднятою главою, / Идти вперед я должен, чтоб Руси / Путь расчищать! (А. Толстой); О, для чего я на себе / Влачу раскаяния бремя? (А. Полежаев).

Но в то же время и гири, и ярмо не вечные спутники человека, их можно сбросить, от них можно избавиться, приложив определенные усилия, в результате чего раскаявшийся человек обретает легкость и, как следствие, внутреннюю свободу.

Список моделей образного представления эмоций, выделенных Н. Д. Арутюновой, который мы проиллюстрировали контекстами, репрезентирующими концепты «Раскаяние» и «Покаяние», может быть расширен. Так, например, для концепта «Покаяние» среди ассоциативно-образных репрезентаций можно выделить образ дверей:

Открой, открой, молю, мне покаянья двери, / Дай мне простить врагам, как Ты прощал долги, / И чудо мне яви, чтоб я сказала: «Верю, / Неверью моему, Спаситель, помоги!» (Е. Рачинская); О ненависти зверь! / Пройдем ли покаянья / Целительную дверь? / Замки ее суровы / И створы тяжелы. (З. Гиппиус).

Дверь выступает символом перехода человека из одного состояния в другое. Данный образ подчеркивает идею покаяния как акта с последующим изменением человека. Это может быть также связано с образом дверей в Рай в православной культуре или в Чистилище в католической. Таким образом, покаяние осмысливается как условие для очищения и попадания в Рай. Сравним с пословицей *Рад бы в Рай, да грехи не пускают*, где также выражается идея покаяния как пропуска в Рай после жизни. В данных контекстах подчеркивается и тяжесть покаяния: в первом контексте герой просит помочь ему в покаянии, «*открыть покаянья двери*». В отрывке из стихотворения З. Гиппиус находим развернутую метафору (*замки ее суровы / и створы тяжелы*), которая отражает сложность покаяния. Покаяние метафорически может также осмысливаться как путь: *Путь пред вами один — покаянье, / Ваша сила в глаголе молитв* (И. Гольц-Миллер). В данном контексте покаяние утверждается как единственный путь спасения, который осуществляется благодаря силе молитв.

Таким образом, ассоциативно-образные репрезентации концептов «Раскаяние» и «Покаяние» отражают как типичные для эмоций модели метафорического представления, так и особые, характерные только для рассматриваемых имен эмоций модели. Среди первых оба концепта предстают в образах огня, жидкости и живого

существа, при этом раскаяние предстает в образе мучителя, преследователя, а для покаяния значимым оказывается процесс становления эмоции. Глаголы, передающие душевные ощущения по образцу физических ощущений боли, встречаются в сочетании с именем эмоции раскаяния. Для покаяния оказывается частотным образ дверей, которые символизируют переход человека из греховного состояния в безгреховное, его очищение.

Примечания

1. НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 09.07.2016).
2. *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря. Екатеринбург, 2010. С. 3–19.
3. *Будаев Э. В.* Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
4. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., [2004]. С. 55.
5. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.
6. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976. С. 93–94.
7. Там же. С. 94.
8. Там же. С. 95.
9. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. С. 93–94.
10. *Арутюнова Н. Д.* Указ. соч. С. 98–106.

Associative-metaphorical representations of concepts “Remorse” and “Repentance”

The article discusses associative-metaphorical representations of concepts “Remorse” and “Repentance”. The extracts for analysis were taken from the National corpus of the Russian language. In accordance with the model proposed by L. G. Babenko associative-metaphorical representation of the concept included in the area of further peripherals and connected with subjective perception of reality. Based on their analysis we highlighted the main images used for the actualization of cognitive characteristics that are significant in this contexts. This article uses the classification of metaphorical predicates N. D. Arutunova and L. G. Babenko giving an idea of the most frequent images associated with the names of emotions, also there are representations that extend the basic classification and create images that are characteristic of these concepts (for example, the image of the door for the concept “Repentance”). In accordance with the received data to the concepts “Remorse” and “Repentance” concludes typical metaphors for figurative representation of data of emotive concepts.

Keywords: concept, associative-metaphorical representations, metaphor, remorse, repentance, conceptual analysis, emotions.

**Типы антонимических корреляций в составе
синонимико-антонимической парадигмы
с семантикой эмоциональных состояний радости и горя**

В статье дается описание парадигматических особенностей антонимических корреляций различных типов, используемых в английских паремиях для номинации эмоциональных состояний радости и горя. Как известно, эмоции такого типа относятся в психологической науке к категории базовых, чем, вероятно, объясняется частотность употребления данного лексического материала. Данные корреляции рассмотрены в составе синонимико-антонимической парадигмы, позволяющей проиллюстрировать взаимоотношения синонимов и антонимов в системе языка. В ходе исследования была разработана модель описания антонимических корреляций на основе существующих классификаций антонимичных лексических единиц. Для анализа семантических и семных структур антонимичных единиц, образующих корреляции, введены понятия СДА (семантического диапазона антонимичности) и ЭДА (эпидигматического диапазона антонимичности). В исследуемой синонимико-антонимической парадигме обнаружены антонимические корреляции, включающие грамматически симметричные и асимметричные (межчастеречные) антонимы, семантически полные и неполные антонимы, абсолютные антонимы и квазиантонимы, окказиональные (контекстуальные) антонимы. Подробно рассмотрены случаи образования корреляций с помощью антонимичных лексических единиц, относящихся к разным частям речи (глагол — существительное, существительное — прилагательное). Особое внимание уделено описанию уникальной корреляции, образованной семантически полными абсолютными антонимами.

Ключевые слова: антонимическая корреляция, синонимико-антонимическая парадигма, паремия, эмоциональное состояние.

Цель данной статьи — представить результаты анализа парадигматических особенностей антонимических оппозиций, используемых в оппозитивных английских паремиях для номинации эмоциональных состояний радости и горя. Данные оппозиции были объединены в одной из групп денотативно-идеографического класса «Эмоции», определенного с опорой на Словарь-тезаурус синонимов русской речи под общей редакцией проф. Л. Г. Бабенко [1].

Необходимо отметить, что денотативная сфера исследуемых лексических единиц охватывает особый класс психических процессов и состояний индивида. Проявляясь в ответ на воздействие событий, значимых для жизнедеятельности индивида, эмоции всегда связаны с оценкой этих событий. При всем разнообразии своих

эмоциональных переживаний человек чаще всего либо радуется, либо огорчается, выражая оценочное отношение к различным аспектам своей жизнедеятельности. Традиционно эмоции делятся на две полярные категории: положительные и отрицательные. В психологии эти эмоции относятся к категории базовых. Видимо, неслучайно, что наиболее частотной в нашем исследовании оказалась лексика, используемая для репрезентации данных эмоций.

Так, в составе изучаемого корпуса выделяется ряд лексем, употребляющихся для номинации состояния радости и связанных между собой отношениями семантического тождества: *joy, pleasure, mirth, weal, fortune, gladness*, которые образуют оппозиции с лексемами, обозначающими эмоциональное состояние горести: *sorrow, grief, woe, pain, lament, annoy, sadness*. Последние, в свою очередь, также аккомодируются в синонимический ряд. Такое положение дает нам основание говорить о возможности образования синонимико-антонимической парадигмы в рамках семантического пространства «радость — горе».

Для анализа семантической специфики данной парадигмы мы воспользуемся рабочим термином «антонимические корреляции», обозначающим типичные связи между членами антонимических оппозиций, и расположим их в рамках полевой структуры, образованной на основе собственно семантической классификации антонимов. В данном случае семантически симметричные антонимические корреляции (абсолютные антонимы) образуют ядро; семантически асимметричные корреляции квазиантонимов располагаются в центре; зону периферии занимают семантически асимметричные окказиональные антонимические корреляции. Для определения семантически симметричных и асимметричных типов корреляций вводится понятие *семантического диапазона антонимичности* (СДА). Под семантическим диапазоном антонимичности мы понимаем соотношение параметров семных структур членов антонимической корреляции. В случае совпадения всех характеристик параметров наблюдается симметричность СДА, что позволяет говорить о семантически соразмерных, или симметричных антонимических корреляциях. Качественно-количественные различия компонентов противопоставляемых в корреляции структур ведут к асимметричности СДА и, соответственно, к семантической несоразмерности или асимметричности антонимических корреляций.

Кроме того, в рамках проведенного исследования изучается соотношение компонентов семантических структур членов антонимических корреляций, т. е. *эпидигматический диапазон антонимичности* (ЭДА), и рассчитывается коэффициент семантической соотносительности по противоположности (КССП) для конкретных оппозиций по формуле, предложенной В. А. Ивановой на основе формулы попарного коэффициента семантической близости, использованной С. Г. Бережаном: $V=2c \div (a+b)$, где V — переменная величина, коэффициент семантической соотносительности по противоположности; c — количество совпадающих антонимических значений членов антонимического ряда; a, b — число значений каждого из антонимов [2]. Такая процедура проводится с целью выявления эпидигматически полных антонимических корреляций.

Дефиниционный анализ доминанты первого ряда — существительного *pleasure* — показывает, что в ее семантической структуре выделяется 8 ЛСВ, которые используются для номинации достаточно широкого класса состояний: «от чисто интеллектуального удовлетворения, внешне никак не проявляющегося, до близкого к радости по характеру и внешним проявлениям чувства, коренящегося в особенностях физиологической или эмоциональной организации человека» [3]. Данный семантический потенциал частично реализуется в исследуемом материале, где имеется 6 корреляций, компонентом которых является существительное *pleasure*, употребленное в форме единственного и множественного числа. Среди них корреляция существительных *pleasure* — *pain* оказалась самой частотной. Противопоставление этих существительных в единственном числе встретилось в 4 пословицах: *Every pleasure has a pain* (досл.: Каждое удовольствие имеет боль; русский аналог: Не всяко горюшко приплакать — притужить: ино горюшко на радость положить); *After pleasure comes pain* (досл.: После радости приходит боль; русский аналог: Нет худа без добра); *Past pain is pleasure* (досл.: Прошедшая боль — это удовольствие; русский аналог: Потерял пять, нашел семь); *Sweet is pleasure after pain* (досл.: Удовольствие приятно после горя; русский аналог: Не вкусив горького, не узнаешь сладкого). В одной из пословиц содержится оппозиция указанных лексем во множественном числе: *Short pleasures, long pains* (досл.: Короткие удовольствия, долгие страдания). Межчастеречная оппозиция существительного *pleasure* с глаголом *pain*

встретилась в следующей пословице: *Fly the **pleasure** which **pains** afterwards* (досл.: Улетай удовольствие, которое впоследствии причиняет боль).

Оппозиция *pleasure — pain* регистрируется только в DDSA [4]. При этом члены синонимических рядов, приведенных в данном словаре, сопряжены с отдельными ЛСВ, образующими их семантические структуры. Антонимические связи возможны в данном случае в 3 значениях: «умственное удовольствие» — «физическое удовольствие»; «радость — горе»; «источник удовольствия» — «источник страдания». Учитывая, что в семантической структуре существительного *pleasure* выделяется 8 ЛСВ, а у его антипода *pain* — 5 ЛСВ, рассчитаем КССП: $3 \times 2 \div (8 + 5) = 6 \div 13 \approx 0,5$. В СДА наблюдается асимметрия, поскольку в семной структуре *pain* имеется компонент «глубокое переживание», отсутствующий у его антипода *pleasure*. Такая асимметрия не позволяет считать данную корреляцию семантически симметричной, т. е. ее члены относятся к ряду квазиантонимов.

В другой узуальной оппозиции «положительный» антоним *pleasure* противопоставлен «отрицательному» антониму *sorrow*: *A day of **pleasure** is worth two of **sorrow*** (досл.: Один день радости стоит двух дней горести; русский аналог: Шутка-минутка, а заряжает на час). Эпидигматически члены данной оппозиции не могут считаться полными антонимами. Соотношение ЛСВ, образующих их семантические структуры, выражается пропорцией 8:3. Поскольку антонимические отношения возможны в 3 ЛСВ, КССП в данном случае рассчитывается следующим образом: $3 \times 2 \div (8 + 3) = 6 \div 11 \approx 0,5$. Наблюдения над СДА данной оппозиции позволяют сделать вывод о соразмерности семных структур ее членов. Оба существительных используются для номинации эмоций приблизительно одинаковой степени интенсивности, не обязательно проявляющихся внешне и вызываемых самым широким кругом событий.

Члены корреляции *pleasures — tears*, которая встречается в пословице: *The **pleasures** of the mighty are the **tears** of the poor* (досл.: Удовольствия могущественных — это слезы неимущих; русский аналог: Кошке — игрушки, а мышке — слезки), могут быть отнесены к пограничной зоне между окказиональными и квазиантонимами. Существительное *tears* употребляется в данном случае в переносном значении «горе» и является синонимом существительно-

го *sorrow*, о чем свидетельствуют данные RHWUD [5], где регистрируется вторичное значение *tears*, а указанный выше синоним *sorrow* употребляется в толковании этого значения.

В корреляции *pleasure* — *lament* наблюдается асимметричность как семантических, так и семных структур ее членов, образующих соответствующие ЭДА и СДА. Лексема *lament* в значении «горестное стенание» является партнером лексемы *tears* по синонимическому ряду. В первичной номинации существительное *lament* используется для обозначения способа выражения страдания, горя. При метафорическом употреблении она обозначает само состояние горя или страдания: *Short pleasure, long lament* (досл.: Короткое удовольствие, долгое горестное стенание; русский аналог: Где радость — тут и горе). Рассматриваемая оппозиция не регистрируется ни в одном из известных нам словарей антонимов английского языка. Существительное *lament* произведено от глагола *lament* способом конверсии. Данные DDSA, где отмечены оппозиции глагола *lament*, позволяют сделать вывод о возможности образования оппозиции *lament* — *pleasure*, поскольку глагол *lament* оказывается также партнером глагола *sorrow* по синонимическому ряду. А существительное *sorrow* является узуальным антонимом существительного *pleasure*. Соотношение компонентов семантических структур членов оппозиции *pleasure* — *lament* выражается пропорцией 8:2. КССП в данном случае относительно низкий: $2 \times 2 \div (8 + 2) = 4 \div 10 \approx 0,4$.

Существительное *pleasure* встречается также в оппозиции с существительным *sting*: *Pleasure has a sting in its tail* (досл.: Удовольствие имеет жало в своем хвосте; русский аналог: Чем поиграешь, тем и зашибешься) и с глаголом *bite*, образуя межчастеречную корреляцию: *Fly that pleasure that bites tomorrow* (досл.: Улетай удовольствие, которое укусит завтра). Пары *pleasure* — *sting* и *pleasure* — *bite* образуют окказиональные антонимические корреляции. В СДА данных корреляций противопоставляется актуализируемая контекстом периферийная сема «страдание» у существительного *sting* и глагола *bite* и ведущая дифференциальная сема «радость» в семной структуре существительного *pleasure*.

Следующим по частотности употребления в данной группе является существительное *joy*, синонимичное вышеописанному существительному *pleasure*. По сравнению с последним оно используется для номинации более глубокого эмоционального пережива-

ния чувства радости и удовольствия. По данным привлекаемых нами словарей антонимов английского языка наиболее полным антиподом лексемы *joy* служит лексема *sorrow*. В исследуемом материале оппозиция *joy — sorrow* встречается в 3 паремиях: ***Joy and sorrow are next door neighbours*** (досл.: Радость и горе — соседи за дверью рядом; русский аналог: Горе по соседству с радостью живет); ***God sends you joy for sorrow will come fast enough*** (досл.: Бог посылает вам радость, т.к. горе приходит достаточно быстро; русский аналог: Где радость, тут и горе); ***Of thy sorrow be not too sad, of thy joy be not too glad*** (досл.: От своего горя не слишком печалься, от радости своей не слишком радуйся).

Дефиниционный анализ компонентов данной оппозиции показывает, что они не принадлежат к числу полных антонимов с точки зрения их эпидигматики. В семантической структуре *joy* выделяется 4 ЛСВ. Существительное *sorrow* может образовать с ним связи по противоположности во всех 3 ЛСВ, отмеченных в его семантической структуре. КССП в данном случае достаточно высокий: $3 \times 2 \div (3 + 4) = 6 \div 7 \approx 0,8$. Что касается СДА этой оппозиции, в нем обнаруживается асимметричность. Несовпадения, в частности, касаются признака интенсивности обозначенного чувства. В отличие от *sorrow*, используемого для репрезентации эмоции наименьшей степени, существительным *joy* может быть названо переживание как глубокое, так и скоротечное. Следовательно, данные лексемы образуют квазиантонимические корреляции.

В изучаемом материале имеется также межчастеречная оппозиция с аналогичной семантикой, образованная существительным *sorrow* и прилагательным *joyful*, производным от существительного *joy*: ***The remembrance of the past sorrow is joyful*** (досл.: Воспоминание о прошлом горе радостно).

Далее следует оппозиция существительных *joy — grief*, которая регистрируется во всех известных нам словарях антонимов английского языка и встречается в исследовании трижды: ***One joy scatters a hundred griefs*** (досл.: Одна радость расточает сотню горестей; русский аналог: Шути, да оглядывайся); ***Marriage halves our griefs, doubles our joys and quadruples our expences*** (досл.: Супружество делит пополам наше горе, удваивает наши радости и в четыре раза увеличивает наши расходы); ***The joy of grief*** (досл.: Радость горя; русский аналог: Радость в печали). Поскольку существительное

grief, в отличие от своего антипода *joy*, используется для номинации эмоционального состояния большой глубины и силы, СДА рассматриваемой корреляции окажется не совсем симметричным по той же причине, что и в предыдущем случае. Эпидигматически члены оппозиции *joy* — *grief* следует считать неполными антонимами. Соотношение ЛСВ, входящих в их семантические структуры, выражается пропорцией 4:2, а отношения антонимической противоположности возникают между двумя из них. КССП данной пары довольно высокий: $2 \times 2 \div (4+2) = 4 \div 6 \approx 0,7$.

В одной из пословиц встретила оппозиция *joy* — *annoy*: *After joy comes annoy* (досл.: После радости приходит неприятность; русский аналог: Где радость, тут и горе). Данная оппозиция не регистрируется ни в одном из известных нам словарей антонимов английского языка. Однако существительное *annoy*, производное от соответствующего глагола способом конверсии, является синонимом существительного *trouble*, входящего в список антонимов существительного *joy*. Последнее также используется в дефиниции существительного *annoy*, которая содержит стилистическую помету «*archaic*» («устаревшее»), не сопровождающую дефиницию существительного *joy*. В СДА данной корреляции обнаруживается асимметричность, связанная с различиями, касающимися признака интенсивности переживания обозначаемых эмоций. Поскольку в семантической структуре существительного *annoy* имеется только одно значение: «неприятность», КССП в данном случае составляет: $1 \times 2 \div (4+1) = 2 \div 5 \approx 0,4$. Изложенное выше дает нам достаточно оснований для того, чтобы отнести данную корреляцию к разряду квазиантонимических.

Перейдем к анализу еще одной оппозиции, члены которой также служат для номинации положительных и отрицательных эмоций («радость» и «горе») и содержат одинаковую стилистическую помету «*poetic*»: *weal* — *woe*. Она встретила дважды: *Be it weal or be it woe, beans blow before May doth go* (досл.: Будь то радость или будь то горе, бобы лопаются до того, как уходит май); *Every day has its night, every weal has its woe* (досл.: Каждый день имеет свою ночь, каждая радость имеет свою печаль; русский аналог: Не бывает ни печали без радости, ни радости без печали). Количество противоположных значений рассматриваемых этих лексем равно сумме ЛСВ, имеющих в их семантических структурах, на основании

чего мы можем считать их полными антонимами. КССП в данном случае равен единице: $2 \times 2 \div (2+2) = 4 \div 4 = 1$. Обе лексемы используются для обозначения эмоциональных переживаний одинаковой интенсивности и характера, т. е. длительных и глубоких чувств, что позволяет отнести образуемые ими корреляции к разряду семантически симметричных.

Добавим также, что данная оппозиция используется в одном из устойчивых фразеологических сочетаний: *In **weal** and **woe*** (досл. В радости и горе), что указывает на ее регулярную воспроизводимость в речи.

Рассмотрим также окказиональную антонимическую корреляцию с семантикой «горя — радости»: *dainties — tears*, которая возникает благодаря актуализации в контексте периферийных сем ее первого компонента и метафорического употребления ее второго компонента: *The **daintiest** of the great are the **tears** of the poor* (досл.: Лакомства великих — это слезы неимущих; русский аналог: Кошке — игрушки, а мышке — слезки). В данном употреблении лексема *daintiest* оказывается синонимичной лексеме *pleasure*, а лексема *tears* синонимизируется с лексемой *sorrow*.

Итак, результаты проведенного исследования подтверждают представления о сложности специфики семантических связей между синонимами и антонимами, проявляющихся в синонимико-антонимических парадигмах. Во-первых, установлено, что в синонимические и антонимические отношения лексические единицы вступают не в полном объеме своих значений, а лишь в одном значении, т. е. синонимико-антонимические парадигмы образуют ЛСВ. Аккомодируясь в синонимико-антонимические парадигмы, члены антонимических корреляций разного типа отражают структуры полисемичных слов. Во-вторых, изучение синхронной связи между синонимами и антонимами, которая прослеживается в синонимико-антонимических парадигмах и является одним из языковых признаков этих семантических категорий, способствует выявлению особенностей искомых семных структур, а следовательно, и оттенков значений и стилистических характеристик членов как синонимических, так и антонимических рядов.

Таким образом, синонимико-антонимическая парадигма с семантикой горя и радости может быть образована на основе взаимодействия различных типов антонимических корреляций, членами

которых могут быть грамматически асимметричные антонимы (существительное *sorrow* — прилагательное *joyful*, существительное *pleasure* — глагол *pain*, существительное *pleasure* — глагол *bite*); эпидигматически полные (*weal* — *woe*) и неполные антонимы (*joy* — *grief*, *joy* — *sorrow*, *pleasure* — *sorrow*, *pleasure* — *pain*), а также абсолютные антонимы (*pleasure* — *sorrow*); квазиантонимы (*joy* — *annoy*, *joy* — *sorrow*, *lament* — *pleasure*, *pleasure* — *pain*) и окказиональные антонимические единицы (*dainties* — *tears*, *pleasure* — *bites*, *pleasure* — *sting*).

Примечания

1. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
2. Иванова В. А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982. С. 30.
3. (АРСС) Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; под рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна. 5-е изд., стереотип. М., 2000. С. 318–319.
4. (DDSA) Devlin J. A Dictionary of Synonyms and Antonyms. N. Y., 1987.
5. (RHWUD) Random House Webster's Unabridged Dictionary. N. Y., 2001.

Types of antonymic correlations within synonymic-antonymic paradigm with a semantics of joy and sorrow

The article provides the reader with an account of paradigmatic characteristics of antonymic correlations of different types used in English proverbs and sayings to denote emotional states of joy and sorrow. As is known psychologists refer such emotions to the category of basic ones. This probably explains the fact of the frequent usage of the lexical material under investigation. The correlations in question have been considered within a synonymic and antonymic paradigm illustrating the interdependency of synonyms and antonyms in the language system. The model for the description of antonymic correlations developed in the course of studies generalizes the existing classifications of antonymous lexical units. The operational notions of semantic antonymic scale and polysemic antonymic scale have been introduced for the analysis of semantic and polysemic structures of antonymous units forming the correlations. Among the antonymic correlations found in the paradigm are those formed with: grammatically symmetric (one-part-of-speech) and asymmetric (two-parts-of-speech) antonyms, semantically proper and partial antonyms, absolute antonyms and quasi-antonyms as well as occasional (contextual) antonyms. Special attention has been given to the description of grammatically asymmetric correlations. Of particular interest is also the treatment of one of the unique correlations, including proper absolute antonyms.

Keywords: antonymic correlation, synonymic and antonymic paradigm, proverb, emotional state.

Эмотивные особенности флейма как виртуального речевого конфликта¹

Задача данной статьи — изучить эмотивные особенности флейма как одного из видов виртуального речевого конфликта. Дается определение флейма как дискурсоприобренного полилогичного конфликтного жанра, эмотивной функции языка, объясняются особенности выражения эмоций на разных уровнях языка; конкретизируются особенности эмотивности, присущие виртуальному речевому конфликту (желание переживать эмоции, отрицательное коммуникативное намерение говорящего, выражающееся в отрицательных эмоциональных стимулах адресанта и отрицательных коммуникативных реакциях адресата). На примере фрагмента флеймового полилога автор ставит задачу определить статус эмотивных единиц и возможные виды эмотивных единиц; систематизировать эмотивные единицы в составе фрагмента флеймового полилога по эмотивным доминантам (неприязнь, высокомерие, недовольство, сочувствие, ирония, жестокость и др.); определить специфику эмотивных единиц в полилоге на разных уровнях языка; найти доминанты эмотивных смыслов в предложенном фрагменте полилога; выявить случаи смещения и дополнения эмотивных сем в контекстуально зависимых репликах в результате взаимного влияния эмотивно насыщенных лексем. Обозначены перспективы эмотивного анализа полилогов виртуальных речевых конфликтов (составление эмотивных портретов коммуникантов, наглядная репрезентация отношений между коммуникантами и дальнейшая характеристика флейма как дискурсоприобренного жанра).

Ключевые слова: флейм, дискурс, коммуникация, жанр, эмотивы, эмоции, эмотивное пространство.

В интернет-пространстве можно наблюдать особые явления, отличающиеся от тех, которые имеют место в непосредственной речевой коммуникации. К таким явлениям относятся, например, флейм, флуд, спам, троллинг, леркинг и т.д. В данной статье флейм как один из видов виртуального речевого конфликта рассматривается с точки зрения его эмотивных особенностей и эмотивного наполнения.

Флейм — это дискурсоприобренный полилогичный конфликтный жанр, характеризующийся резким отступлением от обсуждаемой ранее темы и переходом на личности [1]. Флеймовые эпизоды часто встречаются в полилогической коммуникации

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

Интернета, и поводом к этому являются особенности интернет-коммуникации в целом, главным образом — виртуальность и анонимность общения и статусное равенство пользователей.

Под «виртуальностью» общения в Интернете мы понимаем особенность, характеризующую коммуникантов как «творческих личностей»: пользователей, не предоставляющих полную и достоверную информацию о себе, но выступающих в рамках коммуникационных ресурсов под вымышленным именем, или никнеймом, не позволяющим отследить реального человека (анонимность), что дает возможность коммуниканту более свободно, раскрепощенно действовать в рамках используемых речевых средств. Т. Ю. Виноградова отмечает, что «пользователи презентуют себя с иной стороны, чем в условиях реальной социальной нормы» по причине «возможности реализации качеств личности, проигрывания ролей, переживания эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни» [2]. Как определил В. Нестеров, по аналогии с «карнавалом» Бахтина [3], Интернет-коммуникация — «отрицание реальной жизни, реальных статусов, общепринятых норм общения, да и, в определенной мере, просто реальных людей» [4]. Именно желание переживать эмоции ведет к повышенной эмоциональной нагрузке полилога.

Как было сказано выше, флейм — конфликтный жанр. Корневым условием проявления речевой агрессии в полилоге (речевой ситуации) является отрицательное коммуникативное намерение говорящего (задача унижить адресата, выразить негативные эмоции в его адрес), которое выражается в отрицательных эмоциональных стимулах адресанта (обида, раздражение, гнев) и отражающих их ответных репликах (обвинение, упрек, отказ, протест, ответное оскорбление) [5].

Эмотивная функция языка, выделяемая Р. Якобсоном, подразумевает выражение отношения говорящего к тому, что он говорит [6]. Помимо фонетики как способа выражения эмоций (напр. удлинение гласных для выражения восхищения или удивления в слове «красивый»), эмотивность может быть выражена единицами всех языковых уровней: морфологии, лексики, синтаксиса. Вслед за пониманием Л. Г. Бабенко эмотивности как категории языка, охватывающей все средства выражения эмоций [7], мы будем исследовать ее на всех доступных уровнях.

Изучая виртуальный конфликтный полилог, важно помнить об исключительно письменной форме его существования, что накладывает некоторые ограничения на диапазон доступных средств выражения эмоций. Если синтаксис, лексика и морфология не вызывают сомнений в своей выраженности на письме, то фонетика в Интернет-полилоге не выражена формально и примыкает скорее к морфологии: так, на примере, приведенном выше, восхищение или удивление может передаваться редупликацией букв: *красиивый* или *красивыый*. Добавим к потенциально эмотивным явлениям метаязыковые средства: блокировка верхнего регистра (Caps Lock), смайлики, мультимедиа-элементы (картинки, видео), которые также могут стать средством выражения эмоций говорящего.

Эмотивность флеймового полилога мы проиллюстрируем на материале фрагмента раздела форума, посвященного работе модераторов стороннего форума. Раздел озаглавлен «Модераторы форума "ментал геймс"». В заглавном тексте (в первом посте) автор жалуется на неправомерное, по его мнению, поведение модераторов; в какой-то момент один из участников полилога допускает колкое замечание в сторону другого участника (комментарий на момент просмотра был удален), и начинается флеймовый эпизод.

#219 Dja 10.10.2012, 05:53 Сообщение от **Основатель**:

Идиот тут только один, мой недалекий друг.

Сочувствую. Не везет тебе с друзьями

#220 ms460 10.10.2012, 14:09 Оо я смотрю малолетние дурачки всё продолжают нить как их обидили). Пора бы успокоится и сесть за уроки, а не считать себя крутыми троллями.

Бродяга наконец то ты не споришь, что ты недалёкий человек.

#221 nORb Dragon 10.10.2012, 18:14

Сообщение от **ms460**:

Оо я смотрю малолетние дурачки всё продолжают нить как их обидили). Пора бы успокоится и сесть за уроки, а не считать себя крутыми троллями.

А вас, уважаемый клон №460, каким ветром занесло в сию песочницу? И в каких единицах вы измеряете свой несомненно солидный возраст, что имеете смелость размахивать оным причиндалом перед всеми, аки порутчик Ржевский пред аристократками? В осмелюсь предположить, что вы неудачная модель клонирования. Либо удачная попытка создать пародию на Slowpoke.

Сообщение от **ms460**:

Бродяга наконец то ты не споришь, что ты недалёкий человек.

Недалекость — не порок... "Недалекие человеки" не являются синонимом "монголизма". Да и представители "монголизма" не виноваты в том, что они такие какие есть.

#222 Dja 11.10.2012, 06:38

Сообщение от ms460:

Оо я смотрю малолетние дурачки всё продолжают нить как их обидили). Пора бы успокоится и сесть за уроки, а не считать себя крутыми троллями.

Бродяга наконец то ты не споришь, что ты недалёкий человек.

Меня всегда смешили такие люди. Каждый первокурсник априори считает себя взрослым, ведь он уже не школота. Но каждого первокурсника так бесит что его все еще считают школотой.... Эх юнешески максимализм..... хорошее время, когда кажется что весь мир у твоих ног.

Сдается мне, когда-то, где-то я тебя уже опустил, видимо от того у тебя такая

"любовь" ко мне

Собственно, на твоих выводах касательно возраста и утверждения построенных на домыслах возникает вопрос, кто из нас недалекый? Хотя недалекость тут не при чем, мой унылый собеседник — ты идиот. И совсем не тот что у Достоевского, а именно — идиот.

Ну а если провести следствие из сделанного мной вывода, и вышесказанного неким "Основателем" то получается, что ты и есть его недалекый друг

Сообщение от Основатель:

Идиот тут только один, мой недалекый друг.

В данном фрагменте флейма мы выделили 50 эмотивных единиц и разделили их на группы по доминантам эмотивных смыслов с учетом контекста:

1) неприязнь: *идиот (2), недалекый (5), недалекый друг (2), недалекие человеки, дурачки* (отрицательная оценка интеллекта), *школота (3), малолетние,* (отрицательная оценка возраста) *клон, неудачная модель клонирования* (отрицательная оценка неоригинальности), *унылый, нить* (отрицательная оценка убедительности), *«монголизм»* (отрицательная оценка здоровья);

2) высокомерие: *аки, оным* (использование книжной лексики), *имеете смелость, осмелюсь предположить* (пренебрежение по отношению к поведению), *эх юнешески максимализм, хорошее время, весь мир у твоих ног* (пренебрежение по отношению к мировоззрению), *провести следствие* (намеренно некорректное использование);

3) недовольство: *бесит* (возмущение по отношению к поведению);

4) сочувствие: *не виноваты*;

5) ирония: *крутыми троллями, размахивать причиндалом, удачная попытка, пародию на Slowpoke, ветром занесло, несомненно солидный, «любовь», уважаемый* (насмешка по отношению к поведению), *сочувствую, не везет, смешили* (насмешка по отношению к ситуации);

6) жестокость: *опустил* (жестокость по отношению к поведению).

К этой классификации добавляются также графические эмодзи, выражающие (в порядке появления) стыд, удовольствие, стыд; междометия *Оо* и *Эх*, соответственно создающие эмотивный смысл удивления и усиливающие смысл иронии; с оговорками к эмотивным единицам можно отнести и цитирования, формально представленные точными копиями предыдущих сообщений, но несущими в себе, как нам кажется, эмотивный смысл протеста, так как содержание цитаты впоследствии оспаривается коммуникантом. В эмотивном комплексе гипертекста активно работают синтаксические структуры: безличные предложения, например, *пора бы успокоится и сесть за уроки*, коннотативно связанные с неодобрением, недовольством (так, лексема *пора* имеет компонент «побуждение» [8]; коммуникант ощущает противоречие, возникающее между желаемым порядком вещей и существующим, что порождает недовольство), *хорошее время, когда кажется что весь мир у твоих ног*, вносящие эмотивную семантику *удовольствия*. Коммуникант *nORb Dragon* также отличается использованием устаревших лексем, добавляя в доминирующее эмотивное пространство *неприязни* эмотивные смыслы *высокомерия* и *иронии*, усиливая этим *неприязнь*.

При анализе эмотивов важно отметить, что эмоциональные реакции коммуникантов тесно связаны с эмоциональными стимулами; так, пользователь *nORb Dragon* (#221) реагирует на эмоции *недовольства* пользователя *ms460* (#220) эмоциями *иронии* и *недовольства*; пользователь *Dja* (#222) реагирует на эти же самые эмоции *иронией* и *высокомерием*. На протяжении длительного флеймового конфликта исследователю представляется возможность составить эмотивный портрет каждого из участников на основании их эмотивных реакций и лексем, выражающих эмоции, при

условии постоянной активности участников и наличия набора разных эмотивных стимулов.

Исходя из списка эмотивных единиц, можно заметить количественное преобладание (и, как следствие — высокую продуктивность) слов с категориально-лексической семой «человек» и дополнительными дифференциальными определительными семами (*идиот* — *недалекий* — *дурачок* — *малолетний* — *школота* и т. д.). Это соответствует определению флейма как жанра, характеризующегося резким переходом на личности. Нужно отметить и явление контекстуальной замены эмотивных сем: так, *друг* выражает эмотивный смысл *дружба*, но в приведенном фрагменте он регулярно сочетается со словом *недалекий* и наследует от него эмотивный смысл *неприязни*, ассимилируясь с более контекстуально сильной эмоцией. То же происходит и с эмотивным смыслом слова *унылый*: изначально охарактеризованное эмотивным смыслом *грусть*, под влиянием доминанты *идиот* лексема также приобретает эмотивное значение *неприязни*.

Эмотивное пространство флеймового полилога в достаточно сильной степени отходит от нормативной эмотивной структуры: коммуниканты активно используют языковую игру и «карнавализуют» язык, свободно используя диапазон лексических значений и синтаксических средств. Стоит отметить, что приведенный выше фрагмент относится к числу наиболее интересных для изучения с точки зрения как коммуникативного устройства, так и эмотивной структуры: исходя из опыта коммуникативного анализа других флеймовых эпизодов, количество эмотивных смыслов в составе среднестатистического виртуального речевого конфликта ограничивается двумя или тремя (*неприязнью*, *недовольством* и *зlobой*).

Анализ фрагмента флеймового эпизода показывает, таким образом, высокую концентрацию эмотивных единиц в конфликтном полилоге. Изучение виртуального конфликта с точки зрения эмотивного пространства гипертекста является продуктивным для наглядной репрезентации отношений между коммуникантами и дальнейшей характеристики флейма как дискурсоприобренного жанра.

Примечания

1. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. Волгоград, 2009. С. 234.
2. *Виноградова Т. Ю.* Специфика общения в Интернете [Электронный ресурс] / Т. Ю. Виноградова. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/vinogradova_t-04.htm (дата обращения: 15.05.2016).
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
4. *Вадим и Елена Нестеровы.* Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов [Электронный ресурс]. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov/com/1> (дата обращения: 15.05.2016).
5. *Щербинина Ю. В.* Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. М., 2004. С. 9.
6. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 195.
7. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. С. 15.
8. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 169.

Emotive peculiarities of the flame as a virtual speech conflict

The given article represents an attempt to study the emotive peculiarities of the flame as a type of a virtual speech conflict. The author gives a definition of a flame as a discourse-acquired conflict genre, defines the emotive function of the language, explains the peculiarities of emotive expression on different levels of the language, and specifies the emotivity peculiar to the virtual speech conflict (such as a will to experience emotions, a destructive communicative aim of the speech act partners, which is expressed through a series of negative emotive stimuli and reactions). Using an example of a flame polylogue the author attempts to define the status and range of the emotive units available; to classify the units in groups by the emotive meanings (such as hostility, arrogance, discontent, condolence, irony, savageness etc.); to define the specifics of the emotive units on different levels of language; to explore cases of emotive blending and supplement in the remarks depending on the context. The opportunities of the emotive analysis of flame polylogues are indicated, i.e. constructing the communicants' emotive portraits, representing the relations between the speech act participants, further description of the flame as a discourse-acquired conflict genre.

Keywords: flame, discourse, communication, genre, emotives, emotions, emotive space.

Китайско-русский параллельный корпус с дискурсивно-структурной разметкой: теоретические аспекты*

Данная статья посвящена теоретическим аспектам создания Китайско-русского параллельного корпуса с дискурсивно-структурной разметкой. Дискурсивно-структурная разметка определяется как лингвистическое аннотирование, включающее информацию о структуре дискурса, в том числе об идентификации элементарных дискурсивных единиц, дискурсивных отношений, логико-семантической организации текста и т. д. Общая схема формализованного дискурсивного описания восходит к теории Connective-driven Dependency Tree, которая используется для обработки китайских текстов. Для работы с китайско-русскими параллельными текстами представлены теоретические принципы формализации дискурсивно-структурной разметки и определения ее единиц (элементарная дискурсивная единица, дискурсивная связка). Отдельно обсуждаются вопросы соотношения терминов «элементарная дискурсивная единица» и «клауза» и формирования набора дискурсивных отношений, которые связывают единицы дискурсивной разметки. Результаты исследования могут быть использованы при создании китайско-русского параллельного корпуса с дискурсивно-структурной разметкой. При этом необходимо адаптировать существующие классификации дискурсивных связок и дискурсивных отношений к материалу (официально-деловым текстам, составляющим китайско-русский корпус). Кроме того, предмет статьи соотносим с интересами сопоставительной лингвистики, практикой дискурс-анализа, обучения переводу и автоматической обработки естественного языка, в том числе машинного перевода.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, дискурс, китайско-русский корпус, дискурсивно-структурная разметка, дискурсивная единица, дискурсивная связка, дискурсивное отношение, обработка естественного языка

1. Введение в проблему

В последние годы наряду с созданием лингвистически аннотированных корпусов развиваются теории формализованной обработки естественного языка. Они лежат в основе создания множества корпусов и играют важную роль в практике аннотирования текстов. Соответственно, на данный момент «в общих чертах схемы аннотирования совпадают с разработанным в структурализме и других лингвистических теориях делением языковой системы на уровни: фонетическая, морфологическая, синтаксическая и т. д.», как отме-

* Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006) и «China Scholarship Council».

чает М. Копотев [1]. Перспективная цель нашей работы — создание китайско-русского параллельного корпуса с дискурсивно-структурной разметкой — предполагает обсуждение ряда теоретических проблем. Их решение необходимо для организации научно обоснованного аннотирования китайских и русских текстов.

Дискурсивно-структурную разметку мы определяем как лингвистическое аннотирование, включающее информацию о структуре дискурса, в том числе об идентификации элементарных дискурсивных единиц, дискурсивных отношений, логико-семантической организации текста и т. д. Следует признать, что с позиций современных подходов дискурс признается сложным коммуникативным явлением, объединяющим текст и экстралингвистические факторы, необходимые для его понимания (Т. А. ван Дейк, В. Кинч, А. Е. Кибрик, W. Chafe и др.). Дискурс может также отождествляться с текстом, который состоит из коммуникативных единиц языка — предложений и их объединений в более крупные единства, находящихся в непрерывной смысловой связи. В подтверждение этой мысли следует привести высказывание Е. В. Темновой: «Лингвистика занимается микроуровнем дискурса, ее предметом являются: а) синтактика, семантика и прагматика дискурсов, б) инсценировка и модели интерпретации этих дискурсов» [2].

Корпусная лингвистика за более чем полвека развития стала не только прикладной, но и теоретической наукой. Однако при создании параллельных корпусов с дискурсивно-структурной разметкой, или «трибанков» (например, Китайско-английского параллельного корпуса с дискурсивно-структурной разметкой [3]), возникают дополнительные теоретические проблемы. Они касаются как сегментации оригинального и переводного текстов, так и классификационных моментов, связанных с различиями в лингвистических теориях и традициях. Именно поэтому в первую очередь мы будем обсуждать здесь теоретические принципы формализации дискурсивно-структурной разметки, определения ее единиц и набора дискурсивных отношений, которые связывают эти единицы.

2. Принципы формализации дискурсивно-структурной разметки

По словам М. В. Болдасова и Е. Г. Соколовой, «вопрос построения плана текста [в нашем случае — формализованного дискурсив-

ного описания. — Я. И.] — это вопрос построения его риторической структуры» [4]. Основные принципы риторического моделирования структуры текста сформулированы в Теории риторической структуры (далее — ТРС), которую разработали в 1980-е гг. лингвисты У. Манн и С. Томпсон [5]. Теория предлагает описание структуры дискурса в виде дерева дискурсивных единиц, соединенных риторическими отношениями. В ТРС основными понятиями для описания структуры дискурса являются дискурсивные единицы и отношения между ними. На данный момент эта теория применяется при создании множества корпусов — например, *RST Discourse Treebank* [6].

Другая известная грамматика, D-LTAG (Discourse-level Lexicalized Tree-adjoining Grammar) [7], была использована в проекте по созданию дискурсивного корпуса *Penn Discourse TreeBank* (PDTB) [8]. Главная идея схемы основана на предположении о том, что любой более высокий уровень структуры дискурса может быть представлен посредством описания отношений более низкого уровня и их аргументами. В PDTB были размечены формальные показатели дискурсивных отношений — так называемые «дискурсивные связки», или «коннекторы» (discourse connectives), — а также их аргументы (arguments), что обеспечило более детальное описание структуры дискурса. Обсуждение термина «дискурсивная связка» в контексте нашего проекта см. далее.

В 2014 г. для разметки китайского дискурса была предложена схема «Connective-driven Dependency Tree» — далее CDT [9], на которую повлияла ТРС (идея древовидной структуры и центрального положения дискурсивных единиц), PDTB (описание дискурсивных связок) и китайские традиционные синтаксические теории. Схема представляет структуру каждого абзаца китайского текста в виде сети клауз, соединенных дискурсивными связками, и применяется в процессе создания Китайского дискурсивного трибанка (*Chinese Discourse Corpus with Connective-driven Dependency Tree Structure*) [10].

Наш проект создан по общей схеме CDT, в которой основными понятиями структурной организации являются дискурсивная единица, дискурсивная связка и дискурсивные отношения. Приведем для пояснения размеченные параллельные тексты:

Исходный текст (А): А1[过去一年, 困难比预料的多,] ||
 А2[结果比预想的好。] |
 А3[经济社会发展既有量的扩大, 又有质的提升,] |||
 А4[为今后奠定了基础。] || А5[这将鼓舞我们砥砺前行,] |||
 А6[不断创造新的辉煌。]

Переводной текст (Б): Б1[В прошлом году трудностей оказа-
 лось больше, чем предполагалось,] || Б2[но результаты получены
 лучше ожидавшихся.] | Б3[Социально-экономическое развитие от-
 личалось не только количественным ростом, но и качественным
 улучшением,] ||| Б4[что заложило фундамент для дальнейшего раз-
 вития.] || Б5[А это не может не вдохновить нас на неуклонное дви-
 жение вперед] ||| Б6[к новым блестящим успехам.]

Квадратными скобками в этом примере выделены элементар-
 ные дискурсивные единицы (ЭДЕ); буквы с цифрами между ними
 (А1, Б1 и т. д.) обозначают их порядок. Количество вертикальных
 черт (знак «|») перед ЭДЕ указывает на уровень иерархии в струк-
 турном дереве, к которому она относится. Подчеркнутые слова яв-
 ляются дискурсивными связками.

Теперь рассмотрим подробнее используемые термины.

3. Единицы разметки

3.1. Понятия «элементарная дискурсивная единица» и «клауза»

Описывая структуру дискурса русского языка в рамках Теории
 риторической структуры, А. Л. Литвиненко утверждает, что «текст
 организован иерархично: элементарные единицы объединяются в
 единицы большего объема, т. е. объединяются между собой и так до
 уровня целого текста» [11]. При разметке структуры дискурса необ-
 ходимо определить границы дискурсивных единиц разного объема.
 Согласно ТРС мы называем единицы самого низкого уровня эле-
 ментарными дискурсивными единицами, или ЭДЕ. В различных
 исследованиях такие единицы называют также клаузами. Напри-
 мер, А. А. Кибрик [12] отмечает, что «во многих современных под-
 ходах к дискурсу минимальными единицами дискурса признаются
 предикации, или клаузы (clause)». Таким образом, мы переходим к
 вопросу о соотношении терминов ЭДЕ и «клауза».

Термин «клауза» в русском традиционном синтаксисе почти не
 используется. Активизация его употребления связана в последнее

время с прикладной сферой обработки естественного языка. Создатели проекта АОТ.ру («Автоматическая обработка текста») определяют клаузу на синтаксическом уровне как «простое предложение в составе сложного» [13], формально это фрагмент предложения, выделенный знаками препинания. А. Л. Литвиненко определяет клаузу как «элементарное предложение, состоящее из одной глагольной группы и одной или нескольких именных групп» [11]. При разработке корпуса текстов на русском языке с разметкой на основе теории риторических структур М. И. Ананьева и М. В. Кобозева выделяют в качестве отдельных ЭДЕ:

- а) финитные клаузы (кроме клауз, являющихся сентенциальными актантами и при этом не входящих в косвенную речь);
- б) деепричастные обороты с причинно-следственным и уточняющим значением;
- в) описательные (нерестриктивные) причастные обороты;
- г) предложные группы со значением причины, следствия, уступки и контраста [15].

В китайском синтаксисе, как и в русском, единого определения клаузы не существует. При создании корпуса китайского языка с дискурсивно-структурной разметкой клауза приравнивается к ЭДЕ. Li et al. [16] определяют китайскую клаузу, или ЭДЕ, с точки зрения нескольких аспектов: а) грамматического (клауза обязательно состоит из одного сказуемого и не является грамматическим элементом другой клаузы); б) формального (между клаузами обязательно ставится знак препинания).

Таким образом, единых критериев универсальных принципов выделения ЭДЕ для текстов, написанных на различных языках, нет. Перед нами стоит задача сегментации и выравнивания параллельных текстов. Если в исходном тексте членение на ЭДЕ совпадает с членением на клаузы, то в переводном тексте такое совпадение не обязательно. Рассмотрим пример:

(A5) *这将鼓舞我们砥砺前行*, (A6) *不断创造新的辉煌*。

(Б5) *А это не может не вдохновить нас на неуклонное движение вперед* (Б6) *к новым блестящим успехам*.

В исходном тексте компоненты А5 и А6 являются клаузами, а в переводном соотносимый с А6 компонент Б6 (*к новым блестящим успехам*) клаузой не является.

Если наша задача заключается в обработке параллельных текстов, то их членение должно быть взаимообусловлено. С учетом теоретической базы и практического опыта при разметке корпуса мы выделяем ЭДЕ в исходном тексте исходя из трех параметров:

1) грамматическая структура (ЭДЕ обязательно состоит из одной глагольной группы и одной или нескольких именных групп);

2) семантическая структура (в ЭДЕ содержится как минимум одно суждение);

3) формально-пунктуационная структура (между ЭДЕ обычно ставится знак препинания (запятая, точка с запятой, точка и т. д.), но не любое предложение со знаком препинания членится на ЭДЕ — например, *过去一年, (в прошлом году)*.

3.2. Дискурсивные связки в структуре разметки

Дискурсивная связка (discourse connective) является важным структурным элементом разметки в нашем корпусе. Наряду с этим термином употребляются различные синонимы: «дискурсивный маркер (discourse marker)», «метка (marker)», «связка клауз» и т. д. Эту терминологию мы встречаем в работах таких лингвистов, как, например, B. Fraser, B. L. Webber и A. K. Joshi, A. A. Кибрик и др.

По мнению B. Fraser, дискурсивные связки или, как он их называет, «прагматические маркеры» — это функциональный класс лексических выражений, существующий в любом языке [17]. B. Fraser считает, что прагматические маркеры появляются в сегменте дискурса, но не являются частью пропозиционального содержания высказывания [18; 19]. Другое определение предлагает A. A. Кибрик: «дискурсивные маркеры — слова или словосочетания, кодирующие значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки) [20]». Кроме этого, автор отмечает соотношение дискурсивных маркеров с «традиционными» частями речи: частицами, союзами и наречиями.

В работе Webber et al. [21] под дискурсивной связкой подразумеваются слова и фразы, которые необходимы для организации дискурса (состоящего по меньшей мере из двух связанных клауз), в которой участвуют их семантические представления. По утверждению Miltasakaki, каждая дискурсивная связка имеет более одного значения. Например, связка *since* способна выражать временное,

причинное значение, а также смешанное значение временного и причинного [22].

В данной работе мы определяем термин «дискурсивная связка» как средство, соединяющее разные типы конструкций — клаузы, предложения и сверхфразовые единства. Функцию дискурсивной связки могут также выполнять не только традиционные союзы и союзные слова, но и предлоги, наречия (в том числе неоднословные), вводные конструкции.

Следует отметить, что классификация дискурсивных связей в дальнейшем будет уточнена в ходе работы над разметкой корпуса. Это вполне естественно, так как подобное дискурсивно-структурное соотношение китайских и русских текстов ранее не проводилось.

4. Проблема классификации дискурсивных отношений

В отличие от синтаксических отношений, дискурсивные отношения обладают прежде всего логико-семантическим характером. Дискурс, как пишет Е. В. Темнова, — «это не только связная последовательность предложений, противопоставляемая изолированному предложению, но и определенное семантическое единство, обладающее семантической связностью» [23].

В TPC W. Mann и S. Thompson допускают возможность существования единого, открытого набора структурных связей для объединения единиц любого объема (от максимальных, т. е. непосредственных составляющих целого дискурса) до минимальных (отдельных клауз). Они называют такие структурные связи «риторическими отношениями» [24]. Авторы предлагают список из 27 видов риторических отношений: фон, обоснование, причина, условие, цель, уступка, контраст, сравнение и др. Заметим, что Mann и Thompson не задают набор риторических отношений жестко, т. е. в случае конкретной разметки можно добавлять в перечень дополнительные отношения или какие-то удалять из него. Например, в практике создания *RST Discourse Treebank* [25] для аннотирования определены 78 видов риторических отношений. А. Л. Литвиненко для описания устного диалогического дискурса к исходному набору риторических отношений добавляет двадцать новых — например, коммуникативные, связывающие реплики в диалоге (*Вопрос, Ответ, Согласие* и др.), оформительные, описывающие средства, используемые

говорящим/пишущим для упорядочивания структуры рассказа (*Заголовки, Повтор, Концовка*) и т. д. [26].

Li в докторской диссертации предложила классификацию, включающую 4 группы отношений (в их числе 17 разновидностей), с учетом асимметричности отношений, выделяемых в ТРС, и роли дискурсивных связей. Эта классификация основана на традициях китайских синтаксических теорий. Перечислим виды дискурсивных отношений, выделяемых Li.

1. Параллельные отношения (5): соединительные, последовательные, прогрессивные, альтернативные и сравнительные.

2. Противительные отношения (2): противопоставительные и уступительные.

3. Каузальные отношения (6): собственно каузальные, целевые, обстоятельственные, условные, гипотетические, а также отношения умозаключения.

4. Расширительные отношения (4): изъяснительные, заключительные, иллюстрационные и оценочные [27].

Эта классификация отношений была использована для выполнения разметки не только корпуса исключительно китайских текстов, но и китайско-английского параллельного корпуса [28]. В существующую платформу для выполнения разметки, которая была создана Feng [Там же], интегрирован именно такой список отношений. Создавая подобный, но уже китайско-русский корпус, мы решили принять эту классификацию дискурсивных отношений за основу. Однако на практике различные виды отношений приходится адаптировать к материалу (официально-деловым текстам) и понимать расширительно (в особенности это касается русских переводных текстов).

5. Заключение

В данной работе мы представили основные теоретические проблемы создания китайско-русского параллельного корпуса с дискурсивно-структурной разметкой. Общие принципы проекта на сегодняшний день определены, и на существующей теоретической основе он представляется вполне осуществимым. Однако конкретные методики разработки параллельного корпуса с дискурсивно-структурной разметкой пока нельзя назвать совершенными. Необходима четкая инструкция по сегментации исходного и переводного

текста и выделению элементарных дискурсивных единиц. Кроме того, подлежит дальнейшему уточнению характеристика дискурсивных связей, а также классификация типов логико-семантических отношений с точки зрения китайской и русской лингвистической традиции.

Примечания

1. *Копотев М.* Введение в корпусную лингвистику: электронное учеб. пособие для студентов филол. и лингв. спец. ун-тов. Praha, 2014. С. 230.
2. *Темнова Е. В.* Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М., 2004. Вып. 26. С. 28.
3. *Feng W.* Alignment and Annotation of Chinese-English Discourse Structure Parallel Corpus. *Journal of Chinese Information Processing*. 2013. 27(6), P. 158–164.
4. *Болдасов М. В., Соколова Е. Г.* Генерация текстов на естественном языке — теории, методы, технологии // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2006. № 7. С. 4–5.
5. *Mann W. C., Thompson S. A.* Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. 1987. 8(3), P. 243–281.
6. *Carlson L., Marcu D., Okurowski M. E.* Building a Discourse-Tagged Corpus in the Framework of Rhetorical Structure Theory // *Current directions in discourse and dialogue*. Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 85–112.
7. *Forbes K. et al.* D-LTAG system: Discourse parsing with a lexicalized tree-adjoining grammar. *Journal of Logic, Language and Information*. 2003. V. 12. №. 3. P. 261–279.
8. *Prasad et al.* The Penn Discourse Treebank 2.0 // *Proceedings of the 6th International Conference on Language Resources an Evaluation*. Marrakech, Morocco, 2008. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.165.9566&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 28.06.2016).
9. *Li Y.* Research of Chinese Discourse Structure Representation and Resource Construction. PhD thesis. China, Suzhou University, 2014.
10. *Li et al.* Building a Chinese Discourse Corpus with Connective-driven Dependency Tree Structure // *Proceedings of the 2014 conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Doha, Qatar, 2014. P. 2105–2114.
11. *Литвиненко А. О.* Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: применение на русском материале // Тр. междунар. семинара «Диалог». 2001. С. 161 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/litvinenko/> (дата обращения: 29.06.2016).
12. *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 35.
13. *Литвиненко А. О.* Указ. соч. С. 162.
14. Синтаксический анализ // Портал «Автоматическая обработка текста». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aot.ru/docs/synan.html> (дата обращения: 28.06.2016).
15. *Ананьева М. И., Кобозева М. В.* Разработка корпуса текстов на русском языке с разметкой на основе теории риторических структур. // Тр. междунар. конф.

«Диалог». 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3460/ananyeva.pdf> (дата обращения: 29.06.2016).

16. Li *et al.* Op. cit. С. 16.

17. Fraser B. Pragmatic markers // *Pragmatics*. 1996. № 6. P. 167–190.

18. Fraser B. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*. 1990. № 14. P. 383–395.

19. Мурашкова Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров. Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2014. № 5. С. 53–59.

20. Кибрик А. А. Лекция «Дискурсивные маркеры». 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps> (дата обращения: 02.07.2016).

21. Webber B. and Joshi A. Anchoring a lexicalized tree adjoining grammar for discourse // *ACL/COLING Workshop on Discourse Relations and Discourse Markers*, Montreal, 1998. P. 8–92 [Электронный ресурс]. URL: <http://arxiv.org/pdf/cmp-1g/9806017v1.pdf> (дата обращения: 02.07.2016).

22. Miltsakaki *et al.* Annotating discourse connectives and their arguments // *Proceedings of the Workshop on Frontiers in Corpus Annotation*. Boston, Massachusetts, 2004. P. 9–16 [Электронный ресурс]. URL: http://www.aclweb.org/old_anthology/W/W04/W04-2703.pdf (дата обращения: 02.07.2016).

23. Темнова Е. В. Указ. соч. С. 26.

24. Mann W. C., Thompson S. A. Op. cit. P. 244.

25. Carlson L. *et al.* Op. cit.

26. Литвиненко А. О. Указ. соч.

27. Li *et al.* Op. cit.

28. Feng W. Op. cit.

Theoretical aspects of building a Chinese-Russian Parallel Corpus with discourse-structure annotation

This article is devoted to theoretical aspects of building a Chinese-Russian Parallel Corpus with discourse-structure annotation, in which Chinese and Russian comparable texts are annotated and aligned at the level of discourse structure. Discourse-structure annotation is defined as the linguistic annotation, which includes information of discourse structure, discourse units, discourse relations, logical-semantic organization of the text etc. The general scheme belongs to the theory of Connective-driven Dependency Tree, which was assumed to describe Chinese texts. In this article we focus on the basic concepts for building parallel discourse corpus, show how to define the basic discourse unit, discourse connectives and relations for Chinese-Russian comparable texts. We postulate that this paper might be useful for building Chinese-Russian Parallel Corpus with discourse-structure annotation. Thus, it is necessary to modify the existing classification of discourse connectives and discourse relations to the material (official-business texts in the Chinese-Russian parallel corpus). In addition, the subject of this article is of great interest to comparative linguistics, practice of discourse analysis, teaching translation and automatic natural language processing (machine translation).

Keywords: corpus linguistics, discourse, Chinese-Russian corpus, discourse structure annotation, discourse unit, discourse connectives, discourse relations, natural language processing.

Сведения об авторах

Ахманаева Наталья Александровна, аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), natalie_a@list.ru

Бабенко Людмила Григорьевна, д. ф. н., проф., зав. кафедрой современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), lgbabenko@yandex.ru

Белякова Светлана Михайловна, д. ф. н., проф., профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета (г. Тюмень), smbelyakova@gmail.com

Бент Мария Марковна, к. ф. н., доц., Челябинский государственный университет (г. Челябинск), bent@csu.ru

Бойцов Иван Арсентьевич, к. ф. н., доцент филологического факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург), iboytsov.spb@gmail.com

Болдырев Николай Николаевич, д. ф. н., проф., директор центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (г. Тамбов), boldyrev@tsu.tmb.ru

Болотнов Алексей Владимирович, к. ф. н., доц., доцент кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета (г. Томск), nsb@tspu.edu.ru

Болотнова Нина Сергеевна, д. ф. н., проф., зав. кафедрой современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета (г. Томск), nsb@tspu.edu.ru

Бородина Надежда Анатольевна, к. ф. н., доц., доцент кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (г. Елец), borodinanadezhda@yandex.ru

Бубнова Ирина Александровна, д. ф. н., проф., зав. кафедрой зарубежной филологии ГБОУ ВО МГПУ (г. Москва), aribubnova@gmail.com

Будаев Эдуард Владимирович, д. ф. н., доц., профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург), aedw@mail.ru

Ван Цзянин (Китай), аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), 805870962@qq.com

Воронина Татьяна Михайловна, к. ф. н., доц., доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), tmv313@yandex.ru

Глазырин Вячеслав Александрович, студент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), glazyrinslava@bk.ru

Гоголина Надежда Андреевна, к. ф. н., доц., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), nago@bmail.ru

Голованова Елена Иосифовна, д. ф. н., проф., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск), ligol@csu.ru

Гридина Татьяна Александровна, д. ф. н., проф., зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург), tatyana_gridina@mail.ru

Гуляева Галина Евгеньевна, к. ф. н., инженер I категории кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), astra310@mail.ru

Гэн Юаньюань (Китай), аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), 1501282954@qq.com

Данкер Зинаида Михайловна, к. ф. н., доцент филологического факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург), zdanker@yandex.ru

Джусупов Маханбет (Узбекистан), д. ф. н., проф., профессор кафедры русского языка и литературы Узбекского государственного университета мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан), mah.dzhusupov@mail.ru

Димитриева Ольга Альбертовна, аспирант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (г. Чебоксары), olgaal_79@mail.ru

Дубичинский Владимир Владимирович (Украина), д. ф. н., проф., адъюнкт Института русистики Варшавского университета (г. Варшава, Польша), vovodu@bk.ru, v.dubichynskiy@uw.edu.pl

Дудорова Мария Владимировна, к. ф. н., доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), primrose81@yandex.ru

Дунев Алексей Иванович, к. ф. н., доц.; доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург), al_dunев@mail.ru

Дюзенли Мария Владимировна, аспирант, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), mashatolm@rambler.ru

Земичева Светлана Сергеевна, к. ф. н., ст. лаборант кафедры русского языка Томского государственного университета (г. Томск), ortysmith@gmail.com

Илюхина Надежда Алексеевна, д. ф. н., проф., зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации Самарского университета (г. Самара), ilnadezhda@rambler.ru

Казарин Юрий Викторович, д. ф. н., проф., профессор кафедры современно-го русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), said55@ya.ru

Катермина Вероника Викторовна, д. ф. н., проф., профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар), katermina_v@mail.ru

Козынцева Ульяна Николаевна, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), uljan_ka@mail.ru

Конкина (Ахметшина) Наиля Ринатовна, ассистент кафедры русского языка как иностранного НИЯУ МИФИ (г. Москва), nailya.andante@gmail.com

Коновалова Надежда Ильинична, д. ф. н., проф., профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург), sakralist@mail.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна, д. ф. н., доц., доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), nkoshka@rambler.ru

Красикова Наталья Александровна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного Сибирского федерального университета (г. Красноярск), udartseva_natalia@mail.ru

Кругликова Екатерина Алексеевна, студент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), kruglikova.katya@yandex.ru

Кручинкина Нина Дмитриевна, к. ф. н., доц., доцент кафедры романской филологии Научно-исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск), ndk-07@mail.ru

Крюкова Лариса Борисовна, к. ф. н., доц., доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (г. Томск), lar-kryukova@yandex.ru

Кузнецова Ирина Владимировна, к. ф. н., доц., Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (г. Чебоксары), irinak47@yandex.ru

Купчик Елена Викторовна, д. ф. н., доц., профессор кафедры русского языка Тюменского государственного университета (г. Тюмень), elwika@list.ru

Кусова Маргарита Львовна, д. ф. н., проф., зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург), mlkusova@mail.ru

Лан Линн (Китай), магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), 2943132844@qq.com

Ларионова Алла Юрьевна, д. ф. н., доц., профессор кафедры русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), alarionov@bk.ru

Левина Вера Николаевна, д. ф. н., доц., доцент кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), levina_vn@mail.ru

Лисенкова Ирина Михайловна, к. ф. н., доц., доцент кафедры русской и зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (филиал в г. Славянске-на-Кубани), lisenkova00@mail.ru

Маяок Елена Павловна (Беларусь), к. ф. н., доцент кафедры второго иностранного языка (английский) УО «Минский государственный лингвистический университет» (г. Минск, Беларусь), leaka@tut.by

Михин Артем Николаевич, к. ф. н., старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск), fraz2014@yandex.ru

Мухин Михаил Юрьевич, д. ф. н., доц., профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), mu-hi@ya.ru

Мухина Ирина Константиновна, к. ф. н., доц., доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), golst@e1.ru

Норман Борис Юстинович (Беларусь), д. ф. н., проф., профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь); ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), boris.norman@gmail.com

Обыдённов Дмитрий Алексеевич, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), obydenhoff777@yandex.ru

Олицкая Дарья Александровна, к. ф. н., доц., Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск), d.olitskaya@mail.ru

Осипова Александра Анатольевна, к. ф. н., старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск), osashenka@yandex.ru

Передриенко Татьяна Юрьевна, к. ф. н., доц., доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), ptu-74@mail.ru

Пирожок Екатерина Андреевна, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), eka9563@yandex.ru

Писарская Тамара Радомировна, к. ф. н., ст. преп. кафедры педагогики и перевода Санкт-Петербургского академического университета (г. Санкт-Петербург), tamara.tamrad@gmail.com

Плотникова Анна Михайловна, д. ф. н., проф., профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), annamp@yandex.ru

Плотникова Галина Николаевна, д. ф. н., проф., профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), rki-urgu@yandex.ru

Позднякова Наталья Викторовна, к. ф. н., старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск), merkulovanv@bk.ru

Попова Нина Семеновна, к. ф. н., доц., доцент кафедры иностранных языков Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г. Ф. Морозова (г. Воронеж), popovans08@mail.ru

Резникова Екатерина Валерьевна, к. ф. н., ассистент кафедры русского языка и массовой коммуникации ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С. П. Королева» (Самарский университет) (г. Самара), reznikowaev@yandex.ru

Решетникова Валентина Валентиновна, старший преподаватель Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II (МИИТ) (г. Москва), valentina_ros@mail.ru

Ружицкий Игорь Васильевич, д. ф. н., доц., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва), konnitie@mail.ru

Сапарова Кундуз Отабоевна (Узбекистан), д. ф. н., доц., профессор кафедры русского языка и литературы Узбекского государственного университета мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан), kundus@mail.ru

Сивкова Татьяна Николаевна, к. ф. н., доц., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), tatjana.sifkova@mail.ru

Слаутина Марина Васильевна, к. ф. н., доц., доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
mslautina@yandex.ru

Соколова Светлана Вячеславовна, к. ф. н., PhD, доц., Институт языка и культуры, факультет гуманитарных наук, обществознания и педагогики, Университет Тромсе – Норвежский арктический университет (г. Тромсе, Норвегия),
svetlana.sokolova@uit.no

Стахова Ольга Васильевна, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
piratkafromnature@rambler.ru

Стексова Татьяна Ивановна, д. ф. н., проф., профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск),
steksova@inbox.ru

Теуш Ольга Анатольевна, к. ф. н., доц., доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
olga.teush@yandex.ru

Томмола Ханну (Финляндия), FT [Доктор философии], профессор, Тамперский университет, профессор эмеритус русского языка, теории и практики перевода (г. Тампере, Финляндия); старший научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
hannu.tommola@uta.fi

Тупикова Зинаида Владимировна, студент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
miss.tupikova@yandex.ru

Турбина Ольга Александровна, д. ф. н., проф., профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск),
turbina371@mail.ru

Тянь Ченсинь (Китай), магистр, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
nago@bmail.ru

Филатова Екатерина Руслановна, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
feel.atovakatya@gmail.com

Хизниченко Анна Владимировна, к. ф. н., старший преподаватель кафедры русского языка Томского государственного университета (г. Томск),
annadvizova.tomsk@mail.ru

Царегородцева Нина Валерьевна, к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург),
n.v.tsaregorodtseva@urfu.ru

Черняк Валентина Данииловна, д. ф. н., проф., зав. кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург),
vdcher@yandex.ru

Чувакин Алексей Андреевич, д. ф. н., проф., профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (г. Барнаул), chuvakin@inbox.ru

Чудинов Анатолий Прокопьевич, д. ф. н., проф., зав. кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург), ap_chudinov@mail.ru

Шарандин Анатолий Леонидович, д. ф. н., проф., профессор кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (г. Тамбов), sharandin@list.ru

Шелегин Петр Евгеньевич, аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), nwintory@gmail.com

Шулежкова Светлана Григорьевна, д. ф. н., проф., профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск), shulezkova@gmail.com

Эдберг Бьерг Хелене (Норвегия), магистр по специальности «русский язык», Университет Тромсе – Норвежский арктический университет (г. Тромсе, Норвегия), bjorghelene@gmail.com

Эйрих Сергей Владимирович, студент Алтайского государственного университета (г. Барнаул), serzh.eyrikh@mail.ru

Якименко Надежда Егоровна, к. пед. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), yak.nadega@mail.ru

Якимова Мария Евгеньевна, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), maryjakimova@yandex.ru

Ян И (Китай), аспирант, младший научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), xwyang@mail.ru

About the authors

Akhmanaeva Natalia Aleksandrovna, Postgraduate, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), natalie_a@list.ru

Babenko Ludmila Grigorievna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), lgbabenko@yandex.ru

Belyakova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of General Linguistics, Tyumen State University (Tyumen), smbelyakova@gmail.com

Bent Maria Markovna, Candidate of Science (in Philology), Assistant Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), bent@csu.ru

Boldyrev Nikolay Nikolaevich, Doctor of Science (in Philology), Professor, Director of Cognitive Research Centre at Derzhavin Tambov State University (Tambov), boldyrev@tsu.tmb.ru

Bolotnov Aleksey Vladimirovich, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of Modern Russian Language and Stylistics, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk), nsb@tspu.edu.ru

Bolotnova Nina Sergeyevna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Professor at the Department of Modern Russian language and stylistics, Head of the Department, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk), nsb@tspu.edu.ru

Borodina Nadezhda Anatolievna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Record-keeping, Yelets State Bunin University (Yelets), borodinanadezhda@yandex.ru

Boytsov Ivan Arsentievich, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg), iboytsov.spb@gmail.com

Bubnova Irina Alexandrovna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City Pedagogical University (Moscow), aribubnova@gmail.com

Budaev Eduard Vkladimirovich, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Foreign Languages Department, Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg), aedw@mail.ru

Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), vdcher@yandex.ru

Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Science (in Philology), Head of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), ap_chudinov@mail.ru

Chuvakin Alexey Andreevich, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of General and Applied Philology, Literature and Russian Language, Altai State University (Barnaul), chuvakin@inbox.ru

Danker Zinaida Mikhailovna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg), zdanker@yandex.ru

Dimitrieva Olga Albertovna, postgraduate, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev (Cheboksary), olgaal_79@mail.ru

Dubichynskiy Volodymyr, Doctor of Science (in Philology), Dr. habil., Adjunct at the Institute for Russian Studies at Warsaw University (Warsaw, Poland), vovodu@bk.ru, v.dubichynskiy@uw.edu.pl

Dudorova Maria Vladimirovna, Candidate of Science (in Philology), Senior Lecturer at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), primrose81@yandex.ru

Dunev Aleksey Ivanovich, Candidate of Science (in Philology), Docent, Senior Lecturer at the Department of the Russian Language of Herzen University (Saint-Petersburg), al_dunev@mail.ru

Duzenli Maria Vladimirovna, postgraduate, Russian as Foreign Language Teacher, Lecturer, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), mashatolm@rambler.ru

Dzhusupov Makhanbet (Uzbekistan), Doctor of Science (in Philology), Professor, Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Uzbek State University of World Languages (Tashkent, Uzbekistan), mah.dzhusupov@mail.ru

Edberg Bjørg Helene (Norway), MA, UiT The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway), bjorghelene@gmail.com

Eyrikh Sergey Vladimirovich, student, Altai State University (Barnaul), serzh.eyrikh@mail.ru

Filatova Ekaterina, Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), feel.atovakatya@gmail.com

Geng Yuanyuan (China), postgraduate, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), 1501282954@qq.com

Glazyrin Vjacheslav Aleksandrovich, undergraduate, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), glazyrinslava@bk.ru

Gogulina Nadezhda Andreevna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), nago@bmail.ru

Golovanova Elena Isosifovna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), ligol@csu.ru

Gridina Tatiana Alexandrovna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), tatyana_gridina@mail.ru

Gulyaeva Galina Evgenievna, Candidate of Science (in Philology), first rank engineer at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), astra310@mail.ru

Iliukhina Nadezhda Alekseevna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language and Mass Communication, Samara University (Samara), ilnadezhda@rambler.ru

Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Science (in Philology), Professor of English (English Philology Department), Kuban State University (Krasnodar), katermina_v@mail.ru

Kazarin Yuriy Viktorovich, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), said55@ya.ru

Khiznichenko Anna Vladimirovna, Candidate of Science (in Philology), Senior Lecturer at the Department of the Russian Language Tomsk State University (Tomsk), annadvizova.tomsk@mail.ru

Konkina (Akhmetshina) Nailya Rinatovna, Lecturer at the Department of Foreign Languages, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow), nailya.andante@gmail.com

Konovalova Nadezhda Ilinichna, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), sakralist@mail.ru

Koshkarova Natalia Nikolaevna, Doctor of Science (in Philology), Docent, Senior Lecturer at the Department of International Communications, Southern Ural State University (Chelyabinsk), nkoshka@rambler.ru

Kozyntseva Uliana Nikolaevna, Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), uljan_ka@mail.ru

Krasikova Natalia Aleksandrovna, Teacher at of the Department of Russian as a Foreign Language, Siberian Federal University (Krasnoyarsk), udartseva_natalia@mail.ru

Kruchinkina Nina Dmitrievna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Romance Philology, Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev (Saransk), ndk-07@mail.ru

Kruglikova Ekaterina Alekseevna, student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), kruglikova.katya@yandex.ru

Kryukova Larisa Borisovna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of the Russian Language, Tomsk State University (Tomsk), lar-kryukova@yandex.ru

Kupchik Elena Viktorovna, Doctor of Science (in Philology), Docent, Professor at the Russian language Department of Tyumen State University (Tyumen), elwika@list.ru

Kusova Margarita Lvovna, Doctor of Science (in Philology), Professor, Head of the Department of Russian language and Teaching Methodology in Primary School, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), mlkusova@mail.ru

Kuznetsova Irina Vladimirovna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor, Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev (Cheboksary), irinak47@yandex.ru

Lang Li Ying (China), master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), 2943132844@qq.com

Larionova Alla Yuryevna, Doctor of Science (in Philology), Associate professor, Professor at the Russian language department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), alarionov@bk.ru

Levina Vera Nikolaevna, Doctor of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of the Russian Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University (Tambov), levina_vn@mail.ru

Lisenkova Irina Mikhailovna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Russian and Foreign Philology, Kuban State University (Slavyansk-on-Kuban), lisenkova00@mail.ru

Mayuk Elena Pavlovna (Belarus), Candidate of Science (in Philology), Associate Professor at the Department of English as the Second Language, Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus), leaka@tut.by

Mikhin Artem Nikolaevich, Candidate of Science (in Philology), Senior Researcher at the Linguistic Laboratory, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov (Magnitogorsk), fraz2014@yandex.ru

Mukhin Mikhail Yurievich, Doctor of Science (in Philology), Docent, Professor at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), muhi@ya.ru

Mukhina Irina Konstantinovna, Candidate of Science (in Philology), Docent, Senior Lecturer at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), golst@e1.ru

Norman Boris (Belarus), Doctor of Science (in Philology), Professor, Professor at the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics, Byelorussian State University (Minsk, Belarus); Leading Researcher at the Problem Laboratory of Computational Lexicography, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), boris.norman@gmail.com

Obydyonov Dmitry Alexeyevich, Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), obydenoff777@yandex.ru

Olitskaya Daria Alexandrovna, Candidate of Science (in Philology), Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk), d.olitskaya@mail.ru

Osipova Aleksandra Anatolyevna, Candidate of Science (in Philology), Senior Researcher at the Linguistic Laboratory, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov (Magnitogorsk), osashenka@yandex.ru

Peredrienko Tatiana Yurievna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor, Senior Lecturer at the Foreign Language Department, South Ural State University (Chelyabinsk), ptu-74@mail.ru

Pirozhok Ekaterina, Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), eka9563@yandex.ru

Pisarskaya Tamara Radomirovna, Candidate of Science (in Philology), Senior Lecturer at the Department of Pedagogy and Translation Studies, St. Petersburg Academic University (St. Petersburg), tamara.tamrad@gmail.com

Plotnikova Anna Mikhailovna, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), annamp@yandex.ru

Plotnikova Galina Nikolaevna, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), rki-urgu@yandex.ru

Popova Nina Semyonovna, Candidate of Science (in Philology), Associate Professor, Senior Lecture at the Department of Foreign Languages, Voronezh State University of Forest and Technologies named after G. F. Morozov (Voronezh), popovans08@mail.ru

Pozdnjakova Natalja Viktorovna, Candidate of Science (in Philology), Senior Researcher at the Linguistic Laboratory, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov (Magnitogorsk), merkulovanv@bk.ru

Reshetnikova Valentina Valentinovna, Senior Lecturer, Moscow State University of Railway Engineering after Emperor Nickolas II (MIIT) (Moscow), valentina_ros@mail.ru

Reznikova Ekaterina Valerievna, Candidate of Science (in Philology), Lecturer at the Department of the Russian language and Mass Communication, Federal State Autonomous Educational Institute «Samara National Research University named after Academician S. P. Korolyov» (Samara University) (Samara), reznikowaev@yandex.ru

Ruzhitskiy Igor Vasilievich, Doctor of Science (in Philology), Docent, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow), konniti@mail.ru

Saparova Kundus Otoboyevna (Uzbekistan), Doctor of Science (in Philology), Docent, Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Uzbek State University of World Languages (Tashkent, Uzbekistan), kundus@mail.ru

Sharandin Anatoly Leonidovich, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University (Tambov), sharandin@list.ru

Shelegin Peter Evgenievich, postgraduate, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), nwintory@gmail.com

Shulezhkova Svetlana Grigorjevna, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of the Russian Language, General Linguistics, and Mass Communication, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov (Magnitogorsk), shulezhkova@gmail.com

Sivkova Tatiana Nikolaevna, Candidate of Science (in Philology), Docent, Senior Lecturer at the Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), tatjana.sivkova@mail.ru

Slautina Marina Vasilievna, Candidate of Science (in Philology), Docent, Senior Lecturer at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), mslautina@yandex.ru

Sokolova Svetlana Vyacheslavovna, Candidate of Science (in Philology), PhD; Associate Professor, Institute of Language and Culture, Faculty of Humanities, Social Sciences and Education, UiT The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway), svetlana.sokolova@uit.no

Stakhova Olga Vasylievna, Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), piratkafromnature@rambler.ru

Steksova Tatiana Ivanovna, Doctor of Science (in Philology), Professor at the Department of Modern Russian language, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk), steksova@inbox.ru

Teush Olga Anatolievna, Candidate of Science (in Philology), docent, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and General Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), olga.teush@yandex.ru

Tian Čensin' (China), Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), nago@bmail.ru

Tommola Hannu (Finland), FT, Professor emer. of Russian Language (Translation Theory and Practice) School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Tampere, Finland); Senior Researcher at the Problem Laboratory of Computational Lexicography, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), hannu.tommola@uta.fi

Tsaregorodtseva Nina Valerievna, Candidate of Science (in Philology), Senior Lecture at the Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), n.v.tsaregorodtseva@urfu.ru

Tupikova Zinaida, student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), miss.tupikova@yandex.ru

Turbina Olga Alexandrovna, Doctor of Science (in Philology), Professor at Linguistics and Translation Department, South Ural State University (Chelyabinsk), turbina371@mail.ru

Van Tsianin (China), postgraduate, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), 805870962@qq.com

Voronina Tatiana Mikhailovna, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), tmv313@yandex.ru

Yakimenko Nadezhda Egorovna, Candidate of Science (in Pedagogy), Assistant Professor at the Department of Russian language and Teaching Methodology, St. Petersburg State University (St. Petersburg), yak.nadega@mail.ru

Yakimova Maria Evgenievna, Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), maryjakimova@yandex.ru

Yang Yi (China), postgraduate, Junior Researcher at the Problem Laboratory of Computational Lexicography, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), xwyang@mail.ru

Zemicheva Svetlana Sergeevna, Candidate of Science (in Philology), Senior Assistant at the Department of the Russian Language, Tomsk State University (Tomsk), optysmith@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

<i>Бабенко Л. Г.</i> Интерпретация лексико-семантических множеств в контексте Уральской идеографической лексикографии.....	3
<i>Болдырев Н. Н.</i> Типология концептов и языковая интерпретация.....	16
<i>Болотнова Н. С.</i> Методические аспекты изучения эффективности текстовой деятельности языковой личности в медиасфере	26
<i>Бубнова И. А.</i> Современный русский язык и динамика национального миропонимания: новые подходы к исследованию вечных вопросов	34
<i>Голованова Е. И.</i> Семантика слова в профессиональном языке	43
<i>Гридина Т. А.</i> Игровой потенциал слова (по данным ассоциативного словаря)	56
<i>Джусупов М., Сапарова К.</i> Фоностилистика и звуковая интерференция как истоки вариативности функционально-стилевого маркера языковой единицы и речи	69
<i>Дубичинский В. В.</i> О новом лексикографическом проекте: Русско-немецком словаре лексических параллелей	84
<i>Дунев А. И.</i> Интенциональность лексикографического текста	92
<i>Илюхина Н. А.</i> Феномен сценарной метонимии: о когнитивном принципе типологии лексической метонимии	99
<i>Казарин Ю. В.</i> Архетипическая природа текста (архетекстуальная парадигма)	108
<i>Конкина (Ахметишина) Н. Р., Ружицкий И. В.</i> Зона ассоциаций комментария в словарной статье Словаря языка Достоевского как реконструкция текстового ассоциативного поля	119
<i>Коновалова Н. И.</i> Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря»	130
<i>Кошкарлова Н. Н.</i> Новые слова русского языка: как они появляются и почему исчезают	137
<i>Купчик Е. В.</i> ГНЕВ в русских поэтических текстах: метафорические модели	141
<i>Кусова М. Л.</i> «Умный» — «Дурак»: в языке и языковом сознании школьников	149
<i>Мухин М. Ю.</i> Русская антонимия в отечественной лексикографии: статистический обзор	158
<i>Норман Б. Ю.</i> От семы — через доминантный признак — к прототипу	167

<i>Соколова С. В., Эдберг Б. Х.</i> Что такое валют-рынок? Характеристика именных композитов в русском языке по результатам корпуса и эксперимента	178
<i>Стексова Т. И.</i> Между лексикой и грамматикой: к вопросу о статусе полуфразем	187
<i>Томмола Х.</i> В самом деле? Что происходит на самом деле? Дискурсивные слова на рубеже семантики и прагматики	194
<i>Турбина О. А.</i> Языковая политика и языковое творчество в период формирования национального литературного языка: XVI–XVII вв., Франция	204
<i>Черняк В. Д.</i> Синонимическая и идеографическая лексикография: динамика сближений	210
<i>Чувакин А. А., Эйрих С. В.</i> Персонаж как интерпретатор: к построению эвокационной модели (на материале малой прозы В. М. Шукшина)	217
<i>Шарандин А. Л.</i> Лексикографический потенциал лексемы в толковом словаре русского языка	226

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

<i>Ахманаева Н. А.</i> Реализация образной схемы «путь» в глагольной лексике русского языка	237
<i>Белякова С. М.</i> Эстетическое освоение сферы «Алкоголь» в русских народных говорах	244
<i>Бент М. М.</i> Женские судьбы в романе В. Вулф «Годы»	253
<i>Бойцов И. А., Данкер З. М.</i> Категория «соборности» в русской паремии: концепт «женственность»	264
<i>Болотнов А. В.</i> Особенности аргументации в медиадискурсе информационно-медийной языковой личности синкретичного типа (на материале блогов публициста Г. И. Мирского)	272
<i>Бородина Н. А.</i> Использование фитоморфной метафоры для репрезентации концепта «Воображение» в семантическом пространстве русского языка	281
<i>Будаев Э. В., Чудинов А. П.</i> Риторическое направление в американской политической метафорологии	290
<i>Ван Цзянин, Воронина Т. М.</i> Взаимосвязи импликаций метафоры при построении текста	296
<i>Воронина Т. М.</i> Интеллект и речь по данным словарей концептов	305
<i>Глазырин В. А., Казарин Ю. В.</i> Категория невыразимого в книге О. Э. Мандельштама «Камень»	317

<i>Гоголина Н. А., Тянь Ченсинь. Семантика сравнений в текстах современной печати</i>	325
<i>Гуляева Г. Е. Эмотивные смыслы неэмотивных концептов (на материале концептосферы «Небо», репрезентированной в текстах К. Кинчева)</i>	334
<i>Гэн Юаньюань, Плотникова Г. Н. К вопросу о деривационно-семантическом пространстве словообразовательных гнезд</i>	346
<i>Димитриева О. А. Отношение к еде в русской языковой картине мира (на примере глагола <i>нахлебаться</i>)</i>	355
<i>Дудорова М. В., Слаутина М. В. Эмотивное пространство рождественского рассказа (на материале рассказа Н. Лескова «Зверь»)</i>	361
<i>Дюзенли М. В. Метафорические представления о внебрачной связи в русской и турецкой языковых картинах мира</i>	369
<i>Земичева С. С. Песня и музыка в речи диалектной языковой личности</i>	377
<i>Казарин Ю. В., Стахова О. В. Неволья и свобода в «Воронежских тетрадах» О. Э. Мандельштама</i>	385
<i>Казарин Ю. В., Якимова М. Е. Любовь и смерть в рок-поэзии Земфиры</i>	394
<i>Катермина В. В. Гастрономическая картина мира в творчестве А. П. Чехова</i>	402
<i>Козынцева У. Н. Способы реализации социальной семантики в глаголах движения</i>	407
<i>Красикова Н. А. Ключевые идеи в устных рассказах о переселении в Сибирь</i>	416
<i>Кругликова Е. А., Мухин М. Ю. Глагольная лексика в структуре электронных тезаурусов: проблема выделения тропонимических отношений</i>	422
<i>Кручинкина Н. Д. Текст и предложение в синтагматической репрезентации</i>	432
<i>Крюкова Л. Б., Хизниченко А. В. Семантика восприятия запаха и ее роль в формировании художественного образа пространства в поэтических текстах И. Бродского и Б. Пастернака</i>	443
<i>Кузнецова И. В. Русские сравнения в идеографическом словаре</i>	452
<i>Лан Лин, Сивкова Т. Н. Метафоры с компонентом-орнитонимом в русском и китайском языках: к постановке проблемы</i>	460
<i>Ларионова А. Ю. Неформальная коммуникация как сфера активных языковых процессов</i>	465

<i>Левина В. Н.</i> Публицистический текст как фактор формирования ценностной картины мира современных студентов	473
<i>Лисенкова И. М.</i> Эмоциональные сферы персонажей и языковые средства их репрезентации в романе Г. Щербаковой «Женщины в игре без правил»	478
<i>Маюк Е. П.</i> Эталон сравнения в паремиологической картине мира	490
<i>Михин А. Н., Шулежкова С. Г.</i> Лозунги и девизы Российской армии в диахроническом аспекте	496
<i>Мухин М. Ю., Филатова Е. Р.</i> Лексическая статистика и идиостиль А. П. Чехова	507
<i>Мухина И. К.</i> Интегральные прототипические признаки синонимов денотативно-идеографической группы «Названия наций, народов»	517
<i>Обыденнов Д. А., Слаутина М. В.</i> Особенности перевода либретто музыкально-драматического спектакля	527
<i>Олицкая Д. А.</i> «Недотепа» А. П. Чехова в интерпретации немецких переводчиков «Вишневого сада»	532
<i>Осипова А. А.</i> Наша партия — партия будущего! (агитационные материалы политических партий России: традиционные ценности и новые языковые тенденции)	542
<i>Передриенко Т. Ю.</i> Вербализация оценки в экономической терминосистеме	558
<i>Пирожок Е. А.</i> Поэтический текст как объект лексико-семантического исследования	565
<i>Писарская Т. Р., Якименко Н. Е.</i> К определению понятия установки культуры в лингвокультурологии (на материале паремий)	573
<i>Плотникова А. М.</i> Эмоциональная и социальная семантика слова: векторы пересеканности	578
<i>Позднякова Н. В.</i> Роль советских агитплакатов в современной коммуникации	585
<i>Попова Н. С.</i> Субъективные образы времени в когнитивном аспекте	594
<i>Резникова Е. В.</i> Образ-схема как модель и способ описания пространственных концептов (на примере образ-схемы «центр — периферия» в структуре концепта «Круг»)	599
<i>Решетникова В. В.</i> Формирование лингвокультурной компетентности как необходимый элемент в процессе обучения русскому языку как иностранному	609
<i>Теуш О. А.</i> Лексика с семантикой 'расстояние' в диалектах Европейского Севера России	615

<i>Тутикова З. В.</i> Ассоциативно-образные репрезентации концептов «Раскаяние» и «Покаяние»	626
<i>Царегородцева Н. В.</i> Типы антонимических корреляций в составе синонимико-антонимической парадигмы с семантикой эмоциональных состояний радости и горя	635
<i>Шелегин П. Е.</i> Эмотивные особенности флейма как виртуального речевого конфликта	644
<i>Ян И.</i> Китайско-русский параллельный корпус с дискурсивно- структурной разметкой: теоретические аспекты	651
Сведения об авторах	661
About authors	668

Научное издание

**Новая Россия:
традиции и инновации
в языке и науке о языке**

*Материалы докладов и сообщений
Международной научной конференции,
посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ,
доктора филологических наук, профессора
Л. Г. Бабенко*

*28–30 сентября 2016 г.
г. Екатеринбург, Россия*

Выпускающий редактор *М. В. Дудорова*
Редактор *Т. М. Галкина*
Верстка *М. С. Первоцветова*

Подписано в печать 15.09.2016. Формат 84х108/32.
Уч.-изд. л. 38,8. Бумага офсетная. Гарнитура TimesNewRoman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Почтовый адрес издательства: «Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489
Postal address: Armchair Scientist
Russia, 620014, Ekaterinburg, P.O.Box 489
Тел. в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725
Тел. в Москве: +7 (916) 2248119
E-mail: fee1913@gmail.com